B
2598

Ivan Jagodinsky, Professor an der Universität Kasan.

Leibniz' Philosophie.

Der Process der Bildung. Erste Periode.

Проф. Ив. Ив. Ягодинскій.

ФИЛОСОФІЯ ЛЕЙБНИЦА.

ПРОЦЕССЪ

ОБРАЗОВАНІЯ СИСТЕМЫ.

Первый періодъ.

1659—1672.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

От художественного
Евгению Ко
стоимостью
Тимчен
а-Воро
Ст. 2/16.

Ivan Jagodinsky, Professor an der Universität Kasan.

Leibniz' Philosophie.

Der Process der Bildung. Erste Periode.

Проф. Ив. Ив. Ягодинскій.

ФИЛОСОФІЯ ЛЕЙБНИЦА.

ПРОЦЕССЪ

ОБРАЗОВАНІЯ СИСТЕМЫ.

Первый періодъ.

1659—1672.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

1 В
2-й экз

Пров 38

В
2538

ПО 1957

Пр.

АНН 1042 Э.Р.
192

Библиотека ООН
1957

017
45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Философія Лейбница не представляетъ чего либо замкнутаго въ абсолютно-неподвижную форму. Мѣняясь въ зависимости отъ обстоятельствъ и интересовъ времени, она только черезъ двадцать лѣтъ образовала сравнительно устойчивое ядро, которое составило основу системы. Поэтому въ философіи Лейбница нельзя искать той опредѣленности, которая свойственна, положимъ, системѣ Спинозы или даже Декарта. Поэтому, лишь освѣтивъ процессъ образованія системы, можно вполнѣ понять взаимоотношеніе философскихъ идей Лейбница. Поэтому, наконецъ, позволительно думать, что генетическій методъ является самымъ подходящимъ методомъ для ихъ изученія, необходимымъ даже при рѣшеніи частныхъ вопросовъ системы, одному изъ которыхъ посвящена, напримѣръ, прекрасная книга В. Серебреникова.

Сознаніе необходимости генетическаго изученія философіи Лейбница давно уже отразилось въ литературѣ. Еще въ восемидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, по выходѣ изданія Герхардта, появились очерки развитія системы Лейбница, принадлежащіе Ауэрбаху, Вендту

и Сельверу. Нѣсколько лѣтъ спустя вышли отчасти въ томъ же духѣ написанныя книги Штейна и Ганнекена: въ Германіи и Франціи усиленно занялись вопросомъ о возникновеніи системы Лейбница. У насъ въ Россіи возможность генетическаго изученія этой системы была вскользь отмѣчена В. Преображенскимъ въ предисловіи къ переводу сочиненій Лейбница, изданныхъ Московскимъ Психологическимъ Обществомъ. Въ сравнительно недавнее время заграницей были опубликованы еще труды Кассирера и Кабитца, въ которыхъ точно также трактовался вопросъ о возникновеніи системы Лейбница. Однако всѣ эти труды, какъ они ни интересны сами по себѣ, не даютъ полной картины генетически изучаемаго предмета.

Послѣ многихъ лѣтъ предварительной работы надъ сочиненіями Лейбница, убѣдившись, что внѣ изученія по генетическому методу нельзя достичь надлежащаго пониманія философскихъ концепцій великаго философа, я, подобно другимъ, обратился къ изслѣдованію ихъ постепенно наростающей сложности. Я занялся изученіемъ источниковъ и литературы вопроса и вскорѣ увидалъ, что ни то, ни другое во многихъ отношеніяхъ не можетъ дать мнѣ удовлетворенія. Это побудило меня къ поѣздкѣ въ Ганноверъ, чтобы на мѣстѣ рожденія большинства трудовъ Лейбница, самому, хотя отчасти, познакомиться съ богатствомъ рукописнаго матеріала и такимъ образомъ пополнить пробѣлы, которые, казалось мнѣ, существуютъ въ массѣ свѣдѣній, относящихся къ періоду возникновенія системы, т. е. къ эпохѣ, заканчивающейся появленіемъ Discours de la metaphysique въ 1685 году. Успѣхъ

поѣздки превзошолъ ожиданія. Среди рукописей, по указанію описаній Бодеманна, мнѣ удалось прочесть рядъ статей, представляющихъ въ общемъ философскій дневникъ Лейбница, писанный въ Парижѣ въ 1675 и 1676 г.г. Этотъ дневникъ, не опубликованный и совершенно неизвѣстный въ цѣломъ, представлялъ изъ себя набросокъ системы Лейбница, которую онъ самъ называлъ «Элементами сокровенной философіи о совокупности вещей». Такое обстоятельство измѣнило первоначальный планъ моихъ работъ. Ближайшее ознакомленіе съ новымъ памятникомъ и сравненіе его идей съ тѣмъ, что представляетъ общее содержаніе философскихъ концепцій Лейбница въ раннюю до-Парижскую пору его философской дѣятельности привели меня къ убѣжденію, что первой попыткой выраженія системы Лейбница, поскольку авторъ хотѣлъ выразить свою истинную систему въ эмбріональномъ ея состояніи, слѣдуетъ считать именно названный набросокъ. Лейбницъ не остался доволенъ изложенной въ немъ концепціей и множествомъ не выработанныхъ ея частностей, но тѣмъ не менѣе Discours de la metaphysique, съ появленіемъ котораго Лейбницъ призналъ себя удовлетвореннымъ, долженъ считаться только первымъ выраженіемъ вполнѣ развитой системы. Эта система, даже по отношенію къ предустановленной гармоніи, была намѣчена до конца 1676 года, т. е. до поступленія Лейбница на службу въ Ганноверъ, гдѣ онъ придалъ своимъ философскимъ идеямъ окончательную обработку. Изданные мною тексты найденнаго дневника подтверждаютъ сказанное.

При такомъ взглядѣ на дѣло я естественно ограничилъ предпринятую работу. Отложивъ изученіе эпохи занятій Лейбница въ Ганноверѣ, я сосредоточилъ свое вниманіе на двухъ предшествующихъ періодахъ въ трудахъ Лейбница. Съ генетической точки зрѣнія было необходимо сначала исторически реализировать то, что сдѣлано Лейбницемъ въ смыслѣ усвоенія и разработки философскихъ концепцій до 1672 года, т. е. до отъѣзда въ Парижъ, а затѣмъ дать очеркъ философскихъ успѣховъ Лейбница за время его пребыванія во Франціи и Англіи. Такимъ путемъ лучше всего выяснялся историческій raison d'être перваго дѣйствительно болѣе или менѣе законченнаго и поэтому чрезвычайно важнаго фазиса въ развитіи философскихъ взглядовъ Лейбница. Настоящій томъ представляетъ первую часть этой работы.

Такъ какъ изученіе идей Лейбница по генетическому методу представляетъ сложное и трудное дѣло, то необходимо сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ исполненія труда.

Прежде всего исполненіе зависитъ отъ Критическаго Каталога рукописей Лейбница. Въ качествѣ предварительной описи содержанія будущаго изданія сочиненій великаго философа этотъ Каталогъ составленъ по почину Académie Des Sciences и Académie Des Sciences Morales et Politique въ Парижѣ, а также Academie der Wissenschaften въ Берлинѣ. При первомъ же знакомствѣ съ Каталогомъ я убѣдился, что для изображенія развитія философскихъ концепцій Лейбница въ первый періодъ его философской дѣятельности почти совершенно достаточно данныхъ, кото-

рые опубликованны въ печати, особенно если прибавить къ нимъ тѣ свѣдѣнія, которыя я получилъ отъ самостоятельнаго чтенія рукописей Лейбница. Каталогъ отличается большими достоинствами и по отношенію къ хронологическимъ датамъ позволяетъ воспользоваться многимъ. Поэтому тамъ, гдѣ Каталогъ говорилъ объ изданіяхъ и рукописяхъ Лейбница, разбросанныхъ по недоступнымъ мнѣ библіотекамъ и архивамъ, я слѣдовалъ ему безусловно. Порукой служила многолѣтняя работа ученыхъ ассоціацій. Въ свою очередь я оставался самостоятельнымъ тамъ, гдѣ послѣдовательность сочиненій Лейбница допускала свободу хронологическаго размѣщенія. Въ этомъ отношеніи можно пожалѣть, что Каталогъ, опредѣляя хронологическія даты, не приводитъ соображеній, въ силу которыхъ эти даты выбраны предпочтительно передъ другими, извѣстными въ литературѣ. Соотвѣтствующія замѣтки значительно могли бы способствовать обоснованности дальнѣйшихъ работъ.

Къ числу другихъ особенностей исполненія моего труда нужно отнести методъ и изложеніе. Въ общемъ я держался индуктивно-аналитическаго метода изслѣдованія. Я предлагалъ раньше памятникъ, затѣмъ, гдѣ нужно, приводилъ относящуюся къ нему литературу и, наконецъ, давалъ резюмэ основныхъ его идей, въ заключеніе котораго помѣщалъ соотвѣтствующія объясненія. При этомъ я не ставилъ себѣ задачей спеціально изучать вліянія, подъ которыми находился Лейбницъ. Приведенныя замѣчанія и параллели сами собой ложились подъ перо. Ради нихъ я позволилъ себѣ привести резюмэ

системъ Аристотеля и Декарта, не съ тѣмъ, конечно, что бы предложить въ немъ что нибудь новое, но только потому, что мнѣ показалось небезполезнымъ кстати содѣйствовать болѣе полному появленію извѣстныхъ ассоціацій при чтеніи, систематически пробудивъ ихъ предварительно въ памяти.

Что касается изложенія, то я отступилъ отъ обычая давать хронологическую систематизацію идей Лейбница по отдѣламъ. Я рѣшился на большій трудъ и предлагаю картину развитія философскихъ взглядовъ Лейбница въ ихъ естественномъ теченіи. Такъ какъ мнѣ казалось, что, гдѣ можно, лучше имѣть дѣло съ сочиненіями самого автора, чѣмъ съ ихъ пересказомъ, то обыкновенно я приводилъ изучаемые памятники ipsissimis verbis. Это часто избавляло отъ повтореній, а если иногда и допускало ихъ, то, такъ сказать, *κατὰ φύσιν*, въ зависимости отъ повторенія самихъ идей въ мышленіи Лейбница. Кромѣ того, мнѣ думалось, что такимъ образомъ многое останется выпуклымъ и яркимъ, тогда какъ при иномъ способѣ изложенія оно осталось бы въ тѣни. Это особенно относится къ предпослѣдней главѣ. Наконецъ, я полагалъ, что отведя первое мѣсто фактамъ, я тѣмъ самымъ даю лучшую возможность провѣрки своихъ выводовъ и гарантирую цѣнность работы даже на тотъ случай, если бы не пожелали согласиться ни съ однимъ изъ моихъ соображеній. Отрицая эти соображенія, каждый въ однихъ только фактахъ будетъ имѣть достаточно полный и, сколько мнѣ позволяли силы и средства, добросовѣстно подобранный матеріалъ.

Въ концѣ книги я помѣстилъ приложенія. Первое изъ нихъ трактуетъ вопросъ о хронологическихъ датахъ, второе даетъ изложеніе философско-юридической работы Лейбница De conditionibus, третье предлагаетъ публикацію одного изъ неизданныхъ набросковъ Лейбница. Второе приложеніе тѣсно связано съ первымъ въ томъ отношеніи, что мотивомъ его помѣщенія служитъ также хронологическій вопросъ: не имѣя возможности точно опредѣлить хронологію идей много разъ передѣлывавшагося произведенія, я сдѣлалъ подробный ихъ обзоръ въ приложеніи.

Когда я писалъ эту книгу, мнѣ на умъ не разъ приходила мысль, что источники по предмету изслѣдованія могутъ быть дополнены, что наука ихъ изученія быстро движется впередъ что то, о чемъ мы говоримъ въ качествѣ новости теперь, завтра будетъ старымъ. Какъ же быть? Порадуемся успѣхамъ знанія и пообѣщаемъ исправить имѣющіе оказаться и невольно допущенные здѣсь недочеты въ слѣдующемъ томѣ. Я былъ бы доволенъ, если бы предлагаемая книга заставила кого нибудь хотя бы только задуматься надъ великой системой Лейбница.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю признательность тѣмъ, кто такъ или иначе содѣйствовалъ моей долголѣтней работѣ: во первыхъ, моему учителю профессору Варшавскаго университета Е. А. Боброву, который пріохотилъ меня къ занятіямъ философіей Лейбница еще со школьной скамьи; во вторыхъ Историко-филологическому факультету ИМПЕ-

РАТОРСКАГО Казанскаго университета, благодаря просвѣщенной поддержкѣ котораго я получилъ возможность побывать за границей лѣтомъ 1911 года и затѣмъ безвозмездно напечатать это сочиненіе; въ третьихъ, члену Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, ординарному Академику К. Г. Залеману, любезности котораго я обязанъ тѣмъ, что своевременно получилъ въ продолжительное пользованіе вышеупомянутый Критическій Каталогъ, и, наконецъ, лицамъ, которые помогали мнѣ держать корректуру во время печатанія этого тома—господамъ: Н. Н. Срѣтенскому, Г. В. Гурьянову, А. К. Щелчкову, Б. П. Иванову и Я. П. Красникову.

Февраль 1914 года. *Ив. Ягодинскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Школьные и академическіе годы . . . . 1—59.

Лейбницъ — воспитанникъ схоластики — **1**. Учитель Лейбница - Яковъ Томазій—**4**. Первая диссертація Лейбница. Принципъ индивидуаціи—**6**. Опроверженіе различныхъ толкованій принципа индивидуаціи—**10**. Корольарій трактата и его итоги—**12**. Занятія Лейбница въ Іенѣ—**15**. Диссертація на степень магистра—**19**. Коньектура къ парадоксу Анаксагора—**25**. Третья диссертація Лейбница—**26**. Корольарій третьей диссертаціи—**30**. Доказательство бытія Божія—**33**. Искусство комбинацій въ его примѣненіи къ дѣленію понятій—**35**. Предложенія, какъ комбинаціи—**40**. Конецъ работы De arte combinatoria. Ея значеніе — **44**. Докторская диссертація. Автобіографическій отрывокъ—**51**. Набросокъ философской системы—**55**.

II. Реформа въ обученіи праву и Исповѣданіе природы противъ атеистовъ. . . 60—94.

Свойства души и основа дидактики—**60**. Классификація наукъ—**64**. Характеръ классификаціи. Лейбницъ и

Гассенди — **68**. Изученіе юриспруденціи. Ея дидактика, исторія и экзегетика—**74**. Полемическая часть юриспруденціи—**77**. Заимствованія въ правѣ. Лейбницъ и Ѳома Аквинатъ—**79**. Исповѣданіе природы противъ атеистовъ—**84**. Прогрессъ въ доказательствѣ бытія Божія—**88**. Лейбницъ и Платонъ—**91**.

III. Идея согласованія Аристотеля съ новой философіей и первый политическій трактатъ . . . . . 95—152.

Механизмъ въ природѣ и субстанціальныя формы—**95**. Основы Аристотелевской метафизики. Субстанція, матерія и форма—**100**. Движеніе и Богъ—**103**. Лейбницъ и Аристотель—**106**. Основы метафизики Декарта. Субстанціи, аттрибуты и модусы—**108**. Матерія, пространство и движеніе—**111**. Лейбницъ и Декартъ—**114**. Образецъ политическихъ доказательствъ въ пользу избранія польскаго короля—**117**. Этическія максимы—**120**. Послѣдняя часть трактата. Отраженіе въ немъ философскихъ идей—**124**. Защита Св. Троицы—**126**. Систематическое выраженіе идеи о согласованіи Аристотеля съ новой философіей—**133**. Возможность согласованія Аристотеля съ новой философіей—**138**. Необходимость согласованія Аристотеля съ новой философіей—**141**. Истинность новой реформированной философіи—**144**. Успѣхи Лейбница въ дѣлѣ изученія Аристотеля и Декарта—**147**. Самостоятельность въ мышленіи Лейбница—**150**.

IV. Разнообразіе занятій въ концѣ 1669 года. 153—189.

Вопросъ о гипостатическомъ соединеніи—**153**. Роль тѣла въ процессѣ познанія и неуничтожимость души—

157. Главныя идеи наброска—**159**. Основы движенія—**161**. Конспектъ правовѣрныхъ доказательствъ—**167**. Транссубстанціація и понятіе субстанціи—**170**. Вѣсы разума и норма текста—**172**. Идея образованія просвѣтительнаго общества—**178**. Смыслъ нравственной любви. Богъ и міръ—**180**. Выраженіе любви къ Богу—**184**. Философское значеніе трактата—**186**.

V. Теоретико-познавательныя склонности. . . 190—227.

Письмо къ Конрингу—**190**. Разсужденіе о философскомъ стилѣ Низолія—**194**. Ошибки и заблужденія Низолія—**200** Примѣчанія къ трактату Низолія—**205**. Характеръ гносеологіи Лейбница. Отношеніе къ древнимъ и новымъ авторамъ—**209**. Теоретико-познавательное обоснованіе доктрины права—**212**. О понятіи справедливаго—**214**. Новый разборъ вопросовъ о тѣлѣ и движеніи—**218**. Выводы изъ основныхъ теоремъ—**221**. Сонъ и дѣйствительность—**224**.

VI. Новая физическая гипотеза. . . . . 228—277.

Начало переписки съ Ольденбургомъ. Набросокъ о движеніи—**228**. Письмо къ Гоббесу—**232**. Второе письмо къ Ольденбургу—**236**. Сущность связности тѣлъ—**239**. Физическая гипотеза. Комплексъ идей письма—**241**. Письма къ Як. Томазію и Конрингу—**243**. Письма къ герцогу Іоанну Фридриху и Ольденбургу—**247**. Предопредѣленіе и свобода воли—**249**. Теорія абстрактнаго движенія—**253**. О понятіи непрерывнаго и о понятіи усилія—**256**. Понятіе усилія какъ принципъ объясненій—**258**. Теоремы, задачи и ихъ приложенія—**261**. Теорія

конкретнаго движенія—**264**. Разсылка Новой физической гипотезы. Идеи труда—**268**. Лейбницъ, Декартъ и Гоббесъ—**272**.

VII. Развитіе и примѣненіе найденныхъ принциповъ. . . . . 278—354.

Польза и необходимость доказательствъ безсмертія души—**278**. Программа сочиненія. Воскресеніе тѣлъ—**283**. Старыя идеи въ новой формѣ. Плотинъ—**286**. Письмо герцогу Іоанну Фридриху—**290**. Разъясненія Новой физической гипотезы—**294**. Обзоръ работъ—**299**. Критика теоріи движенія Декарта—**303**. Природа тѣлъ. Ихъ отличіе отъ пространства—**306**. Параллель между Аристотелемъ и Декартомъ—**311**. Письмо къ Арно. Основные принципы—**315**. Право, этика и Евхаристія—**319**. Опредѣленіе изъ области этики. Понятіе добраго человѣка—**324**. Понятіе личности, ея свойствъ и состояній—**326**. Удовольствіе и гармонія. Цѣнность опредѣленій—**330**. Набросокъ Теодицеи. Софизмъ о свободѣ воли—**334**. Софизмъ о допущеніи грѣха—**339**. Сущность вопроса о свободѣ и необходимости—**344**. Письмо къ Гезенталеру. Энциклопедія знаній—**347**. Египетскій проэктъ и отъѣздъ въ Парижъ—**352**.

VIII. Выводы и заключеніе . . . . . 355—392.

Мнѣнія Таннекена и Кабитца—**355**. Критика выводовъ Таннекена и Кабитца. Методъ возсозданія системы Лейбница—**360**. Эволюція составныхъ частей системы—**363**. Матеріалъ становящейся системы. Психологія и логика—**367**. Теорія познанія—**370**. Метафизика—**373**. Фи-

зика или ученіе о внѣшнемъ мірѣ—**376**. Этика—**380**. Основныя черты системы. Понятіе potius—**383**.

Приложенія. . . . . 393—426.

Хронологическія даты—**395**. Ученіе объ условіяхъ въ правѣ—**406**. Неизданный набросокъ Лейбница—**422**.

Указатель именъ . . . . . 427—430.

Опечатки и поправки . . . . . 431—432.

Библіографическія сокращенія.

G.=*Die philosophischen Schriften von G. W. Leibniz*, ed. Gerhardt, 7 vol. (Berlin, 1875—1890).

E.=*G. G. Leibnitii opera philosophica quae exstant... omnia*, ed. I. E. Erdmann. (Berlin, 1840).

Guhr. Biog.=*G. W. Freiherr v. Leibnitz*. Eine Biographie v. G. Guhrauer. Zwei Theile. (Breslau, 1846).

D.=*G. G. Leibnitii opera omnia...* ed. Dutens, 6 vol. (Genève, 1768).

G. M.=*Leibnizens mathematische Schriften*, ed. Gerhardt. 7 vol. (Berlin-Halle, 1849—1863).

Klopp=*Die Werke von Leibniz*, erste Reihe... ed. Onno Klopp., 11 vol. (Hannover, 1864—1884).

F. d. C.=*Oeuvres de Leibniz*. publiées... par Foucher de Careil. 7 vol. (Paris, 1859—1875).

G. Br.=*Briefwechsen von G. W Leibniz mit Mathematikern*. ed. Gerhardt, t. I (Berlin, 1899).

Pertz=*Leibnizens Gesammelte Werke*... von G. Pertz. Erste Folge. 4 vol. (Hannover, 1843—1847).

D. Schrif.=*Leibnitz's deutsche Schriften*, ed. Guhrauer, 2 vol. (Berlin, 1838—1840).

I

Школьные и академическіе годы.

Лейбницъ—воспитанникъ схоластики.

Изученіе ранняго періода философскихъ занятій Лейбница представляетъ особенныя трудности. Во-первыхъ, среди заимствованнаго Лейбницемъ матеріала едва можно отличить собственныя его мысли; во-вторыхъ, для полнаго пониманія и оцѣнки этихъ мыслей необходимо предварительное знакомство съ содержаніемъ самыхъ разнохарактерныхъ сочиненій Лейбница, часто вовсе не изъ философской области. Наконецъ, не можетъ быть опущенъ безъ вниманія общій ходъ умственнаго развитія великаго философа: въ исторической перспективѣ многое сдѣлается яснымъ только тогда, когда въ основныхъ чертахъ будутъ указаны главныя начала, которыя привели потомъ къ такой всеобъемлющей системѣ и дали такіе удивительные плоды....

Лейбницъ, по его собственнымъ словамъ, съ дѣтскихъ лѣтъ проявлялъ интересъ къ знанію [1]). Живой и оригинальный мальчикъ, онъ былъ отчасти предоставленъ самому себѣ и читалъ все, что могъ достать [2]). Недаромъ онъ называлъ

---

[1]) «Ego crescente aetate atque viribus mirifice historiarum lectione delectabar». Guhrauer. G. W. Leibnitz. Biographie. Breslau. 1846. Zweiter Theil. Beilage. Vita Leibnitii a se ipso breviter delineata. S. 53.

[2]) «veteres plerosque, solis nominibus mihi notos, gestiebam videre, Ciceronem et Quinctilianum et Senecam, Plinium, Herodotum, Xenophontem, Platonem et Historiae Augustae scriptores, et multos Ecclesiae patres latinos graecosque». Ib., 54.

себя самоучкой [1]). Школа, въ которой въ то время достаточно еще было схоластики, способствовала развитію въ Лейбницѣ склонности къ спекулятивному мышленію: онъ сталъ заниматься логикой [2]) и изучалъ схоластиковъ, благодаря которымъ сжился съ идеями греческой философіи. Хорошо-ли усвоилъ Лейбницъ схоластику? Самъ онъ говоритъ утвердительно [3]). Мнѣнія ученыхъ расходятся: одни съ этимъ согласны, другіе – нѣтъ [4]). Споръ, кажется, долженъ быть рѣшенъ такъ, что для подростка—Лейбницъ имѣлъ тогда всего 13 лѣтъ—его схоластическія познанія были основательны и обширны, но что вообще, даже и позднѣе, схоластика Лейб-

---

[1]) «Duo mihi profuere mirifice..., говоритъ Лейбницъ, primum quod fere essem *αὐτοδίδακτος*, alterum quod quaererem nova in unaquaque scientia» Erdmann. Leibn. Opr. philos., 162; Gerhardt. Philosoph. Schrift. v. Leibn. VII, 185. Тоже самое нѣсколько иначе выражается въ письмѣ къ герцогу Іоанну Фридриху: «ich fast ohne einige direction meiner studien gewesen, habe ich das glück gehabt, vor mich über bücher von allerhand Sprachen, Religionen und Scientien, wiewohl ohne gebührende ordnung zu kommen, und solche anfangs nur aus trieb der delectation zu lesen; davon ich aber unempfindtlich den nuzen geschöpfet, das ich von gemeinen praejudiciis befreyet worden» G. I. 57; см. также G. III, 606: «Etant emancipé des Ecoles Triviales, je tombay sur les modernes»..

[2]) «Cum primum enim ad logicam vocatus sum, quas ceteri abhorrebant spinas, ego magno affectu perreptabam. Nec tantum praecepta facile exemplis applicabam, quod mirantibus praeceptoribus faciebam aequalium solus, sed et dubitationes movebam et nova jam tum moliebar»... Guhr. Biogr. Th. II. Beilage 54—55.

[3]) «...in Zarabella et Rubio et Fonseca aliisque scholasticis non minori, quam antea in Historicis voluptate versabar et eousque profeceram, ut Suaresium non minore facilitate legerem, quas Milesias fabulas solemus, quas vulgo Romanos vocant». Ib., 55.

[4]) Къ числу авторовъ, полагавшихъ, что Лейбницъ хорошо зналъ схоластику принадлежатъ Trendelenburg: «Leibniz, ein genauer Kenner der Scholastik, hatte früh eine Richtung zur Teologie». Historische Beiträge zur Philosophie. Zweiter Band. Berlin. 1855. S. 237. Изъ авторовъ, которые держатся противоположнаго взгляда, можетъ быть названъ F. Rintelen. Говоря объ утвержденіи Лейбница, что онъ читалъ Суареца, какъ романъ, Rintelen пишетъ: «Dies ist das einzige Mal, dass Leibniz über sein Studium der Scholastik etwas ganz Bestimmtes behauptet hat;... Behauptung des Leibniz über

ницу извѣстна была невполнѣ [1]). Школьныя занятія философіей оказали на мальчика большое вліяніе. Весьма вѣроятно, что при изученіи вопроса о категоріяхъ въ Лейбницѣ особенно укоренилось „понятіе порядка“, одна изъ основныхъ идей его будущей системы [2]). „Я находилъ великую радость, писалъ впослѣдствіи Лейбницъ Вагнеру [3]), въ такъ называемыхъ предикаментахъ. Они являлись мнѣ какъ бы образцомъ или спискомъ всѣхъ вещей міра, и я рылся во всѣхъ логикахъ, чтобы увидѣть, гдѣ всего лучше и полнѣе такой общій регистръ... Я часто спрашивалъ себя и своихъ товарищей, къ какому предикаменту или его отдѣлу можетъ принадлежать то или другое... Вскорѣ я дошелъ до пріятнаго открытія, что при посредствѣ предикаментовъ можно отгадать что-нибудь и вспомнить забытое, если еще имѣется его образъ, но въ головѣ не можешь его уловить; ибо тогда можно только справиться самому или другимъ по извѣстнымъ предикаментамъ

---

seine eifrige Suarezlectüre ein Irrtum gewesen ist». Leibnizens Beziehungen zur Scholastik. Berlin. 1902. S. 18. Ot. Willmann такъ опредѣляетъ значеніе схоластики для философіи Лейбница вообще: «musste Leibniz Verhältniss zur Scholastik mehr als ein äusserliches sein». Geschichte des Idealismus. Dritter Band. Braunschweig. 1897. S. 267. Отношенію Лейбница къ схоластикѣ нѣсколько страницъ посвящаетъ между прочимъ A. Pichler: Die Theologie des Leibniz. Erster Theil. München. 1869. S.S. 141—146.

[1]) Это ясно изъ словъ того же Rintelen'a, который, видимо, слѣдуетъ Nostiz-Rienek'y. Лейбницъ думалъ, что выраженіе influxus есть специфическая особенность Суарена. Между тѣмъ этотъ терминъ встрѣчается уже у старыхъ схоластиковъ (Rintelen. Op. cit., 18.). Rintelen полагаетъ, что Лейбницу «wesentliche Bestandteile des scholastischen Gedankenbaues fremd geblieben sind». Ib., 20.

[2]) Такъ думаетъ Cassirer по тому, что Лейбницъ о своихъ тогдашнихъ занятіяхъ логикой писалъ: «da fand ich mich sehr gerührt durch die Vertheilung und Ordnung der Gedanken, die ich darin wahr nahm» (E., 520), а между тѣмъ по Cassirer'y: «Das Bewusstsein algemeiner Principien, aus deren Verknüpfung das Mannigfaltige resultiert, tritt jetz bestimmend hervor. Der Gedanke der Notwendigkeit einer solchen Gesetzlichkeit überhaupt ist das «Grosse», das die Logik für die philosophische Entwicklung gefruchtet» и Лейбницъ, изучая ариѳметику, комбинаторику и низшій анализъ, «verbindet.... mit der Ausbildung der Algebra ihre Schätzung, als eine Methode der Metaphysik und als ein Mittel zur Lösung ihrer wichtigsten Grundprobleme». E. Cassirer. Leibniz System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen. Marburg. 1902. S.S. 487—488 и 489.

[3]) G. VII, 516.

и ихъ дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ (я поэтому составилъ подробныя таблицы изъ всевозможныхъ логикъ)... На подобныхъ таблицахъ познанія я набилъ руку въ примѣненіи дѣленія и подраздѣленія (divisionis und subdivisionis), какъ основанія порядка и связи мышленія"... Поступленіе въ университетъ расширило кругозоръ Лейбница; въ его руки попадаются сочиненія новыхъ философовъ: Бэкона, Гассенди, Декарта и другихъ [1]). Гассенди особенно былъ полезенъ Лейбницу [2]). Механическое пониманіе природы, ясность и даже наглядность, съ какою атомизмъ пытался разрѣшить конечныя проблемы міровой жизни, [3])—все это увлекало Лейбница. Онъ часто ходилъ гулять въ лѣсокъ близь Лейпцига и проводилъ тамъ цѣлые дни, обсуждая, что̀ лучше: ученіе Аристотеля или ученіе Демокрита [4])?

Учитель Лейбница—Яковъ Томазій.

Къ періоду предварительнаго знакомства съ механическимъ міровоззрѣніемъ относятся первые шаги Лейбница по пути пріобрѣтенія ученыхъ степеней и первыя его философскія письма. Профессоръ, подъ руководствомъ котораго онъ занимался, былъ Яковъ Томазій,

---

[1]) Это подтверждаютъ одно изъ писемъ къ Foucher и статья «In specimina Pacidii introductio historica». «Bacon et Gassendi me sont tombés les premiers entre les mains» G. I, 371. «Interea feliciter accidit ut consilia magni viri Francisci Baconi, Angliae Cancellarii de augmentis scientiarum et cogitata excitatissima Cardani et Campanellae et specimina melioris philosophiae Keplerі et Galilei et Cartesii ad manus adolescentis pervenirent». E., 91—92.

[2]) Объ этомъ онъ ясно говоритъ въ письмѣ къ Remond'у: «Ainsi on pourroit se servir de la Philosophie de Mr. Gassendi pour introduire les jeunes gens dans les connaissances de la Nature, en leur disant pourtant qu'on n'emploie le vide et les atomes que comme une hypotèse». E., 699.

[3]) Tous ceux qui sont pour le Vuide, se laissent plus mener par l'imagination que par la raison.... L'imagination étoit riante... on croit avoir trouvé les premiers Elements, un non plus ultra». Письмо къ Clarke. G. G. VII, 377.

[4]) Письма къ Burnett'у и Remond'у. G. III, 205 и 606. Слѣдуетъ замѣтить, что въ текстѣ писемъ указывается дата только именно этихъ колебаній при выборѣ между ученіями Аристотеля и Демокрита. Относительно времени, съ котораго Лейбницъ сдѣлался приверженцемъ атомизма, въ письмахъ ничего не говорится. Такимъ образомъ, соображенія Кабитца, что Лейбницу измѣнила память, когда онъ пріурочивалъ свой переходъ въ лагерь атомистовъ къ пятнадцатилѣтнему возрасту, отпадаютъ сами собой. W. Kabitz. Die Philosophie des jungen Leibniz. Heidelberg. 1909. S. 49.

личность для того времени далеко незаурядная. Сколько можно видѣть изъ сочиненій послѣдняго, этотъ учитель Лейбница старался поддержать мысль о соединеніи философіи и теологіи, знанія и вѣры [1]). Въ началѣ XVII вѣка былъ поставленъ вопросъ: есть-ли Богъ случайная причина грѣха? Теологи рѣшали его отрицательно, философы положительно [2]). Томазій подчинялъ разумъ вѣрѣ; его постояннымъ стремленіемъ было осуждать ученія, невполнѣ согласныя съ христіанской догмой. Въ вопросѣ о происхожденіи души онъ держался традуціонизма потому, что это мнѣніе, по его словамъ, „лучше вело къ спасительному сознанію первороднаго грѣха“ [3]). Онъ также думалъ, что человѣкъ имѣетъ нѣкоторое естественное и примитивное познаніе о самомъ себѣ, которое обще у него съ животными. Это не то познаніе, которое можетъ дать наука. Наука даетъ познаніе болѣе глубокое, основанное на размышленіи. Послѣднее однако часто бываетъ ошибочнымъ вслѣдствіе порочныхъ предрасположеній, которыя грѣхъ нашихъ прародителей заставляетъ развиваться въ насъ съ самаго рожденія. [4]) На природу человѣческой души Томазій держался того взгляда, что душа безсмертна и соединена съ тѣломъ, какъ форма, вносящая распорядокъ въ свою матерію. Если грѣхъ Адама распространяетъ свои дѣйствія на души потомковъ, благодаря рожденію тѣлъ,съ которыми эти души соединены; если, съ другой стороны, теологія намъ доказываетъ, что тѣло должно воскреснуть, и что этого хочетъ порядокъ, установленный Богомъ, то ясно, что связь между душой и тѣломъ очень тѣсна, и что въ способѣ существованія, который намъ свойственъ, ни одно изъ двухъ не можетъ существовать безъ

---

[1]) Въ недавнее время въ городской библіотекѣ въ Дижонѣ найдена была книга Томазія, дающая понятіе о томъ, какихъ онъ былъ взглядовъ и чему училъ въ Лейпцигѣ съ каѳедры. Заглавіе книги: M. Jacobi Thomasii miscellanea varii argumenti, maximam partem ex historia litteraria, ecclesiastica, prophana, aliisque selectis materiis, ob rerum dignitatem in unum librum collecta». Эту книгу нашелъ Henrie Ioly, написавшій статью: «Thomasius et l'université de Leipzig pendant la jeunesse de Leibniz». См. Revue philosophique (Troisième année. VI, 482—500.) и мою брошюру «Лейбницъ и его корреспонденты до 1695 года». Казань. 1907. Стр. 6.

[2]) Revue philosophique. Troisième année. VI, 484.

[3]) Ib., 485.

[4]) Ib., 487.

помощи другого [1]). Таковы въ общихъ чертахъ были главныя мысли догматики Томазія. Въ остальныхъ отдѣлахъ философіи онъ самъ признавалъ себя слабымъ. Онъ критически относился къ Гоббесу, Гассенди и Декарту [2]), не любилъ схоластики—„рабыни Аристотеля и папъ", указывалъ на факты, подтверждавшіе, что въ угоду церкви уродовались мнѣнія Аристотеля. Все это не мѣшало ему защищать ученіе о субстанціальныхъ формахъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ человѣку.

Очевидно, что такимъ руководителемъ, какъ Томазій, Лейбницу приходилось особенно дорожить: Томазій былъ соединительнымъ звеномъ между новой и древней философіей, и увлекаясь одной, Лейбницъ старался не забывать другой. Неудивительно, поэтому, что въ первой диссертаціи Лейбница на степень бакалавра [3]) обработана тема изъ области схоластики.

Первая диссертація Лейбница. Принципъ индивидуаціи.

Тема эта принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ вопросовъ философіи. Самый заголовокъ сочиненія, въ которомъ она обработана—Disputatio metaphysica de principio individui—показываетъ, что въ самомъ началѣ своей философской дѣятельности Лейбницъ удивительнымъ образомъ [4]) напалъ на мысль заняться проблемой индивидуальности, которая потомъ легла въ основу его собственной философской системы. Принято думать, что Лейбницъ въ этомъ сочиненіи совершенно не былъ самостоятеленъ, какъ въ отношеніи выбора темы, такъ и въ отношеніи обработки его содержанія [5]).

---

[1]) Ib., 488—489.

[2]) Ib., 495.

[3]) Время защиты диссертаціи опредѣляется въ автобіографическомъ наброскѣ: «1663. 30. Maj». Guhr. Biog. II. Beilage, 58. О томъ же Kritischer Kata og der Leibniz-Handschriften. S. 3. Смотр. приложеніе I.

[4]) «Man kann es höchstens, als einen merkwürdigen Zufall bezeichnen» по выраженію Auerbach'a. S. Auerbach. Zur Entwickelungsgeschichte der Leibnitzschen Monadenlehre. Dessau. 1884. S. 12.

[5]) Взгляды на первую диссертацію Лейбница въ общемъ однохарактерны. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ разныхъ авторовъ.

Auerbach: «Müssen wir sagen, dass Leibnitz hier einfach zur Erlangung

Ничего не говоря о содержаніи, можно однако предполагать, что выборъ темы больше зависѣлъ отъ склонности Лейбница, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Проблему индивидуальности Лейбницъ могъ обсуждать независимо [1]) отъ Томазія, вліянію котораго обыкновенно всецѣло приписываются главныя идеи первой диссертаціи. Дѣло въ томъ, что атомизмъ, которымъ интересовался Лейбницъ, скрывалъ эту проблему въ понятіи атома—обстоятельство, можетъ быть, безсознательно обращавшее на себя вниманіе. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи Лейбницъ отождествлялъ понятіе монады съ понятіемъ „жизненнаго атома“, [2]) очевидно имѣя въ виду, что

---

eines akademischen Ranges ein (ihm wahrscheinlich von Tomasius gegebenes) Thema bearbeitet hat, um seine Gelehrsamkeit darzuthun». Ibidem.

Merz: «This dissertation, which, like all academic dissertations, was intended to by a «specimen eruditionis» as much as an expression of philosophical opinion, bears testimony to the young author's extensive knowledge of scholastic learning as well as to his dexterity in handling their dialectical methods»... «in one of his corollaries he adds, that the essence of things is not eternal, except they are in God. In these theses we can see the beginning of his later philosophical doctrines». Leibniz. Edinburgh and London. 1884. P. 15.

Selver: «Mit Recht hat bereits Guhrauer (Leibniz. Bd. I. S. 27 ff,) und neuerdings auch Gerhardt (Einl. zu Bd. IV d. Phil. Schr. v. Leibniz) darauf hingewiesen, dass Leibniz zur Wahl jenes Themas nur durch die Rücksicht auf die gebotene Gelegenheit bestimmt wurde»... Der Entwicklungsgang der Leibniz'schen Monadenlehre bis 1695. Leipzig. 1885. S. 10.

Rintelen: «Man hat etwas zu viel Rühmens gemacht von dieser recht ungründlichen Arbeit». «Die Arbeit ist die schülerhafte Lösung einer gestellten Aufgabe; sie ist ganz unpersönlich»... Op. cit., 6 и 7.

Kabitz: «Weder in der Problemlösung noch in der Beweisführung der Schrift ist irgend ein origineller Gedanke von Leibniz enthalten, der sie sonst noch beachtenswert erscheinen lässt». Op. cit., 5. Смотр. также S.S. 49—50.

[1]) Относительную самостоятельность Лейбница отмѣчаетъ какъ будто самъ Томазій. Въ предисловіи къ De principio individui онъ говоритъ: «Placuit doctissimo Juveni Gottfredo Guilielmo Leibnitio argumentum, in quo et ingenium et industriam, jam per hanc sane virescentem adhuc aetatem, difficillimis iisdemque prolixissimis controversiis parem, exerceret». Все зависитъ отъ того, какъ понимать слово: placuit. Leibnitz's Dissertation De principio individui, herausgegeb. v. G. G. Guhrauer. Berlin. 1837. S. 62.

[2]) Замѣтка къ одному изъ писемъ къ de Volder'y: «Substantia est ἄτομον αὐτοπλήρων, Atomon per se completum seu se ipsum complens. Unde sequitur esse Atomon vitale seu Atomum habens ἐντελέχειαν.» G. II, 224.

въ вопросѣ объ индивидуальности матеріализмъ тѣсно соприкасается съ его собственной системой. Для Лейбница этотъ вопросъ, поскольку онъ выразился въ первой диссертаціи, могъ быть только дѣломъ другой обработки. Разсмотримъ ближе содержаніе работы.

Въ эпоху схоластики особенно интересовались отношеніемъ души къ тѣлу. Различаются-ли другъ отъ друга, спрашивалось тогда, души людей уже до соединенія ихъ съ тѣломъ или съ начала всѣ онѣ совершенно похожи одна на другую и лишь различіе въ тѣлесной организаціи образуетъ ихъ индивидуальность? Послѣдняго мнѣнія держались поклонники Ѳомы Аквината, перваго—поклонники Дунса Скота. Лейбницъ примыкалъ къ скотистамъ. Таковъ зародышъ предустановленной гармоніи въсочиненіи Лейбница [1]). Самъ Лейбницъ формулировалъ свою задачу такъ: „мы будемъ трактовать о нѣкоторомъ реальномъ и, какъ принято выражаться, физическомъ принципѣ, который служитъ фундаментомъ формальной основы индивидуума, т. е. индивидуаціи или численнаго различія въ умѣ, и это въ особенности по отношенію къ сотвореннымъ субстанціальнымъ индивидуумамъ“ [2]). При разборѣ вопроса возможны четыре мнѣнія: „принципомъ индивидуаціи полагается или *вся существенность* (1), или не вся. Не всю выражаетъ или *отрицаніе* (2) или нѣчто положительное. Это положительное есть или, физически, ограничивающее сущность *существованіе* (3) или, метафизически, ограничивающая видъ Haecceitas (4)“ [3]).

Лейбницъ соглашается съ первымъ изъ этихъ мнѣній [4]). Въ самомъ дѣлѣ, что такое матерія и форма въ ихъ соединеніи, какъ не вся существенность сложнаго? [5]) Аргументовъ въ пользу перваго мнѣнія можно насчитать нѣсколько.

„Что черезъ что есть, пишетъ, напр., Лейбницъ, черезъ то оно есть единое по числу. Но всякая вещь существуетъ

---

[1]) «Leibnitz's Dissertation De principio individui» herausg. v. Guhrauer. 28.

[2]) G. IV, 17

[3]) Ib., 18.

[4]) «Omne individuum sua tota Entitate individuatur». Ib.

[5]) Поэтому Лейбницъ замѣчаетъ: potius ... termino totius Entitatis quam materiae et formae utimur. Ib.

въ силу своей существенности.... Бо́льшая посылка доказывается тѣмъ, что единое сверхъ вещи ничего не прибавляетъ реальнаго“ [1]).

Это—первый аргументъ. Противъ тѣхъ, кто думаетъ, что единое по числу происходитъ черезъ свою существенность, но не всю, Лейбницъ аргументируетъ иначе.

„Каковы принципы вещи въ общемъ общіе, таковы ея принципы въ частномъ частные. Но цѣликомъ вся существенность есть принципъ вещи общій въ общемъ... Бо́льшая посылка съ вѣроятностью доказывается по аналогіи..., такъ какъ общіе принципы ничѣмъ другимъ не отличаются отъ единичнаго, какъ тѣмъ, что абстрагируются изъ многихъ схожихъ, единичныхъ фактовъ...

„...Общее и частное не различаются реально, слѣдовательно, имѣютъ одни и тѣ же принципы. Итакъ, цѣликомъ вся существенность, которая есть принципъ общности, будетъ принципомъ и частности“ [2]).

Прочія доказательства могутъ служить образцомъ схоластическихъ тонкостей.

„Дана ли, говоритъ Лейбницъ, безразличная [3]) природа въ Сократѣ? Если не дано никакой, то ясно, что природа Сократа индивидуализируетъ сама себя; если же какая нибудь дана, то человѣческая природа въ Сократѣ явится вмѣстѣ и различествующей и нѣтъ... И вотъ такимъ образомъ ясно, что природа опредѣлена въ себѣ черезъ самое себя, а не черезъ что-либо добавочное“ [4]).

Изъ приведенныхъ аргументовъ видно, что главныя мысли, которыми руководился Лейбницъ, оправдывая принятое имъ положеніе: „всякій индивидуумъ индивидуаленъ цѣликомъ всею своей существенностью“—были таковы: вещь и единое

---

[1]) Ib. «То, что прибавляетъ, разъ оно—нѣчто реальное, само будетъ вещью», замѣчаетъ Лейбницъ. Ib, 19.

[2]) Ib.

[3]) Въ изданіи Gerhardt'a слово indifferens пропущено такъ же, какъ и далѣе, въ концѣ параграфа слово per, но эти слова есть въ изданіяхъ Guhrauer'a (Leibnitz's Disertation.. S. 75) и Erdmann'a (S. 2).

[4]) G. IV. 19—20. Аргументовъ in contrarium не приво́димъ: они, по мнѣнію самого Лейбница, pauca sunt et parvi momenti.

совпадаютъ; общіе принципы аналогичны частнымъ, ибо первые абстрагируются отъ послѣднихъ; общее и частное не различаются реально; природа вещи опредѣляется въ себѣ черезъ самое себя. Аристотелевскій характеръ этихъ мыслей очевиденъ. [1])

Опроверженіе различныхъ толкованій принципа индивидуаціи.

За первымъ отвѣтомъ на вопросъ слѣдуютъ остальные. Тѣ, кто держится второго мнѣнія, утверждаютъ, что принципомъ индивидуаціи слѣдуетъ считать отрицаніе. „Но, замѣчаетъ Лейбницъ, они просмотрѣли, что природа можетъ индивидуализировать самое себя. Имъ можно легко возразить: индивидуумъ отрицаніями порождается (constituitur) или внѣ ума, или въ умѣ. Если ихъ отвѣтъ—послѣднее, то онъ безполезенъ; если первое, то какимъ образомъ положительное бытіе можетъ порождаться отрицательнымъ? Вдобавокъ отрицаніе не можетъ произвести индивидуальныхъ акциденцій; затѣмъ: всякое отрицаніе есть отрицаніе чего нибудь положительнаго, иначе оно будетъ отрицаніемъ только на словахъ“ [2]).

Третье мнѣніе считаетъ принципомъ индивидуаціи существованіе и можетъ быть толкуемо двояко: съ одной стороны „существованіе есть нѣкоторый реальный модусъ, внутренне индивидуализирующій вещь, a parte rei различный отъ ея сущности“ [3]); съ другой стороны „если существованіе различается отъ сущности только по основанію разума, то это, говоритъ Лейбницъ, прекрасно совпадаетъ съ нашимъ мнѣніемъ, и кромѣ того выражаетъ, въ какомъ смыслѣ сущ-

[1]) Всѣ эти мысли коренятся въ понятіи индивидуаціи, постановка проблемы о которой, по мнѣнію Нуррисона, возникла въ новое время не безъ посредства Аристотеля: «La théorie aristotélicienne des quatre principes, ou causes, la cause matérielle, la cause formelle, la cause motrice et la cause finale, avait introduit et propagé à travers la Scolastique, la distinction dans l'être de la matière, et de la forme. De cette abstraction même était né le problème de l'individuation, Leibniz résout le problème, en coupant court à l'abstraction». M. Nourrisson. La philosophie de Leibniz. Paris. 1860. P. 25.

[2]) G. IV. 21. Лейбницъ приводитъ даже примѣръ: «Sint igitur duo individua Socrates et Plato, principium Socratis erit negatio Platonis, et principium Platonis negatio Socratis, erit igitur neutrubi aliquid positivum et in quo possis pedem sistere».

[3]) Ib.

ность есть принципъ индивидуаціи“ [1]). „Существованіе и сущность не могутъ быть раздѣлены“, продолжаетъ Лейбницъ [2]), опровергая первое изъ этихъ толкованій. „Сущность по отдѣленіи отъ существованія есть или реальная вещь, или ничто. Если ничто, то ея или не было бы въ твореніи, а это—абсурдъ, или она была бы неразличима отъ существованія, что̀ я и утверждаю. Если же она реальная вещь, то она была или вещью чисто возможной или вещью реализованной (Ens actu). Безъ сомнѣнія—первое, ибо нельзя быть реализованнымъ иначе, какъ черезъ существованіе, которое мы однако предположили отдѣленнымъ. Итакъ, если сущность есть нѣчто чисто возможное, то всѣ сущности суть первая матерія; вѣдь двѣ чистыхъ возможности не различаются, даже и по отношенію въ акту, такъ какъ это отношеніе, разъ оно дано для вещи въ возможности, не реально. Значитъ, если сущности не различаются отъ матеріи, то изъ этого слѣдуетъ, что одна только матерія есть нѣчто существенное (pars essentialis), и вещи не различаются по виду, напримѣръ, сущность безсловеснаго животнаго отъ сущности человѣка; вѣдь ни то, ни другое не заключаетъ формы, которая есть принципъ специфическаго различія, и двѣ чистыхъ возможности не различаются. А если ты скажешь, что онѣ различаются по своимъ отношеніямъ къ Идеямъ, то отношеніе не реально, ибо оно было бы акциденціей въ Богѣ“ [3]).

Что касается четвертаго мнѣнія о принципѣ индивидуація, то оно принадлежитъ Дунсу Скоту. „Извѣстно, пишетъ Лейбницъ, что Скотъ былъ крайнимъ реалистомъ, такъ какъ считалъ, что общія понятія имѣютъ истинную реальность внѣ ума.“ [4]) Скотъ думалъ, что формальное различіе существуетъ до операцій интеллекта и что единичныя вещи происходятъ не только изъ общихъ понятій, но и изъ чего-то еще. „Какъ есть соотношеніе между родомъ и видомъ, заключалъ Скотъ, такъ есть соотношеніе между видомъ и индивидуумомъ. Въ силу этого, какъ тамъ есть специфическая разность, такъ

---

[1]) Ib.
[2]) Ib., 22.
[3]) Ib.
[4]) Ib., 23.

здѣсь есть разность индивидуирующая“ [1]). Послѣднюю Скотъ называлъ „матеріей цѣлаго“. „Ибо, говорилъ онъ, есть *форма цѣлаго*, напримѣръ, человѣчность, какъ бы нѣчто отвлеченное по отношенію къ человѣку, чему противуполагается матерія цѣлаго, такъ называемая Haecceitas,—и есть *форма части*, разумная душа, которой тѣло противуполагается, какъ матерія части. Но это ничего не значитъ, такъ какъ Haecceitas, если она—матерія цѣлаго, должна составлять съ человѣчностью нѣчто конкретное—человѣка. А та составила *этого* человѣка; итакъ, должна была быть дана другая истинная матерія цѣлаго, которая составила бы человѣка вообще. Я ужъ умалчиваю, что эта Haecceitas есть больше форма, ибо она соединяетъ и раздѣляетъ“ [2]). Неосновательность соображеній Скота Лейбницъ видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что, ради объясненія индивидуаціи, онъ хотѣлъ создать нѣчто среднее между реальностью и разумомъ [3]), и что происхожденіе индивидуальныхъ акциденцій отъ Haecceitas не объяснимо; „тогда какъ съ нашей точки зрѣнія, говоритъ Лейбницъ, это объяснить легко, потому что даны отношенія матеріи къ формѣ, а не отношеніе вида къ Haecceitas“ [4]).

Корольларіи трактата и его итоги. Свой трактатъ Лейбницъ заканчиваетъ интересными корольларіями:

1. „Матерія отъ себя имѣетъ актъ, изъ котораго вытекаетъ единство.

2. „Вообще заслуживаетъ одобренія взглядъ, что матерія и количество есть реально одно и то же.

3. „Сущности вещей—какъ бы числа.

---

[1]) Ib.

[2]) Ib.

[3]) «Tribuitur communiter Scoto, ut media inter realem et rationis, unde ejus sectatores dicti Formalistae». Ib., 25.

[4]) Ib., 26. Вотъ еще аргументы противъ Скота: 1. Si genus et differentia tantum ratione distinguuntur, non datur differentia individualis. Sed verum prius... 2. Si non sunt universalia ante mentis operationem, non datur compositio ante mentis operationem ex universali et individuante. Non est enim realis compositi, cujus non omnia membra sint realia. Sed verum prius... 3. Si non datur distinctio formalis, ruit Haecceitas. Sed verum prius. Ib., 24—25.

4. „Сущности вещей вѣчны лишь постольку, поскольку онѣ въ Богѣ.

5. „Возможна проницательность (penetratio) измѣреній.

6. „У человѣка только одна душа, въ возможности заключающая души растительную и чувствующую“ [1]).

Такова была первая диссертація Лейбница. Отмѣтимъ главнѣйшія изъ ея идей.

Прежде всего бросается въ глаза основная мысль, что дѣйствительное существованіе можетъ быть признано только за индивидуальными субстанціями [2]). Эта мысль никогда не покидала Лейбница. Ея важность была отмѣчена еще Якоби и Шеллингомъ, который по вопросу объ индивидуаціи ясно сознавалъ разницу между Лейбницемъ и Спинозой [3]). Другая главная мысль диссертаціи не менѣе характерна для Лейбница: она выражаетъ тотъ взглядъ, что общее, какъ абстракція, существуетъ только въ умѣ. Изъ остальныхъ идей слѣдуетъ упомянуть тезисы корольяріевъ: о понятіи матеріи, какъ чего-то имманентнаго силѣ (1), о вѣчности вещей въ Богѣ (4), о признаніи въ человѣкѣ только одной души (6). Ауэрбахъ и Кассиреръ указываютъ еще на второй и третій тезисы. Во второмъ Ауэрбахъ видитъ вліяніе идей Декарта [4]), по поводу третьяго Кассиреръ хочетъ отмѣтить то обстоятельство, что проблемы числа и отношенія числа къ предметамъ очень рано интересовали Лейбница [5]). Гурауэръ, издавшій первую диссертацію Лейбница съ пояснительнымъ введеніемъ,

---

[1]) Послѣдній VII-й корольяріи по его незначительности не приводимъ,

[2]) Kabitz. Op. cit., 5.

[3]) Развивая мнѣніе, что наша индивидуальная природа должна познаваться какъ соединеніе идеальнаго и реальнаго, абсолютно дѣятельнаго и абсолютно страдательнаго, Шеллингъ писалъ. «Diesen Weg ging Leibnitz, und hier ist der Punkt, wo er von Spinosa sich scheidet und mit ihm zusammenhängt. Es ist unmöglich, Leibnitzen zu verstehen, ohne auf diesen Punct sich gestellt zu haben. Jacobi hat erwiesen, dass sein ganzes System vom Begriff der Individualität ausgeht und darauf zurückkehrt». Fr. W. von Schellings sämmtliche Werke. Erste Abtheilung. II Bd. Stuttgard und Augsburg. 1857. S. 37.

[4]) «Denn im Grunde bedeutet diese These kaum etwas anderes, als den Kartesianischen Satz: Das Wesen des Körpers besteht in der Ausdehnung». Auerbach. Op. cit., 14.

[5]) Cassirer. Op. cit., 489—490.

весьма справедливо полагаетъ, что уже въ ней ясно высказалось стремленіе Лейбница примирять противоположные взгляды [1]). Для окончательной характеристики диссертаціи остается только подчеркнуть зависимость Лейбница отъ Аристотеля. Встрѣчающіеся въ сочиненіи термины „первая матерія“ и „вторая матерія“ даютъ на это полное право, не говоря уже о главной мысли работы вообще. Въ послѣднемъ отношеніи Лейбницъ, признававшій неотдѣлимость сущности отъ наличнаго существованія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, безсознательно зависѣлъ отъ Аристотеля вмѣстѣ съ реалистами и номиналистами среднихъ вѣковъ [2]), хотя съ другой стороны есть взглядъ, что Лейбницъ не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому направленію [3]). О близкой зависимости Лейбница отъ идей Аристотеля въ эту раннюю эпоху его философскаго развитія положительно говоритъ еще 6-й корольрій, на что обращалъ вниманіе тотъ же Якоби [4]). Такимъ образомъ аристотелевско-

---

[1]) Guhrauer. Leibnitz's Dissertation De Principio individui. 45. Гураузръ говоритъ также (Ib., 46.), что для Лейбница было весьма типично «die Auffassung der Natur in ihrer Erscheinung und in ihren Individuationen als göttliche Kreatur, als endliches Wesen»... Съ такимъ мнѣніемъ Гураузра нельзя согласиться. Ученіе о Богѣ было усвоено Лейбницемъ, по выраженію самого же Гураузра, изъ теологіи (Ib.), а указанный взглядъ на природу былъ общимъ достояніемъ того времени.

[2]) Таково, напр., мнѣніе Ауэрбаха. Op. cit., 14.

[3]) Такъ думаетъ M. Nourrisson. Обсуждая положеніе Omne individuum sua tota entitate individuatur», Nourrisson пишетъ: «Cette entité n'est pas une quiddité, une hecceité, qui, en dehors de l'individu, participe de la réalité et de l'abstraction. Leibniz n'est pas *Formaliste*. Cette entité n'est pas, non plus, en dehors de l'individu, réalité. Leibniz n'est pas *Réaliste*. Cette entité ne consiste pas davantage à ne voir dans l'essence d'un être qu'une distinction purement verbale. Leibniz n'est pas *Nominaliste*, au sens qu'on attache d'ordinaire à cette expression». Op. cit. P. p. 27—28.

[4]) Якоби приводитъ слѣдующія, параллельныя тексту VI корольрія мѣста изъ Аристотеля: „*οἷς μὲν γὰρ ὑπάρχει λογισμὸς τῶν φθαρτῶν τούτοις καὶ τὰ λοιπὰ πάντα* cf. *περὶ ψυχῆς* II. 3. *τὴν μὲν οὖν θρεπτικὴν ψυχὴν ἀνάγκη πᾶν ἔχειν ὅτι περᾶν ζῇ καὶ ψυχὴν ἔχῃ ἀπὸ γενέσεως μέχρι φθορᾶς αἴσθησιν δ' οὐκ ἀναγκαῖον ἐν ἅπασι τοῖς ζῶσι*

схоластическое вліяніе продолжало отражаться на Лейбницѣ, не смотря на его интересъ къ новой философіи.

Занятія Лейбница въ Іенѣ.

Изученію новой философіи Лейбницъ особенно могъ посвятить себя въ Іенѣ, куда онъ отправился, повидимому, прежде всего ради Вейгеля, знаменитаго тогда профессора математики. Тамъ, въ лѣтній семестръ 1663 г., онъ слушалъ также другихъ профессоровъ Фалькнера и Бозіуса по юриспруденціи и исторіи [1]). Сохранилось письмо Лейбница, писанное имъ въ качествѣ студента въ Лейпцигъ Томазію 2-го сентября того же года. Изъ этого письма между прочимъ видно, что въ Іенѣ Лейбницъ слѣдилъ за новой философской литературой и старался ближе познакомиться съ Гоббесомъ. Говоря о только-что вышедшей диссертаціи В. Шротера [2]), Лейбницъ пишетъ: „Корольяріи (въ ней), разумѣется, касаются новой философіи, и таковы, какими полна Англія; самъ, если не ошибаюсь, Кенельмъ Дигби, которому посвящено... разсужденіе, изложилъ нѣчто подобное въ своемъ большомъ сочиненіи о безсмертіи души. Въ остальномъ разсужденіе дышетъ макіавеллизмомъ... Наконецъ, всюду проглядываетъ живой Гоббесъ или Гоббезіанецъ. Ибо разъ онъ считаетъ пользу производительницей справедливаго, то сообразно съ той, будетъ имѣть значеніе все право въ цѣломъ, будетъ стоять и падать: когда онъ кому либо изъ государей дастъ абсолютную власть, то одно только подозрѣніе будетъ давать тому право на казнь. Наконецъ, такъ какъ всякая справедливость исходитъ изъ гражданскаго закона, то всякое обязательство и необходимость сохраненія союзовъ неизбѣжно рушится между государствами. Я часто слышалъ, какъ Ваше Превосходительство опровергали это у Гоббеса. Поэтому меня беретъ любопытство узнать отъ Вашего Превосходительства о Гоббесѣ, если позволите, кто онъ, живъ-ли еще, нашелъ-ли

---

cf. eod. III. 12. p. 104. ed. Trendelenb.». D. Jacoby. De Leibnitii studiis Aristotelicis. Berolini. P. 10—11. По берлинскому изданію Аристотеля эти тексты принадлежатъ страницамъ 415a и 434a.

[1]) Guhrauer. Biogr. I, 32.

[2]) ...cujus prima pars de Ratione status, altera de Nobilitate, tertia de Ministrissimo: quam pro more consueto, praeside etc. Leibnitz's Disser. De Princ. indiv. herg. v. Guhrauer., 33, примѣч.

противника и имѣлъ ли людей, которые въ толкованіи естественнаго права сдѣлали бы по тонкости соотвѣтствующее, лучшее или равное, если обратить вниманіе на тонкость. Мнѣ извѣстенъ одинъ только господинъ Пуффендорфъ, который однако, говорятъ, свои „Элементы юриспруденціи“ почти цѣликомъ взялъ изъ рукописной Эвклидовой этики нашего Вейгеля“ [1]). Это письмо Лейбница, замѣчательное по своему тону [2]), есть, кажется, самое раннее изъ дошедшихъ до насъ его писемъ. Въ немъ сказывается симпатія къ Э. Вейгелю, который имѣлъ на Лейбница большое вліяніе. Э. Вейгель былъ выдающаяся личность того времени. Онъ обладалъ педагогическимъ талантомъ и способностью къ математикѣ. Математическую методу онъ считалъ общеприложимой [3]); схоластики не могъ терпѣть. Она, по его мнѣнію, занималась словопреніемъ, презирая реальные факты, на основаніи которыхъ должна изучаться имманентная предметамъ, дѣйствительная связь вещей. Между тѣмъ, какъ видно изъ его книги: Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, „благодаря такой связи міръ, какъ цѣлое, представляетъ объективную систему, въ которой слѣдствія необходимо вытекаютъ изъ причинъ. И дѣйствительность это — реальный силлогизмъ, имѣющій бытіе

---

[1]) G. I, 7—8.

[2]) Этого тона—можетъ быть слѣдуя Ауэрбаху (Op. cit., 15.)—не замѣтилъ профессоръ В. Серебренниковъ, чѣмъ, вѣроятно, объясняется ошибочность принятаго имъ толкованія письма. По мнѣнію проф. Серебренникова, литеры V. E. въ латинскомъ текстѣ письма означаютъ имя Вейгеля, тогда какъ это есть только сокращеніе словъ «Vestra Excellentia». (См. Leibnitz's Dissertation De Principio individui, herg. v. Guhrauer. 35. Примѣч.). Дальше въ письмѣ фамилія Вейгеля пишется черезъ W. Такимъ образомъ у проф. Серебренникова получается ложное представленіе, что о философіи Гоббеса Лейбницъ слышалъ отъ Вейгеля. Проф. В. Серебренниковъ. Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 43—44.

[3]) Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, говоря о соотношеніи чиселъ и сущностей, Вейгель даже повторяетъ выраженія 3-го королларія первой диссертаціи Лейбница. «Et huc praecise spectat, quando Veteres dixerunt, multo quam putatur vulgo Sapientiores: scilicet, *Essentias* (intellige rerum finitarum) *esse sicut Numeros*». Erhardi Weigelii... Philosophia Mathematica, Theologia naturalis solida, per singulas Scientias continuata, universae artis inveniendi prima stamina complectens. Jenae. 1693. Prodromus, 16.

независимо отъ того, мыслимъ ли мы его или нѣтъ“ [1]). Такая система можетъ быть воспроизведена дедуктивнымъ путемъ, изъ первыхъ основаній. Вотъ почему возможно сочетать методу Эвклида съ методой Аристотеля. Слѣдуя первому, сведемъ науку къ яснымъ и простымъ элементамъ, слѣдуя второму будемъ выводить изъ этихъ элементовъ реальныя слѣдствія [2]). Отсюда ясно, что задача науки, по Вейгелю, есть прежде всего доказательство. Оно имѣетъ реальные объекты и заключаетъ въ себѣ три рода положеній: во первыхъ, абсолютно неизмѣнныя и необходимыя, противоположное которымъ невозможно, напр., нѣкоторыя положенія теологіи, метафизики, математики, логики и этики [3]); во вторыхъ, положенія, необходимыя условно, въ силу лишь обычнаго теченія природы; они принципіально не исключаютъ возможности противоположнаго; таковы нѣкоторыя изъ положеній физики и медицины; третій родъ положеній есть положенія, установленныя людьми, и между прочимъ моральныя [4]).

Въ чемъ же заключаются принципы доказательствъ? Въ реальномъ и причинномъ опредѣленіи, которое получается черезъ посредство ratio и experientia, а затѣмъ въ аксіомахъ, которыя могутъ быть понимаемы, какъ законы природы, и устанавливаются только разумомъ [5]).

Таковы основы міровоззрѣнія Вейгеля [6]). Съ теченіемъ времени математическій элементъ все болѣе и болѣе сталъ

---

[1]) Е. Спекторскій. «Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи». Варшава. 1910. Стр. 504—505. Приводимъ оттуда же (прим. 4), два подтверждающихъ текста изъ Analysis Aristotelica (Ienae. 1658.): «Ipsa causae cum causato complexo cohaesio complexa Syllogismus realis est». «Res per causam scibilis cum illa causa Syllogismo reali semper cohaeret, etiam nullo intellectu de eo cogitante».

[2]) «Verum autem cum Aristotele nostro, писалъ Вейгель, dico Syllogismum non tantum formaliter et notionaliter, sed praeprimis hic materialiter, eum, cujus omnes termini... in rerum natura revera cohaerent». Е. Спекторскій. Op. cit., 5 6. Прим. 1.

[3]) Ib., 507—508.

[4]) Ib., 508.

[5]) Ib., 509.

[6]) На этихъ основахъ Вейгель давалъ недурную для своего времени классификацію наукъ. «Первая и самая универсальная дисциплина—ар...

преобладать въ его философіи [1]). Исторія науки не знаетъ за Вейгелемъ особенныхъ заслугъ въ спеціальной области математики, но, кажется, для Лейбница не безполезно было то время, которое онъ провелъ, слушая ее у Вейгеля [2]). Во всякомъ случаѣ, вернувшись изъ Іены, Лейбницъ могъ знать кое-что даже по механикѣ и астрономіи.

метафизика, которой дается Аристотелево опредѣленіе науки о сущемъ, какъ таковомъ. Съ нею тѣсными узами, какъ ея сестра, связана ариѳметика, наука о существахъ, поскольку они являются числами. Это—наиболѣе универсальныя науки, основа другихъ наукъ... Это—первая философія, первая группа наукъ. Вторую группу наукъ образуетъ математическая философія или геометрія, наука о пространствѣ, о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ, которымъ Вейгель, какъ и Платонъ, отводитъ мѣсто «по серединѣ» между чистыми идеями и чувственными предметами. Этими двумя группами исчерпывается философія неподвижнаго, неизмѣннаго... Слѣдуетъ философія подвижнаго... Вейгель дѣлитъ ее на физическую и моральную». Ib., 515—516. Къ физической философіи Вейгель относитъ ученіе о матеріи и антропологію. «Общая моральная философія—это этика. Надъ физическимъ міромъ человѣка, подлежащимъ антропологическому изученію, возвышается моральный міръ нравственно должнаго. Міръ этотъ изучается этикою, наукою деонтологическою, нормативною. Она разсматриваетъ человѣка абсолютно, какъ гражданское существо вообще. По аналогіи съ метафизикою ее можно назвать метаполитикою. Спеціальная моральная философія, или политика, занимается человѣкомъ въ опредѣленной конкретной общественной обстановкѣ. Она связана съ опытомъ». Ib., 519—520. О міровоззрѣніи Вейгеля смотри также у Kabitz'a. (Op. cit., 10—11.), гдѣ между прочимъ сказано: «Die Voraussetzung dieser systematischen Gliederung der Wissenschaften und der Forderung der deduktiv-syllogistischen Methode bildet auch bei Weigel die Annahme einer logisch-mathematischen Struktur des Universums».

[1]) Названная выше книга Philosophia Mathematica 1693 г. начинается, напримѣръ, прямо съ опредѣленія математики, которая есть «Scientia de Quantitate rerum finitarum, Arte computandi, et Prudentiâ eam qua par est imitandi, et ad usum dextre applicandi pollens». (Prodromus, p. 1). Разсмотрѣвъ затѣмъ вопросъ о принципахъ количества и способѣ познанія послѣднихъ, Вейгель въ этомъ сочиненіи переходитъ къ математическому доказательству бытія Божія, трактуетъ ариѳметику съ алгеброй въ качествѣ sapientia divina, и заканчиваетъ изложеніе второй части спеціально геометріей и ученіемъ о движеніи.

[2]) Guhr. Biogr. I, 32.

Диссертація на степень магистра.

Занятія въ Іенѣ отвлекли Лейбница отъ обычной жизни. Съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ предался онъ, по возвращеніи въ Лейпцигъ, университетской работѣ подъ руководствомъ профессоровъ Шахера и Швендендорфера [1]). Онъ спеціально занялся юриспруденціей и, благодаря дружбѣ съ однимъ ассесоромъ надворнаго суда, воспользовался случаемъ практически изучать право путемъ чтенія актовъ и составленія рѣшеній [2])—обстоятельство, въ силу котораго онъ основательно овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ письменно и устно. Въ концѣ 1664 года Лейбницъ защищаетъ уже юридическую диссертацію на степень магистра—„Образецъ философскихъ вопросовъ, выбранныхъ изъ права“ [3]). Это сочиненіе, какъ видно изъ самаго его заглавія тѣсно соприкасается съ философіей.

Предисловіе въ немъ развиваетъ мысль о необходимости философіи для юриспруденціи.... Настоящее разсужденіе, говоритъ Лейбницъ, будетъ полезно для лицъ, занимающихся правомъ: оно уменьшитъ ихъ пренебреженіе къ философіи, когда они увидятъ, что многія мѣста въ правѣ безъ ея руководства представляютъ запутанный лабиринтъ [4]). Изложеніе книги раздѣлено на семнадцать вопросовъ или главъ. Ходъ мысли въ ней—отъ общаго къ частному; сочиненіе касается логики, математики, физики и метафизики. Эквиполлентно-ли, спрашиваетъ въ первой главѣ Лейбницъ, неопредѣленное предложеніе общему? Неопредѣленность вообще

---

[1]) Ib., 34.

[2]) Guhrauer. Biogr. II. Beilage, 55: «Ita ego mature in hujus Scientiae intima penetrabam», замѣчаетъ Лейбницъ. Куно Фишеръ даетъ оцѣнку этого факта. По его словамъ Лейбницъ и тутъ «шелъ своей собственной дорогой». Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. III. Переводъ Н. И. Полилова. С.-Петербургъ. 1905 г. Стр. 45.

[3]) Заглавный листъ диссертаціи: Quod Deus bene vertat! Specimen Quaestionum philosophicarum ex jure collectarum quas permissu superiorum In Illustri Academia Lipsiensi publico iudicio censuraeque exponit praeses M. Gottefredus Guilielmus Leibnutius Lipsiensis et respondens Johannes Matteus Menzelius.... Ad diem 3 Decembris Anno MDCLXIV. Lipsiae.... Объ этой диссертаціи смотри замѣтку самого Лейбница. Guhr. Biogr. II. Beilage, 58. Въ изданіи Dutens'a она имѣетъ лишь нѣсколько иное заглавіе и воспроизведена безъ королларіевъ.

[4]) D. IV, pars III, 68.

происходитъ отъ недостатка словеснаго обозначенія, и чтобы лучше отвѣтить на вопросъ, нужно различать въ неопредѣленномъ предложеніи формальную и матеріальную стороны, т. е. то́, что безусловно и есть въ себѣ, и то́, что внесено въ силу даннаго содержанія. Предложеніе, неопредѣленное per se, отличается отъ общаго и частнаго, какъ родъ отъ видовъ [1]). Вторая глава касается одного изъ правилъ, которыя примѣняются въ спорахъ [2]); третья доказываетъ возможность примѣненія математики къ праву по вопросу одного изъ законовъ Солона: „если кто копаетъ яму или могилу, то долженъ отойти отъ сосѣднихъ владѣній настолько, насколько она простирается въ глубину [3])“. Основанія этого закона должны быть, по мнѣнію Лейбница, почерпнуты изъ геометріи и статики. Затѣмъ слѣдуетъ физика, и четвертая глава спрашиваетъ: могутъ-ли занимать два тѣла заразъ одно мѣсто? [4]) а пятая, какъ бы въ pendant, рѣшаетъ вопросъ о терминахъ движенія [5]), спрашивая, напр., есть ли вообще въ небѣ и, слѣдовательно, въ мірѣ, правая и лѣвая стороны? Съ шестой главы по десятую разбираются частные вопросы: о разныхъ родахъ движеній, встрѣчающихся въ практикѣ права [6]), о достоинствѣ частей у животныхъ [7]), о томъ, способны-ли безсловесныя животныя къ пониманію права и обиды [8]), о подраздѣленіяхъ права [9]);

---

[1]) Ib., 71.

[2]) «Notus est apud Philosophos canon: *Affirmanti incumbit probatio*, qui non videtur consistere cum altero illo posse, *quod opponens teneatur ad probationem*. Ib., 72.

[3]) Ib., 73.

[4]) Ib., 74.

[5]) ...de quibus, замѣчаетъ Лейбницъ, *Aristoteles* l. 2. de Coelo c. 2..... explicat..... Ib., 75.

[6]) Ib., 76. Напр., ut in *Alluvione... Accessione...*

[7]) Ib., 77: ...notum est, Aristotelem cordi principatum detulisse...

[8]) Ib., 79. «Jus igitur, говоритъ между прочимъ Лейбницъ, brutis non est nisi *ἀναλογία*». Ib., 80.

[9]) Ib., 79. Различается jus naturale, positivum, negativum, determinativum, primaevum, secundarium.

о принадлежности къ дикимъ животнымъ пчелъ, голубей и павлиновъ [1]); наконецъ, о гиппоцентаврахъ [2]). Въ одиннадцатой главѣ Лейбницъ говоритъ, что смѣлость новаго времени очень велика: отрицаютъ даже тожественность общей сущности у всѣхъ людей [3]). Съ двѣнадцатой главы начинается трактованіе метафизическихъ темъ. Главное въ метафизикѣ— это соображеніе о самой основѣ существъ: могутъ-ли быть два противорѣчивыхъ понятія заразъ ложными, или бытіе и небытіе допускаютъ среднее. Въ этой главѣ дѣло идетъ о соединеніи существа съ несуществомъ [4]). Далѣе (въ главахъ 13—15) Лейбницъ разсматриваетъ единеніе существа съ существомъ, которое есть или совершенное или несовершенное тожество и мыслится или отрывочно, какъ двѣ наличныхъ вещи, или какъ цѣлое, въ видѣ вытекающаго изъ нихъ результата [5]). Если отрывочно, то имѣется реальное присутствіе, а въ правѣ есть вопросъ, можетъ-ли, напр., спящій считаться дѣйствительно присутствующимъ? [6]); если какъ цѣлое, то метафизическія понятія цѣлаго и части также различаются въ правѣ [7]). Спеціальная часть метафизики права (главы 16—17) разсматриваетъ отношенія. „Основаніе отношенія есть то, въ силу чего оно находиться въ субъектѣ; причина основанія (ratio fundandi), есть то, въ силу чего оно вводится. Но отношеніе, основаніе котораго есть субстанція, присутствуетъ въ ней непосредственно; отношеніе едва нуждается въ причинѣ основанія, если его основаніе не есть количество“ [8]). Поэтому

---

[1]) Ib., 80.

[2]) О послѣднихъ Лейбницъ ставитъ два вопроса—историческій и философскій: были ли они въ дѣйствительности и возможны-ли они? Ib., 82

[3]) «...negare etiam audeant, essentiam omnibus hominibus communem eandem esse». Ib., 83.

[4]) Ib, 84. Соображенія о противорѣчивости Лейбницъ особенно старается выяснить на извѣстномъ софизмѣ о Протагорѣ и Эватлѣ. Ib., 84—85.

[5]) Ib., 86. Относительно тожественности Лейбницъ спрашиваетъ, происходитъ ли она отъ устойчивости формъ или отъ длительнаго пребыванія матеріальныхъ частицъ, и перечисляетъ разные ея виды.

[6]) Ib, 87.

[7]) Ib., 88.

[8]) Ib., 91.

послѣднимъ вопросомъ сочиненія (глава 17) является вопросъ, можетъ-ли какое нибудь отношеніе быть обосновано на отношеніи же. Въ подобныхъ мысляхъ чувствуется какъ бы первый намекъ на законъ достаточнаго основанія.

Диссертація богата философскими мыслями и, не смотря на отрывочность изложенія, представляетъ изъ себя нѣчто стройное [1]). Кабитцъ говоритъ, что въ ней нѣтъ еще признаковъ вліянія атомистики, хотя замѣтны слѣды вліянія Вейгеля [2]). Можно также найти въ ней слѣды чтенія Аристотеля, Гассенди, Платона [3]) и Гоббеса [4]).

Продолженіемъ второй диссертаціи слѣдуетъ считать непосредственно за ней написанное и тоже публично обсуждавшееся сочиненіе Лейбница объ условіяхъ въ правѣ. Въ

---

[1]) Корольларіи дисертаціи не связаны съ ея содержаніемъ. Одинъ изъ нихъ относится къ метафизикѣ, другой къ физикѣ; третій не имѣетъ значенія. Вотъ первые два: «1. Ens rationis male definitur, quod nec sit nec esse possit. 2. Vacuum non dari, probatum firmiter nondum vidimus».

[2]) Kabitz. Op. cit., 50.

[3]) На Аристотеля Лейбницъ ссылается между прочимъ по поводу утвержденія Скота объ измѣненіи въ живыхъ тѣлахъ заразъ и формы, и матеріи. Такое утвержденіе противорѣчило Аристотелю. D. IV, pars III, pp. 86—87. На Гассенди и Платона ссылки на стр. 76, 84, 86 и 88. Ib.

[4]) Что касается Гоббеса, то о немъ Лейбницъ между прочимъ вспоминаетъ, рѣшая вопросъ о разумности животныхъ. «Ex *Philosophis* vero P. *Gassendus* videtur hic minus circumspecte *Epicuro* suo obsecundasse, is enim brutis rationem dedit, quod animam rationalem ex Atomis contexeret, quas etiam in brutis collocabat. Christianis vero si rationem suam brutis communicant, quid reliquum sit ad tuendam animae immortalitatem, non video. Certe acutissimus alias vir, *Th. Hobbius*, dum nimis Physicus esse studet, religionem fere perdidit, nec dubitavit libro de Homine profiteri, animam nostram corpoream esse ac sua natura mortalem: utrum vero ab omnipotentia DEI immortalitatem habitura, an vero interitura penitus sit, penes Majestatem in Republica decidendi jus esse. Quare summopere aversanda illa sententia, quod rationis vestigia tantum in homine clarius appareant, non enim sic substantialiter, sed intensione solum a brutis differemus». Ib., 80. Эти размышленія надъ сочиненіями Гоббеса могутъ дополнять тѣ замѣтки о немъ, которыя нашелъ Кабитцъ въ Королевской ганноверской библіотекѣ на поляхъ принадлежавшихъ Лейбницу работъ Якова Томазія и Д. Сталя; (Изданія 1655 и 1661 г.г.). Нужно только пожалѣть, что названныя замѣтки не имѣютъ точной хронологической даты. (Kabitz. Op. cit., 11. Примѣч. 2).

первомъ изданіи оно состояло изъ двухъ частей, но впослѣдствіи приняло тотъ видъ, какой имѣетъ теперь въ изданіи Дютана [1]). Такъ какъ передѣлывая работу, Лейбницъ не особенно измѣнилъ общій ходъ ея основныхъ идей, то, въ параллель ко второй диссертаціи, можно дать здѣсь, по Дютану резюме труда и его образчикъ, который, можетъ быть, былъ написанъ подъ вліяніемъ Вейгеля. Лейбницъ предлагаетъ десять главъ. Въ началѣ ихъ онъ обыкновенно помѣщаетъ опредѣленія, а затѣмъ въ видѣ теоремъ приводитъ разные выводы. Первыя двѣ главы разбираютъ условныя предложенія въ цѣломъ и по существу, обсуждая вопросы въ родѣ, напр., того, что „условіе ничего не полагаетъ“, [2]) и трактуя о понятіяхъ природы и дѣйствія. Третья глава говоритъ объ общей формальной сторонѣ условныхъ предложеній—союзахъ и связкѣ. Съ четвертой главы идетъ обзоръ частей условныхъ предложеній. Лейбницъ хочетъ разсмотрѣть какъ условіе, такъ и то, что обусловлено, прежде всего абсолютно, въ зависимости отъ толкованія встрѣчающихся въ нихъ общихъ понятій и терминовъ (главы IV и V), при чемъ авторъ не упускаетъ случая помѣстить теорему о столкновеніи тѣлъ. „Эта теорема, говоритъ Лейбницъ, имѣетъ большое значеніе и древними юристами выводилась изъ самаго права природы... Пусть дано тѣло A, на которое въ то-же время однообразнымъ движеніемъ стремятся два тѣла B и C, одно по линіи BA, другое по линіи CA. Разсѣчемъ пополамъ уголъ BAC прямою AD, обратной двумъ двигающимся B и C и продолжимъ линіи BA до точки E и CA до точки F. Я говорю, что тѣло A пойдетъ по линіи AD. Вѣдь когда толчокъ пойдетъ по продолженію линій, то и линіи толчковъ будутъ продолжены AE, AF. Значитъ, если бы былъ толчокъ отъ одного только B, то продолжилась бы линія AE, а если бы отъ одного только C, то—линія AF. При встрѣчѣ же того и другого тѣла, они, конечно, не будутъ въ покоѣ, ибо есть толчокъ, и толчокъ многаго въ одну и ту же, не противополож-

---

[1]) Первая часть сочиненія вышла 24 іюля, вторая—17 августа 1665 года. Какъ единое цѣлое объ части были изданы въ 1667 году. Дютанъ даетъ перепечатку съ изданія 1672 года.

[2]) Unde cum dico, si asinus volat, habet alas, neque affirmo directe, neque nego asinum volare“. D. IV, pars III, 97.

ную сторону; и однако не будетъ движенія сталкивающихся тѣлъ по продолженію ни той, ни другой линіи, такъ какъ хотя толчокъ тѣлъ сдѣлается общимъ, но нѣтъ причины, почему бы тѣла двигались въ одну сторону лучше, чѣмъ въ другую: вѣдь ничего нѣтъ безъ причины. Еще менѣе они будутъ двигаться вмѣстѣ по той и другой линіи, такъ какъ ничто не можетъ быть заразъ во многихъ мѣстахъ, и движеніе не будетъ идти по какой нибудь линіи, лежащей между AE и AF, кромѣ AD, потому, что всѣ прочія линіи склоняются къ одной изъ этихъ двухъ, тогда какъ однако не было причины склоненія. Между тѣмъ одна только AD даетъ склоненіе, равное къ обѣимъ линіямъ, то есть равные углы, ибо по построенію разсѣкаетъ пополамъ уголъ EAF. Значитъ, по одной только AD происходитъ движеніе, что и требовалось доказать. Приложимъ теперь это къ юридической области. Два сталкивающихся тѣла суть подобіе движеній BA и CA... на это похоже слѣдованіе твердой массы въ правѣ и абсолютно большей части вещи, т. е. всей, когда она ничего другого не встрѣчаетъ". [1]) Разсмотрѣвъ условность и разъясняющія ее обстоятельства, Лейбницъ разбираетъ затѣмъ условіе и то, что обусловлено, по отношенію къ формѣ и матеріи частей условнаго предложенія (главы VI—IX). Форма заключается въ количествѣ и качествѣ; матерію частей условныхъ предложеній составляютъ личности и вещи, которыя вводятъ мѣсто и время. Въ десятой, заключительной главѣ Лейбницъ обсуждаетъ осуществленіе всего условнаго предложенія, поскольку это осуществленіе есть право. Изложенное сочиненіе также обнаруживаетъ внимательное отношеніе къ Аристотелю и Гоббесу. [2]) Интересенъ въ немъ фактъ формулировки извѣстнаго положенія Лейбница: nihil autem fit sine causa. [3])

[1]) Ib. 117—118. На математическій элементъ въ этомъ сочиненіи обращаетъ вниманіе также F. Alengry: De jure apud Leibnitium. Burdigalae. 1899. P. p. 39—41. По его мнѣнію, тутъ сказалось подражаніе Спинозѣ, геометрически изложившаго труды Декарта. Вліяніе Вейгеля можно видѣть тутъ по тому, что аналогичное по духу рѣшеніе вопроса не безъ вліянія Вейгеля мы только-что имѣли въ Specimen Quaestionum по поводу закона Солона.

[2]) Ib. Объ Аристотелѣ p. 93; изъ сочиненій Гоббеса упоминается книга De corpore. P. p. 94 и 105.

[3]) Эта фраза не можетъ считаться въ сочиненіи случайнымъ оборотомъ рѣчи. Она представляетъ больше чѣмъ намекъ на Lex rationis sufficien-

Коньектура къ парадоксу Анаксагора.

Одновременно съ этими юридическими трудами Лейбницъ продолжалъ углублять пріобрѣтенныя въ Іенѣ познанія по математикѣ и интересоваться атомистикой. Онъ самостоятельно начинаетъ изучать ряды чиселъ и приходитъ къ открытію нѣсколькихъ теоремъ по теоріи соединеній. Эти теоремы онъ, слѣдуя методу Вейгеля, прилагаетъ къ одной изъ областей философіи—логикѣ. Такимъ образомъ еще въ 1665 году[1]) вырабатывается сочиненіе, которое въ слѣдующую весну Лейбницъ защищаетъ pro loco, на право занимать мѣсто въ факультетѣ. И вотъ, можетъ быть, во время приготовленія этого сочиненія къ печати, Лейбницъ, видимо, заинтересовывается парадоксомъ Анаксагора, что снѣгъ черенъ. Онъ пытается доказать этотъ парадоксъ съ точки зрѣнія атомистической теоріи и сообщаетъ результаты своихъ соображеній Якову Томазіусу, который находитъ ихъ до такой степени любопытными, что проситъ Лейбница прислать ихъ ему въ изложеніи. Эта коньектура къ парадоксу Анаксагора сохранилась[2]). Предположимъ, говоритъ Лейбницъ, что всякій цвѣтъ есть отпечатокъ въ чувствующемъ аппаратѣ[3]), т. е. не качество въ вещахъ, а внѣшнее наименованіе или, какъ зоветъ Гоббесъ, фантасма. Тогда, если мы не чувствуемъ, то у насъ нѣтъ и ощущенія цвѣта. Между тѣмъ чернота не столько цвѣтъ, сколько отсутствіе цвѣта, т. е. мы говоримъ, что видимъ черное, когда не видимъ ничего. Отсюда слѣдуетъ, что все темное—черно само по себѣ, и, значитъ, снѣгъ черенъ. Анаксагоръ, желая, чтобы парадоксъ былъ удивительнѣе, примѣнилъ его къ тому, что считается всего бѣлѣе. Приведенному доказательству Лейбницъ старается дать

---

tis. Подробное изложеніе De conditionibus смотр. въ концѣ книги: приложеніе II-е.

[1]) Свидѣтельство Лейбница 1691 г.: «Libellus ab Autore admodum juvene anno 1665 compositus»... G. IV, 103.

[2]) «Conjectura cur Anaxagoras nivem nigram dicere potuisse videatur petenti Jac. Thomasio in scheda missa d. 16. Febr. 1666». G. I, 8.

[3]) Въ подлинникѣ: impressio in sensorium. Ib.

подробное атомистическое объясненіе. Цвѣтъ есть ничто иное, какъ отпечатокъ въ глазу. Этотъ отпечатокъ происходитъ отъ свѣтлыхъ атомовъ, брошенныхъ свѣтлымъ тѣломъ въ освѣщаемое темное и оттуда отраженныхъ въ глазъ, а изъ оптики извѣстны три начала: огонь, атомы котораго пирамидальны[1]), вода, которая въ разрѣженномъ состояніи превращается въ воздухъ и атомы которой круглы, и земля, атомы которой кубичны. Огонь есть принципъ свѣта, вода—черноты, земля—цвѣта. Такъ какъ огонь и свѣтъ матеріально одно и то же, и вмѣстѣ съ тѣмъ кубическіе атомы могутъ соединяться, не оставляя пустого пространства, то они могутъ служить причиной, почему атомы огня, т. е. цвѣта, отражаются. Но между сферическими атомами, при ихъ соединеніи, много бываетъ пустого пространства, и они не допускаютъ отраженія[2]), т. е. не даютъ цвѣта, почему и служатъ причиной черноты. Если принять, что снѣгъ есть сгущенная вода, то ясно, что онъ черенъ.

Такъ подъ вліяніемъ Магненуса и Гассенди[3]) примѣняетъ Лейбницъ начала атомистики. Доказательство идетъ, какъ и въ предыдущихъ сочиненіяхъ, отъ общаго къ частному; оно основано на гипотезахъ. Лейбницъ принималъ подобныя гипотезы —по крайней мѣрѣ, поскольку онѣ касались самыхъ основъ атомистики—не только во время писанія коньектуры, но и позднѣе, когда издавалъ диссертацію pro loco въ видѣ части трактата De arte combinatoria.

Третья диссертація Лейбница.

Эта, третья по счету, оффиціальная диссертація называлась „Ариѳметическое разсужденіе о соединеніяхъ“. Даже въ качествѣ отрывка, сочиненіе не было лишено цѣльности и съ этой точки зрѣнія можетъ быть разсмотрѣно самостоятельно тѣмъ болѣе, что въ немъ вполнѣ законченнымъ образомъ была выражена весьма важная группа идей, явившаяся у Лейбница подъ вліяніемъ изученія новой философіи. Работа заключала въ себѣ предисловіе, рядъ оп-

---

[1]) «Atomi... pyramidales, замѣчаетъ Лейбницъ, sunt subtilissimae, habent vim fodiendi etc., quae sunt ignis propria». Ib.

[2]) «ubi enim nihil obstat, penetrant potius, quam reflectuntur». Ib., 9.

[3]) Kabitz. Op. cit., 51—53.

редѣленій, одну проблему и корольяріи [1]). Въ предисловіи высказаны основныя идеи. Лейбницу кажется, что метафизика должна трактовать, какъ о существахъ, такъ и о ихъ состояніяхъ, а состоянія бываютъ или абсолютными—и тогда называются качествами, или респективными—и тогда называются количествами, т. е. отношеніями; напр., вещи къ ея части или вещи къ вещи. Всякое отношеніе, говоритъ далѣе Лейбницъ есть въ свою очередь или единство, или соотвѣтственность. Въ единствѣ различаютъ части. Если послѣднія берутся вмѣстѣ съ единствомъ, то получается цѣлое. Это происходитъ всякій разъ, когда многое въ его совокупности мы полагаемъ единымъ. И ясно, что единое есть то, что мыслится въ одномъ актѣ разума или заразъ. Такъ, напр., въ смутномъ мышленіи мы часто обнимаемъ сколь угодно большое число [2]). Изъ этихъ положеній Лейбницъ путемъ повторной абстракціи образуетъ понятіе числа: „абстрактное отъ единаго есть единичность, а само цѣлое абстрактное отъ единичностей, или цѣлостность, называется числомъ[4] [3]). Схоластики, замѣчаетъ Лейбницъ, думали ошибочно, что число происходитъ отъ одного только безпрерывнаго дѣленія и не можетъ быть прилагаемо къ безтѣлесному; число есть какъ бы безтѣлесная фигура, происшедшая изъ соединенія какихъ угодно вещей, напр., Бога, ангеловъ, человѣка, движенія, которыхъ вмѣстѣ четыре; а разъ оно отличается та-

---

[1]) Кортхольтъ во второй части изданныхъ имъ писемъ Лейбница напечаталъ трактатъ Disputatio arithmetica de complexionibus цѣликомъ. Трактатъ былъ защищенъ 7 марта 1666 г. Viri illustris Godefridi Guil. Leibnitii Epistolae ad diversos. Volumen II... e msc. auctoris edidit et dissertationem praefationis loco praemisit Christian. Kortholtus. Lipsiae 1735. P. 48.

[2]) G. IV, 35. Разъясняя одинъ изъ постулятовъ въ Ars combinatoria, Лейбницъ писалъ: «Conceptus p a r t i u m est, ut sint entia plura, de quibus omnibus si quid intelligi potest, quoniam semper omnes nominare vel incommodum vel impossibile est, excogitatur unum nomen, quod in ratiocinationem pro omnibus partibus adhibitum compendii sermonis causa, appellatur T o t u m. Cumque datis quotcunque rebus, etiam infinitis, intelligi possit, quod de omnibus verum est, quia omnes particulatim enumerare infinito demum tempore p o s s i b i l e est, licebit unum nomen in rationes ponere loco omnium, quod ipsum erit T o t u m». Ib., 32.

[3]) Ib., 35.

кой общностью, то его обработка несомнѣнно принадлежитъ метафизикѣ.

Какъ же слѣдуетъ заниматься проблемой числа? Въ диссертаціи Лейбницъ хочетъ поставить вопросъ широко,— изучить то, что касается самыхъ разнообразныхъ наукъ. Цѣлое, говоритъ онъ, можетъ быть разложено на части, которыя сами представляютъ какъ бы меньшія цѣлыя. Въ томъ случаѣ, если въ послѣднихъ даны общія части, мы имѣемъ основаніе для соединенія [1]). Пусть, напр., цѣлое есть ABC, тогда меньшія цѣлыя будутъ AB, BC, AC [2]). Расположеніе частей можетъ варьироваться между собой и съ цѣлымъ; отсюда два рода измѣненій: варіаціи соединеній и варіаціи положеній. Тѣ и другія будутъ принадлежать метафизикѣ, если ихъ ингредіенты—части и цѣлыя—разсматривать въ себѣ.

Приступая къ изложенію проблемъ, Лейбницъ даетъ опредѣленія, изъ которыхъ для пониманія дальнѣйшаго необходимы конецъ десятаго и двѣнадцатое.

10. „Число вмѣстѣ и сразу подлежащихъ соединенію частей или единствъ называется экспонентомъ по примѣру геометрической прогрессіи [3]). Напр., пусть цѣлое есть ABCD. Если меньшія цѣлыя должны состоять изъ двухъ частей, положимъ AB, AC, AD, BC, BD, CD, то экспонентъ будетъ 2; если изъ трехъ, положимъ ABC, ADB, ACD, BCD, то—3".

12. „Просто-соединенія суть сумма всѣхъ соединеній всѣхъ экспонентовъ; напр., 15 изъ числа четыре" [4])....

На основаніи указанныхъ принциповъ Лейбницъ рѣшаетъ задачу: по данному числу и экспоненту, найти соединенія. Рѣшеній, говоритъ онъ, есть два рода: одно—для всѣхъ соединеній, другое—только для соединеній по два; послѣднее

---

[1]) Ib., 36.

[2]) Изъ этого примѣра видно, что Лейбницъ подъ соединеніями понималъ какъ будто такъ называемыя теперь сочетанія, но терминъ complexio имѣетъ у него вообще болѣе широкій смыслъ.

[3]) Экспонентъ геометрической прогрессіи есть ея знаменатель.

[4]) Лейбницъ прибавляетъ: «quae componuntur ex 4 (unione), 6 (com 2 natione), 4 (con 3 natione), 1, (con 4 natione)», т. е. просто-соединеніе равно суммѣ сочетаній $C^1_4+C^2_4+C^3_4+C^4_4$. Ib., 38.

общеизвѣстно, первое открыто имъ [1]). Оно заключается въ томъ, „что складываются соединенія экспонента предшествующаго и даннаго отъ предшествующаго числа; въ результатѣ будутъ искомыя соединенія. Напр., данное число 4, данный экспонентъ 3; складываются отъ предшествующаго числа 3 комбинаціи—3 и контернація—1; 4 будетъ искомый результатъ“ [2]). Такимъ образомъ Лейбницъ нашелъ извѣстную теорему

$$(n)_k=(n-1)_{k-1}+(n-1)_k$$

которая дала ему возможность составить, начиная съ единицы, слѣдующую таблицу:

Экспонентъ.									Соединенія.
0	1	1	1	1	1	1	1	1	
1	0	1	2	3	4	5	6	7	
2	0	0	1	3	6	10	15	21	
3	0	0	0	1	4	10	20	35	
4	0	0	0	0	1	5	15	35	
5	0	0	0	0	0	1	6	21	
6	0	0	0	0	0	0	1	7	
7	0	0	0	0	0	0	0	1	
*	0	1	3	7	15	31	63	123	
+	1	2	4	8	16	32	64	124	

[1]) Когда Лейбницъ писалъ диссертацію, онъ не зналъ сочиненія Паскаля объ ариѳметическомъ треугольникѣ, созданнаго въ 1654 г., но напечатаннаго только въ 1665 г. По признанію самого Лейбница, онъ тогда былъ «ignarus alienorum inventorum». G. IV, 103. Другой отзывъ о диссертаціи представляетъ почти повтореніе этихъ словъ: «est quidem ea Dissertatio, qualis scribi potuit a juvene, nunc primum a schola prodeunte et nullis adhuc scientiis realibus imbuto» E., 163.

[2]) G. IV, 39.

Вторая горизонтальная строка этой таблицы сверху заключаетъ рядъ данныхъ натуральныхъ чиселъ, вертикальная строка слѣва—рядъ послѣдовательныхъ экспонентовъ, вторая строка снизу, отмѣченная звѣздочкой — „просто-соединенія“, которыя, по прибавленіи единицы оказываются совпадающими съ геометрической прогрессіей нижней строки. Остальныя горизонтальныя строки содержатъ соединенія даннаго числа, взятаго соотвѣтственно во второй верхней горизонтальной строкѣ, и даннаго экспонента слѣва. Вслѣдъ за таблицей, Лейбницъ приводитъ семь теоремъ, изъ которыхъ наиболѣе интересная есть

$$(n)_k = (n)_{n-k}.$$

Доказательства теоремъ, по мнѣнію Лейбница, очевидны изъ способа образованія таблицы [1]).

Таково было главное содержаніе работы.

Корольларіи третьей диссертаціи. Обычай времени, въ которое жилъ Лейбницъ, требовалъ отъ диссертаціи корольларіевъ. Въ нихъ Лейбницъ помѣстилъ нѣсколько предложеній по логикѣ, физикѣ и этикѣ. Изъ области логики трактуются основанія сужденій, методъ и силлогизмъ.

1. „Есть два первичныхъ предложенія: одно принципъ всѣхъ теоремъ или необходимыхъ предложеній: что есть (таково), то есть или не есть (таково), или наоборотъ; другое—принципъ всѣхъ наблюденій или случайныхъ предложеній: нѣчто существуетъ.

2. „Во всѣхъ наукахъ даются полныя доказательства.

3. „Если науки разсматривать въ себѣ, то онѣ всѣ

---

[1]) Съ методологической точки зрѣнія важно отмѣтить, что въ доказательствахъ Лейбницъ идетъ отъ частнаго къ общему. Такъ, напр... доказывая, что $(n)_k = (n)_{n-k}$, онъ пишетъ: «Nam cum in minimis exponentibus 1 et 2, in quos bisecatur numerus 3, id verum sit quasi casu, per tab... et vero caeteri ex eorum additione oriantur per solut. probl. 1, si aequalibus (3 et 3) addas aequalia (superius 1 et inferius 1), producta erant aequalia (3+1. f. 4= 4), et idem eveniet in caeteris necessitate». Ib., 41.

теоретичны; если—въ примѣненіи, то всѣ касаются практики. Однако тѣ науки, изъ которыхъ примѣненіе вытекаетъ болѣе непосредственно, справедливо называются практическими *κατ' ἐξοχήν*.

4. „Хотя, что бы слѣдовать... по пятамъ нашего изученія, или по пятамъ раскрывающейся природы, во всякой наукѣ методъ можетъ быть примѣненъ всякій, однако на практикѣ дѣлается такъ, что бы порядокъ ознакомленія и порядокъ природы совпадали, потому что въ нихъ сама природа вещи является зависимой отъ нашего мышленія и вывода. Ибо цѣль и движетъ насъ среди выводовъ, къ которымъ мы должны прійти, и ведетъ къ тому, что̀ должно быть познано... Кромѣ того, хотя всякій методъ допустимъ, но не всякій полезенъ.

5. „Силлогизмъ не есть цѣль логики, но простое созерцаніе (contemplatio); предложеніе есть средство для созерцанія, а силлогизмъ—для предложенія“ [1]).

Приведенная группа корольяріевъ есть обзоръ логической системы, которой держался въ то время Лейбницъ. Метафизическіе корольяріи менѣе значительны, но также характерны.

1. „Безконечное—одно больше другого....

2. „Богъ—субстанція, а тварь—акциденція.

3. „Необходимо дать науку о твари вообще; теперь она почти вся заключается въ метафизикѣ.

4. „Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ, что терминъ „причина“ означаетъ одно и тоже понятіе для причинъ: дѣйствующей, матеріальной, формальной и конечной. Ибо развѣ слово вліяніе (influxus) не есть также только слово“ [2]).

Корольяріи по физикѣ касаются вращенія земли вокругъ оси; первичныхъ качествъ тѣлъ—влажнаго и сухого, теплаго и холоднаго, которыя всѣ выводятся изъ главнаго различія вещей, плотности и рѣдкости; наконецъ,—силы магнита [3]). Корольяріи по этикѣ (corollaria practica) относят-

---

[1]) Ib., 41.

[2]) Ib., 41—42.

[3]) «Vim Magnetis ab Adamante sisti fictum est» замѣчаетъ Лейбницъ. Ib., 42.

ся къ опредѣленію справедливости и справедливаго въ узкомъ смыслѣ этого слова.

1. „Справедливость (частная) есть добродѣтель, сохраняющая умѣренность относительно страстей человѣка къ человѣку, относительно помощи и вреда, благосклонности или ненависти. Правило умѣренности таково: позволительно помогать другому до тѣхъ поръ, пока нѣтъ вреда третьему [1])....

2. „....Справедливое полезно тому, кто болѣе могущественъ [2]). Ибо Богъ преимущественно и естественно могущественнѣе прочихъ.... Но полезность для Бога состоитъ не въ выгодѣ, а въ чести. Такимъ образомъ ясно, что мѣра всякаго права есть слава Божія. И кто послушаетъ теологовъ, моралистовъ и писателей о рѣшеніяхъ совѣсти, тотъ увидитъ, что большинство своихъ разсужденій они основываютъ на этомъ. Итакъ, съ установленіемъ вѣрнаго принципа, ученіе о справедливомъ можетъ быть изложено научно, чего до сихъ поръ не сдѣлано".

Изъ этихъ и другихъ приведенныхъ отрывковъ диссертаціи видно, до какой степени она представляетъ важный документъ. Сравнительно съ тѣмъ, что было высказано до сихъ поръ Лейбницемъ, въ ней мы находимъ много новаго: стремленіе разсматривать математическія опредѣленія, какъ часть содержанія метафизики; пониманіе безконечнаго, какъ величины, доступной сравненію; наконецъ, коллаціи въ ихъ цѣломъ, какъ своеобразную картину одного изъ моментовъ умственнаго развитія Лейбница. Въ коллаціяхъ Лейбницъ высказался отчасти такимъ, какимъ мы знаемъ его въ позднѣйшее время. Мы видимъ тутъ и дѣленіе предложеній на необходимыя и случайныя, и намекъ на то, что воздѣйствіе тѣлъ другъ на друга (influxus) невозможно, и характерное желаніе указать, что корни понятія справедливости заключаются въ понятіи Бога, при чемъ Лейбницъ даетъ удивительное сочe-

---

[1]) Конецъ коллаціи содержитъ указаніе на противоположность взглядовъ Аристотеля и Гроція по вопросу объ умѣренности.

[2]) «Non inepte dicit Trasimachus apud Platonem», поясняетъ Лейбницъ. Вотъ это мѣсто по гречески: *φημὶ γὰρ ἐγὰ εἶναι τὸ δίκαιον οὐκ ἄλλο τι ἢ τὸ τοῦ κρείττονος ξυμφέρον*. Plato. De republica. I, 338. C.

таніе софистическаго измышленія о ней съ утвержденіями церкви. Даже пониманіе справедливости, какъ добродѣтели, основанной на умѣренности, можетъ быть отмѣчено въ качествѣ выраженія личности, склонной примирять противоположности, чѣмъ такъ отличался Лейбницъ. Черезъ всю диссертацію проходятъ красной нитью идеи новой философіи, хотя не забывается и древняя въ лицѣ Аристотеля. Опредѣленіе справедливости, по замѣчанію Д. Якоби [1]), есть передѣлка аристотелевскаго. Кромѣ того, изъ ссылки въ послѣднемъ коллоріи видно, что Лейбницъ въ то время, по всей вѣроятности, читалъ „Государство“ Платона.

Доказательство бытія Божія.

Математическія идеи, которыя служили краеугольнымъ камнемъ третьей диссертаціи, по мнѣнію Лейбница, были настолько плодотворны, что могли повлечь за собой много весьма значительныхъ примѣненій. Поэтому, независимо отъ академическихъ цѣлей, Лейбницъ разработалъ эти идеи подробно и обстоятельно, стараясь представить свои открытія въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Въ общемъ Лейбницъ на ариѳметическихъ основаніяхъ построилъ новую доктрину, желая показать употребленіе сочетаній и перестановокъ во всѣхъ наукахъ, чтобы такимъ путемъ разсѣять сѣмена логики открытій [2]). Въ началѣ онъ, кромѣ синопсиса, помѣстилъ прибавленіе, ничѣмъ несвязанное съ остальной работой, часть которой, какъ сказано, составляетъ третья диссертація. Это прибавленіе посвящено вопросу о бытіи Божіемъ и представляетъ первую попытку Лейбница самостоятельно разобраться въ сложномъ и трудномъ дѣлѣ.

Доказательство бытія Божія Лейбницъ основывалъ на опредѣленіи безтѣлесной субстанціи, обладающей безконечнымъ совершенствомъ, которая представляется, какъ первичная сила, способная вѣчно производить движеніе. Къ этому опредѣленію были приведены на помощь постулятъ о возможности брать и принимать за одно цѣлое сколько угодно предметовъ и четыре аксіомы: если что движется, то данъ двигатель; всякое двигающее

[1]) D. Iacoby. Op. cit., 12.

[2]) G. IV, 27.

Библиотека (Зимняя Пристань)

тѣло движется само; при движеніи всѣхъ частей движется цѣлое; безпрерывное — дѣлимо до безконечности [1]).

Доказательство ведется путемъ раздѣлительнаго сужденія. Лейбницъ говоритъ: если тѣло A движется, то данъ двигатель, который можетъ быть или безтѣлеснымъ, или нѣтъ. Но то, что движетъ или движется, есть субстанція; отсюда въ первомъ случаѣ двигатель есть безтѣлесная субстанція. Такъ какъ въ то же время тѣло дѣлимо до безконечности, то во время движенія оно имѣетъ безконечное количество двигающихся частей, но чтобы двигать безконечное количество частей, необходимо имѣть силу вѣчно производить движеніе; значитъ безтѣлесный двигатель есть Богъ. Съ другой стороны, если двигатель тѣла A есть также тѣло, то, по одной изъ принятыхъ аксіомъ, онъ самъ долженъ имѣть движеніе и, слѣдовательно, все сведется или къ предъидущему ходу разсужденій, или къ тому, что мы должны будемъ представить себѣ безконечный рядъ двигающихъ другъ друга тѣлъ. Но тогда ничто не мѣшаетъ намъ принять ихъ за одно цѣлое съ безконечнымъ числомъ частей, а чтобы двигать такое цѣлое опять-таки необходима субстанція безконечной силы, т. е. Богъ [2]).

Это доказательство, въ которомъ не трудно замѣтить аристотелевскую манеру, получитъ надлежащее историческое освѣщеніе, если привести въ параллель слѣдующее мѣсто изъ Метафизики великаго Стагирита: „есть нѣкоторая сущность, вѣчная, неподвижная и отдѣленная отъ чувственныхъ вещей... Этой сущности несвойственно имѣть какую либо величину. Напротивъ, она не имѣетъ частей и не дѣлима, ибо движетъ безконечное время, а ничто ограниченное не имѣетъ безконечной силы“ [3]). Вмѣсто слова δύναμις стоило Лейбницу поставить слово virtus и, немного видоизмѣнивъ мысль Аристотеля, онъ могъ получить свое главное опредѣленіе Божества. Въ умозаключеніи отъ безконечнаго ряда движеній къ неподвижной первопричинѣ могло сказаться

---

[1]) Эта аксіома выражена Лейбницемъ еще такъ: «Cujuscunque corporis infinitae sunt partes». Ib., 32.

[2]) Ib., 33.

[3]) Aristot. Metaph. A. 7. 1073a, 4.

также вліяніе „Физики“ Аристотеля [1]). Обо всемъ доказательствѣ въ его цѣломъ можно сказать, что хотя оно имѣетъ довольно стройный внѣшній видъ, но по существу заключаетъ въ себѣ petitio principii: реальное движеніе ведетъ въ немъ къ возможности безконечнаго движенія, какъ силѣ, которая, поскольку она сила, сама опредѣляется черезъ воздѣйствіе на безконечное число частей, существованіе которыхъ можетъ уже предполагать движеніе [2]).

Таково было прибавленіе, сдѣланное Лейбницемъ въ Ars combinatoria.

Искусство комбинацій въ его примѣненіи къ дѣленію понятій.

Что же дано было Лейбницемъ новаго въ трактатѣ съ философской точки зрѣнія и особенно съ точки зрѣнія логики въ связи съ математикой? Обратимся къ его содержанію.

За первой проблемой, которой закончилась третья диссертація, идетъ другая: по данному числу найти простс-соединенія [3]). Давъ общее рѣшеніе этой задачи, Лейбницъ показываетъ приложенія первой и второй проблемы. Всѣхъ приложеній двѣнадцать: девять относятся къ дѣленію понятій въ широкомъ смыслѣ этого слова, и три къ предложеніямъ. Такимъ образомъ, логика открытій дѣ-

---

[1]) Phys. Θ. 5; особенно 256a, 13—256b, 20.

[2]) Слабость аргументаціи въ этомъ доказательствѣ съ другой точки зрѣнія отмѣчаетъ Ar. Hannequin. (Quae fuerit prior Leibnitii philosophia seu de motu, de mente, de Deo doctrina ante annum 1672. Lutetiae Parisiorum. 1895. P.p. 147—148.) Прежде всего нужно замѣтить, говоритъ Ганнекенъ, что аргументація опирается на невозможность изложить движеніе въ мірѣ иначе, какъ при помощи перваго двигателя, и что этотъ двигатель не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ разума. Далѣе въ аргументаціи есть допущеніе, что міръ безконеченъ и что всякое тѣло дѣлимо до безконечности (partes infinitas habeat), а это не совсѣмъ послѣдовательно для поклонника атомистической гипотезы, какимъ въ то время былъ Лейбницъ. Оправдывать можетъ только одно: самъ Эпикуръ допускалъ это по свидѣтельству Лукреція (Lucretius. De rerum natura. I, 599—634), такъ что къ Лейбницу могла перейти такая мысль отъ другихъ. Лейбницъ впослѣдствіи не признавалъ своего доказательства. Въ 1691 г. онъ писалъ: «demonstratio existentiae Dei, libello adjecta, tametsi aliquid boni contineat, ipsi Autori numeris omnibus absoluta nunc non videtur». G. IV, 104.

[3]) G. IV, 43.

лится на двѣ части. Мы изложимъ ихъ отдѣльно, присоединивъ обзоръ конца сочиненія.

Для логики открытій весьма важно, что части, на которыя распадается все реальное или мыслимое, различны между собой [1]). Отъ этого дѣлается возможнымъ употребленіе соединеній. „Съ помощью соединеній, говоритъ Лейбницъ, находятся не только виды вещей, но и аттрибуты“ [2]), не только простые, находимые посредствомъ дѣленія, но и сложные термины. Въ области дѣленія понятій употребленіе соединеній трояко: „1) по данному основанію дѣленія найти виды дѣленія; 2) по большинству данныхъ дѣленій одного и того же рода, найти виды, составленные изъ различныхъ дѣленій.... 3) по даннымъ видамъ найти подчиненные виды“. [3]) Примѣровъ этому множество во всей философіи, юриспруденціи, медицинѣ. Первый образчикъ примѣненія соединеній Лейбницъ даетъ изъ области юриспруденціи, второй—изъ аристотелевской физики относительно вывода числа элементовъ изъ числа первичныхъ качествъ; третій—изъ ариѳметики [4]), четвертый—изъ акустики. Въ пятомъ Лейбницъ показываетъ необходимость дѣлать выборъ среди логическихъ комбинацій.

„Ѳома Гоббесъ, пишетъ Лейбницъ, въ сочиненіи „De corpore p. 1., c. 5, раздѣляетъ вещи, термины которыхъ—по его выраженію nominata...—даны въ предложеніи, на тѣла (т. е. субстанціи, ибо у него всякая субстанція—тѣло), акциденціи, явленія и имена. [5]) Такимъ образомъ названія принадлежатъ или тѣламъ, напр., человѣкъ; или акциденціямъ, напр., все абстрактное, разумность, движеніе; или явленіямъ,

---

[1]) «...eo differre, quod alias partes habent, .. vel quod alio situ... illic materiae, hic formae diversitate censentur». Ib., 44.

[2]) Ib.

[3]) Ib.

[4]) Ib., 45.

[5]) Вотъ это мѣсто изъ De corpore. «Rerum autem nominatarum genera quatuor sunt, nimirum corpora, accidentia, phantasmata, et nomina ipsa. Itaque in omni vera propositione, necesse est nomina copulata vel ambo esse corporum, vel ambo accidentium, vel ambo phantasmatum, vel ambo nominum». Thomae Hobbes Malmesburiensis opera philosophica quae latine scripsit omnia... studio et labore G. Molesworth. Vol. I. Londini. 1839. P. 51.

куда относятся пространство, время, всѣ чувственныя качества и проч.; или именамъ, куда относятся названія второго порядка. [1]). Такъ какъ эти элементы комбинируются между собою шесть разъ, то столько же является и родовъ предложеній, а съ придачей тѣхъ, гдѣ комбинируются однородные термины (тѣло приписывается тѣлу, акциденція—акциденціи, явленіе—явленію, второе понятіе—второму понятію), именно четырехъ, всего—десять. Изъ нихъ, полагаетъ Гоббесъ, съ пользою комбинируются одни только однородные термины. Если же, какъ утверждаетъ и обычная философія, мало хорошаго ставить взаимно предикатами абстрактное и конкретное акциденцію и субстанцію, понятіе первое и второе, то для изобрѣтательнаго искусства предложеній будетъ невредно соблюдать тщательный выборъ полезныхъ комбинацій изъ безчисленной смѣси вещей". [2])

Шестое примѣненіе соединеній касается категорическаго силлогизма. Лейбницъ задался цѣлью опредѣлить число его модусовъ. Модусъ есть форма силлогизма по основанію количества и качества; по количеству предложенія бываютъ общія, частныя, неопредѣленныя и единичныя, то есть U. P. I и S; по качеству—утвердительныя и отрицательныя, A и N. Пользуясь тими обозначеніями, Лейбницъ даетъ изслѣдованіе различныхъ соединеній посылокъ сначала съ точки зрѣнія количества и качества, а потомъ съ точки зрѣнія утвержденія и отрицанія. [3]) Всѣхъ модусовъ силлогизма Лейбницъ насчитываетъ 512, изъ которыхъ полезны 88. Такое число полезныхъ модусовъ получилось отъ того, что Лейбницъ принималъ согласно Базельскому профессору Госпиніану, вмѣсто обычныхъ двухъ (U и P) четыре вида предложеній (еще I и S). Послѣднія Лейбницъ считаетъ однако возможнымъ разсматривать, какъ виды первыхъ, отожествляя единичныя предложенія съ общими, а неопредѣленныя съ частными. [4]) Отъ примѣненія обычныхъ правилъ силлогизма число полезныхъ модусовъ сокращается. Лейбницъ далѣе разсматриваетъ силло-

[1]) Употребленный здѣсь Лейбницемъ терминъ «secundae intentiones» взятъ у Гоббеса. De corpore. Pars I, C. II, 10: «Primae intentionis sunt nomina rerum... secundae sunt nomina nominum et orationum»...

[2]) G. IV. Ib., 46.

[3]) Ib., 47 и слѣд.

[4]) «Generaliter igitur, пишетъ Лейбницъ, pronuntiare audemus: omnis

гизмы въ зависимости отъ положенія средняго термина и защищаетъ четвертую фигуру отъ нападокъ, показывая, какъ нужно понимать аристотелевскую терминологію [1]). Въ итогѣ полезные модусы по фигурамъ распредѣляются такъ, что на каждую изъ нихъ приходится по шести модусовъ: Лейбницъ вводитъ принципъ субалтернаціи и дополняетъ изслѣдованіе Госпиніана. [2]) Этотъ принципъ служитъ Лейбницу также, для доказательства конверсіи предложеній путемъ силлогизма. [3]) Изслѣдованіе силлогизма навело Лейбница на мысль, что его ученіе о варіаціяхъ очень важно. Оно одно только, говоритъ Лейбницъ, „обнимаетъ гармонію міра, сокровенное устройство вещей и рядъ формъ.“ [4])

Седьмое примѣненіе этого ученія заключается въ сочетаніи геометрическихъ фигуръ. „При такихъ сочетаніяхъ, по мнѣнію Лейбница, не только геометрія можетъ обогатиться безконечно большимъ числомъ новыхъ теоремъ, такъ какъ но-

---

Propositio singularis ratione modi in syllogismo habenda est pro Universali, uti omnis indefinita pro particulari». Ib., 51.

[1]) «Quarta figura aeque bona est ac ipsa prima; imo si modo, non praedicationis, ut vulgo solent, sed subjectionis, ut Aristoteles, eam enunciemus et IV fiet I, et contra. Nam Arist. ita solet hanc v. g. propositionem: omne α est β, enunciare: β inest omni α. IV-tae igitur figurae designatio orietur talis: M̆ inest τῷ μ, M inest τῷ M̆, ergo M est μ; vel ut conclusio etiam sic enuntietur, transponendae praemissae, et conclusio erit: Ergo μ inest τῷ M». Ib., 52.

[2]) Госпиніанъ открылъ мордусы Barbari, Celaro, Cesaro, Camestros; Лейбницъ прибавилъ подобный же модусъ для 4-ой фигуры (Fapesmo=Camenos), хотя сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ въ выводѣ, о чемъ впослѣдствіи самъ помѣстилъ замѣтку въ Acta Eruditorum 1691 г. (по поводу неожиданно, противъ его воли, вновь появившагося изданія Ars combinatoria): «Lapsus... commissus est in Modis, quos figurae syllogisticae habent, determinandis: etsi enim verissimum sit (quod hic fortasse primum est observatum) in quavis ex quattuor figuris modos utiles reperiri totidem, nempe sex, in quarta tamen unus festinatione quadam est male positus». (Ib. 104.) L. Couturat въ своей книгѣ «La logique de Leibniz» (Paris. 1901; стр. 6, прим. 2) поправилъ согласно этимъ указаніямъ приводимую Лейбницемъ таблицу модусовъ. Другія исправленія Couturat въ Ars combinatoria смот. тамъ-же на стр. 10 и 44.

[3]) «Conversionem posse demonstrari per syllogismum adjiciendo propositionem identicam, v. g. UA in PA sic: omne α est γ, omne α est α... ergo quoddam γ est α». G. IV, 55.

[4]) Ib., 56.

вое сочетаніе порождаетъ новую сложную фигуру, вслѣдствіе созерцанія особенностей которой мы создаемъ новыя теоремы и доказательства, но это есть и вообще единственный путь проникнуть въ тайны природы (если, конечно, вѣрно, что большое сложено изъ малаго, назовешь-ли ты послѣднее атомами или молекулами). Каждый, говорятъ, тѣмъ лучше знаетъ дѣло, чѣмъ болѣе постигъ части вещи, части частей, ихъ фигуры и положенія. Это основаніе фигуръ прежде всего должно быть изслѣдовано абстрактно въ геометріи и стереометріи; отсюда, когда приступишь къ естественной исторіи и наличному существованію, т. е. къ тому, что реально находится въ вещахъ, откроются обширныя врата физики: видъ элементовъ, происхожденіе и смѣсь качествъ, происхожденіе смѣси и смѣсь смѣсей, и все то, чему мы до сихъ поръ удивлялись въ природѣ". [1]) Лейбницъ даетъ нѣсколько теоремъ о сочетаніи фигуръ и затѣмъ переходитъ къ восьмому случаю приложенія соединеній — къ изслѣдованію фактовъ судебной практики. Юриспруденція, по мнѣнію Лейбница, очень похожа на геометрію: въ той и въ другой есть элементы, есть задачи. [2]) Это—такъ же, какъ въ свою очередь юриспруденціи подобна теологія, которая представляетъ какъ бы ея частный случай, „какъ бы нѣкоторую доктрину о публичномъ правѣ, которое поддерживается среди людей въ государствѣ Бога". [3]) Девятый примѣръ употребленія соединеній посвященъ вопросу, какъ по даннымъ видамъ дѣленія найти ихъ подраздѣленія. Это послѣдняя задача перваго отдѣла.

---

[1]) Ib., 56—57.

[2]) Ib., 58.

[3]) Ib., 60. Лейбницъ продолжаетъ: «ubi *Infideles* quasi rebelles sunt, *Ecclesia* velut subditi boni, *personae Ecclesiasticae*, imo *et Magistratus Politicus* velut Magistratus subordinati, *Excommunicatio* velut Bannus, Doctrina de *Scriptura sacra et verbo Dei* velut de legibus et earum interpretatione: de *Canone* quae leges authenticae, de *Erroribus fundamentalibus* quasi de Delictis capitalibus, de *Iudicio extremo et novissima die* velut de Processu Iudiciario et Termino praestituto, de *Remissione Peccatorum* velut de jure aggratiandi, de *Damnatione aeterna* velut de Poena capitali etc.» A. Pichler замѣчаетъ по этому поводу, что здѣсь понятіе церкви употребляется въ широкомъ смыслѣ религіи вообще и что такое государство Бога не есть еще царство Христа. Op. cit. II, 7.

Предложенія, какъ комбинаціи.

Вторая часть логики открытій начинается съ десятаго примѣненія соединеній. Оно относится къ предложеніямъ. „Предложеніе, пишетъ Лейбницъ, складывается изъ субъекта и предиката; слѣдовательно, всѣ предложенія суть комбинаціи. Такимъ образомъ изобрѣтательная логика предложеній должна рѣшать такія задачи: 1, по данному субъекту найти предикаты и 2, по данному предикату найти субъекты, тѣ и другіе какъ утвердительные, такъ и отрицательные. Это понималъ Раймондъ Луллій". [1]) Лейбницъ кратко излагаетъ сущность метода Луллія и приводитъ шесть классовъ его простыхъ терминовъ, въ каждомъ по девяти названій [2]), откуда по счету Лейбница получается 511 только однихъ „просто-соединеній". [3]) Упомянувъ о трудахъ другихъ ученыхъ въ области логики предложеній, между прочимъ Гассенди, Джордано Бруно и Бэкона, Лейбницъ даетъ начала этой науки. „Умнѣйшій изыскатель принциповъ во всѣхъ вещахъ Ѳома Гоббесъ, говоритъ Лейбницъ, справедливо установилъ, что всякая работа нашего ума есть счетъ, но отъ прибавленія получается сумма, отъ вычитанія разность. (Elem. De Corp. p. I., C. I. art 2) [4]). Такимъ образомъ, подобно тому, какъ въ алгебрѣ и аналитикѣ первоначальные знаки есть + и —, такъ имѣется какъ бы двѣ связки „есть" и „не есть": тамъ умъ складываетъ, а тутъ— разъединяетъ. Въ такомъ смыслѣ „есть" не означаетъ собственно связки, а бываетъ частью предиката; двѣ же связки это—одна названная „не", а другая—не имѣющая названія. Послѣдняя однако заключается въ понятіи „есть" (in $\tau\tilde{\omega}$ est) каждый разъ, какъ это понятіе употреблено безъ частицы „не", которая сама ведетъ къ тому, что „есть" употребляется вмѣсто связки. Мы можемъ призвать на помощь слово „дѣйствительно"; напр., человѣкъ дѣйствительно есть животное; человѣкъ не—камень. Но это мимоходомъ." [5]) Далѣе

---

[1]) Ib., 61.

[2]) См. мою книгу «Генетическій методъ въ логикѣ». Казань. 1909 г. Стр. 301.

[3]) G. IV, 62.

[4]) Гоббесъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ: «Ratiocinari igitur idem est quod addere et substrahere».

[5]) Ib., 64.

по мнѣнію Лейбница, нужно заняться объясненіемъ того, изъ чего все слѣдуетъ при опредѣленіи предикаментовъ путемъ анализа. Приводимъ главнѣйшіе пункты методы. „Анализъ, пишетъ Лейбницъ, таковъ: 1. Какой-бы то ни было данный терминъ раскладывается на формальныя части, или полагается его опредѣленіе; части эти снова раскладываются на части, или полагается опредѣленіе опредѣленія терминовъ и такъ до самыхъ простыхъ частей или неопредѣлимыхъ терминовъ [1]). Ибо *οὐ δεῖ παντὸς ὅρον ζητεῖν;* и эти крайніе термины разумѣются уже болѣе не въ силу опредѣленія, а въ силу аналогіи. 2. Всѣ найденные первоначальные термины полагаются въ одномъ классѣ и означаются какими либо буквами, ради удобства счета. 3. Въ число первоначальныхъ терминовъ полагаются не только вещи, но и модусы или разсужденія. 4. Такъ какъ всѣ производные термины различаются отъ первоначальныхъ промежуткомъ, смотря по тому, изъ многихъ ли терминовъ они сложены или смотря по тому, каковъ экспонентъ соединеній, то здѣсь нужно составить столько классовъ, сколько экспонентовъ, и термины, которые сложены изъ одного и того же числа первоначальныхъ, должны быть помѣщены въ одинъ и тотъ же классъ. 5. Термины, происшедшіе черезъ комбинацію, могутъ быть написаны не иначе, какъ по написаніи первоначальныхъ терминовъ, изъ которыхъ они сложены“... [2]) При такихъ и подобныхъ имъ условіяхъ говоритъ Лейбницъ, „можно найти всѣ субъекты и предикаты какъ утвердительные, такъ и отрицательные, какъ общіе, такъ и частные. Ибо предикаты даннаго субъекта есть всѣ первоначальныя его термины, а также и всѣ ближайшіе къ первымъ производные, первоначальные термины которыхъ всѣ заключаются въ данномъ.

---

[1]) Относительно этого пріема Лейбница Кутюра замѣчаетъ: «Cette opération est, comme on voit, analogue à la décomposition d'un nombre en facteurs premiers»; Op. cit., 40—41.

[2]) Ib., 65. «et quia, продолжаетъ Лейбницъ, termini primi signati sunt numeris, scribantur duo numeri duos terminos signantes. 6. At Termini orti per con 3 nationem aut alias majoris etiam exponentis Complexiones, seu Termini qui sunt in classe 3 tia et sequentibus, singuli toties varie scribi possunt, quot habet complexiones simpliciter exponens ipsorum, spectatus non jam amplius ut exponens, sed ut numerus rerum». Далѣе въ сочиненіи прибавлено еще два пункта (7-ой и 8-ой) о томъ, какъ нужно писать термины.

Значитъ, если данный терминъ, который долженъ быть субъектомъ, написанъ въ первоначальныхъ терминахъ, то легко найти и тѣ первоначальные термины, которые о немъ высказываются, между тѣмъ какъ производные можно найти, если будетъ сохраненъ порядокъ въ расположеніи соединеній [1]). Если же данный терминъ написанъ въ производныхъ или частью въ производныхъ, частью въ простыхъ терминахъ, то высказываемое о его производномъ терминѣ высказывается и о данномъ. И, конечно, всѣ эти предикаты суть высказыванія болѣе широкаго о болѣе узкомъ (sunt latioris de angustiori), а высказываніе равное о равномъ бываетъ тогда, когда имѣется опредѣленіе термина, т. е. когда о данномъ высказываются или всѣ вмѣстѣ его первоначальные термины, или производные, или производные и простые, въ которыхъ заключаются всѣ тѣ первоначальные. Ихъ столько, сколькими... способами можно написать одинъ терминъ. Отсюда легко всѣ предикаты, которые можно высказать обо всемъ данномъ субъектѣ или всѣ UA, изслѣдовать посредствомъ чиселъ". [2]) Сдѣлавъ нѣсколько поясненій [3]), Лейбницъ переходитъ къ рѣшенію второй задачи: найти число субъектовъ въ предложеніи UA— и даетъ способъ опредѣлить число субъектовъ въ утвердительныхъ предложеніяхъ такъ же, какъ и отрицательные предикаты и субъекты. Въ заключеніе Лейбницъ говоритъ: „нужно, наконецъ, помнить, что это искусство комбинировать цѣликомъ направлено на теоремы или предложенія, которыя относятся къ вѣчнымъ истинамъ, т. е. существуютъ не въ силу свободной воли Бога, а по своей природѣ. Всѣ же предложенія единичныя—или какъ бы историчны, напр., Августъ былъ римскій-императоръ,—или представляютъ изъ себя наблюденія, т. е. общія предложенія, истина которыхъ основана однако не на сущности, а на существованіи и которыя истинны какъ бы случайно, т. е. въ силу свободной воли Бога; напр., всѣ взрослые люди въ Европѣ имѣютъ познаніе Бога. Для такихъ

---

[1]) При послѣдовательномъ переходѣ отъ класса къ классу.

[2]) Ib., 65—66. «Comme chaque terme est un prédicat de tous les produits où il figure, le problème revient a ceci: Trouver toutes les combinaisons qui contiennent une combinaison donnée». Couturat. Op. cit., 43.

[3]) Современное изложеніе выкладокъ Лейбница имѣется у Couturat. Op. cit., p. p. 41—44 etc.

предложеній нѣтъ доказательства, а есть только индукція, развѣ-что иногда наблюденіе можетъ быть доказано черезъ наблюденіе же при посредствѣ какой нибудь теоремы. Къ подобнымъ наблюденіямъ относятся всѣ частныя предложенія, которыя не суть обращенныя или подчиненныя общаго предложенія. Такимъ образомъ отсюда ясно, въ какомъ смыслѣ здѣсь говорится, что единичное предложеніе не доказуемо, и почему глубочайшій Аристотель изложилъ способъ аргументаціи въ Топикѣ, гдѣ и предложенія случайны и аргументы вѣроятны, а у доказательствъ одинъ способъ — опредѣленіе. Но когда о вещи должно сказать то, что почерпается не изъ глубины ея самой, напр., что Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, то никто не дойдетъ до этого черезъ опредѣленія, а будетъ предложенъ матеріалъ, напоминающій это мѣсто въ силу историческихъ данныхъ. Это уже начало пріемовъ Топики“... [1]) Такимъ образомъ всего надо искать въ метафизической доктринѣ объ отношеніяхъ существа къ существу [2]). „Это видѣлъ Бистерфельдъ въ своемъ „Извлеченіи объ искусствѣ мыслить“ [3]). Изъ подобной логики открытій вытекаетъ въ качествѣ слѣдствія возможность всеобщаго письма (Scriptura Universalis), о которомъ трактуетъ одиннадцатое примѣненіе соединеній. Всеобщее письмо понятно всѣмъ, на какомъ бы языкѣ кто ни говорилъ. Такое письмо, по мнѣнію Лейбница, стараются создать многіе изъ ученыхъ; Каспаръ Шоттъ, Кирхеръ, Бехеръ [4]), но ихъ попытки нельзя назвать удачными. Между тѣмъ „по составленіи таблицъ или предикаментовъ нашего искусства соединеній, говоритъ Лейбницъ, выйдетъ на свѣтъ очень многое, ибо первоначальные термины, изъ совокупности которыхъ составляются всѣ другіе, могутъ быть выражены знаками, а знаки будутъ какъ бы алфавитомъ. И будетъ хорошо, если эти знаки будутъ какъ можно болѣе естественны,

---

[1]) Ib., 69—70. Лейбницъ прибавляетъ «et in singulis maximarum, quibus omnibus qui sint fontes, ostenderemus itidem...»

[2]) Лейбницъ выражается такъ: «Uno saltem verbo indigitabimus, omnia ex doctrina metaphysica relationum Entis ad Ens repetenda esse, sic ut ex generibus quidem relationum Loci, ex theorematis autem singulorum maximae efformentur». Ib., 70.

[3]) Ib.

[4]) Ib., 72.

напр., вмѣсто единицы будетъ точка, вмѣсто чиселъ—точки, вмѣсто отношеній существа къ существу—линіи... Если все это сдѣлать вѣрно и умно, то всеобщее письмо столько же будетъ легко, сколько всѣмъ доступно; его можно будетъ читать безъ всякаго словаря, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него будетъ почерпаться основа знанія всѣхъ вещей. Такимъ образомъ всякое подобное письмо будетъ состоять какъ бы изъ геометрическихъ фигуръ или чего-то вродѣ рисунковъ, какъ нѣкогда у Египтянъ, а теперь у Китайцевъ, но ихъ рисунки не сводимы къ извѣстному алфавиту или буквамъ; такимъ образомъ дѣло требуетъ невѣроятной работы памяти, чему здѣсь полная противоположность. Итакъ, заключаетъ Лейбницъ, одиннадцатое примѣненіе соединеній состоитъ въ созданіи всеобщей полиграфіи“ [1]). Двѣнадцатое примѣненіе принципіально ничего не прибавляетъ къ тому, что сказано. Оно касается примѣровъ, заимствованныхъ изъ Гарсдорфера и Швентера о составленіи нѣкоторыхъ интересныхъ соединеній; [2]) тѣмъ и заканчиваетъ Лейбницъ примѣры приложенія двухъ первыхъ проблемъ своей комбинаторики.

Конецъ работы De arte combinatoria. Ея значеніе.

Въ изложенномъ примѣненіи двухъ основныхъ проблемъ заключается сущность работы Лейбница. Книга однако содержитъ рѣшеніе еще десяти проблемъ, хотя эти проблемы интересны почти исключительно съ математической точки зрѣнія: ихъ примѣненіе не блещетъ философіей. Укажемъ наиболѣе любопытное. Третья проблема: по данному числу классовъ и вещей въ классахъ найти соединенія классовъ—прилагается Лейбницемъ къ объясненію того, что дѣленіе понятій сводится къ дѣленію же [3]) и что легко опредѣлить число ученій, возможныхъ по вопросу о высшемъ благѣ. Въ результатѣ относительно послѣдняго Лейбницъ предлагаетъ такой выводъ: „сколько есть основныхъ видовъ блага, сколько есть изъ нихъ соединеній, столько нужно считать и возможныхъ ученій о

[1]) Ib., 72—73.

[2]) Ib., 73—75.

[3]) Ib., 76. Лейбницъ приводитъ примѣръ дѣленія изъ области политики по Аристотелю: «Respublica, *a* recta, *b* aberrans, quae est divisio moralis: *c* Monarchia, *d* Aristocratia, *e* Democratia, quae est divisio numerica.» Ib.

высшемъ благѣ“ [1]). Изъ этой же проблемы Лейбницъ выводитъ степени родства для родословнаго дерева [2]). Четвертая проблема гласитъ: по данному числу вещей найти варіаціи [3]) порядка. Это—проблема перестановокъ [4]). Она, думаетъ Лейбницъ, будучи больше пріятной, чѣмъ полезной, пригодна, напримѣръ, для объясненія того, какъ изъ немногихъ буквъ составляются слова, причемъ весь этотъ процессъ Лейбницъ сравниваетъ съ процессомъ происхожденія вещей изъ атомовъ [5]). Излагая пятую проблему: по данному числу вещей найти измѣненіе ихъ относительно положенія—Лейбницъ мимоходомъ приводитъ примѣръ круга въ доказательствѣ [6]).

Таково содержаніе работы De arte combinatoria [7]). Въ основѣ ея лежитъ мировоззрѣніе, которое порождено сплетеніемъ математическихъ концепцій съ логикой. Оно представляетъ у Лейбница новый взглядъ пиѳагорейско-платоновской

---

[1]) Ib., 78. Въ доказательствахъ тутъ есть ссылки на Гассенди, Аристотеля и Гоббеса.

[2]) Ib., 78—83.

[3]) «Variatio... est mutatio relationis». Ib., 36.

[4]) «Ponatur omnes numeri ab unitate usque ad Numerum rerum inclusive in serie naturali, factus ex omnibus continue erit quaesitum», т. е.

1	1
1.2=2	2
1.2.3=6	3
1.2.3.4=24	4
1.2.3.4.5=120	5

Ib., 83—84.

[5]) Ib., 89.

[6]) Ib., 90.

[7]) Изъ письма Лейбница къ Daum'y (30 марта 1666 года) видно, какъ цѣнилъ авторъ свою работу, когда она была только-что закончена: «Neque enim variationem conjunctionum tantum, sed et retenta earundum rerum complexione artificium situs commutandi sumus executi. Plus tamen in complexionibus operae posuimus... Nam et professi sumus in opusculo, et experturus credet, hanc scientiarum omnium clavem esse, denique hujus praeceptis universam Logicam inventivam contineri. Dolendum quippe est hodie partem Logicam de Judicio ita prope solam urgeri, ut negligatur inventio, aut, quae traduntur, pontes sint asinorum, distinctionum cruces, canonum pessime intellectorum praecipitia». Archiv f. Literaturgeschichte. Bd. XI. 1882. S. 351. Сообщеніе Theod. Distel'я.

гармоніи міра [1]). Эта гармонія выражается въ комбинаціи чиселъ и неизмѣнныхъ понятій. Отсюда главною задачей Лейбница является желаніе показать, какимъ образомъ въ новой логикѣ открытій простые элементы [2]), сначала могутъ быть аналитически найдены, а затѣмъ синтетически скомбинированы въ сложныя понятія и сужденія. Что касается частностей работы, то онѣ съ одной стороны показываютъ на обладаніе Лейбницемъ большой способности къ объединенію: не смотря на идею пиѳагорейско-платоновской гармоніи міра, Лейбницъ не покинулъ атомистики [3]); съ другой стороны онѣ даютъ полное основаніе думать, что Лейбницъ быстро шелъ впередъ не только въ области метафизики, но и по пути изученія многихъ частныхъ наукъ: логики, юриспруденціи и геометріи; въ области послѣдней онъ даже, такъ сказать, предчувствовалъ открытіе дифференціальнаго исчисленія [4]).

---

[1]) Kabitz. Op. cit., 6. Подобное обстоятельство, повидимому, подало поводъ Selver'y сказать, что «Die stillschweigende erkenntnissteoretische Voraussetzung dieser Schrift ist die, dass der Verbindung von Begriffselementen immer eine Verbindung von Seinselementen im System der Dinge entspricht». Selver. Op. cit., 16—17.

[2]) Здѣсь à propos замѣтимъ, что Couturat (Op. cit., 49) считаетъ эти элементы (concepts simples) категоріями,—мнѣніе едва-ли вѣрное въ виду утвержденія Лейбница, что «terminus resolvatur.... usque ad partes simplices seu terminos indefinibiles... inter Terminos primos ponatur non solum res, sed et modi sive respectus». См. стр. 41 этой книги.

[3]) По поводу атомистическихъ взглядовъ Лейбница, Hannequin, разбирая вышеприведенное мѣсто о томъ, что unica ista via est in arcana naturae penetrandi, замѣчаетъ: «si quis Leibnitii atomismum cum recentiorum atomismo comparare velit, oportet eum propius collocet nostros chemistas, quam mathematicos». Hannequin. Op. cit., 12—13.

[4]) Вотъ что говоритъ Лейбницъ объ этомъ, помимо другихъ свидѣтельствъ, въ «Historia et origo calculi differentialis»: «Авторъ этого анализа въ первомъ цвѣтѣ возраста, по нѣкоторой врожденной склонности, присоединилъ къ занятіямъ исторіей и юриспруденціей болѣе глубокія соображенія и между прочимъ съ интересомъ занимался свойствами чиселъ и соединеніями, выпустивъ даже въ 1666 г. книгу De arte combinatoria, переизданную затѣмъ безъ его вѣдома. Еще въ дѣтствѣ имѣя дѣло съ логикой, онъ замѣтилъ, что предѣльный анализъ истинъ, зависящихъ отъ разума, исхо-

Нѣкоторые частные вопросы особенно обращаютъ на себя вниманіе. Съ метафизической точки зрѣнія интересно пони-

---

дитъ отъ двухъ пунктовъ: опредѣленій и идентичныхъ истинъ, единственныхъ необходимостей, первичныхъ и недоказуемыхъ; и когда ему представлялось, что идентичныя истины безполезны и ничтожны, то онъ самъ показалъ противоположное на опытахъ и между прочимъ уже тогда доказывалъ путемъ силлогизма великую аксіому, что цѣлое больше части, при чемъ большей посылкой было опредѣленіе, а меньшей—идентичное предложеніе. Ибо если изъ двухъ одно равно части другого, то первое называется меньшимъ, а второе большимъ, въ чемъ и заключается опредѣленіе. Отсюда, если къ этому опредѣленію присоединить идентичную и недоказуемую аксіому, что все по присущей ему величинѣ равно себѣ самому, или A=A, то получится силлогизмъ:

То, что равно части другого, то менѣе другого (по опредѣленію).

Часть равна части цѣлаго (т. е. самой себѣ, въ силу истины тожества).

Слѣдовательно, часть меньше цѣлаго, что и треб. доказать.

Отправляясь отсюда, авторъ замѣтилъ, что изъ A=A или точно также идентичнаго равенства A−A=0, которое съ перваго раза можетъ показаться совершенно не важнымъ, получается нѣкоторая чрезвычайно интересная особенность разностей, ибо

$$\underset{}{A-A}\underbrace{+B-B}_{+L}\underbrace{+C-C}_{+M}\underbrace{+D-D}_{+N}\underbrace{+E-E}_{+P}=0.$$

Если положить, что A, B, C, D, E есть возрастающія количества, а ближайшія ихъ разности B—A, C—B, D—C, E—D назвать черезъ L, M, N, P, то будетъ

$$A+L+M+N+P-E=0$$
$$\text{или } L+M+N+P=E-A$$

т. е. сумма ближайшихъ разностей, сколько бы ихъ ни взять, равна разницѣ между крайними членами. Напр., вмѣсто A, B, C, D, E, F возьмемъ квадратныя числа 0, 1, 4, 9, 16, 25, тогда вмѣсто разностей получается нечетныя числа 1, 3, 5, 7, 9:

0 1 4 9 16 25
1 3 5 7 9

откуда

$$1+3+5+7+9=25-0=25$$

и

$$3+5+7+9=25-1=24.$$

маніе Лейбницемъ психологіи Бога. Свободная воля Бога, его произволъ, полагаетъ Лейбницъ, таковы, что они не

То же самое имѣетъ мѣсто, какъ бы ни было велико число членовъ и разностей и какіе бы ни были взяты крайніе термины. Забавляясь такого рода легкими и пріятными наблюденіями, нашъ юноша изучалъ разнообразные ряды чиселъ и доходилъ даже до вторыхъ разностей или разностей разностей, до третьихъ разностей или разностей между разностями разностей и такъ далѣе. Такимъ образомъ онъ также замѣтилъ, что пропадаютъ вторыя разности натуральныхъ чиселъ, взятыхъ по порядку отъ 0 изчезаютъ третьи отъ ихъ квадратовъ, четвертыя отъ кубовъ, пятые отъ биквадратовъ... и т. далѣе. При этомъ разности постоянны: первая для натуральныхъ чиселъ 1, вторая для квадратовъ 1.2=2, третья для кубовъ 1.2.3=6, четвертая для биквадратовъ 1.2.3.4=24..... и т. д. Хотя это другими было уже давно замѣчено, но ему было ново, и пріятною легкостью своею побуждало къ дальнѣйшему. Прежде всего однако онъ занялся тѣми числами, которые называлъ комбинаторными и которыхъ извѣстна слѣдующая таблица:

1	1	1	1	1
1	2	3	4	5
1	3	6	10	15
1	4	10	20	35
1	5	15	35	70

etc.,

гдѣ предъидущій рядъ, горизонтальный или вертикальный, всегда заключаетъ первыя разности слѣдующаго перваго ряда, вторыя слѣдующаго ряда, третьи—третьяго и т. д., и какой угодно горизонтальный или вертикальный рядъ содержитъ сумму предъидущаго перваго ряда, сумму суммъ или вторыя суммы предъидущаго второго ряда, третьи—третьяго. Но прибавимъ нѣчто можетъ быть еще не всякому извѣстное: онъ вывелъ нѣсколько общихъ теоремъ о разностяхъ и суммахъ, каковы слѣдующія. Въ убывающемъ безконечно ряду, a, b, c, d, e... пусть

члены будутъ	a	b	c	d	e...	
разности 1-ня		f	g	h	i	k...
2-ня			l	m	n	o	p....
3-ня				q	r	s	t	u....
4-ня					β	γ	δ	ε	ϑ....

Принявъ первый членъ за a, послѣдній за ω, онъ нашелъ

$$a-\omega=1f+1g+1h+1i+1k+...$$
$$a-\omega=1l+2m+3n+4o+5p+...$$
$$a-\omega=1q+3r+6s+10t+15u+...$$
$$a-\omega=1\beta+4\gamma+10\delta+20\varepsilon+35\vartheta+...$$

простираются на вѣчныя истины, т. е. воля Бога ограничена разумомъ, и ей подчинены только случайныя истины налич-

---

и обратно

$$a-\omega=\begin{cases} +1f \\ \quad -11 \\ +1f \qquad +1q \\ \quad -21 \qquad -1\mathfrak{Q} \\ +1f \qquad +3q \\ \quad -31 \qquad -4\mathfrak{Q} \\ +1f \qquad +6q \\ \quad -41 \\ +1f \end{cases}$$

Откуда, говоря позднѣе введеннымъ имъ языкомъ и означая членъ ряда черезъ y (почему a=y), можно назвать первую разность dy, вторую ddy, третью d^3y, четвертую d^4y. Точно также, означивъ членъ другого ряда черезъ x, можно назвать сумму ихъ $\int x$, и сумму суммъ или вторую сумму $\int\int x$, третью сумму $\int^3 x$, четвертую сумму $\int^4 x$. Положивъ 1+1+1+1+...=x, т. е. означивъ черезъ x натуральныя числа, которыхъ dx=1, получимъ

$$1+2+3+4+5+...=\int x$$
$$1+3+6+10+...=\int\int x$$
$$1+4+10+20+...=\int^3 x$$
$$1+5+15+35+..=\int^4 x$$

и такъ далѣе. Откуда, наконецъ,

$$y-\omega=dy\,.\,x-ddy\,.\,\int x+d^3y\,.\,\int\int x-d^4y\,.\,\int^3 x+...$$

Это =y, если предположить, что рядъ продолжается до безконечности, т. е. что ω сдѣлается равнымъ нулю. Отсюда слѣдуетъ также и суммація самого ряда:

$$\int y=yx-dy.\int x+ddy.\int\int x-d^3y.\int^3 x+...$$

Обѣ эти теоремы обладаютъ тѣмъ преимуществомъ, что онѣ одинаково имѣютъ мѣсто въ томъ и другомъ дифференціальномъ исчисленіи, въ области чиселъ, и въ области безконечно малыхъ величинъ...

Приложеніе числовыхъ истинъ къ геометріи и изслѣдованіе безконечныхъ рядовъ тогда нашему юношѣ совершенно не было извѣстно, и съ него было достаточно, что онъ съ удовольствіемъ наблюдалъ такія явленія въ рядахъ чиселъ.» G. M. V, 395—398. Изъ приведеннаго видно, что въ Ars combinatoria дѣйствительно заключаются намеки на дифференціальное исчисленіе, хотя Лейбницъ позднѣе указывалъ преимущественно на ту домашнюю работу, которая въ вышедшей въ 1666 году книгѣ отразилась весьма мало.

наго бытія. Это раздѣленіе истинъ на необходимыя и случайныя въ примѣненіи къ сужденіямъ ведетъ у Лейбница къ экскурсу въ область гносеологіи; онъ разграничиваетъ истины по характеру образованія: однѣ аналитичны, другія зависятъ отъ опыта; въ третьей диссертаціи, какъ сказано, были даны даже ихъ принципы: законъ исключеннаго третьяго и аксіома—нѣчто существуетъ [1]). Лейбницъ близко подходилъ къ соприкасающимся основамъ логики и теоріи познанія; отъ него не укрылось даже значеніе аналогіи въ пониманіи того, къ чему уже не можетъ быть примѣненъ методъ опредѣленій. Такія соображенія были, повидимому, плодомъ совершенно самостоятельнаго мышленія. Слѣдуетъ добавить, что тамъ, гдѣ предстояло только расширять пріобрѣтенное ранѣе знаніе, онъ показалъ себя съ чрезвычайно выгодной стороны; изученіе аристотелевской логики повело въ рукахъ Лейбница къ положительнымъ успѣхамъ: было, напр., найдено, что вмѣсто обычныхъ 19 модусовъ категорическаго силлогизма, ихъ существуетъ 24. Вообще можно сказать, что Лейбницъ, занявшись логикой, оказался въ своей сферѣ. Въ этомъ отношеніи Ars combinatoria является прямымъ продолженіемъ школьныхъ занятій Лейбница, особенно въ параграфахъ, посвященныхъ всеобщему языку. Математическая обработка идей способствовала только яснѣйшему ихъ выраженію. И тутъ, не говоря уже о многихъ частностяхъ работы, въ родѣ дѣленія истинъ на необходимыя и случайныя, Лейбницъ больше всего былъ обязанъ Э. Вейгелю. Есть даже мнѣніе, что Вейгель былъ главнымъ лицомъ, давшимъ Лейбницу богатое умственное содержаніе [2]), но такой взглядъ едва-ли вѣренъ уже потому, что рядомъ съ идеями Вейгеля, на обработкѣ Ars combinatoria, сильно сказались и воззрѣнія Бистерфельда: это постарался выяснить Кабитцъ [3]). Наконецъ изъ

---

[1]) Kabitz замѣчаетъ: «Wir wissen nicht, wie Leibniz sie begründete». Op. cit., 36.

[2]) По словамъ Cassirer'a Вейгель «mehr als Jacob Thomasius, Leibniz' gleichzeitiger Lehrer, seine Entwicklung bestimmt hat». Op. cit., 489.

[3]) Въ Королевской библіотекѣ, въ Ганноверѣ, есть экземпляръ сочиненій Бистерфельда Philosophiae Primae Seminarium и Elementorum Logicorum

работы видно, что Лейбницъ по прежнему прилежно изучалъ сочиненія Гоббеса [1]).

Докторская диссертація. Автобіографическій отрывокъ.

Изслѣдованіе объ искусствѣ комбинировать не было послѣднимъ въ ряду академическихъ трудовъ Лейбница. Молодому человѣку оставалось еще пріобрѣсти степень доктора, и осенью 1666 года въ Альдорфѣ онъ печатаетъ, а затѣмъ 5 ноября защищаетъ юридическую диссертацію „О запутанныхъ случаяхъ въ правѣ“ [2]).

---

libri tres съ присоединеніемъ Phosphorus Catholicus, seu Artis meditandi Epitome. Этотъ экземпляръ имѣетъ много рукописныхъ замѣчаній Лейбница, которыя доказываютъ, съ какимъ рвеніемъ изучались книги Бистерфельда. Содержаніе книгъ касалось правилъ метода комбинацій, какъ познанія міра, при чемъ по этому методу все темное сводилось къ элементарнымъ понятіямъ и лежащимъ въ основѣ наукъ аксіомамъ. Бистерфельдъ вѣрилъ въ человѣческій разумъ: «Nullus quippe humanus intellectus tam vilis est, quin, naturâ suâ, omnium intelligibilium sit capax». Вотъ взглядъ Бистерфельда на задачи философіи: «primae Philosophiae officium est, ab infimis gradatim ad summa ascendendo, omnia, vel obscura, vel dubia, in clarissimas notiones certissimaque axiomata, in quibus perfecta sit mentis quies, resolvere: vicissim, retrogrado ordine à summis ad ima descendendo, rerum ac disciplinarum varietatem repraesentare». Kabitz. Op. cit., 7—8. Въ Ars combinatoria есть такой отзывъ Лейбница о Бистерфельдѣ: «Eum libellum (т. е. Phosphorus Catholicus) qui legerit, usum artis complicatoriae magis magisque perspiciet». G. IV, 70.

[1]) По мнѣнію Кутюра, полемизирующаго съ Tönnies'омъ, занятія философіей Гоббеса не повліяли на комбинаторику Лейбница, хотя такое вліяніе, повидимому, должно было бы существовать. Гоббесъ называлъ свое сочиненіе: «Computatio sive Logica». По мнѣнію Кутюра однако: «non seulement Leibniz n'a jamais adopté, *en fait*, la logique de Hobbes, mais il ne *pouvait* pas l'adopter, attendu qu'il a toujours combattu et réprouvé le nominalisme radical du philosophe anglais». Couturat. Op. cit., 466. Противоположнаго мнѣнія держится проф. Серебренниковъ: по его взгляду, напр., «въ ученіи Гоббеса о процессѣ доказательства и его основахъ Лейбницъ нашелъ для себя именно то, что ему было нужно». Серебренниковъ. Op. cit., 83. Послѣ того, что сказано нами о главныхъ положеніяхъ философіи Вейгеля, это является вопросомъ спорнымъ: Лейбницъ могъ заимствовать и у своего учителя, и у Гоббеса.

[2]) Свидѣтельство Лейбница см. у Гураузра: «1666. 5. Nov. Altorfii disputationem habui, de casibus perplexis in jure». Guhr. Biog. II. Beilage, 59.

Она точно такъ же, какъ и другіе юридическіе труды Лейбница этого періода, носитъ на себѣ философскій отпечатокъ: ея методъ есть методъ опредѣленій. Посмотримъ, говоритъ Лейбницъ, что такое „запутанный случай“, а затѣмъ, рѣшивъ, что данный случай принадлежитъ къ запутаннымъ, посмотримъ, что о немъ нужно постановить [1]). Опредѣленіе понятій случая и запутанности, а затѣмъ сложнаго концепта запутаннаго случая [2]), приводитъ Лейбница къ убѣжденію, что споръ лежитъ непосредственно въ антиноміи самихъ законовъ. Рѣшенія запутанныхъ случаевъ есть три типа: одни говорятъ, что de casibus perplexis ничего не слѣдуетъ постановлять, другіе думаютъ, что такіе случаи должны быть разрѣшаемы или по жребію, или по произволу судьи, третьи полагаютъ, что дѣло должно быть рѣшаемо въ силу частнаго права [3]). Лейбницъ держится послѣдняго мнѣнія, считая, что нѣтъ такого судебнаго дѣла, которому нельзя было бы противопоставить права, какъ нѣтъ болѣзни, которая совершенно отвергла бы всякое лѣченіе [4]). Съ этой точки зрѣнія Лейбницъ разбираетъ различные факты изъ области запутанныхъ юридическихъ случаевъ и даетъ правила для ихъ рѣшенія. Сочиненіе „О запутанныхъ случаяхъ въ правѣ“ подверглось позднѣйшей переработкѣ и цитировано здѣсь по изданію Дютана, какъ и Specimen certitudinis in jure, только для общей характеристики комплекса научныхъ идей, которыми интересовался Лейбницъ въ мо-

---

[1]) D. IV, 3 pars., 45.

[2]) «*casus* in genere est antecedens propositionis hipotheticae, applicando verò ad Jurisprudentiam, tale antecedens dicitur *factum*, consequens *jus;* et *casus* definietur factum in ordine ad jus«. Ib. 45—46. «*Casum* igitur... perplexum definio (*eum, qui rea iter in jure dubius est* ob) copulationem contingentem plurium in facto eum effectum juris habentium, qui nunc mutuo concursu impeditur». Ib, 47.

[3]) Ib.

[4]) Такъ Лейбницъ трактуетъ приводимое имъ изъ нѣмецкаго народнаго права выраженіе: «*Wenn es ist kein Siche, do thu das Recht zu, als die Erzney zu der Seuche*». Ib., 50. Вообще по словамъ Merz'a Лейбницъ: «In this dissertation... maintains that the law of nature, the principles of which are to be philosophically established, must be resorted to in any case in which the positive or historical law affords no means of deciding». Op. cit., 19.

ментъ пріобрѣтенія докторской степени. Само собой разумѣется, что этотъ трактатъ, не выражалъ всѣхъ этихъ идей Лейбница. Напротивъ: по свидѣтельству Фуше де Карейля, отъ Лейбница остался особый набросокъ, который давалъ характеристику его тогдашняго міровоззрѣнія въ цѣломъ [1]). Этотъ набросокъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ подлинныхъ латинскихъ фразъ, сообщенъ Фуше де Карейлемъ во французскомъ переводѣ [2]), сдѣланномъ съ оригинала, найденнаго въ Ганноверѣ. Фуше де Карейль считаетъ это сочиненіе прототипомъ всѣхъ оставшихся послѣ Лейбница автобіографическихъ очерковъ. Оно раздѣляется на двѣ части: въ одной излагается философское развитіе Лейбница, въ другой его міровоззрѣніе. „Когда я сдѣлался сиротой, разсказываетъ Лейбницъ, то оставшись безъ руководителя въ своихъ занятіяхъ, въ библіотекѣ отца я сталъ читать книги случайно и безъ выбора, какъ онѣ мнѣ попадались въ руки. Это были сначала діалоги Лукіана, потомъ трактатъ Цицерона „о природѣ Боговъ“ и сочиненія Ванини. Философія, которая царствовала тогда въ школахъ не оказала мнѣ достаточной помощи. Она допускала субстанціальныя формы, въ родѣ божковъ или по меньшей мѣрѣ геніевъ, даже въ безсловесныхъ животныхъ и въ неодушевленныхъ существахъ“ [3]). „Едва я только вступилъ въ университетъ, продолжаетъ Лейбницъ, какъ, благодаря рѣдкому счастію, встрѣтилъ учителемъ знаменитаго Якова Томазія, который, хотя не согласился съ моими догадками и былъ очень мало расположенъ допустить искорененіе субстанціальныхъ безтѣлесныхъ формъ въ тѣлахъ, заставлялъ однако меня много читать

---

[1]) «C'est une biographie philosophique, qui ne laisse rien à désirer. Il y fait l'histoire de ses pensées avec la sincérité du jeune homme, et dans un style philosophique qui trahit l'inexpérience de l'autodidacte». Comte Foucher de Careil. Memoire sur la philosophie de Leibniz. Paris. 1905. T. I, p. 6. Набросокъ не датированъ, но въ немъ есть ссылка на одно вышедшее въ 1666 году сочиненіе Cordemoy, о которомъ у Лейбница сказано: «ce traité vient de paraître». Ib. 5.

[2]) Фуше де Карейль говоритъ: «nous allons en donner quelques extraits, mais on en trouvera à l'appendice un fragment dans le texte original». Ib., 6. Въ изданіи однако этого приложенія нѣтъ.

[3]) Ib.

Аристотеля, предсказывая, что когда я прочту этого великаго философа, то я буду имѣть о немъ совсѣмъ другое мнѣніе, чѣмъ то, какое составилъ на основаніи его схоластическихъ интерпретаторовъ. Я скоро узналъ справедливость этого замѣчанія и увидалъ, что между Аристотелемъ и схоластиками такая же разница, какъ между человѣкомъ опытнымъ въ государственныхъ дѣлахъ, и монахомъ, мечтающимъ въ своей кельѣ. Я возымѣлъ о философіи Аристотеля совсѣмъ иное представленіе, чѣмъ обыкновенно. Я не принялъ всѣхъ гипотезъ, но одобрилъ ихъ, какъ принципы. Аристотель, казалось мнѣ, допускалъ, почти какъ Демокритъ, и какъ въ наше время Декартъ и Гассенди, что нѣтъ тѣла, которое двигалось бы само собой“ [1]). „Мнѣ нравилась у Аристотеля лѣстница субстанцій, по которой онъ восходилъ до перваго двигателя“ [2]). „Когда были установлены всѣ эти пункты, я устремился читать Гассенди, который старался все объяснять на механическихъ основаніяхъ. Это я одобрялъ, но не былъ въ состояніи отдать себѣ отчетъ, почему онъ прибѣгалъ къ гипотезѣ этихъ маленькихъ, безконечно твердыхъ тѣлецъ, которыя называлъ атомами. Я очень хорошо видѣлъ, что это можетъ быть допустимо только въ томъ случаѣ, если прибѣгнуть къ Богу или къ ангеламъ, которые, благодаря безпрерывному чуду, старались бы удерживать ихъ вмѣстѣ. Большой успѣхъ, что Декартъ связалъ ученіе Аристотеля о непрерывности и движеніи съ механизмомъ Демокрита! Но когда Декартъ хочетъ объяснить принципы вещей, то вводитъ такъ много не только ненадежныхъ..., но и совершенно недопустимыхъ бо́льшихъ посылокъ въ своихъ силлогизмахъ, что съ этого времени я часто думалъ о необходимости новой гипотезы, чтобъ проникнуть далѣе въ глубь вещей“. [3]) „Нравилось однако въ Декартѣ прежде всего то, что онъ отрицалъ у безсловесныхъ животныхъ чувство, что онъ отказалъ имъ въ чувствѣ радости, печали и любви, въ чувствѣ дѣятельности и страданія, сдѣлавъ ихъ машинами, какъ часы. Я всегда думалъ, что это было необхо-

---

[1]) Ib., 6—7.

[2]) «Scala illa qua Aristoteles ad primum motorem ascendebat». Ib., 7.

[3]) Ib., 8.

димо для защиты безсмертія души. Дигби въ своей книгѣ о безсмертіи объясняетъ механизмъ посредствомъ детальности функцій; Кордемуа удостовѣряетъ его въ своей недавно изданной книгѣ „О различіи между тѣломъ и душой“. Несмотря однако на это, мы не имѣемъ до сихъ поръ твердыхъ принциповъ тѣла и духа: не можемъ объяснить различныхъ степеней плотности и сцѣпленія въ тѣлахъ, ибо кривые атомы Гассенди—не объясненіе. Онъ даже прибѣгалъ для объясненія твердости атомовъ то къ боязни пустоты, то къ Богу, который ихъ сохраняетъ, какъ если бы совсѣмъ не было пустоты между тѣлами, которыя касаются и толкаютъ другъ друга. Декартъ искалъ причины связности въ покоѣ. Онъ называлъ связными частями тѣ, которые сосѣдни въ покоѣ. Что касается меня, то, не видя достаточныхъ основаній ни къ тому, чтобы эти тѣла въ покоѣ не раздѣлились бы отъ перваго толчка, ни къ тому, чтобы связность сдѣлалась безконечной, непреодолимой, я не смотря на чрезмѣрность разстоянія, которое раздѣляетъ покой отъ движенія, какъ нуль отъ единицы, подозрѣвалъ другія, весьма различныя причины“ [1]).

Такимъ образомъ, судя по этому отрывку, Лейбницъ въ самомъ началѣ философскаго поприща интересовался въ сочиненіяхъ Аристотеля идеей непрерывности субстанцій и понятіемъ о первомъ двигателѣ, которое связывалось съ мыслью о невозможности самопроизвольнаго движенія тѣлъ; у богослововъ—идеей о безсмертіи души; у атомистовъ—механическимъ міропониманіемъ; у Декарта—представленіемъ о связности тѣлъ. По отношенію ко всѣмъ корпускуляръ-философамъ Лейбницъ находился въ оппозиціи, не будучи удовлетворенъ ихъ объясненіями плотности и сцѣпленія. Лейбницъ вообще полагалъ, что не было еще дано твердыхъ принциповъ тѣла и духа.

Набросокъ философской системы.

Такая мысль въ дѣятельномъ молодомъ философѣ повела къ попыткѣ создать собственное міровоззрѣніе. Тотъ же автобіографическій набросокъ, которымъ мы пользовались до сихъ поръ, показываетъ путь, приведшій Лейбница къ его первой философской концепціи и самую эту концепцію. „Я увидѣлъ, говоритъ Лейбницъ, что тотъ, кто хочетъ найти принципы вещей, долженъ начинать

[1]) Ib., 9—10.

съ существованія: цѣлые дни я проводилъ въ размышленіяхъ объ этомъ понятіи существованія [1]). Наконецъ, я нашелъ, что мы можемъ только увѣрять другихъ людей въ томъ, что́ мы ощущаемъ (мы вѣдь ощущаемъ вещи, дѣйствія и причины которыхъ знаемъ такъ же, какъ въ томъ случаѣ, когда бросятъ камень съ высоты и мы не видимъ виновника паденія). Вещи, которыя мы ощущали ранѣе, мы приводимъ въ связь или по крайней мѣрѣ вѣримъ, что можемъ это сдѣлать. Отсюда происходитъ то, что мы не вѣримъ снамъ, когда пробуждаемся. Но я видѣлъ всетаки, что существовало или должно было необходимо существовать нѣчто другое въ природѣ. Ибо если-бы я былъ одинъ въ мірѣ или, по предположенію, былъ изъятъ изъ него, то вещи отъ этого не погибли бы со мной. И я прекрасно съумѣлъ вообразить другіе принципы; я сталъ думать, что все это относилось къ сущности, а не къ существованію и что я не могъ бы найти никакого другого яснаго понятія существованія, кромѣ какъ быть ощущаемымъ. Я заключилъ отсюда: существованіе вещей состоитъ въ томъ, чтобы быть ощущаемымъ нѣкотораго рода непогрѣшимымъ умомъ, котораго мы только истеченія,—т. е. Богомъ“ [2]). „Но внимательно разсматривая, почему это было необходимо именно такъ, я увидѣлъ, что мы ощущаемъ вещи гораздо менѣе какъ готовыя, чѣмъ какъ становящіяся. Нельзя было въ самомъ дѣлѣ найти другого основанія тому, что вещи существуютъ такими, а не иными, т. е. что онѣ были бы восприняты первичнымъ разумомъ, если бы этотъ разумъ оставался чисто пассивнымъ. И тогда я понялъ почему разумъ воспринимаетъ одно скорѣе, чѣмъ другое и почему вещи существуютъ скорѣе такими, чѣмъ иными. Это значитъ, что онъ предпочитаетъ однѣ другимъ, и если онъ ихъ предпочитаетъ, то причина этому та, что однѣ болѣе гармоничны, чѣмъ другія (alia aliis ἁρμονικώτερα). Такимъ образомъ я нашелъ „что внутренній принципъ вещей есть всеобщая гар-

---

[1]) «ordiendum ab ipsius existentiae consideratione credidi ad principia rerum aspiranti: integros dies fatigavi inquirendo in notionem existentiae». Ib., 10.

[2]) «Ergo conclusi: existentias rerum mente quadam infallibili sentiri, cujus nos tantum effluvia essemus, id est Deo». Ib., 11.

монія“ [1]). „Я опредѣлилъ гармонію, какъ разнообразіе, уравновѣшенное тожествомъ [2]), и отсюда сталъ выводить тѣла, пространство и время [3]). Тѣло есть то, въ чемъ много вещей ощущаются одновременно, или то, что протяженно. Духъ есть единое во многомъ, т. е. то, что воспринимаетъ гармонію или удовольствіе, избѣгаетъ ангармоніи или печали, которая всегда представляетъ нѣчто частное, ибо нѣтъ всеобщей ангармоніи въ мірѣ. Слѣдовательно Богъ не можетъ быть способенъ къ печали, потому что нѣтъ всеобщей ангармоніи. Богъ—одинъ, все знаетъ, все можетъ. Математически достовѣрно, что циркуляція въ тѣлахъ есть движеніе. Поэтому я сталъ держаться мнѣнія, что если бы всѣ вещи двигались одинаково, напр., хотя бы по параллельнымъ линіямъ, то ничто не было бы въ движеніи, а все было бы въ полномъ покоѣ, къ тому же всѣ вещи не были бы ничто. Я сказалъ себѣ, что ни одно тѣло не находится въ совершенномъ покоѣ. Все состоитъ въ гармоніи или пропорціи. Также если предположить, что въ тѣлѣ все увеличивается пропорціонально, то все останется въ томъ же положеніи одно относительно другого. Сцѣпленіе имѣетъ мѣсто, если тѣла движутся вокругъ какого либо центра. Вотъ почему сцѣпленіе, какъ міровыхъ шаровъ, такъ и простыхъ пузырей, напр., при плавленіи стекла, происходитъ черезъ рефлекторное дви-

---

[1]) «principium ergo intimum rerum reperii esse harmoniam universalem.» Ib., 12.

[2]) «harmoniam autem definiebam diversitatem identitate compensatam». Ib Это первоначальное опредѣленіе гармоніи извѣстно изъ замѣтокъ Лейбница, опубликованныхъ Тренделенбургомъ. Historiche Beitrage zur Philosophie. 2 Bd. Berlin. 1855. Статья: «Bruchstücke in Leibnizens Nachlass zum Naturrecht gehörig». S. 274: Harmonia est deversitas identitate compensata. Въ поясненіе Лейбницъ прибавляетъ здѣсь слѣдующее: «Забава или удовольствіе есть воспріятіе гармоніи. Пріятное есть объектъ воспринимающаго удовольствіе... Прекрасное есть то, гармонія чего воспринимается ясно и раздѣльно, какова одна только гармонія, воспринимаемая въ фигурахъ, числахъ и движеніяхъ». (S. 273) «Гармоничное есть однообразно-безформенное. Разнообразіе забавляетъ, но тогда, когда оно приведено къ единству, надлежащимъ образомъ соединено, связано». (S. 274). Относительно хронологической даты этихъ замѣтокъ см. у Kabitz'a (Op. cit., 12, прим. 1, гдѣ указанъ 1671 годъ.). Можно думать, что нѣкоторыхъ опредѣленій Лейбницъ придерживался довольно долго.

[3]) «hinc statim corpora, spatium, tempus derivabam». Foucher de Careil Memoire sur la philosophie de Leibniz. T. I, 12.

женіе, а потомъ вдругъ, какъ это можно видѣть на стекольномъ заводѣ, масса вытягивается въ тонкія нити, въ то, что служитъ причиной вида, прочности, связи и какъ бы извѣстныхъ узловъ. Что касается плавленія самого по себѣ, то оно происходитъ отъ солнца, для котораго этотъ міръ,—а солнце его центръ,—служитъ какъ бы лабораторіей“ [1]).

Таковъ очеркъ системы Лейбница, составленный имъ на двадцать первомъ году жизни. По сущности дѣла, а пожалуй, и по внѣшности, этотъ маленькій набросокъ, какъ справедливо думаетъ Фуше де Карейль, есть разсужденіе о методѣ, въ родѣ того, какое написалъ Декартъ. Общій ходъ идей сочиненія чрезвычайно любопытенъ. Съ чего начинаетъ Лейбницъ? Съ внѣшняго міра. Куда онъ устремляетъ дальнѣйшій взглядъ? Въ глубину своей души: все, что мы ощущаемъ, говоритъ онъ, зависитъ отъ насъ и для другихъ не достовѣрно. Различіе сна отъ дѣйствительности основано на вѣрѣ въ устойчивость мірового порядка. Удивителенъ скачекъ, который допускаетъ Лейбницъ изъ субъекта въ объектъ, предполагая, что мыслящее „Я“ элиминировано изъ міра. Міръ будто бы останется въ этомъ случаѣ неизмѣненъ. Точно при удаленіи созерцающаго субъекта не исчезнетъ съ нимъ и картина, которая обусловлена, какъ только что доказывалъ Лейбницъ, исключительно чувствами. Но такая устойчивость окружающаго, разсуждаетъ философъ, не можетъ быть дѣломъ чего нибудь измѣнчиваго: она—результатъ разума и его неизмѣнныхъ понятій, которыя лежатъ въ основѣ міра и основа которыхъ въ свою очередь есть Богъ. Теперь является вопросъ, почему вещи именно таковы, какими они мыслятся въ противоположность своимъ измѣнчивымъ состояніямъ? Отвѣтъ простъ. Они таковы отъ того, что Богъ предпочитаетъ именно такое ихъ бытіе всякому другому, а дѣлаетъ онъ это по тому, что его разуму свойственна гармонія. Между тѣмъ разумъ Бога обосновываетъ всѣ вещи въ мірѣ; отсюда гармонія универсальна. Что-же теперь тѣла, пространство и время? Въ нихъ нѣтъ надобности для объясненія міра по отношенію къ его сущности. Тѣло есть только аггрегатъ вещей, а единое во многомъ представляетъ одинъ духъ. Тѣла,

[1]) Ib., 12—13.

интересны съ точки зрѣнія движенія. Но это—дѣло механики. И погружаясь въ ея область, Лейбницъ старается выяснить мысль, что нѣтъ совершеннаго покоя и что сцѣпленіе можно опредѣлить, какъ движеніе вокругъ опредѣленнаго центра. Лейбницъ далъ отвѣтъ на всѣ интересовавшіе его главные вопросы въ смыслѣ принциповъ общемировой концепціи. При этомъ онъ высказалъ попутно много характерныхъ мыслей, которыя впослѣдствіе встрѣтятся намъ въ другой обработкѣ. Таково утвержденіе, что духъ есть единое во многомъ; такова мысль что Богъ не можетъ быть доступенъ печали, какъ существо, обусловливающее всеобщую гармонію міра; такова идея увеличить размѣры тѣла для того, чтобъ показать нагляднѣе отношеніе его частей. На двадцать первомъ году Лейбницъ закончилъ свою академическую жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ выработалъ почти всѣ основныя мысли будущей системы. Во всякомъ случаѣ, изложенный набросокъ ясно показываетъ, что личность Лейбница со всѣми его симпатіями и антипатіями въ философскомъ отношеніи успѣла къ тому времени выразится вполнѣ. Не лишнимъ будетъ отмѣтить здѣсь мнѣніе Фуше де Карейля о различіи между Лейбницемъ и Декартомъ: Лейбницъ исходилъ изъ внѣшняго міра, а Декартъ изъ собственнаго „Я“ [1]). Перемѣщеніе центра тяжести въ философской концепціи Лейбница произошло позднѣе.

---

[1]) Ib., 11. Фуше де Карейль говоритъ: «C'est ce qu'on ne remarque pas assez, но рядомъ съ этимъ онъ же пишетъ: «Cette philosophie est celle d' Aristote dans son opposition réelle à la philosophie de Descartes», съ чѣмъ едва-ли кто согласится.

II.

Реформа въ обученіи праву и Исповѣданіе природы противъ атеистовъ.

Свойства души и основа дидактики.

Занятія метафизикой, положившія краеугольный камень для дальнѣйшаго развитія философіи Лейбница, не отвлекли его отъ спеціальныхъ наукъ; напротивъ, они послужили къ тому, что въ узкую сферу послѣднихъ онъ постарался внести духъ широкаго пониманія [1]). Доказательствомъ этому служитъ сочиненіе, написанное Лейбницемъ во время одного изъ переѣздовъ, въ гостинницѣ [2]), и изданное во Франкфуртѣ въ 1667 году. Сочиненіе

---

[1]) По словамъ Фуше де Карейля выработанный Лейбницемъ принципіальный взглядъ на міръ въ дальнѣйшемъ развитіи открылъ ему новые горизонты, приведя Лейбница de bonne heure et bien avant le voyage de Paris à l'idée d'une Justice universel (Droit naturel), d'une Religion universelle (Religion naturelle, Théodicée) et d'une science universelle (Initia scientiae generalis)». Comte Foucher de Careil. Memoire sur la phil. d. Leibniz. T. I, 17. Разработку различнаго рода идей съ одной общей точки зрѣнія подчеркиваетъ у Лейбница и Кутюра, но по его мнѣнію эта точка зрѣнія преимущественно логическая. Couturat. La logique de Leibniz, p. 120.

[2]) Jaucourt. Op. cit., 24. L. Grote. Leibniz und seine Zeit. Hannover. 1869, S. 34. Въ посвященіи (Курфюрсту Іоганну Филиппу фонъ-Шёнборну) Лейбницъ извиняется за недостатки сочиненія: «Has igitur curas versanti tibi, meditationes hasce meas non intempestivas fore credidi, sed argumento magis quam elaboratione, quae inter itineris incerta, et diversoriorum strepitum, et absentiam librorum prope nulla esse potuit». Dutens IV, pars III, 165. Въ

называется „Новый методъ изученія и преподаванія юриспруденціи“ [1]), и есть, по мнѣнію Кутюра, опытъ примѣненія логики къ праву [2]). Нужно однако замѣтить, что раздѣляющееся на двѣ части сочиненіе въ первой изъ нихъ заключаетъ очеркъ по классификаціи наукъ, который имѣетъ для второй части принципіальное значеніе. Такимъ образомъ, дѣло касается прежде всего не столько примѣненія логики, сколько обоснованія общихъ точекъ зрѣнія для оріентированія въ пестромъ многообразіи частныхъ знаній.

Первая часть трактата состоитъ изъ сорока трехъ параграфовъ и имѣетъ подзаголовокъ: „Объ основѣ упражненій въ наукахъ вообще“. „Основа упражненій въ наукахъ, пишетъ Лейбницъ [3]), есть нѣкоторый видъ состоянія разума, то есть родъ (modus) перехода къ состоянію совершенныхъ дѣйствій“, а это состояніе есть привычка, и его можно опредѣлить, какъ пріобрѣтенную, длящуюся готовность къ дѣйствію. Оно включаетъ въ себя дѣйствіе, ибо къ извѣстнаго рода дѣйствіямъ бываетъ привыченъ даже неодушевленный предметъ. Такъ, химики въ силу большой подвижности виннаго спирта считаютъ его самымъ летучимъ веществомъ [4]). Что касается безсловесныхъ животныхъ, отъ которыхъ въ пер-

---

письмѣ къ Бирлингу Лейбницъ выразился про ту же книгу такъ: «Est ille scriptus ab adolescente et quidem in itinere, sine ullo apparatu librorum» G. VII, 505. См. также письмо къ Плакціусу: D. VI, 4.

[1]) «Diese Schrift, welcher.... 1668 zu Frankfurt, ohne den Namen des Verfassers herauskam (Die Widmung ist noch von 1667) führt den Titel: Methodus nova discendae docendaeque jurisprudentiae». Guhrauer. Biogr. I, 49.

[2]) Кутюра говоритъ, что Лейбницъ «invente d'abord une «méthode nouvelle pour apprendre et enseigner le droit», où il est naturellement amené à remonter aux principes logiques de l'art didactique, et à marquer les imperfections de la jurisprudence contemporaine». Couturat. Op. cit., 120. Кутюра подробно не анализировалъ названнаго сочиненія Лейбница, давъ только эксцерпты изъ него въ приложеніи къ своей книгѣ (p. 561), гдѣ помѣстилъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній.

[3]) D. IV, pars III, 169.

[4]) Лейбницъ приводитъ примѣръ еще изъ Гоббеса: «Laminas etiam multis flexionibus habitum certo modo resiliendi acquirere, docuit in Elementis de corpore Th. Hobbes». Ib.

вое время мало отличаются дѣти, то они способны къ пониманію. Само собой разумѣется, что каждая способность требуетъ упражненія, а причина или способъ пріобрѣтенія данной привычки бываетъ или сверхъестественнымъ вліяніемъ [1]), или естественнымъ пріученіемъ. Послѣднее зависитъ отъ количества дѣйствій, которыя оставляютъ въ насъ впечатлѣнія, но самое это количество можно понимать двояко: въ смыслѣ множественности и въ смыслѣ интенсивности. Множество—то, что часто повторяется, откуда вытекаетъ необходимость повторенія; интенсивно, напротивъ, то, что имѣетъ силу, ибо часто дѣйствіе больше оставляетъ впечатлѣнія, чѣмъ многочисленныя повторенія; напр., мы легко запоминаемъ какую нибудь неожиданную шутку. Очень хорошо въ надлежащей пропорціи соединять множественность и силу такъ, чтобы начиная съ малаго, дѣйствіе постепенно возрастало [2]). Естественная привычка свойственна всему: и неодушевленному, и одушевленному міру. Когда идетъ рѣчь о чувствующемъ субъектѣ, тогда она называется доктриной, „ибо учить—значитъ создавать свойства [3]) въ чувствующемъ... откуда и вся эта наука называется дидактикой“ [4]). Какъ медицина относится къ тѣлу, такъ доктрина къ душѣ. Врачамъ нужно лѣчить безопасно, скоро и пріятно; въ заботахъ о душѣ надо держаться основательности, быстроты и пріятности. Основательность создается множественностью дѣйствій, а быстрота—силой. Что касается пріятности въ обученіи, то она мыслима только у живыхъ существъ [5]) и возможна или въ смыслѣ пріятной цѣли, или въ смыслѣ пріятности средствъ обученія. Но изъ числа животныхъ человѣкъ выдѣляется своеобразной особенностью: люди обладаютъ способностью преподаванія. Свойства человѣка

---

[1]) «Infusio est vel divina, vel diabolica». Ib., 170.

[2]) Ib., 171.

[3]) Лейбницъ говоритъ: habitum—терминъ въ данномъ сочиненіи очень расплывчатый. Л Легранъ отчасти справедливо упрекаетъ Лейбница въ варварствѣ языка. L. Legrand: G. G. Leibnitii de nova methodo discendae docendaeque jurisprudentiae. Parisiis. 1868. P. 15.

[4]) Ib., 172, «nam et qui sponte discunt, se docent, hinc iis αὐτοδιδάκτων nomen», прибавляетъ Лейбницъ.

[5]) «Idque in brutis fit esca et blanditiis, in homine utilitate (tanquam esca) et honore (tanquam blandimento)». Ib.

заключаются въ памяти, изобрѣтательности и сужденіи, поэтому и дидактика этихъ свойствъ троякa: мнемоника, топика и аналитика. Двѣ послѣднихъ дисциплины называютъ логикой, такъ что логика и мнемоника суть части дидактики, къ которымъ принадлежитъ и методологія [1]). „Основаніе мнемоники есть нѣчто чувственное. Это чувственное называется знакомъ, когда связано извѣстнымъ отношеніемъ съ вещью, которая должна быть удержана въ памяти; отношеніе же есть или сравненіе, иначе сходство и различіе, или связь“ [2]), напр., цѣлаго и части. Отсюда изобрѣтены слова для облегченія воспоминанія, „ибо слова не только знаки моего настоящаго мышленія для другихъ, но и знаки моего предшествующаго мышленія для меня самого, какъ показалъ Гоббесъ“ [3]). Что касается топики или искусства изобрѣтеній, то его основой являются „трансцендентныя отношенія, какъ, напр., цѣлое, причина, матерія, подобное и проч.“ [4]). „Аналитика же или наука сужденія, говоритъ Лейбницъ, вся, видимо, исчерпывается двумя правилами: 1) не принимать ни одного слова безъ объясненія и 2) ни одного предложенія безъ изслѣдованія. Эти правила, я думаю, гораздо болѣе абсолютны, чѣмъ извѣстныя четыре картезіанскихъ правила въ первой философіи, изъ которыхъ самое главное звучитъ такъ: истинно то, что я воспринимаю ясно и раздѣльно. Это правило ведетъ къ безконечнымъ обманамъ“ [5]). Методологія или искусство расположенія относится къ методу; методъ же бываетъ двухъ родовъ: естественный или случай-

---

[1]) «Mnemonica praestat materiam, methodologia formam, logica applicationem materiae ad formam». Ib., 173.

[2]) Ib.

[3]) Ib. Для характеристики заимствованій Лейбница приводимъ опредѣленіе Гоббеса: «Nomen est vox humana arbitratu hominis adhibita, ut sit nota qua cogitationi praeteritae cogitatio similis in animo excitari possit, quaeque in oratione disposita, et ad alios prolata signum iis sit qualis cogitatio in ipso proferente praecessit vel non praecessit». Hobbes. De Corpore. Pars 1, caput II, 4. Molesworth. I, p. 14.

[4]) «Et ex rebus tali aliqua relatione nexis fiunt, замѣчаетъ Лейбницъ, propositiones per artem combinatoriam, ut fuse diximus in nostra de arte combinatoria dissertatione». D. IV, pars III, 174.,

[5]) Ib. Дѣло идетъ очевидно о правилахъ, изложенныхъ Декартомъ во второй части «Разсужденія о методѣ».

ный. Правило перваго таково: то, что можно познать безъ другого, но безъ чего нельзя познать послѣдняго, должно предпочесть другому. Правила случайнаго метода, напротивъ, не отличаются общностью. Такъ характеризуетъ Лейбницъ свойства нашей познающей психики съ точки зрѣнія ихъ дидактики.

Классификація наукъ.

Желая затѣмъ дать классификацію наукъ, Лейбницъ отъ причинъ привычекъ переходитъ къ самимъ дѣйствіямъ, привычки которыхъ имѣются. Онъ говоритъ, что послѣднія принадлежитъ или тѣлу, или душѣ. Привычки тѣла относятся въ свою очередь или къ дѣйствіямъ, которыя даютъ нѣчто остающееся, законченное (ἀποτέλεσμα), или къ становящимся фактамъ. Возьмемъ, напримѣръ, искусства. Одни изъ нихъ оставляютъ по себѣ результатъ въ застывшихъ формахъ подобно агрикультурѣ, ветеринаріи, [1]) другія—нѣтъ. Искусства, которыя относятся къ становящимся фактамъ и обычно носятъ названіе упражненій, состоятъ въ движеніяхъ субъекта [2]); напримѣръ, искусство плаванія, управленія колесницей, танцевальное искусство. Всѣ подобныя искусства относятся къ

---

[1]) Лейбницъ подраздѣляетъ эти искусства на два вида: «*Artes opus relinquentes* vel *naturam promovent*, applicando agens et patiens, et deinde cessando, uti agricultura, horticultura, ars pastoritia, antiquissimae artium; ars item medica, chimica, veterinaria: vel suum solae peragunt, totumque opus exequuntur, ut omnes illae, quae res tamdiu jungunt, separant vel transformant, donec prodeat certa ipsis optata figura. In *conjunctione* consistit v. g. ars pictoria, in *separatione* statuaria, in *transformatione* omnes, quae rebus primum liquidis, deinde consistentibus certam formam imprimunt ut Metalli- vel Vitri-fusoria, Pistoria, Typochysia». Ib. 174. Не находится-ли, кстати сказать, упоминаніе о Vitrifusoria въ связи съ тѣмъ примѣромъ, который приводилъ Лейбницъ, въ своемъ наброскѣ философской системы относительно литья стекла и не свидѣтельствуетъ-ли это косвенно о времени написанія наброска, подтверждая хронологическія данныя, указанныя Фуше де Карейлемъ? По ассоціаціи идей Лейбницу въ одно и то же время могли приходить въ голову одни и тѣ же примѣры. Наброскъ могъ быть писанъ въ началѣ, а Nova Methodus въ концѣ 1667 года.

[2]) Лейбницъ выражается такъ: *Artes* facti *transeuntis*... consistunt vel in promotione alterius, vel simpliciter in motione mei» и замѣчаетъ: »*Motio* simpliciter est vel totius corporis, vel partis tantum». Ib., 175.

свойствамъ тѣла, хотя между многими изъ нихъ можно найти большое различіе. Нѣкоторыя свойства такъ заложены въ самомъ тѣлѣ, что хотя душа знаетъ всѣ правила искусства, но не можетъ имъ слѣдовать безъ предварительной привычки тѣла, напр., въ музыкѣ. Это—свойства преимущественно тѣла. Другія свойства заложены преимущественно въ душѣ, при чемъ тѣло ей только повинуется [1]). Лейбницъ посвящаетъ этого рода свойствамъ нѣсколько интересныхъ соображеній, въ которыхъ встрѣчаются иногда идеи, уже извѣстныя намъ изъ Ars Combinatoria. „Всякое дѣйствіе души, говоритъ онъ, есть мышленіе, ибо желать—значитъ не что иное, какъ мыслить о преимуществахъ извѣстной вещи. Далѣе, всякое мышленіе связано съ предложеніемъ, ибо чисто простые термины имѣются только у животныхъ, а воображеніе человѣка никогда не бываетъ безъ нѣкотораго размышленія“ [2]). Предложенія, выражающія размышленія, дѣлятся на частныя, которыя лежатъ въ основаніи исторіи, и на общія. Послѣднія бываютъ или случайными и зависятъ отъ индукціи, на чемъ основано наблюденіе,—напр., магнитъ притягиваетъ желѣзо,—или необходимыми, доказуемыми изъ самыхъ понятій, на чемъ основана наука, напр.: что движется, то движимо другимъ [3]). Исторія—мать наблюденій. Ея матеріалъ даетъ и наблюденія, и теоремы, изъ которыхъ складывается наука. Напр., возьмемъ историческій фактъ: жена Фабія Максима, жившаго при Цезарѣ Августѣ, была болтлива; наблюденіе будетъ: женщины—болтливы, а теорема: болтливому нельзя довѣрять тайнъ. Отъ предложеній Лейбницъ переходитъ къ терминамъ. Термины онъ по прежнему дѣлитъ на простые и сложные. Простые не объяснимы болѣе извѣстными терминами, такъ какъ непосредственно зависятъ отъ чувства. Они сами—чувственныя качества. То, что ими обладаетъ, называется существомъ [4]). Ка-

---

[1]) «nec ipsum quicquam artis contribuit...» Ib.

[2]) Ib., 175—176.

[3]) Лейбницъ приводитъ еще любопытный примѣръ: «si magnes trahit ferrum, necesse est corporea effluvia ex magnete in ferrum ire». Ib., 176.

[4]) Et haec est perfectissima entis definitio: quoties enim probare volumus, aliquid esse, probamus ex eo quia nos vel alii sensserint, aut ipsumet, sensione immediata; aut saltem aliud quod sine ipso esse non potest, quae est sensio mediata». Ib., 176.

чества, взятыя вмѣстѣ, или воображаемость (imaginabilitas), создаютъ сущность; ощутимость (sensibilitas) создаетъ наличное бытіе, а изъ мышленія многихъ существъ вмѣстѣ происходятъ отношенія или дѣйствія существъ. Далѣе, изъ совмѣстнаго бытія сущностей происходитъ сравненіе и его результаты, напримѣръ: различное, похожее, видъ, а изъ совмѣстнаго бытія наличностей — связь; напр.: цѣлое, порядокъ, необходимое, случайное, причина. Отсюда вытекаетъ всеобщая метафизика. Что касается подраздѣленія чувственныхъ качествъ, то одни изъ нихъ воспринимаются только умомъ, а другія фантазіей, при посредствѣ тѣлесныхъ органовъ. „Умомъ, говоритъ Лейбницъ, воспринимается только два рода чувственныхъ качествъ: 1) мышленіе, 2) причинность. Мышленіе есть чувственное качество человѣческаго разума или нѣкоторой вещи въ насъ: мы замѣчаемъ, что эта вещь мыслитъ. Что такое — мыслить, мы можемъ объяснить не болѣе, чѣмъ то, что̀ такое бѣлизна или что̀ такое протяженіе“ [1]). Къ этому чувственному качеству относится логика, послѣ метафизики важнѣйшее изъ знаній. „Другое качество, ощущаемое только умомъ, есть причинность, когда по дѣйствію, путемъ доказательства, обнаруживается, что есть нѣкоторая, хотя бы скрытая, его причина. И это качество, по исключеніи другихъ качествъ, напр., движенія, фигуры и т. д., остается въ причинѣ міра, т. е. въ Богѣ, затѣмъ въ причинахъ нѣкоторыхъ удивительныхъ явленій міра — въ ангелахъ и, наконецъ, въ нашей душѣ, какъ бы причинѣ движенія нашего тѣла, хотя образъ дѣйствія причинности мы и не можемъ объяснить“ [2]). Отсюда, по мнѣнію Лейбница, вытекаетъ пневматика — наука о дѣйствіяхъ безтѣлесныхъ существъ во-внѣ, тогда какъ логика изучаетъ ихъ внутреннія дѣйствія или мышленіе; здѣсь лежитъ обоснованіе практической философіи или ученія о пріятномъ и полезномъ, о справедливомъ или о томъ, что̀ полезно вообще. Къ этому же отдѣлу принадлежитъ доказательство существованія Бога, его аттрибутовъ, и безтѣлеснаго ума въ насъ, т. е. безсмертія души. Во всемъ этомъ, благодаря удивительнымъ выклад-

---

[1]) Ib.

[2]) Ib., 177.

камъ ума, мы достигаемъ математической вѣрности [1]). „Что касается чувственныхъ качествъ, свойственныхъ тѣлеснымъ органамъ, то они общи многимъ органамъ; таковы—число, которое воспринимается всѣми внѣшними чувствами, откуда —ариѳметика, и протяженіе съ его разнообразными модусами, которые воспринимаются только зрѣніемъ и осязаніемъ, откуда—геометрія. Далѣе, тѣломъ называется то, что кромѣ протяженія и числа имѣетъ еще какое нибудь чувственное качество, а пустотой то, что его не имѣетъ. Отсюда происходитъ физика. Простѣйшее чувство есть осязаніе, которымъ воспринимается движеніе" [2]). Изученіе движенія относится къ общей физикѣ, такъ какъ „въ остальныхъ качествахъ нѣтъ ничего кромѣ тонкихъ движеній, путемъ которыхъ, принявъ существованіе протяженія, можно все объяснить" [3]). За такой абстрактной философіей качествъ, по мнѣнію Лейбница, должна слѣдовать конкретная философія о вещахъ, въ которыхъ эти качества есть. Въ ней изслѣдованіе ведется исторически и если что доказывается, то изъ предпосылокъ абстрактной философіи. Она трактуетъ „о Богѣ, ангелахъ, нашемъ умѣ; огнѣ, парѣ, метеорахъ, водѣ, разнаго рода жидкостяхъ, землѣ; различныхъ видахъ земли, т. е. минералахъ, растеніяхъ и, наконецъ, животныхъ. Здѣсь изучается не связь качествъ между собой и съ субъектами, а связь субъектовъ съ качествами. Эта часть философіи можетъ назваться *εἰδογραφία*, такъ же, какъ предшествующая *ποιογραφία*" [4]). Общая система знаній должна заканчиваться космографіей, въ которой излагается связь субъектовъ между собой, какъ она наблюдается въ мірѣ: сюда относится исторія небесныхъ движеній, распознаваніе звѣздъ, короче —исторія міра съ его сотворенія, значитъ, хронологія, а также всеобщая и частная исторія странъ, на-

---

[1]) «quod nos longè majoris aestimamus ad tranquillitatem mentis, et fiduciam aeternitatis, quam si vel perennem motum vel quadraturam circuli invenissemus». Ib.

[2]) Ib.

[3]) «Sunt et qualitates tactus speciales.... Quarum, ut et lucis colorumque, tum sonorum.... historia diligentissime colligenda est, ut tanto facilius causa per materiam et motum reddi possit.» Ib.

[4]) Ib.

цій, государствъ, образа ихъ жизни и прочее. „Я думаю, пишетъ Лейбницъ, что въ этомъ моемъ раздѣленіи наукъ, я исчерпалъ все, коротко и основательно оттѣнивъ самые элементы знаній“ [1]). Конецъ первой части своего трактата Лейбницъ посвящаетъ вопросу о способѣ занятій науками и воспитанію [2]). Нужно, по его мнѣнію, начинать съ языковъ, родного и латинскаго, затѣмъ перейти къ изученію манеръ и знакомству съ священной исторіей. Съ седьмого года, когда дѣти могутъ заниматься совмѣстными играми, которыя способствуютъ развитію дружбы, можно обучать воспитанниковъ музыкѣ, танцамъ, изяществу въ выраженіяхъ, болѣе спеціально древней исторіи, затѣмъ ариѳметикѣ, геометріи, оптикѣ, статикѣ, астрономіи и отчасти естественной исторіи. Съ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ, думаетъ Лейбницъ, нужно болѣе учиться у друзей, чѣмъ у наставниковъ. Въ это время слѣдуетъ вводить учениковъ въ болѣе глубокія основы механическихъ наукъ и въ сущность торговыхъ сношеній. Можно уже преподавать имъ основы медицины, теологію и юриспруденцію, а изъ языковъ: французскій, итальянскій, греческій и еврейскій; послѣдніе два—для пониманія библіи. Къ языкамъ присоединяется реторика [3]). По достиженіи восемнадцати лѣтъ, молодой человѣкъ, по мнѣнію Лейбница, долженъ завершить свое образованіе путешествіемъ.

Характеръ классификаціи. Лейбницъ и Гассенди.

Задавшись вопросомъ о новомъ методѣ обученія и изложенія юриспруденціи, Лейбницъ такимъ образомъ очень широко понялъ свою задачу. Какъ истинный философъ, онъ хотѣлъ вывести свои идеи изъ самыхъ глубокихъ основаній и далъ замѣчательный образчикъ классификаціи наукъ. Правда, различеніе состояній разума, какъ готовности къ дѣйствіямъ, отъ самихъ дѣйствій, какъ таковыхъ, проведено во вкусѣ Аристотеля, но не нужно забывать, что Лейбницъ имѣлъ въ виду классификацію знаній на основахъ дидактики, а послѣдняя требовала психологическаго метода. И этотъ методъ проведенъ Лейбницемъ блестяще. Указаны свойства разума, требующія упражненій, т. е. дѣя-

---

[1]) Ib., 178.

[2]) Время обученія Лейбницъ дѣлитъ на обученіе дома у родителей, въ школѣ у учителей и въ академіи или у друзей.

[3]) Ib., 179.

тельныя свойства души; названы причины этихъ свойствъ намѣчены способы ихъ культивацiи. Что касается дѣйствiй, какъ таковыхъ, то по раздѣленiи ихъ на дѣйствiя тѣла и души, Лейбницъ, обратившись къ послѣднимъ, усмотрѣлъ въ нихъ прежде всего чувственныя качества, воспринимаемыя умомъ: мышленiе и причинность. Естественно было спросить, кто же ими обладаетъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ привелъ къ опредѣленiю субстанцiй, къ указанiю на ихъ взаимоотношенiе, къ понятiю связи вообще: явилась метафизика. Далѣе, изученiе указанныхъ чувственныхъ качествъ оказалось возможнымъ съ двухъ точекъ зрѣнiя—съ внутренней и внѣшней: явились логика и пневматика съ практической философiей о полезномъ, пріятномъ и справедливомъ. Но помимо мышленiя и причинности, существуютъ чувственныя качества, воспринимаемыя фантазiей черезъ посредство тѣлесныхъ органовъ. Въ зависимости отъ этихъ качествъ (напримѣръ, числа и протяженiя) явились ариѳметика, геометрiя и физика. Такъ создалось ученiе о качествахъ. Оно—абстрактно. Само собой разумѣется, что за нимъ должно слѣдовать ученiе о субъектахъ съ качествами, куда относятся частью тѣ же науки, но уже какъ конкретныя: психологiя, богословiе, физика и естествознанiе. Заключительнымъ звеномъ служитъ изученiе конкретной связи субъектовъ съ субъектами; т. е. наука космографiи, состоящая изъ астрономiи, геологiи и всевозможнаго вида исторiи. Въ общемъ получается такая схема:

Абстрактныя науки.

1. Метафизика—ученiе о субъектахъ чувственныхъ качествъ, о сущности субъектовъ, ихъ существованiи и взаимоотношенiяхъ.

2. Пойографiя—ученiе о чувственныхъ качествахъ, воспринимаемыхъ

а) умомъ < логика
пневматика < практическая философiя о пріятномъ, полезномъ, справедливомъ;
раціональныя < богословiе, психологiя;

b) фантазіей — ариѳметика, геометрія, физика.

Конкретныя науки.

1. Эйдографія—ученіе о связи субъектовъ съ качествами въ исторической обработкѣ, которая основана на предпосылкахъ абстрактной философіи:

богословіе,
психологія,
физика,
естествознаніе.

2. Космографія—ученіе о связи субъектовъ съ субъектами, какъ они есть на самомъ дѣлѣ:

астрономія,
геологія,
исторія.

Изъ этой классификаціи видно, что Лейбницъ пытался связать идеи Бэкона, Декарта и Гассенди. На Бэкона онъ ссылается самъ [1]) и Бэкону обязанъ тѣмъ, что въ его схемѣ такую большую роль играетъ историческій элементъ въ группѣ конкретныхъ наукъ, основанныхъ, по Лейбницу, на единичныхъ предложеніяхъ. Отъ Бэкона же, повидимому, находится въ зависимости психологическій характеръ принципа классификаціи, но въ основаніе дѣленія положены не память, разумъ и фантазія, а чувственныя качества, къ которымъ отнесено мышленіе, чему могло подать поводъ заявленіе Декарта, что мыслить значитъ также чувствовать [2]). Признать за чувственныя качества причинность, число, протяженіе и тѣло было

[1]) «Historia igitur est mater observationum. De cujus natura, constitutione, partitione egregie *Fr. Baconius de Verulamio* in tractatu incomparabili de augmentis scientiarum, nec minus praeclare in novo suo scientiarum organo». Ib., 176.

[2]) «non modo intelligere, velle, imaginari, sed etiam sentire, idem est hic quod cogitare». Renati Descartes Principia philosophiae. Pars prima. § IX. Amstelodami. 1692. P. 2. Вотъ что можно привести въ поясненіе теоріи

шагомъ дальнѣйшаго развитія этой мысли, но тутъ по всей вѣроятности помогло Лейбницу главнымъ образомъ чтеніе Гассенди. Такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, въ виду дѣленія чувственныхъ качествъ на качества, воспринимаемыя умомъ и фантазіей. Каково было ученіе Гассенди? По его мнѣнію чувственныя качества въ послѣднемъ счетѣ сводились къ различію количества и формы. Лежащіе въ основѣ міра атомы не имѣютъ происхожденія, неразрушимы, тверды, обладаютъ вѣсомъ. [1]). Когда мы говоримъ, что тѣло звучитъ, то мы хотимъ только сказать: дѣйствующіе на насъ атомы таковы, что вызываютъ въ насъ ощущеніе звука. Вѣсомъ атомовъ объясняется движущая сила [2]) и мощь, или активная способность къ чему либо [3]). Изъ способностей нѣкоторыя врождены, нѣкоторыя пріобрѣтены, при чемъ особенную роль играетъ привычка [4]), которая свойственна не только физическимъ отправленіямъ организма, но и умственнымъ, ибо фантазія и разумъ не могутъ развиваться безъ по-

---

Лейбница по словамъ Кабитца: Ein Angeborensein der Begriffe, wie es Descartes annahm, oder ein schöpferisches Hervorbringen von Begriffen ist hier principiell ausgeschlossen. Alle Begriffe entspringen nach dieser Theorie durch Abstraction aus der Sinneswahrnehmung, mag diese nun eine Wahrnehmung des inneren oder äusseren Sinnes sein». Op. cit., 39.

[1]) «tertia atomis attributa proprietas, gravitas nimirum, seu pondus» Gassendi. T. I, p. 273.

[2]) «Ex tertia atomorum proprietate quae est pondus, seu ingenita internaque quasi compulsio et mobilitas pendere videtur omnis virtus motrix quae est in naturis concretis». Ib., p. 384.

[3]) «Facultas non videtur esse aliquid ab ipsa vi motrice distinctum; quia res quaelibet tantum facere ac posse censetur quantum movere seipsam, sive rem aliquam capax est». Ib. «Inde sequitur nullam proprie esse facultatem nisi activam, quoniam tametsi rerum motus idem cum actione et passione sit, sui tamen principium in solo movente seu agente habet. Neque obstat, quod dicatur quoque passiva facultas seu potentia dari, siquidem haec proprie nihil aliud est quam resistendi impotentia, sive privatio facultatis». Ib, 385. «Facultas quidpiam substantiale, portio scilicet principiorum quae, pro sua mobilitate, proque conditione molis, figurae contexturaeque in corpora, sunt incertae actionis principium». Ib., 386.

[4]) По Гассенди «habitus». У Лейбница это слово часто употребляется въ значеніи «свойства вообще». Чтобы видѣть, до какой степени, не смотря на такое различіе, Лейбницъ былъ близокъ къ Гассенди, стоитъ только сравнить, напримѣръ, слѣдующіе тексты:

мощи организма [1]). Фантазія и разумъ есть двѣ способности нашего познанія: одна для матеріальныхъ, другая для нематеріальныхъ вещей [2]). Онѣ создаютъ наше познаніе путемъ синтеза и абстракціи (aggregendo et abstrahendo). Разумъ при этомъ образуетъ общія понятія и постигаетъ основаніе всеобщности, т. е. причины и неизмѣнные законы, въ силу которыхъ существа сохраняютъ свое устройство, а это—порядокъ и гармонія міра. Нельзя смѣшивать фантазію и разумъ. Первая не можетъ работать внѣ зависимости отъ тѣла, вто-

---

Гассенди:

«Constat habitum nihil aliud esse quam facilitatem agendi, repetendive illam actionem, quae jam aliquoties saepiusve repetita sit».

«Ex hac autem assuetudine dici potest quidem generari habitus in animo quatenus animus ex illo operari facilius potest, sed is tamen acquiritur potissimum in organum».

Op. cit. T. I., 387.

Лейбницъ:

«Status autem iste dicitur *Habitus*, quem definio: Agendi promtitudinem acquisitam permanentem.... Habitus est, quicquid actionis capax est».

«Tantum de subjecto habitus *causa* vel modus acquirendi est vel supernaturalis *infusio*; vel naturalis *assuefactio*, quae in sentientibus, qua talia sunt, dicitur *doctrina*».

D. IV, 3 par., 169 и 170.

У Лейбница обработка понятія «habitus» шире, чѣмъ у Гассенди.

[1]) La philosophie de Gassendi par. P. Thomas. Paris, 1869. P. 88. Отсюда понятно утвержденіе Гассенди, что «mens nostra quandiu est alligata corpori, haurit per sensus rerum notiones...» Op. cit., I, 207.

[2]) «Maneat igitur praeter intellectum qui in solo est homine, esse tam in homine quam in brutis unicam internam cognoscentem facultatem quae sit ipsa phantasia, quaeque vocari quidem praeterea aestimatrix, cogitatrix, memoria aliisque nominibus possit». Gassendi. T. II, 402. Разница между фантазіей и разумомъ особенно ясна въ виду слѣдующихъ словъ Гассенди: «Phantasia imaginibus alligata, neque sui ipsius, neque sui actionis imaginem habens, atque idcirco neque seipsam neque suam actionem imaginari potis, conferre seipsam, suamve actionem non potest cum facultate, actioneve alia». Ib., II, 452. «Intellectus qui percipit sua vi non ipsa modo universalia, sed etiam naturam conditionemve universalitatis, deprehendit rem universalem, universeve spectatam, tanto esse absolutiorem, quanto intelligitur esse a specialibus singularium notis secretior». Ib., II, 458. Разумъ по мнѣнію Гассенди: «Facultas... quae toto genere ipsa phantasia superior, omnem ejus vim eminenter contineat, atque ideo intuens in eadem, quae sunt in illa, phantasmata, res easdem intelligere, quas ipsa imaginari possit»... Ib., 447.

рой самостоятеленъ, и чувства даютъ ему только поводъ къ образованію идей [1]) и общихъ принциповъ [2]). Въ числѣ этихъ принциповъ, имѣющихъ форму сужденій и недоказуемыхъ, можетъ быть, по смыслу ученія Гассенди, помѣщенъ и принципъ причинности: все происходитъ изъ чего-либо. Идея причинности, такимъ образомъ, оказывается косвенно зависимой отъ чувствъ, которыя пробуждаютъ ее въ умѣ. Отсюда понятно, почему Лейбницъ, помимо общаго дѣленія чувственныхъ качествъ на воспринимаемыя разумомъ и фантазіей, причислилъ къ этимъ качествамъ причинность—обстоятельство, которое можетъ такъ поразить съ перваго взгляда. Идеи Декарта и Гассенди были координированы Лейбницемъ. Вообще относительно изложенной классификаціи нужно замѣтить, что она представляетъ прекрасный образчикъ синтетической обработки чужихъ понятій, которою занимался Лейбницъ, углубляя и разширяя полученный матеріалъ. Много въ этомъ случаѣ требовалось вниманія и искусства. Такъ, напримѣръ, говоря о пневматикѣ, Лейбницъ не забылъ воспользоваться телеологическимъ дѣленіемъ Аристотеля: онъ указываетъ, что къ пневматикѣ относится практическая философія [3]). Всего интереснѣе и, пожалуй, самостоятельнѣе у Лейбница въ его классификаціи—общая группировка наукъ на абстрактныя и конкретныя. Тутъ

---

[1]) «licet intellectus occasionem sumat ex iis, quae sunt in phantasia imaginibus, ratiocinandi de ipsis rebus, eo tamen ipsum provehi, ut illa intelligat quorum imaginatio in homine nulla sit». Ib., II, 641.

[2]) «Gassendi ne dresse pas une liste méthodique de ces principes comme le feront plus tard Kant et Leibniz» замѣчаетъ P. Thomas. Op. cit., 173.

[3]) Вліяніе Аристотеля сказывается во многихъ мѣстахъ первой части «Новаго метода». Интересно отмѣтить, насколько въ основѣ изложенной классификаціи наукъ, сказались аристотелевскія понятія. Мѣркою можетъ служить опредѣленіе термина habitus, которое соотвѣтствуетъ опредѣленію слова ἕξις. Въ Метафизикѣ Аристотель различалъ ἕξις и διάθεσις, состояніе и расположеніе, изъ которыхъ послѣднее измѣнчиво и преходяще, а первое—нѣтъ. Оно представляетъ какъ бы «actus habentis et habiti... ita et vestem habentis et vestis habitae est medius habitus, οἷον ἐνέργειά τις τοῦ ἔχοντος καὶ ἐχομένου... οὕτω καὶ τοῦ ἔχοντος ἐσθῆτα καὶ τῆς ἐχομένης ἐσθῆτος ἔστι μεταξὺ ἕξις». D. Iacobi. Op. cit., 14. Можно думать, что усвоивъ аристотелевское понятіе, Лейбницъ приспособлялъ его къ современнымъ требованіямъ.

Лейбницъ предупредилъ О. Конта, хотя и не далъ іерархіи знаній въ зависимости отъ объема понятій.

Изученіе юриспруденціи. Ея дидактика, исторія и экзегетика.

Вторая часть „Новаго метода“ относится спеціально къ юриспруденціи. Она довольно объемиста и заключаетъ въ себѣ сто параграфовъ, содержаніе которыхъ съ философской точки зрѣнія интересно только въ общихъ чертахъ и главныхъ положеніяхъ. Юриспруденція, говоритъ Лейбницъ, есть знаніе права [1]). Трактуя о методѣ обученія юриспруденціи, мы должны обратить вниманіе на понятіе совершеннаго правовѣда и указать путь къ совершенству его поступковъ. Что касается эрудиціи совершеннаго правовѣда, то подобно теологіи, [2]) она можетъ быть раздѣлена на части—дидактическую, историческую, экзегетическую и полемическую [3]). Дидактическая часть юриспруденціи не безъ основанія называется элементами послѣдней въ подражаніе элементамъ Эвклида. Элементы права имѣютъ въ основаніи съ одной стороны опредѣленія, съ другой—предложенія или правила. Первыя заключаются въ объясненіи юридическихъ терминовъ и имѣютъ названіе подраздѣленій права. Методъ опредѣленій долженъ быть очень точенъ и при помощи таблицъ долженъ давать возможность сразу обозрѣть всю какъ бы географическую карту знанія [4]). Онъ помогаетъ памяти, но бывшія до сихъ поръ подраздѣленія права мало удовлетворительны; поэтому необходимо создать новыя подраздѣленія, которыя дали бы возможность при распредѣленіи матеріала имѣть, во первыхъ, компендіумъ того, что слѣдуетъ изучить въ правѣ; во вторыхъ, создали бы благо-

---

[1]) «...proposito aliquo casu seu facto». D., IV, p. III., 180.

[2]) «Теологія, говоритъ Лейбницъ, повторяя то, что писалъ ранѣе въ Ars Combinatoria, есть нѣкоторый видъ юриспруденціи вообще, ибо она разсуждаетъ о правѣ и законахъ, осуществляющихся въ государствѣ или лучше въ царствѣ Бога надъ людьми». Ib., 181.

[3]) По поводу этого дѣленія ad instar Theologiae Легранъ замѣчаетъ: «Hanc quidem partitionem haud immerito Leibnitius sibi plaudit, quod a theologia sumpserit atque ad jurisprudentiam transtulerit. Nempe mira utriusque scientiae similitudo; utraque duplex principium habet: partim rationem, partim scripturam seu librum quemdam authenticum leges positivas continentem» Op. cit., 28.

[4]) D. IV, p. III, 182.

пріятныя условія для запоминанія изучаемаго и, въ третьихъ, дали бы прочное, вытекающее изъ опредѣленій знаніе права [1]). Лейбницъ предлагаетъ опредѣленія, проникнутыя философскимъ духомъ. „Юриспруденція есть знаніе дѣйствій, поскольку они называются справедливыми или несправедливыми; справедливое же и несправедливое есть то, что полезно или вредно публично, а публично значитъ, во первыхъ, для міра, или его правителя Бога, потомъ для человѣческаго рода и, наконецъ, для государства: въ силу этой субординаціи... воля или польза Бога, если можно такъ сказать, предпочитается пользѣ человѣческаго рода, эта— пользѣ государства, а послѣдняя—частной пользѣ. Отсюда есть юриспруденція божеская, человѣческая и гражданская; говорить же о частной пользѣ дѣло не юриспруденціи, а политики. Что касается моральности, т. е. справедливости и несправедливости дѣйствія, то она происходитъ изъ качества дѣйствующаго лица... Это качество, порожденное предшествующими дѣйствіями, называется моральнымъ. Подобно тому какъ реальное качество in ordine ad actionem бываетъ двояко: возможность дѣйствія и его необходимость, такъ моральная возможность называется правомъ, а моральная необходимость—обязательствомъ. Субъектъ моральнаго качества есть или личность, или вещь. Личность есть разумная субстанція, естественная или гражданская. Естественная—Богъ, ангелъ, человѣкъ. Но Богъ есть субъектъ высочайшаго права вообще, внѣ всякаго обязательства. Гражданская личность есть родъ совокупности (collegium), которая, имѣя одну волю, доступную распознаванію по извѣстному признаку.., можетъ обязывать и быть обязываема. Вещь есть также субъектъ права и обязательства [2])...“ Вслѣдъ за такими опредѣленіями Лейбницъ пере-

[1]) «definitio genus generis velut clavis est differentiarum species constituentium.» Ib., 184.

[2]) «Напр., если что-либо полагается должностью, то право будетъ у всѣхъ преемниковъ; если кто-либо, состоя въ должности... причинитъ кому-либо убытокъ, то послѣдній будетъ относится къ должности и обязательство перейдетъ къ преемникамъ. Такъ, если полагается что-либо для лошади, положимъ бляха, то нѣтъ сомнѣнія, что, по отчужденіи лошади, эта вещь перейдетъ къ ея владѣльцу.» Ib., 185. (Смотри объ этомъ: G. Hartmann. Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph. Tübingen. 1892. S. 26.) Лейбницъ далѣе пи-

ходитъ къ объекту права и обязательства, затѣмъ къ понятію свободы, которая есть „право на мое тѣло, какъ субъекта“ [1]), къ понятіямъ мощности, власти, обиды, причины моральнаго качества, заключающейся въ природѣ и дѣйствіи, — словомъ, къ высшимъ основамъ universi juris [2]), послѣ чего перечисляются способы пріобрѣтенія и потери права [3]); наконецъ, говоритъ о второмъ ингредіентѣ элементовъ права — правилахъ. Въ нихъ Лейбницъ различаетъ матерію и форму, т. е. содержаніе законовъ и способъ ихъ выраженія [4]). Таковъ кругъ дидактической юриспруденціи. Что касается исторической, то она бываетъ внутренней, изучающей самую сущность юриспруденціи, и внѣшней, толкующей только о вспомогательныхъ средствахъ. Отсюда необходимы для пониманія: гражданскаго права—римская исторія, каноническаго—церковная, феодальнаго—средневѣковая, публичнаго—современная [5]). Къ исторической юриспруденціи примыкаетъ экзегетика—интерпретація подлинныхъ юридическихъ источниковъ [6]).

шетъ: «преемственность есть движеніе права или принужденія отъ субъекта къ субъекту». Лейбницу кажется, что преемственность не создаетъ новаго права, и право наслѣдниковъ по завѣщанію нѣкоторымъ образомъ основано на безсмертіи души тѣхъ, отъ кого получено наслѣдство: послѣдніе и за гробомъ какъ бы заботятся о своемъ имуществѣ: Testamenta vero meo jure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis. Sed quia mortui revera adhuc vivunt, ideo manent domini rerum, quos vero haeredes reliquerunt, concipiendi sunt ut procuratores in rem suam». D. IV, p. III, 187.

[1]) Ib., 185.

[2]) Ib., 186.

[3]) Ib., 187.

[4]) Ib., 188 и 190.

[5]) Ib., 191—197.

[6]) Она бываетъ двоякая: одна исходитъ изъ текста, другая относится къ тексту. «Первая создается изъ различныхъ текстовъ вмѣстѣ, не по порядку текстовъ, а откуда придется; вторая *κατὰ πόδα* слѣдуетъ за самимъ текстомъ и непосредственно связана съ книгами; первая относится къ филологіи, вторая—къ комментаріямъ права» (Ib., 197—198.). Особеннаго вниманія заслуживаетъ филологія права. Къ ней между прочимъ относится логико-метафизика, т. е. своего рода философскія правила, заключающіяся въ правѣ. Юридической логикѣ, напр., принадлежитъ вопросъ о примиреніи антиномій, искус-

Полемическая часть юриспруденціи.

Выяснивъ основы дидактики, исторіи и экзегетики въ юриспруденціи, Лейбницъ переходитъ къ полемикѣ въ правѣ. Это безконечная область опредѣленій тѣхъ случаевъ практики, для которыхъ нѣтъ рѣшеній въ законахъ и которые получаютъ толкованіе въ зависимости отъ разума и сходства [1]): отъ разума въ естественномъ и отъ сходства въ гражданскомъ правѣ. Такъ какъ „разумъ закона зависитъ отъ той части политики, которая, называется законодательной, то очевидно, что сидящему въ судѣ правовѣду нужно обратить вниманіе на два обстоятельства: на знаніе естественнаго права и знаніе законодательства“ [2]). Лейбницъ разсматриваетъ сначала ступени естественнаго права: jus strictum—право войны и мира, [3]), aequitas – отношеніе двухъ или многихъ лицъ, состоящее въ гармоніи или совпаденіи, [4]) и pietas—благочестіе. Соотвѣтственно каж-

---

ство рѣшенія которыхъ «состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить, что одинъ субъектъ, или предикатъ есть въ этомъ, а другой въ томъ законѣ или предложеніи, или что тотъ или другой порознь есть то же» (Ib., 202.). Филологію и философію законовъ можно считать какъ бы предварительной интерпретаціей. Другая интерпретація начинается тамъ, гдѣ изучается связь одного закона съ другимъ или данный законъ въ себѣ (Ib., 202). Интерпретація текста бываетъ реальная или текстуальная,—реальная, когда выводятся извѣстныя положенія изъ закона и подвергаются абсолютной оцѣнкѣ; текстуальная, когда толкуютъ слова закона (Ib., 207.), что возможно или путемъ описанія, т. е. уясненія смысла (Ib., 208.) или путемъ анализа, грамматическаго, реторическаго и логическаго. «Analysis *logica* est: Occurrentium, definitionum, divisionum, propositionum, syllogismorum, ordinis; et singulorum non solum ratione inventionis seu locorum ex quibus sumta sunt, sed et ratione judicii seu maximarum ad quas exigenda sunt consideratio». Ib., 209—210.

[1]) Ib., 211 и 180.

[2]) Ib., 212.

[3]) Ib., 213.

[4]) «*Aequitas* seu aequalitas, id est, duorum pluriumve ratio vel proportio consistit in harmonia seu congruentia». Ib. Насколько, повидимому, Лейбницъ былъ далекъ въ понятіи aequitas отъ воззрѣній римской классической юриспруденціи, ясно изъ опредѣленія Ульпіана, который понималъ aequitas, какъ «принципъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ». См. книгу В. М. Хвостова: «Опытъ характеристики понятій aequitas и aequum jus въ римской классической юриспруденціи». Москва. 1895, стр. 8. Лейбницъ думаетъ, что его опредѣленіе согласуется съ принципами Аристотеля, Гроція и Фельде.

дой изъ этихъ ступеней имѣются принципы естественнаго права: никого не оскорбляй, каждому—свое, живи честно. „Третій принципъ права, говоритъ Лейбницъ, есть воля Бога. Сюда относится то, что Тразимахъ говорилъ у Платона: справедливое полезно болѣе могущественному [1]); высшее же есть или по природѣ, т. е. Богъ, воля котораго въ свою очередь есть либо нѣчто естественное, откуда—благочестіе, либо законъ, откуда божеское положительное право—или по договору, какъ, напр., человѣкъ, откуда—гражданское право. Благочестіе такимъ образомъ есть третья ступень естественнаго права: оно сообщаетъ другимъ совершенство и дѣйствіе. Ибо Богъ потому, что всевѣдущъ и мудръ, утверждаетъ чистое право и равенство, а потому, что всемогущъ, выполняетъ ихъ. Отсюда польза человѣческаго рода и даже украшеніе и гармонія міра совпадаютъ съ божественной волей. По этому принципу нельзя пользоваться во зло даже звѣрями и тварями... даже самимъ собой, ибо мы принадлежимъ Богу, всемогущество котораго распредѣляетъ право во всемъ... Такъ какъ jus strictum и aequitas лишены физической связи, то присутствіе Бога ведетъ къ тому, что нѣчто бываетъ полезно публично, т. е. для человѣческаго рода или міра и даже для единичныхъ лицъ, а также къ тому, что все честное полезно, а все постыдное вредно. Между тѣмъ, разъ Богъ опредѣлилъ справедливымъ—награду, а несправедливымъ наказаніе, то изъ его мудрости ясно, что все, что опредѣлено имъ, совершится и что разумъ всемогущества побѣдитъ. Итакъ, существованіе нѣкотораго мудрѣйшаго и могущественнѣйшаго существа, т. е. Бога есть послѣднее основаніе естественнаго права. Все это, будучи доказано нами съ математической вѣрностью, когда поступитъ въ публику, разсѣетъ тотъ туманъ, который навѣянъ на истину атеистами“ [2]). Таковъ взглядъ Лейбница на сущность естественнаго права. Относительно законодательства Лейбницъ думаетъ, что его принципъ есть польза государства, которая такъ же относится къ государству, какъ благочестіе къ міру. „Благо управленія въ государствѣ состоитъ въ публичномъ

---

[1]) Это—повтореніе того, что было сказано въ третьей диссертаціи. Легранъ по этому поводу приводитъ замѣчаніе P. Janet: Il semble même ici donner raison à la doctrine de Hobbes. Legrand. Op. cit., 51.

[2]) D. IV, pars. III, 214.

правѣ и такомъ образованіи прочихъ законовъ, чтобы предупреждались смуты. Благо гражданъ состоитъ въ *εὐδαιμονία* и *αὐτάρκεια*, т. е. благахъ духа и счастія“ [1]). Этимъ замѣчаніемъ исчерпываются въ трактатѣ наиболѣе интересныя положенія философскаго характера. Дальнѣйшая, техническая часть работы [2]) посвящена вопросу о сборникѣ рѣшеній по полемической части права. Ею кончается разборъ условій, создающихъ совершеннаго правовѣда-доктора. Но что нужно ученику, юному адвокату? Лейбницъ и на это обращаетъ вниманіе: онъ даетъ планъ занятій правомъ, подраздѣляя ихъ на три отдѣла —элементарный, экзегетическій и полемическій [3]). Въ значительной степени все это—изложеніе стараго матеріала съ новой, педагогической точки зрѣнія. Конецъ работы составляютъ двѣ таблицы: счетъ времени усвоенія предложеннаго курса и затѣмъ списокъ входящихъ въ курсъ статей со ссылками на параграфы изложеннаго сочиненія. Вторая часть „Новаго метода“ такимъ образомъ тѣсно связана съ первой: тамъ была предложена общая теорія, здѣсь показано ея частное примѣненіе.

Заимствованія въ правѣ. Лейбницъ и Ѳома Аквинатъ.

Если теперь бросить общій взглядъ на изложенное Лейбницемъ въ „Новомъ методѣ“ ученіе о правѣ, то прежде всего бросится въ глаза его сравнительная полнота. Лейбницъ, конечно, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ практическую цѣль, которая, по мнѣнію Густава Гартманна, заключается въ общей тенденціи сочиненія: какъ можно дальше отъ шаб-

---

[1]) Ib. «Ad *εὐδαιμονίαν*, seu virtutem pertinent omnes ordinationes politicae, inprimis quibus educatio et conversatio, tanquam principia malorum et bonorum morum formantur; item praemia virtutibus, poenae vitiis. Ad *αὐτάρκειαν* pertinent leges de commerciis, manufacturis, sumtuariae, etc.» Ib., 214—215.

[2]) Ib., 215—222.

[3]) Каждому отдѣлу долженъ соотвѣтствовать особый курсъ: «*Curriculum elementare* continet *historiam juris rudem, terminos usitatiores*, et *praecepta elementaria*. Ib., 223. «*Curriculum exegeticum*... 1) *Series titulorum* 2) *Institutiones juris universi*, seu compendium librorum authenticorum. 3) *Antinomiae*. Ib., 225. «*Curriculum polemicum*... *ad breviarium controversiarum* accedat studiosus juris... Methodus tractandi non sit diffusus syllogisticus, sed Germanicus practicus, ut in *judicio*». Ib., 226—227.

лона, какъ можно дальше отъ схоластики! [1]). Лейбницъ предлагалъ новый способъ обученія праву внѣ обычнаго формальнаго дѣленія и подраздѣленія юридическихъ понятій. Обученіе должно состоять въ живомъ усвоеніи элементовъ права при помощи юридической практики. Такой выводъ сдѣланъ былъ Лейбницемъ на основаніи его собственнаго опыта, оформить который въ стройную теорію ему помогла огромная эрудиція и въ особенности знаніе философской стороны дѣла по работамъ наиболѣе знаменитыхъ его предшественниковъ и современниковъ. Общій ходъ философскихъ идей въ трактатѣ отличается большой стройностію. Право разсматривается Лейбницемъ сначала въ субъективномъ смыслѣ, какъ моральное качество, затѣмъ—въ объективномъ, какъ нѣчто такое, что имѣетъ обоснованіе во внѣ, именно въ Богѣ, при чемъ мѣркою справедливости и несправедливости являются понятія пользы и вреда, а существующее изначала естественное право послѣдовательно восходитъ по ступенямъ отъ частнаго къ публичному и отъ публичнаго къ божескому праву. Изъ числа современниковъ въ смыслѣ такого пониманія дѣла немалую помощь Лейбницу оказалъ Гоббесъ, который, по его словамъ „въ своихъ остроумнѣйшихъ элементахъ о гражданинѣ говоритъ: состояніе людей бываетъ или внѣ высшей власти или подъ нею, въ государствѣ. Въ первомъ случаѣ имѣется чистое право всѣхъ на все или право войны; но когда положеніе войны дѣлается опаснымъ, то всякій на здравомъ основаніи разума начинаетъ держаться правила—располагать себя къ миру или состоянію въ данномъ государствѣ, поскольку оно въ себѣ; когда же государство создано, то сущность права заключается въ томъ, что̀ угодно государству; ничто другое здѣсь не составляетъ права природы“ [2]). Эти мысли Гоббеса, повидимому, повліяли на пониманіе, котораго держался Лейбницъ по отношенію къ jus strictum, опредѣляемому, какъ право войны и мира. На такое обстоятельство есть намекъ въ самомъ текстѣ работы. „Jus strictum, говоритъ Лейбницъ, должно сохраняться самою aequitas. Сюда относятся Гоббе-

---

[1]) G. Hartmann. Op. cit., 20. О недостаткахъ римскаго права по Лейбницу см. Alengry. Op. cit., 42—44.

[2]) D. VI, 3 pars, 212—213.

совы расположенія къ миру“ [1]). Изъ своихъ предшественниковъ Лейбницъ особенно часто ссылается на Аристотеля. Онъ вспоминаетъ о немъ, говоря о признакѣ необходимости въ общихъ правилахъ права [2]), утверждаетъ, что Аристотель формулировалъ основанія естественнаго права раньше стоиковъ: живи согласно съ природой; то, что свойственно природѣ вещей, или лучшему и совершеннѣйшему ихъ положенію — справедливо [3]). Не лишено интереса также сдѣланное въ аристотелевскомъ духѣ замѣчаніе Лейбница, что „благо гражданъ состоитъ въ *εὐδαιμονία* и *αὐτάρκεια*, т. е. въ благахъ души и счастія“ [4]). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своимъ пониманіемъ основъ юриспруденціи Лейбницъ, можетъ быть, былъ обязанъ даже Ѳомѣ Аквинату. Онъ упоминаетъ о послѣднемъ, называя его просто теологомъ, какъ Аристотеля — философомъ. Такъ какъ Германъ Коппель, изслѣдуя сродство Лейбница съ Ѳомой Аквинатомъ по вопросу о злѣ, повторяетъ мнѣніе Л. Штейна, что Лейбницъ зналъ ученіе Ари-

---

[1]) Ib., 213. Изъ другихъ мнѣній, приводимыхъ Лейбницемъ о естественномъ правѣ, интересна замѣтка о Rob. Scharrok'ѣ, который полагаетъ «Summum bonum, cum *Epicuro* esse voluptatem animi.... Unde *κοιτήριον* injustitiae esse, si quid animo quodammodo repugnante fiat. Putat igitur Deum sic creasse animum nostrum, ut naturalis quaedam inter ipsum et ea quae peccata dicuntur, fit *ἀντιπάθεια*». Ib. Идея высшаго блага, какъ удовольствія, въ это время занимала Лейбница.

[2]) Ib., 190.

[3]) Ib., 212. Подтвержденіе такой формулировки Аристотеля смотр. у Д. Якоби. Op. cit., p. 15—16.

[4]) Ib. 214. Вотъ параллельныя мѣста изъ Аристотеля: «Pol. I, 2. *ἡ πόλις γινομένη μὲν οὖν τοῦ ζῆν ἕνεκα οὖσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν* III, 9... *ἀλλ' ἡ τοῦ εὖ ζῆν κοινωνία καὶ τοῖς οἰκίαις καὶ τοῖς γένεσι ζωῆς τελείας χάριν καὶ αὐτάρκους.* eod. p. 1280 b. 5... *περὶ δ' ἀρετῆς καὶ κακίας πολιτικῆς διαυκοποῦσιν, ὅσοι φροντίζουσιν εὐνομίας.* (D. Jacobi. Op. cit., 17). Finis demum, замѣчаетъ Якоби, *εὐδαιμονία*, quacum *αὐτάρκεια* necessario est conjuncta (*τέλειον δή τι φαίνεται καὶ αὔταρκες ἡ εὐδαιμονία* eth nic. I, 5) existit finemque, quem natura praescripsit, assecuti sumus». Нужно замѣтить, что Якоби не разобралъ нѣкоторыхъ мѣстъ, относящихся въ Methodus Nova къ Аристотелю; напр., страницы 183, 191, 201, 202. Кабитцъ говоритъ, что основанія политическаго міровоззрѣнія у Лейбница чисто аристотелевскія. Kabitz. Op. cit., 104.

стителя въ томъ видѣ, какъ оно было изложено Ѳомой [1]), то —справедливо это или нѣтъ,—есть нѣкоторое основаніе думать, что вопросъ о вліяніи Ѳомы Аквината на Лейбница принадлежитъ къ одному изъ самыхъ сложныхъ экскурсовъ въ область психическаго воздѣйствія. Въ виду этого, не рѣшая дѣла по существу, мы, пользуясь сочиненіемъ Ѳомы Summa Theologica, дадимъ здѣсь эксцерптъ мнѣній послѣдняго: два ученія, трактуя естественное право, поясняютъ одно другое. Есть ли справедливость истина? спрашиваетъ Ѳома Аквинатъ. Несомнѣнно! Она зависитъ отъ Бога. Такъ какъ истина состоитъ въ томъ, что вещи согласуются съ разумомъ, то „справедливость Бога, составляющая въ вещахъ порядокъ, сообразно разумной основѣ своей мудрости, которая есть ея законъ, соотвѣтственно называется истиной“ [2]). Но „истина, какъ нѣчто сознанное, есть совершенство ума“ [3]), а умъ связанъ съ волей. Отсюда слѣдуетъ, что „если хорошо направленный разумъ есть объектъ воли, то невозможно Богу хотѣть ничего такого, что не имѣло бы основанія въ его мудрости; послѣдняя есть какъ бы законъ справедливости, въ силу которой вѣрна и справедлива Его воля“ [4]). Такимъ образомъ, божественный разумъ для Ѳомы Аквината подчиняетъ себѣ волю; онъ есть вѣчный законъ и, значитъ, послѣднее основаніе всякаго права, поскольку оно мыслимо безъ справед-

---

[1]) Herman Koppehl. Die Verwandtschaft Leibnizens mit Thomas v. Aquino in der Lehre vom Bösen. Iena. 1892. s. 9: «Leibniz den Aristotelismus durch die Brille des Thomismus betrachtet habe». Эта цитата изъ Штейна не точна. L. Stein говоритъ: «Leibniz... kennt schon Platon nur halb, zum Theil sogar nur durch die Brille Augustin's, Aristoteles vollends recht mässig, zumeist nach der Darstellung des Thomas von Aquino». Leibniz und Spinoza. Berlin. 1890. S. 163. Объ этомъ же нѣсколько иначе говоритъ Тренделенбургъ: «Es bleibt dabei ungewiss, ob Leibniz die aristotelischen Elemente unmittelbar oder etwa durch das Mittel der Scholastiker oder der Prolegomena des Hugo Grotius empfing». Trendelenburg. Op. cit., II, 252.

[2]) S. Thomae Aquinatis Summa Theologica diligenter emendata Nicolai, Sylvii, Billuart, et C.—J. Droux notis ornata. Editio decima septima. Parisiis. T I. Quaes. XXI, ar. II, p. 189.

[3]) Ib., 144.

[4]) Ib., 188.

ливости. „Справедливое, учитъ Ѳома, есть объектъ справедливости", ибо по Аристотелю (Этика, кн. V. гл. 1, о принципахъ), „справедливостью всѣ хотятъ считать такое свойство, въ силу котораго они способны поступать справедливо" [1]). Итакъ право — объектъ справедливости" [2]), „объектъ, спеціально приписываемый добродѣтели справедливости" [3]). Оно раздѣляется на естественное и положительное. „Право или справедливое, пишетъ Ѳома, есть нѣчто адэкватное другому по какому нибудь роду равенства. Но нѣчто можетъ быть адэкватно для кого нибудь двояко: съ одной стороны по самой природѣ вещи, когда, положимъ, кто нибудь даетъ столько-то, чтобы столько же получить, и это называется естественнымъ правомъ; съ другой стороны нѣчто адэкватное или соразмѣрное другому бываетъ по соглашенію, или по общему признанію, т. е. когда кто нибудь считаетъ себя довольнымъ, получивъ столько-то... И это называется положительнымъ правомъ" [4]). Ѳома различалъ также божеское право, которое объявлено по божескому соизволенію. Оно касается какъ того, что̀ естественно справедливо, такъ и того, что̀ справедливо въ силу божескаго установленія [5]). Таковы, по мнѣнію Ѳомы Аквината, справедливость и право. Справедливость опредѣляется имъ какъ „непрерывная и постоянная воля, требующая каждому своего права" [6]),

---

[1]) У Аристотеля фраза въ подлинникѣ такова: *ὁρῶμεν δὴ πάντας τὴν τοιαύτην ἕξιν βουλομένους λέγειν δικαιοσύνην, ἀφ' ἧς πρακτικοὶ τῶν δικαίων εἰσὶ, καὶ ἀφ' ἧς δικαιοπραγοῦσι καὶ βούλονται τὰ δίκαια*». Eth. Nic. 1129 a.

[2]) Summa Theologica. Secunda Secundae. Tomus quartus. Quaes. LVII, articl. I, pag. 397—398.

[3]) Ib., 398. По мнѣнію Ѳомы: «quia justitia aequalitatem importat, Deo autem non possumus aequivalens recompensare, inde est quod justum secundum perfectam rationem non possumus reddere Deo; et propter hoc non dicitur proprie jus lex divina, sed fas, quia videlicet sufficit Deo ut impleamus quod possumus. Justitia tamen ad hoc tendit ut homo, quantum potest, Deo recompenset, totaliter animam ei subjiciens». Ib., 398—399.

[4]) Ib., 399.

[5]) Ib., 400.

[6]) Ib., 403.

актъ которой есть опредѣленіе справедливаго [1]). Остается ad hoc сказать о встрѣчающемся у Ѳомы Аквината понятіи pietas — благочестіе. „Благочестіе есть спеціальная добродѣтель, въ силу которой кто либо воздаетъ долгъ и почтеніе родителямъ, отечеству и родственникамъ“ [2]). Она не одно и тоже съ религіей, но религія и благочестіе другъ друга не исключаютъ [3]). Если теперь сравнить эти мысли Ѳомы Аквината съ тѣмъ, что говоритъ Лейбницъ, то не трудно найти сходныя черты. У того и у другого, напримѣръ, основа справедливости и права находится въ Богѣ, его мудрости и волѣ. Къ чертамъ различія, напротивъ, относится понятіе благочестія. Мы нарочно привели опредѣленіе, данное Ѳомой Аквинатомъ: благочестіе, въ качествѣ понятія о третьей ступени естественнаго права, сообщающей другимъ совершенство дѣйствія, есть у Лейбница весьма отдаленный выводъ изъ общаго положенія о томъ, что право — въ Богѣ. Своеобразно понимая чужія мысли и перерабатывая ихъ, Лейбницъ часто устанавливалъ связи тамъ, гдѣ трудно было ихъ ожидать [4]). Неудивительно поэтому, что въ „Новомъ методѣ“ есть мысль о тожествѣ почетнаго и пріятнаго, которая сближаетъ утилитаризмъ съ глубочайшей областью метафизики и которая не покидала Лейбница, кажется, всю жизнь.

Исповѣданіе природы противъ атеистовъ.

Вопросъ о существованіи Бога и вытекающія изъ природы Божества слѣдствія постоянно интересовали Лейбница. Размышленія о такихъ предметахъ удовлетворяли этическимъ и религіознымъ потребностямъ философа. И вотъ въ 1668 году Лейбницъ пишетъ статью противъ безбожія, изданную потомъ „Spicelius'омъ подъ громкимъ названіемъ „Confessio naturae contra atheis-

---

[1]) Ib. Quaest. I. X. Art. I, p. 423: Cum judicium, ejus quod justum est, determinatio sit, consequitur hinc judicium esse justitiae actum».

[2]) Summa Theologica. Secunda Secundae. Tomus quintus. Quaest. CI. Art. III, p. 65.

[3]) Ib. 66.

[4]) Кабитцъ полагаетъ, что образованіе понятія pietas произошло у Лейбница подъ вліяніемъ изученія кардинала Sfortia Pallavicinus'a. Kabitz. Op. cit., 103.

tos“ [1]). Въ „Новомъ методѣ“ Лейбницъ уже намекнулъ, что ему хотѣлось бы выяснить публикѣ идею Бога во всей ея глубинѣ. Теперь послѣдовало исполненіе этого плана. Первая часть сочиненія посвящена доказательству того, что вещественныя явленія не могутъ быть объяснены безъ Бога [2]), вторая часть доказываетъ безсмертіе души. Матеріаломъ для письма служили частью древняя, частью новая философія и преимущественно ученіе Декарта, такъ что по ходу изложенія „Исповѣданіе природы противъ атеистовъ“ служитъ какъ бы продолженіемъ интерпретаціи картезіанства. Каково же содержаніе статьи? Прежде всего Лейбницъ говоритъ, что философія только при поверхностномъ взглядѣ отталкиваетъ отъ Бога. Объяснять явленія механически черезъ посредство фигуры и движенія можно только въ частныхъ случаяхъ, пока дѣло не дошло до основаній [3]). Отсюда является ложнымъ выводъ нѣкоторыхъ писателей, напр., Гоббеса, что естественнымъ путемъ нельзя найти ни Бога, ни безсмертія души. Глубоко религіозный и независимый, Лейбницъ рѣшается поэтому самъ взяться за изслѣдованіе природы вещей. Займемся, говоритъ онъ, мысленнымъ разсѣченіемъ тѣлъ. Что, если въ ихъ природѣ совсѣмъ не окажется первичныхъ свойствъ, т. е. величины, фигуры и движенія? Тогда натуралисты должны будутъ признать, что безъ невещественнаго начала при объясненіи тѣлесныхъ явленій обойтись нельзя. Между тѣмъ это прямо слѣдуетъ изъ опредѣленія тѣла, какъ чего-то существующаго въ пространствѣ [4]). Лейбницъ разсматриваетъ каждый изъ входящихъ въ опредѣленіе терминовъ и прежде всего пространство. Изъ послѣдняго вытекаютъ въ тѣлѣ величина и фигура, но величина и фигура вообще, а

---

[1]) Смотр. письмо Лейбница къ Spicelius'y. «Ego tametsi non theologus, nihilominus... *σχεδίασμα* quoddam aliquando mihi excidere passus sum... *ἀκέφαλον καὶ ἀνώνυμον*...“ D. V, 343. Подробнѣе говорится объ этомъ въ письмѣ къ Як. Томазію. G. I, 27.

[2]) Анализъ этой части сочиненія по отношенію къ философской сторонѣ вопроса о Богѣ сдѣланъ проф. Е. А. Бобровнымъ. Проф. Е. А. Бобровъ. «Этюды по метафизикѣ Лейбница». Варшава, 1905. Стр. 44—46.

[3]) «antequam scilicet ad fundamenta et principia venissent». G. IV, 105,

[4]) «Definitio autem corporis est spatio inexistere». Ib., 106.

не та или другая. Данный видъ тѣла не объяснимъ изъ понятія пространства. Даже, если сказать, что тѣло отъ вѣчности имѣло извѣстную фигуру, то и въ этомъ случаѣ мы ни на шагъ не подвинемся впередъ, ибо тогда вѣчность будетъ причиной вещи. Сказать же, что тѣло имѣетъ ту или другую фигуру вслѣдствіе движенія,—нельзя потому, что нѣтъ объясненій для фигуры, существовавшей до начала этого движенія. Къ такимъ результатамъ приводитъ анализъ перваго термина. Что касается второго, т. е. существованія въ извѣстномъ пространствѣ, то изъ него, повидимому, вытекаетъ движеніе. Но это только такъ кажется. Вытекаетъ собственно не движеніе, а лишь его возможность вообще. Данныя движенія изъ понятія существованія въ пространствѣ вывести нельзя. Скорѣе можно вывести покой. Если приписать тѣлу движеніе, какъ предикатъ, присущій ему отъ вѣчности, то причиной движенія будетъ время. Но это мало понятно. Если, наоборотъ, считать, что данное тѣло предвѣчно получило движеніе отъ другого тѣла, то вопросъ сведется къ тому же: причиной движенія этого второго тѣла будетъ время. Такимъ образомъ, говоритъ Лейбницъ, „въ тѣлахъ предоставленныхъ самимъ себѣ не могутъ быть ни опредѣленная фигура, ни величина, ни вообще извѣстное движеніе“ [1]) Подобно этимъ первичнымъ качествамъ изъ самой природы тѣлъ необъяснима причина ихъ связнаго состава, отъ котораго происходятъ непроницаемость, сцѣпленіе и отраженіе [2]). Эти свойства необъяснимы также при посредствѣ величины, фигуры и движенія, особенно сцѣпленіе: часть тѣла, которую толкаютъ, уступаетъ воздѣйствію вмѣстѣ съ другими, ее окружающими, но почему? По мнѣнію Гассенди, напр., вслѣдствіе цѣпкости первоначальныхъ фигуръ. Такія фигуры должны быть крѣпки и плотны, чтобы сдерживать вмѣстѣ части тѣлъ. Но откуда ихъ крѣпость и плотность? Если предположить, что въ послѣднемъ составѣ тѣлъ лежатъ недѣлимыя тѣльца—атомы, то и въ нихъ не найдемъ никакого основанія для сцѣпленія и недѣлимости.

---

[1]) Ib., 107.

[2]) «a consistentia tria sunt: resistentia, cohaerentia, reflexio». Ib., 108.

Было, правда, въ древности мнѣніе, что атомы потому сцѣплены другъ съ другомъ, что между ними нѣтъ пустоты, но этотъ взглядъ новыми философами отвергнутъ, какъ нелѣпость: онъ противорѣчитъ опыту. Изъ этого слѣдуетъ, что для объясненія существованія и движеній атомовъ необходимо прибѣгнуть къ Богу. Удивительно, что до сихъ поръ не обратили вниманія на этотъ замѣчательный способъ доказать бытіе Божіе! Лейбницъ отмѣчаетъ четыре свойства Высшаго Существа: оно—едино, въ виду всеобщей взаимной гармоніи тѣлъ; оно—разумно, ибо дало всему тотъ или иной видъ; оно—мудро, въ виду красоты вещей; оно—всемогуще, ибо все повинуется ему въ мановеніе ока. Въ этой характеристикѣ Божества особенно слѣдуетъ отмѣтить указаніе на его единство для всѣхъ.

Доказательство безсмертія человѣческой души дано Лейбницемъ въ видѣ сорита; главныя положенія въ немъ таковы: человѣческая душа есть существо, нѣкоторое дѣйствіе котораго есть мышленіе. Мышленіе есть вещь сознаваемая 1) непосредственно и 2) безъ представленія частей [1]). „Это, по мнѣнію Лейбница, ясно изъ опыта, ибо мышленіе есть то самое нѣчто, которое мы чувствуемъ, когда чувствуемъ, что мыслимъ. Когда, напр., мы чувствуемъ, что думали о Тиціи, то мы чувствуемъ не одно только то, что имѣли въ душѣ образъ Тиція, заключающій, конечно въ себѣ части,—ибо этого недостаточно для мышленія и мы имѣемъ въ душѣ образы того же рода, когда о нихъ не думаемъ,—но кромѣ того мы чувствуемъ, что обратили вниманіе на этотъ образъ Тиція; въ этомъ представленіи самаго акта вниманія мы и не воспринимаемъ никакихъ частей“ [2]). Изъ подобнаго пониманія мышленія и души слѣдуетъ, что нѣкоторое дѣйствіе даннаго существа есть вещь безъ частей. „Ибо, добавляетъ Лейбницъ, таковымъ что непосредственно чувствуется, таково оно и есть. Причина ошибки есть среда, такъ какъ если причиной ошибки былъ объектъ чувства, то онъ всегда бы чувствовался ложно, а если субъектъ, то онъ всегда бы чувство-

---

[1]) «Cogitatio... est res immediate sensibilis... Cogitatio est res sensibilis sine imaginatione partium». Ib., 109.

[2]) Ib.

валъ ложно“ [1]). Теперь очевидно, что если нѣкоторый актъ разума [2]) какого либо субъекта есть вещь безъ частей, то нѣкоторое дѣйствіе не есть движеніе, т. е. самъ этотъ субъектъ не есть тѣло, ибо всякое дѣйствіе тѣла есть движеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что предикаты тѣлесности не свойственны субъекту, т. е. душа не имѣетъ бытія въ пространствѣ, недоступна распаденію и разрушенію и, значитъ, безсмертна, такъ какъ „смерть есть разрушеніе живого существа, или распаденіе его механизма, черезъ который оно является движущимъ само себя“ [3]).

Прогрессъ въ доказательствѣ бытія Божія.

Идеи, высказанныя Лейбницемъ въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“ были, во первыхъ, осуществленіемъ той критики, которую онъ направлялъ противъ атомизма уже въ своемъ автобіографическомъ отрывкѣ, а во вторыхъ, до извѣстной степени, новостью. Онъ самъ указываетъ, что данное имъ космологическое доказательство бытія Божія, было другими упущено изъ виду [4]). Какіе же успѣхи сдѣлалъ Лейб-

---

[1]) Ib., 110.

[2]) Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ «Исповѣданія природы» текстъ читается разно: по Dutens'y (I, 9) и по Erdmann'y (47 b.) «Cujus aliqua actio est res sine partibus, ejus aliqua actio non est motus», а по Герхардту (I, 110) «Cujus aliqua ratio est res sine partibus, ejus aliqua actio non est motus». Въ виду заявленія Герхардта, что экземпляръ, съ котораго произведена перепечатка, содержитъ поправки Лейбница, не коснувшіяся сорита, и что съ другой стороны этотъ соритъ воспроизведенъ по списку изъ корреспонденціи Лейбница съ Кохомъ, трудно сказать, есть ли чтеніе «ratio» перемѣна, сдѣланная Лейбницемъ въ текстѣ, или просто опечатка. Ib., 7.

[3]) Ib., 110.

[4]) Сравненіе Лейбница съ Гассенди, который не дошелъ до космологическаго доказательства бытія Божія, хорошо провелъ Hannequin: «Gassendus quidem, Epicuri Physicam amplexus, suam et christiani et sacerdotis religionem tuebatur, cum, omissa sane omni accurata disquisitione, fingeret Deum et atomos, quales essent, procreavisse et leges motus instituisse: Leibnitius autem, re deligentius perpensa, conatur ex intima corporis natura ac primis proprietatibus, quas sibi tribuere ipsum non potuit, ejus modi causas promere, ut Deum esse ac mundo creatorem interesse necesse sit». Op. cit., 15. Что касается вопроса о томъ, было ли вообще ново выдвинутое Лейбницемъ космологическое доказательство бытія Божія, то тутъ прежде всего надо замѣтить, что нѣкоторыя его черты заключаются уже въ Физикѣ Аристотеля.

ницъ въ изслѣдованіи интересовавшаго его вопроса о Богѣ? Если сравнить съ послѣднимъ доказательствомъ бытія Божія доказательство третьей диссертаціи, то окажется, что нѣкоторыя мысли въ обоихъ разсужденіяхъ сходны. Въ третьей диссертаціи Лейбницъ, доказывая бытіе Божіе, отправлялся отъ двухъ пунктовъ: отъ понятія безконечно совершенной субстанціи, въ силу самой своей сущности способной вѣчно производить движеніе, и отъ физическаго наблюденія, выраженнаго въ аксіомѣ: что движетъ, то движимо само. Въ „Исповѣданіи природы“ это второе положеніе играетъ подчиненную роль лишь одного изъ моментовъ доказательства: анализируя терминъ „существованіе въ пространствѣ“, Лейбницъ подчеркиваетъ progressus ad infinitum, къ которому приводитъ рядъ движущихъ другъ друга тѣлъ. Выводы по отношенію къ этому моменту въ обоихъ сочиненіяхъ одинаковы: Лейбницъ указываетъ на необходимость предположить невещественную причину движенія. Что касается различія въ доказательствахъ, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить методъ: въ зависимости отъ метода „Исповѣданіе природы“ ставитъ понятіе Совершеннѣйшаго Существа заключительнымъ звеномъ. Въ общемъ нужно сказать, что сравнительно съ прежнимъ Лейбницъ много подвинулся впередъ. Подойдя къ вопросу о бытіи Божіемъ съ новой стороны, онъ не забылъ того, что имъ было уже сдѣлано, при чемъ оказался, какъ и ранѣе, многимъ обязанъ Аристотелю [1]). И вотъ для Лейбница выросъ вопросъ: если принципъ природы долженъ заключаться въ Богѣ, т. е. внѣ ея, то какъ нужно относиться къ этой природѣ, какъ явленію? Что должны мы считать принципами феноменальнаго міра?

---

[1]) Чтобы видѣть, насколько тѣсна была тутъ зависимость Лейбница отъ Аристотеля, стоитъ только взглянуть ближе на соотвѣтствующія тексты Физики послѣдняго, гдѣ есть даже мысль въ родѣ той, которую высказываетъ Лейбницъ о времени (время, по его мнѣнію, будучи безконечнымъ, не можетъ быть причиной движенія). Аристотель почти въ такомъ же смыслѣ говоритъ о безконечномъ вообще: *τῶν γὰρ ἀπείρων οὐκ ἔστιν οὐδὲν πρῶτον.* (Phys. Θ. 256a. 18). См. также Д. Якоби (Op. cit., 21—22), гдѣ приведены тексты изъ Аристотеля о первомъ двигателѣ.

Лейбницъ въ этомъ отношеніи явился приверженцемъ атомизма [1]), хотя и указываетъ на несостоятельность понятія атома, какъ окончательной первоосновы. Лейбницъ полагаетъ, что въ природѣ есть пустота [2]) и что поэтому нельзя себѣ представить въ природѣ постояннаго сцѣпленія первоначальныхъ тѣлецъ, движеніе которыхъ образуетъ видимый міръ. Изъ этого ясно, что въ физикѣ Лейбницъ не примыкалъ въ то время къ Декарту, хотя, какъ мы видѣли, онъ и усвоилъ часть ученія послѣдняго объ отношеніи пространства къ тѣламъ и хотя, вмѣстѣ съ Ганнекеномъ, можно сказать, что онъ былъ тѣмъ болѣе близокъ къ корпускулярной теоріи, чѣмъ дальше отходилъ отъ чистаго атомизма съ его случайными движеніями атомовъ [3]). Среди другихъ идей, характерныхъ для разбираемой работы, слѣдуетъ подчеркнуть указанную Кабитцомъ фразу: „основаніе заключенія до тѣхъ поръ не опредѣлено вполнѣ, пока не опредѣлено основаніе основанія“ [4]) Кабитцъ видитъ въ ней выраженіе закона достаточнаго основанія въ томъ смыслѣ, что на немъ построена вся аргументація доказательства бытія Божія. Точно также Кабитцъ полагаетъ, что, создавая свою работу, Лейбницъ находился подъ вліяніемъ не только Декарта, но и Гассенди. Принимая вмѣстѣ съ ними, что сущность, тѣлъ исчерпывается полученнымъ черезъ абстракцію геометрическимъ пониманіемъ пространства, Лейбницъ, по мнѣнію Кабитца, не былъ послѣдователенъ въ дальнѣйшихъ выводахъ: онъ могъ бы утверждать, что изъ понятія пространства вообще не выводима

---

[1]) «Sane verum est, et rationem habet, quod olim *Democritus, Leucippus, Epicurus et Lucretius,* hodie sectatores eorum *Petrus Gassendus et Ioh. Chrysost. Magnenus* prodiderunt: Omnem in Corporibus Cohaerentiae causam dare naturaliter figuras quasdam implicatorias, nempe hamos, uncos, annulos, eminentias, breviter omnes durorum corporum curvitates vel flexiones sibi invicem insertas». G. IV, 108.

[2]) По мнѣнію Auerbach'a въ этомъ убѣжденіи поддерживало Лейбница открытіе магдебургскихъ полушарій. Op. cit., 26.

[3]) Hannequin. Op. cit., 21. Ганнекенъ полагаетъ, что переходъ Лейбница къ корпускулярной теоріи совершился при посредствѣ Бэкона. »Vide certe illud Baconi quod in fronte *Confessionis* proposuit». Ib.

[4]) G. IV, 107. Kabitz. Op. cit., 36 и 55.

сущность тѣлъ; между тѣмъ, допуская такое положеніе безъ доказательствъ, онъ только показалъ, что изъ понятія пространства не могутъ быть выведены индивидуальные видъ и величина [1]). Предположивъ, что для Лейбница видъ и величина были въ физикѣ лишь воззрѣніями, т. е. чѣмъ-то не отдѣлимымъ отъ тѣлъ, можно не усматривать въ ходѣ разсужденій Лейбница никакого скачка. Различіе между воззрѣніями и понятіями не было еще въ то время проведено какъ слѣдуетъ. Рядомъ съ изложенными мнѣніями Кабитца въ дополненіе можно привести замѣчанія Сельвера и Нуррисона. Сельверъ обращаетъ вниманіе на то, что Лейбницъ является въ работѣ послѣдователемъ Декарта, какъ ученый, полагавшій въ основу доказательства безсмертія души различіе мышленія и протяженія [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣлимость перваго и частичность второго. Нуррисонъ высказываетъ мысль, что первая половина работы вдохновлена Аристотелемъ, а другая—доказательство безсмертія души—Платономъ [3]). Мысли Платона настолько родственны многимъ частямъ философіи Лейбница и Лейбницъ самъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, настолько прилежно изучалъ Платона, что мы постараемся привести здѣсь для сравненія наиболѣе важные пункты того, что говорилъ о безсмертіи души Платонъ.

Лейбницъ и Платонъ.

Доказательство безсмертія души въ платоновскомъ діалогѣ „Федонъ“ обосновывается различно. Прежде всего, что такое по Платону смерть? Она есть отрѣшеніе души отъ тѣла. Послѣ смерти тѣло и душа существуютъ каждое само по себѣ [4]). При этомъ

---

[1]) Kabitz. Ib., 56.

[2]) Selver. Op. cit., 16.

[3]) Nourrison. Op. cit., 34: «dans la démonstration de l'immortalité de l'âme, on dirait qu'il reprodnit quelques-uns des arguments du *Phédon*».

[4]) *Ἠγούμεθά τι τὸν θάνατον εἶναι;....Ἆρα μὴ ἄλλο τι ἢ τὴν τῆς ψυχῆς ἀπὸ τοῦ σώματος ἀπαλλαγήν; καὶ εἶναι τοῦτο τὸ τεθνάναι, χωρὶς μὲν ἀπὸ τῆς ψυχῆς ἀπαλλαγὲν αὐτὸ καθ' ἑαυτὸ τὸ σῶμα γεγονέναι, χωρὶς δὲ τὴν ψυχὴν ἀπὸ τοῦ σώματος ἀπαλλαγεῖσαν αὐτὴν καθ' αὑτὴν εἶναι;* Plato. Phaedo, 64. C.

душа остается неизмѣнной, не можетъ, напр., согласно вульгарному мнѣнію, развѣяться, ибо развѣиваться свойственно только тому, что сложно по природѣ, и что, какъ сложное, разлагается на свои начала. Несложному это не свойственно [1]). Оно, напротивъ, всегда существуетъ одинаковымъ образомъ [2]).

Такъ пребываетъ сущность, никогда ни въ какомъ случаѣ не подлежащая перемѣнамъ, тогда какъ все остальное мѣняется. Но то, что мѣняется, мы познаемъ черезъ чувства, а неизмѣнно существующее въ себѣ постигаемъ умомъ. Отсюда есть міръ видимый и міръ невидимый; первый—измѣнчивъ, второй—неизмѣненъ [3]). Душа принадлежитъ къ послѣднему. Увлекаемая тѣломъ, она заблуждается, но такъ какъ отрѣшеніе ея отъ тѣла, способствуя разумности, приближаетъ ее къ вещамъ въ себѣ [4]), то, кажется, можно согласиться, что она болѣе всего подобна именно имъ. Она вдобавокъ, какъ нѣчто божественное, управляетъ тѣломъ. Поэтому, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что „душа всего болѣе подобна чему-то божественному, безсмертному, мыслимому, однородному, неразрушимому и всегда одинаковымъ образомъ въ себѣ существующему“ [5]). Значитъ, душа или совершенно неразрушима или близка къ этому. Чѣмъ менѣе, по отрѣшеніи отъ тѣла, увлечетъ она съ собою тѣлеснаго, тѣмъ болѣе она будетъ блаженна [6]).

---

[1]) *τῷ ποίῳ τινὶ ἄρα προσήκει τοῦτο τὸ πάθος πάσχειν, τὸ διασκεδάννυσθαι... Ἆρ᾽ οὖν τῷ μὲν ξυντεθέντι τε καὶ ξυνθέτῳ ὄντι φύσει προσήκει τοῦτο πάσχειν, διαιρεθῆναι ταύτῃ ᾗ περ ξυνετέθη· εἰ δέ τι τυγχάνει ὂν ἀξύνθετον, τούτῳ μόνῳ προσήκει μὴ πάσχειν ταῦτα, εἴ πέρ τῷ ἄλλῳ;* Ib., 78, B и C.

[2]) *ἃ περ ἀεὶ κατὰ ταὐτὰ καὶ ὡσαύτως ἔχει, ταῦτα μάλιστα εἰκὸς εἶναι τὰ ἀξύνθετα.* Ib., C.

[3]) *Θῶμεν οὖν.... δύο εἴδη τῶν ὄντων, τὸ μὲν ὁρατόν, τὸ δὲ ἀειδές.... καὶ τὸ μὲν ἀειδὲς ἀεὶ κατὰ ταὐτὰ ἔχον, τὸ δὲ ὁρατὸν μηδέποτε κατὰ ταὐτά...* Ib., 79. A.

[4]) Ib., 79. D.

[5]) Ib., 80. B.

[6]) Ib., 80. E.—81 A.

Окончательнымъ образомъ безсмертіе души Платонъ пытается доказать посредствомъ противоположности понятій. Причина всякой вещи есть идея [1]). Душа—причина тѣла. Душа есть идея. Но противоположныя понятія несовмѣстимы въ содержаніи третьяго [2]), напр., три и четъ, жизнь и смерть. Такъ какъ душа всегда приноситъ тѣлу жизнь, то къ самой ея сущности, какъ идеи, необходимо отнести отсутствіе смерти. Слѣдовательно, душа—безсмертна [3]). Все это доказательство построено на понятіи идеи, какъ неизмѣнно сущаго и потому чего-то простого, а затѣмъ на коренномъ различіи между душой и тѣломъ. У Лейбница имѣются тѣ-же мысли, но имъ дана совершенно другая обработка подъ вліяніемъ Декарта. Душа есть мыслящая вещь, которая непосредственно обусловливаетъ въ насъ сознаніе своего единства и простоты въ смыслѣ отсутствія частей. Платонъ говоритъ: душа проста потому, что не принадлежитъ къ міру воспринимаемыхъ чувствами тѣлъ; Лейбницъ говоритъ: душа проста потому, что въ самомъ актѣ воспріятія нѣтъ частей. У Платона гносеологическимъ принципомъ является внѣшнее, у Лейбница внутреннее чувство. Въ остальномъ между Платономъ и Лейбницемъ разница та, что первый совершаетъ свое доказательство при помощи экскурса въ область логики, пользуясь противоположностью понятій, а второй ссылается для окончательнаго вывода на эмпирически оправдываемое положеніе: всякое тѣло имѣетъ движеніе. Если душа проста, то она не имѣетъ движенія [4]); значитъ она

---

[1]) *ὡμολογεῖτο εἶναί τι ἕκαστον τῶν εἰδῶν καὶ τούτων τἆλλα μεταλαμβάνοντα αὐτῶν τούτων τὴν ἐπωνυμίαν ἴσχειν*". Ib., 102. B.

[2]) См. мою книгу «Генетическій методъ въ логикѣ». Казань 1909. Стр. 124. Платонъ трактуетъ объ этомъ въ Федонѣ подробно: 102. B.—105. B.

[3]) Ib. 105. D и E.

[4]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, почему мы до сихъ поръ не упоминали о доказательствѣ, которое Платонъ даетъ безсмертію души въ діалогѣ «Федръ». Тамъ душа понимается именно, какъ нѣчто обладающее движеніемъ, а Лейбницъ здѣсь, видимо, не считался съ мыслью Платона, что *τὸ... ἀεικίνητον —ἀθάνατον*. Plato. Phaedrus, 245. C.

не—тѣло. Тѣлесный міръ оба философа понимаютъ какъ феноменальный, при чемъ для опредѣленія смерти Платонъ беретъ моментъ отдѣленія души отъ тѣла, а Лейбницъ—разрушеніе механизма живого существа.

Такъ сказались у Лейбница этико-религіозныя идеи въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“. Это сочиненіе и „Новый методъ изученія и преподаванія юриспруденціи“ въ отношеніи метафизическихъ основаній морали иногда какъ бы дополняютъ другъ друга.

III.

Идея согласованія Аристотеля съ новой философіей и первый политическій трактатъ.

Механизмъ въ природѣ и субстанціальныя формы.

Почти въ то-же самое время, когда было написано „Исповѣданіе природы противъ атеистовъ“ или немного спустя послѣ этого, весной 1668 г., Лейбницъ, чтобы упрочить свое положеніе при дворѣ Майнцскаго курфюрста, принялъ участіе въ юридическихъ трудахъ по обработкѣ римскихъ законовъ для нуждъ нѣмецкаго княжества и въ сотрудничествѣ съ Германомъ Лассеромъ издалъ трактатъ объ основахъ возсозданія Corporis juris [1]). Это была попытка дать ничто иное, какъ систему законовъ сообразно тому, какъ они лежатъ in Corpore juris и въ природѣ [2]). Сочиненіе было написано по-латыни и заключало 156 параграфовъ съ приложеніемъ, содержащимъ три схемы въ поясненіе §§ 40 и 65 [3]). Философскаго значенія возсозданіе Corporis juris

---

[1]) Guhrauer. Biolog. I, 53.

[2]) «... juste ordine digestarum» прибавляетъ Лейбницъ. D. IV. 3, 243.

[3]) Ib. 250—252. F. Alengry называетъ эту работу Лейбница: effectiva legum reconciliatio ad judices et discipulos reservata. Вопросъ о ней былъ затронутъ Лейбницемъ въ Новомъ методѣ, въ отдѣлѣ объ интерпретаціи законовъ, ubi principia decidendi atque collectiones decisionum profert Leibnitius. По мнѣнію Alengry, ея мысли можно свести къ 12 положеніямъ, которыя полезны даже для профессоровъ права, напр.: I. Retinebitur textus Corporis juris, ut jacet... II. Libri juris in unam consonantiam jungentur sic tamen ut uno obtutu apparere possit, quid de Codice vel Digestis... haustum sit. III. Retinebuntur tituli... Alengry. Op. cit., 48—49 и слѣд.

не имѣетъ, но оно цѣнно, какъ фактъ, указывающій на постоянный интересъ Лейбница къ философской постановкѣ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи рука объ руку съ практическимъ примѣненіемъ логики къ праву у Лейбница шло дальнѣйшее изученіе философіи. Лейбницъ старался понять явленія феноменальнаго міра въ ихъ основаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ необходимость выйти для этого за его предѣлы. Такая потребность проходила своеобразныя ступени развитія: отъ понятія атома Лейбницъ послѣдовательно перешелъ къ понятію матеріи, какъ массы, а затѣмъ, не видя и въ ней окончательнаго объясненія явленій внѣшняго опыта, призвалъ себѣ на помощь отвергнутыя новой философіей субстанціальныя формы [1]). Это значило, по его мнѣнію, заняться согласованіемъ новой философіи съ Аристотелемъ, т. е. выяснить связь между Физикой послѣдняго и новыми ученіями о величинѣ, фигурѣ и движеніи, какъ принципахъ объясненія природы. Плодомъ такого намѣренія явилось прежде всего письмо къ Якову Томазію, отъ 26 сентября 1668 г. [2]), которое по яркости и типичности изложенныхъ въ немъ идей настолько замѣчательно, что вполнѣ стоитъ

---

[1]) По Аристотелю forma (εἶδος) въ качествѣ опредѣленнаго рода бытія образовывала съ матеріей субстанцію, и въ этомъ смыслѣ схоластики называли ее: forma substantialis=οὐσία οὐσιώδης. Акцидентальными формами, напротивъ, назывались у схоластиковъ количественныя и качественныя свойства субстанцій. Фактическимъ примѣромъ того, какъ понимали схоластики субстанціальныя формы, представляютъ слова A. Stöckl'я, который, перелагая ученіе Скота Эригены, пишетъ: «Jede Wesenheit oder Substantielle Form ist Eine in allen Individuen, denen sie zukommt; sie ist ganz in allen und ganz in jedem einzelnen Individuum». Geschichte der Philosophie des Mittelalters. I. Band. Mainz 1864. S. 59. См. также B. Hauréau: De la philosophie scolastique. T. I. Paris. 1850. P.p. 10 etc. Bertereau, изучая Лейбница, какъ историка философіи и характеризуя его взгляды на схоластику, замѣчаетъ, что «si l'on condamne les formes substantielles, on ne peut toutefois s'empêcher d'admettre des principes constitutifs de la nature de chaque être». Leibniz, considéré comme historien de la philosophie. Paris. 1843 P. 52. Подобный взглядъ встрѣчается у Лейбница въ перепискѣ съ де Боссомъ. G. II, 300.

[2]) О датѣ этого письма см. Selver. Op. cit., 19, примѣч. 3 и статью Кабитца въ Deutsche Literaturzeitung. 1907. № 35, стр. 2183.

спеціальнаго разбора, хотя нѣкоторые, какъ напримѣръ, Ганнекенъ [1]), пользуются его содержаніемъ какъ бы вскользь, въ связи съ разборомъ другихъ сочиненій Лейбница. „Еще Рей, говоритъ Лейбницъ въ этомъ письмѣ [2]),.. достаточно показалъ, что неясности Аристотеля происходятъ отъ схоластическаго дыма и что самъ Аристотель удивительно согласуется съ Галилеемъ, Бэкономъ, Гассенди, Гоббесомъ, Декартомъ и Дигби. Ибо что такое по Аристотелю первая матерія, какъ не бездѣятельная масса безъ движенія и, слѣдовательно, разъ все наполнено, безъ фигуры? Движеніе матеріи происходитъ отъ разума, т. е. отъ Бога; фигура, происшедшая изъ связи движеній, обнимаетъ самое расположеніе частей, и ничто не препятствуетъ назвать ее внутренней и первой формой тѣла. Эта форма выводится изъ потенціи матеріи. Такое предложеніе, трудное съ обычной точки зрѣнія, по этимъ основаніямъ объясняется легко. Ибо то, что форма выводится изъ потенціи матеріи, означаетъ только происхожденіе данной фигуры цѣлаго изъ даннаго движенія матеріи, изъ даннаго положенія частей. Напр., изъ соединенія двухъ треугольниковъ a △ и ▽ b, и изъ возможности ихъ матеріи взаимно соприкасаться черезъ движеніе выводится форма квадрата □ c. Отсюда очевидно, что форма дѣлима и что моментальное образованіе цѣлаго въ цѣломъ есть источникъ аффективности или чувственныхъ качествъ [3]): эти чувственныя качества такъ относятся къ формѣ самой вещи, какъ относится къ самому положенію города разнообразіе внѣшнихъ видовъ, которое всячески измѣняется съ измѣненіемъ положенія того, кто смотритъ. Ибо зрѣніе находится къ вещи, повидимому, въ такомъ же отношеніи, какъ тотъ, кто съ вершины башни смотритъ на городъ; слухъ подобенъ тому, кто созерцаетъ извнѣ въ той же плоскости; осязаніе направляетъ того, кто пытается

---

[1]) A. Hannequin. Op. cit., p.p. 23, 30 и 31. Кабитцъ посвящаетъ этому письму больше вниманія, сравнивая его содержаніе съ содержаніемъ «Исповѣданія природы». Kabitz. Op. cit., 59—60.

[2]) G. I, 10.

[3]) «totum in toto produci in momento esse fontem affectionum seu qualitatum sensibilium». Ib.

вплоть достичь улицъ города [1])... Принявъ все это, можно допустить всѣ опредѣленія древнихъ и разсужденія новѣйшихъ философовъ". Этими указаніями на матерію, форму и чувственныя качества Лейбницъ однако не ограничивается. Онъ касается далѣе субстанціальныхъ формъ. „Не будетъ абсурдомъ, продолжаетъ онъ, назвать внутреннюю (intimam) фигуру частей субстанціальной формой. Ибо ничего въ тѣлесныхъ вещахъ нельзя добыть размышленіемъ первѣе фигуры, проще ея и отвлеченнѣе отъ матеріи. Самъ Аристотель утверждалъ, что *τὰ μαθηματικά*, т. е. пространство, или его опредѣленіе, фигура, есть субстанція, и это въ силу того аргумента, что объ этомъ трактуетъ геометрія, совершеннѣйшее изъ знаній послѣ метафизики. А объектъ знанія, по убѣжденію самого Аристотеля, есть субстанція. Итакъ, если фигура есть нѣчто субстанціальное, относящееся къ тѣламъ, наконецъ,—нѣчто, само по себѣ различествующее отъ матеріи, то что́ она такое какъ не субстанціальная форма? Даже пространство чуть не болѣе субстанціально, чѣмъ само тѣло. Ибо по уничтоженіи тѣла остается пространство и его измѣреніе, что называется пустотой, когда не привходитъ никакого другого тѣла, и, напротивъ, не остается тѣла по уничтоженіи пространства. Кромѣ того, благодаря такимъ понятіямъ тѣла и субстанціальной формы, не только есть надежда мало-по-малу проникнуть въ сущность тѣлъ, въ чемъ схоластики заставили насъ отчаяться, но есть и очевидная возможность математически доказать необходимость безтѣлеснаго двигателя. Ибо разъ тѣло есть не что иное, какъ матерія и фигура, и разъ вѣрно то, что причина движенія не можетъ быть понята ни изъ матеріи, ни изъ фигуры, то необходимо, чтобы причина движенія находилась внѣ тѣла. И разъ внѣ тѣла ничто не мыслимо, кромѣ мыслящаго существа или ума, то умъ и будетъ причиной движенія. А умъ, правящій міромъ, есть Богъ. Если же мы допустимъ въ тѣлахъ какія-то безтѣлесныя и какъ бы духовныя субстанціальныя формы, силою которыхъ можетъ

---

[1]) «Ita, добавляетъ Лейбницъ, explicatur Soneri quoque non inepta sententia, qui accidentia a re, solo ad sentientem respectu discriminabat, quod demtis primis illis, magnitudine, figura et motu, verissimum». Ib.

двигаться само тѣло, силою которыхъ камень стремится внизъ, огонь вверхъ, растенія растутъ, животныя по своей волѣ бѣгаютъ (currant), не имѣя внѣ себя безтѣлеснаго побудителя: то мы сами себѣ преградимъ наиудобнѣйшій путь къ доказательству бытія Божія, и будетъ разрушена великолѣпная теорема Аристотеля: что движется, то имѣетъ причину движенія внѣ себя,—а по этой лѣстницѣ онъ самъ дошелъ до перваго двигателя [1])".

Таково было письмо Лейбница. Оно еще наивно по формѣ [2]), но сравнительно съ предшествующими работами содержаніе его приводитъ къ убѣжденію, что развитіе Лейбница шло безъ перерывовъ по прямой линіи. Вліяніе Аристотеля, которое въ Ars combinatoria можно было только отмѣтить, здѣсь выступаетъ съ очевидностью. Очевидна также становится и связь этого письма съ наброскомъ философской системы, явившимся два года тому назадъ. Тамъ Лейбницъ говорилъ, что ему нравилась лѣстница субстанцій, по которой Аристотель восходилъ до перваго двигателя; здѣсь эта мысль съ небольшимъ видоизмѣненіемъ повторяется. Вообще отношеніе Лейбница къ Аристотелю въ письмѣ отличается оригинальностью. Прежде всего бросаются въ глаза три основныхъ идеи: своеобразное пониманіе аристотелевской первой матеріи, затѣмъ такъ называемое eductio formae и, наконецъ, ранѣе извѣстное уже намъ утвержденіе, что Богъ есть причина движенія. Ко второй изъ этихъ идей примыкаетъ указаніе на роль субстанціальныхъ формъ въ дѣлѣ доказательства необходимости безтѣлеснаго двигателя Съ перваго взгляда кажется, что всѣ эти идеи дѣйствительно выражаютъ ученіе Аристотеля и что такимъ образомъ Аристотель на самомъ дѣлѣ можетъ быть согласованъ съ новой физикой, но тщательный разборъ мыслей Лейбница приводитъ къ убѣжденію, что такой взглядъ едва-ли состоятеленъ. Бѣглый очеркъ главныхъ положеній аристотелевской системы можетъ убѣдить насъ въ этомъ.

---

[1]) Ib., 11.

[2]) Selver. Op. cit., 19—20.

Основы Аристотелевской метафизики. Субстанція, матерія и форма.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ училъ Аристотель о субстанціи, матеріи, формѣ, движеніи и Богѣ?

Субстанція — *οὐσία*—по Аристотелю, есть истинно сущее. Она первична [1]), всегда есть только субъектъ по отношенію къ другимъ и сама не можетъ быть предикатомъ [2]). Поэтому субстанціей прежде всего слѣдуетъ считать единичную вещь [3]). „Субстанціи, говоритъ Аристотель, это простыя тѣла, какъ, напр., земля, огонь, вода и все подобное, и вообще тѣла, состоящія изъ нихъ, животныя и божества, и ихъ части [4])“. Единичныя субстанціи Аристотель называетъ „первыми“ и различаетъ отъ нихъ виды и роды, которые называетъ „вторыми субстанціями“, субстанціями въ отвлеченномъ смыслѣ [5]). „Первыя“ субстанціи — чувственно воспринимаемыя вещи— по Аристотелю есть нѣчто составное изъ матеріи и формы. Отсюда является понятіе субстанціи, поскольку она есть матерія, и субстанціи, поскольку она есть форма [6]). Такимъ образомъ терминъ „субстанція“ у Аристотеля обнимаетъ пять значеній: 1) субстанція, какъ субъектъ; 2) субстанція, какъ понятіе; 3) субстанція, какъ цѣлое; 4) субстанція, какъ

---

[1]) *ὥστε τὸ πρώτως ὂν καὶ οὐ τὶ ὂν ἀλλ' ὂν ἁπλῶς ἡ οὐσία ἂν εἴη.* Arist. Met. Z. 1. 1028 a, 30.

[2]) *νῦν μὲν οὖν τύπῳ εἴρηται τί ποτ' ἐστὶν ἡ οὐσία, ὅτι τὸ μὴ καθ' ὑποκειμένου, ἀλλὰ καθ' οὗ τὰ ἄλλα.* Ib. Z. 3. 1029 a, 7.

[3]) *ἡ οὐσία ἕν τι καὶ τόδε τι σημαίνει.* Ib. Z. 12. 1037 b, 27.

[4]) Ib. Δ. 8. 1017 b., 10.

[5]) *δεύτεραι δὲ οὐσίαι λέγονται, ἐν οἷς εἴδεσιν αἱ πρώτως οὐσίαι λεγόμεναι ὑπάρχουσι, ταῦτά τε καὶ τὰ τῶν εἰδῶν τούτων γένη, οἷον ὁ τὶς ἄνθρωπος ἐν εἴδει μὲν ὑπάρχει τῷ ἀνθρώπῳ, γένος δὲ τοῦ εἴδους ἐστὶ τὸ ζῷον·* Kateg. c. 5. 2 a, 15.

[6]) *Μάλιστα γὰρ δοκεῖ εἶναι οὐσία τὸ ὑποκείμενον πρῶτον.* Metaph. Z. 3. 1029 a. *φανερὸν δὴ ἐκ τῶν εἰρημένων τίς ἡ αἰσθητὴ οὐσία ἐστὶ καὶ πῶς· ἡ μὲν γὰρ ὡς ὕλη, ἡ δ' ὡς μορφὴ καὶ ἐνέργεια· ἡ δὲ τρίτη ἡ ἐκ τούτων.* Ib. H. 2. 1043 a, 26.

единичная вещь и 5) субстанція, какъ родъ или видъ, т. е. какъ цѣлая совокупность объектовъ извѣстной группы.

Что же понимаетъ Аристотель подъ матеріей и формой? Матерія—это есть субстратъ, лежащій въ основаніи вещей [1]). Въ ней коренятся различія и качества [2]), хотя сама она ни то, ни другое и вообще не имѣетъ никакихъ реальныхъ опредѣленій [3]). Она есть нѣчто само въ себѣ крайнее [4]), пребывающее внѣ всякихъ свойствъ чувственнаго міра. Въ смыслѣ отрицанія существованія всякаго качества ее можно даже считать за ничто. Она—простой принципъ реальности, а какъ безкачественный субстратъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность реализаціи принимаемыхъ ею качествъ [5]). Аристотель различалъ два вида матеріи: первую и вторую. Первая матерія—это нѣчто совершенно пассивное, такъ сказать абсолютно мыслимое,—матерія поскольку она производитъ элементарныя различія. Къ такой матеріи больше всего идутъ предикаты безформенной, безконечной, неопредѣленной, непознаваемой и не ощущаемой. Вторая матерія, напротивъ, есть та, которая непосредственно соединена съ формой, это—такъ сказать собственная, соотвѣтственная данной вещи матерія. „Все, говоритъ Аристотель, что мѣняется, имѣетъ матерію, но каждый предметъ—свою“ [6]). Вторая матерія съ присущей ей формой составляетъ единое [7]). Такимъ образомъ первая матерія есть

---

[1]) *λέγω γὰρ ὕλην τὸ πρῶτον ὑποκείμενον ἑκάστῳ, ἐξ οὗ γίνεταί τι ἐννυπάρχοντος μὴ κατὰ συμβεβηκός.* Arist. Phys. A. 9. 192 a, 31.

[2]) *Οὗ γὰρ ἡ διαφορὰ καὶ ἡ ποιότης ἐστί, τοῦτ' ἐστὶ τὸ ὑποκείμενον, ὃ λέγομεν ὕλην.* Arist. Metaph. *Δ*. 28. 1024 b, 8.

[3]) *λέγω δ' ὕλην ἣ καθ' αὑτὴν μήτε τὶ μήτε ποσὸν μήτε ἄλλο μηδὲν λέγεται, οἷς ὥρισται τὸ ὄν.* Ib. Z. 3. 1029a, 20.

[4]) *ὥστε τὸ ἔσχατον καθ' αὑτο οὔτε τὶ οὔτε ποσὸν οὔτε ἄλλο οὐδέν ἐστιν·* Ib. 1029 a, 24.

[5]) *ὕλην δὲ λέγω ἣ μὴ τόδε τι οὖσα ἐνεργείᾳ δυνάμει ἐστὶ τόδε τι.* Ib. H. 1. 1042 a, 27.

[6]) Ib. *Λ*. 1. 1069 b., 24.

[7]) *ἡ ἐσχάτη ὕλη καὶ ἡ μορφὴ ταὐτὸ καὶ ἕν, τὸ μὲν δυνάμει, τὸ δ' ἐνεργείᾳ.* Ib. H. 6. 1045 b., 18.

абстракція ото всѣхъ вещей чувственнаго міра, а вторая отъ одной данной вещи.

Такова матерія. Форма по Аристотелю прежде всего — полная противоположность матеріи, т. е. опредѣленное бытіе; въ соединеніи съ извѣстной матеріей она образуетъ субстанцію [1]), она есть даже сущность субстанціи, почему иногда называется „субстанціей по разуму [2])“. Форма—нѣчто имманентное единичному бытію [3]), его принципъ, который ведетъ къ дѣйствительной его реализаціи. Отсюда форма есть дѣйствительность [4]); она есть нѣчто первоначальное [5]), есть та причина, благодаря которой можетъ *κατ' ἐξοχήν* осуществляться движеніе. Форма всегда дѣятельна, и поэтому мы наблюдаемъ то, что называется бываніемъ, которое можетъ быть понимаемо, какъ вѣчный переходъ отъ возможности къ дѣйствительности. Вотъ почему Аристотель называлъ форму также энергіей или энтелехіей. „Матерія есть возможность, а форма— энтелехія“, говоритъ онъ въ трактатѣ о душѣ [6]). „Душа необходимо есть сущность, какъ форма физическаго тѣла,

---

[1]) *τοιοῦτον δὲ τρόπον μέν τινα ἡ ὕλη λέγεται, ἄλλον δὲ τρόπον ἡ μορφή, τρίτον δὲ τὸ ἐκ τούτων. λέγω δὲ τὴν μὲν ὕλην οἷον τὸν χαλκόν, τὴν δὲ μορφὴν τὸ σχῆμα τῆς ἰδέας, τὸ δ' ἐκ τούτων τὸν ἀνδριάντα τὸ σύνολον.* Ib. Z. 3. 1029 a. 2.

[2]) *ὥσθ' ὅσα μὲν μέρη ὡς ὕλη καὶ εἰς ἃ διαιρεῖται ὡς ὕλην, ὕστερα· ὅσα δὲ ὡς τοῦ λόγου καὶ τῆς οὐσίας τῆς κατὰ τὸν λόγον, πρότερα, ἢ πάντα ἢ ἔνια. ἐπεὶ δὲ ἡ τῶν ζῴων ψυχή (τοῦτο γὰρ οὐσία τοῦ ἐμψύχου) ἡ κατὰ τὸν λόγον οὐσία καὶ τὸ εἶδος καὶ τὸ τί ἦν εἶναι τῷ τοιῷδε σώματι·* Ib. Z. 10. 1035 b. 11.

[3]) *πρώτη μὲν γὰρ οὐσία ἡ ἴδιος ἑκάστου ἡ οὐχ ὑπάρχει ἄλλῳ... ὧν γὰρ μία ἡ οὐσία καὶ τὸ τί ἦν εἶναι ἕν, καὶ αὐτὰ ἕν.* Ib. Z. 13. 1038 b. 10 и 14.

[4]) *ἔτι ἡ ὕλη ἐστὶ δυνάμει, ὅτι ἔλθοι ἂν εἰς τὸ εἶδος· ὅταν δέ γ' ἐνεργείᾳ ᾖ, τότε ἐν τῷ εἴδει ἐστίν.* Ib. Θ. 8. 1050 a, 15.

[5]) *φανερὸν ἄρα ὅτι οὐδὲ τὸ εἶδος, ἢ ὁτιδήποτε χρὴ καλεῖν τὴν ἐν τῷ αἰσθητῷ μορφήν, οὐ γίγνεται, οὐδ' ἔστιν αὐτοῦ γένεσις, οὐδὲ τὸ τί ἦν εἶναι.* Ib. Z. 8. 1033 b, 5.

[6]) *Περὶ ψυχῆς.* B. I. 412 a, 9.

которое обладаетъ жизнью въ возможности; а сущность— энтелехія, и при томъ энтелехія опредѣленнаго тѣла“ [1]). Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что Аристотель часто употребляетъ вмѣстѣ или promiscue выраженія εἶδος и μορφή [2]). Это показываетъ, что внѣшній видъ тѣла, его пространственное очертаніе входило до извѣстной степени въ понятіе формы. Форма въ чувственно воспринимаемой вещи мыслилась, какъ нѣчто опредѣленное, не только въ смыслѣ чего-то чисто идейнаго, но и какъ что-то идеально-созерцательное. Въ этомъ можетъ быть заключается первый поводъ къ утвержденію Аристотеля, что форма не отдѣлима отъ матеріи.

Движеніе и Богъ.

Идея бывания implicite заключаетъ въ себѣ идею движенія. Движеніе обязано своимъ происхожденіемъ отношенію матеріи къ формѣ. Изъ сѣмени, какъ изъ возможности, появляется дерево, какъ дѣйствительность, и пока идетъ процессъ развитія, дерево постоянно имѣетъ соотвѣтственную каждому изъ моментовъ форму. То же поясняетъ другой примѣръ. Мѣдь, которую художникъ долженъ обработать въ статую, есть статуя въ возможности. То, что дѣйствительно, есть идея въ головѣ художника, вызывающая движеніе сначала въ его тѣлѣ, а затѣмъ въ данномъ металлическомъ матеріалѣ. Движеніе не есть ни возможность, ни дѣйствительность, а то и другое вмѣстѣ, и тамъ, гдѣ возможность достигаетъ совершенной реализаціи, оно прекращается. По-

---

[1]) Ib. 412 a, 19.

[2]) Въ сочиненіяхъ Аристотеля имѣется этому множество подтвержденій: Metaph. Λ. 4 1015 a. 5: ἐὰν μὴ ἔχῃ τὸ εἶδος καὶ τὴν μορφήν. Ib. H. 5. 1044 b. 22: καὶ ὅλως τὰ εἴδη καὶ αἱ μορφαί. Ib. I. 1. 1052 a. 21: ἔτι τοιοῦτον καὶ μᾶλλον τὸ ὅλον καὶ ἔχον τινὰ μορφὴν καὶ εἶδος. Ib. K. 1. 1060 a. 21. μᾶλλόν τ' ἂν ἀρχὴ κυριωτέρα ταύτης δόξειεν εἶναι τὸ εἶδος καὶ ἡ μορφή. Physica; B. 1. 193 a, 30: ἄλλον δὲ τρόπον ἡ μορφὴ καὶ τὸ εἶδος τὸ κατὰ τὸν λόγον. Ib. B. 7. 198 b, 2: τό τε παντελῶς ἀκίνητον καὶ τὸ πάντων πρῶτον καὶ τὸ τί ἐστι καὶ ἡ μορφή· De Coelo. A. 9. 278 a, 13: ἕτερον ἄρα ὅδε ὁ οὐρανὸς καὶ οὐρανὸς ἁπλῶς, καὶ τὸ μὲν ὡς εἶδος καὶ μορφὴ τὸ δ' ὡς τῇ ὕλῃ

этому Аристотель называетъ иногда движеніе невыполненной энергіей [1]). Если принять во вниманіе, что матерія и форма обѣ служатъ причиной возникновенія субстанціи, то форма, какъ причина, въ отличіе отъ матеріи есть то, что движетъ [2]). Такимъ образомъ въ субстанціи, гдѣ форма и матерія нераздѣльны, движущій элементъ проявляется уже въ силу ихъ совмѣстности. Послѣднее особенно станетъ понятно, если вспомнить, что въ числѣ причинъ бываніе Аристотель помимо causa movens подчеркивалъ еще и causa finalis [3]). Форма, понимаемая, напр., художникомъ какъ *μορφή*, т. е. фигура данной вещи, есть и принципъ движенія, есть то, почему вещь становится именно таковой, ибо цѣль, ради которой она должна существовать въ данномъ видѣ, есть причина движеній, въ силу которыхъ вещь сдѣлалась таковой. Само собой очевидно, что, какъ связанное съ формой, движеніе вѣчно [4]).

Изъ понятія формы вытекаетъ у Аристотеля и понятіе божества. Богъ по Аристотелю есть прежде всего чистая

μεμιγμένον. De generatione et corruptione: B. 9. 335 b. 5: *διὸ καὶ ὡς μὲν ὕλη τοῦτ' ἐστὶν αἴτιον τοῖς γενητοῖς, ὡς δὲ τὸ οὗ ἕνεκεν ἡ μορφὴ καὶ τὸ εἶδος.*

[1]) *ἥ τε κίνησις ἐνέργεια μέν τις εἶναι δοκεῖ, ἀτελὴς δέ.* Phys. *Γ*. 2. 201 b. 31.

[2]) *ἀλλ' ὅταν οἰκία ᾖ, οὐκέτ' οἰκοδομητὸν ἔστιν· οἰκοδομεῖται δὲ τὸ οἰκοδομητόν· ἀνάγκη οὖν τὴν οἰκοδόμησιν τὴν ἐνέργειαν εἶναι· ἡ δ' οἰκοδόμησις κίνησίς τίς ἐστιν.* Ib. *Γ*. 1. 201 b, 11.

[3]) Бываніе есть движеніе. Его причины суть причины движенія, которыхъ, какъ извѣстно, Аристотель насчитывалъ до четырехъ: пассивная—*ὕλη*, активная—*εἶδος*, и затѣмъ виды послѣдней *ὕφ' οὗ* и *οὗ ἕνεκα*: *τὰ δ' αἴτια λέγεται τετραχῶς, ὧν μίαν μὲν αἰτίαν φαμὲν εἶναι τὴν οὐσίαν καὶ τὸ τί ἦν εἶναι.... ἑτέραν δὲ τὴν ὕλην καὶ τὸ ὑποκείμενον, τρίτην δὲ ὅθεν ἡ ἀρχὴ τῆς κινέσεως, τετάρτην δὲ τὴν ἀντικειμένην αἰτίαν τάυτῃ, τὸ οὗ ἕνεκα καὶ ἀγαθόν* (*τέλος γὰρ γενέσεως καὶ κινέσεως, πάσης τοῦτ' ἐστίν*). Meth. A. 3. 983 a, 26.

[4]) *ἀδύνατον κίνησιν ἢ γενέσθαι ἢ φθαρθῆναι· ἀεὶ γὰρ ἦν.* Ib. *Λ*, 6. 1071 b. 6.

форма *τὸ τί ἦν εἶναι τὸ πρῶτον*—actus purus [1]). Какъ таковой онъ представляетъ полную противоположность первой матеріи. Затѣмъ Богъ есть источникъ движенія. Наблюдая бываніе, какъ переходъ отъ возможности къ дѣйствительности, въ качествѣ ряда движеній, Аристотель нуждался въ его обоснованіи. „Все движимое движется отъ чего нибудь“ [2]), разсуждалъ Аристотель, „а это двояко: или движеніе происходитъ не отъ самого себя, а отъ чего-то другого, чтò движетъ, или отъ самого себя“ [3]).

Выходъ изъ этой дилеммы, по мнѣнію Аристотеля, одинъ: признать первый двигатель неподвижнымъ [4]). Такъ обосновываетъ Аристотель движеніе въ понятіи Божества. То же самое Божество служитъ у Аристотеля завершителемъ ряда формъ. Въ первомъ случаѣ Богъ является движущимъ, какъ

---

[1]) *τὸ δὲ τί ἦν εἶναι οὐκ ἔχει ὕλην τὸ πρῶτον· ἐντελέχεια γάρ.* Met. Ib. *Λ*. 8. 1074 a. 35.

[2]) *ἅπαντα ἂν τὰ κινούμενα ὑπό τινος κινοῖτο.* Phys. θ. 4. 256 a. 2. Это, повидимому, и есть знаменитая теорема Аристотеля, на которую ссылался Лейбницъ въ письмѣ къ Я. Томазію. Она встрѣчается у Аристотеля много разъ въ разныхъ выраженіяхъ, напр.: *Ἅπαν τὸ κινούμενον ὑπό τινος ἀνάγκη κινεῖσθαι·* Ib. H. 1. 241 b. 24.

[3]) Ib. θ. 4. 256 a, 4. Приводимъ для полноты изложеніе дальнѣйшаго хода разсужденій аристотелевской «Физики», которому подражалъ Лейбницъ, доказывая бытіе Божіе еще въ Ars Combinatoria. Если, полагаетъ Аристотель, движеніе происходитъ отъ чего нибудь другого, то необходимо долженъ быть первый двигатель, ни откуда самъ не получившій движенія, ибо невозможно, чтобы движеніе шло въ безконечность (*ἀδύνατον γὰρ εἰς ἄπειρον ἰέναι τὸ κινοῦν.* Ib. 256 a. 17). А если такъ, то двигатель этотъ долженъ двигаться самъ собой. Но и это невозможно, потому что въ процессѣ движенія необходимы три элемента: «то, что движимо, двигатель и то, чѣмъ онъ движетъ. То, что движимо, необходимо движется, но не необходимо движетъ, а то, чѣмъ что либо движимо, необходимо и движетъ и движется. (Ib. 256 b. 14). Отсюда ясно, что хотя двигатель движется самъ собой, но въ немъ все-таки есть границы отъ одного движенія до другого, предѣлы объекта и субъекта движенія. Такимъ образомъ вопросъ о первомъ двигателѣ оказывается весьма сложнымъ.

[4]) *τὸ δὲ κινοῦν οὕτως ὥστ' εἶναι μὴ ᾧ κινεῖ, ἀκίνητον.* Ib. 256 b, 20.

неподвижный предметъ стремленія [1]): кульминаціонный пунктъ системы Аристотеля переводитъ міръ физики въ міръ метафизики. Во второмъ случаѣ Богъ представляется, какъ чистѣйшая энергія, мышленіе мышленія, абстрактно разсуждающій субъектъ, объектомъ созерцанія котораго служатъ только точно также абстрактныя идеи [2]).

Лейбницъ и Аристотель.

Таково было ученіе Аристотеля. Неудача попытки Лейбница согласовать это ученіе съ новой философіей очевидна сама собой. Лейбницъ говоритъ, что первая матерія есть „пассивная масса безъ движенія и, слѣдовательно, если все заполнено, безъ фигуры“. По Аристотелю первая матерія не имѣетъ ни энергіи, ни вида, ни движенія, но въ то же время она есть возможность всякой формы. Она—нѣчто *δυνάμει ὄν*— обстоятельство, надлежащимъ образомъ не принятое Лейбницемъ во вниманіе. Затѣмъ, фигура по Лейбницу происходитъ отъ связи движеній и, какъ обнимающая самое расположеніе частей, можетъ быть названа формой, которая „выводится изъ потенціи матеріи“; ученіе Аристотеля не допускаетъ вывода формы изъ матеріи путемъ движенія, ибо форма сравнительно съ матеріей, какъ принципъ дѣйствія, есть нѣчто первичное, есть то, отъ чего зависитъ самое движеніе. Форма квадрата, по Аристотелю, должна существовать ранѣе формы двухъ прямоугольныхъ треугольниковъ, изъ которыхъ квадратъ можетъ быть составленъ, такъ какъ по извѣстной, часто повторяемой Аристотелемъ мысли, цѣлое, какъ цѣль, существуетъ раньше частей [3]). Точно также не соотвѣтствуетъ ученію Аристотеля и другое утвержденіе Лейбница, что всякая форма дѣлима.

---

[1]) *ἔστι γὰρ τινὶ τὸ οὗ ἕνεκα καὶ τινός, ὧν τὸ μέν ἐστι, τὸ δ' οὐκ ἐστι· κινεῖ δὲ ὡς ἐρώμενον, κινουμένῳ δὲ τἆλλα κινεῖ.* Met. *Λ*. 7. 1072 b. 2.

[2]) *ἡ δὲ νόησις ἡ καθ' ἑαυτὴν τοῦ καθ' ἑαυτὸ ἀρίστου, καὶ ἡ μάλιστα τοῦ μάλιστα. ἑαυτὸν δὲ νοεῖ ὁ νοῦς κατὰ μετάληψιν τοῦ νοητοῦ·* Ib. 1072 b, 18.

[3]) *τὸ γὰρ ὅλον πρότερον ἀναγκαῖον εἶναι τοῦ μέρους· ἀναιρουμένου γὰρ τοῦ ὅλου, οὐκ ἔσται ποὺς οὐδὲ χείρ, εἰ μὴ ὁμωνύμως·* Politica. I, c. 1.

Это—несомнѣнный выводъ изъ того, что форма есть фигура, и выразиться такимъ образомъ можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы фигура была субстанціей. Но называть фигуру субстанціей можно по Аристотелю развѣ только въ смыслѣ „вторыхъ субстанцій", да и то признанная Лейбницемъ дѣлимость фигуры повела бы тогда къ безысходнымъ противорѣчіямъ, ибо дѣленіе рода на виды—совсѣмъ не то, что дѣленіе пространственной формы на части. Между тѣмъ Лейбницъ, полагаясь на интуитивный prius фигуры въ тѣлесныхъ вещахъ, называетъ ее субстанціальной формой, особенно въ виду того, что пространство субстанціальнѣе тѣлъ: оно остается, когда ихъ нѣтъ. Причины такого смѣшенія понятій формы и фигуры лежали для Лейбница въ самыхъ текстахъ Аристотеля, который, какъ было уже замѣчено, promiscue употреблялъ термины εἶδος и μορφή. Лейбницъ съ самаго начала своихъ философскихъ занятій отличался склонностью къ наглядности въ размышленіяхъ. Понятіе existentia играло большую роль, какъ въ первой его диссертаціи, такъ и въ первомъ очеркѣ философской системы, и весьма естественно, что прежняя мысль подсказала ему своеобразное пониманіе аристотелевской метафизики. Въ результатѣ, при бѣгломъ чтеніи письма къ Томазію, кажется, будто дѣйствительно въ немъ излагаются мысли Аристотеля, на самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Слишкомъ много пространственности въ субстанціальныхъ формахъ Лейбница, тогда какъ въ формахъ Аристотеля ея почти незамѣтно. Между тѣмъ постигаемыя умомъ субстанціальныя формы были очень хорошей помощью для Лейбница въ доказательствѣ необходимости безтѣлеснаго двигателя. По его мнѣнію ни изъ матеріи, ни изъ фигуры, которая сама есть результатъ движенія, невозможно понять причины послѣдняго. А такъ какъ внѣ тѣлъ ничего нельзя предположить, кромѣ мыслящаго существа, то оно и есть истинная причина движенія. Въ этомъ доказательствѣ аристотелевскій элементъ составляетъ только заключеніе отъ ряда движеній и формъ къ первому двигателю; въ характеристикѣ же Божества сравнительно съ Аристотелемъ упущена самая главная черта—то, что оно движетъ міръ, какъ предметъ стремленія.

Въ итогѣ сказаннаго становится яснымъ, что, приспособляя философію Аристотеля къ новымъ понятіямъ, Лейбницъ совсѣмъ упустилъ изъ виду телеологическое пони-

маніе формы, которымъ, можно сказать, насквозь проникнута система великаго Стагирита. Мало того, онъ даже элиминировалъ изъ понятія формы самостоятельный элементъ движенія, чѣмъ произвелъ окончательную путаницу въ остальномъ примѣненіи заимствованныхъ имъ началъ аристотелевской метафизики. Многимъ тутъ обязанъ былъ Лейбницъ Декарту.

Основы метафизики Декарта. Субстанціи, аттрибуты и модусы.

Философія Декарта, построенная на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ аристотелевская, во многихъ отношеніяхъ отличается полною противоположностью послѣдней. Переходя отъ Аристотеля къ Декарту, Лейбницъ невольно долженъ былъ ради него оставлять тѣ или иныя идеи Стагирита, особенно въ физикѣ. Естественно поэтому является мысль провести параллель между основными философскими идеями Аристотеля и Декарта: предыдущее письмо, гдѣ сказывается вліяніе почти исключительно этихъ философовъ, побуждаетъ на такой шагъ, а между тѣмъ наглядное сравненіе двухъ системъ, во первыхъ, покажетъ, между какими полюсами философскаго мышленія постоянно находился Лейбницъ, всю свою жизнь считавшійся съ идеями Аристотеля и Декарта, а во вторыхъ, дастъ возможность яснѣе видѣть, чѣмъ онъ у нихъ воспользовался. Каковы же были основы философіи Декарта? Декартъ начиналъ съ гносеологіи, [1]) но теорія познанія пока еще мало интересовала Лейбница, и имѣя въ виду приведенное изложеніе Аристотеля, мы дадимъ изложеніе взглядовъ Декарта, начиная съ его ученія о субстанціяхъ.

Декартъ проводилъ строгое различіе между природой души и природой тѣла. Отсюда понятно, что среди вещей онъ вообще различаетъ два главныхъ рода — то, что принадлежитъ къ сознанію, или мыслящей субстанціи, и то, что относится къ матеріи, или тѣлесной субстанціи. „Подъ суб-

---

[1]) Теоретико-познавательныя размышленія поставлены, какъ извѣстно, во главу двухъ знаменитыхъ сочиненій Декарта — Meditationes de prima philosophia и Principia philosophiae, изъ которыхъ послѣднее, по мнѣнію Декарта, должно дополнять первое. См. письмо Декарта къ переводчику Principia на французскій языкъ. Renati Des-Cartes opera philosophica. Amstelodami. 1692. Вторая страница листа ***2.

станціей, говоритъ онъ, мы не можемъ понимать ничего другаго, кромѣ вещи, которая существуетъ такъ, что для существованія не нуждается ни въ чемъ другомъ. И конечно, субстанція, которая совершенно не нуждается ни въ какой другой вещи, можетъ быть только одна, именно Богъ. Всѣ другія могутъ существовать и быть воспринимаемы нами только въ силу помощи Бога“ [1]). Такъ нужно понимать и субстанціи тѣлесную и мыслящую, для которыхъ недостаточно одного только признака существованія. Эти субстанціи познаются нами по ихъ аттрибутамъ, благодаря той общеизвѣстной истинѣ, что все имѣетъ свои свойства, особенности и качества [2]). Но у каждой субстанціи есть одна своя главная особенность, по которой можно понять сущность ея природы: у тѣлесной—протяженіе трехъ измѣреній,у мыслящей—сознаніе, „ибо все другое, что можетъ быть приписано тѣлу, предполагаетъ протяженіе и есть только нѣкоторый модусъ протяженной вещи такъ же, какъ все, что мы находимъ въ умѣ, есть только различные модусы мышленія“ [3]). Обо всѣхъ этихъ трехъ субстанціяхъ—мыслящей, тѣлесной и Богѣ мы имѣемъ ясныя и раздѣльныя понятія [4]). Объ аттрибутахъ и модусахъ—тоже. Декартъ относитъ къ модусамъ время, продолжительность и число. „Когда мы различаемъ, пишетъ онъ, время отъ продолжительности, взятой вообще, и говоримъ, что есть число движенія, то это только—модусъ мышленія“ [5]). Точно также „когда число разсматривается не въ какихъ-либо сотворенныхъ вещахъ, а только абстрактно или вообще, оно есть только модусъ мышленія, какъ и все другое, что мы зовемъ общими понятіями“. [6]) Происходитъ число въ зависимости отъ пріемовъ нашего ума. „Если мы видимъ два камня и устремляемъ вниманіе не на ихъ природу, а только на то, что ихъ два, то мы образуемъ идею того числа, которое называемъ бинарнымъ“. [7]) Что ка-

---

[1]) Ib., p. p. 13—14. Pars 1, § 51.

[2]) У Декарта эта мысль формулирована такъ: «...facile... agnoscimus ex quolibet ejus attributo, per communem illam notionem, quod nihili nulla sint attributa, nullaeve proprietates aut qualitates». Ib., § 52.

[3]) Ib., § 53.

[4]) Ib., § 54.

[5]) Ib., § 57.

[6]) Ib., § 58.

[7]) Ib., § 59.

сается происхожденія числа въ зависимости отъ самихъ вещей, то оно кроется въ ихъ различіи, которое можетъ быть: реальнымъ—между субстанціями; модальнымъ—между модусомъ и субстанціей, и между самими модусами; раціональнымъ—между аттрибутомъ и субстанціей, и между самими аттрибутами. [1]) Случаи примѣненія категоріи числа Декартъ выясняетъ обстоятельно; по его мнѣнію также особенно важно обратить вниманіе на воспріятіе модусовъ мышленія и протяженія. Онъ старается показать, какимъ образомъ могутъ быть ясно и раздѣльно воспринимаемы ощущенія, аффекты и стремленія, въ которыхъ мы, думаетъ Декартъ, часто обманываемся. Связанныя съ тѣломъ величина, фигура, мѣстное движеніе, положеніе, продолжительность и т. п. [2]) иначе познаются нами, чѣмъ въ томъ же тѣлѣ цвѣтъ, запахъ или вкусъ. Фигура въ тѣлѣ очевиднѣе ея цвѣта. Отъ чего же это зависитъ? Отъ того, что происхожденіе ощущеній обусловлено чѣмъ-то такимъ, что различно отъ нашего ума; „ибо не въ нашей власти сдѣлать, чтобы одно ощущалось нами больше, чѣмъ другое, но это зависитъ отъ той вещи, которая побуждаетъ наши чувства“ [3]). И эта вещь не есть Богъ, такъ какъ мы ясно сознаемъ, что она отлична и отъ насъ, т. е. нашего мышленія, будучи метеріей протяженной въ длину, ширину и глубину [4]). Эту матерію мы называемъ тѣломъ. И одно изъ тѣлъ болѣе тѣсно связано съ нами, чѣмъ остальныя, ибо мы ясно замѣчаемъ, что у насъ

---

[1]) Ib., §§ 60—62.

[2]) Ib., § 69.

[3]) Ib., pars II, § 1.

[4]) «concludendum est, rem quandam extensam in longum, latum et profundum, omnesque illas proprietates, quas rei extensae convenire clare percipimus habentem, existere». Ib. Доказательству существованія тѣлъ посвящено все начало шестой главы «Meditationes». Декартъ убѣжденъ, что тѣла существуютъ, во первыхъ, потому, что у насъ имѣется способность представленія, ибо представленіе есть ничто иное, какъ примѣненіе познавательной способности къ тѣлу; во вторыхъ, потому, что способность представленія, поскольку она отличается отъ дѣятельности пониманія, не необходима для нашей природы, а стало быть, думаетъ Декартъ, зависитъ отъ чего либо отличнаго отъ нашего духа. См. «Размышленія». Переводъ В. Невѣжиной. С.-Петербургъ. 1901 г. Стр. 77—79.

вдругъ являются ощущенія, которыя умъ сознаетъ происшедшими черезъ посредство соединеннаго съ нимъ тѣла [1]).

Матерія, пространство и движеніе.

Природа тѣла или матеріи, какъ сказано, состоитъ въ протяженіи, которое остается по удаленіи всѣхъ ея качествъ, каковы, напр., вѣсъ и цвѣтъ [2]). Противорѣчіемъ такому утвержденію служатъ, повидимому, явленія разрѣженія и сгущенія. Но по отношенію къ нимъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что они сводятся на измѣненіе фигуры. „Разрѣженныя тѣла—это тѣ, части которыхъ заключаютъ много промежутковъ, заполненныхъ другими тѣлами, и они дѣлаются болѣе плотными только потому, что ихъ части, взаимно сжимаясь, уменьшаютъ эти промежутки или даже совсѣмъ уничтожаютъ“ [3]). Такимъ образомъ протяженіе данной матеріи остается, какъ было, независимымъ отъ расширенія или сжатія поръ. Нѣкоторые хотятъ объяснить разрѣженіе приращеніемъ количества, какъ это, повидимому, имѣетъ мѣсто при наполненіи губки водой [4]), но это напрасно: „количество не отличается отъ протяженной субстанціи реально, но только въ смыслѣ нашего пониманія, какъ число отъ вещи, которую берутъ въ счетъ“ [5]). Изъ положенія, что природа матеріи состоитъ въ протяженіи, ясно, что и „пространство [6])... на дѣдѣ не различается отъ заключенной въ немъ

---

[1]) «...quos mens est conscia non a se sola proficisci, nec ad se posse pertinere ex eo solo quod sit res cogitans, sed tantum ex eo quod alteri cuidem rei extensae ac mobili adjuncta sit, quae res humanum corpus appellatur». Ib., § 2.

[2]) Ib., § 4. См. также Oeuvres de Decartes publiées par V. Cousin. IV, 248. Въ книгѣ Н. Любимова есть переводъ этого мѣста. «Декартъ. Разсужденіе о методѣ.» Переводъ съ поясненіями Н. Любимова. С.-Петербургъ. 1885 г., 206.

[3]) Ib., § 6.

[4]) Декартъ говоритъ: «Ut cum videmus spongiam, aqua vel alio liquore turgentem, non putamus ipsam secundum singulas suas partes magis extensam, quam cum compressa est et sicca; sed tantummodo poros habere magis patentes, ac ideo per majus spatium esse diffusam». Ib.

[5]) Ib., § 8.

[6]) «Sive locus internus». Ib., § 10. Locus externus есть по Декарту поверхность. Ib., § 15.

тѣлесной субстанціи« [1]), хотя модально мы ихъ различаемъ такъ, что протяженіе, напр., даннаго камня, по его уничтоженіи, пропадаетъ, а протяженіе мѣста, въ которомъ онъ былъ, остается и есть то же самое, будь оно пусто или чѣмъ нибудь заполнено [2]). Изъ всѣхъ такихъ разъясненій очевидно, что нѣтъ абсолютной пустоты, ибо, какъ сказано, протяженіе пространства не различается отъ протяженія тѣла, т. е. субстанціи [3]), а протяженіе не можетъ быть ничѣмъ; если же въ пространствѣ есть протяженіе, то необходимо есть и субстанція [4]).

Изъ предыдущихъ положеній также слѣдуетъ, что нѣтъ недѣлимыхъ частей матеріи, т. е. атомовъ. При всей незначительности своей величины они должны были бы быть хоть сколько нибудь протяженны, а протяженіе дѣлимо до безконечности, по крайней мѣрѣ въ возможности [5]). Наконецъ, изъ предыдущаго можно вывести неопредѣленную протяженность нашего міра. [6]) Ибо, гдѣ бы мы ни положили ему границъ, мы всегда можемъ далѣе вообразить неопредѣленно протяженное пространство, эквивалентъ тѣлесной субстанціи. При такомъ пониманіи сущности тѣлъ, міръ, очевидно, возможенъ только одинъ [7]). Матерія въ немъ всюду одна и та же. Откуда же въ мірѣ берется разнообразіе формъ? Декартъ отвѣчаетъ: отъ движенія. „Всѣ свойства, которыя мы ясно вос-

---

[1]) Ib., § 10. «Et quidem, поясняетъ далѣе Декартъ, facile agnoscemus, eandem esse extensionem, quae naturam corporis et naturam spatii constituit, nec magis haec duo a se mutuo differre, quam natura generis aut speciei differt a natura individui». Ib., § 11.

[2]) Ib., § 12.

[3]) Декартъ убѣжденъ, что «когда различаютъ субстанцію отъ тѣлесной вещи или количества, то или подъ именемъ субстанціи не мыслятъ ничего или имѣютъ только смутную идею безтѣлесной субстанціи». Ib., § 9.

[4]) Ib., § 16. «Et quidem ex vulgi usu per nomen vacui non solemus significare locum vel spatium, in quo nulla plane sit res, sed tantummodo locum in quo nulla sit ex iis rebus, quas in eo esse debere cogitamus». Ib., § 17.

[5]) Ib., § 20: «Nihil enim possumus cogitatione dividere, quin hoc ipso cognoscamus esse divisibile; atque ideò, si judicaremus id ipsum esse indivisibile, judicium nostrum a cognitione dissentiret».

[6]) «sive substantiae corporeae universitatem», поясняетъ Декартъ. Ib., § 21.

[7]) Ибо «nec ullius alterius materiae ideam in nobis reperimus». Ib., § 22.

принимаемъ въ матеріи, сводятся единственно къ тому, что матерія частична и подвижна въ частяхъ; поэтому она способна ко всѣмъ тѣмъ состояніямъ, которыя мы можемъ воспринимать какъ слѣдствіе движенія ея частей, ибо частичность, которая происходитъ отъ одного только мышленія, ничего не мѣняетъ“ [1]). Что же такое самое движеніе? Обычно подъ нимъ понимаютъ дѣйствіе, посредствомъ котораго нѣкоторое тѣло перемѣщается изъ одного мѣста въ другое, на самомъ же дѣлѣ подъ движеніемъ должно понимать „перенесеніе одной части матеріи или одного тѣла изъ сосѣдства тѣхъ тѣлъ, которыя его непосредственно касаются, считаясь какъ бы покоящимися, въ сосѣдство другихъ“ [2]). Такое опредѣленіе, по мнѣнію Декарта, выражаетъ сущность движенія. Послѣднее всегда пребываетъ въ движимой вещи и есть только ея модусъ: такъ, фигура есть модусъ вещи, принявшій извѣстный видъ, а покой—модусъ вещи, которая находится въ покоѣ. И напрасно думаютъ, что для движенія нужно больше дѣйствія, чѣмъ для покоя. Такого предразсудка легко избѣжать, обративъ вниманіе на то, что усиліе необходимо не только для движенія тѣлъ, но и для ихъ остановки, когда они не остановлены въ силу тяжести или какой нибудь другой причины [3]). Взглянемъ на причину, которая производитъ движеніе. „Она двоякая: именно, прежде всего общая и первичная, которая служитъ общей причиной всѣхъ движеній въ мірѣ, а потомъ частная; отъ нея части матеріи пріобрѣтаютъ движеніе, кото-

---

[1]) Ib., § 23.

[2]) Ib., § 25. Декартъ тутъ же замѣчаетъ. «...per unum corpus sive unam partem materiae intelligo id omne, quod simul transfertur». Въ «Размышленіяхъ», разсматривая движеніе своего собственнаго тѣла, Декартъ пишетъ: «я замѣчаю, что природа моего тѣла такова, что ни одна изъ его частей не можетъ быть приведена въ движеніе другою, немного отдаленной отъ нея, безъ того, чтобы эта первая часть не могла быть движима точно такимъ же образомъ каждой изъ частей, находящихся между ними, если даже эта отдаленная часть и совсѣмъ не дѣйствуетъ. Напр., если въ натянутой веревкѣ ABCD дернуть и привести въ движеніе послѣднюю часть D, то первая A будетъ двигаться не иначе, какъ она двигалась бы, если бы дергали одну изъ промежуточныхъ частей B или C, въ то время, какъ D остается неподвижной». Рус. пер., 92; лат. текстъ Амстердамскаго изданія 1685 года pag. 44.

[3]) Ib., § 26.

раго ранѣе не имѣли. Что касается общей причины, то мнѣ кажется яснымъ, продолжаетъ Декартъ, что она есть ничто иное, какъ самъ Богъ, сотворившій матерію вмѣстѣ съ покоемъ и движеніемъ изначала и, благодаря одному только своему обычному содѣйствію, сохраняющій столько движенія и покоя въ ея цѣломъ, сколько онъ положилъ тогда. Ибо хотя движеніе въ движимой матеріи есть ничто иное, какъ ея модусъ, она однако имѣетъ извѣстное и опредѣленное его количество, которое, какъ это легко понять, всегда во всей совокупности вещей можетъ быть одинаково, хотя бы оно и мѣнялось въ ея отдѣльныхъ частяхъ“ [1]). Богъ въ своемъ совершенствѣ дѣйствуетъ неизмѣннымъ и постояннымъ образомъ, а отсюда слѣдуютъ какъ указанное сохраненіе постояннаго количества движенія, такъ и тѣ законы природы, которые служатъ вторичными причинами движеній, наблюдаемыхъ въ отдѣльныхъ тѣлахъ [2]). Декартъ излагаетъ семь такихъ законовъ; они составляютъ переходъ отъ метафизики къ общей физикѣ.

Лейбницъ и Декартъ.

Приведенныхъ основъ системы Декарта вполнѣ достаточно, чтобы съ ясностью представить себѣ, чѣмъ ему обязанъ былъ Лейбницъ и отчего во многихъ отношеніяхъ послѣдній не совсѣмъ вѣрно понималъ Аристотеля. Нѣкоторыя черты картезіанской философіи въ разбираемомъ письмѣ къ Томазію бросаются въ глаза тотчасъ же. Слова Лейбница: „движеніе матеріи происходитъ отъ разума, т. е. отъ Бога“ можно еще истолковать въ смыслѣ Аристотеля съ добавленіемъ, какъ сказано, что Божество движетъ ὡς ἐρώμενον, но рядомъ стоящее выраженіе: „фигура, происшедшая изъ связи движеній, обнимаетъ самое расположеніе частей“ есть декартовское утвержденіе. [3]) Лейбницъ старался приспособлять понятія новой философіи къ древней, не смотря на то, что трудно было найти два болѣе противоположныхъ ученія, чѣмъ ученія Аристотеля и Декарта о матеріи. Этого никогда не нужно забывать при обсужденіи попытки Лейбница

[1]) Ib., § 36.

[2]) Ib., § 37.

[3]) Эта мысль имѣется между прочимъ въ послѣднемъ параграфѣ II книги «Началъ».

вывести форму изъ движенія и матеріи: такъ же, какъ въ основѣ положенія, что форма дѣлима, въ корнѣ этой попытки лежитъ вліяніе Декарта. Къ числу другихъ заимствованій изъ области картезіанской философіи принадлежитъ въ письмѣ уже не разъ отмѣченная фраза о томъ, что по уничтоженіи тѣла остается пространство, называемое пустотой, когда въ него не привходитъ никакого другого тѣла, между тѣмъ какъ по уничтоженіи пространства не остается тѣла. Послѣдняя мысль повела у Лейбница къ неправильному толкованію Декарта, къ утвержденію, что пространство субстанціальнѣе тѣла. Пространство отъ тѣлесной субстанціи можетъ различаться модально, но на основаніи только этого модальнаго различія никакъ нельзя утверждать, хотя бы и съ оговоркой „чуть не“, что пространство субстанціальнѣе тѣла [1]). Точно также къ числу пунктовъ, не совсѣмъ согласныхъ со взглядами Декарта, слѣдуетъ отнести и то, весьма трудное для пониманія мѣсто письма, гдѣ говорится о чувственныхъ качествахъ. По Декарту воспріятіе происходитъ отъ взаимодѣйствія протяженной и мыслящей вещи, а Лейбницъ, кажется, думаетъ, что въ этомъ случаѣ главную роль играетъ субъективный элементъ [2]). Лейбницъ сначала указываетъ на то, что чувственныя качества зависятъ отъ матеріи данной вещи, а потомъ принимаетъ во вниманіе точку зрѣнія даннаго субъекта и сравниваетъ ощущенія другъ съ другомъ по ихъ цѣнности, приводя примѣръ воспріятій путемъ зрѣнія, слуха и осязанія. Такимъ образомъ можно сказать, что изъ области картезіанской философіи Лейбницемъ было усвоено, хотя и въ нѣсколько узкихъ предѣлахъ, ученіе Декарта о связности частей матеріи и въ извѣстной степени ученіе объ отношеніи пространства къ тѣлу; кое что изъ положеній Картезія Лейбницъ при этомъ съ намѣреніемъ

---

[1]) Лейбницъ пишетъ: «Imo spatium ipso pene corpore est substantialius». G. I, 10.

[2]) Это было какъ будто замѣчено Selver'омъ: «Aber, während Cartesius die in der Wahrnehmung gegebenen Modificationen (modi) der ausgedehnten Substanz als ein Product des Zusammenwirkens von physicalischen und psychischen Momenten ansah, versucht Leibniz, dieselben lediglich als den Ausdruck der verschidenen, rein räumlich gedachten Beziehungen der Sinne zu dem an sich in jeder Hinsicht indifferenten, in die Wahrnehmung tretenden Aussending darzustellen». Selver. Op. cit., 27.

передѣлалъ ради благой цѣли согласованія съ Аристотелемъ. Для оцѣнки успѣховъ, сдѣланныхъ Лейбницемъ въ изученіи Декарта, любопытно ближе сопоставить съ данными разбираемаго письма то, что высказывалъ Лейбницъ о Декартѣ въ первомъ наброскѣ философской системы и въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“.

Въ наброскѣ Лейбницъ хвалитъ Декарта за его утвержденіе объ отсутствіи чувства у безсловесныхъ животныхъ и за желаніе низвести животныхъ на степень машинъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ недостаточность мнѣній Декарта о томъ, что причина связности тѣлъ заключается въ покоѣ [1]). Критика Лейбница основана съ одной стороны на томъ, что тѣла, находясь въ покоѣ, могли раздѣлиться отъ перваго толчка; а съ другой стороны на томъ, что связность тѣлъ можетъ быть безконечной. Очевидно, въ Лейбницѣ еще крѣпко держались метафизическія начала, навѣянныя атомизмомъ: ему для осуществленія движенія представлялся необходимымъ первый толчокъ, тогда какъ по Декарту покой и движеніе были сотворены вмѣстѣ съ матеріей. Далѣе по вопросу о движеніи Лейбницъ замѣчалъ, что нѣтъ совершеннаго покоя. У Декарта Лейбницъ вообще находилъ тогда слишкомъ много гипотезъ.

Что касается „Исповѣданія природы“, то сравнительно съ имѣющимся въ этомъ сочиненіи изложеніемъ идей Декарта содержаніе письма къ Томазію даетъ нѣчто новое. Въ обоихъ источникахъ имѣется мысль о томъ, что при объясненіи природы въ основу необходимо полагать величину, фигуру и движеніе и что причина движенія есть Богъ. Но въ „Исповѣданіи природы“ предложенъ подробный анализъ понятія пространства и существованія въ пространствѣ, а въ письмѣ первое мѣсто удѣляется понятію движенія: изъ движенія Лейбницъ выводитъ существованіе фигуръ. Къ числу различій въ содержаніи того и другого источника нужно отнести встрѣчающееся въ письмѣ утвержденіе, что все наполнено: въ „Исповѣданіи природы“ принималось, напротивъ, существованіе пустоты. Лейбницъ въ то время также былъ

---

[1]) Послѣднюю мысль Лейбницъ могъ вывести изъ полагаемаго Декартомъ тожества міровой матеріи.

еще отчасти поклонникомъ атомизма, между тѣмъ какъ теперь въ письмѣ слѣдовъ атомизма почти нѣтъ. Изъ всего только что сказаннаго ясно, что въ дѣлѣ согласованія Аристотеля съ новой философіей, т. е. съ Декартомъ, Лейбницъ по духу ближе стоялъ къ послѣднему.

Образецъ политическихъ доказательствъ въ пользу избранія польскаго короля.

Идея согласованія Аристотеля съ новой философіей сильно интересовала Лейбница. Какъ увидимъ далѣе, онъ не переставалъ ее разработывать, но прежде, чѣмъ появились плоды такой разработки, Лейбницу много разъ случалось посвящать свое вниманіе предметамъ и обстоятельствамъ совершенно иного рода. Осенью 1668 года Лейбницъ вмѣстѣ съ барономъ Бойнебургомъ хлопочетъ о привилегіи на изданіе литературнаго журнала (Semestria literaria) [1]), затѣваетъ цѣлую реформу книжнаго дѣла въ Майнцѣ [2]), а къ началу слѣдующаго года устремляетъ свои силы на созданіе трактата „Образецъ политическихъ доказательствъ въ пользу избранія польскаго короля“. У Лейбница является желаніе примѣнить логику къ политикѣ такъ же, какъ онъ примѣнялъ ее къ юриспруденціи. Онъ вспоминаетъ открытія, сдѣланныя имъ по логикѣ въ Ars Combinatoria; логическія формы кажутся ему полезными даже въ богословскомъ спорѣ, и вотъ логика является для него спутницей понимаемыхъ въ широкомъ смыслѣ этики и религіи. Такое соединеніе логики съ этикой и религіей развертывается Лейбницемъ въ цѣломъ рядѣ самыхъ неожиданныхъ и причудливыхъ комбинацій, подтвержденіемъ чему прежде всего является текстъ названнаго трактата. Что же это за трактатъ и каковы были причины его появленія? Дѣло въ томъ, что по желанію Бойнебурга Лейб-

---

[1]) Смотр. Leibniz' Bemühungen um ein kaiserliches Privileg für den Plan seiner Semestria. Op. Kl. I, 7. Также F. d. C. VII, p. 1.

[2]) Лейбницемъ было составлено по этому поводу 33 параграфа для Майнцскаго курфюрста. Ib., 20. Параграфъ 30-ый любопытенъ: Nullus liber imprimatur, in quo non autor indicet in praemisso aliquo loco, quid praestiterit Reipublicae utile ab aliis ignoratum. Et illud ipsum intus in libro signet, ut excerpi integrum, si opus, possit. Ib., 23.

ницъ хотѣлъ содѣйствовать выбору на польскій престолъ пфальцграфа Нейбургскаго, Филиппа Вильгельма. Лейбницъ пытался строго доказать необходимость такого выбора и даже счелъ нужнымъ употребить для этого геометрическій методъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ нѣкоего Mons. Petty [1]). Трактатъ былъ обширенъ. Лейбницу поневолѣ пришлось затронуть вопросы о государственномъ устройствѣ, любви, дружбѣ и гражданской личности. Въ предисловіи къ сочиненію [2]) Лейбницъ пишетъ, что форму связи мыслей онъ рѣшилъ заимствовать у математиковъ, „которые одни только... ничего не говорятъ безъ доказательствъ“ [3]). Цѣпь соритовъ казалась ему наиболѣе подходящей для вывода послѣднихъ [4]), и въ качествѣ примѣра Лейбницъ въ предисловіи приводилъ даже соритъ изъ дальнѣйшаго изложенія трактата [5]). Трактатъ за-

---

[1]) «J'ay fort approuvé autresfois les pensées de feu Mons. Petty, qui faisoit voir l'application des Mathematiques aux matières oeconomico-politiques». Письмо Лейбница къ Burnett'y. G. III, 190. Это свидѣтельство Лейбница, кстати сказать, нѣсколько противорѣчитъ утвержденію Гураузра, что Specimen «ist der erste Versuch, die Methode der mathematischen Demonstration .. auf eine gegebene Frage aus der Politik und Diplomatie überzutragen». Guhrauer. Biogr. I, 64. Сочиненіе называлось «Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege polonorum, novo scribendi genere ad claram certitudinem exactum. Auctore Georgio Ulicovio Lithuano, Vilnae. 1659». Лейбницъ издалъ трактатъ подъ псевдонимомъ, иниціалы котораго соотвѣтствовали имени и фамиліи дѣйствительнаго автора. Означеніе «Vilnae 1659» было поставлено съ цѣлью показать, что сочиненіе, появившееся на 10 лѣтъ ранѣе соотвѣтствующихъ политическихъ событій, отличается полной объективностью (Куно Фишеръ. Op. cit. Рус. пер. Н. Полилова. Томъ III, стр. 74). На самомъ дѣлѣ трактатъ былъ напечатанъ въ Данцигѣ въ 1669 г. D. IV, pars III, 522. Прим.

[2]) Это предисловіе, по мнѣнію Кутюра, любопытно со стороны стиля а также по тому, что Лейбницъ высказываетъ въ немъ идеи о философіи и ея исторіи. Couturat. Op. cit., 563.

[3]) D. IV, pars III, 523.

[4]) «Id vero filum mihi ipsa demonstrandi forma est, perpetua rationum catena constans et implicantibus se se propositionum annulis innexa». Ib. 524.

[5]) Этотъ соритъ посвященъ доказательству того, что все постыдное—гибельно, ибо все постыдное уменьшаетъ честь. Лейбницъ развертываетъ соритъ въ полную систему силлогизмовъ и затѣмъ говоритъ:

ключаетъ въ себѣ LX теоремъ съ леммами, выводами, поясненіями и эпилогомъ. Первая теорема гласитъ, что благо государства совпадаетъ въ Польшѣ съ благомъ знати, при чемъ Лейбницъ утверждаетъ, что „въ правѣ государства заключается его гражданская или моральная личность“ [1]). Цѣль государства согласно праву есть свобода знатныхъ, поскольку послѣдняя можетъ быть сохраняема безопасно, т. е. свобода, сдерживаемая спокойствіемъ (теорема III). Польское государство, доказываетъ Лейбницъ, должно желать равенства среди знати и заботиться о военномъ дѣлѣ, которое любимо дворянствомъ (теор. IV—VI). Цѣль христіанскаго міра и польской знати, въ смыслѣ защиты границъ отъ не-христіанъ, одна и та же и по существу справедлива, ибо „что полезно міру, того хочетъ Богъ; чего хочетъ Богъ, того хочетъ всемогущій, а всемогущій имѣетъ право на все, какъ это доказалъ Гоббесъ въ Элементахъ о государствѣ“ [2]) (теор. VII—VIII). Далѣе, то, что̀ въ Польшѣ противъ свободы, то въ ней противъ ея спокойствія, а теперь тамъ опасныя времена, когда весьма вреденъ индифферентизмъ (теор. IX—XI). Въ свою очередь опасны для Польши раздоры, перевороты и долгое междуцарствіе. (Теор. XII—XV). Какая же форма правленія всего удобнѣе

«Vides multum chartae, certitudini nihil, nihil evidentiae addi, dummodo non huic detrahatur. Caeterum illud affirmare non dubitem, si quis hac ratiocinandi viâ perpetuò ingressus fuerit, suspenderitque eousque judicium, quod tamen affectus nobis rarò permittunt, *artem non facilè errandi* facilè assecuturum». Ib., 524—525

[1]) Nam omnes personae civiles, seu fictae Corporum, Collegiorum, Universitatum, in aggregatione Iurium consistunt». Ib., 525.

[2]) Ib., 530. Въ этой ссылкѣ на Гоббеса Лейбницъ, повидимому, имѣетъ въ виду слѣдующіе тексты: Denique si quis sit, qui unamquamcunque actionem jure agere potest, quae nulli civi, neque civibus, praeterquam ipsi soli licita est, is summum imperium in civitate obtinet: nam ea, quae fieri neque a cive ullo, neque a pluribus civibus jure possunt, civitas sola potest facere. Is igitur, qui ea facit, jure utitur civitatis, quod est imperium summum». De cive. Cap. VI, 18. Molesworth, II, 232. «jus Deo est a sola potentia irresistibili. Ius enim omne in alios .. a natura est... Jis igitur, quorum potentiae resisti non potest, et per consequens Deo omnipotenti, jus dominandi ab ipsa potentia derivatur». Ib. Cap. XV, 5. Pag. 334. Эта много разъ уже встрѣчавшаяся намъ мысль, видимо, очень интересовала Лейбница.

для Польши? Монархія. Отсюда слѣдуетъ, что какъ можно скорѣе тамъ долженъ быть избранъ король. (Теор. XVI—XVIII). Выборъ его долженъ быть предоставленъ не случаю, а разуму [1]), при чемъ избранный долженъ быть лицомъ знатнаго рода, католикомъ, человѣкомъ справедливымъ, благоразумнымъ [2]), опытнымъ въ дѣлахъ, полнымъ силъ, такимъ, у котораго духъ сильнѣе тѣла; было бы хорошо, если бы у такого человѣка имѣлись дѣти, а самъ онъ былъ бы еще снисходителенъ, скроменъ, спокоенъ, не будучи привыченъ къ абсолютной государственной власти. (Теор. XIX—XXXVI). Таковы качества желаемаго царя. Слѣдуетъ разсмотрѣть отношенія, которыя онъ долженъ имѣть къ полякамъ и другимъ людямъ.

Этическія максимы.

Это можно сдѣлать только изучивъ природу любви, дружбы и услугъ. Лейбницъ даетъ поэтому рядъ тщательно разработанныхъ леммъ, составляющихъ главный этическій моментъ сочиненія. „Истинный другъ, говоритъ Лейбницъ въ первой изъ нихъ, самъ по себѣ желаетъ блага для друга“ [3]). Вотъ доказательство этой интересной леммы (предл. XXXVII).

„Гдѣ истинная дружба, тамъ любовь. Любить—значитъ радоваться благу другого.

Мы находимъ, что безчисленныя разсужденія платониковъ о любви и прекрасномъ, возобновленныя философами, главнымъ образомъ итальянцами, геніальными людьми, въ предшествующій вѣкъ и до него,—всѣ сводятся къ тому же. Въ томъ же убѣждаетъ и разумъ; ибо любовь относится къ прекрасному. Прекрасно то, чего созерцаніе пріятно, а чего созерцаніе пріятно,—благамъ того мы радуемся. Итакъ, любить—значитъ радоваться благу другого.

---

[1]) «Sors est eventus incertus», замѣчаетъ Лейбницъ. D. IV, pars. III, 539.

[2]) «Qui scit, quid bonum sit, *prudens* est» опредѣляетъ Лейбницъ и добавляетъ вообще: «Hinc patet, in eo, qui Justus et Prudens sit, Virtutes omnes virtualiter, ut sic dicam, licet non formaliter, contineri.» Ib., 543.

[3]) Ib., 557.

Что радуетъ, то желательно само по себѣ, хотя бы не въ силу пользы.

Нѣкогда Эпикуръ и Лаврентій Валла въ книжкѣ о высшемъ благѣ, а на нашей памяти защитникъ Эпикура, Петръ Гассенди, вѣрно полагали высшее изъ благъ въ удовольствіи. Ибо если, отвративъ умъ отъ пустыхъ схоластическихъ словъ, мы обратимся къ практикѣ жизни, то будетъ ясно, что вездѣ мы руководствуемся удовольствіемъ, страшась печали. Гдѣ тотъ благочестивецъ, котораго не побуждала бы небесная награда и не поражалъ бы страхъ ада? Даже то, что дѣлается изъ любви къ одному только Богу, дѣлается ради удовольствія, которое почерпается изъ созерцанія Божества. Радоваться, созерцая другого,—это и значитъ любить. Конечно, одно только *удовольствіе* ради другого не желательно. Ибо что же тогда значитъ, что мы хотимъ безпрерывнаго продолженія радости? Остальныя блага потому только блага, что они или создаютъ *удовольствіе*, или освобождаютъ отъ печали; удовольствіе-же есть или съ одной стороны почетное благо души, или съ другой—пріятное благо тѣла; или поводъ, или нужда котораго нибудь изъ двухъ, тѣла или души: отсюда благо—полезно.

Итакъ истинный другъ самъ по себѣ желаетъ другу блага.

Хотя остальному наша польза не мѣшаетъ, однако достаточно пользы въ томъ самомъ фактѣ, что чьему благу мы радуемся, блага того, будучи увеличены, увеличиваютъ для насъ поводъ къ радости. Различать это есть дѣло истинной дружбы внѣ дома, въ которой мы пользуемся пріязнью многихъ, не съ тѣмъ, что бы они доставляли намъ удовольствіе, но чтобы приносили пользу. Впрочемъ, какъ другъ самъ по себѣ справедливо желаетъ блага другу, такъ онъ сочувствуетъ и его печали; и этимъ подтверждается наше опредѣленіе любви, которая состоитъ въ радости по поводу блага другого, и въ состраданіи по поводу зла“ [1]).

Изъ этой леммы Лейбницъ выводитъ въ корольаріи мысль, что истинный другъ долженъ предпочитать своему малому благу великое благо другого. Въ трехъ слѣдующихъ

[1]) Ib., 557—558.

леммахъ Лейбницъ разбираетъ вопросъ о дружбѣ. „Истинная дружба существуетъ только или между очень мудрыми или между очень глупыми людьми“ [1]). Благо истиннаго друга желательно безъ всякаго отношенія къ пользѣ. Между тѣмъ благо бываетъ полезно или вредно по самой своей природѣ. Но „полезно по природѣ то благо, которымъ никто не можетъ пользоваться во зло, а что либо не способное къ этому—неспособно къ опасной ошибкѣ; неспособенъ же къ опасной ошибкѣ бываетъ лишь тотъ, кто знаетъ, что́ лучше всего нужно сдѣлать; знаніе послѣдняго есть мудрость такъ же, какъ знаніе хорошаго есть благоразуміе. Итакъ, полезное по самой своей природѣ благо любимаго существа есть одна только его мудрость. Такъ какъ въ дружбѣ любовь взаимна, то должна быть взаимна и мудрость. Всѣ прочія блага, умъ, сила, честь, состояніе и т. п. способны къ употребленію во зло. Любить ихъ самихъ по себѣ, значитъ любить само по себѣ то, чего исходъ случаенъ, и что такимъ образомъ нѣкогда можетъ быть вреднымъ. Но любить вещь, которая сама по себѣ имѣетъ случайный исходъ..., глупо. А такъ какъ любовь взаимна, то должна быть взаимна и глупость. Итакъ, заключаетъ Лейбницъ, истинная дружба существуетъ только или между очень мудрыми или между очень глупыми“ [2]). (Предл. XXXVIII). „Истинная дружба, пишетъ далѣе Лейбницъ, можетъ быть только духовна. Быть истиннымъ другомъ значитъ радоваться благамъ друга. Не тому, разумѣется, или другому его благу въ частности, но абсолютно радоваться тому, что́ для него дѣлается благомъ, и такимъ образомъ получать удовольствіе отъ самого тѣла даннаго лица или отъ его духа. Но блага тѣла—измѣнчивы и отдѣлимы отъ личности. Слѣдовательно, кто въ комъ-либо любитъ блага тѣла, тотъ не любитъ его личности самой по себѣ. Итакъ, всякая дружба сводится на любовь къ духу другого, ибо, какъ справедливо

---

[1]) Ib., 559.

[2]) Лейбницъ добавляетъ: «Hinc patet omnes illas teneriores *amicitias* inter necessarios, fratres, conjuges, collectaneos, condiscipulos, socios periculorum, conterraneos. Si sapientia non condiantur, aut esse instabiles, et momentaneas, aut stultitia, tantumque puerili lusu, vel foeminea mollitie, magisque appetitus sensitivi impetu, quam ratione contineri». Ib.

замѣтилъ нѣкогда Платонъ, а теперь Декартъ, мы—ничто иное, какъ умъ“ [1]). (Предл. XXXIX). Откуда же берется дружба? Она происходитъ отъ обращенія въ тѣснѣйшей пріязни. „Истинная дружба есть неизмѣнная любовь, или любовь съ безпрерывнымъ напряженіемъ. Любовь можетъ быть только къ чему-нибудь извѣстному, а неизмѣнная любовь возникаетъ вдобавокъ еще только въ силу тщательнаго знакомства или по крайней мѣрѣ представленія о немъ (первое—у мудрыхъ, второе—у глупыхъ). Тщательнаго же знакомства съ другимъ никто не можетъ ни имѣть, ни убѣдить себя, что имѣетъ, внѣ обращенія въ тѣснѣйшей пріязни. Итакъ, истинная дружба можетъ родиться только отъ обращенія подобнаго рода. Пріязнь между тѣмъ бываетъ или только духовная, какою можетъ она быть даже между незнакомыми, въ письмахъ, или тѣлесная; хотя, признаюсь, истинная дружба рѣдко можетъ существовать, если не находятся въ пріязни и тѣла. Ибо тщательное знакомство съ духомъ едва ли можно имѣть, если вполнѣ не познано тѣло. Сужденію о другомъ человѣкѣ много помогаетъ физіономія, строй рѣчи, а въ нечаянныхъ словахъ притворство труднѣе, чѣмъ въ обдуманныхъ, писанныхъ сочиненіяхъ. Далѣе, дружба мудрыхъ всего болѣе связана съ духомъ, дружба глупыхъ—съ тѣломъ“ [2]). (Предл. XL). Истинная дружба, замѣчаетъ Лейбницъ, рѣдка теперь среди правителей, а между государствами ее нѣтъ совсѣмъ. (Теор. XLI—XLII). Слѣдующія четыре предложенія Лейбницъ посвящаетъ вопросу объ услугахъ. Услуги должны цѣниться болѣе по душевному расположенію того, кто ихъ оказываетъ, чѣмъ по тому, что онѣ сдѣланы. „Кто хочетъ помочь..., тотъ дѣлаетъ это всякій разъ, какъ можетъ. Слѣдовательно, доброе расположеніе или желаніе помогать... содержатъ виртуально... столько услугъ, сколько нѣкогда будутъ возможны; большинство же взятое вмѣстѣ, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, составляетъ нѣчто большее одного. Итакъ, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, услуги должны быть цѣнимы болѣе въ силу духа, чѣмъ въ силу факта“. (Теор. XLIII) [3]). Точно тоже, думаетъ Лейбницъ, нужно сказать о дѣйствіи, противопо-

---

[1]) «mens est illud, quod sumus». Ib.

[2]) Ib., 560.

[3]) Ib., 562.

ложномъ услугѣ, т. е. объ ущербѣ. „Услуга есть фактъ, который служитъ причиной для блага другого такъ же, какъ ущербъ— для зла. То и другое бываетъ случайнымъ или волевымъ“ [1]). Случайная услуга иногда дѣлается противъ воли. Напр., въ томъ случаѣ, если домъ подожгутъ, а его хозяинъ испугавшись избавится отъ подагры. Случайной услугѣ не нужна признательность. Подобно тому какъ услуга состоитъ вмѣстѣ изъ факта и духа, такъ признательность состоитъ изъ одного только духа; она есть слѣдствіе чистой услуги, сдѣланной исключительно ради того, кто ее получаетъ, въ силу любви. (Теор. XLIV—XLVI). Всѣ эти предложенія приведены Лейбницемъ, чтобы поколебать обычныя мнѣнія, которыя имѣетъ толпа о правителяхъ государства [2]).

Послѣдняя часть трактата. Отраженіе въ немъ философскихъ идей.

Обращаясь вновь къ главной темѣ сочиненія, Лейбницъ при помощи изложенныхъ леммъ доказываетъ, что кандидатъ на польскій престолъ долженъ быть пріятенъ христіанскому міру (теор. XLVII), не долженъ вредить полякамъ, обязанъ быть къ нимъ расположенъ, не находясь въ числѣ враговъ ни одному изъ государствъ (теор. XLVIII—L). Этотъ кандидатъ не долженъ также быть: могущественнымъ, дружнымъ со многими и могущественными людьми, сосѣдомъ Польшѣ, бѣднымъ и кому-либо обязаннымъ (теор. LI—LV). Если онъ будетъ пользоваться при выборахъ посторонней помощью, то не долженъ на нее опираться, какъ не долженъ быть ничьимъ подданнымъ и не имѣть другого царства. Онъ, наконецъ, долженъ быть, если можно, потомкомъ Ягеллоновъ и не изъ фамиліи Пястовъ. (Теор. LVI—LX). Послѣднее предложеніе Лейбницъ снабдилъ длиннымъ комментаріемъ съ корольларіями политическаго характера и съ нѣсколькими выводами, изъ которыхъ въ послѣднемъ [3]) доказывается необходимость выбрать на польскій престолъ графа Филиппа Вильгельма Нейбургскаго. Эпилогъ сочиненія содержитъ нѣсколько заключительныхъ словъ на тему: regem eligamus.

---

[1]) Ib.
[2]) Ib., 563.
[3]) Ib., 619.

Если бросить общій взглядъ на изложенный трактатъ, то прежде всего необходимо отмѣтить методъ изложенія. Онъ одинаковъ съ тѣмъ, который мы видѣли въ прежнихъ юридическихъ сочиненіяхъ и въ Ars combinatoria, т. е. дедуктивенъ: ради успѣха дальнѣйшихъ выводовъ Лейбницъ по прежнему даетъ общія предпосылки—но въ началѣ сочиненія, то, по мѣрѣ надобности, въ серединѣ. Что касается авторовъ, которыми Лейбницъ пользовался при составленіи работы, то изъ философовъ можно назвать тѣхъ же Гассенди, Гоббеса, Декарта и Аристотеля. Идеи Гассенди, на что указываетъ самъ Лейбницъ, сказались въ весьма характерномъ опредѣленіи высшаго блага, какъ удовольствія. Идеи Гоббеса и Декарта, также указанныя самимъ Лейбницемъ, касались понятій всемогущества и ума. Въ связи съ тѣмъ, что говорилось ранѣе, любопытно отмѣтить сдѣланное Лейбницемъ по поводу замѣчанія о томъ что мы mens sumus, сопоставленіе Платона съ Декартомъ. Аристотелевскаго въ трактатѣ много. Не называя всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Лейбницъ упоминаетъ объ Аристотелѣ—что выходитъ изъ границъ поставленной нами задачи,—укажемъ только на опредѣленіе гражданина [1]). Въ трактатѣ не мало интересныхъ частностей, въ родѣ, напримѣръ, опредѣленія благополучія, какъ присутствія благъ и отсутствія золъ [2]), или взгляда на методъ примѣненія доказательствъ: должно излагать природу вещи такъ, какъ это дѣлаетъ математикъ, пишущій объ устройствѣ часовъ [3]). Опредѣленіямъ Лейбницъ посвящалъ много вниманія [4]). Предпочитая строгость въ доказательствахъ, онъ при случаѣ давалъ разъясненія опредѣленій и терминовъ; такъ, напримѣръ, доказывая, что „все новое caeteris paribus опасно“ (теорема XIII), онъ писалъ: „Caeteris paribus, это значитъ: если опасность не будетъ уравновѣшена или превзойдена великой надеждой или извѣстнымъ благомъ. И такъ долж-

---

[1]) «Civis est qui regiminis particeps aut est, aut esset, nisi id alio (v. g. in Collegium optimatum aut Principis personam) translatum esset». Ib., 537.

[2]) Ib, 527.

[3]) Ib., 536.

[4]) Опредѣленія интересовали Лейбница, какъ основа искусства комбинацій: прежде чѣмъ комбинировать, нужно опредѣлять понятія.

ны быть понимаемы всѣ доказательства въ конкретныхъ вещахъ, гдѣ много сходится качествъ и обстоятельствъ, напр., въ физикѣ, механикѣ, медицинскихъ и гражданскихъ наукахъ. Ибо доказательство относительно движенія, имѣющаго быть въ какой нибудь машинѣ или въ часахъ, должно быть принимаемо такъ же, т. е. при условіи, что какимъ-либо внѣшнимъ толчкомъ движеніе не будетъ разстроено или уничтожено. Такія ограниченія подразумѣваются по самой природѣ вещи и потому не нужно ихъ прибавлять. Достаточно разъ навсегда напомнить это тѣмъ, кто не занимается искусствомъ доказательствъ". Къ области любопытныхъ частностей, близко касающихся логики, нужно также отнести въ трактатѣ замѣченные Кутюра слѣды примѣненія вычисленій къ морали. Пригоденъ ли московскій кандидатъ на польскій престолъ? Нѣтъ. Почему? Потому, что онъ не только могущественъ, но и сосѣдъ; а „сосѣдство, разсуждаетъ Лейбницъ, само есть родъ могущества, и каждая часть могущества самого по себѣ увеличивается отъ сосѣдства; слѣдовательно, полное могущество могущественнаго сосѣда есть какъ бы произведеніе изъ сосѣдства на могущество само по себѣ, и такимъ образомъ будетъ какъ бы произведеніе изъ могущества на могущество. Значитъ, простое могущество къ полному могуществу сосѣда и вмѣстѣ могущественнаго человѣка будетъ относится, какъ корень къ квадрату или сторона къ прямому углу" [1]). Изъ этого и другого подобнаго же мѣста [2]) въ трактатѣ Кутюра усматриваетъ, что Лейбницу не чужда была въ зародышѣ идея квадратуръ и, слѣдовательно, интегральнаго исчисленія [3]).

Защита Св. Троицы.

Мысль примѣнять логику къ обсужденію разнаго рода вопросовъ нравилась Лейбницу. Въ связи съ дипломатическими планами по поводу избранія польскаго короля Бойнебургъ между прочимъ лично участвовалъ въ полемикѣ противъ изгнанныхъ изъ Польши социніанъ. И вотъ Лейбницъ, пользуясь своими открытіями въ области логики, какъ бы въ дополненіе къ только-что изложенному

---

[1]) D. IV, p. III, 579.
[2]) Ib., 604.
[3]) Couturat. Op. cit., 564—565.

трактату, пишетъ сочиненіе въ защиту Св. Троицы [1]) противъ письма Андрея Вишоватаго, главы социніанъ. Сочиненіе состояло изъ посвященія и отвѣта на имѣющіяся въ письмѣ возраженія Вишоватаго. „Я, говоритъ Лейбницъ въ посвященіи,... почерпнулъ плодъ и величайшее удовольствіе изъ глубины той философіи, въ которую по своей склонности погрузился съ дѣтства. Если меня не обманываетъ любовь къ истинѣ, то это и въ размышленіяхъ о святомъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ природѣ вещей внушило мнѣ замѣтить факты, дѣйствительнѣе которыхъ по моему нѣтъ ничего для созданія спокойной жизни. Нѣкоторые изъ нихъ тогда были болѣе любопытны, чѣмъ полезны, но теперь въ устраненіе разсужденій антитринитаріевъ они вносятъ такой свѣтъ, что я уже не сомнѣваюсь въ положеніи: что̀ истинно, то̀ полезно“ [2]).

Въ чемъ же заключаются обусловленные такимъ проникновеніемъ въ философію факты и относящіяся сюда логическія открытія Лейбница? Куно Фишеръ думаетъ, что открытія состоятъ въ указаніи противорѣчій, которыя имѣютъ сами въ себѣ доказательства Вишоватаго [3]). Лейбницъ между тѣмъ высказалъ въ работѣ нѣсколько логическихъ замѣчаній общаго характера: въ нихъ, на нашъ взглядъ, и лежитъ ключъ къ рѣшенію задачи. Замѣтимъ только, что очень трудно передать мысль Лейбница литературно на русскій языкъ. „Я принимаю вообще“, пишетъ Лейбницъ по поводу перваго пункта письма Вишоватаго,—„и это нужно имѣть въ виду для послѣдующаго,—что связки въ посылкахъ силлогизмовъ обычно понимаютъ невѣрно. Нужно полагать различіе между предложеніями въ себѣ и предложеніями случайными; напр., попросту мы вѣрно говоримъ: всякій человѣкъ—разуменъ, но невѣрно: всякій человѣкъ—бѣлъ, хотя бы это было истинно въ дѣйствительности, ибо бѣлизна не присуща человѣч-

---

[1]) Сочиненіе посило заглавіе: «Defensio Trinitatis per nova Reperta Logica contra adjunctam hic Epistolam Ariani non incelebris, ad Illustrissimum Baronem Boineburgium autore G. G. L. L.» О времени, въ которое сочиненіе было написано, см. Guhr. Biogr. I, 69.

[2]) G. IV, 112.

[3]) Куно Фишеръ. Лейбницъ. Цитир. пер. Н. Полилова. 67.

ности непосредственно. Должно сказать: всякій, кто есть человѣкъ, есть бѣлъ. Подобнымъ образомъ не должно говорить: всякій музыкантъ есть бѣлъ, но: всякій, кто есть музыкантъ, есть бѣлъ [1]). Это отчасти замѣтилъ Іог. Рауэнъ изъ Берлина въ своемъ оригинальномъ изслѣдованіи о связкѣ. Далѣе нужно замѣтить, что на томъ же основаніи всѣ единичныя предложенія въ силу скрытаго значенія общи, на что авторомъ указано въ диссертаціи Ars combinatoria [2]); напр., предложеніе: „Апостолъ Петръ былъ первымъ епископомъ Рима“ при правильномъ расположеніи связки и означеній преобразуется въ такое: „всякій, кто есть Апостолъ Петръ, былъ епископомъ Рима“ [3]). При помощи такихъ соображеній Лейбницъ формально видоизмѣняетъ основной силлогизмъ Виноватаго:

---

[1]) Вѣроятно къ этому мѣсту Лейбницъ, по свидѣтельству Герхардта, сдѣлалъ на поляхъ отмѣтку: «Это замѣчаніе полезно даже для различенія неопредѣленнаго сужденія отъ отрицательнаго; напр.: кто не вѣритъ,—осуждается; іудеи не вѣрятъ; слѣдовательно, они осуждаются. Кажется, что въ силлогизмѣ меньшая посылка отрицательна; на самомъ же дѣлѣ—нѣтъ; ибо силлогизмъ таковъ: Это—тѣ, кто не вѣритъ, осуждается; іудеи суть тѣ, кто не вѣритъ; слѣд., они осуждаются». G. IV, 118. Примѣч. Въ изданіи Дютана эта замѣтка внесена въ текстъ въ скобкахъ D. I, 11.

[2]) Въ названномъ трактатѣ, протестуя противъ отожествленія единичныхъ предложеній съ частными, Лейбницъ писалъ: «Зная, что такъ обычно полагаютъ, мы однако считаемъ болѣе истиннымъ нѣчто другое. Ибо предложеніе «Сократъ есть сынъ Софрониска», если его разложить по способу Іог. Рауэна, будетъ таково: Кто ни есть Сократъ, онъ есть сынъ Софрониска. И не худо сказать: Всякій (omnis) Сократъ есть сынъ Софрониска, хотя бы онъ былъ единственнымъ (ибо мы говоримъ не объ имени, а объ извѣстномъ человѣкѣ). Такъ, если бы я сказалъ: даю Тицію всѣ одежды, которыя имѣю, то кто бы сталъ сомнѣваться, хотя бы я долженъ былъ дать ему единственную, которая у меня есть?... Слово «всякій» не вноситъ множества, но даетъ совокупность частныхъ признаковъ (singulorum comprehensionem). Даже предположивъ, что Сократъ не имѣетъ брата, все-таки я сказалъ вѣрно: Всякій сынъ Софрониска есть Сократъ. Что скажемъ мы о предложеніи: Этотъ человѣкъ есть ученый? Изъ него мы вѣрно заключаемъ: Петръ есть этотъ человѣкъ, слѣд., Петръ есть ученый. Слово «этотъ» есть знакъ единичности (signum singulare)» G. IV, 50—51. Заключительная часть этого разсужденія приведена по латыни на стр. 37—38 этой книги. См. примѣчаніе 4-е на 37 стр.

[3]) Ib., 118—119. D. I, 11.

Силлогизмъ Вишоватаго.	*Силлогизмъ Лейбница.*
Единый Высочайшій Богъ есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все.	Всякій, кто есть единый Высочайшій Богъ, есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все.
Сынъ Божій Іис. Христосъ не есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все.	Сынъ Божій Іис. Христосъ не есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все.
Слѣдоват., Сынъ Божій Іис. Христосъ не есть единый Высочайшій Богъ.	Слѣдоват., Сынъ Божій Іис. Христосъ не есть тотъ, кто есть единый Высочайшій Богъ.

Это—силлогизмъ по Camestres. [1]) Лейбницъ пишетъ Вишоватому: „Подо „всѣмъ“ понимаются или творенія, или же вмѣстѣ и Сынъ. Если—только остальныя творенія, то я соглашаюсь съ большей посылкой, что всякій, кто есть единый Высочайшій Богъ, есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все, т. е. всѣ творенія, ибо вы сами соглашаетесь, что всѣ творенія созданы Сыномъ. Если же подъ именемъ „всѣхъ“ понимается также и самъ Сынъ, то я, согласясь съ меньшей посылкой, что Сынъ Божій не есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все, именно самъ Сынъ, буду отрицать бо́льшую, что всякій, кто есть единый Высочайшій Богъ, есть тотъ Отецъ, отъ котораго—все, и даже самъ Сынъ“ [2]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Лейбница, основной силлогизмъ Вишоватаго сводится на нѣтъ, какъ только мы обратимъ вниманіе на то, что отрицаніе связи понятій въ выводѣ идетъ не отъ понятія сына къ понятію Бога, какъ у Вишоватаго, а отъ понятія сына къ понятію совокупности признаковъ въ Богѣ, которая выражается словомъ „omnis—всякій“. Такъ какъ Вишоватый развивалъ свои идеи въ цѣломъ рядѣ пунктовъ съ видимой убѣдительностью, то Лейбницъ возражалъ ему довольно подробно, намѣренно развертывая иногда его краткія предложенія въ силлогизмы. Вишоватый, напр. замѣчалъ: „то самое обстоятельство, что единый Высочайшій Богъ черезъ Іисуса Христа совершаетъ все, можетъ служить особымъ аргументомъ въ

[1]) G. IV, 112 и 119.
[2]) Ib., 119.

пользу того, что Іисусъ самъ не есть Высочайшій Богъ“ [1]). Лейбницъ говоритъ по этому поводу: „Аргументъ, который ты implicite предполагаешь, безъ утайки таковъ:

Всякій, черезъ котораго тотъ, кто есть единый Высочайшій Богъ, совершаетъ все, не есть Высочайшій Богъ.
Сынъ Божій есть тотъ, черезъ котораго тотъ, кто есть единый Высочайшій Богъ, совершаетъ все.
Слѣдовательно, Сынъ Божій не есть Высочайшій Богъ.

Въ этомъ аргументѣ отрицается бо́льшая посылка, ибо Высочайшій Богъ, именно Отецъ, можетъ совершать все черезъ Высочайшаго Бога, именно Сына, и однако не черезъ самого себя, хотя черезъ того, который есть то, что есть самъ. Такимъ образомъ я думаю мы отвѣтили на первый аргументъ. Съ цѣлью, однако, воочію показать, что нервъ его уничтоженъ, составимъ въ подражаніе нѣчто другое:

Все трилинейное имѣетъ въ силу непосредственной абстракціи трилинейность.
Треугольникъ не имѣетъ трилинейности въ силу непосредственной абстракціи [2]).
Слѣд.. треугольникъ не есть трилинейное, что—абсурдъ.

Я отвѣчаю на это по допущенному основанію, что бо́льшую посылку нужно преобразовать такъ: все, что есть трилинейное, имѣетъ трилинейность въ силу непосредственной абстракціи. Такимъ образомъ бо́льшая посылка сводится на нѣтъ, ибо треугольникъ есть и трилинейное, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто, имѣющее трилинейность въ силу непосредственнаго концепта.

Допустивъ этотъ принципъ, мы можемъ не нуждаться въ скучныхъ правилахъ схоластиковъ относительно суппози-

---

[1]) Ib. 113.

[2]) Треугольникъ, по мнѣнію Лейбница, «имѣетъ скорѣе треугольность; а если бы послѣдняя была съ трилинейностью непосредственно однимъ и тѣмъ же, то однимъ и тѣмъ же были бы и угольность, и линейность, которыя остаются по исключеніи тройственности. Но угольность и линейность до такой степени не одно и то же, что могутъ быть двѣ линіи безъ угла, напр., параллельныя». Ib. 120.

ціи. Напримѣръ: животное есть родъ, Петръ есть животное, Петръ есть родъ. Отвѣчаю: бо́льшая посылка не есть общая, и не тотъ, кто есть животное, есть родъ“ [1]).

Таковъ характеръ логическихъ пріемовъ Лейбница. Они заключаются въ раскрытіи смысла предложеній путемъ видоизмѣненія строя фразъ. Нельзя сказать, чтобы они отличались особенной безыскусственностью, но, кажется, ими достигалась цѣль, по крайней мѣрѣ, въ данной работѣ. Кромѣ указанныхъ логическихъ пріемовъ, послѣдняя заключаетъ нѣсколько интересныхъ соображеній по вопросу о познаніи Божества въ экстазѣ [2]) и о сущности Бога: „Нельзя сказать, пишетъ Лейбницъ, что Богъ есть нѣчто до такой степени строго единое, что въ немъ не дано раздѣльнаго реально или до операцій ума; ибо если есть умъ, то невозможно, чтобы не было въ немъ: того, кто разумѣетъ, разума и пониманія, а также совпадающихъ съ ними мощи, знанія и хотѣнія. Мысль, что у послѣднихъ нѣтъ реальнаго различія, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Ибо когда ихъ различаютъ формально, то ихъ различіе бываетъ различіемъ размышляющаго разума, а такое различіе имѣетъ основаніе на дѣлѣ; слѣдовательно, въ Богѣ бываетъ три реально-различныхъ основанія. Я хотѣлъ бы на этотъ аргументъ получить возраженія“ [3])... Такую характеристику Божества Лейбницъ дополняетъ дальнѣйшими соображеніями. „И это, говоритъ онъ, не вноситъ въ Божество несовершенства, такъ какъ множество и сложность сами по себѣ не суть несовершенны до тѣхъ поръ, пока не заключаютъ въ себѣ отдѣлимости и такимъ образомъ разрушимости цѣлаго. Но отдѣлимость сюда не вносится... Богъ не умножается.

---

[1]) Ib.

[2]) Экстазъ описывается такъ: «Potest... intelligi exemplo extaseos, quo tempore anima functiones quas alioqui per corpus peragit, nempe ratiocinari, cogitare etc. exequitur quasi separata sine corporis concursu. Eo igitur tempore durantis extaseos non inepte dicetur, hominem non ratiocinari, etiamsi pars ejus ignobilior, nempe corpus tantum, a ratiocinatione cesset, quia functio illa quam anima ordinarie per corpus peragit et quam homo ordinarie efficit quatenus ex anima et corpore unitus est, nunc ab eo non quatenus anima et corpus est, et ita non quatenus homo est, sed tantum quatenus anima est, peragitur». Ib. 121—122.

[3]) Ib., 123.

Такъ, когда реально различаютъ въ тѣлѣ величину, фигуру и движеніе, то не слѣдуетъ съ необходимостью, чтобы было три тѣла: одно съ величиной, другое съ фигурой, третье съ движеніемъ. Точно также камень: онъ можетъ быть длиною въ локоть, кругълъ и тяжелъ; значитъ, если въ умѣ реально различаютъ сужденіе, идею и пониманіе, то изъ этого не вытекаетъ, что есть три ума, разъ есть одинъ умъ, который, когда мыслитъ самъ въ себѣ, есть: то, что познаетъ; то, что познается; и то, что познаетъ и познается. Не знаю, можно ли сказать что нибудь яснѣе“ [1]). Подобныя мысли кажутся комментаріями къ тому, что о единствѣ и разумѣ Бога говорилось въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“. Любопытенъ взглядъ Лейбница на происхожденіе вѣчной субстанціи. „Глупо утверждать, говоритъ онъ, что вѣчная субстанція рождается во времени, но не есть абсурдъ утверждать, что она рождена раньше какого либо даннаго времени, т. е. отъ вѣчности“ [2]). Въ заключеніе возраженій Вишоватому Лейбницъ замѣчаетъ, что „разъ открывъ принципъ нити (доказательствъ), т. е. природу связки предложенія въ силлогизмѣ, мы, кажется, совершенно устранили всѣ затрудненія“ [3]).

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что въ то время, когда писалась „Защита Святой Троицы“, Лейбницъ находился еще въ кругу идей, высказанныхъ въ Ars Combinatoria, [4]) и что мысль объ анализѣ сознанія занимала его все болѣе и болѣе: философія Декарта продолжала внѣдряться въ молодого философа.

---

[1]) Ib., 123—124.

[2]) Ib., 124.

[3]) Ib., 125.

[4]) Очень вѣроятно, что въ это же время, т. е. въ 1669 г., Лейбницъ посвящалъ свое вниманіе самостоятельнымъ занятіямъ логикой, внѣ зависимости отъ того или другого трактата. Такъ заставляетъ думать очеркъ объ искусствѣ комбинировать понятія и о философскомъ языкѣ, опубликованный Кутюра (Opuscules et fragments inédits de Leibniz. Paris. 1903, p. 167). Очеркъ этотъ датированъ Лейбницемъ, но дата въ рукописи мало разборчива и Кутюра оставляетъ ее подъ вопросомъ: 1669? Въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ я видѣлъ эту рукопись. Она представляетъ изъ себя исписанный съ обѣихъ сторонъ полулистъ съ водяными знаками: вазой и

Систематическое выраженіе идеи о согласованіи Аристотеля съ новой философіей.

Послѣ отъѣзда Бойнебурга въ Польшу въ мартѣ 1669 года, Лейбницъ, освободившись отъ связанныхъ съ политическими задачами работъ, почувствовалъ себя, по всей вѣроятности, болѣе свободнымъ въ смыслѣ возможности интенсивно предаваться чисто теоретическимъ занятіямъ. Идея согласовать Аристотеля съ новой философіей пробудилась

продольными полосами. Лѣвый уголъ рукописи сверху оторванъ и у оторваннаго края на бумагѣ ясно выступаетъ только число 69 съ какой-то петелькой около послѣдней цифры. Такимъ образомъ, полагая, что Лейбницемъ была поставлена дата, остается предположить двѣ версіи: на оторванной части листа стояли или цифры 16, или цифра 1. Въ послѣднемъ случаѣ очеркъ долженъ относится къ девяностымъ годамъ XVII столѣтія, что едва ли вѣрно: въ сочиненіи есть ссылка на геометрію неѣлимыхъ, но не упоминается объ открытіяхъ новѣйшей геометріи: «nec dubitarem Archimedem si nunc in vivis esset, admiranda daturum; cum Quadratura parabolae dimensionesque coni, et superficierum sphaericarum aut conicarum eo tempore non minus difficiles fuerint, quam nunc abstrusissimae analyticae sunt indivisibilium indagationes». (Ib., 168). Такимъ образомъ очеркъ, видимо, принадлежитъ эпохѣ до поѣздки Лейбница въ Парижъ. Въ пользу того, что очеркъ принадлежитъ 1669 году можетъ также говорить, во-первыхъ, его рѣзко выраженный этическій характеръ, что находится какъ бы въ связи съ данными трактата «Образецъ политическихъ доказательствъ», а во-вторыхъ то, что его содержаніе есть только дальнѣйшее развитіе идей, высказанныхъ въ Ars combinatoria, которыми, какъ только-что было указано, Лейбницъ пользовался при составленіи Defensio Trinitatis. Очеркъ отличается большими достоинствами и въ своемъ родѣ представляетъ нѣчто вполнѣ законченное. Только не имѣя возможности опредѣлить дату безусловно, помѣщаемъ изложеніе его содержанія въ примѣчаніи. «Я, пишетъ Лейбницъ, нахожу въ искусствѣ изобрѣтенія двѣ части: касающуюся примѣненія комбинаторики и аналитическую. Первая состоитъ въ искусствѣ изобрѣтенія вопросовъ; вторая—въ искусствѣ изобрѣтенія ихъ рѣшенія. Часто однако бываетъ, что въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ болѣе встрѣчается примѣненія комбинаторики, чѣмъ аналитики, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда ищутъ способъ что-либо совершить въ дѣлѣ, относящемся къ законамъ природы, или въ гражданскомъ... Въ общемъ однако, находить вопросы—болѣе дѣло примѣненія комбинаторики, а рѣшать—аналитики. Есть два рода вопросовъ: когда ищутъ способъ что нибудь сдѣлать или изслѣдовать въ будущемъ или прошломъ, или когда ищутъ истины и повѣрки того, что найдено и сдѣлано другими. Между тѣмъ и другимъ столько же различія, сколько между искусствомъ хорошо писать или говорить и между искусствомъ хорошо судить о написанномъ. Провѣрка того,

въ его умѣ съ новымъ блескомъ, и 30 апрѣля онъ пишетъ Якову Томазію длинное письмо, въ которомъ обра-

---

что найдено, чисто аналитична, а само искусство изысканія и выполненія болѣе комбинаторно. Это опять-таки можно различать точнѣе. Строго говоря, аналитика есть изслѣдованіе, имѣющее мѣсто тогда, когда самую вещь мы разсѣкаемъ на части, какъ можно точнѣе, тщательно обозрѣвъ положеніе, связь, форму частей, и частей въ частяхъ. Синтетика, или примѣненіе комбинаторики, имѣетъ мѣсто тогда, когда мы прибавляемъ для объясненія вещи нѣчто другое, находящееся внѣ вещи. Такъ вскрытіе животныхъ—дѣло аналитики, а морить животныхъ въ пневматической машинѣ и затѣмъ разрѣзывать ихъ—дѣло примѣненія комбинаторики. Посредствомъ фильтрованія изслѣдовать жидкости—дѣло аналитики, а изслѣдовать ихъ посредствомъ прибавленія другихъ жидкостей или порошковъ, которые возбуждаютъ другое броженіе,—дѣло примѣненія комбинаторики. Можно однако сказать, что огонь при фильтрованіи и ножъ при вскрытіи—нѣчто внѣшнее. Согласенъ.— и тотъ, кто первый научилъ разсѣкать ножемъ или приводить жидкости въ паръ посредствомъ огня, не сомнѣваюсь, примѣнялъ комбинаторику, но теперь, вслѣдствіе обычнаго употребленія этихъ инструментовъ дѣло обстоитъ такъ, какъ если бы огонь съ жидкостью, а ножъ съ трупомъ безпрерывно были связаны и мыслились вмѣстѣ, ибо идея одного безпрестанно влечетъ идею другого, отчего эти двѣ вещи, въ силу человѣческой воли, мы часто въ наше время видимъ на опытѣ въ соединеніи. Отсюда съ теченіемъ времени нѣкоторыя операціи, ранѣе комбинаторныя, сдѣлались аналитичными, въ силу обычнаго для всѣхъ способа комбинированія... Поэтому съ прогрессомъ человѣчества можетъ случиться—скажемъ, по истеченіи многихъ вѣковъ,—что никого больше не будутъ хвалить за точность сужденія; и это произойдетъ благодаря искусству аналитики, которое достаточно вѣрно и общо употребляется въ наше время едва лишь въ математикѣ, въ силу допущенія понятія объ общемъ во всякомъ родѣ матеріала и по введеніи философскаго языка, который я стараюсь создать. Разъ онъ будетъ принятъ, то въ случаѣ разсужденій, — разсуждать вѣрно будетъ стоить не больше похвалъ, чѣмъ безошибочно производить счетъ сколь угодно большихъ чиселъ. Кромѣ того, если вѣрный перечень историческихъ описаній, или отношеній, наблюденій и экспериментовъ окажется выраженъ тѣмъ же языкомъ, и будутъ къ нему присоединены наиболѣе важныя теоремы, выведенныя изъ однихъ только означеній этого языка или въ соединеніи съ наблюденіями, то погибнетъ слава также и искусства примѣненія комбинаторики. И тогда не будутъ цѣниться тѣ, которымъ, благодаря размышленію, суждено что нибудь найти и выяснить, такъ какъ это будетъ доступно всѣмъ. Даже тѣ, кто обладаетъ сравнительно небольшими способностями будутъ тогда, наконецъ, въ почтеніи, если въ нихъ окажется столько какъ бы упорства въ изслѣ-

ботываетъ интересовавшій его вопросъ совершенно систематически. Воспользовавшись случаемъ высказать своему учи-

---

дованіи... что другіе едва ли бы захотѣли или могли перенести такой трудъ размышленія». (Ib., 167—168). И вотъ, когда само искусство изобрѣтеній будетъ озарено яснымъ свѣтомъ, т. е. когда будетъ найденъ особый философскій языкъ, тогда, по мнѣнію Лейбница, будутъ открыты врата истины. Ибо если бы къ этому философскому языку, какъ сказано, «прибавили заслуживающія памяти теоремы, то вышло бы такъ, какъ если бы къ какому нибудь замѣчательному словарю прибавили наиболѣе избранныя фразы; и какъ послѣ словарей... юношеству предоставляются книги, по которымъ оно учитъ басни, исторію, собственныя имена и основы наукъ, такъ будетъ нужда и въ тщательномъ трудѣ для обрабатывающихъ ту общую исторію, какой особенно желалъ Бэконъ, а пока это дѣлается или даже когда это будетъ сдѣлано... окажется возможнымъ создать компендіумъ болѣе избранныхъ историческихъ описаній. Послѣднимъ изъ всѣхъ будетъ трудъ о счастіи, или о знаніи жизни, въ которомъ будетъ показано примѣненіе всего остального»... (Ib., 169). Для поясненія словъ Лейбница объ исторіи слѣдуетъ вспомнить взгляды Бэкона, который, какъ извѣстно, понималъ исторію нѣсколько своеобразно. Третья часть его «Великаго возрожденія наукъ» должна была обнимать: «Phaenomena Universi, hoc est, omnigenam experientiam, atque historiam naturalem ejus generis quae possit esse ad condendam philosophiam fundamentalis... materia idonea praeparanda est intellectui, non solum praesidia fida comparanda. Differt vero rursus historia nostra (quaemadmodum logica nostra) ab ea, quae habetur, multis rebus: fine sive officio, ipsa mole et congerie, dein subtilitate, etiam delectu et constitutione in ordine ad ea quae sequuntur». (Instauratio Magna. Distributio operis. The works of Francis Bacon. Collected and edited by J. Spedding, R. Ellis and D. Heath. London. 1872. Vol I, 140—141). «Трудъ о счастіи въ пользованіи человѣчества сыграетъ роль основной книги подъ заглавіемъ «Архитектоническое знаніе о мудрости и счастіи», гдѣ будетъ показано, что мы можемъ быть всегда счастливы». (Couturat. Opuscules et fragments inédits de Leibniz. Ib., 169). «И это будетъ доктрина о методѣ не столько исканія истины, сколько жизни» (Ib.) «Книгу о мудрости и счастіи, или о методѣ жизни нужно будетъ прежде всего изложить обычнымъ языкомъ, которымъ долженъ быть объясненъ способъ употребленія философскаго языка и всего остального, о чемъ я сказалъ. Тутъ могутъ быть присоединены образцы всему этому, выраженные одинаково на обычномъ и философскомъ языкѣ, но доказанные только на философскомъ. Разъ эти образцы будутъ даны, вся остальная работа человѣчества окажется законченною, и философу ничего не нужно будетъ искать, кромѣ разумной основы убѣждать правителей народовъ, а знаменитымъ людямъ, кромѣ

телю одобреніе по поводу написанной послѣднимъ исторіи философіи, Лейбницъ говоритъ, что хорошо было бы, если бы Томазій, доведя нить своего изложенія до новѣйшихъ временъ, показалъ міру значеніе новой философіи. Онъ могъ бы убѣдить публику, что не все слѣдуетъ приписывать новаторамъ, хотя, съ другой стороны, нельзя всего отнимать у нихъ; онъ могъ бы по достоинству оцѣнить смыслъ утвержденій нѣкоторыхъ новыхъ философовъ, какъ, напр., Багемина, полагавшаго, что Богъ есть первая матерія вещей, или ученика Декарта,—Клауберга, который изложилъ картезіанскую систему яснѣе самого учителя. Однако, что касается Декарта, то Лейбницъ позволяетъ себѣ дополнить мысль Томазія. Ни одинъ изъ картезіанцевъ, по мнѣнію Лейбница, ничего не прибавилъ новаго къ открытіямъ своего учителя, а картезіанцами Лейбницъ называетъ тѣхъ, кто слѣдуетъ принципамъ Декарта, безусловно исключая изъ нихъ Бэкона, Гоббеса, Гассенди и другихъ. „Самъ я, пишетъ Лейбницъ, менѣе всего картезіанецъ; я только принимаю извѣстное, общее всѣмъ этимъ реставраторамъ философіи правило, что въ тѣлахъ ничего не слѣдуетъ объяснять иначе, какъ посредствомъ величины, фигуры и движенія“. [1]) У Декарта Лейбницъ находитъ вѣрнымъ лишь самый методъ, а не приложенія этого метода. Сравнительно съ размышленіями Декарта гораздо больше достоинствъ въ Физикѣ Аристотеля. [2]) Для здраво реформиро-

---

серіознаго обдумыванія, какъ исполнить начатое. Далѣе то, что я говорилъ здѣсь о разницѣ между комбинаторикой и анализомъ, пишетъ Лейбницъ, послужитъ къ различію людскихъ способностей; ибо одни болѣе склонны къ примѣненію комбинаторики, другіе—къ примѣненію аналитики. Такъ, хотя Галилей и Декартъ выдвинулись въ томъ и другомъ искусствѣ, у Галилея однако больше первой, у Декарта—второй. Геометры и юрисконсульты болѣе аналитики, а медики и политики склонны къ примѣненію комбинаторики. Больше надежности—въ аналитикѣ, больше трудности — въ примѣненіи комбинаторики». (Ib., 169 — 170). Таковъ опубликованный Кутюра очеркъ. Лейбницъ опредѣленно высказываетъ въ немъ мысль, что человѣческій прогрессъ ведетъ къ превращенію данныхъ опыта въ систему понятій, которая чисто механически можетъ представить требуемыя въ нужный моментъ истины, служа такимъ образомъ мудрости и счастію.

[1]) G. I, 16.

[2]) «Tantum, замѣчаетъ Лейбницъ, abest, ut Cartesianus sim». Ib.

ванной философіи можно безъ ущерба сохранить даже всѣ восемь книгъ. Это такой фактъ, съ которымъ долженъ считаться самъ Томазій, думающій, что Аристотель не можетъ быть согласованъ съ философскими ученіями новѣйшаго времени. Между тѣмъ разсужденія Аристотеля, за исключеніемъ его утвержденій о невозможности пустоты и движенія въ пустотѣ, [1]) въ высшей степени доказательны. Кто не допуститъ даже субстанціальныхъ формъ—того, чѣмъ субстанція одного тѣла отличается отъ субстанціи другого? Остается такимъ образомъ рѣшить только вопросъ, „можно ли объяснить путемъ величины, фигуры и движенія то, что Аристотель абстрактно говоритъ о матеріи, формѣ и измѣненіи". [2]) Схоластики отрицаютъ это, реформаторы утверждаютъ. Мнѣніе послѣднихъ—вѣрнѣе. Схоластики исказили смыслъ ученій Аристотеля. Что они заблуждались въ физикѣ, достаточно вѣроятно уже потому, что они въ своихъ монашескихъ кельяхъ не могли изслѣдовать природу опытнымъ путемъ. Но можно показать, что они заблуждались дѣйствительно. Для этого необходимо или показать, что новая философія согласуется съ аристотелевской, не противорѣчитъ ей, или показать, что объяснять одну посредствомъ другой не только можно, но и должно, и что даже изъ аристотелевскихъ началъ вытекаетъ все то, чѣмъ съ такою помпой хвастаются новѣйшіе философы. Дѣло будетъ уже рѣшено, если будетъ показана одна только возможность согласованія. [3]) И вотъ, руководствуясь такою мыслью, Лейбницъ дѣлитъ изложеніе своего письма на три части: во первыхъ, онъ разсматриваетъ сущность аристотелевскихъ понятій о первой матеріи, формѣ и измѣненіи, доказывая возможность приложенія этихъ понятій къ нача-

---

[1]) По мнѣнію самого Лейбница: «neque vacuum neque plenum necessarium esse, utroque modo rerum natura explicari posse videtur». Ib. Слѣдуетъ замѣтить, что это мѣсто выпущено въ русскомъ переводѣ излагаемаго письма. Труды Московскаго психологическаго общества. Выпускъ IV. Лейбницъ. Москва. 1908 г. Стр. 16.

[2]) Ib., 17.

[3]) «Nam etsi, поясняетъ Лейбницъ, utraquae explicatio et scholasticorum et recentiorum esset possibilis, ex duabus tamen possibilibus Hypothesibus semper eligenda est clarior et intelligibilior, qualis haud dubie est hypothesis recentiorum». Ib.

ламъ новой физики; во вторыхъ, онъ старается показать, что согласованіе Аристотеля съ новѣйшей философіей необходимо, такъ какъ изъ аристотелевскихъ началъ вытекаетъ для физики слѣдствіе, что все въ ней сводится къ величинѣ, фигурѣ и движенію, и что въ качествѣ первопричины движенія необходимо признать безтѣлесную субстанцію, т. е. Бога; въ третьихъ, онъ пытается выяснить истинность самой новѣйшей философіи. Краткое изложеніе этихъ трехъ отдѣловъ покажетъ намъ, насколько подвинулся Лейбницъ въ разработкѣ идеи, выраженной имъ въ предыдущемъ письмѣ къ Як. Томазію.

Возможность согласованія Аристотеля съ новой философіей.

„Первая матерія, говоритъ Лейбницъ, это есть сама масса, въ которой нѣтъ ничего другого, кромѣ протяженія и *ἀντιτυπία* или непроницаемости“. [1]) Протяженіе матерія получаетъ отъ пространства, которое она наполняетъ, а природа ея состоитъ въ томъ, что она есть нѣчто плотное и непроницаемое, подвижное при встрѣчѣ съ другимъ тѣломъ, ибо тѣло при встрѣчномъ движеніи должно уступить мѣсто другому тѣлу. Масса, непрерывно наполняющая міръ, такова, что все возникаетъ изъ нея путемъ движенія и все разрѣшается въ нее путемъ покоя. Безъ движенія въ ней нѣтъ разнообразія, а, напротивъ, имѣется полная однородность (mera homogeneitas). „Этимъ, замѣчаетъ Лейбницъ, развязываются всѣ узы схоластиковъ. Ибо прежде всего они спрашиваютъ объ ея дѣйствительномъ существованіи до всякой формы“. [2]) И нужно отвѣтить, что „она есть сущее до всякой формы, ибо имѣетъ наличное существованіе, а налично существуетъ все то, что находится въ какомъ-либо пространствѣ, чего нельзя отрицать относительно всей той массы, хотя бы и лишенной движенія и раздѣльности“. [3]) Пространственность, по мнѣнію Лейбница, есть такимъ образомъ несомнѣнный признакъ существованія. Что же касается сущности матеріи или самой формы тѣлесности, то она, какъ сказано, состоитъ въ *ἀντιτυπία*. Количество также свойствен-

[1]) Ib.
[2]) Ib.
[3]) Ib., 18.

но матеріи, но неопредѣленное, ибо въ ней не дано дѣйствительныхъ подраздѣленій, а только протяженіе. [1]).

Отъ понятія первой матеріи Лейбницъ переходитъ къ понятію формы. Если предположить, что послѣдняя есть не что иное, какъ фигура, то ученіе Аристотеля будетъ удивительно согласовано съ новой философіей. „Ибо если фигура есть граница тѣла, то для произведенія въ матеріи фигуръ, необходимы будутъ границы, а такъ какъ въ матеріи порождаются разныя границы, то необходима раздѣльность частей: разъ части раздѣлены, то каждая имѣетъ отдѣльныя границы (ибо непрерывное Аристотель опредѣляетъ ὧν τὰ ἔσχατα ἕν).“ [2]) Но какимъ образомъ можетъ появиться раздѣльность? Двумя путями: или такъ, что уничтожается смежность и между тѣлами образуется пустота, или такъ, что смежность остается, напр., въ случаѣ двухъ вращающихся въ разныя стороны другъ въ другѣ сферъ. „Отсюда ясно, говоритъ Лейбницъ, что если масса сотворена раздѣльной или прерванной пустотами, то нѣкоторыя формы срощены съ матеріей, а если, напротивъ, она сотворена отъ вѣка непрерывной, то необходимо, чтобы формы происходили черезъ движеніе“. [3]) Объ уничтоженіи частей матеріи для образованія пустоты нечего и говорить—это сверхъестественно. Итакъ, „отъ движенія происходитъ дѣленіе, отъ дѣленія—границы частей, отъ границъ частей—ихъ фигуры, отъ фигуръ—формы и, слѣдовательно, формы—отъ движенія. Изъ этого ясно, что всякое расположеніе къ формѣ есть движеніе“. [4]) Напрасно нѣкоторые говорятъ, что формы происходятъ изъ ничего. Такое объясненіе менѣе удовлетворительно, чѣмъ наше. [5]) „Мы, продолжаетъ Лейбницъ, скажемъ, что онѣ происходятъ изъ потенціи матеріи, но не путемъ производства чего-нибудь новаго, а только черезъ уничтоженіе ста-

---

[1]) Лейбницъ прибавляетъ «seu quantitas» и потомъ замѣчаетъ: «non de extrinsecis mundi seu totius massae, sed intrinsecis partium terminis omnia mire convenient». Ib.

[2]) Ib.

[3]) Ib.

[4]) Ib.

[5]) E. 50. Въ изданіи Герхардта этого замѣчанія Лейбница нѣтъ.

раго, обусловливая границы движеніемъ частей". [1]) Такъ, когда кто-нибудь дѣлаетъ колонну, то онъ только удаляетъ ненужныя части матеріала, отъ чего происходитъ требуемая фигура. „Значитъ всѣ фигуры или формы заключаются въ самой массѣ, нуждаясь только въ опредѣленіи и дѣйствительномъ отдѣленіи отъ другихъ смежныхъ." [2])

Обратимся теперь, говоритъ Лейбницъ, къ измѣненіямъ. Всѣ виды измѣненій: происхожденіе, тлѣніе, увеличеніе, уменьшеніе, качественное измѣненіе и перемѣну мѣста можно вывести изъ одного мѣстнаго движенія. [3]) Относительно измѣненій количества дѣло очевидно: количество зависитъ отъ движенія частей, которыя то прибавляются, то нѣтъ. Перемѣна мѣста по самой своей сущности есть движеніе. Такимъ образомъ нужно объяснить только остальное. Но происхожденіе и качественное измѣненіе часто совпадаютъ. Гнилостное зараженіе человѣка есть качественое его измѣненіе; между тѣмъ оно зависитъ отъ зарожденія въ организмѣ незамѣтныхъ для глаза червей. Значитъ, качественное измѣненіе такъ же, какъ происхожденіе и тлѣніе, можно объяснить тонкимъ движеніемъ частицъ. Вотъ еще примѣръ. Бѣлое отражаетъ наибольшее количество свѣта потому, что оно содержитъ множество маленькихъ зеркалъ, какъ это мы видимъ въ пѣнѣ, которая, представляя изъ себя состоящую изъ безчисленнаго количества мельчайшихъ пузырей воду, кажется бѣлой. Изъ такого рода пониманія бѣлизны слѣдуетъ, что снѣгъ есть разрѣженная вода. Лейбницъ здѣсь исправляетъ ошибку, допущенную при объясненіи парадокса Анаксагора три года тому назадъ. Цвѣта, думаетъ Лейбницъ, возникаютъ вслѣдствіе одного только измѣненія фигуры и положенія на поверхности. Если же движеніе измѣняетъ качества, то въ зависимости отъ послѣднихъ измѣняется и субстанція, ибо съ измѣненіемъ всѣхъ или даже нѣсколькихъ необходимыхъ свойствъ уничтожается самая вещь. „Я ужъ умалчиваю, до-

---

[1]) G. I, 18.

[2]) E. 50. По Герхардту текстъ нѣсколько иной: «scilicet omnes figurae seu formae, quae in ipsa massa continentur, indigent tantum determinatione...» G. I, 18.

[3]) Ib., 19.

бавляетъ Лейбницъ, что сущность различается отъ своихъ качествъ только по отношенію къ чувствамъ". [1]) Такъ видъ города мѣняется въ зависимости отъ точки зрѣнія наблюдателя. Отсюда ясно, что всѣ измѣненія можно объяснить движеніемъ. Захотятъ возразить, что происхожденіе часто бываетъ мгновенно, тогда какъ движеніе—послѣдовательно, но это ничего не значитъ: происхожденіе есть конецъ движенія и только этотъ конецъ мгновененъ. Можно сказать, что извѣстная фигура происходитъ въ послѣдній моментъ движенія. Вотъ почему „субстанціальная форма состоитъ въ недѣлимомъ". [2]) Оба, какъ и фигура, въ сущности не принимаетъ увеличенія или уменьшенія. Кругъ можетъ быть больше или меньше другого, но самъ по себѣ онъ не болѣе кругъ, чѣмъ другой. [3]) Изъ этихъ разсужденій ясно, что едва-ли есть что нибудь въ Физикѣ Аристотеля, чего нельзя было бы объяснить съ точки зрѣнія новой философіи. И въ такомъ направленіи работали Рей, Дигби, Томасъ, Абдіасъ Трью и Эргардъ Вейгель.

Необходимость согласованія Аристотеля съ новой философіей.

Итакъ, согласованіе Аристотеля съ новой философіей возможно. Но оно также и должно быть сдѣлано, думаетъ Лейбницъ, ибо мысли Аристотеля объ основныхъ принципахъ физики тѣ же, что и у новѣйшихъ писателей. Аристотель самъ говоритъ, что наука о природѣ занимается величиной, [4]) движеніемъ и временемъ и что предметъ физики есть нѣчто измѣнчивое (ens mobile); естествознаніе, по его мнѣнію, вообще трактуетъ о матеріи и движеніи. Точно также Аристотель утверждаетъ, что мѣдь относится къ фигурѣ сдѣланной изъ нея статуи, какъ матерія къ формѣ. „Но, замѣчаетъ Лейбницъ, я уже доказывалъ, что фигура есть субстанція, или лучше пространство — субстанція, а фигура — нѣчто субстанціальное, такъ какъ всякая

---

[1]) Ib.

[2]) Ib., 20.

[3]) «nam circuli essentia consistit in aequalitate linearum a centro ad circumferentiam ductarum, jam aequalitas consistit in indivisibili nec recipit magis aut minus.» Ib.

[4]) «cui scilicet connexa figura», добавляетъ отъ себя Лейбницъ. Ib, 21.

наука есть наука о субстанціи, а что геометрія есть наука никто не можетъ отрицать". [1]) У Аристотеля есть нѣсколько выраженій, которыя съ натяжкой могутъ быть истолкованы въ противоположномъ смыслѣ, но лучшее подтвержденіе только-что высказанному мнѣнію находится въ I-ой книгѣ Второй Аналитики, гдѣ Аристотель прямо говоритъ, что геометрія занимается изслѣдованіемъ причинъ. [2]) И это дѣйствительно такъ, ибо геометрическія формы выводятся изъ движенія, напр., линія изъ движенія точки, между тѣмъ движенія всегда зависятъ одно отъ другого. Отсюда слѣдуетъ, что признавать предметъ геометріи, т. е. пространство, за субстанцію отнюдь не противорѣчитъ Аристотелю [3]) такъ же, какъ и то, что геометрія занимается субстанціальной формой. [4]) „И вотъ, продолжаетъ Лейбницъ, когда я пишу это, подъ моимъ перомъ рождается, если хорошенько всмотрѣться въ дѣло, нѣкотораго рода прекрасная гармонія наукъ. Теологія или метафизика говоритъ о дѣйствующей причинѣ вещей, т. е. о разумѣ, нравственная философія [5])—о цѣли вещей, то есть о благѣ; математика... о формѣ вещей, идеѣ, т. е. о фигурѣ, физика—о матеріи вещей и о единственномъ состояніи, вытекающемъ изъ соединенія съ другими причинами, то есть о движеніи, ибо разумъ, что-бы достичь [6]) благой и желательной формы и состоянія вещей, сообщаетъ матеріи движеніе. Матерія сама по себѣ неподвижна. Принципъ всякаго движенія есть разумъ, что̀ вѣрно казалось и Аристотелю." [7]).

Приведенная группировка наукъ заняла вниманіе Лейбница только мимоходомъ. Продолжая развитіе своей основной мысли, онъ обращается къ разъясненію неправильности въ пони-

---

[1]) Ib.

[2]) E. 51. У Герхардта нѣтъ относящагося сюда текста.

[3]) «Geometria igitur vera scientia est. Ergo non invito Aristotele subjectum ejus, nempe spatium, substantia erit.» G. I, 21.

[4]) Лейбницъ приводитъ этому доказательство со ссылкой на метафизику Аристотеля. Ib., 22.

[5]) «Seu practica vel civilis, nam ut a Te didici, una eademque scientia est» добавляетъ Лейбницъ. Ib.

[6]) Ib. У Эрдманна въ этомъ мѣстѣ письма текстъ нѣсколько иной. E. 52.

[7]) G. I, 22.

маніи Аристотеля, которая, будучи создана схоластиками, кое гдѣ господствовала еще въ XVII столѣтіи. Это былъ вопросъ о субстанціальныхъ формахъ. По мнѣнію схоластиковъ, „форма есть нѣчто (ens quoddam) нематеріальное, хотя и неразумное въ тѣлахъ, нѣчто такое, что само по своей волѣ, безъ помощи внѣшней вещи, сообщаетъ тѣлу движеніе напр., камню—движеніе внизъ". [1]) Но Аристотель, по словамъ Лейбница, никогда не говорилъ ничего подобнаго. Онъ называлъ форму и матерію природой, при чемъ форму больше, чѣмъ матерію; думалъ, что форма есть причина и начало движенія, но это не было первое начало. Напримѣръ, шаръ, покоясь на плоскости, во вѣкъ не двинулся бы безъ внѣшняго толчка. Фигура шара есть принципъ воспринимаемаго нами движенія, ибо еслибъ, по свойству самой вещи, шарообразность отсутствовала, то одно тѣло не уступило бы такъ скоро другому. Изъ этого, по мнѣнію Лейбница, очевидно, что „форма есть принципъ движенія въ своемъ тѣлѣ, а само тѣло есть принципъ движенія въ другомъ тѣлѣ.., но первый принципъ движенія есть первая и реально отвлеченная отъ матеріи форма, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть и дѣйствующая, именно—разумъ. Изъ этого также слѣдуетъ, что свобода и произвольность свойственны однимъ только умамъ. Итакъ, нѣтъ никакой нелѣпости, что изъ субстанціальныхъ формъ только разумъ можетъ быть названъ первымъ началомъ движенія и что другія получаютъ движеніе отъ разума" [2]). Пользуясь такимъ аргументомъ, Аристотель доходитъ до перваго двигателя, противъ чего обыкновенно дѣлаютъ два возраженія. Во первыхъ, говорятъ, что этотъ аргументъ не имѣетъ значенія по отношенію къ Эпикуру, который признавалъ, что атомамъ per se свойственно движеніе внизъ. Но оставляя въ сторонѣ нелѣпость самопроизвольнаго движенія, слѣдуетъ замѣтить, что понятія верха и низа зависятъ отъ насъ, и слѣдовательно, относительны. Во вторыхъ, Аристотель будто-бы въ своемъ выводѣ исходилъ не столько изъ аксіомы, что начало

---

[1]) Ib.

[2]) Ib., 22—23. Въ этомъ мѣстѣ русскій переводъ имѣетъ вставку (Смотр. 29 стр. цитир. изданія), которой нѣтъ въ текстахъ Герхардта и Эрдманна, но которая находится у Кортхольдта. Op. cit. Vol. II, 135—136.

всякаго движенія въ тѣлѣ лежитъ внѣ этого тѣла, сколько изъ другихъ основаній, именно изъ положенія, что процессъ въ безконечность не возможенъ. Но вѣдь если не признавать внѣшняго воздѣйствія на движущуюся вещь, то не будетъ никакого процесса [1]). Кромѣ того, Эпикуръ признавалъ и движеніе въ безконечность. Такимъ образомъ, разъяснивъ, какъ нужно понимать субстанціальныя формы согласно точному смыслу ученія Аристотеля, Лейбницъ полагаетъ, что это ученіе eo ipso становится обязательнымъ для новѣйшей философіи [2]).

Истинность реформированной философіи.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ письма Лейбницъ доказываетъ истинность новѣйшей философіи. Въ мірѣ нѣтъ другихъ сущностей, кромѣ разума, пространства, матеріи и движенія. „Разумомъ я называю, говоритъ Лейбницъ, мыслящее бытіе (ens cogitans). Пространство есть бытіе первично протяженное или математическое тѣло... [3]) Матерія есть бытіе вторично протяженное, т. е. то, что, кромѣ протяженія или математическаго тѣла, имѣетъ еще физическое тѣло, т. е. сопротивленіе, ἀντιτυπία, плотность, способность наполнять пространство, непроницаемость“ [4]). Далѣе Лейбницъ опредѣляетъ: движеніе, какъ перемѣну пространства, фигуру—какъ границу протяженія, величину—какъ число частей въ протяженномъ, число—какъ совокупность единицъ, положеніе, какъ конфигурацію многаго, время—какъ величину движенія. Все это однако не суть бытія, реально отличныя отъ пространства, матеріи и движенія, но лишь созданныя разумомъ отношенія между ними и ихъ частями.

---

[1]) «Corpus sibi ipsi ad motum producendum per formam suam substantialem sufficere nullo igitur motore nedum primo opus esse». G. I, 23.

[2]) Дальше въ письмѣ текстъ испорченъ. Рѣчь шла о реформѣ теологіи. Въ заключеніе Лейбницъ писалъ: «philosophia reformata triplex est: alia stolida, qualis Paracelsi, Helmontii aliorumque Aristotelem prorsus rejicientium; alia audax, quae exigua veterum cura, imo contemtu eorum palam habito, bonas etiam meditationes suas suspectas reddunt, talis Cartesii; alia vera, quibus Aristoteles vir magnus et in plerisque verus cognoscitur». Ib., 23—24.

[3]) «quod scilicet nihil aliud continet quam tres dimensiones, estque locus ille universalis omnium rerum». Ib. 24.

[4]) «Materia igitur est ens, quod est in spatio seu ens spatio coextensum.» Ib.

Таково объясненіе терминовъ. Теперь, говоритъ Лейбницъ, докажемъ, что иныхъ началъ, кромѣ указанныхъ, для объясненія явленій міра нѣтъ надобности даже предполагать. Гипотеза плоха, если она дѣлаетъ ненужныя предположенія; тѣ изъ гипотезъ лучше, которыя яснѣе. Но что же можетъ представить человѣческій разумъ, кромѣ того же разума (когда онъ мыслитъ о себѣ), а затѣмъ кромѣ пространства, матеріи, движенія и того, что вытекаетъ изъ ихъ сравненія между собой? Все остальное—слова. Можно ли, напр., вообразить бытіе, непричастное ни протяженію, ни мышленію? А если нельзя, то къ чему же полагать существующими лишенныя мышленія и протяженія души животныхъ и растеній, безтѣлесныя формы элементовъ и субстанціальныя формы металловъ? Вѣдь тогда было бы столько же божковъ, сколько субстанціальныхъ формъ [1]). Кромѣ того тѣ, кто говоритъ о невещественныхъ субстанціяхъ тѣлъ, судятъ о нихъ только по аналогіи со своимъ „я“, а отсюда ведутъ начало „приписываемыя этимъ формамъ стремленія и тотъ природный инстинктъ, изъ котораго слѣдуетъ естественное знаніе; отсюда извѣстныя аксіомы: природа ничего не производитъ напрасно, вещь боится разрушенія, подобное склонно къ подобному, матерія стремится къ лучшей формѣ, и прочее, тогда какъ на дѣлѣ въ природѣ нѣтъ никакой мудрости, никакого стремленія; чудный же ея порядокъ происходитъ отъ того, что она есть Божій механизмъ (horologium Dei) [2]). Такимъ образомъ гипотезы реформированной философіи, по мнѣнію Лейбница, не только хороши тѣмъ, что не излишни, но и тѣмъ, что ясны.

И вотъ остается только доказать, что при объясненіи природы тѣлъ ничего, кромѣ указанныхъ началъ, нельзя принимать. Тѣломъ обыкновенно называютъ то, что связано съ какимъ нибудь чувственнымъ качествомъ, но связано такъ,

---

[1]) Ib., 25. По тексту Эрдманна въ этомъ мѣстѣ есть добавленіе: «et certe omnes, qui de substantiis illis incorporalibus corporum loquuntur, non possunt mentem suam explicare nisi translatione a Mentibus sumta». E. 53. См. также цитир. русскій переводъ, стр. 34.

[2]) G. I, 25. Относительно антропоморфизаціи природы см. D, Iacobi Op. cit., 24—25. Якоби показываетъ, что такая антропоморфизація была свойственна и Аристотелю; напримѣръ: *οὐδὲν γὰρ μάτην ἡ φύσις ποιεῖ*.

что безъ него тѣло всетаки остается тѣломъ. Осязательныя качества составляютъ суть всякой вещи. Первичныя изъ нихъ—это теплота, влажность, сухость и холодъ. Они могутъ отсутствовать въ тѣлѣ поодиночкѣ. Прочія осязательныя качества не относятся къ сущности тѣла и поэтому называются вторичными, напр., легкость, которой можетъ не быть въ тѣлѣ. Нужно однако найти чувственное качество, которое было бы свойственно всѣмъ тѣламъ, чтобы можно было различить тѣло отъ не тѣла. Это есть плотность или *ἀντιτυπία*, взятая вмѣстѣ съ протяженіемъ. „Въ самомъ дѣлѣ то, что̀ люди чувствуютъ протяженнымъ [1]), они не тотчасъ зовутъ тѣломъ, ибо иногда думаютъ, что это просто представленіе (meram speciem) и *φάντασμα*. Между тѣмъ то, что они не только видятъ, но и осязаютъ, т. е. то, въ чемъ они находятъ антитипію, они считаютъ тѣломъ. Лишенное антитипіи не считается тѣломъ [2]). Итакъ, тѣло имѣетъ два свойства—протяженіе и антитипію; одно—отъ зрѣнія, другое—отъ осязанія. Изъ соединенія ихъ мы обыкновенно убѣждаемся, что дачная вещь не призракъ. Какъ же опредѣлить эти два главныя свойства тѣлъ? Лейбницъ отвѣчаетъ: „Быть протяженнымъ значитъ ничто иное, какъ быть въ пространствѣ; имѣть антитипію значитъ ничто иное, какъ не имѣть возможности быть съ другимъ тѣломъ въ одномъ и томъ же пространствѣ, при чемъ которое нибудь изъ двухъ тѣлъ должно двигаться или покоиться. Отсюда понятно, что природа тѣлъ состоитъ въ протяженіи и антитипіи. А такъ какъ ничего въ вещахъ не бываетъ безъ причины, то въ тѣлахъ не нужно полагать ничего такого, причина чего не можетъ быть выведена изъ первыхъ конститутивныхъ ихъ свойствъ. Изъ послѣднихъ же причина можетъ быть выведена только черезъ посредство опредѣленій. Итакъ, ничего не нужно полагать въ тѣлахъ, чего не вытекало бы изъ опредѣленія протяженія и антитипіи, а изъ этого опредѣленія вытекаютъ только величина, фигура, положеніе, число, способность къ движенію и т. д. Само движеніе изъ нихъ не вытекаетъ. Поэтому, собственно говоря,

---

[1]) «Quamquam revera semper sit corpus et habeat *ἀντιτυπίαν*, licet nobis insensibilem, perceptibilem tamen intellectu». G. I, 26.

[2]) Ib.

въ тѣлахъ не дано движенія, какъ реально сущаго, но [1])... что́ движется, то безпрерывно творится, и въ любой моментъ тѣло въ данномъ движеніи есть нѣчто, въ любое же время между моментами тѣло среди даннаго движенія есть ничто. Это до сихъ поръ не слыхано, но совершенно необходимо и можетъ зажать ротъ атеистамъ“ [2]). Послѣднюю мысль Лейбницъ развиваетъ подробно, доказывая, что если не держаться предложенной философіи, то нельзя будетъ дать отпоръ также социніанамъ, натуралистамъ и скептикамъ.

Успѣхи Лейбница въ дѣлѣ изученія Аристотеля и Декарта.

Изъ приведеннаго содержанія письма видно, что вліяніе Аристотеля и Декарта продолжало по прежнему сказываться на Лейбницѣ. Во многихъ случаяхъ онъ повторяетъ то, что имъ было сообщено Як. Томазію полгода назадъ въ письмѣ, отъ 26 сентября. Чтобы представить себѣ, однако, насколько Лейбницъ подвинулся впередъ въ изученіи Аристотеля и Декарта, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что письмо, отъ 26 сентября было, вѣроятно, лишь спѣшнымъ воплощеніемъ идеи согласованія Аристотеля съ новой философіей, тогда какъ для систематическаго выраженія этой идеи Лейбницъ внимательно просмотрѣлъ Физику Аристотеля. Вотъ почему въ апрѣлѣ 1669 г. мы видимъ въ концепціяхъ Лейбница больше аристотелевскаго; вотъ почему онъ теперь точнѣе придерживается выраженій Аристотеля, хотя, какъ и раньше, его утрируетъ. Сравнительно съ письмомъ, отъ 26 сентября, Лейбницемъ вводятся въ изложеніе аристотелевской философіи слѣдующія добавки.

Къ свойствамъ первой матеріи причисляются: ея протяженность, которую она получаетъ отъ пространства и которая вторична; ея *ἀντιτυπία*, сопротивляемость, непроницаемость, способность пополнять пространство, однородность, неопредѣленность по количеству; наконецъ, существованіе до всякой формы. Къ характеристикѣ формъ или фигуръ Лейбницемъ присоединены: указаніе на то, что фигура есть граница тѣла; объясненіе, какъ формы происходятъ изъ потен-

[1]) Здѣсь Лейбницемъ вставлена замѣтка: a me demonstratum est.

[2]) G. I, 24. Смотр. также: Kortholt. Op. cit. Vol. III, 42. У Эрдманна конецъ приведеннаго отрывка замѣненъ одной фразой. E. 54.

ціи матеріи черезъ опредѣленіе; мысль, что фигура происходитъ въ послѣдній моментъ движенія, и что она, подобно субстанціальной формѣ, состоитъ въ недѣлимомъ; наконецъ, идея, что форма есть принципъ движенія.

Рядомъ съ этими добавками къ выясненію затронутыхъ уже ранѣе понятій матеріи и формы въ письмѣ, отъ 30 апрѣля, Лейбницемъ ставится совершенно новый вопросъ о понятіи измѣненія, при чемъ указывается, что измѣненія, каковы бы они ни были, всѣ выводятся изъ мѣстнаго движенія. Пользуясь случаемъ, Лейбницъ предлагаетъ далѣе подробное развитіе идей, едва намѣченныхъ въ письмѣ, отъ 26 сентября. Таковы, напр., разсужденія, что субъектъ геометріи, пространство, есть субстанція, и что схоластики ошибались, приписывая субстанціальнымъ формамъ способность самостоятельнаго движенія.

Характеръ указанныхъ добавокъ, а также разработка и развитіе вопросовъ въ письмѣ наводитъ на мысль, что Лейбницъ читалъ Аристотеля съ большимъ вниманіемъ. Интересно поэтому посмотрѣть, какъ онъ его понималъ. Приведемъ два извѣстныхъ мнѣнія: одно Даніеля Якоби, другое Карла Штрекера [1]). Якоби склоненъ толковать тексты Аристотеля въ смыслѣ Лейбница, Штрекеръ, напротивъ, убѣжденъ, что Лейбницъ искажалъ Аристотеля. Якоби, напр., объясняетъ, почему, по Аристотелю, возможно принятое Лейбницемъ происхожденіе формъ изъ потенціи матеріи [2]). Онъ хочетъ показать, что дѣйствительно, едва ли что есть въ Физикѣ Аристотеля, чего бы, согласно Лейбницу, новые писатели не объясняли съ другихъ точекъ зрѣнія [3]). Якоби приводитъ изъ Аристотеля подтвержденіе, что время есть число движенія: *ὁ χρόνος ἀριθμός ἐστι κινήσεως κατὰ τὸ πρότερον καὶ τὸ ὕστερον* [4]). Штрекеръ вопреки этому говоритъ, что между взглядами Лейбница и Аристотеля существуетъ только аналогія [5]), что движеніе стоитъ у Лейбница на одной линіи съ разумомъ, пространствомъ и матеріей, хотя оно есть только affectio послѣд-

---

[1]) K. Strecker. »Der Brief des Leibniz an Iakob Tomasius vom 20/30 april 1669«. Würzburg. 1885.

[2]) D. Iacobi. Op. cit., 25—26.

[3]) Ib. 27.

[4]) Ib. 29.

[5]) K. Strecker. Op. cit. 26.

ней [1]), что понятіе движенія, какъ и величины, у Аристотеля шире, чѣмъ у Лейбница [2]), что Физика Аристотеля вовсе не обнимала всего естествознанія, какъ это думалъ Лейбницъ [3]), и что утвержденіе Лейбница будто форма и фигура, по Аристотелю, тождественны, есть простое недоразумѣніе [4]). Указывая на другія ошибки Лейбница, Штрекеръ говоритъ, что дѣйствительное согласованіе между двумя міровоззрѣніями невозможно [5]). Якоби и Штрекеръ—антиподы. Къ Штрекеру примыкаетъ Ганнекенъ. Придерживаясь главной мысли Штрекера [6]), онъ старается объяснить промахи Лейбница вліяніемъ философіи Декарта. Онъ замѣчаетъ, что у Лейбница, подобно Декарту, въ послѣднемъ письмѣ преобладаютъ собственно два принципа: матерія и движеніе, форма же выводится изъ нихъ [7]). Форма дѣлима, какъ фигура. Что это значитъ? Ганнекенъ предлагаетъ различать обладающую формой вещь и самую форму: вещь res figurata—дѣлится, а самая фигура, какъ понятіе,—нѣтъ [8]). Этимъ Ганнекенъ разрѣшаетъ видимое противорѣчіе между положеніемъ письма, отъ 26 сентября, которое говоритъ, что „форма нѣлима“, и между утвержденіемъ послѣдняго письма, отъ 30 апрѣля, которое даетъ понять, что „субстанціальная форма состоитъ въ недѣлимомъ и ей не свойственны: больше или меньше. Такъ и фигурѣ не свойственны: больше или меньше“. Философія Декарта, внѣдряясь въ Лейбница, мѣшала ему понимать Аристотеля, хотя это пониманіе всетаки прогрессировало. Такъ, напримѣръ, элементъ возможности, удаленный изъ понятія

---

[1]) Ib. 11.

[2]) Ib. 28—33.

[3]) Ib 40. K. Strecker разсматриваетъ ссылку Лейбница на 4 главу III книги Физики Аристотеля (202, b) и въ примѣчаніи приводитъ для доказательства своей мысли соотвѣтствующій греческій текстъ.

[4]) Ib. 42—43.

[5]) Ib. 47

[6]) A. Hannequin. Op. cit. p.p. 33—35, гдѣ между прочимъ указывается на то, что у Аристотеля объясненіе движенія шло изъ принципа возможности, а у новыхъ—изъ принципа инерціи.

[7]) Ib. 26.

[8]) Ib. 30.

матеріи по письму, отъ 26 сентября, теперь появляется на сцену подъ другимъ именемъ: omnem dispositionem ad formam esse motum, говоритъ Лейбницъ.

Выяснимъ детальнѣе, въ чемъ заключалось вліяніе Декарта Вѣроятно, не безъ этого вліянія Лейбницъ писалъ: „умомъ я называю мыслящее существо“ и затѣмъ: „пространство есть бытіе первично протяженное“ или, что одно и то же, „всеобщее мѣсто всѣхъ вещей“. Нужно также принять во вниманіе, что отрицательное у Аристотеля понятіе первой матеріи, опредѣляемое какъ голая возможность, получаетъ у Лейбница чувственно наглядный признакъ пространственности. Этотъ признакъ, совершенно во вкусѣ Декарта, понимается какъ критерій существованія: illum omne enim existit quod in aliquo spatio est. Точно такъ же, подобно Декарту, Лейбницъ приписываетъ матеріи количество, считаетъ главнымъ ея свойствомъ протяженность и выводитъ качественныя измѣненія изъ движенія. Въ началѣ письма, отъ 30 апрѣля, Лейбницъ говоритъ, что принимаетъ у Декарта методъ, и слѣды этого имѣются, напримѣръ, по отношенію къ оцѣнкѣ гипотезъ. Одно изъ отличій взглядовъ Лейбница отъ взглядовъ Декарта заключается въ утвержденіи перваго, что пространство есть субстанція. Но здѣсь мы касаемся уже выводовъ и добавокъ, которыя Лейбницемъ самостоятельно были внесены въ сокровищницу новой философіи.

Самостоятельность въ мышленіи Лейбница.

Самостоятельность Лейбница, каковы бы ни были испытанныя имъ вліянія, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Различая въ письмѣ бытіе первично и вторично протяженное, пространство и матерію, Лейбницъ полагалъ, что сущность тѣла состоитъ, кромѣ протяженія, о чемъ училъ Декартъ, еще въ антитипіи. Это понятіе дважды опредѣляется Лейбницемъ: во первыхъ, какъ impenetrabilitas [1]), во вторыхъ, какъ составной элементъ для crassities. „Ἀντιτυπία est, говоритъ также Лейбницъ, non posse cum alio esse in eodem spatio, sed alterutrum moveri aut quiescere debere [2]). Понятіе антитипіи вводитъ въ понятіе матеріи, опредѣляемой Декартомъ какъ протяженіе, т. е., какъ нѣчто совершенно пассивное, новую черту, имен-

[1]) G. I. 17 и 18.

[2]) Ib. 26

но способность къ дѣятельности [1]), т. е. въ концѣ концовъ силу. Въ этомъ можно видѣть вліяніе атомистики, которой долго занимался Лейбницъ, и въ частности вліяніе Гассенди [2]). Какъ же выражается въ этихъ заимствованіяхъ самостоятельность Лейбница? Какъ и всегда почти — синтетически. Согласуя Аристотеля съ новой философіей, Лейбницъ собралъ воедино образчики чужого мышленія въ органической комбинаціи.

Къ числу особенно самостоятельныхъ шаговъ Лейбница на поприщѣ разработки философской мысли относится утвержденіе: quicquid movetur continuo creari и новый пріемъ классификаціи наукъ. Полагая, что ученіе о пространствѣ и его формахъ есть ученіе о субстанціи, Лейбницъ беретъ субстанціальность, какъ точку зрѣнія для дѣленія понятія науки, и говоритъ, что есть четыре рода наукъ о субстанціальныхъ вещахъ: метафизика, этика, математика и физика. Такое дѣленіе, возникшее, правда, экспромтомъ, при писаніи письма, сильно отличается отъ извѣстной уже намъ классификаціи наукъ, данной Лейбницемъ въ Nova Methodus, гдѣ классификація была проведена по признаку абстрактности и конкретности знанія. Тамъ была обдуманная система, здѣсь—вспышка философскаго воображенія, но эта вспышка вполнѣ самостоятельна. Что касается утвержденія quicquid movetur continuo creari, то Лейбницъ говоритъ о ней: quae res inaudita est hactenus [3]). Въ письмѣ нѣтъ доказательствъ этого,

---

[1]) *R. Hahn.* Die Entwickelung der Leibnizischen Metaphysik und der Einfluss der Mathematik auf dieselbe, bis zum Jahre 1686. Halle. 1899. S. 12.

[2]) *G. Wernick.* Der Begriff der Materie bei Leibniz in seiner Entwickelung und in seinen historischen Beziehungen. Iena. 1893. S. 10. H. Koch. Materie und Organismus bei Leibniz. Halle. 1908. S. 10. Вліяніе Гассенди подтверждается самимъ Лейбницемъ, который писалъ позднѣе: Qui ad formandam corporis naturam extensioni resistentiam quandam sive impenetrabilitatem. aut ut ipsi loquuntur ἀντιτυπίαν molemve addidere, ut Gassendus aliique docti viri, rectius paulo philosophati sunt, sed non exhausere difficultates». Monatsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1880. S. 830.

[3]) Кабитцъ оспариваетъ это, говоря, что Лейбницъ заимствовалъ мысль у Рея. Но самъ Кабитцъ, приводя факты, подчеркиваетъ у Рея фразу conservatio nihil nisi continuata creatio. Лейбницъ писалъ не о томъ. Ради доказательства, что Лейбницъ повторяетъ Рея, Кабитцъ утверждаетъ, что выраженіе quicquid movetur continuo creari, «nach allen Ausführungen des Briefes означаетъ, что движеніе для своего сохраненія нуждается въ твор-

но любопытна самая мысль. Письмо вообще богато идеями. Нельзя не отмѣтить разсужденій Лейбница о примѣненіи аналогіи къ одухотворенію природы путемъ субстанціальныхъ формъ. По мнѣнію Ганнекена, въ письмѣ выражено даже одно изъ главныхъ лейбниціанскихъ положеній, именно мысль, что природа зависитъ отъ Бога, но должна объясняться механически [1]). Тутъ не трудно видѣть намекъ на позднѣйшее ученіе о царствѣ благодати и царствѣ природы. Черезъ посредство Бога, замѣчаетъ Кабитцъ [2]), механическое пониманіе переходитъ у Лейбница въ телеологію, ибо внѣ Бога, который есть первая форма, нѣтъ опредѣленія движенія. Природа это—horologium Dei. Такимъ образомъ, хотя согласованіе Аристотеля съ новой философіей не совсѣмъ удалось Лейбницу, прогрессъ въ философскомъ развитіи послѣдняго отъ этого не прекратился [3]), и самостоятельно Лейбницъ выработалъ нѣсколько интересныхъ и чреватыхъ послѣдствіями положеній.

ческомъ актѣ Божества. (W. Kabitz. Op. cit. 62—63). Но это есть выводъ и выводъ, основанный на своеобразно проведенной связи понятій движенія и сохраненія, что могло придти въ голову при чтеніи Рея, подобно Кабитцу, и самому Лейбницу. Почему же думать, что если есть извѣстные факты, то выводы изъ нихъ eo ipso не новы? Кабитцъ придаетъ слишкомъ много значенія вліянію Рея (Ib. 60), между тѣмъ Лейбницъ пишетъ: Dudum talia a me cogitata sunt, antequam de Raeo vel audivi. Legi Raeum quidem, sed ita ut nunc eorum quae disserit vix recordor. Neque vero Raeus conciliatorum inter Aristotelem et recentiores primus solusque est. G. I, 20.

[1]) A. Hannequin. Op. cit. 26.

[2]) W. Kabitz. Op. cit. 62.

[3]) Лейбницъ нѣкоторымъ образомъ остановился какъ бы на перепутьи: онъ, какъ уже замѣчено (стр. 137, примѣчаніе 1), считаетъ возможнымъ принять для объясненія міра и пустое пространство, и его заполненность. Онъ даже упрекаетъ Аристотеля за его доказательство невозможности пустоты. (Auerbach. Op. cit. 26). По сравненію съ другими предшествующими статьями Лейбница, внѣ письма отъ 26 сентября, измѣненія въ концепціяхъ становятся еще замѣтнѣе. Такъ, въ послѣднемъ письмѣ къ Томазію метафизика опредѣляется совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Ars Combinatoria, гдѣ она не заключала еще понятія цѣли. (R. Hahn. Op. cit. 14). Кромѣ того, Лейбницъ различаетъ математическое тѣло отъ физическаго, чего не было въ Confessio Naturae (W. Kabitz. Op. cit. 60).

IV.

Разнообразіе занятій въ концѣ 1669 года.

Вопросъ о гипостатическомъ соединеніи.

Въ тотъ же самый день, какимъ помѣчено письмо къ Як. Томазію о согласованіи Аристотеля съ новой философіей, т. е. 30 апрѣля 1669 года, Лейбницъ отправилъ другое письмо къ Симеону Лёфлеру, теологу въ Лейпцигѣ. Сообщая Лёфлеру о новыхъ литературныхъ явленіяхъ въ богословскомъ мірѣ, Лейбницъ между прочимъ говоритъ, что „въ прошломъ году во Франціи вышла нравственная теологія іезуитовъ нѣкоего сорбоннскаго доктора, т. е. Ангуана Арно,—новое сочиненіе..., которымъ іезуиты въ разныхъ мѣстахъ были приведены въ большую ажитацію“ [1]). Эта замѣтка показываетъ, что одновременно съ работой надъ согласованіемъ Аристотеля съ новой философіей, Лейбницъ не упускалъ изъ виду богословскихъ интересовъ. Подтвержденіемъ такому обстоятельству служитъ сплетеніе философіи и богословія, которое встрѣчается въ наброскѣ Лейбница, посвященномъ проблемѣ инкарнаціи [2]). Вопросъ объ инкарнаціи сводился къ вопросу о гипостатическомъ соединеніи, и Лейбницъ долженъ былъ объяснить, какъ могутъ быть соединены тѣло и душа, какъ Богъ дѣйствуетъ на душу и почему душа не погибаетъ съ тѣломъ. Набросокъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: одна занимается вопросомъ о гипостатическомъ соединеніи въ собственномъ смыслѣ этого

---

[1]) D. V, 407.

[2]) Набросокъ въ большей своей части опубликованъ Кабитцемъ. Kabitz. Op. cit. 150—153. О датѣ наброска см. тамъ же стр. 72, 84 и 85.

слова, другая на первый планъ выдвигаетъ вопросъ объ отношеніи связи души и тѣла къ познанію. Разсмотримъ каждую изъ этихъ частей.

Какъ происходитъ гипостатическое соединеніе? „Гипостатически могутъ соединяться, разсуждаетъ Лейбницъ [1]), во первыхъ—Богъ и душа, во вторыхъ—душа и тѣло, въ третьихъ—тѣло съ тѣломъ посредствомъ общей души. Тѣло съ тѣломъ по себѣ гипостатически соединяться не могутъ, ибо ни одно тѣло не существуетъ по себѣ. Душа съ душой, иначе какъ въ томъ случаѣ, когда одна изъ нихъ совершенна, а другая—нѣтъ, гипостатически соединяться не могутъ, ибо несовершенная душа внѣ себя не дѣйствуетъ иначе, какъ черезъ тѣло“ [2]). „Далѣе, сотворенная душа, т. е. несовершенная, соединяется не со всякимъ тѣломъ, но только съ тѣмъ тѣломъ, въ которое вкоренена, и отъ котораго не можетъ быть отдѣлена. Напримѣръ, не нужно полагать, что въ человѣческомъ тѣлѣ душа гипостатически соединена со всѣми корпускулами, которыя въ немъ есть, при ихъ непрерывныхъ перемѣнахъ, но она заключается въ самомъ центрѣ мозга, нѣкоторомъ цвѣтѣ субстанціи, устойчивомъ и неотдѣлимомъ, въ самомъ тончайше-подвижномъ центрѣ животныхъ духовъ; и она соединяется субстанціонально такъ, что не отдѣляется и со смертью“ [3]). „И вотъ нужно изслѣдовать, продолжаетъ Лейбницъ свое трудное черновое изложеніе, соединяется ли Богъ гипостатически со всѣми тѣлами, съ цѣлымъ міромъ, или можетъ соединяться только съ чѣмъ нибудь, или ни съ чѣмъ. Я полагаю, что міръ, то есть тѣла не соединены съ Богомъ гипостатически, ибо каждое гипостатическое соединеніе происходитъ только въ силу дѣйствія одного на другое, а дѣйствовать на тѣла Богъ можетъ (помимо уничтоженія и творенія) не иначе, какъ черезъ выраженіе движеніемъ. Между тѣмъ мною доказано, что то, что движется, безпрерывно творится. Значитъ, они соединены съ Богомъ долѣе момента; но какъ тотъ, кто

---

[1]) Ib. 150.

[2]) «Ex quo sequitur, прибавляетъ Лейбницъ, Daemones obsessorum animis non unirі hypostatice, quia agunt in eas per corpora intermedia, eaque sibi hypostatice non unita». Ib.

[3]) Ib.

не занимаетъ мѣста долѣе момента, не считается въ немъ покоющимся, а только проходитъ, такъ тѣла, не соединенныя съ Богомъ долѣе момента, собственно не соединены, но только проходятъ. Иначе бываетъ это въ душахъ, которыя не творятся во время дѣйствія на нихъ Бога; этому нѣтъ никакого доказательства, но души свободны и имѣютъ въ себѣ принципъ дѣйствія, за исключеніемъ той души, принципомъ дѣйствія которой бываетъ Богъ, т. е. которая соединена съ Богомъ. Но какъ же, значитъ, спрашиваетъ Лейбницъ, тѣла гипостатически соединены съ душами? Особенно, если они не соединяются иначе, какъ черезъ движеніе, а въ непрерывномъ движеніи не существуютъ? Или значитъ, лучше сказать, что тѣла скорѣе оттого гипостатически не соединены съ Богомъ, что Онъ на нихъ не дѣйствуетъ внѣ порядка, но со всѣми соединенъ одинаково, даже хотя бы могъ и не дѣйствовать на тѣла внѣ порядка. Вѣдь всякое его дѣйствіе на тѣла есть твореніе; значитъ, хотя бы Онъ творилъ или не творилъ, Онъ нисколько не дѣйствуетъ на нихъ внѣ порядка. Ибо всякое чрезвычайное дѣйствіе Бога чрезвычайно не по основанію дѣйствія, но по основанію времени и мѣста, напр., то, что Онъ уничтожаетъ тѣло въ данномъ времени и мѣстѣ, гдѣ въ другое время не имѣетъ обыкновенія уничтожать, именно гдѣ оно покоится, или когда онъ творитъ тѣло, когда не имѣетъ обыкновенія творить, напр., въ случаѣ, если оно ранѣе не существовало, или когда онъ творитъ тѣло, гдѣ не имѣетъ обыкновенія творить, напр., въ мѣстѣ болѣе удаленномъ, при пропускѣ многихъ промежуточныхъ мѣстъ. Итакъ, не дѣйствіе Бога на тѣла чрезвычайно и особенно, а время“ [1]). Къ этому мѣсту Лейбницъ въ рукописи на поляхъ написалъ примѣчаніе. „Отсюда, говоритъ онъ въ этомъ примѣчаніи, объясняются въ тѣлахъ всѣ чудеса, которыхъ природа мало извѣстна... Всѣ чудеса въ тѣлахъ состоятъ въ твореніи, уничтоженіи, установленіи движенія, возбужденіи, въ моментальномъ движеніи, отклоненіи отъ обычнаго пути. Всего этого не могутъ ангелы и люди, ибо обычнымъ путемъ, при противодѣйствіи другого тѣла, они дѣлаютъ только то, что могутъ души: двигать, устанавливать, направлять соединенныя съ ними тѣла“ [2]). Лейбницъ широко

[1]) Ib., 150—151.
[2]) Ib. 151.

понималъ обсуждаемую имъ проблему. „Дѣйствіе Бога на душу, продолжаетъ онъ, отличается спеціальнымъ характеромъ и даже какъ бы опредѣлено для данной души по разумной основѣ акта. Вѣдь Богъ не имѣетъ обыкновенія быть внутреннимъ принципомъ дѣйствія и, слѣдовательно, дѣйствовать на души иначе, какъ въ одной той душѣ, которую онъ гипостатически объединяетъ. Итакъ, пусть будетъ гипостатическое соединеніе въ томъ, изъ чего одно по разумной основѣ особаго акта дѣйствуетъ на другое, или изъ чего одно есть для другого прямое средство дѣйствія. Вѣдь здѣсь можетъ быть различіе между дѣйствіемъ души на тѣло и Бога на тѣло. Душа на тѣло дѣйствуетъ не путемъ творенія, но путемъ движенія. Богъ напротивъ творитъ [1]), Богъ дѣйствуетъ на тѣло только творя. А такъ какъ Онъ творитъ и дѣйствуетъ на вещь, не дѣйствуя вещью, то вещь такимъ образомъ не есть средство Его дѣйствія. Для Бога средство есть соединенная съ Богомъ душа, черезъ которую Онъ дѣйствуетъ на тѣла иначе, чѣмъ путемъ творенія. Слѣдовательно, быть соединеннымъ гипостатически значитъ ничто иное какъ то, что у вещи, имѣющей въ себѣ принципъ дѣйствія, есть прямое средство дѣйствія, и гипостатическое соединеніе есть дѣйствіе вещи непосредственно черезъ другую вещь, имѣющей въ себѣ принципъ дѣйствія. Отсюда вотъ каковы слѣдствія гипостатическаго соединенія: 1) Есть вещь, пребывающая сама по себѣ, т. е. имѣющая въ себѣ принципъ дѣйствія, съ которой входятъ въ соединеніе. 2) Есть какая то другая вещь, которая входитъ въ соединеніе. 3) Есть дѣйствіе пребывающей вещи черезъ то, что съ ней соединено, на третью, т. е. имѣется находящійся въ соединеніи инструментъ пребывающей вещи. 4) Есть непосредственность вышеупомянутаго дѣйствія“ [2]).

Такъ резюмируетъ свои размышленія Лейбницъ. Общій ходъ и смыслъ ихъ таковы: перечисливъ виды гипостатиче-

---

[1]) Приводимъ сдѣланную Лейбницемъ къ этому мѣсту замѣтку: «можно и здѣсь отвѣтить, что лишь точка субстанціально, т. е. гипостатически соединена съ душой, и что она въ движеніи не уничтожается. Богъ же въ движеніи не дѣйствуетъ на точки, какъ душа, но дѣйствуетъ на тѣла. Прибавь въ концѣ: удивительно». Ib. 152.

[2]) Лейбницъ добавляетъ: seu ut non agat per aliud cui ipsum in quod agitur, et quod unitum primo dicitur, non sit unitum. Nam unitum uniti est unitum primi... Ib.

скаго соединенія, Лейбницъ говоритъ объ этихъ видахъ постольку, поскольку они выражены per se. Поэтому онъ не разсматриваетъ соединенія тѣла съ тѣломъ, а предметомъ его дальнѣйшихъ разсужденій дѣлается соединеніе души и тѣла, и затѣмъ Бога и души. Соединенія Бога и тѣлъ нѣтъ по тому, что гипостатически нѣчто соединяется только въ силу дѣйствія, по разумному основанію одной самостоятельной вещи, имѣющей въ себѣ принципъ дѣйствія—непосредственно на другую вещь, тогда такъ тѣла не подвергаются непосредственному воздѣйствію Божества. Что же лежитъ въ основѣ объясненій Лейбница? Прежде всего фактъ, затѣмъ аналогія. Лейбницъ имѣетъ въ виду гипостатическое соединеніе души и тѣла такъ, какъ оно наблюдается въ насъ, и этому факту даетъ физіологическое толкованіе: душа гипостатически соединена только съ центромъ мозга, съ точкой, не уничтожающейся въ движеніи; остальныя, преходящія въ насъ тѣлесныя частицы не имѣютъ гипостатическаго соединенія съ нашей душой и отъ нея отдѣлимы. Что касается Бога, то Онъ, прямо не дѣйствуя на тѣла, подобнымъ же образомъ гипостатически соединенъ съ душой, для которой служитъ принципомъ дѣйствія. Параллель между дѣйствіемъ души на тѣло и Бога на тѣла дѣлаетъ очевиднымъ различіе въ актахъ конечной и безконечной субстанцій. Душа дѣйствуетъ на тѣло черезъ движеніе, Богъ дѣйствуетъ на тѣло черезъ соединенную съ нимъ душу; при этомъ для души тѣло есть средство дѣйствія, между тѣмъ для Бога вещь не есть средство для дѣйствія, такъ какъ онъ творитъ ее, не дѣйствуя ею. Аналогія такимъ образомъ заключается въ утвержденіи Лейбница, что душа гипостатически соединена съ точкой, а Богъ съ душой. Такъ рѣшается поставленная задача. Нельзя сказать, чтобы рѣшеніе отличалось особенной ясностью, но оно вообще только намѣчено.

Роль тѣла въ процессѣ познанія и неуничтожимость души.

Вторая часть наброска, тѣсно связанная съ первой, посвящена двумъ темамъ: основной, то есть вопросу о томъ, какъ познаетъ Богъ, и добавочной, то есть вопросу о гибели души. Лейбница интересовало отношеніе связи души и тѣла къ вопросу о познаніи. „Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ онъ, что хотя душа безпрерывно и не дѣйствуетъ на тѣло, однако познаетъ. Но затрудненіе въ томъ, что мы сказали выше: соединеніе души

и тѣла бываетъ только черезъ посредство дѣйствія одной на другое, а дѣйствія нѣтъ иначе, какъ черезъ выраженіе движеніемъ... И вотъ внѣ соединенія нѣтъ познанія, такъ какъ стать познаннымъ есть дѣйствіе одного на другое; а среди того, что соединено по опредѣленію соединенія, нѣтъ всего дѣйствія; именно соединеніе не есть смежность, но непрерывность, т. е. движеніе или общее дѣйствіе. Значитъ, когда твари пребываютъ въ покоѣ, то Богъ о нихъ ничего не знаетъ? Отвѣчаю: нѣтъ, Онъ будетъ знать, что они пребываютъ въ покоѣ, такъ какъ Онъ уже зналъ бы это отрицательно, если бы они двигались (и тогда это не размышленіе въ Богѣ, а знаніе объ отрицательной вещи въ себѣ). Подобнымъ же образомъ о душѣ. И безъ соединенія есть нѣкоторое познаніе, именно то, которое было во время соединенія, т. е. предшествующее. Вмѣстѣ съ тѣмъ истинно правило: безъ соединенія нѣтъ никакого познанія, то есть новаго, старое же остается. Дѣйствительно, ничего не случается новаго, когда тѣла находятся въ покоѣ, въ томъ случаѣ, если другія къ нимъ не приближаются или отъ нихъ не удаляются. А это познается изъ ихъ соединенія и движенія; тогда бываетъ познаніе, сложенное изъ стараго и новаго. Но ты сказалъ бы: въ душѣ ничего не случается безъ движенія, какъ же познаетъ это Богъ? Вѣдь на душу по себѣ Онъ не дѣйствуетъ. Отвѣтъ таковъ: душа, правда, не движется, но всѣ ея дѣйствія протекаютъ съ движеніемъ тѣлъ, которыя съ ней связаны. Изъ нихъ Богъ будетъ знать ея дѣйствія [1])... Богъ... все заразъ знаетъ напередъ и представляетъ себѣ въ настоящемъ, такъ какъ ничего не бываетъ безъ Его воли, а, значитъ, и ничего безъ его вѣдома. Онъ теперь знаетъ, что намѣренъ дѣлать, значитъ знаетъ, что будетъ. И однако въ Немъ нѣтъ колебанія [2])... Спрашивается, какъ душа, которая вкраплена въ точку тѣла, не погибаетъ во время гибели его въ движеніи? Или нужно сказать, что точки не погибаютъ, такъ какъ онѣ не части тѣлъ, но границы, и такъ какъ къ точкамъ не примѣнимо доказательство, данное для тѣлъ? Вѣдь точка въ любой мо-

[1]) Лейбницъ дальше пишетъ: diaboli non cognoscent, quia ipsi in corpora illa non agunt, per corpora, ergo non penetrant in interiora, sed tantum superficiem corpusculorum mentalium. Ib. 153.

[2]) «Чему послѣ нужно дать болѣе рачительное объясненіе», добавляетъ Лейбницъ.

ментъ находится въ извѣстной точкѣ пространства, а того, что въ тѣлѣ есть кромѣ точекъ, не будетъ нѣкогда ни въ какомъ мѣстѣ; значитъ, въ то время оно—ничто. Удивительно. Но эти тайны вещей, прибавляетъ Лейбницъ, немногіе постигаютъ, да и то люди наитончайшаго ума“ [1]). Содержаніе отрывка имѣетъ, въ послѣдней своей части, нѣкоторое отношеніе къ темѣ, обработанной въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“, но для рѣшенія поставленнаго здѣсь въ отрывкѣ вопроса о неуничтожимости души приведены, хотя и гипотетически, совсѣмъ иныя основанія. Утверждая неразрывность души и тѣла, Лейбницъ оказался въ большомъ затрудненіи и, не додумавъ проблемы, отдѣлался отъ нея словомъ: mirabiliter. Сравнительно съ тѣмъ, что изложено въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“, въ отрывкѣ наблюдается шагъ назадъ: тамъ, по Декарту, душа мыслилась неуничтожимой за неимѣніемъ признака тѣлесности, здѣсь понятіе точки служитъ эквивалентомъ тѣла, и не безъ основаній позволительно видѣть въ концепціи Лейбница слѣды вліянія атомизма Гассенди и матеріализма Гоббеса.

Главныя идеи наброска.

Бросимъ общій взглядъ на изложенное сочиненіе. Съ внѣшней стороны оно—только черновикъ. Мысли въ немъ не приведены въ надлежащій порядокъ, плохо выражены, даже какъ бы колеблются. При всемъ томъ набросокъ вводитъ, такъ сказать, въ самую лабораторію умственной дѣятельности Лейбница. Видно, какъ Лейбницъ беретъ тему и старается дать на нее отвѣтъ, несмотря на всю ея трудность и не взирая на все ничтожество тѣхъ средствъ, которыя имѣются для этого въ распоряженіи. Между тѣмъ въ борьбѣ съ обуревающими вопросами у геніальнаго мыслителя, тогда еще молодого человѣка 23 лѣтъ, рождается множество идей, въ иной обработкѣ сдѣлавшихся потомъ необходимыми составными частями великой системы.

Что же это за идеи? Что даетъ набросокъ по существу? Прежде всего - двѣ хорошихъ характеристики. Центральныя философскія понятія, Богъ и душа, выяснены Лейбницемъ въ отрывкѣ довольно обстоятельно. Богъ есть существо, кото-

[1]) Ib., 152—153.

рое сразу предвидитъ все напередъ и представляетъ себѣ прошедшее и будущее. Безъ Его вѣдома ничего не случается. Познаніе Бога, Его интеллектъ имѣетъ объектомъ души и тѣла. Дѣйствія душъ Богъ познаетъ по движенію тѣлъ, но для Его возможно также отрипательное познаніе изъ понятій по противоположности. Интеллектъ Божій черезъ познаніе связанъ съ волей. Эта воля не знаетъ колебаній. На тѣла она дѣйствуетъ черезъ движеніе, которое каждый разъ является творческимъ актомъ. Однако Божіихъ дѣйствій нѣтъ внѣ порядка. По разумному основанію всѣ дѣйствія опредѣлены для каждой отдѣльной души, для каждаго отдѣльнаго случая, и чудесными кажутся намъ только въ условіяхъ времени и мѣста. Для своей души, съ которой Богъ гипостатически соединенъ, Онъ служитъ принципомъ дѣйствія.

Это—Богъ. Что же такое душа? Она есть нѣчто свободное, нѣчто такое, что имѣетъ въ себѣ принципъ дѣйствія и существуетъ per se. Души не творятся во время воздѣйствія на нихъ Божества. Душа не дѣйствуетъ внѣ тѣла. Души связаны съ тѣломъ постоянно въ одной точкѣ и не погибаютъ съ нимъ, какъ точки не погибаютъ въ движеніи. Есть много душъ и въ нихъ имѣется непосредственность дѣйствія черезъ тѣло; но вотъ что интересно по отношенію къ познанію: душа иногда познаетъ, не дѣйствуя на тѣло, т. е. существуетъ познаніе, независимое отъ ея связи съ тѣломъ. И это познаніе есть то, которое было уже въ самый моментъ образованія такой связи. Связь души и тѣла способствуетъ новому познанію, но старое остается. Какъ бы въ дополненіе къ тому, что сказано о душѣ, Лейбницъ въ наброскѣ опредѣляетъ сущность тѣлъ: тѣла, по мнѣнію Лейбница, сами по себѣ не существуютъ.

Таковы характеристики главныхъ понятій. Достаточно продумать ихъ немного, чтобы сейчасъ же понять, какъ много въ наброскѣ любопытныхъ и плодовитыхъ мыслей. Кабитцъ особенно подчеркиваетъ среди нихъ мысль о перерывѣ движенія паузами покоя, отчего, по его мнѣнію, Божество поставлено въ необходимость по мѣрѣ надобности каждый разъ вновь создавать движеніе [1]). Эта мысль была уже отмѣчена нами при разборѣ письма къ Як. Томазію, въ качествѣ

[1]) Kabitz. Op. cit. 87.

взгляда, который Лейбницъ считалъ новымъ и про который какъ и здѣсь, въ наброскѣ, выражался: a me demonstratum est. Это былъ взглядъ близкій ко взглядамъ окказіонализма. Онъ можетъ подать поводъ къ предположенію, что Лейбницъ читалъ либо Клауберга, либо даже Гейлинкса. Болѣе всего интересны и важны однако въ наброскѣ излюбленныя идеи Лейбница. Ихъ нѣсколько: 1. Богъ ничего не творитъ внѣ порядка. 2. Чудеса являются чудесами только въ условіяхъ времени и мѣста. 3. Дѣйствіе Бога опредѣлено по отношенію къ каждой душѣ. 4. Душа имѣетъ познаніе внѣ тѣла. 5. Душа неотдѣлима отъ тѣла. 6. Тѣла—феномены. Эти идеи еще не составляютъ системы, но уже намѣчаютъ общій ея характеръ, особенно, если присоединить къ нимъ представленіе о Богѣ, взятое даже изъ области обычныхъ богословскихъ концепцій. Мысль о Богѣ, какъ о совершеннѣйшемъ существѣ, никогда не покидала Лейбница.

Основы движенія.

Набросокъ объ инкарнаціи, какъ сказано, связывалъ философскіе интересы Лейбница съ интересами вѣры. Эта связь служила предметомъ вниманія для Лейбница, повидимому, въ продолженіе всей второй половины 1669 года, хотя, по собственному свидѣтельству [1]), онъ въ ту же осень занялся вопросомъ о движеніи. Для Лейбница наступилъ особенно интенсивный періодъ исканій [2]). Въ апрѣлѣ 1669 г. въ журналѣ Лондонскаго Королевскаго Общества были обнародованы соображенія Гюйгенса о столкновеніи тѣлъ. Вскорѣ послѣ этого на ту же тему Лондонскому Королевскому обществу сообщилъ свой докладъ Вреннъ. Лейбницъ, обсуждая мнѣнія Гюйгенса и Вренна, выработалъ собственные взгляды на сущность движенія. [3]) Ему казалось, что оба ученыхъ, поднявшіе споръ о плагіатѣ, волнуются на-

---

[1]) Kabitz. Op. cit. 65 и 135.

[2]) Ib., 65.

[3]) Это случилось на водахъ въ Швальбахѣ: in ipsis acidulis swalbacensibus ad conspectum tantum Regularum incomparabilis viri Christiani Hugenii haec exarata sunt, cujus festinationis testis erit vir... Ericus Mauritius Ictus Kiloniensis, qui cum a prandio nobis regulas Hugenianas in diurnali Anglico monstrasset animo nostro, (quem tunc longè aliae circa jurisprudentiam curae

прасно; ни тотъ ни другой, по мнѣнію Лейбница, не коснулись сути дѣла. Чтобы оформить свои идеи, Лейбницъ составилъ разсужденіе „О разумныхъ основахъ движенія“, въ 36 параграфахъ пытаясь съ нѣкоторою полнотой изложить представлявшуюся ему концепцію.

„Движеніе, говоритъ онъ въ этомъ разсужденіи, можетъ быть трактовано двояко: по основанію разума и по чувству, при чемъ чувство нельзя предпочитать разуму, но разумъ нужно предпочитать чувству, т. е. когда обнаруживается, что чувство противорѣчитъ разуму, то слѣдуетъ заключать, что есть нѣчто, что не воспринимается иначе, какъ по этому своему дѣйствію: *ἐναντιοφανείᾳ*..“ [1]) „Объясню, продолжаетъ Лейбницъ, дѣло на примѣрѣ: чувству кажется, что большой покоющійся предметъ не можетъ быть поколебленъ какимъ нибудь меньшимъ; мы видимъ, что, бросивъ камень, не сдвинешь дома; но доказательства разума далеки отъ этого: несомнѣнно, что нѣчто покоющееся, какъ бы оно ни было велико, колеблется отъ движущагося, какъ бы оно ни было мало, даже—отъ сколь угодно малаго движенія.

„И это можетъ быть доказано изъ тѣхъ самыхъ явленій, которыя извѣстны благодаря чувству; ибо благодаря чувству извѣстно, что большее тѣло не приводится для чувства въ сотрясеніе отъ толчка меньшимъ, слабо движущимся тѣломъ, но сотрясается отъ толчка меньшимъ, сильно движущимся тѣломъ. Изъ этого слѣдуетъ, что меньшимъ, слабо движущимся тѣломъ оно сотрясается, но только неощутительно; ибо если какимъ нибудь слабымъ движеніемъ, которое есть, напр., 3, ничего не производится, то и при удвоеніи, напр., 6, утроеніи, напр., 9, и умноженіи до безконечности тоже ничего не будетъ сдѣлано, такъ какъ безконечно 0 есть 0.

„А разъ это такъ, то опыты должны быть устранены изъ доктрины объ абстрактномъ основаніи движеній, какъ и изъ

---

occupabant), tum demum ad hoc argumentum converso, has meditationes summo mane Francofurtum abiturus recepit. Quas cum mox iterum attulisset, bidno proximo in eam quae nunc est formam expolivimus». Ib. 137. Смотр. также G. Br. 43.

[1]) Kabitz. Op. cit. 136. Этого, замѣчаетъ далѣе Лейбницъ, не знали Галилей, Гоббесъ, Декартъ и Гюйгенсъ.

геометрическихъ разсужденій, ибо они доказываются не изъ факта и чувства, а изъ опредѣленія терминовъ". [1])

И это, думаетъ Лейбницъ, должно быть хорошо обосновано, чтобы не показалось парадоксомъ обычному сознанію. „Рѣшимъ же, пишетъ онъ, обнародовать Основанія движеній, каковы они въ чистомъ состояніи природы..." [2]) Лейбницъ предлагаетъ „правила" движеній. Вотъ основныя теоремы его механики и физики.

„Что находится въ покоѣ, то будетъ всегда покоиться, пока его не коснется другое движущееся тѣло, т. е. естественно быть такимъ образомъ ограниченнымъ, и мы хотимъ слѣдующаго: чтобы чего нибудь не предрѣшалось о дѣйствіи душъ на тѣла.

„Что движется, то всегда будетъ двигаться съ тою же скоростью въ ту же сторону, если не будетъ мѣшать другое смежное тѣло.

„Покой не бываетъ чему нибудь причиной, т. е. покоющееся тѣло не даетъ другому тѣлу ни движенія, ни покоя, ни направленія, ни скорости [3])"...

„Всѣ тѣла однородны, т. е. различаются только величиной, фигурой и движеніемъ.

„Всѣ тѣла одинаково мягки или тверды реально, т. е. твердость и мягкость въ тѣлахъ не суть дѣйствительныя различія, каковы величина, фигура и движеніе, но только сенсуальныя, каковы всѣ чувственныя качества" [4]).

По поводу этого положенія Лейбницъ высказываетъ нѣсколько историческихъ и полемическихъ замѣчаній. „Твер-

---

[1]) Ib. 136—137.

[2]) Ib. 137.

[3]) Далѣе Лейбницъ замѣчаетъ: Hoc jam theorema Hugeniauae regulae primae et quae ex ea pendent, sequentibus, adversum est. Hugenius enim in ea est sententia corpus motum quiescenti impactum post contactum quiescere. Resistere igitur quiescens necesse est, resistentia est actio, actio omnis corporum est motus. Ergo corpus quiescens, si moto resistit movetur. Quod implicat. Omnem autem corporis actionem esse motum, concedunt ni fallor nunc omnes qui accuratius philosophantur, demonstrari tamen etiam à me, si opus sit, evidenter potest. Ib. 138.

[4]) Ib. Для выясненія самостоятельности этого и слѣдующихъ мѣстъ разсужденія Лейбница, приводимъ опредѣленія Гоббеса: «Definiemus ergo du-

дость, говоритъ онъ, которая воспринимается чувствомъ, есть ничто иное, какъ сопротивленіе. Между тѣмъ всякое сопротивленіе есть движеніе, и значитъ, только то твердо, верхнія части чего такъ движутся отъ сильнаго движенія, что притупляютъ толчекъ внѣшняго двигателя. Это предложеніе противорѣчитъ послѣдователямъ Демокрита и Эпикура, (и между ними особенно Гассенди), которые предполагаютъ, что есть нѣкоторыя тѣльца—сами послѣдователи зовутъ ихъ атомами—настолько твердыя, что, даже въ случаѣ покоя, они не разрушаются отъ удара какого нибудь другого тѣла. Это и противъ самого Декарта, который объясняетъ связь тѣлъ изъ вѣтвистости тончайшихъ частей, тогда какъ въ первоначальномъ и естественномъ состояніи разсмотрѣнныхъ тѣлъ нѣтъ никакой вѣтвистости, никакой связи, никакой непрерывности. Это и противъ въ своемъ родѣ знаменитаго Дигби, который полагаетъ первичныя различія тѣлъ въ рѣдкости и плотности, тогда какъ, если пустота даже и двигалась бы, въ концѣ концовъ было бы рѣдкимъ тѣло, части котораго покоются: онѣ либо двигались бы слабѣе чѣмъ то, что наноситъ ударъ; либо двигались бы въ противоположную сторону: вѣдь такія тѣла уступаютъ тому, что наноситъ ударъ. Отсюда даже слѣдуетъ, что въ природѣ вещей нѣтъ иного протяженія, кромѣ кажущагося“ [1]).

Высказавъ эти интересныя соображенія, Лейбницъ вновь обращается къ теоремамъ о движеніи. Приведемъ пять изъ нихъ.

„Если двигающееся тѣло ударяетъ въ покоющееся, то изъ двухъ тѣлъ образуется одно... Одно тѣло—это много тѣлъ, непрерывныхъ для себя. Непрерывными же тѣлами я называю тѣ, которыя будутъ для себя непрерывными до тѣхъ поръ, пока извнѣ ничего не прибавится. Ибо ту непрерыв-

---

rum esse corpus illud, cujus pars moveri sensibiliter nulla potest, nisi moto toto. Quod ergo molle vel fluidum est, fieri durum ab alia causa non potest, nisi a motu tali, ut partes plures motum partis unius cujuslibet, simul omnes ipsi resistentes, impediant». Hobbes. De corpore. Pars IV. C. 28. § 5

[1]) Kabitz. Op. cit. 138—139. Въ поясненіе понятія мягкости, о которой говорилось выше можно привести дальнѣйшее опредѣленіе Лейбница (§ 14): Omnia corpora sunt simpliciter mollissima, seu quodlibet corpus, cujus omnes partes quiescunt, à quolibet impingente dividi seu findi potest.» Ib. 139.

ность, которая опредѣляется связностью, я полагаю изгнать совсѣмъ изъ абстрактной физики.....

„Нельзя привести основанія, почему одно движеніе быстрѣе другого движенія, если не принять криволинейныхъ движеній.

„Нельзя объяснить происхожденія криволинейнаго движенія, если не принять безтѣлесныхъ существъ. Вѣдь ложно мнѣніе тѣхъ, кто думаетъ вывести кривое изъ прямого движенія, которому помѣшали простираться впередъ. Вѣдь нельзя привести основанія, почему оно обращается лучше въ эту, чѣмъ въ ту сторону кривизны.

„Изъ этихъ двухъ теоремъ вытекаетъ какъ бы королларій, если прибавить къ факту исторію: такъ какъ въ мірѣ дано движеніе быстрѣе движенія, а также движеніе, которое непрямолинейно, то необходимо даны другія существа, кромѣ тѣлъ“..

„Не можетъ быть по природѣ, чтобы то, что однажды стало двигаться, когда нибудь получило бы покой, если не предположить—это однако никѣмъ еще не было доказано, и даже очевидно ложно,—что между прямой и кривой, или кривой и кривой нѣтъ никакого разнороднаго основанія...

„Если нѣтъ пустоты, то не можетъ быть никакого прямолинейнаго или другого въ себя не возвращающагося движенія, и, слѣдовательно, если пустота заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, то и прямая линія заключаетъ противорѣчіе, а съ нею и вся геометрія. Между тѣмъ, сколько я знаю, не можетъ быть доказано ни на какомъ достаточно необходимомъ основаніи необходимость пустоты.

„Таковы, заканчиваетъ Лейбницъ свое разсужденіе De rationibus motus, первые и наипростѣйшіе элементы нашей философіи о движеніи. Могутъ ли они удовлетворить явленіямъ, пусть судятъ ученые, пока, между тѣмъ, либо мы не побѣдимъ путемъ нашихъ доказательствъ, либо другіе—путемъ противоположныхъ [2])“.

Разбирая содержаніе изложеннаго сочиненія, издавшій его Кабитцъ замѣчаетъ, что оно интересно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ немъ слѣдуетъ отмѣтить гносеологическое положеніе, въ силу котораго ни чувство, ни разумъ не могутъ предварительно опредѣлять другъ друга [1]). Во вто-

[1]) Ib. 139—140.
[2]) Ib.

рыхъ, слѣдуетъ подчеркнуть, что, совершенно во вкусѣ Декарта и Гоббеса, Лейбницъ выводитъ законы движенія изъ понятій [1]) не безъ помощи геометрическихъ представленій. Наконецъ, слѣдуетъ также указать на противорѣчіе въ выводѣ, который сдѣлалъ Лейбницъ изъ закона инерціи относительно того, что два сталкивающихся тѣла, въ силу одного только движенія, представляютъ вполнѣ или отчасти нѣчто единое. Ихъ единство объясняется ихъ сплошностью, которая не нарушается до присоединенія новаго тѣла. Но если принять во вниманіе, что матерія въ спокойномъ состояніи, по Лейбницу, лишена сопротивленія, т. е. въ каждый моментъ можетъ распасться на части, то слѣдуетъ думать, что столкнувшееся съ другимъ тѣло не увлечетъ его за собой, а окажется только внутри его. Кабитдъ указываетъ также на недостаточность объясненій Лейбница по вопросу о приращеніи скорости и о выводѣ криволинейнаго движенія [2]). Къ этимъ замѣчаніямъ можно прибавить новыя соображенія. Въ данномъ отрывкѣ есть намекъ на идею о безконечно малыхъ воспріятіяхъ, на зародышъ теоріи безсознательныхъ душевныхъ явленій. Когда Лейбницъ говоритъ, что тѣла могутъ сотрясаться нечувствительно", то отсюда одинъ шагъ до понятія о несознаваемыхъ перцепціяхъ. На представленіе ихъ безконечной малости намекаетъ въ сочиненіи утвержденіе Лейбница: что „безконечно нуль есть нуль", и что всякое тѣло колеблется отъ сколь угодно малаго движенія. Идея о безконечно малыхъ воспріятіяхъ заложена здѣсь въ концептѣ движенія, которое должно восприниматься невполнѣ. Лейбницъ глубоко заглядывалъ въ сущность обсуждаемыхъ вопросовъ. Даже законъ инерціи пріобрѣтаетъ у него въ своемъ родѣ метафизическій смыслъ: „естественно быть такимъ образомъ ограниченнымъ", говоритъ Лейбницъ про тѣла въ состояніи инерціи. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ утвержденій въ трактатѣ нужно считать опредѣленіе, данное Лейбницемъ понятію непрерывнаго. Это опредѣленіе не отличается особенной ясностью, но мысль Лейбница была, кажется, такова: непрерывное per se есть сплошность тѣлъ въ зависимости отъ ихъ инерціи, т. е. непрерывно то, что не зависитъ

[1]) Ib. 66.
[2]) Ib. 67—68.

отъ относительнаго движенія. Поэтому, вѣроятно, непрерывность для Лейбница и не опредѣлялась связностью: связность есть то, что зависитъ отъ силы движенія. Въ сочиненіи не мало другихъ, иногда отрывочныхъ, но часто цѣнныхъ мыслей, напр., о томъ, что протяженіе есть нѣчто кажущееся, что понятіе пустоты противорѣчиво, и тому подобное. Въ заключеніе нельзя также не отмѣтить несомнѣнно сказавшагося на работѣ вліянія Гоббеса [1]).

Конспектъ правовѣрныхъ доказательствъ.

Вопросъ о движеніи, которымъ занимался Лейбницъ, работая надъ сочиненіемъ De rationibus motus, не былъ однако такъ далекъ отъ интересовъ вѣры, какъ это можно предположить съ перваго взгляда. Теоремы о движеніи входили въ доказательства существованія Бога и безсмертія души, которыя Лейбницъ думалъ обосновать. Между тѣмъ подъ вліяніемъ бесѣдъ съ барономъ Бойнебургомъ, во Франкфуртѣ и Майнцѣ, въ концѣ осени 1669 г. Лейбницъ расширилъ свои изысканія въ религіозно философской области. Поэтому неудивительно, что вслѣдъ за предыдущимъ сочиненіемъ къ серединѣ ноября имъ были набросаны одна за другой слѣдующія работы: „Конспектъ правовѣрныхъ доказательствъ“, „Доказательство возможности транссубстанціаціи“ и „Маленькія размышленія о судьѣ преній, т. е. вѣсы разума и норма текста“. Всѣ эти работы [2]) заключаютъ въ себѣ много важ-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи интересно указать на слова самого Лейбница въ письмѣ къ Гоббесу, которому Лейбницъ приписываетъ «generalia illa motus principia: nihil moveri incipere, nisi ab alio moveatur; corpus quiescens quantumcunque a quantulocunque levissimo motu impelli posse, aliaque... pleraque quae quiescere videntur, insensibiliter moveri... G. VII, 572; сравн. Hobbes. De corpore. Pars III, c. XV, § 3 и другія мѣста.

[2]) О приблизительныхъ датахъ этихъ сочиненій смотр. у Кабитца. Op. cit., 62 прим., 90, 114 и 120, затѣмъ 77 и, наконецъ, 30—31. Латинскія заглавія сочиненій: Demonstrationum Catholicarum Conspectus, Demonstratio possibilitatis Transsubstantiationis и Commentatiuncula de judice Controversiarum seu Trutina rationis et normа textus».

[3]) Работы въ отрывкахъ опубликованы Кабитцемъ. До Кабитца этими сочиненіями пользовался, повидимому, Фуше де Карейль. Comte Foucher de Careil. Mémoire sur la philosophie de Leibniz. Paris. 1905. Vol. I, pp. 32—44.

наго матеріала для характеристики философскаго развитія Лейбница. Каковы же эти сочиненія?

„Конспектъ правовѣрныхъ доказательствъ“ представляетъ изъ себя набросокъ плана большого труда въ четырехъ частяхъ, изъ которыхъ первая должна была быть посвящена доказательству существованія Бога, вторая—доказательству безсмертія души, третья—доказательству возможности таинствъ христіанской вѣры, четвертая—доказательству авторитета правовѣрной церкви и Священнаго Писанія. Изложенію должно было быть предпослано предисловіе для общаго ознакомленія съ элементами философіи, гдѣ Лейбницъ хотѣлъ говорить: въ метафизикѣ—о сущности, въ логикѣ—объ умѣ, въ отдѣлѣ математики—о пространствѣ, въ физикѣ—о тѣлѣ, а въ части, посвященной практической философіи,—о государствѣ. Въ подробности первая часть должна была составлять семь главъ: 1) Доказательство существованія Бога изъ принципа „ничего нѣтъ безъ основанія“. (2—4) То же доказательство изъ принциповъ: не можетъ быть движенія, если нѣтъ безпрерывнаго творенія; въ тѣлахъ нѣтъ никакого начала движенія; въ тѣлахъ нѣтъ никакого начала состава; (5) доказательство безконечной вѣроятности или моральной увѣренности, что красота міра происходитъ отъ разума. Дальнѣйшія главы (6—7) предполагалось посвятить вопросамъ о нѣкоторыхъ паралогизмахъ въ доказательствахъ бытія Божія, именно о паралогизмахъ Декарта, Валеріана Великаго, Ванини и проч. Кабитцъ вѣрно замѣчаетъ, что всѣ эти доказательства есть видъ одного общаго—космологическаго. Что касается второй части, то содержащіяся въ ней доказательства бестѣлесности, а, слѣдовательно, и безсмертія души въ шести главахъ предполагались къ обоснованію, во первыхъ, изъ непосредственнаго воспріятія сознанія, а затѣмъ изъ безконечной способности развертывать размышленія, при чемъ Лейбницъ ссылался на мнѣніе Гоббеса, что всякое ощущеніе есть длительная реакція [1]), полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что

[1]) «Sensio est ab organi sensorii conatu ad extra, qui generatur a conatu ab objecto versus interna, eoque aliquandiu manente per reactionem factum phantasma». Hobbes. De corpore. Pars. IV. Cap. 25. § 2.

этой реакціи нѣтъ въ тѣлахъ (гл. 1—2). Въ третьей и четвертой главахъ Лейбницъ предполагалъ доказать безсмертіе души изъ удивительной связи сновидѣній и изъ знанія безтѣлесныхъ вещей. Всѣ эти проекты доказательствъ, на помощь которымъ должны были быть приведены доказательства еще по Платону ἐξ αὐτοκινήσεως (5 гл.) и по Дибги (6 гл.), характерны, кромѣ перваго, тѣмъ, что въ основѣ ихъ можно видѣть скрыто лежащій законъ достаточнаго основанія. Въ третьей части Конспекта кромѣ перечисленія модусовъ Божества: вѣчности, всевѣдѣнія, всемогущества, вездѣприсутствія, любопытно отмѣтитъ повтореніе прежней мысли о „возможности творенія изъ необходимости его во всемъ томъ, что движется," а затѣмъ утвержденіе, будто первая человѣческая душа произошла отъ частицы божественнаго дыханія, при чемъ продолженіе ея существованія идетъ отъ Бога путемъ традукціи. Послѣднее обстоятельство Лейбницъ хотѣлъ доказать на новыхъ основаніяхъ „изъ дѣлимости неспособной къ дѣленію точки". Въ этой же, третьей части предполагалось доказать чисто лейбниціанскія мысли о свободѣ душъ и принужденности тѣлъ, а также то, что Богъ совсѣмъ не бываетъ причиной злого умысла, а причиной наказанія бываетъ только случайно. Въ четвертой части Конспекта содержаніе, какъ сказано, отличается чисто богословскимъ характеромъ.

Изъ изложеннаго видно, что по идеямъ Конспектъ тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ трудамъ Лейбница, начиная съ письма къ Як. Томазію о согласованіи Аристотеля съ новой философіей. Въ этихъ сочиненіяхъ понятіе принципа движенія одинаково [1]). Судя по общему духу Конспекта, можно думать, что Лейбницъ разработывалъ обширный планъ обоснованія теологіи, при чемъ особенное вниманіе должно было быть удѣлено объясненію тайнъ вѣры [2]). Планъ не былъ выполненъ, но его значеніе заключалось, повидимому, въ томъ, что при его разработкѣ Лейбницу тѣснѣе пришлось связать въ общей системѣ до тѣхъ поръ порознь представлявшіяся ему мысли. Отсюда въ Конспектѣ мы видимъ появленіе новыхъ мотивовъ для подтвержденія старыхъ доказательствъ; такъ, напр., для

---

[1]) Kabitz. Op. cit. 62.

[2]) Ib. 115.

доказательства безсмертія души привлечены фактъ связности сновъ и фактъ безконечной способности развертывать мышленіе. Пусть эти мотивы навѣяны чтеніемъ другихъ авторовъ и, можетъ быть, больше всего опять-таки чтеніемъ Гоббеса, о которомъ упоминаетъ самъ Лейбницъ, важно то, что эти мотивы выступили на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Транссубстанціація и понятіе субстанціи.

Изъ того обстоятельства, что планъ Правовѣрныхъ доказательствъ не былъ выполненъ Лейбницемъ, не слѣдуетъ, конечно, что темы, которыя этотъ планъ охватывалъ, навсегда должны были остаться не разработанными. Лейбницъ занимался ими при случаѣ по мѣрѣ возможности, и такимъ образомъ въ статьѣ о „Доказательствѣ возможности транссубстанціаціи“, списокъ съ которой сохранился въ Ганноверѣ, мы имѣемъ реальное осуществленіе одной изъ главъ плана въ третьей его части. Въ своемъ трудѣ Лейбницъ исходитъ изъ аристотелевско-схоластическаго понятія субстанціи [1]).

„Мы съ Божьей помощью предприняли, говоритъ Лейбницъ, доказательство возможности транссубстанціаціи хлѣба и вина въ тѣло Христово... Итакъ, слѣдуетъ доказать: 1) что тѣло и вино, потерявъ собственныя субстанціи, пріобрѣтаютъ субстанцію тѣла Христова, 2) что она одна и та же по числу, 3) что вездѣ остаются только виды ея, т. е. акциденціи и 4) что субстанція тѣла Христова можетъ находиться во многихъ мѣстахъ, гдѣ есть видъ освященныхъ хлѣба и вина.

„Дѣло зависитъ отъ объясненія терминовъ: субстанціи, видовъ, т. е. акциденцій и нумерической идентичности“ [2]).

Обнародовавшій отрывки изъ сочиненія о транссубстанціаціи Кабитцъ замѣчаетъ, что оно отчасти дословно повторяется въ письмѣ Лейбница къ Арно, написанномъ въ ноябрѣ 1671 года. Вѣроятно поэтому, Кабитцъ въ своемъ изданіи приводитъ текстъ только начала работы, именно почти только то, что касается понятія субстанціи.

---

[1]) Лейбницъ самъ говоритъ, что онъ хочетъ дать объясненіе изъ терминовъ: ex receptis earum apud Scholasticos notionibus tantum clare expositis conficiemus. Kabitz. Op. cit. 78.

[2]) Ib.

„1. Субстанція, пишетъ Лейбницъ, есть существо, пребывающее само черезъ себя.

„2. Существо, пребывающее само черезъ себя, есть то, что имѣетъ въ себѣ принципъ дѣйствія, ибо существо, пребывающее по себѣ, то есть та или другая субстанція, въ данномъ индивидуумѣ есть нѣчто, лежащее въ основаніи (suppositum); схоластики имѣютъ обыкновеніе опредѣлять это нѣчто, лежащее въ основаніи, какъ субстанціальное недѣлимое. И вотъ дѣйствія принадлежатъ субстанціальнымъ недѣлимымъ. Значитъ, нѣчто, лежащее въ основаніи, имѣетъ принципъ дѣйствія въ себѣ, т. е. дѣйствуетъ. Поэтому и существо, пребывающее черезъ себя, имѣетъ въ себѣ принципъ дѣйствія, что и требовалось доказать.

„3. Что имѣетъ принципъ дѣйствія въ себѣ, то, будучи тѣломъ, имѣетъ въ себѣ принципъ движенія.

„Всякое дѣйствіе тѣла есть движеніе, такъ какъ всякое дѣйствіе есть измѣнчивость сущности. Значитъ, всякое дѣйствіе тѣла есть измѣнчивость сущности тѣла. Сущность или опредѣленіе тѣла есть бытіе въ пространствѣ. Значитъ, измѣнчивость сущности тѣла есть измѣнчивость существованія въ пространствѣ, есть движеніе.

„Итакъ, всякое дѣйствіе тѣла есть движеніе, что и требовалось доказать...

„4. Ни одно тѣло, взятое отдѣльно отъ споспѣшествующаго ему ума, не имѣетъ принципа движенія въ себѣ. Это доказано въ первой части „Правовѣрныхъ доказательствъ“, гдѣ доказано существованіе Бога.

„5. Значитъ, ни одно тѣло, взятое отдѣльно отъ споспѣшествующаго ума, не есть субстанція.

„6. Что не есть субстанція, то есть акциденція, т. е. видъ.

„7. Значитъ, тѣло, внѣ споспѣшествующаго ума, есть акциденція, т. е. видъ.

„8. То, что взято вмѣстѣ съ умомъ, который споспѣшествуетъ, есть субстанція, есть соединеніе съ умомъ. Итакъ, субстанція человѣческаго тѣла есть соединеніе съ человѣческимъ умомъ; субстанція тѣлъ, лишенныхъ разума, есть соединеніе со всеобщимъ умомъ или Богомъ; идея есть соединеніе Бога съ тварью.

„9. Итакъ, субстанція тѣла есть соединеніе съ умомъ, который поддерживаетъ".

Важность приведеннаго отрывка очевидна. Кабитцъ подчеркиваетъ въ немъ мысль, что всякое тѣло есть акциденція и не имѣетъ въ основѣ своей движенія [1]). Мы съ своей стороны замѣтимъ, что доказательства о сущности субстанціи есть документъ, подтверждающій, что Лейбницъ, осуществляя части общаго плана, переживалъ тотъ же комплексъ философскихъ идей, который владѣлъ его вниманіемъ во время работы надъ объясненіемъ гипостатическаго соединенія души и тѣла. Утвержденіе, что душа имѣетъ въ себѣ принципъ дѣйствія есть повтореніе извѣстной уже намъ мысли. Оно встрѣчалось намъ тамъ же, гдѣ встрѣчался намекъ на возможность объясненія длительности существованія человѣческой души изъ дѣлимости недѣлимой точки. Лейбницъ съ разныхъ сторонъ обдумывалъ представлявшіяся ему идеи и старался въ извѣстномъ выраженіи закрѣплять ихъ. Относительно способа этого выраженія про данный отрывокъ можно сказать, что, судя по его строю, Лейбницъ хотѣлъ изложить сочиненіе о тайнахъ вѣры геометрическимъ способомъ.

Вѣсы разума и норма текста.

Повтореніе прежнихъ идей въ соединеніи съ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ—часто встрѣчающійся фактъ въ процессѣ образованія системы Лейбница. Его мы снова находимъ въ третьей изъ названныхъ выше работъ, въ „Маленькихъ размышленіяхъ о судьѣ преній, или о вѣсахъ разума и нормѣ текста". Еще „Образецъ политическихъ доказательствъ въ пользу избранія польскаго короля" заключалъ у Лейбница мысль о примѣнимости разсчета вѣроятностей къ опредѣленію опасности кандидатуры на польскій престолъ одного изъ Пястовъ [2]). Теперь онъ прилагаетъ ме-

---

[1]) Ib.

[2]) Лейбницъ разсуждалъ такъ: «Пястъ опасенъ во многихъ отношеніяхъ... Много причинъ, возникшихъ въ разныхъ головахъ, должны обратиться сами на себя, ибо каждая цѣликомъ дѣйствуетъ въ любой области другой причины, и такимъ образомъ одна должна быть умножаема на другую; напр., опасность отъ числа выбирающихъ сводится на опасность отъ числа тѣхъ, кто можетъ быть выбранъ, такъ какъ выбирающіе и тѣ, кто можетъ быть

тодъ вѣроятностей въ вопросу о сущности рѣшающей инстанціи въ религіозныхъ и свѣтскихъ спорахъ. Первая часть посвященнаго этому сочиненія имѣетъ темой толкованіе текста Св. Писанія, вторая—сужденія житейской практики.

Предметъ вѣры, думалъ Лейбницъ, есть божественное откровеніе, поэтому Священное Писаніе должно служить объективнымъ мѣриломъ вѣры и послѣдней рѣшающей инстанціей. Но необходимо толковать тексты и толкованіе производить на основаніи терминовъ [1]). Лейбницъ пишетъ: „я признаюсь, что самый текстъ недостаточенъ для точнаго рѣшенія вопроса объ его смыслѣ, если не принимать въ расчетъ другихъ пособій. И однако, я утверждаю, что самый текстъ достаточенъ для многихъ вопросовъ религіи, касающихся вѣры. Нѣтъ ли тутъ противорѣчія? Менѣе всего. Ибо вопросы вѣры, т. е. тѣ, которые касаются основанія блага, не должны опредѣляться, какъ выводы изъ текста, но должны заключаться въ немъ, въ его терминахъ... Если держаться этого правила, то... ничего не нужно допускать необходимаго для спасенія, чего не содержалось бы въ Священномъ Писаніи въ терминахъ, и тогда всѣ полезные вопросы о вѣрѣ будутъ рѣшены, и, слѣдовательно, Писаніе будетъ судіей всѣхъ споровъ, необходимыхъ для спасенія". [2]) Таково главное положеніе Лейбница о рѣшающей инстанціи въ дѣлахъ вѣры. Однако нѣкоторые вопросы, по мнѣнію Лейбница, совершенно выходятъ изъ области компетенціи Священнаго Писанія. Таковы, напр., вопросъ о причинности, вопросъ о личности Христа. „Ты сказалъ бы, продолжаетъ Лейбницъ, что Писаніе по меньшей мѣрѣ не можетъ быть судьею своей подлинности. Такъ....

выбранъ, въ случаѣ, если долженъ быть избранъ Пятъ, совпадаютъ. Представимъ, что есть только тысяча выборщиковъ, тогда будетъ также тысяча тѣхъ, кто можетъ быть выбранъ и, слѣдовательно, опасность разноглазій выразится квадратомъ тысячи... Итакъ, результатъ опасности будетъ измѣренъ умноженіемъ постоянной причины на себя взаимно. И отъ такого взаимнаго умноженія произойдетъ невѣроятная сумма. Примѣромъ можетъ служить геометрическая прогрессія». D. IV. P. 3. 604. Исчисленіе вѣроятностей въ этомъ разсужденіи—налицо.

[1]) Kabitz. Op. cit., 116.

[2]) Ib., примѣч.

Значитъ, по разуму и по исторіи должна быть показана вообще самая божественность Священнаго Писанія, которую оно само въ себѣ не можетъ удостовѣрить... Вѣдь хотя оно говоритъ, что оно—слово Божіе, однакожъ нужно показать, откуда это“ [1]). Лейбницъ такимъ образомъ хочетъ дойти до nec plus ultra достовѣрности. Онъ думаетъ, что тотъ, кто вѣритъ въ открытую посредствомъ словъ истину, долженъ хорошо знать предварительно смыслъ и значеніе этихъ словъ [2]). Это важно для тѣхъ, кто цѣнитъ вѣру, какъ нѣчто рѣшающее въ вопросѣ о блаженствѣ. Однако, не смотря на весь свой раціонализмъ, Лейбницъ заключаетъ такъ: „кто думаетъ, что ясное знаніе выраженій тайнъ вѣры необходимо для спасенія, тому я докажу, что изъ тысячи едва ли есть одинъ христіанинъ,— и по большей части не изъ тѣхъ, кто такъ думаетъ,—который имѣлъ бы когда нибудь это знаніе; слѣдовательно, принятія выраженной въ Священномъ Писаніи формулы вмѣстѣ со смутнымъ знаніемъ ума объ ея значеніи и съ нѣкоторымъ дисъюнктивнымъ согласіемъ или догадкой — достаточно для спасенія“ [3]). Такимъ образомъ, въ дѣлахъ вѣры разумъ играетъ не безусловную роль.

Вторая часть сочиненія признаетъ за разумомъ болѣе вѣса, хотя Лейбницъ и полагаетъ, что въ житейскихъ дѣлахъ нѣтъ абсолютно рѣшающей инстанціи, а имѣется только моральная увѣренность и практическая непогрѣшимость, которыя необходимы въ общественной жизни, войнѣ, мірѣ, союзахъ, договорахъ, и которыя находятся въ рукахъ многихъ лицъ, подлежа ихъ личному усмотрѣнію [4]). Страсти владѣютъ человѣкомъ, и нужно прибѣгать къ холодному разуму, который въ своей вѣрности абстрактенъ. Этотъ разумъ для всѣхъ случаевъ явится тогда рѣшающей инстанціей. Минуя математику, Лейбницъ считаетъ средствомъ для нахожденія такой инстанціи одну только логику. Чтобы найти инстанцію, требуется искусство. „Это искусство, говоритъ Лейбницъ, есть истинная логика, а вѣприм ѣненіи еще и нѣкоторая форма движенія впередъ, очень точная и строгая, исключающая всякіе софизмы. Бо-

[1]) Ib., 117, примѣч.
[2]) Ib. 118.
[3]) Ib., 119, примѣч.
[4]) Ib., 25.

лѣе чѣмъ ясно, что ее можно дать, но ее никто не давалъ и не примѣнялъ“ [1]). „Правила этого искусства могутъ быть, по словамъ Лейбница, точно установлены. Каждый предполагаетъ свои основанія и ничего не принимаетъ, кромѣ того, что напередъ доказано разумомъ или чувствомъ, подтвержденнымъ свидѣтелями... А такъ какъ на практикѣ обыкновенно бываютъ съ обѣихъ сторонъ истинныя основанія, именно выгоды и невыгоды, то ихъ количество точно подсчитывается и отсюда выводится заключеніе.

„У каждаго, продолжаетъ Лейбницъ, есть право представлять въ достаточномъ количествѣ основанія другому въ промежуткѣ извѣстныхъ границъ времени, въ продолженіи котораго съ обѣихъ сторонъ должны быть исчерпаны всѣ основанія, послѣ чего захлопывается дверь и происходитъ испытаніе по извѣстному, самому точному методу, или лучше даже одинъ изъ противниковъ внимаетъ другому, разсуждающему съ судьями, при чемъ хранитъ нить истинной логики, чтобы нигдѣ не могло быть принято что-либо темное и сомнительное, чтобы нигдѣ нельзя было отклониться отъ вѣчныхъ законовъ мышленія [2]).“

Такого сорта логическое испытаніе очень похоже на то, какъ если бы чашку вѣсовъ хотѣли уравновѣсить точными гирями,—обстоятельство, подавшее поводъ Лейбницу назвать сочиненіе „Вѣсы разума“. Какова же общая форма такого рода занятій логикой вѣроятностей? Она представлялась Лейбницу довольно подробно.

„Чтобы люди могли, писалъ онъ, установить такое испытаніе легко, пріятно и безъ всякаго отвращенія, а лучше съ величайшею выгодою, въ государствѣ, которое избрало судью споровъ, необходимо имѣть книгу опредѣленій, расположенныхъ въ естественномъ порядкѣ, въ которой бы опредѣлялись всѣ обычно употребляемыя слова до неопредѣлимыхъ терминовъ, т. е. необходимо, чтобы государство объяснило, каково должно быть употребленіе этихъ словъ въ публичныхъ разсужденіяхъ, и это потому, что не во всякихъ частныхъ дѣлахъ всегда заботятся объ опредѣленіяхъ. Неопредѣлимые термины это тѣ, которые, будучи извѣстны по чистому смыс-

---

[1]) Ib., 26.
[2]) Ib. 27, примѣч.

лу, представляются то въ образахъ, то всего болѣе въ естественномъ видѣ, когда уже означены вещи, включенныя въ сокровищницу и присоединенъ листокъ названій. И пусть не перечисляются здѣсь означенія измѣненій, но берется одно опредѣленное слово, и да остерегаются одно и то же слово употреблять въ разныхъ смыслахъ.

„Потомъ, предложивъ такое толкованіе словъ, пусть доказывается напередъ, въ другой книгѣ, называемой книгой теоремъ, большая часть наиболѣе извѣстныхъ предложеній, поскольку они истинны, и это при условіи строжайшаго сохраненія логическихъ законовъ, чтобы можно было обращаться къ этимъ уже напередъ доказаннымъ предложеніямъ, какъ у математиковъ къ элементамъ Эвклида, и дѣлать сокращеніе процесса испытанія въ частныхъ случаяхъ.

„Въ третьихъ, пусть будетъ историческая книга, въ которой было бы собрано изъ исторіи все достойное памяти въ одинъ томъ, въ хронологическомъ порядкѣ. По засвидѣтельствованіи ея автора, когда точно удостовѣрена годность книги для производства точнаго испытанія, тѣмъ, кому это важно, можно позволить, гдѣ нужно, осторожно производить испытаніе вообще по особенной книгѣ, въ которой точно означенными словами было бы отмѣченно, что̀ есть сомнительнаго въ любой исторіи...

„Въ четвертыхъ, пусть будетъ экспериментальная книга, въ которой были бы собраны всѣ опыты природы и искусства въ порядкѣ вещей. Благодаря нашей исторической и экспериментальной книгѣ, ибо и она исторична, можетъ быть сдѣлана аппелляція, но такъ, чтобы послѣдней оставаться въ силѣ, пока доказывается противоположное [1]), а между тѣмъ не прекращается... изслѣдованіе. Когда же доказано противоположное, то производится провѣрка, и доказавшему противоположное присуждается выигрышъ. Книгой опредѣленій и предложеній не допускается ни аппелляція, ни возвращеніе къ прежнему состоянію, даже когда замѣчена ошибка. Относительно нея до этихъ поръ можно сомнѣваться, ибо если пользуются разными способами идти впередъ, а одинъ оставляетъ положенія, видя въ нихъ ошибку, и пользуется чистыми терминами въ ихъ комбинаціи, то

[1]) Тутъ Лейбницъ въ скобкахъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе: quando historicus referens maxime autem plures quorum alter alterum aut eundem non exscripsit in ea re est probatae fidei. Ib. 28.

ошибка тотчасъ же вынырнетъ, какъ въ пробѣ вычисленій, когда вводится разнообразное основаніе счета. Нужно испытать, даны ли пробы ошибокъ, какъ это бываетъ въ вычисленіяхъ. Если кто по своей волѣ, хотя бы его дѣло не разбиралось, займется обнаруженіемъ ошибокъ въ книгѣ теоремъ, то такого человѣка больше всего слѣдуетъ слушать.... Книга теоремъ, гдѣ предложенія такъ хорошо пересчитаны, приноситъ ту пользу, которую приносятъ таблицы синусовъ, логариѳмовъ, квадратовъ и кубовъ, большая Пиѳагорова таблица и другія ариѳметическія книги, облегчающія трудъ нашихъ вычисленій. Если бы кто нибудь въ книгѣ синусовъ указалъ ошибку, то заслужилъ бы, конечно, у математиковъ большую благодарность [1])".

Вполнѣ понятно, что пятымъ пособіемъ для такого рода занятій испытаніемъ достовѣрности спорныхъ рѣшеній является составленный въ алфавитномъ порядкѣ указатель того, что встрѣчается въ четырехъ названныхъ книгахъ. „куда, говоритъ Лейбницъ, присоединены тѣ изъ словъ, которыя гармоничны между собой [2])". Этотъ индексъ служитъ для производства открытій, а четыре книги для того, чтобы судить и рѣшать. Рѣшенія есть дѣло государства. „Все это, по мнѣнію Лейбница, прежде всего можетъ быть осуществлено во всеобщемъ союзѣ мудрыхъ, пока мало по малу съ теченіемъ времени все это не будетъ въ состояніи кстати распространиться и на прочихъ [3])".

Такими словами заканчивается сочиненіе [4]). Бросивъ общій взглядъ на его содержаніе, по отношенію къ первой части можно сказать, что теологическая точка зрѣнія Лейбница очень похожа въ ней на точку зрѣнія Альберта Великаго и Ѳомы Аквината. Разница только та, что Лейбницъ имѣетъ раціоналистическій исходный пунктъ. Вѣра, по Лейбницу, есть дѣло теоретическаго разума, а положенія вѣры есть теоретическія истины изъ области истинъ факта [5]). По отношенію ко второй части „Вѣсовъ разума" нужно указать на тѣсную связь ея съ Ars Combinatoria. Тамъ рѣчь шла о достиженіи

[1]) Ib., 27—29. Примѣчанія.
[2]) Ib., 29.
[3]) Ib.
[4]) Ib.
[5]) Ib. 118.

истины путемъ доказательства, здѣсь—путемъ вѣроятности [1]). Многія изъ прежнихъ идей Лейбница въ Commentatiuncula выражены полнѣе и лучше. Самая идея примѣненія теоріи вѣроятности въ спорахъ обработана систематически; есть весьма интересныя, хотя и не новыя замѣчанія, напр., объ историчности всякаго эксперимента [2]).

Идея образованія просвѣтительнаго общества.

Трактатъ о „Вѣсахъ разума и нормѣ текста“ закончился замѣчаніемъ о всеобщемъ союзѣ мудрыхъ, въ которомъ лучше всего могло бы быть осуществлено вѣроятное достиженіе истины. Это мысль сближаетъ разсмотрѣнное сочиненіе съ работой, которая была написана Лейбницемъ, вѣроятно, въ томъ же 1669 году, но нѣсколько позднѣе. Съ ноября 1669 года Лейбницъ выражаетъ желаніе заняться изданіемъ журнала „Зерно книжнаго дѣла“. Цѣли, которыя при этомъ преслѣдуются, имѣютъ просвѣтительный характеръ. По сохранившимся письмамъ и замѣткамъ можно познакомиться съ этой стороной дѣятельности Лейбница. 18 ноября 1669 года изъ Майнца, гдѣ тогда жилъ, Лейбницъ послалъ два письма въ Вѣну: одно Христофору Гудену [3]), другое—императору Леопольду [4]). Въ письмахъ Лейбницъ просилъ привиллегіи для предполагавшагося изданія, которое имѣло цѣлью давать обзоръ выходящихъ книгъ и такимъ образомъ способствовать надлежащему ихъ выбору въ средѣ читающей публики. Въ письмѣ, отъ того же 18 ноября, Лейбницъ писалъ Ламбеку, что онъ былъ бы, можетъ быть, въ состояніи безъ привиллегіи начать трудъ изданія „Книжнаго зерна“, но, прибавлялъ Лейбницъ, „вѣдь тебѣ извѣстны... образъ дѣйствій типографовъ и издателей, а также за-

---

[1]) Ib. 29.

[2]) Нельзя здѣсь не указать на то, что Commentatiuncula, дата которыхъ установлена съ вѣроятностью въ смыслѣ появленія ихъ около 1670 года, могутъ подтвердить вѣроятность того, что опубликованный Кутюра очеркъ объ искусствѣ комбинировать понятія и о философскомъ языкѣ, приведенный нами въ примѣчаніяхъ (стр. 132—136), относится, согласно нашему предположенію, къ 1669 году. Въ этомъ очеркѣ тѣ же идеи, что и въ Commentatiuncula. Почему же не предположить, что онъ могъ быть ихъ первоначальнымъ наброскомъ, сдѣланнымъ только подъ инымъ угломъ зрѣнія?

[3]) Onno Klopp. I., 84 и слѣд.

[4]) Ib. 81 и слѣд.

висть соперниковъ, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка [1])“ Лейбницъ, очевидно, не надѣялся на себя, хотя близко принималъ къ сердцу дѣло распространенія просвѣщенія [2]). Баронъ Бойнебургъ содѣйствовалъ начинаніямъ Лейбница. Сохранилось письмо этого друга и покровителя Лейбница, написанное, повидимому, къ тому же Ламбеку и помѣченное тѣмъ же днемъ 18 ноября. Письмо заключало составленную Бойнебургомъ рекомендацію Лейбница [3]). Всѣ эти хлопоты были продолженіемъ того, что затѣвалось годъ тому назадъ, и, вѣроятно весь декабрь 1669 г., Лейбницъ, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда былъ заинтересованъ политикой [4]), посвятилъ составленію разнаго рода набросковъ то о направленіи книжной торговли, то вновь о привиллегіи для журнала [5]). Философская сторона дѣла по вопросу о распростра-

---

[1]) Ib. 74.

[2]) Чтобы яснѣе представить себѣ, какую задачу преслѣдовалъ Лейбницъ въ своемъ изданіи, приводимъ одинъ изъ параграфовъ относящейся къ этому же времени статьи Nuclei Librarii Semestralis Utilitas, imo necessitas: «9. Caeterum in ipso hoc Nucleo animus est circa singulas libros insigniores brevissime quantum ex ipso libro hauriri potest: *autorem* et quis ille, *summam ac partitionem scripti*, et denique singularia notabilia, maxime quae illic nemo quaerat, et passim in eo obiter occurrentia excerpta exhibere». Ib. 87–88.

[3]) Онно Клопп замѣчаетъ, что письмо было написано Лейбницемъ, а баронъ Бойнебургъ его только исправилъ. Приводимъ исправленную рекомендацію: «Godofredus Guilielmus Leibnitius, philosophiae ac juris utriusque doctor... tum ceterae pariter eruditionis apprime callens et curiosus. Quem si coram frequentares, praevideo fore, ut mihi omnino assentiaris meminem temere hujusmodi operis magis accommodum opportunumve vel excogitari a quoquam posse. Omnia ad hoc requiri solita in eo uno conveniunt, doctrinae apparatus omnigenae, judicii maturitas, industria, fides, aetatis vigor, nam non nisi 23 circiter annos natus est, animi probitas ac continentia morum eximia, tum modestia et candor incomparabilis». Ib. 93.

[4]) Къ числу политическихъ сочиненій Лейбница относятся: Jezige Bilance von Europa. (Klopp. 1, 166 и 169). Quaestio: an jure Imperium defensionem Circuli... Burgundici (Ib. 1, 353). In § Et ut eo sincerior (Ib. 1, 335). Explicatio parafrasi: et ut eo Sincerior (Ib. 1, 334 и 207—211). De foedere Rhenano (Ib. 1, 163). Первое изъ нихъ написано послѣ 10 декабря 1669 г., а другіе вообще относятся къ этому году.

[5]) Письма: къ Ламбеку (Ib. I, 105, къ графу Кёнигсекку (Ib. I, 107), къ Гудену 19 декабря 1669 г. (Ib. 1, 102).

неніи просвѣщенія выразилась въ отдѣльномъ трактатѣ, который былъ написанъ для курфюрста Іоанна Филиппа Шонборна и назывался „Основа размышленія о созданіи въ Германіи общества для поднятія искусствъ и наукъ [1])". Цѣль этого размышленія (25 параграфовъ и приложеніе въ 19 пунктовъ) заключалась въ томъ, чтобы показать условія возможности и способъ осуществленія общества. Рѣчь объ этомъ способѣ, по мнѣнію Лейбница, послужитъ къ выясненію того, что можно осуществить, а говоря о природѣ и особенностяхъ общества, мы необходимо должны будемъ привести примѣръ его дѣйствія и пользы [2]). Спрашивается: можно ли основать такое общество? Отвѣчаемъ: да. Основателями общества должны быть люди высшаго круга. Они не должны ни въ чемъ нуждаться, кромѣ спокойствія совѣсти и безсмертной славы у Бога и потомства. Отсюда легко себѣ представить, что возможенъ такой случай: эти люди, у которыхъ есть все, и которые пользуются всѣми радостями жизни, найдутъ, отчасти изъ потребности совѣсти, отчасти изъ потребностей здоровья, что для этого самого здоровья нѣтъ ничего болѣе полезнаго, какъ довольство, свобода и спокойствіе духа—coelum in terris, т. е. то, что даетъ имъ возможность не обманываться въ будущемъ счастіи и что также сразу покажетъ ихъ духу всѣ плоды вѣчности. „Изъ этого я заключаю, пишетъ Лейбницъ, что такое общество должно быть основано, 1) ради совѣсти, 2) ради безсмертія славы основателей и 3) ради общаго блага" [3]). Столь похвальное и пріятное Богу и людямъ дѣло будетъ въ пользу самимъ основателямъ. Лейбницъ берется доказать это пунктъ за пунктомъ и для этого примѣняетъ къ вопросу методъ опредѣленія понятій. Въ опредѣленіяхъ раскрываются оригинальнѣйшія изъ его воззрѣній, принадлежащихъ тому времени.

Смыслъ нравственной любви. Богъ и міръ.

„Добрую совѣсть, разсуждаетъ Лейбницъ, можно опредѣлить, какъ радость души въ ея надеждѣ на вѣчное блаженство. Именно постольку, поскольку она понимаетъ сама себя, а увѣреніе въ этомъ въ человѣческой власти, если человѣкъ дѣлаетъ все, что

[1]) «Grundriss eines Bedenkens von aufrichtung einer Societät in Teutschland zu aufnehmen der Künste und Wissenschaften. Ib. I, 111.

[2]) Ib.

[3]) Ib., 112.

можетъ, предоставляя остальное непогрѣшимости Бога и его справедливости.

„Надежда есть вѣра въ будущее, подобно тому какъ вѣра есть, такъ сказать, надежда на прошлое, ибо вѣрить значитъ надѣяться, что прошлое ... истинно. Истинная вѣра и истинная надежда не состоятъ только въ разговорахъ и размышленіяхъ, но въ размышленіяхъ практическихъ, т. е. въ дѣйствіи сообразно истинѣ (als wenns wahr were). Вѣровать въ Бога, надѣяться на Бога значитъ вѣрить, что Богъ любитъ насъ...., и, слѣдовательно, надѣяться, что если мы любимъ Его отъ всего сердца, то возникнетъ неразрывная дружба, amititia vera et aeterna, и тогда послѣдуетъ невыразимое, безконечное наслажденіе въ будущей жизни.

„Надежда и вѣра основаны на любви, а всѣ три онѣ на познаніи. Любовь есть радость души въ моментъ созерцанія красоты и превосходства другого. Всякая красота состоитъ въ гармоніи и пропорціи, красота души, или охватывающаго вещи разума, состоитъ въ соотвѣтствіи между разумомъ и могуществомъ, что въ этомъ мірѣ служитъ основой справедливости, порядка, заслугъ и даже формы государства, ибо всякій понимаетъ, что̀ можетъ, и можетъ постольку, поскольку понимаетъ. Если могущество болѣе разума, то тотъ, кто имъ обладаетъ, есть или наивная овца, которая не знаетъ, какъ имъ воспользоваться, или волкъ и тиранъ, которые не умѣютъ имъ пользоваться, какъ слѣдуетъ. Если разумъ болѣе могущества, то тотъ, кто имъ обладаетъ, подавленъ. То и другое безполезно и даже вредно. А красота душъ состоитъ въ соотвѣтствіи знанія и могущества; значитъ, красота всей совокупности міра и красота безконечнаго ума состоятъ въ безконечности какъ могущества, такъ и мудрости и, слѣдовательно, любовь къ Богу, къ высшему благу, заключается въ несказанной радости, (уже помимо са́маго представленія, которое дѣлаетъ счастливымъ), а творчество происходитъ изъ разсмотрѣнія этихъ красоты или соотвѣтствія, въ чемъ состоятъ всемогущество и всевѣдѣніе“.

„Въ свою очередь вѣра, надежда и любовь удивительно укрѣпляются, благодаря познанію и надежности всемогущества и всезнанія Бога. Ибо, такъ какъ Онъ есть высочайшая мудрость, то вѣрно, что Онъ справедливъ и добръ, и, значитъ, любитъ насъ, свое твореніе; что Онъ дѣлаетъ для насъ все

возможное (именно поскольку допускаетъ это всеобщая гармонія вещей безъ уничтоженія нашей свободной воли), чтобы мы также любили Его, и на этомъ покоится вѣра. Но такъ какъ Онъ есть въ то же время высочайшее могущество, то вѣрно также, что Онъ достаточно могучъ, чтобы допустить наслаждаться своей любовью тѣхъ, кто Его любитъ, т. е. сдѣлать ихъ вѣчно счастливыми". [1]) Однако этой вѣрѣ и надеждѣ, какъ сказано, не слѣдуетъ предаваться поверхностно; нужно думать практически, т. е. дѣйствовать. Точно также любить Бога, значитъ желать практически. „Реализація любви состоитъ въ томъ, что мы дѣлаемъ то, что нравится тому, кого любимъ. Богъ долженъ быть любимъ; это мы должны понимать, поскольку можемъ, изъ его познанія". [2]) Между тѣмъ познаніе природы Бога, полагаетъ Лейбницъ, естественнымъ образомъ можно получить „не изъ чего другого, какъ изъ истиннаго доказательства его существованія". [3]) Соображенія Лейбница по этому поводу очень оригинальны. Существованіе Бога, говоритъ онъ, „должно быть принято главнымъ образомъ потому, что безъ него прежде всего нельзя найти причину (а вѣдь ничего не бываетъ безъ причины), почему вещи, которыя могли бы не быть, есть нѣчто; и затѣмъ далѣе, почему вещи, которыя могли бы быть безсвязными и безпорядочными, находятся въ такой прекрасной, невыразимой гармоніи. Первое приводитъ къ тому, что Богъ долженъ быть послѣднимъ основаніемъ вещей и, значитъ, высочайшимъ могуществомъ, а второе—къ тому, что онъ долженъ быть величайшей гармоніей вещей и, значитъ, величайшей мудростью.

„Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что расположеніе, любовь Бога ко всѣмъ, истинное раскаяніе, къ которому примыкаетъ обезпеченіе въ блаженствѣ, значатъ то же, что любовь къ общественному благу и всеобщей гармоніи или пониманіе славы Бога, а также увеличеніе ея...., ибо между всеобщей гармоніей и честью Бога нѣтъ никакой разницы, какъ между тѣлами и тѣнями, личностью и ея изображеніемъ, лучомъ пря-

[1]) Ib. 112—113.
[2]) Ib. 114.
[3]) Ib.

мымъ и отраженнымъ, потому что тѣ обнаруживаются въ поступкѣ, а эти въ душахъ тѣхъ, кто знаетъ Бога. Вѣдь Богъ не создалъ тварей ни для какой другой цѣли, кромѣ той, чтобы они служили зеркаломъ, въ которомъ безконечно умножалась бы безконечная Божія гармонія, ибо вполнѣ завершенное познаніе и любовь Бога должны въ свое время состоять въ visione beatifica или сверхчувственной радости, которая приводитъ къ отраженію и нѣкоторымъ образомъ къ сосредоточенію безконечной красоты въ небольшой точкѣ нашей души. И естественнымъ примѣромъ этому служатъ зажигательное зеркало или зажигательное стекло.

„Въ виду этого любовь Бога къ міру, раскаяніе, вѣчная красота состоятъ въ томъ, чтобы каждый, поскольку допускаютъ его способности, воспринималъ благость Бога и всеобщую гармонію, а также отражалъ ее на другихъ, сообразно своей мощи усиливалъ и увеличивалъ ея просвѣчиваніе на людяхъ и тваряхъ. А изъ этого слѣдуетъ, что всѣ тѣ, кто для разнообразнаго оттѣненія міра имѣетъ болѣе бережливую натуру съ умѣренной степенью разума и мощи, должны служить другимъ только въ качествѣ какъ бы механическаго орудія.. И будетъ достаточно, если они сдѣлаются средствами чести Божіей или, что одно и то же, средствами общей пользы, питанія, облегченія, удобства, обученія и просвѣщенія своихъ ближнихъ, также открытія, изученія и усовершенствованія тварей по предначертанію болѣе могущественныхъ и мудрыхъ: этого для ихъ совѣсти будетъ достаточно“. [1]) Впрочемъ и обычно, полагаетъ Лейбницъ, люди такъ созданы Богомъ, что однимъ изъ нихъ назначено давать совѣты, а другимъ—слушать. Первымъ данъ разумъ безъ могущества, вторымъ—могущество. Тѣ же, которымъ даны въ высокой степени и разумъ и могущество, представляютъ героевъ. [2]) Они—главныя средства Бога для обнаруженія его воли.

Послѣ этихъ общихъ разъясненій Лейбницъ ставитъ вопросъ о томъ, какъ могутъ быть выражены разумъ и могущество во славу Божію.

---

[1]) Ib. 114—115.

[2]) Ib. 116.

Выраженіе любви къ Богу.

Это можетъ быть сдѣлано тремя способами: „посредствомъ хорошихъ словъ, посредствомъ хорошихъ мыслей и посредствомъ хорошихъ поступковъ. По отношенію къ Богу это называется хвалами, жертвами и, наконецъ, хорошими дѣлами, то есть почитаніемъ или дѣятельной любовью. Любовь лучше голой вѣры, почитаніе лучше жертвъ, вѣра лучше жертвъ и похвалъ тѣхъ, кто чтитъ Бога только на словахъ. Отсюда мы почитаемъ Бога или какъ ораторы и жрецы, или какъ истинные философы, или какъ моралисты и политики". [1]) Сообразно этимъ тремъ рубрикамъ, Лейбницъ распредѣляетъ дальнѣйшій матеріалъ изложенія.

Ораторы и жрецы заботятся объ утѣшеніи души и о томъ, чтобы она могла годиться для дѣятельности высшаго рода. Въ древности жрецы были философами и правителями государствъ. У ораторовъ въ распоряженіи слова, у жрецовъ — обряды. Путемъ словъ и обрядовъ они стараются зажечь сердца любовью къ Богу. Такой способъ почитанія Бога можетъ быть названъ самымъ общимъ, ибо онъ, будучи связанъ съ рѣчью, наиболѣе бросается въ глаза человѣку. Въ такомъ почитаніи Божества *κατ' ἐξοχήν*—доброе дѣло [2]).

Подобно философамъ чтутъ Бога тѣ, кто открываетъ новую гармонію въ природѣ и искусствѣ. Они обнаруживаютъ Божіе могущество и мудрость. Вотъ почему Моисей, Давидъ и другіе посвятили бо́льшую часть своихъ пѣсенъ естественнымъ чудесамъ природы и несомнѣнно, что поскольку человѣкъ знаетъ чудеса, постольку онъ владѣетъ въ душѣ отображеніями Божьяго величія. [3]) „Никто не можетъ почитать Бога, по мнѣнію Лейбница, съ бо́льшимъ рвеніемъ и съ бо́льшей энергіей, чѣмъ тотъ, кто при своемъ краснорѣчіи и по-

---

[1]) Ib.

[2]) Развивая эту мысль Лейбницъ пишетъ: Was nun zu Gott wohlgefälligem opfer, zu predigten und Music, zu componirung herrlicher beweglicher Lobgesänge, damit sich die alten Hebräer ja auch die Heiden weit mehr und besser als wir ergözet und geübet, zu wohlanständigen Ceremonien und Kirchen Zierath, zu herrlihen Tempeln und Kirchen, so da eine mehrere veneration zu erwecken dienen, für mittel gewiedmet, wenn sie wohl gebrauchet werden unzweifentlich wohl angelegt zu achten»». Ib., 117.

[3]) Ib., 117—118.

эзіи также и въ истинной философіи перешагнулъ границы обычной науки. Особенно высоко должны быть почитаемы у людей... тѣ, кто, внимательно относясь къ хвалѣ Творца и пользѣ ближняго, открываетъ дивное чудо природы или искусства, будь то опытъ или хорошо обоснованная гармонія, и какъ бы самыми фактами поэтически говоритъ о славѣ Божіей. Однако нужно предпочитать эмпириковъ ораторамъ или историкамъ, теоретиковъ—реальнымъ поэтамъ, потому что первые придумываютъ истинные опыты, а вторые—только кажущіяся гипотезы, согласованныя съ природой и опирающіяся на опыты“.. [1])

Способъ, которымъ почитаютъ Бога моралисты и политики, наиболѣе совершенъ. Тутъ дѣло заключается въ томъ, что люди не только открываютъ блескъ божественной красоты въ природѣ, но хотятъ еще и подражать ей. Они хотятъ почитать Бога не только словами и мыслями, но еще и добрыми поступками. Они не только созерцаютъ, что Онъ сдѣлалъ хорошаго, но и становятся Его средствами, чтобы еще болѣе содѣйствовать общему благу и въ особенности людямъ. „Это, по словамъ Лейбница, тѣ, кто примѣнилъ найденныя чудеса природы и искусства къ механикѣ, къ выгодамъ жизни, къ матеріалу работъ и питанію бѣдныхъ, къ избавленію людей отъ праздности и порока, къ соблюденію справедливости, къ наградѣ и наказанію, къ поддержанію общаго спокойствія, къ поднятію и благополучію отечества, къ изгнанію дороговизны, заразы и войны, поскольку это происходитъ отъ нашей власти и вины, къ распространенію истинной религіи и богобоязни, даже къ устройству счастья человѣческаго рода...

„Такое счастье, по мнѣнію Лейбница, было бы возможно, если бы общее согласіе и пониманіе не считали за химеры, съ сочувствіемъ относились къ „Утопіи“ Мора, „Городу солнца“ Кампанеллы и „Атлантидѣ“ Бэкона, если бы вообще совѣты наиболѣе могучихъ людей объ общемъ благополучіи не были заброшены... Тѣмъ не менѣе разумъ, совѣсть и справедливость требуютъ, чтобы каждый дѣлалъ свое въ сферѣ своей дѣятельности; черезъ это онъ будетъ чистъ передъ Богомъ и трибуналомъ своей совѣсти. Если мы не можемъ, чего хотимъ, будемъ хотѣть того, что можемъ. Вѣдь можетъ

[1]) Ib., 118—119.

быть найдется средство, которое по малости покажется средствомъ не особенной цѣнности, но которое въ состояніи оказать великое содѣйствіе общей пользѣ, поднятію отечества, поддержанію и охраненію многихъ людей, славѣ Бога и открытію Его чудесъ.“ [1]) Къ числу такихъ средствъ, при небольшой стоимости способныхъ творить великую пользу, Лейбницъ причисляетъ основаніе хотя небольшого сначала, но хорошо устроеннаго общества или академіи, что легко осуществимо и важно. Такое общество можно устроить въ Германіи. Поведя рѣчь объ этомъ, Лейбницъ предлагаетъ рядъ программъ для дѣятельности общества въ сферѣ науки и искусства, на поприщѣ улучшенія литературнаго дѣла и медицины, даже въ области улучшенія мануфактуры и коммерціи. Послѣдній параграфъ сочиненія поясняетъ, что это общество не было бы похоже на другія, такъ какъ интересы самыхъ ничтожныхъ его членовъ, а затѣмъ директоровъ и даже самыхъ его основателей были бы одни и тѣ же. Война, моръ и другія народныя бѣдствія не такъ легко могли бы его разрушить; оно заботилось бы только о Божіей славѣ и о чисто реальныхъ вещахъ, которыя вездѣ найдутъ себѣ похвалу. „Я заканчиваю, пишетъ Лейбницъ, указаніемъ на то, что кто имѣетъ силу что либо сдѣлать для такого дѣла, ради чести Божіей и своей совѣсти, тотъ, хотя бы ради безсмертной славы или собственной пользы, не долженъ прекращать объ этомъ размышленій“ [2]).

Философское значеніе трактата.

Таковъ былъ трактатъ Лейбница. Его мало изучали. Кабитцъ имъ вовсе не пользовался. Кутюра, какъ и Онно Клоппъ, отмѣтили его религіозный характеръ. [3]) Фуше де Карейль, вновь издавшій трактатъ 1675 г., больше всѣхъ, кажется, обратилъ на него вниманія. Въ немъ, по словамъ Фуше де Карейля, господствуетъ идея общественнаго блага; выражается оптимистическая утопія устроить coelum in terris; не мало хорошихъ опредѣленій вѣры, надежды, любви; наконецъ, развивается мысль, что если поэты и философы создаютъ своими произведеніями

---

[1]) Ib., 120—121.

[2]) Ib., 130.

[3]) L. Couturat. La logique de Leibniz. P. 505. Klopp. I, XXX.

культъ Божества, то моралисты и политики въ своихъ поступкахъ подражаютъ Божеству [1]). Эти замѣчанія не даютъ понятія о философскомъ значеніи трактата, а между тѣмъ такое значеніе едва ли можно отрицать. Въ самомъ дѣлѣ, трактатъ, какъ мы видѣли, логически дѣлится на вступленіе и двѣ главныхъ части: метафизическую и этическую. Метафизика преобладаетъ. Въ ней лежитъ ключъ пониманія историческаго значенія трактата. Каковы главныя понятія, которыми занимается Лейбницъ? Это понятія любви, красоты, Божьяго творческаго акта и всеобщей гармоніи. Что эти понятія представляютъ изъ себя и въ какомъ взаимоотношеніи находятся? Прежде всего въ нихъ нужно подчеркнуть превалирующій элементъ созерцанія. Любовь, по мнѣнію Лейбница, есть радость отъ созерцанія чьей либо красоты и прелести. Красота есть гармонія и соразмѣрность. Красота ума заключается въ соразмѣрности между умомъ и могуществомъ. Красота высочайшаго, безконечнаго ума заключается въ безконечности могущества и мудрости, а отсюда Божій творческій актъ есть ничто иное, какъ созерцаніе красоты или соразмѣрности въ безконечности всемогущества и всевѣдѣнія. Ясно, что элементъ созерцанія служитъ здѣсь какъ бы фокусомъ, въ которомъ сходятся всѣ понятія. И это созерцаніе есть познаніе. Имъ характеризуется интеллектъ Божества. Но однимъ свойствомъ не исчерпываются признаки въ характеристикѣ Божества по нашему трактату. Богъ есть всемогущая мудрость. Богъ любитъ насъ и „дѣлаетъ для насъ все возможное, поскольку это допускаетъ всеобщая гармонія вещей, безъ уничтоженія нашей свободной воли“. Богъ есть послѣдняя причина, такъ сказать послѣднее „почему“, и при томъ въ двухъ отношеніяхъ: въ смыслѣ наличности бытія и въ смыслѣ гармоничности вещей. Отсюда Богъ заразъ—высочайшее могущество и величайшая мудрость. Такъ указываетъ Лейбницъ на двѣ черты въ психикѣ Божества: на волю и разумъ. Если попытаться связать эти двѣ функціи Божьяго „я“, то средствомъ для этого легко послужитъ только—что отмѣченный элементъ созерцанія въ понятіяхъ любви и гармоніи. Богъ

---

[1]) Oeuvres de Leibniz par A. Foucher de Careil. Paris. 1875. T. VII, p. p. VII—VIII.

преисполненъ любви въ созерцаніи гармоніи цѣлаго; это созерцаніе, какъ мы знаемъ, есть познаніе, а познаніе поддерживается божественной волей, опредѣляемой тою же любовью. Изъ этого ясно, что понятіе созерцанія составляетъ у Лейбница центръ характеристики Божества. Познаніе и любовь въ Богѣ тожественны и въ завершенномъ своемъ состояніи суть особаго рода visio beatifica, которая способствуетъ отраженію красоты міра въ душѣ, какъ въ фокусѣ. Visio beatifica есть одно изъ оригинальнѣйшихъ понятій въ метафизикѣ Лейбница. Но это—главное. Въ трактатѣ много интересныхъ и значительныхъ мелочей. Прежде всего—понятіе общаго блага. Оно отождествляется со всеобщей гармоніей и славой Божіей. Между всеобщей гармоніей и честью Бога, по словамъ Лейбница, нѣтъ никакой разницы, какъ между личностью и ея изображеніемъ. Это утвержденіе—не безъ элементовъ пантеизма. Другая интересная подробность въ трактатѣ—это взглядъ на цѣль творенія. Тварь создана для того, чтобы служить зеркаломъ для умноженія Божіей гармоніи. Эта характерная для всей философіи Лейбница мысль высказана здѣсь впервые, и съ достаточной ясностью и опредѣленностью, хотя, конечно, было бы рисковано искать въ ея выраженіи всего того, что потомъ совмѣщалъ Лейбницъ въ понятіи предустановленной гармоніи. Третьей подробностью, которой нельзя не отмѣтить въ трактатѣ, является точная формулировка на нѣмецкомъ языкѣ—nichts ohne Ursach ist—закона достаточнаго основанія. Въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ“, какъ уже было показано (стр. 90 этой книги), есть фраза, которая по смыслу предполагаетъ этотъ законъ[1]) и можно согласиться съ Кабитцемъ, что законъ былъ уже въ то время въ сознаніи Лейбница [2]), но прямое свое выраженіе онъ, видимо, получилъ только здѣсь.

---

[1]) Фраза въ подлинникѣ читается такъ: Ratio enim conclusionis tamdiu plane reddita non est, quamdiu reddita non est ratio rationis, praesertim cum hoc loco idem dubium sine fine restet. G. IV, 107. Такая формулировка могла придти Лейбницу на мысль при чтеніи разсужденій Аристотеля о Божествѣ, которое, чтобы быть началомъ движенія, само должно оставаться внѣ ряда движеній.

[2]) Kabitz. Op. cit. 36.

Изъ другихъ особенностей трактата отмѣтимъ повторенія предыдущихъ моментовъ мысли, напримѣръ, изъ „Образца политическихъ доказательствъ“, и чужія вліянія. Къ числу повтореній нужно также отнести названіе точки, которое Лейбницъ присваиваетъ нашей душѣ, и затѣмъ взглядъ на малоспособныхъ людей, какъ на орудіе чужой, болѣе развитой воли. Что касается вліяній, то вѣрнѣе всего, кажется, будетъ сказать, что въ трактатѣ преимущественно отразились концепціи Платона. Конечно, по вопросу о томъ, прямо ли понятіе созерцанія взято у Платона, дѣло могло обстоять такъ, что Лейбницъ помнилъ еще уроки Вейгеля въ Іенѣ, но сочиненіе, взятое въ цѣломъ, слишкомъ полно чувствомъ прекраснаго, чтобы не предполагать чтенія самого Платона. Изложенный трактатъ Лейбница есть своего рода шедевръ христіанской эстетики въ самомъ глубокомъ ея пониманіи, при чемъ сходство съ Платономъ заключается въ подробностяхъ, касающихся послѣдней, этической части сочиненія. Какъ у Платона въ его государствѣ, такъ и у Лейбница въ его обществѣ, есть люди, которые ex officio, по своему положенію, осуществляютъ различныя степени приближенія къ чему то сверхчувственному; у Платона—къ идеямъ, у Лейбница—къ Божеству [1]).

---

[1]) Кромѣ вліянія Платона, на трактатѣ могло отразиться вліяніе Амоса Коменскаго, который высказывалъ много сходныхъ идей, но это вліяніе, если и было, то проявилось не очень опредѣленно. Лейбницъ могъ имѣть въ сочиненіяхъ Коменскаго образецъ сходной обработки сюжета, ибо съ одной стороны «Comenius gibt seiner Pansophie einer christlichen aber allgemein christlichen Charakter, а съ другой стороны «Es muss die Aufgabe der Pansophie sein, die Eine Wahrheit in den Mittelpunkt zu stellen, die *Ha monie* in allem, was existirt, aufzuzeigen und so alle Streitfragen aus der Welt zu schaffen. B. Tillmann. Leibniz Verhältnis zur Renaissance im algemeinen und zu Nisolius im besonderen. Bonn. 1912. S. 9. Въ Великой Дидактикѣ Коменскаго можно найти между прочимъ мысль, что человѣкъ есть зеркало вселенной.

V.

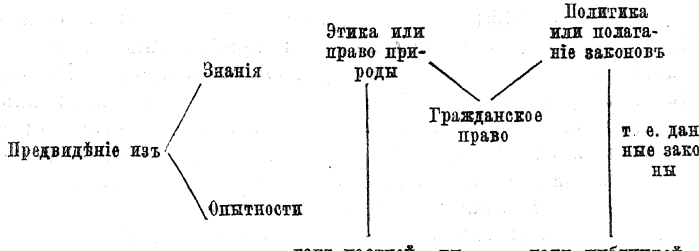
Теоретико-познавательныя склонности.

Письмо къ Конрингу.

Конецъ 1669 года, какъ мы видѣли, былъ посвященъ у Лейбница самымъ разнообразнымъ занятіямъ, общій характеръ которыхъ можетъ быть названъ богословско-метафизическимъ. Ради рѣшенія богословскихъ воднесовъ объ инкарнаціи, о существованіи Бога и безсмертіи урши, о вѣрѣ и ея тайнахъ, о транссубстанціаціи, наконецъ, о цѣнности этой вѣры и средствахъ почитанія Божества, Лейбницъ принимался за самыя разнообразныя темы, не исключая обсужденія литературныхъ предпріятій и вопросовъ о движеніи, которые на первый взглядъ стояли какъ будто въ сторонѣ отъ потока богословскихъ увлеченій. Однако, по поводу вопросовъ о движеніи было уже замѣчено, что они какъ необходимое звено, входили въ рѣшеніе проблемы о существованіи Бога. Проблема о движеніи была какъ бы пробнымъ камнемъ, съ которымъ столкнулось стремленіе гносеологическихъ идей Лейбница, заполнившее собою первую половину 1670 года. Въ самомъ дѣлѣ, хотя одновременно съ трактатомъ объ основаніи просвѣтительнаго общества Лейбницемъ было написано нѣсколько мелкихъ варіацій на ту же тему [1]), однако съ января 1670 года интересы Лейбница по своему характеру перемѣнились. Судя по письмамъ, отклоненіе произошло сперва какъ будто въ сторону занятій теоріей права,

[1]) Смотр., напримѣръ, Oeuvres de Leibniz, publ. par Foucher de Careil. VII, 94.

а потомъ въ сторону изученія отчасти логики съ реторикой, отчасти физики. Занятія Лейбница были по прежнему разнообразны, но въ нихъ сказались гносеологическія склонности. 23 января 1670 года Лейбницъ написалъ письмо извѣстному юристу, Герману Конрингу. Въ этомъ письмѣ, послѣ обычныхъ привѣтствій и комплиментовъ, Лейбницъ излагалъ сводъ своихъ мнѣній о главныхъ разновидностяхъ права и о значеніи этихъ разновидностей для этики и политики. Съ предыдущимъ трактатомъ письмо имѣло такимъ образомъ отдаленную связь. „Если я вѣрно тебя понимаю, сообщалъ Лейбницъ Конрингу [1]), то одно—вопросъ, что нужно было бы сказать теперь о правѣ, а другое—какъ должны создаваться законы: то—дѣло дикастическаго, а это—номотетическаго предвидѣнія. Далѣе, само дикастическое предвидѣніе имѣетъ опять двѣ части, знаніе и опытность, знаніе въ естественномъ правѣ, опытность въ положительномъ, ибо положительное право принадлежитъ факту больше, чѣмъ праву... Какъ естественное право имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ положительномъ правѣ, такъ номотетическое знаніе имѣетъ себѣ соотвѣтствующимъ познаніе государства, т. е. каково послѣднее на самомъ дѣлѣ. Это представляется дѣломъ чистой опытности, какъ видно изъ схемы:



Такимъ образомъ все предвидѣніе дѣйствія и искусство за-

[1]) G. I, 158.

нятій слагается изъ знаній и опытности. Знаніе права природы, о чемъ писали Гроцій, Гоббесъ, Фельденъ, Пуффендорфъ, есть этика,—ученіе о справедливомъ.. Номотетическое знаніе о томъ, какъ полагаются законы, есть политика,—ученіе о полезномъ, но въ обществѣ, т. е. о равномъ“ [1]).

До сихъ поръ больше писали о томъ, какъ полагаются законы, „но, думаетъ Лейбницъ, знаніе естественнаго права, можетъ быть, также заслуживаетъ, чтобы его приводить къ той несомнѣнности, какая прилична наукѣ, ибо путемъ часто попадающихся ошибокъ оно вноситъ много ущерба въ людскія дѣла и всего болѣе смущенія въ теологію. Можетъ быть даже нельзя въ совершенствѣ построить номотетическаго знанія или политики иначе, какъ изъ предварительно доказанныхъ основъ этики или естественнаго права. Что ни появлялось до сихъ поръ въ естественномъ правѣ, все это далеко отъ абсолютности знанія, и больше всего потому, что вѣрный фундаментъ, или какъ бы норма справедливаго не установлены. Обычно соглашаются, что есть нѣчто почетное, но если почетность мѣрятъ славой, т. е. воображеніемъ, то далеко отходятъ отъ истины. Аристотель и стоики считали основою справедливаго согласіе съ природой, т. е. мѣру, симметрію, золотую середину. Эти основанія принимаетъ и Фельденъ, отъ нихъ не отказывается и Пуффендорфъ.. Гоббесъ мѣрою справедливаго дѣлаетъ стремленіе къ сохраненію и пріобрѣтенію мира... Я полагаю вмѣстѣ съ Карнеадомъ (и Гоббесъ не противъ этого), что справедливость безъ собственной пользы (настоящей или будущей) есть величайшая глупость, ибо гордое хвастовство стоиковъ и саддукеевъ, что добродѣтель должна быть культивируема ради себя самой, вовсе не соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ. Значитъ, все справедливое должно быть полезнымъ въ частности; но такъ какъ форма юстиціи состоитъ въ общественной пользѣ, то, значитъ, если не доказать,

---

[1]) Вотъ дальнѣйшее поясненіе Лейбница: vel ut Grotius vocat Jure laxe dicto (ad quod in me est obligatio, sed in altero non est actio seu jus exigendi). Aequum nimirum est, quia et tenemur omnes in conscientia ut Respublica quam optimo sit loco, sed si qui non conspirent, non possunt semper cogi. Verbi gratia, si aequum esset (id est publice utile) tolli omnia telonia, non ideo Principes absoluti pessent ad hoc iure cogi». Ib. 159.

что есть нѣкій постоянный блюститель общественной пользы... [1]) т. е. Богъ, то нельзя строго доказать слѣдующаго предложенія: благоразумный человѣкъ долженъ всегда дѣлать то, что справедливо; и такъ какъ чувству ясно, что Богъ не всегда является блюстителемъ въ этой жизни, то существуетъ другая; иначе говоря, Богъ существуетъ и человѣческая душа безсмертна" [2]). Такъ выводитъ Лейбницъ основныя истины религіи изъ понятій права. Право нуждается въ доказательствѣ приведенныхъ теоремъ съ точки зрѣнія требованій морали. Лейбницъ отмѣчаетъ основныя правила юстиціи или общественной пользы. Ихъ два: „1, чтобы ни у кого безъ вины не отнималась вещь, которой онъ владѣетъ (подразумѣвается, которую онъ и самъ не отнялъ у другого) и 2, чтобы каждому представлялось столько права, сколько ему нужно для споспѣшествованія общественной пользѣ. Сюда относится приказаніе права, что никого не слѣдуетъ обижать, т. е. никому не нужно наносить ущерба; сюда относится наставленіе права, чтобы каждому воздавалось свое, т. е. наставленіе о полученіи справедливой выгоды. Первое правило—основа строгаго права, второе—основа равенства. По естественному праву первое рождаетъ дѣйствіе, второе—только изъятіе. Первое относится къ юстиціи коммутативной, второе—къ юстиціи дистрибутивной. Тамъ отношеніе ариѳметическое, здѣсь геометрическое" [3]).

Дальнѣйшее изложеніе въ письмѣ Лейбницъ посвящаетъ развитію вопроса объ этихъ подраздѣленіяхъ права и упоминаетъ о таблицѣ понятій права, которую онъ составилъ раньше съ Лассеромъ; это—повтореніе того, что мы уже знаемъ изъ „Новаго Метода", гдѣ есть и еще нѣсколько идей, вновь затрогиваемыхъ теперь Лейбницемъ, каковы, напримѣръ, идея строгого права и т. п. Не эти понятія составляютъ интересъ письма къ Конрингу. Важны его теорико-познавательныя основы. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ въ этомъ отношеніи Лейбницъ?

---

[1]) «nam aliorum oculi metusque non ultra ligabunt prudentem, quam quousque juvare aut nocere possunt», въ скобкахъ замѣчаетъ Лейбницъ. Ib. 160.

[2]) Ib. 159—160.

[3]) Ib. 160—161.

Мудрость въ правѣ, т. е. возможность предвидѣть слѣдствія изъ даннаго факта, зиждется, согласно письму, на знаніи и опытѣ. Опытъ не достовѣренъ, а знаніе,—подразумѣвается, знаніе a priori—мало развито: по крайней мѣрѣ не выработаны основы справедливости. Между тѣмъ понятіе справедливости необходимо заключаетъ признакъ собственной пользы. И вотъ этотъ то опытный элементъ вносится Лейбницемъ въ составъ умозаключенія къ истинѣ a priori, т. е. къ существованію Божію. Собственная польза противоположна общественной пользѣ. Примирить ихъ можетъ только существованіе постояннаго блюстителя. Значитъ, Богъ необходимо существуетъ. Индукція завершается дедукціей, а вслѣдъ за измѣненіемъ метода, право переходитъ въ этику—т. е. становится правомъ природы, корни котораго заложены въ насъ изначала.

Безъ всякаго риска можно сказать, что вопросъ объ отношеніи индукціи и дедукціи, который implicite заключался еще въ текстѣ Artis combinatoriae, въ январѣ 1670 года всталъ передъ Лейбницемъ почти во всей своей сложности.

Разсужденіе о философскомъ стилѣ Низолія.

Такую сложность постановки вопроса объ отношеніи индукціи и дедукціи можно объяснить изъ двухъ основаній: во первыхъ, мы видѣли интересъ Лейбница къ философско-богословскимъ темамъ, тѣсно связаннымъ съ этикой, что и теперь еще, въ началѣ 1670 г., находило себѣ подтвержденіе въ перепискѣ Лейбница со Шпицелемъ, [1]) во вторыхъ, уже въ ноябрѣ 1669 г. [2]) Лейбницъ сталъ заниматься изданіемъ сочиненія Марія Низолія „Объ истинныхъ принципахъ и объ истинной основѣ философіи противъ псевдофилософовъ“ [3]).

---

[1]) См. письмо къ Шпицелю, отъ 20 февраля 1670 г. (Д. 5, 344), гдѣ встрѣчается мысль, какъ и въ предыдущемъ письмѣ къ нему, отъ 22 декабря 1669 г., о необходимости бороться съ атеизмомъ, и гдѣ Лейбницъ говоритъ, что «нужно предварительно строго обосновать истину естественной религіи, именно существованіе могущественнѣйшаго и мудрѣйшаго изъ существъ, т. е. Бога, а затѣмъ безсмертія нашей души». Д. 5. 344.

[2]) Это видно изъ письма Як. Томазія къ Лейбницу. G. I, 30.

[3]) Марій Низолій происходилъ изъ Бресчелло въ провинціи Reggio d'Emilia, родился въ 1498 г. умеръ въ 1576 г. Въ свое время онъ былъ извѣстный ученый, по словамъ его біографа Ruggero Batistella: «un vecchio consu-

Эта работа, для изданія которой Лейбницъ писалъ предисловіе, повидимому, κατ' ἐξοχήν обратила его къ теоретико-познавательнымъ размышленіямъ, хотя изданіе вышло во Франкфуртѣ весной 1670 г., хронологически позднѣе изложеннаго письма къ Конрингу. Мы имѣемъ въ немъ, такимъ образомъ, фактъ начала гносеологическихъ интересовъ Лейбница и, можетъ быть, ихъ лучшаго выраженія. Въ предисловіи сказались стилистическія склонности Лейбница, въ смыслѣ отраженія идей, заимствованныхъ изъ области риторики и поэтики, но, конечно, въ связи съ логикой. Интересъ къ риторикѣ и поэзіи былъ уже замѣтенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трактата объ основаніи просвѣтительнаго общества [1]). Что же касается логики, то занятія ею, можно сказать, никогда не прекращались у Лейбница. Въ другомъ письмѣ къ Конрингу, отъ 19 апр. 1670 г., которое служитъ дополненіемъ къ предыдущему, Лейбницъ почти одновременно съ выходомъ переизданной книги Марія Низолія, нѣсколько строкъ удѣляетъ логикѣ. Разъясняя понятіе дикастической мудрости, Лейбницъ называетъ ее artem

---

mato negli studi dell'eloquenza e della filosofia, chiaro per molte opere.... di cui la memoria nei fasti dell'italica letteratura, non perira giammai ». Будучи въ Пармѣ, онъ затѣялъ споръ съ однимъ профессоромъ краснорѣчія объ отношеніи философіи Цицерона къ философіи Аристотеля, результатомъ чего явилось нѣсколько книгъ, написанныхъ обоими противниками. Свои нападки Марій Низолій собралъ, наконецъ, воедино въ сочиненіи, которое вздумалъ переиздать Лейбницъ. (См. Bruno Tillman. Op. cit. 28—30). Мотивы переизданія объясняютъ различно. Nourrisson думаетъ, что Лейбницъ искалъ случая публично поговорить о томъ, въ какой мѣрѣ нужно принимать схоластику. (Nourrisson. Op. cit. 37); Auerbach полагаетъ, что Лейбницу хотѣлось высказать свой взглядъ на Аристотеля (Auerbach. Op. cit. 27—28); многіе считаютъ причиной изданія желаніе барона Бойнебурга. Такъ какъ въ трактатѣ Марія Низолія выразилось стремленіе реформировать философію то естественно предположить, что Лейбницъ, интересовавшійся согласованіемъ новой философіи съ Аристотелемъ, могъ подготовлять новое изданіе трактата Низолія изъ внутреннихъ причинъ, о которыхъ онъ въ предисловіи къ своему изданію отчасти говоритъ самъ.

[1]) Напр. въ концѣ 15 §, гдѣ говорится, какъ въ древне-еврейской поэзіи воспѣвалось Божество: «Wie er dem Meer seine grenzen gesezet, den Himmel gewölbet, über den wolcken dahehr fahre, seinen donner erschallen, ströme quellen, kräuter wachsen, die thiere ihre nahrung und speise zu rechter zeit finden lasse». Kl. 1, 118.

judicandi и говоритъ, что она есть „ничто иное, какъ логика, примѣненная къ морали.. Подобно тому, какъ искусство дѣлать опыты отличается отъ физики, такъ искусство опредѣлять вопросы права отличается отъ юриспруденціи. Они такъ же различны между собой, какъ Logica serviens отъ Scientia utente“ [1]). Въ этомъ письмѣ Лейбницъ высказываетъ обсуждаемую имъ въ предисловіи къ книгѣ Низолія мысль, что „общія понятія аналитически (ordine analytico) получаются изъ единичнаго, хотя независимо отъ этого могутъ быть трактуемы синтетически“ [2]).

Каково же ближайшее содержаніе предисловія къ труду Низолія? Лейбницъ называлъ предисловіе „предварительнымъ разсужденіемъ о составѣ труда и о наилучшемъ способѣ изложенія философа“ [3]). Оно въ изданіяхъ Дютана и Эрдманна состоитъ изъ тридцати двухъ главъ, отличается большой ученостью и весьма живо написано. Прежде всего Лейбницъ говоритъ въ немъ объ изданіи чужихъ сочиненій. Издавать сочиненія другихъ считается теперь дѣломъ достойнымъ презрѣнія, но на это не стоитъ обращать вниманія. Вѣдь и въ древности и въ новое время не мало найдется примѣровъ, какъ сочиненія выдающихся авторовъ издавали весьма замѣчательные люди, стяжавшіе этимъ себѣ большую славу. Таковы, напримѣръ, историкъ Ксенофонтъ, императоръ Адріанъ, Кеплеръ, Гроцій, Конрингъ и другіе [4]). (глава 1). Низолія же тѣмъ болѣе слѣдуетъ издавать, что его мало знаетъ ученый міръ. Между тѣмъ онъ былъ реформаторомъ философіи, къ которой обратился благодаря прилежному чтенію Цицерона (глава II). Человѣкъ острый и здравый, Низолій отрицательно относится къ туманной схоластикѣ. Это была одна изъ причинъ, почему онъ написалъ свой трактатъ. Книга, изданная въ Пармѣ въ 1553 году, не имѣла успѣха потому, что въ Италіи тогда безысходно царилъ схоластическій Аристотель (глава III). Указавъ на эти обстоятельства, Лейбницъ съ четвертой главы предисловія переходитъ къ изложенію содержанія работы Низолія и ея обсужденію.

---

[1]) G. I, 168.
[2]) Ib. 169.
[3]) G. IV. 127.
[4]) E. 55—57.

Во всей книгѣ, по мнѣнію Лейбница, нѣтъ ничего, кромѣ реформированной логики и ея примѣненія къ чистой основѣ рѣчи. Книга проводитъ ту главную мысль, что „истинная логика есть не только средство, но какъ бы содержитъ и принципы и истинную основу философствованія, ибо она даетъ тѣ общія правила, по которымъ отличается истина отъ лжи и по которымъ, при условіи однихъ только опредѣленій и экспериментовъ, могутъ быть доказаны всѣ умозаключенія“ [1]) (глава IV). И вотъ нужно сначала показать пользу разсужденій Низолія, а затѣмъ его ошибки и излишества. Особенно важными въ трактатѣ Низолія кажутся Лейбницу, во первыхъ, разумныя основы рѣчи, а во вторыхъ, эпоха автора. Основа рѣчи потому, что она достойна философа, эпоха автора потому, что авторъ достоинъ нашего времени (глава V). Во всякой рѣчи Лейбницу кажутся особенно похвальными три качества: ясность, истинность и изящество. „Яснымъ, говоритъ Лейбницъ, считается то, что хорошо воспринимается; [2]) значитъ, та рѣчь ясна, въ которой извѣстны значенія всѣхъ словъ... Правдива та рѣчь, смыслъ которой воспринимается при правильномъ располаганіи какъ того, кто воспринимаетъ, такъ и среды (ибо мѣра ясности есть интеллектъ, а мѣра правдивости—чувства). Это, что бы ни говорили до сихъ поръ, есть единственное и вѣрнѣйшее опредѣленіе правдивости. Изъ него можно доказать всѣ правила вѣрнаго сужденія... Объяснимъ примѣромъ. Фраза „Римъ расположенъ на Тибрѣ“ правдива потому, что для воспріятія того, что̀ она говоритъ, ничего другого не требуется, кромѣ того, чтобы и воспринимающій и среда были правильны. Воспринимающій, несомнѣнно, ни слѣпъ, ни глухъ, а среда, т. е. промежутокъ, не слишкомъ велика. При такомъ предположеніи, если я въ Римѣ или близъ Рима, то я обнимаю однимъ взглядомъ и городъ и рѣку, и такимъ образомъ городъ оказывается при рѣкѣ; затѣмъ я слышу, что городъ зовутъ Римомъ, а рѣку Тибромъ. Подобнымъ образомъ и въ абстрактностяхъ. Фраза „двойка есть пара“ правдива потому, что если я вижу (слышу, трогаю, мыслю) двойку, то я вижу одно и одно (по опредѣленію двойки, взятому изъ того, что̀

[1]) Ib. 59 a.

[2]) G. IV, 138. Этой фразы нѣтъ въ изданіи Эрдманна.

слышно и читано) и ничего болѣе. Значитъ, я вижу двѣ части двойки, составляющія цѣлое, одно и одно, и вижу ихъ равными между собой, такъ какъ одно равно одному. Число же, двѣ составляющія или образующія части котораго равны, называется парой (по опредѣленію пары, взятому изъ того, что читано или слышано); значитъ, кто воспринимаетъ, что названное число есть двойка, тотъ воспринимаетъ, что оно — пара, и потому взятая фраза правдива". [1]) Что касается элегантности рѣчи, то она понятна сама собой. Гораздо важнѣе элегантности достовѣрность. Послѣдняя необходима для философской рѣчи.

„Достовѣрность... есть ничто иное, говоритъ Лейбницъ, какъ ясность истины; такимъ образомъ, даже изъ самаго понятія достовѣрности слѣдуетъ, что признаки философской рѣчи, безъ сомнѣнія ищущей достовѣрности, есть ясность и истина" [2]) (глава VI). Ясность относится не только къ словамъ, но и къ построенію. Въ словахъ нужно держаться ясности обозначеній. „Однажды выбранное обозначеніе, если позволяетъ мѣсто, нужно приводить къ опредѣленію, ибо опредѣленіе есть ничто иное, какъ обозначеніе, выраженное словами" [3]) (глава VII). Слова бываютъ техническими или общеупотребительными терминами (глава VIII). Встрѣчается образованіе словъ (глава IX). Техническіе термины нужно употреблять съ большой осторожностью, лучше держаться обыкновеннаго языка (глава X). По мнѣнію Лейбница, „философы не тѣмъ превосходятъ простой народъ, что воспринимаютъ иныя, чѣмъ онъ, вещи, но тѣмъ, что они воспринимаютъ ихъ иначе, т. е. очами ума, размышляя о нихъ, относясь къ нимъ внимательно и сравнивая вещи однѣ съ другими; вниманіе же людей къ чему нибудь не можетъ быть возбуждено лучше, чѣмъ употребленіемъ извѣстнаго слова, которое было бы знакомъ для собственной памяти и выраженіемъ сужденія для другихъ". [4]) Философы и ученые часто замѣчаютъ нѣчто новое въ вещахъ. Поэтому имъ позволи-

[1]) Ib. 59 a и b. G. I, 138—139.
[2]) E. 59. b.
[3]) Ib. 60 b.
[4]) Ib. 61. b.

тельно создавать новыя названія (глава XI). Исходя изъ этой мысли, Лейбницъ полагаетъ, что философы могутъ имѣть даже нѣсколько иной языкъ, чѣмъ тотъ, который употребляется въ обыденной рѣчи. Послѣдній не всегда позволяетъ точно выразить мысль (глава XII). Философскимъ языкомъ, впрочемъ, можетъ сдѣлаться всякій языкъ данной страны; нѣмецкій языкъ для этого особенно пригоденъ (глава XIII). Пригодны, конечно, и сродные языки, напр., англійскій, какъ это видно изъ сочиненій Гоббеса (глава XIV). Въ какихъ же наукахъ предпочтителенъ технический языкъ? Въ метафизикѣ, діалектикѣ, математикѣ, физикѣ, механикѣ (глава XV). Отмѣтивъ, что есть два способа философствовать: экзотерическій, когда преслѣдуется главнымъ образомъ ясность, и акроаматическій, когда отдается предпочтеніе доказательности (глава XVI), Лейбницъ говоритъ, что для точнаго философствованія лучше употреблять только конкретныя выраженія [1]). Абстракціи затемняютъ философію, „ибо конкретное—это вещи, а абстрактное не вещи, но модусы вещей, модусы же ничто иное, какъ отношеніе вещи къ разуму“. [2]) Если кто нибудь когда бы то ни было вздумаетъ написать совершенные элементы философіи, то ему почти совсѣмъ придется воздержаться отъ абстракцій (глава XVII). Лейбницу кажется, что обсудивъ употребленіе терминовъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на образность философскаго языка. Лейбницъ почти совсѣмъ изгоняетъ изъ него тропы и этимъ заканчиваетъ разсужденія о ясности словъ per se (глава XVIII). Ясность рѣчи въ зависимости отъ обстоятельствъ проистекаетъ или отъ самой рѣчи, или отъ внѣшнихъ вліяній. Часто вводятъ въ изложеніе загадки (глава XIX). Такъ излагали философію египтяне и пиѳагорейцы. Всякій подобный туманъ надо бросить (глава XX). Нужна точность въ философскомъ стилѣ, вопросъ о которомъ относится къ логикѣ. Вѣдь какъ „риторика дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна ведетъ рѣчь объ элегантной, красивой и успѣшной постройкѣ словъ, а другая о воз-

---

[1]) Лейбницъ указываетъ на Аристотеля: «idque ipsum Aristotelem plerumque fecisse video; *ποσὸν*, *ποιὸν*, *τὰ πρός τι* potius ipsi in ore sunt, quam *ποσότης*, *ποιότης*, *σχέσις*...» Ib. 63 b.

[2]) Ib.

бужденіи аффектовъ; такъ и логика имѣетъ двѣ части: словесную и реальную: одна ведетъ рѣчь о ясномъ, раздѣльномъ и собственномъ употребленіи словъ или о философскомъ стилѣ, другая—объ управленіи мышленіемъ, ибо грамматика учитъ насъ, чтобы мы чисто говорили по обычаю народа; реторика учитъ насъ, чтобы мы говорили подходяще для возбужденія аффектовъ, а логика, чтобы мы говорили подходяще для движенія ума". [1]) Низолій не ошибался, трактуя въ логикѣ о точности выраженій, и отъ чтенія сочиненія Низолія можно ждать хорошихъ плодовъ (глава XXI). Вообще, системы древнихъ философовъ должны быть не отбрасываемы, а улучшаемы (глава XXII). Многіе дѣлали то же, что дѣлалъ Низолій, т. е. заботились объ улучшеніи схоластическаго стиля (глава XXII). Таково было время. Поэтому и Низолій не мало сказалъ такого, что теперь опять оживаетъ, какъ оживаетъ атомистика Демокрита и Лукреція. Хотятъ успѣшно работать, но для этого надо знать исторію философіи. „Изъ разсказовъ ученѣйшихъ людей я знаю, говоритъ Лейбницъ, что самъ великій Декартъ не мало былъ смущенъ, когда ему показали, что многія изъ его философскихъ положеній, найденныхъ лично имъ, ясно выражены у Платона и Аристотеля.., въ сочиненіяхъ то по естествознанію, то по общественнымъ наукамъ". [2]) Такъ заканчивается первая часть предисловія Лейбница къ трактату Марія Низолія.

Ошибки и заблужденія Низолія.

Во второй части своей статьи Лейбницъ дѣлаетъ обзоръ ошибокъ и заблужденій Низолія. Изъ числа послѣднихъ всѣхъ хуже кажется Лейбницу брань, которую допускаетъ Низолій по отношенію къ Аристотелю, Платону и другимъ философамъ. Брань въ философскихъ сочиненіяхъ не допустима (глава XXV). Что касается ошибокъ Низолія, то ихъ много и онѣ значительны: Низолій приписывалъ Аристотелю ошибки схоластиковъ. Благодаря трудамъ, напр., Сонера, Трью, Дигби, Фельдена, Гроція, Конринга, Як. Томазія, Гензія, мы знаемъ, что Аристотель въ этихъ ошибкахъ не виноватъ (глава XXVI). Схола-

[1]) Ib. 65 a.
[2]) Ib. 67 a.

стики плохо знали Аристотеля, но имъ можно извинить ихъ заблужденія потому, что тогда не слишкомъ основательно было знакомство съ исторіей и философіей. Старые схоластики были лучше новыхъ (глава XXVII). Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ посмотрѣть на номиналистовъ. Это самые глубокіе изъ схоластиковъ, и взгляды ихъ болѣе всего согласуются съ новѣйшими ученіями. Номиналисты, къ которымъ принадлежалъ и Низолій, „это, по мнѣнію Лейбница, тѣ, кто считаетъ голыми именами все, кромѣ единичныхъ субстанцій, и совершенно отвергаетъ реальность абстракціи и понятій". [1]) „Общее правило, которымъ пользуются номиналисты, таково: не слѣдуетъ умножать существъ безъ необходимости". [2]) Изъ числа номиналистовъ Лейбницъ упоминаетъ Роспеллина, Вильгельма Оккама, Лютера и Гоббеса [3]) (глава XXVIII). Возвращаясь къ перечисленію ошибокъ Низолія, Лейбницъ говоритъ, что среди тѣхъ изъ нихъ, которыя не касаются интерпретаціи Аристотеля, самая главная—это отрицаніе діалектики и метафизики, тогда какъ и номиналисты полагали, что на эти основанія можно опираться. „Кто будетъ отрицать, пишетъ Лейбницъ, что есть нѣкоторыя правила какъ для искусства мышленія или знанія объ умѣ, такъ и для естественнаго благочестія, т. е. знанія о совокупности вещей, или метафизики?" [4]) Третья ошибка Низолія заключается въ томъ, что онъ не считалъ доказательства, какъ это полагалъ Аристотель, за нѣчто такое, что обладаетъ свойствомъ необходимости по природѣ (глава XXIX). Лейбницъ касается далѣе отношеній Низолія къ подлинности

---

[1]) Ib. 69 a.

[2]) Ib.

[3]) Ib. Любопытенъ приводимый здѣсь Лейбницемъ отзывъ о Гоббесѣ: «Я полагаю, что самъ Оккамъ не былъ номиналистомъ болѣе, чѣмъ Ѳома Гоббесъ, который, какъ я искренне признаюсь, кажется мнѣ больше, чѣмъ номиналистомъ. Ибо не будучи доволенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ номиналистами онъ сводитъ понятія къ именамъ, онъ говоритъ, что самая истина вещей заключается въ именахъ, и—еще больше—зависитъ отъ человѣческой воли, такъ какъ истина зависитъ отъ опредѣленій терминовъ, а опредѣленія терминовъ—отъ человѣческой воли». Ib. 69 b.

[4]) Ib. 69 b.

сочиненій Аристотеля (глава XXX), а затѣмъ переходитъ къ вопросу о природѣ понятій. Тутъ была сдѣлана тоже одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ Низоліемъ. Низолій „пытается убѣдить насъ, пишетъ Лейбницъ, что общее есть ничто иное, какъ все единичное, коллективно вмѣстѣ взятое, и что когда я говорю: всякій человѣкъ—животное, то смыслъ тотъ, что всѣ люди—животные. Это, конечно, вѣрно, но отсюда не слѣдуетъ, что общія понятія есть цѣлое коллективное. Между тѣмъ Низолій доказываетъ, что всякое цѣлое есть или непрерывное или раздѣльное. Но общее есть цѣлое и, конечно, не сплошное; значитъ,—раздѣльное. Цѣлое же раздѣльное есть коллективное, и вотъ для человѣческаго рода основа та же, что для стада. И основа предложенія: всякій человѣкъ (или цѣлый человѣческій родъ) разуменъ—равна основѣ предложенія: всѣ скоты, которые здѣсь пасутся, бѣлы, или все стадо—бѣло". [1]) По мнѣнію Лейбница это не такъ. „Нѣтъ, Низолій, ты ошибаешься, восклицаетъ онъ. Есть другой родъ раздѣльнаго цѣлаго, кромѣ коллективнаго, именно раздѣлительное. Значитъ, когда мы говоримъ: всякій человѣкъ есть животное, или всѣ люди суть животныя, то смыслъ раздѣлителенъ: ты принимаешь, находишь, что или тотъ (Тицій) или этотъ (Кай) есть животное, т. е. что они ощущаютъ. И если, по ученію Низолія, всякій человѣкъ или всѣ люди есть цѣлое коллективное и есть то же, что цѣлый человѣческій родъ, то послѣдуетъ глупость въ разговорѣ. Ибо если это то же самое, то подставимъ въ предложенія: всякій человѣкъ есть животное, или всѣ люди суть животныя, цѣлый человѣческій родъ; тогда получится предложеніе болѣе, чѣмъ непріемлемое: цѣлый человѣческій родъ есть животное; таково же и предложеніе о стадѣ. По мнѣнію Низолія, всѣ скоты, которыя пасутся, т. е. общая отъ нихъ абстракція, есть одно и то же съ цѣлымъ, сборнымъ изъ нихъ, т. е. стадомъ. Тогда истиннымъ будетъ слѣдующее предложеніе: стадо въ цѣломъ есть овца, или по меньшей мѣрѣ, если захочешь ему помочь: стадо въ цѣломъ есть овцы, что однако само не признается достаточно истиннымъ". [2]) Лейбницъ приводитъ еще юриди-

[1]) Ib. 70 a.

[2]) Ib. 70 a и b.

ческій примѣръ въ подтвержденіе своей критики, и, наконецъ, дѣлаетъ разъясненіе: „когда я говорю, что всякій человѣкъ есть животное, то, если родъ высказывается о видѣ, и родъ—общее, общее же есть родъ въ цѣломъ, сборный изъ единичнаго,—подставимъ вмѣсто имени животнаго всѣхъ животныхъ, вмѣстѣ взятыхъ; тогда получится слѣдующее предложеніе: человѣкъ есть всѣ животныя, вмѣстѣ взятыя“ [1] (глава XXXI). Изъ этой ошибки Низолія вытекаетъ, по мнѣнію Лейбница, много ошибокъ въ качествѣ слѣдствій. Такъ, напр., „если принять, что понятія суть ничто иное, какъ собранія единичнаго, то будетъ слѣдовать, что знаніе не существуетъ благодаря доказательству (о чемъ и говорилъ раньше Низолій), а существуетъ только благодаря собранію единичнаго, или индукціи. Но отъ такого положенія всѣ знанія совершенно рушатся, а скептики торжествуютъ, ибо никогда на этомъ положеніи нельзя будетъ построить предложеній, совершенно общихъ, потому что отъ индукціи никогда ты не будешь увѣренъ, что тобою испытано все индивидуальное“. [2] Лейбницъ приводитъ и опровергаетъ возраженія. „Но, скажешь ты, мы вообще утверждаемъ, что огонь (т. е. нѣкоторое сходство, дрожаніе, тонкое тѣло), будучи обыкновеннымъ способомъ добытъ изъ дерева, жжетъ, хотя никто не испытывалъ всѣхъ такихъ огней; утверждаемъ потому, что это было обнаружено въ тѣхъ случаяхъ, которые были доступны нашему опыту. Допустимъ это и будемъ вѣрить моральной достовѣрности, что всѣ огни такого рода жгутъ и обожгутъ тебя, если ты протянешь руку. Но эта моральная достовѣрность не основана на одной только индукціи; изъ послѣдней ты веревками не вытянешь моральной достовѣрности. Это зависитъ отъ прибавки и помощи слѣдующихъ общихъ предложеній, зависящихъ не отъ индукціи единичнаго, но отъ общей идеи, или опредѣленія терминовъ. (1) Если имѣется одна и та же, и во всѣхъ случаяхъ сходная, при-

---

[1]) «Quum sufficiat homini esse quoddam animal, seu aliquod ex universo animalium genere» добавляетъ Лейбницъ. Ib. 70 b.

[2]) «Sed semper intra hanc propositionem subsistes, omnia illa, quae expertus sum, sunt talia; quum vera non possit esse ulla ratio universalis, semper manebit possibile, innumera, quae tu non sis expertus, esse diversa». Ib.

чина, то имѣется одно и то же, и во всѣхъ случаяхъ сходное, дѣйствіе. (2) Не предполагается существованіе той вещи, которая не воспринимается и, наконецъ, (3): То, что̀ не предполагается, должно считаться на практикѣ ничѣмъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится. Этимъ утверждается практическая или моральная достовѣрность того предложенія, что всякій данный огонь жжетъ". [1]) По мнѣнію Лейбница, всякую индукцію можно свести къ доказательству изъ общихъ положеній. „Пусть данный огонь, говоритъ онъ, будетъ такимъ, какъ всякій, который мнѣ теперь попадается. Я утверждаю, что онъ во всѣхъ случаяхъ (поскольку это относится къ дѣлу) подобенъ предыдущимъ, такъ что по гипотезѣ, я не ощущаю несходства по отношенію къ дѣйствующей вещи. И вотъ можно признать: что не ощущается, то не предполагается; это по (2). Что̀ не предполагается, то должно на практикѣ приниматься ничѣмъ; это по (3). Значитъ, то, что одинаково во всѣхъ случаяхъ (поскольку это относится къ дѣлу), должно приниматься на практикѣ. И вотъ теперь дѣйствіе во всѣхъ случаяхъ одинаково; это по (1): дѣйствіе, т. е. жженіе, согласно предположенію. Значитъ, огонь долженъ быть на практикѣ принимаемъ такимъ, какимъ попадается, что и было нужно доказать. Отсюда уже ясно, продолжаетъ Лейбницъ, что индукція сама по себѣ не подвигаетъ впередъ и что даже и моральной увѣренности нѣтъ безъ помощи предложеній, зависящихъ не отъ индукціи, а отъ общаго основанія; ибо если бы и были вспомогательныя средства отъ индукціи, то они нуждались бы въ новыхъ средствахъ, и не имѣлось бы моральной достовѣрности до безконечности. Совершенной достовѣрности вовсе нельзя ждать отъ индукціи и послѣ прибавленія какихъ либо воспомогательныхъ средствъ, и мы въ совершенствѣ никогда не познаемъ предложенія: „цѣлое болѣе своей части". Вѣдь потомъ окажется измѣнникомъ тотъ, кто будетъ отрицать, ради какого нибудь частнаго основанія, что въ другихъ, еще не испытанныхъ случаяхъ, предложеніе истинно. Это мы знаемъ изъ того факта, какъ Григорій Санъ Винцентіо отрицалъ, что цѣлое больше своей части по крайней мѣрѣ въ углахъ касанія... И Ѳома Гоббесъ—это ли

[1]) Ib. 70 b—71 a.

не умъ?—началъ сомнѣваться въ извѣстной геометрической теоремѣ, доказанной Пиѳагоромъ..., что я прочиталъ не безъ изумленія“ [1]). Заканчивая обозрѣніе ошибокъ Низолія, Лейбницъ высказываетъ мысль, что болѣе легкія изъ нихъ внимательный читатель найдетъ самъ (глава XXXII).

Примѣчанія къ трактату Низолія.

Кромѣ предисловія, къ издаваемому сочиненію Низолія Лейбницъ присоединилъ примѣчанія. Они полностью перепечатаны въ изданіи Дютана и представляютъ изъ себя матеріалъ, которымъ нельзя не воспользоваться для полной характеристики философскихъ взглядовъ Лейбница, особенно если обратить вниманіе на самыя мысли Лейбница, а не на критику положеній Низолія. Примѣчанія слѣдуютъ за ходомъ мысли въ текстѣ трактата и относятся большею частью къ логикѣ и теоріи познанія. Всѣ они въ общемъ отрывочны и ихъ трудно свести въ одно цѣлое. „Вѣрно говорятъ, пишетъ Лейбницъ, что имена есть понятія, а не вещи....“ [2]). Напротивъ того, по мнѣнію Лейбница, „не вѣрно утверждаютъ, что люди заключаются въ понятіи рода разумныхъ смертныхъ, такъ какъ человѣческій родъ и родъ разумныхъ смертныхъ одинаково по объему широки. Значитъ, человѣческій родъ не есть видъ рода разумныхъ существъ. Вообще нужно принять, что общихъ именъ есть пять. Ибо общее имя есть либо субъектъ, который называется видомъ, либо предикатъ. Предикатъ или необходимъ, или случаенъ. Необходимый предикатъ или есть видъ цѣлаго и называется родомъ, или равенъ цѣлому и называется различіемъ, или уже—и называется собственнымъ признакомъ; случайный предикатъ называется акциденціей“ [3]). Лейбницъ даже утверждаетъ, что „собственно есть только два общихъ понятія, родъ и видъ;

---

[1]) Ib 71 a и b.

[2]) D. IV, p. I, 66.

[3]) Ib. 68. Сюда же можетъ быть отнесено слѣдующее замѣчаніе Лейбница: Nam semper propria sunt notae rerum, igitur notiora rebus. Et quia vulpem et canem simul videt, dignoscet illam ab hoc, figurae proprietate qui utrumque simul audit, dignoscit hunc ab illa, gannitus differentia. Et qui aliunde dignoscunt, disnoscent ex aliis differentiis vel propriis, ut ita tandem, quo res cunque cadat, propria sint notiora». Ib. 74.

остальныя три, которыя играютъ роль прилагательныхъ, суть предикабилiи, а не общiя понятiя. Разумное не есть общее понятiе“ [1]). Посмотримъ, что говорилъ Лейбницъ въ примѣчанiяхъ къ трактату объ опредѣленiи. „Опредѣленiе, повторяетъ Лейбницъ свою старую мысль, есть ничто иное, какъ точное объясненiе названiя“ [2]). Поэтому „опредѣленiе неправильно называется ложнымъ; нужно лучше говорить, что оно непрiемлемо или худо. Ибо даже самое истинное предложенiе, если оно необратимо, не есть опредѣленiе“ [3]). „Природу опредѣленiй достаточно изложили Вiоттъ, Корнелiй Мартинъ, Іоахимъ Юнгъ, а также всѣ математики. Когда поймемъ природу опредѣленiя, то ничего нѣтъ истиннѣе, ничего превосходнѣе. Я говорю, вотъ совершеннѣйшее опредѣленiе: всякое тѣло существуетъ въ пространствѣ. Все, что есть въ пространствѣ, можетъ быть въ другомъ пространствѣ (ибо любому пространству имѣется совершенно ему подобное). Что можетъ быть въ другомъ пространствѣ, то можетъ мѣнять пространство. Что можетъ мѣнять пространство, то способно къ движенiю. Итакъ, всякое тѣло способно къ движенiю“ [4]).

Приведенныя соображенiя, очевидно, имѣютъ значенiе дополненiй и разъясненiй того, что было высказано Лейбницемъ въ предисловiи къ трактату. Тоже самое можно сказать и относительно теоретико-познавательныхъ разсужденiй, которыя, конечно, близко примыкаютъ къ логическимъ. Обсуждая взглядъ Низолiя на необходимость познанiя именъ вещей, Лейбницъ, подобно Гоббесу, говоритъ, что слова даны намъ въ качествѣ знаковъ для воспоминанiя, тогда какъ обозначенiями мы пользуемся для обученiя другихъ [5]). Лейбницу далѣе кажется, что, „при исключенiи изъ мiра единичныхъ вещей, общее предложенiе тѣмъ не менѣе видитъ истину въ возможномъ. Ибо хотя и были бы перебиты, напр., всѣ слоны, всетаки останется дѣйствительнымъ истинное предложенiе: всякiй слонъ есть животное, когда оно приведено къ условной формѣ:

---

[1]) Ib. 66.
[2]) Ib. 68.
[3]) Ib. 69.
[4]) Ib. 75.
[5]) Jb. 64.

если кто есть слонъ (либо есть, либо нѣтъ), то онъ есть животное“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ точно также Лейбницъ говоритъ: „По истинѣ, хотя бы даже люди вновь не порождались и совсѣмъ погибъ бы человѣческій родъ, всетаки многое можно было бы сказать о человѣческомъ родѣ, ибо осталось бы истиннымъ предложеніе: если кто—человѣкъ (хотя бы теперь ни одного совсѣмъ не было), то необходимо, чтобы онъ былъ животнымъ. Это неизбѣжно. Ибо если единичностей или единичныхъ вещей безконечное число, то слѣдуетъ, что вещь можетъ быть взята вообще, т. е. вмѣстѣ и сразу. Вѣдь цѣлое есть то, части чего безконечны. Поэтому, если знаніе бываетъ объ общемъ родѣ и общій родъ есть цѣлое, составленное изъ всѣхъ единичныхъ вещей, то въ виду того, что все единичное, вмѣстѣ взятое, безконечно, или, по крайней мѣрѣ, неопредѣленно, необходимо есть знаніе о чемъ-то безконечномъ или неопредѣленномъ, и такимъ образомъ о не воспринимаемомъ. Вѣдь если истина предложенія, что трижды три девять, зависитъ отъ собранія всѣхъ единичныхъ вещей или индукціи, то прежде чѣмъ будетъ извѣстно все единичное, никогда нельзя будетъ знать вѣрно, что такое безконечное. Значитъ, необходимо одно изъ двухъ: либо нельзя имѣть никакого вѣрнаго знанія (ибо для состава знанія аргументъ отъ многихъ опытовъ къ остальному неиспытанному недостаточенъ, хотя его достаточно иногда бываетъ для практики), либо ложно, что общія понятія и знанія зависятъ отъ собранія единичнаго или индукціи“ [2]). „Знаніе, утверждаетъ Лейбницъ, имѣется не только о существованіи, но и о возможномъ. Насъ заботитъ не то, существуетъ ли въ вещахъ треугольникъ, но насъ заботитъ слѣдствіе, какіе будутъ у него углы, если онъ существуетъ. Значитъ, существуетъ знаніе не о реальныхъ общихъ понятіяхъ, а обо всякихъ единичностяхъ, даже возможныхъ“ [3]). Впрочемъ, съ другой стороны, имѣя въ виду метафизику, Лейбницъ спраши-

---

[1]) Ib. 65. Объ условности такого рода Лейбницъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ: Qui enim ait, hominem esse animal, is hoc vult; si quis est homo, ille est animal. Et quia conditio nihil ponit, ideo ad veritatem hujus propositionis non requiritur, ut sit aliquis homo, sed, ut si sit, necessario etiam animal sit, quod est verissimum». Ib. 75.

[2]) Ib. 67.

[3]) Ib. 71.

ваетъ: „Почему же не быть знанію объ общемъ ходѣ вещей“? [1]).

Таково главное содержаніе примѣчаній къ трактату Низолія. Помимо этого, passim Лейбницъ высказалъ не мало интересныхъ мыслей. Нѣкоторыя изъ нихъ стóитъ отмѣтить, хотя онѣ и будутъ находиться какъ бы внѣ связи. Развѣ не интересны, напр., утвержденія Лейбница, что esse и ens одинаково широки по объему (aequale late patet)? [2]) Или что „физика раціональна, хотя и не ведетъ дѣла о разумѣ“? [3]) Развѣ не интересно также замѣчаніе Лейбница о цѣнности философіи Платона? „Кто желаетъ образца глубочайшей философіи Платона, говоритъ Лейбницъ, тотъ пусть прочтетъ не интерпретаторовъ, даже древнихъ..., а самого „Парменида“ и „Тимея“, изъ которыхъ одинъ удивительно разсуждаетъ о единомъ и о сущемъ, т. е. о Богѣ (ибо ни одна тварь не есть сущее, но сущія), а другой объясняетъ природу тѣлъ изъ однихъ только движенія и фигуры, что теперь новымъ нашимъ философамъ дѣйствительно по заслугамъ такъ много ставится въ похвалу“ [4]).

---

[1]) Ib. 72

[2]) Ib. 70.

[3]) Ib. 72.

[4]) Ib. 77. Къ числу интересныхъ замѣчаній Лейбница можно также отнести слѣдующія соображенія о причинѣ и понятіи количества: 1) «..какъ нужно принять противоположнымъ страданіе—дѣйствію, такъ дѣйствіе противоположнымъ причинѣ. Кромѣ того, причина есть субстанція, отношеніе же т. е причинность, есть модусъ. Затѣмъ, дѣйствующая причина граничитъ съ дѣйствіемъ, матеріальная—со страданіемъ, форма— съ модусомъ вообще, а цѣль не граничитъ ни съ какимъ дѣйствіемъ, такъ какъ его еще нѣтъ, а оно только желается». 2) «Конкретное, а не абстрактное можетъ быть для себя взаимно родомъ различныхъ категорій. Конкретное качествъ даже не заключаются въ категоріяхъ качествъ, но въ категоріяхъ субстанціи. Вѣдь что другое есть ученое, какъ не ученая субстанція? Кое что однако надо исключить; напр., благо, о которомъ вѣрно говорятъ и по поводу случайно-абстрактнаго въ конкретномъ; напр., добродѣтель хороша, но добродѣтель есть благость. Кромѣ того, отношенія относятся къ качествамъ, какъ модусы къ субстанціямъ. Поэтому, вѣрно говорятъ, что добродѣтель подобна знанію, но не есть сходство». G. IV, 176. D. IV. p. I, 70 и 74.

Къ трактату Низолія Лейбницъ приложилъ письмо къ Як. Томазію, отъ 30 апр. 1669 г., о согласованіи Аристотеля съ новой философіей. Послѣднее замѣчаніе къ тексту Низолія служитъ, такимъ образомъ, какъ бы прелюдіей къ этому письму. Сравнительно съ прежней редакціей въ письмѣ мало перемѣнъ. Вычеркнуты главнымъ образомъ тѣ мѣста, которыя были бы плохо понятны безъ предварительныхъ поясненій. Такъ, напр., вычеркнуто мѣсто о непрерывномъ твореніи движенія [1]).

Характеръ гносеологіи Лейбница. Отношеніе къ древнимъ и новымъ авторамъ.

Было уже отмѣчено преобладаніе логическаго матеріала въ предисловіи къ трактату Низолія. Было также показано, что логическая точка зрѣнія преобладала у Лейбница и при составленіи примѣчаній къ издаваемому тексту. Въ общемъ это было не ново у Лейбница. Это мы видѣли въ Ars Combinatoria и въ Specimen demonstrationum politicarum. Однако нельзя не обратить вниманія на особенность въ направленіи логическаго мышленія Лейбница при обсужденіи сочиненія Марія Низолія. Здѣсь логика постепенно переходитъ въ теорію познанія. Наступилъ тотъ моментъ въ философскомъ развитіи Лейбница, когда ему необходимо было рѣшить одну изъ важнѣйшихъ гносеологическихъ проблемъ, отчасти затронутую, какъ мы видѣли, въ первомъ письмѣ къ Конрингу.

Э. Кассиреръ такъ характеризуетъ общую мысль, руководившую при этомъ соображеніями Лейбница. Обычно думаютъ, что сужденія зависятъ отъ фактовъ. Лейбницъ полагаетъ обратное. Сужденіе только развертываетъ богатство своего идеальнаго значенія. Сущность сужденія должна быть обоснована объективно изъ необходимыхъ и ненарушимыхъ отношеній [2]). Поэтому, Лейбницъ вполнѣ естественно возставалъ противъ

---

[1]) Кабитцъ между прочимъ объясняетъ это положеніе Лейбница такъ: «Gott kann auf die Körper nicht anders als durch Eindrücken von Bewegung handeln, so lange sie aber bewegt werden, werden sie kontinuierlich geschaffen.» Kabitz. Op. cit. 87.

[2]) Ernst Cassirer. Das Erkenntnissproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neuer Zeit. Band. II. Berlin. 1907: «muss es irgendwelche Zusammenhänge geben, die nicht aus der empirischen Vergleichung des einzelnen sondern aus objectiv nothwendigen und unumstösslichen Relationen zwieschen den Ideen selber stammen». S. 53.

утвержденія Низолія, что общія понятія имѣютъ только коллективный смыслъ, т. е. зависятъ только отъ опыта. Общія понятія не означаютъ собранія предметовъ, но выражаютъ квантитативность путемъ дистрибутивности. Подобно Кассиреру высказывается В. Каринскій. Онъ полагаетъ, что „въ качествѣ несомнѣннаго признака умозрительнаго знанія“ Лейбницъ „указывалъ на безусловную всеобщность и необходимость, которыми характеризуются въ нашемъ сознаніи основоположенія логики, математики и этики“ [1]). Кабитцъ, разсматривая вопросъ объ объективной цѣнности познанія съ точки зрѣнія юнаго Лейбница, находитъ, что эта цѣнность обосновывается у Лейбница черезъ посредство чувства. Въ подтвержденіе Кабитцъ приводитъ объясненія Лейбница по поводу правдивости рѣчи [2]). Въ этихъ объясненіяхъ дѣйствительно сказано, что главная мѣрка правдивости заключается „въ правильномъ располаганіи того, кто чувствуетъ, и среды“, но несмотря на видимое преобладаніе этого, такъ называемаго матеріальнаго критерія истины, тамъ же указана и другая мѣрка, именно ясность, свойственная разуму. Затѣмъ, тамъ же говорится объ опредѣленіи правдивости въ такихъ выраженіяхъ, что оно должно считаться главнымъ критеріемъ истины, такъ какъ посредствомъ ихъ можно доказывать правила вѣрныхъ сужденій. Если теперь сопоставить это съ тѣмъ, что говорилъ Лейбницъ въ разныхъ мѣстахъ своего предисловія и примѣчаній объ индукціи и ея несостоятельности, а потомъ о необходимости,—даже для моральной увѣренности,—предварительныхъ внѣопытныхъ истинъ; если теперь припомнить, какъ, обсудивъ ультраноминализмъ Гоббеса, Лейбницъ заявилъ, что „и въ ариѳметикѣ и въ другихъ наукахъ остаются тѣ же истины, хотя знаки мѣняются“ [3]), то станетъ совершенно понятнымъ, что, хотя Лейбницъ и выражался иногда черезчуръ рѣзко въ пользу ощущеній и нагляднаго воспріятія, но по существу дѣла всетаки никакъ нельзя сказать, что критеріемъ истины для него служатъ одни

---

[1]) В. Каринскій. Умозрительное знаніе въ философской системѣ Лейбница. С.-Петербургъ. 1912 г. Стр. 4.

[2]) Kabitz. Op. cit. 40—41.

[3]) G. IV, 158.

только чувства. Это можетъ быть удостовѣрено также общимъ смысломъ приведеннаго письма къ Конрингу. Лейбница лучше не считать сенсуалистомъ, хотя онъ и не презиралъ чувственныхъ знаній. Общеобязательность теоретико-познавательныхъ нормъ представлялась Лейбницу до такой степени безусловной, что онъ полагалъ возможнымъ существованіе этихъ нормъ даже тогда, когда не было бы ни одного факта, на которомъ онѣ могли бы быть оправданы. Доказательствомъ служатъ соображенія Лейбница о предполагаемомъ исчезновеніи, напримѣръ, слоновъ изъ міра и всетаки о вѣрности сужденія: всѣ слоны — животныя. Эти соображенія между прочимъ отчасти сближаютъ примѣчанія къ трактату Низолія съ тѣмъ очеркомъ философской системы, который Лейбницъ, согласно Фуше де Карейлю, создалъ въ 1666 году. Только центръ тяжести тамъ былъ перенесенъ на существованіе вещей. Вещи не погибли бы, полагалъ Лейбницъ, если бы меня самого кто нибудь изъялъ изъ міра. Такое предположеніе утверждаетъ какъ бы непреложность системы чувственныхъ воспріятій. Что же касается вышеприведеннаго примѣра, то онъ, напротивъ, построенъ на непреложности формальной стороны ума.

Сближеніе идей работы по изданію Низолія съ тѣмъ, что было высказано Лейбницемъ ранѣе, можетъ быть сдѣлано не только въ этомъ отношеніи. Можно, напр., указать, что номинализмъ, который мы видѣли въ Dissertatio de principio individui, былъ не тотъ номиналимъ, который мы видимъ теперь. Съ теченіемъ времени Лейбницъ сдѣлался болѣе умѣреннымъ и болѣе продуманнымъ номиналистомъ. Есть мнѣніе, что Лейбницъ цѣнилъ номинализмъ потому, что онъ удобнѣе позволялъ изслѣдовать природу [1]). Лейбницъ не скоро оставлялъ однажды выработанныя мысли. Чтеніе авторовъ и опыты мышленія побуждали его къ новымъ концепціямъ, но они же слу-

[1]) B. Tillmann. Op. cit. 57. Этотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ:» In Hinsicht auf die eigentliche philosophische Entwickelung hat das studium des Nisolius den von Leibniz während seiner jugendperiode vertretenen nominalistischen Standpunkt zu Ende reifen lassen. Es ist jedoch nicht der Extreme Nominalismus seines Vorgängers, sondern ein mehr gemässigter, die Mitte einhaltend zwieschen scholastischem Nominalismus und Relismus». Ib. 79.

жили къ тому, чтобы сохранилось старое. Авторы, которыми пока интересовался Лейбницъ, были все тѣ же, Платонъ, Аристотель, Гоббесъ. Отзывъ Лейбница въ одномъ изъ примѣчаній показываетъ, что онъ понималъ діалоги великаго грека. Ауэрбахъ думаетъ даже, что съ этого времени нужно считать Лейбница усвоившимъ ученіе о конечныхъ причинахъ [1]). Что касается Аристотеля, то о немъ Лейбницъ упоминаетъ, напр., по поводу методовъ обученія философіи и по поводу упрека Низолія, будто зной неба—*καῦμα οὐρανοῦ*—Аристотель считалъ Богомъ [2]). Вліяніе Аристотеля не прекращалось. Его ясно можно замѣтить и въ пониманіи задачъ логики, и въ рѣшеніи вопроса о предикабиліяхъ. Къ Гоббесу Лейбницъ относится главнымъ образомъ критически, какъ къ ультраноминалисту [3]). Среди занятій изученіемъ излюбленныхъ авторовъ Лейбницъ выдвигалъ впередъ то ту, то другую мысль и часто—изъ числа тѣхъ, на которыхъ еще не останавливался. Такой мыслью въ работѣ по изданію Низолія было зарожденіе теоріи субституціи. Лейбницъ воспользовался пріемомъ подстановки дважды: во первыхъ, доказывая нелѣпость утвержденія, что общія понятія имѣютъ смыслъ коллективности; во вторыхъ, утверждая, что всякое опредѣленіе обратимо, почему оно и не можетъ быть ложно. Тотъ и другой случаи приводятся къ употребленію формулы A=A.

Теоретико-познавательное обоснованіе доктрины права.

Гносеологическій характеръ обсужденій трактата Марія Низолія широко сказался въ одномъ изъ юридическихъ трудовъ Лейбница, который онъ предпринялъ, вѣроятно, тотчасъ же вслѣдъ за изданіемъ книги De veris principiis et vera ratione philosophandi [4]). Въ этомъ трудѣ есть ссылки на предисловіе къ трактату, есть повтореніе выраженныхъ тамъ идей, такъ что въ

---

[1]) Auerbach. Op. cit 28: Schon jetzt, und nicht, wie Foucher de Careil meint, erst durch das spätere studium des Platon erkannte Leibniz die Bedeutung der «causae finales».

[2]) Это мнѣніе не вѣрно. D. Jacobi. Op. cit. 31—32.

[3]) E. 63 b. и 69 b.

[4]) Kabitz. Op. cit. 98. Примѣчаніе первое.

духовной близости этихъ сочиненій не остается никакого сомнѣнія. Въ подлинникѣ юридическій трудъ называется De justo et aequo. Издавшій его Mollat[1]) далъ ему названіе „Элементы права и справедливости". Трудъ не доконченъ и, по всей вѣроятности, представляетъ начало большой работы, которую Лейбницъ предполагалъ хорошо отполировать. Свои соображенія о справедливомъ и равномъ Лейбницъ начинаетъ издалека, обращаясь къ вопросу о счастіи человѣка. Счастье, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, поскольку это позволено, можетъ, что хочетъ, и знаетъ, чего можетъ хотѣть. Человѣкъ все покорилъ себѣ, море и землю, небо и время; небо—путемъ зрѣнія, время—путемъ науки [2]). Однако есть нѣчто, чѣмъ недостаточно занимаются до сихъ поръ: это медицина тѣла и души. „Поэтому неудивительно, говоритъ Лейбницъ, что до сихъ поръ не установлено знанія ни о пріятномъ, ни о полезномъ, ни о справедливомъ. Знаніе пріятнаго имѣетъ въ виду цѣлебность, знаніе полезнаго относится къ государству, знаніе справедливаго—къ нравственности" [3]). Особенно полезной Лейбницъ считаетъ доктрину права. Эта доктрина „изъ числа тѣхъ, которыя зависятъ не отъ экспериментовъ, но отъ опредѣленій, не отъ чувства, но отъ доказательствъ разума и есть, такъ сказать, дѣло права, а не факта. А такъ какъ справедливость состоитъ въ совпаденіи и извѣстнаго рода соразмѣрности, то можно думать, что справедливое во всякомъ случаѣ есть нѣчто, хотя бы и не существовали тѣ, кто осуществляетъ справедливость и по отношенію къ кому она осуществляется, совершенно подобно тому, какъ истинны основы чиселъ, хотя бы не было того, кто считаетъ и что считается" [4])... Не удивительно, что заключенія такого рода знаній будутъ относиться къ вѣчнымъ истинамъ [5]), если исходить изъ

---

[1]) G. Mollat. Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften. Leipzig. 1893. S. 19.

[2]) Ib.

[3]) Ib. 20.

[4]) Ib., 21—22.

[5]) По собственнымъ словамъ Лейбница: harum scientiarum decreta aeternae veritatis esse. Ib. 22. Густавъ Гартманнъ, комментируя это выраженіе, говоритъ, что здѣсь собственно нужно сказать: omnia enim *conditionalia* sunt, nec tradunt quid extat, sed quid suppositam existentiam consequatur. G. Hartmann. Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph. S. 68.

акта яснаго и раздѣльнаго представленія, которое Платонъ называлъ идеей и которое, будучи выражено словами, есть то же, что опредѣленіе. „То, что можетъ быть мыслимо ясно, не всегда, говоритъ Лейбницъ, возможно въ качествѣ истиннаго, однако оно истинно каждый разъ, какъ ставится вопросъ о возможности. А вопросъ о возможности поднимается всякій разъ, какъ поднимается вопросъ о необходимости. Ибо, если что считается необходимымъ, то возможность противоположнаго отрицается. Поэтому, необходимыя связи вещей и слѣдствія доказываются тѣмъ самымъ, что выводятся изъ акта яснаго и раздѣльнаго представленія, т. е., въ случаѣ, если выражены словами, изъ опредѣленія, путемъ продолжающагося ряда включенныхъ другъ въ друга опредѣленій, т. е. черезъ доказательство. Значитъ, разъ наука права есть знаніе, и основа знанія есть доказательство, принципъ же доказательства—опредѣленіе, то слѣдуетъ, что опредѣленія словъ: право, справедливое, справедливость, или нѣкоторыя ясныя идеи, къ которымъ мы сами, въ разговорѣ, даже не зная истины, обыкновенно сводимъ предложенія или употребленіе словъ, должны быть разсматриваемы раньше всего“ [1]). Указавъ на это обстоятельство, Лейбницъ говоритъ о методѣ такого изслѣдованія. Методъ заключается въ томъ, чтобы, беря примѣры изъ обыденной рѣчи, мы придумывали что нибудь новое, соотвѣтствующее и этимъ примѣрамъ, и остальному. „Ибо, утверждаетъ Лейбницъ, подобно тому, какъ по индукціи опытовъ мы строимъ гипотезу, такъ по связи предложеній—опредѣленіе“ [2]). Этотъ методъ бываетъ нуженъ каждый разъ, какъ мы замышляемъ по своей волѣ употребить тѣ или иныя слова: вѣдь всегда въ нашей волѣ придать слову тотъ или другой смыслъ. Это общефилософское введеніе понадобилось Лейбницу для того, чтобы обратиться затѣмъ непосредственно къ обсужденію главныхъ понятій права.

О понятіи справедливаго.

Въ понятіи права implicite заключается понятіе блага. Благо бываетъ своимъ и чужимъ. И вотъ то, что каждый дѣлаетъ по необходимости ради сохраненія своего блага, обычно кажется справедливымъ.

---

[1]) Ib. 22.
[2]) Ib. 23.

Справедливость же тѣсно связана съ благоразуміемъ, котораго въ свою очередь нельзя отдѣлить отъ собственнаго блага. „Нѣтъ, говоритъ Лейбницъ, никого, кто подумавъ, дѣлалъ бы что нибудъ иначе, чѣмъ ради своего блага, ибо даже блага тѣхъ, кого любимъ, мы ищемъ ради собственнаго удовольствія, которое почерпаемъ изъ ихъ счастья. Самого Бога мы любимъ больше всего потому, что пользоваться созерцаніемъ прекраснѣйшей изъ всѣхъ вещи составляетъ удовольствіе большее, чѣмъ всякое другое умственное удовольствіе“ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что никто не можетъ быть обязанъ самому себѣ зломъ. А такъ какъ справедливость есть нѣчто такое, что можетъ быть внушено благоразумному человѣку, то необходимо полезна всякая обязанность, происходящая изъ желанія блага ближнему. И вотъ Лейбницъ пытается разсмотрѣть границы обоснованія чужого блага.

Люди во многихъ случаяхъ жалуются на обиду. По ихъ мнѣнію, „во первыхъ, несправедливо желать вредить ближнему только ради своего блага; во вторыхъ, несправедливо желать быть причиной смерти другого безъ необходимости; въ третьихъ, несправедливо ради своей выгоды хотѣть ущерба другому; въ четвертыхъ, несправедливо не желать сносить общій ущербъ“ [2]). Такъ какъ справедливое имѣетъ основаніемъ благо данной личности, а затѣмъ ея ближнихъ, то опредѣленіе справедливости Лейбницъ хочетъ дать путемъ ряда вопросовъ, постепенно съуживая кругъ частныхъ опредѣленій. „Не будетъ ли справедливость, спрашиваетъ въ концѣ концовъ Лейбницъ, привычкой желать чужого блага ради своего? Это всего ближе къ истинѣ... Есть въ справедливости нѣкоторое уваженіе къ чужому благу; есть уваженіе и къ нашему, но оно таково, что одно другому служитъ предѣломъ..... Какъ же связать это съ прежнимъ утвержденіемъ, что, подумавъ, мы ничего не дѣлаемъ иначе, какъ ради своего блага?... Безъ сомнѣнія, это зависитъ отъ природы любви“ [3]).

„Для желанія чужого блага основаніе двояко, одно отъ нашего блага, другое какъ будто бы изъ-за нашего блага;

---

[1]) Ib. 24.
[2]) Ib. 25.
[3]) Ib. 27—28

одно у того, кто цѣнитъ, другое у того, кто любитъ. Одно — любовь господина къ рабу, другое—любовь отца къ сыну... Тамъ чужое благо желательно изъ-за другого, здѣсь само по себѣ. Какъ же это можетъ быть, спросишь ты, что чужое благо есть одно и то же съ нашимъ и однако желательно само по себѣ? Правда, иногда чужое благо можетъ быть нашимъ, но какъ средство, а не какъ цѣль. Именно... даже какъ цѣль, даже какъ нѣчто желанное само по себѣ, когда оно пріятно. Ибо все пріятное желательно само по себѣ, а что желательно само по себѣ, то пріятно“ [1]). „Значитъ, продолжаетъ Лейбницъ, легко можно понять, какъ чужое благо можетъ сдѣлаться не только нашимъ, но и быть желательнымъ само по себѣ, т. е. каждый разъ какъ намъ пріятно, что другіе испытываютъ благо, откуда строится истинное опредѣленіе любви. Вѣдь мы любимъ того, по отношенію къ кому мы утѣшаемся тѣмъ, что ему— хорошо“ [2]). Поэтому, говоритъ Лейбницъ, все, что любятъ,— прекрасно, хотя не все прекрасное любимо. Отсюда легко уже дать опредѣленіе справедливости. „Истинное и совершенное опредѣленіе справедливости, по словамъ Лейбница, таково: привычка любить другихъ, т. е. получать удовольствіе изъ желанія чужого блага, каждый разъ какъ къ тому представляется случай“ [3]). Рядомъ съ опредѣленіемъ справедливости Лейбницъ даетъ опредѣленіе и другого важнаго въ юриспруденціи понятія, именно понятія равенства. „Равенство означаетъ любовь ко всѣмъ другимъ, каждый разъ какъ представляется случай“ [4]). Отсюда легко уже опредѣлить понятіе права. „Право, говоритъ Лейбницъ, есть возможность дѣлать то, что справедливо“ [5]).

На этомъ кончается отрывокъ. Онъ представляетъ изъ себя единое цѣлое. Разсматривая его содержаніе вмѣстѣ съ другими сочиненіями Лейбница, не трудно видѣть, что онъ посвященъ естественному праву и отличается эвдемонистическимъ характеромъ. Кабитцъ сближаетъ его съ тѣмъ, что говорилось Лейбницемъ о благѣ и любви въ Specimen demon-

---

[1]) Ib. 28.
[2]) Ib. 29—30.
[3]) Ib. 30.
[4]) Ib.
[5]) Ib. 31.

strationum politicarum [1]). Сходство, конечно, есть, но отрывокъ De justo et aequo болѣе, повидимому, интересенъ въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, онъ есть прямое продолженіе и слѣдствіе той умственной работы, которую приложилъ Лейбницъ къ рѣшенію основныхъ вопросовъ права въ письмѣ къ Конрингу. Тамъ было замѣчено, что нѣтъ строго установленнаго понятія справедливости, здѣсь сдѣлана попытка его опредѣленія; тамъ была высказана мысль, что номотетическая юриспруденція едва ли возможна безъ этики и естественнаго права, здѣсь, съ цѣлью облегчить пониманіе правовыхъ отношеній, данъ сводъ основныхъ этическихъ понятій [2]). Близость отрывка De justo et aequo къ упомянутому письму простирается до мелочей: тутъ упоминается о стоикахъ почти въ томъ же духѣ, какъ тамъ [3]). Если теперь спросить, какъ обоснованы Лейбницемъ общія понятія права, то нужно будетъ указать на три обстоятельства. Во первыхъ, обоснованіе исходитъ гносеологически изъ критерія ясности представленія, при чемъ упоминается Платонъ, который будто бы принималъ ясныя представленія за идеи; во вторыхъ, ради обоснованія устанавливается связь между понятіями возможности и необходимости; въ третьихъ, указывается методъ, посредствомъ котораго обоснованіе можетъ быть сдѣлано. Этотъ методъ очень оригиналенъ. Онъ, конечно, не индуктивенъ,

---

[1]) Kabitz. Op. cit. 107.

[2]) Разсматривать право какъ часть этики было свойственно Лейбницу, какъ и другимъ авторамъ его вѣка. F. Alengry. De jure apud Leibnitium. P. 75.

[3]) Вотъ мѣсто, въ которомъ говорится о стоикахъ. »Все... дѣлается изъ-за пріятнаго, напр., работаютъ, служатъ, уничтожаютъ противорѣчія. Это чувствуютъ всѣ, что бы ни говорили, или, по меньшей мѣрѣ, это дѣлаютъ, что бы ни чувствовали. Спроси стоиковъ, этихъ воздушныхъ заоблачныхъ летателей, метеорологовъ, притворныхъ враговъ удовольствія, истинныхъ враговъ разума. Посмотри, покопайся въ ихъ поступкахъ или движеніяхъ. Ты почувствуешь, что имъ нельзя двинуть и пальцемъ, чтобы не втолкнуть лжи въ свою философію. Сама почетность ничто иное, какъ пріятное расположеніе духа... Прекраснаго мы желаемъ потому, что оно пріятно. А прекрасное я опредѣляю какъ то, созерцаніе чего пріятно«. Mollat. Op. cit. 28—29.

но зато требуетъ удивительнаго идейнаго творчества, направленнаго параллельно процессу индукціи. Вещи текутъ, а мы, думаетъ Лейбницъ, параллельно ихъ потоку должны изъ себя самихъ создавать ихъ опредѣленія. Во второй половинѣ отрывка при опредѣленіи понятія справедливости исходнымъ пунктомъ для Лейбница служитъ эгоизмъ. Однако понятіе пользы соединяется далѣе съ понятіями чужого блага, любви и прекраснаго. Такимъ образомъ, является естественнымъ пониманіе справедливости, какъ привычки получать удовольствіе изъ желанія блага другому. Любопытно, что разсуждая объ основныхъ понятіяхъ этики, Лейбницъ не ставитъ здѣсь Бога въ центрѣ своихъ соображеній, чѣмъ отрывокъ De justo et aequo рѣзко отличается отъ Nova Methodus.

Новый разборъ вопросовъ о тѣлѣ и движеніи.

Увлеченіе теоріей познанія въ области доктрины права и этики не прошло у Лейбница безплодно для другихъ его изслѣдованій. Вѣроятно, вскорѣ послѣ окончанія отрывка объ элементахъ права, можетъ быть, даже одновременно, во всякомъ случаѣ до 23 іюля 1670 года [1]), Лейбницъ произвелъ пересмотръ вопросовъ о тѣлѣ и движеніи, при чемъ, излагая теоремы о движеніи систематически, внесъ въ нихъ гораздо больше, чѣмъ прежде, гносеологическаго элемента. Памятникомъ пересмотра является напечатанный Кабитцемъ въ извлеченіи набросокъ изъ математическихъ бумагъ Лейбница. Набросокъ дѣлится на двѣ части: первая содержитъ отличающееся гносеологическимъ характеромъ введеніе и два общихъ предложенія о тѣлѣ и движеніи, вторая заключаетъ выводы изъ этихъ общихъ предложеній.

Во введеніи Лейбницъ говоритъ, что „есть три причины, по которымъ нельзя вѣрить чувственнымъ экспериментамъ: 1, потому, что ни одно ощущаемое тѣло не находится въ покоѣ. 2, потому, что неизвѣстно, есть ли ощущаемое тѣло собственно тѣло или тѣла. 3, потому, что неизвѣстно, смежно или не смежно ощущаемое тѣло. 4, потому, что неизвѣстно, соприкасаются ли касающіяся тѣла поверхностями или только

[1]) Kabitz. Op. cit. 68. Примѣч.

линіями и точками. Если это положить даже неизвѣстнымъ, то всетаки невозможно, чтобы первыя принципы движенія были доступны чувству"... [1]). Этого нельзя объяснить изъ ощущенія. „Если же въ изученіи необходимыхъ обстоятельствъ факта чувство не совершенно, то оно не можетъ судить о томъ, что, такъ сказать, есть дѣло права или разума, то есть... не можетъ судить о движеніи изъ факта, который вытекаетъ изъ данныхъ обстоятельствъ [2])..

Таково теоретико-познавательное введеніе наброска. Оно, очевидно, развиваетъ мысль, уже встрѣчавшуюся намъ въ очеркѣ, который былъ написанъ Лейбницемъ подъ вліяніемъ чтенія въ англійскомъ журналѣ сообщеній Гюйгенса и Вренна, но здѣсь, въ лучахъ предыдущей гносеологической работы, эта мысль стала выпуклѣе и ярче.

Переходя вслѣдъ за введеніемъ къ изложенію теоремъ, Лейбницъ предпосылаетъ имъ опредѣленія: протяженія, пространства, времени, тѣла, движенія и фигуры.

„Опр. 1. Протяженіе есть количество, взятое вмѣстѣ съ положеніемъ частей, (чѣмъ оно и отличается отъ числа, которое есть количество безъ положенія, т. е. безъ предположенія существованія частей; иначе, протяженіе есть количество, отнесенное къ ощущенію; число же есть количество, отнесенное къ разуму).

„Опр. 2. Пространство есть нѣчто, протяженное само по себѣ, части чего совмѣстны.

„Опр. 3. Время есть нѣчто, протяженное само по себѣ, части чего бываютъ, то прежде, то послѣ (именно поскольку оно взято съ положеніемъ частей, существующихъ вмѣстѣ).

„Опр. 4. Тѣло есть вещь, сопротяженная съ пространствомъ (т. е. нѣчто случайно протяженное, части чего существуютъ вмѣстѣ).

„Опр. 5. Движеніе есть измѣненіе пространства, (т. е. нѣчто сопротяженное времени или нѣчто случайно протяженное, чего части бываютъ прежде и послѣ).

„Опр. 6. Фигура есть положеніе частей вмѣстѣ" [3]).

---

[1]) Kabitz. Op. cit. 145.

[2]) Ib.

[3]) Ib. 145—146.

Въ этихъ опредѣленіяхъ заключается сущность утвержденій Лейбница. Отъ нихъ зависятъ теоремы.

„Теорема 1. Всякое состояніе пространства, взятаго само по себѣ, есть величина, фигура и то, что въ нихъ заключается; ибо всякое состояніе, которое чему нибудь присуще въ себѣ, должно быть выводимо изъ его опредѣленія. Опредѣленіе пространства таково: оно есть количество, взятое съ положеніемъ сосуществующихъ частей. Значитъ, въ опредѣленіи пространства ничего другого не содержится, какъ количество или множество и совмѣстное положеніе частей вмѣстѣ. Совмѣстное положеніе частей есть фигура, по опр. 6. Значитъ, въ опредѣленіи пространства ничего другого не содержится, какъ величина, фигура и то, что въ нихъ заключается. Значитъ, всякое состояніе пространства есть величина, фигура и то, что въ нихъ заключается. Что и требовалось доказать.

„Теорема 2. Всякое состояніе тѣла, взятаго въ себѣ, есть величина, фигура, локальность и то, что въ нихъ содержится, подобно тому, какъ въ понятіи локальности содержится способность къ движенію. Вѣдь всякое состояніе, которое присуще чему нибудь въ себѣ, должно быть выводимо изъ его опредѣленія. Опредѣленіе тѣла таково: то, что существуетъ въ пространствѣ или то, что сосуществуетъ съ пространствомъ. Это опредѣленіе ничего въ себѣ не содержитъ, кромѣ пространства и существованія въ немъ. Значитъ, нѣтъ никакихъ другихъ состояній тѣла въ себѣ, кромѣ всѣхъ состояній пространства и еще существованія въ немъ. Всѣ состоянія пространства въ себѣ суть величина и фигура по теоремѣ 1; существованіе въ пространствѣ есть локальность. Существованіе же въ данномъ пространствѣ содержитъ возможность существованія въ другомъ равномъ и подобномъ пространствѣ (такъ какъ тутъ нѣтъ никакого основанія къ различію); значитъ, содержитъ измѣняемость даннаго пространства или, что то же, способность къ движенію. Итакъ, всякое состояніе тѣла есть величина, фигура, локальность и то, что въ нихъ содержится, подобно тому, какъ въ понятіи локальности заключается способность къ движенію. Что и требовалось доказать“ [1]).

Эту теорему Лейбницъ считаетъ особенно важной. Подъ ея напоромъ, по его мнѣнію, должны рушиться всѣ „реаль-

[1]) Ib. 146.

ныя качества“ схоластиковъ, особенно, если призвать на помощь нѣсколько слѣдствій.

„Теорема 3. Всякое дѣйствіе и страданіе тѣла есть движеніе. Всякое дѣйствіе и страданіе есть упражненіе силы, то есть, чтобы было на самомъ дѣлѣ то, что можетъ быть. Всякая сила тѣла заключается въ состояніяхъ тѣла. Всякое состояніе тѣла есть величина, фигура и локальность по теоремѣ 2. Значитъ, всякая сила тѣла есть способность имѣть величину, фигуру и локальность. Всякая способность имѣть величину, фигуру и локальность есть способность къ перемѣнѣ пространства, ибо величина мѣняется, когда занято больше или меньше пространства [1])... Значитъ, всякая сила тѣла есть способность къ движенію. Значитъ, всякое дѣйствіе и страданіе есть движеніе“ [2]).

Въ доказательствѣ этихъ трехъ основныхъ теоремъ, замѣчаетъ Лейбницъ, мы прежде всего пользовались положеніемъ: ни въ какой вещи ничего нельзя предполагать такого, чего бы нельзя было опредѣлить изъ ея опредѣленія или сущности.

Выводы изъ основныхъ теоремъ.

Въ какую же сторону направляется мысль Лейбница, когда онъ занимается примѣненіемъ этихъ основныхъ теоремъ? Въ чемъ его конечная цѣль? Лейбницъ хочетъ глубже заглянуть въ природу акта воздѣйствія. Онъ приводитъ шесть теоремъ, въ результатѣ которыхъ выясняетъ понятіе импульса.

---

[1]) По мнѣнію Лейбница: «mutatur figura partibus paulo ante sitis in hac spatii parte, nunc sitis in illa spatii parte locus manifeste mutatur mutatione spatii». Ib. 147.

[2]) «То же самое, продолжаетъ Лейбницъ, можно доказать глаже. Всякое дѣйствіе и страданіе есть упражненіе въ силѣ. Упражненіе въ силѣ есть переходъ отъ возможности къ акту или отъ возможнаго не существующаго къ существующему. Сила всякаго тѣла содержится въ сущности всякаго тѣла. Сущность тѣла есть существованіе въ пространствѣ. Сила (или лишенная существованія возможность), которая заключается въ существованіи въ пространствѣ, есть сила существованія въ другомъ пространствѣ (равномъ и подобномъ тому, въ которомъ существуетъ теперь). Сила существованія въ другомъ пространствѣ есть способность мѣнять пространство. Измѣняемость пространства есть способность къ движенію. Упражненіе способности къ движенію есть движеніе. Итакъ, всякое дѣйствіе тѣла есть движеніе. Что и треб. доказать». Ib.

„Покоющееся тѣло, говоритъ Лейбницъ, не дѣйствуетъ. (теорема 4). Вѣдь покоющееся тѣло лишено движенія, по опредѣленію покоя. Тѣло, которое лишено движенія, лишено дѣйствія, такъ какъ всякое дѣйствіе есть движеніе, по теоремѣ третьей. Значитъ, покоющееся тѣло лишено движенія или не дѣйствуетъ. Что и треб. доказать“ [1]). Нѣсколько тѣлъ, продолжаетъ Лейбницъ, не могутъ сразу находиться въ одномъ и томъ же пространствѣ, а одно тѣло—во многихъ пространствахъ (теор. 5). Что покоится, то, будучи предоставлено само себѣ, будетъ покоиться всегда (теор. 6). Что движется, будучи предоставлено само себѣ, то будетъ всегда двигаться съ той же скоростью и въ ту же сторону (теор. 7) [2]). Законъ инерціи ненарушимъ, а потому можно доказать слѣдующую теорему.

„Теорема 8. Ни одно тѣло не дѣйствуетъ само на себя и не страдаетъ отъ самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, всякое дѣйствіе и страданіе есть движеніе, по теоремѣ третьей. Значитъ, тѣло, которое дѣйствуетъ само на себя, движетъ самого себя. И вотъ всякое дѣйствіе и страданіе есть измѣненіе. Значитъ, тѣло, которое дѣйствуетъ само на себя, движетъ само себя, даже если ранѣе не было движенія, или даже если бы ранѣе само оно двигалось иначе, т. е. по другой линіи или съ другой скоростью. Значитъ, тѣло, которое дѣйствуетъ само на себя, покоясь и будучи предоставлено себѣ, не всегда покоится, что̀—абсурдъ, по теоремѣ 6, и предоставленное себѣ движеніе не движется съ той же скоростью и въ ту-же сторону, что̀ абсурдъ, по теоремѣ 7. Значитъ, абсурдъ, что тѣло дѣйствуетъ само на себя. Что и требовалось доказать [3]).

„Теорема 9. Всякое дѣйствіе одного тѣла на другое тѣло есть импульсъ. Всякое дѣйствіе есть переходъ возможности къ существованію. Возможность принадлежитъ сущности. Сущность тѣла есть существованіе въ пространствѣ. Значитъ, сущность одного тѣла, другого, или различныхъ тѣлъ, т. е. то, чѣмъ они различны, есть существованіе въ различныхъ пространствахъ. Имѣть возможность существо-

---

[1]) Ib.
[2]) Ib. 148.
[3]) Ib.

вать въ различныхъ пространствахъ (такъ какъ сила есть ничто иное, какъ возможность измѣненія) есть то же, что имѣть силу существовать въ пространствахъ неразличныхъ. Упражненіе способности имѣть силу существовать въ неразличныхъ пространствахъ есть переходъ къ акту существованія въ томъ же самомъ пространствѣ. Переходъ въ тѣлахъ къ акту существованія въ тѣхъ же самыхъ пространствахъ есть движеніе тѣлъ, при продолженіи котораго они будутъ находиться въ одномъ пространствѣ. Такое движеніе называется импульсомъ. Значитъ всякое дѣйствіе тѣла на другое тѣло есть импульсъ. Что и требовалось доказать“ [1]).

Импульсъ заключаетъ въ себѣ не только движеніе и смежность дѣйствующаго, но также поступательность [2]). Изъ смежности же слѣдуетъ, что нѣтъ никакого дѣйствія тѣла на разстояніи“ [3]).

Итакъ, понятіе импульса въ наброскѣ является заключительнымъ звеномъ. Интересно, что для объясненія этого понятія Лейбницъ употребляетъ слова potentia и actus. Можно думать, что это просто аристотелевско-схоластическій оборотъ рѣчи [4]), но правильнѣе, кажется, понимать такъ, что Лейбницъ словомъ potentia хотѣлъ означить именно способность имѣть силу и, слѣдовательно, такъ сказать, общее начало воздѣйствія, initium procedendi, какъ онъ выражался впослѣдствіи. Что касается характера наброска, то онъ изложенъ more geometrico, — обстоятельство для Лейбница не новое — такъ же, какъ и общій кругъ идей сочиненія, гдѣ онѣ, по отношенію къ De rationibus motus, только болѣе развиты. Шагъ впередъ, сравнительно съ ученіями Декарта и Гоббеса, отожествлявшихъ величину и протяженіе, въ наброскѣ заключается въ общемъ подчиненіи понятій протяженія, пространства и времени одному понятію величины [5]). Лейбницъ дѣлался все болѣе и болѣе самостоятельнымъ и критиковалъ изучаемыхъ имъ авторовъ все глубже и глубже.

---

[1]) Ib.

[2]) «ut nimirum linea motus unius continuata cadat intra spatium alterius», добавляетъ Лейбницъ. Ib.

[3]) Ib.

[4]) Kabitz. Op. cit. 69.

[5]) Ib. 28.

Сонъ и дѣйствительность.

Можетъ быть около того же времени, когда были написаны только что приведенныя теоремы о движеніи, Лейбницемъ были занесены на бумагу замѣтки о снѣ и бодрствованіи. Такъ заставляетъ думать съ одной стороны имѣющаяся въ замѣткахъ ссылка на Гоббеса, котораго Лейбницъ тогда, вѣроятно, читалъ, съ другой стороны—и это главное—къ такому убѣжденію приводитъ гносеологическій характеръ наброска по вопросу о томъ, чѣмъ сонъ отличается отъ дѣйствительности. Интересъ Лейбница къ теоріи познанія сказывался, какъ мы видѣли, очень интенсивно, и, принимая во вниманіе психическую устойчивость настроенія, естественно предположить, что затронутая въ замѣткахъ новая гносеологическая проблема по своему происхожденію хронологически принадлежитъ къ прежней датѣ.

Замѣтки въ общемъ представляютъ примѣръ интроспективнаго анализа. Сначала Лейбницъ высказываетъ нѣсколько мыслей о силѣ убѣжденія и вниманія [1]), а затѣмъ непосредственно обращается къ главной темѣ.

„Сонъ, говоритъ Лейбницъ, отличается отъ бодрствованія, такъ какъ во время бодрствованія все, по меньшей мѣрѣ, смутно направляется къ конечной цѣли, а у спящаго нѣтъ никакого отношенія къ совокупности вещей. Отсюда выходитъ, что бодрствовать значитъ ничто иное, какъ подбираться (recolligere sese), думать: скажи, почему такъ? [2])..., начинать связывать положеніе, въ которомъ ты теперь, съ остальной твоей жизнью, т. е. съ собой самимъ. Отсюда въ этомъ и заключается критерій различенія сна отъ ощущеній того, кто пробуждается, такъ какъ извѣстно, что мы тогда, наконецъ, вполнѣ просыпаемся, когда вспоминаемъ, по какой причинѣ пришли въ настоящее мѣсто и положеніе, а также когда видимъ достаточную связь являющихся намъ вещей другъ съ другомъ и съ тѣмъ, что было, связь, которую во снѣ пропускаемъ, не удивляясь, что ея нѣтъ“ [3]).

---

[1]) Трудно сказать, въ какой связи находятся эти мысли съ остальнымъ содержаніемъ наброска

[2]) «Sich besinnen, поясняетъ Лейбницъ въ подлинникѣ свои латинскія фразы, вставляя словечко на нѣмецкомъ языкѣ.

[3]) Kabitz. Op. cit. 154.

Такъ отличаетъ Лейбницъ бодрствованіе ото сна, устанавливая фактъ, которымъ впослѣдствіи часто будетъ пользоваться. Въ связи съ фактомъ отсутствія во снѣ сознанія общей совокупности вещей, Лейбницъ интроспективно отмѣчаетъ другія особенности сновидѣній. „Нужно замѣтить, говоритъ онъ, что самъ спящій иногда обращаетъ вниманіе на то, что онъ грезитъ во снѣ, и тѣмъ не менѣе сонъ продолжается. Тутъ просыпающійся на малый промежутокъ времени долженъ какъ бы мыслить и затѣмъ, вновь погрузившись въ усыпленіе, придти въ прежнее состояніе. Но нужно отмѣтить еще то, что нѣкоторые люди могутъ сами себя пробуждать ото сна, и мнѣ самому очень хорошо знакомо, какъ въ иномъ пріятномъ сновидѣніи я вспоминалъ, что сплю, продиралъ глаза и раскрывалъ ихъ пальцами, чтобы они пропустили свѣтъ. Также нужно подумать еще о томъ, откуда происходятъ тѣ кажущіяся паденія съ постели..., которыя обыкновенно случаются съ нѣкоторыми почти на границахъ сна и бодрствованія, и которыя ихъ вдругъ снова пробуждаютъ въ самый моментъ засыпанія. Когда однажды это случилось со мной, я... въ продолженіе цѣлой ночи едва могъ внушить себѣ сонъ. Ибо какъ только я оказывался въ моментѣ засыпанія, я, собравшись съ силами и чувствуя это, вдругъ вскакивалъ“ [1]).

Лейбницъ поправляетъ и дополняетъ Гоббеса. „Гоббесъ, замѣчаетъ онъ, говоритъ, что во снѣ все является, какъ настоящее; отсюда во снѣ нѣтъ ни сужденія, ни удивленія, а одна только встрѣча картинъ, какая бываетъ у бодрствующаго, когда онъ при открытыхъ глазахъ смотритъ на вещи. Но ты скажешь, что мы часто имѣемъ во снѣ сужденіе и мышленіе о прошломъ, а это заключаетъ въ себѣ всякія сужденія: вѣдь мы и рѣшаемъ, и вспоминаемъ. Я однако отвѣчу, что мы этого теперь не дѣлаемъ иначе, какъ когда вновь явился образъ, но что во снѣ только тогда бываетъ сужденіе, когда для самого встрѣчающагося образа оно имѣется благо-

[1]) Далѣе Лейбницъ прибавляетъ: «Nec illud praetereundum venerem in somnis spontaneam, non aequè, atterere corpus, quam quae vigilantibus forti agitatorie exprimitur, moventibus sese intus sola forti imaginatione spiritibus sine membrorum attritu. Hoc et a medico firmatum audivi». Ib. 155.

даря акту предшествующаго мышленія, которое возвращается теперь обратно, но о которомъ мы не знаемъ, что оно предшествующее. Вѣдь здравые разговоры, которые, конечно, не бываютъ безъ сужденій, собесѣдованія, пренія имѣютъ мѣсто у насъ не потому, чтобы мы о нихъ судили, но потому, что сдѣланное о нихъ сужденіе возвращается вмѣстѣ съ ихъ образами“ [1]).

Лейбница интересуетъ архитектоническая сторона нашего духа. „Болѣе всего въ сновидѣніяхъ, говоритъ онъ, удивительно одно —чему, я думаю, никто не можетъ привести основаній —это моментальное появленіе образовъ при самопроизвольной ихъ встрѣчѣ, и появленіе болѣе искусное, чѣмъ мы могли бы это создать, бодрствуя, при помощи многихъ размышленій. Спящему часто снятся никогда не виданные образы громадныхъ храмовъ, тогда какъ мнѣ на яву будетъ трудно... образовать даже идею небольшого домика, иную сравнительно съ тѣмъ, что я видѣлъ. О если бы я могъ вернуть тѣ часто удивительныя рѣчи, тѣ книги, письма, даже поэмы, несомнѣнно прекрасныя [2]),... которыя я, читая, прое бѣгалъ уже какъ бы приспособленными и находящимися противъ моихъ глазъ!.. Я не думаю, что есть кто нибудь изъ людей, кто не признался бы мнѣ, что ему, когда онъ спитъ часто сами собою снятся, напримѣръ, моментально созданные, элегантные образы, художественно составленныя пѣсни, стихи, книги, рѣчи, дома, сады, смотря по тому, чѣмъ каждый занятъ, что самъ бодрствующій не безъ труда образовалъ бы въ душѣ... Для того, кто находится на яву, они—предметъ исканія, спящему они попадаются сами. Итакъ, въ нашемъ умѣ необходимо есть, уже не знаю что, но что-то строительствующее и гармоническое, такое, что, будучи свободно отъ обсужденія идей, обращается къ ихъ сложенію. Должно быть нѣкоторое основаніе, почему во снѣ мы помнимъ то, что бываетъ на яву, а будучи на яву, не помнимъ того, что бываетъ во снѣ“ [3]).

Вотъ тѣ соображенія, которыя заключаютъ въ себѣ замѣтки Лейбница. Безусловно можно сказать, что здѣсь Лейбницъ является отличнымъ наблюдателемъ. Психическая сто-

[1]) Ib.

[2]) «sed nunquam lecta in somnis absqve ulla conformatione», добавляетъ Лейбницъ.

[3]) Kabitz. Op. cit. 155—156.

рона нашей души была доступна Лейбницу болѣе, чѣмъ кому нибудь другому. Если сравнить съ приведеннымъ то, что писалъ о сновидѣніяхъ Гоббесъ, то наблюденія послѣдняго окажутся не столь богатыми, хотя поднявъ вопросъ, откуда происходитъ сонъ, онъ далъ на него по своему хорошій отвѣтъ.

„Представленія спящихъ, говоритъ Гоббесъ, есть сны. О нихъ изъ опыта мы знаемъ пять фактовъ.. Во первыхъ, что большинство ихъ безпорядочны и безсвязны; во вторыхъ, что мы ничего не видимъ во снѣ, что не было бы сложено и образовано изъ представленій предшествующихъ ощущеній; въ третьихъ, что сновидѣнія рождаются иногда изъ представленій, мало по малу испорченныхъ у спящихъ сонливостью во время перерывовъ, а иногда происходятъ въ серединѣ сна; въ четвертыхъ, что они сильнѣе образовъ на яву, кромѣ ощущеній, и по ясности равны самимъ ощущеніямъ; въ пятыхъ, что во снѣ мы не удивляемся ни мѣсту, ни виду вещей“ [1]).

Все это, по мнѣнію Гоббеса, легко объяснить. При этомъ нужно замѣтить, что во снѣ все представляется намъ какъ настоящее и что есть сны, которые изображаютъ нѣчто несбыточное.

Очевидно, что область интересовъ Гоббеса по вопросу о сновидѣніяхъ лежала совсѣмъ не тамъ, гдѣ она находилась у Лейбница.

---

[1]) Hobbes. De corpore. Pars IV. Cap. 25. § 9.

VI.

Новая физическая гипотеза.

Начало переписки съ Ольденбургомъ. Набросокъ о движеніи.

Теоретико-познавательные интересы, которые, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, лежали у Лейбница въ основѣ самыхъ разнообразныхъ занятій, съ теченіемъ времени отошли на задній планъ. Предпочтеніе было отдано именно тѣмъ объектамъ, въ основу которыхъ они полагались, и прежде всего физическимъ изслѣдованіямъ. Въ связи съ послѣдними у Лейбница явилась даже идея труда, который могъ бы стоять au courant современныхъ знаній, идя параллельно опубликованнымъ въ Лондонскихъ Transactions работамъ Гюйгенса и Врена, которыя были предметомъ вниманія всей Европы. Этотъ трудъ создавался медленно, но къ серединѣ 1670 года вчернѣ были уже готовы, какъ его отдѣлъ, посвященный гипотезѣ о происхожденіи міра, такъ и его отдѣлъ, трактующій о сущности движенія. По крайней мѣрѣ, есть факты, показывающіе, что со второй половины этого года Лейбницъ хлопочетъ о сообщеніи своихъ идей разнымъ ученымъ еще до появленія своей работы въ печати. Начало такихъ заботъ совпадаетъ съ письмомъ къ секретарю Лондонскаго Королевскаго общества Ольденбургу [1]), отъ 22 іюля 1670 г. Съ этихъ

[1]) Ольденбургъ былъ нѣмецъ, во время господства Кромвеля занимавшій въ Лондонѣ постъ консула отъ родного своего города Бремена. Потерявъ мѣсто, онъ принялся въ Оксфордѣ за изученіе наукъ и завязалъ сношенія съ Лондонскимъ Королевскимъ обществомъ, гдѣ потомъ сдѣлался секретаремъ.

поръ въ продолженіи почти года Лейбницъ разработываетъ, обсуждаетъ и печатаетъ свой трудъ, который, наконецъ, появляется въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Новая физическая гипотеза“. Что же сообщилъ Лейбницъ Ольденбургу? Онъ писалъ ему въ первый разъ. „Извини, говорилъ Лейбницъ въ письмѣ, что, невѣдомый, я пишу тебѣ, котораго всѣ знаютъ. Кому можешь ты быть неизвѣстенъ изъ тѣхъ, кто слышалъ о Королевскомъ обществѣ? И можетъ ли общество скрыть того, кто руководится заботой объ истинномъ, которое, больше всего благодаря вашимъ заботамъ, мало по малу удаляется съ бульваровъ критики въ замокъ природы.. Однако и у насъ нѣтъ недостатка въ прекрасныхъ опытахъ... Что касается меня, самыя лучшія сочиненія котораго, по обстоятельствамъ жизни, были посвящены юриспруденціи и исчерпываются, будучи призваны къ тѣмъ почти исключительно доказательнымъ основаніямъ, которыя могутъ удовлетворить самаго строгаго философа, то я, правда, былъ отвлеченъ отъ болѣе рачительнаго изученія природы.. Впрочемъ, мнѣ кажется, я всетаки замѣтилъ нѣчто такое, что при случаѣ можетъ принести нѣкоторую пользу для того, чтобы вы могли воспламенить свѣтъ истинной философіи. Я создалъ элементы объ истинныхъ основахъ движенія, изъ однихъ только терминовъ доказанные геометрическимъ методомъ. Въ этихъ элементахъ я показалъ причину связности, гибкости и твердости въ тѣлахъ, что до сихъ поръ никѣмъ, сколько знаю, не было, кажется, открыто; точно также я показалъ, что тѣ правила, которыя установили о движеніи несравненные ученые Гюйгенсъ и Вреннъ, не первичны, не абсолютны, не ясны, но случайны, вслѣдствіе извѣстнаго положенія шара земли и воздуха, (не менѣе, чѣмъ тяжесть). Я показалъ, что это не аксіомы, не теоремы, которыя можно доказать, но опыты, явленія, наблюденія, хотя и счастливыя, прекрасныя, дальше которыхъ до сихъ поръ никто не шелъ [1])... У меня есть отдѣльныя разсужденія, въ силу которыхъ изъ единственнаго предположенія объ извѣстномъ всеобщемъ движеніи въ нашемъ шарѣ земли и воздуха (это движеніе могутъ допустить и Коперникъ и Тихо), съ

[1]) По мнѣнію Лейбница: in medio tamen quiescente, vel aliter moto, alia omnia eventura G. Br., 40.

необычной до сихъ поръ ясностью можетъ быть приведено основаніе всѣхъ движеній, которымъ мы удивляемся въ тѣлахъ: тяжести, легкости, всѣхъ гидростатическихъ парадоксовъ, механики.., отраженій, преломленій.., разложеній, реакцій, стремительности, и это не черезъ посредство атомовъ, стружекъ, абстракцій, а по домашнему и почти механическому основанію“ [1])...

Такимъ образомъ, въ моментъ отсылки письма Лейбницемъ, какъ видно, было уже достаточно разработано содержаніе труда, начало котораго, согласно намеку самого Лейбница, было положено имъ въ замѣткахъ о движеніи, составленныхъ, послѣ чтенія сообщеній Гюйгенса и Вренна, осенью 1669 года. Мы видѣли это начало. Мы видѣли также образецъ дальнѣйшей его разработки въ систематическомъ очеркѣ теоремъ о движеніи, но въ бумагахъ Лейбница сохранился еще наброскъ, относящійся къ тому же труду. Будучи написанъ на одномъ листѣ съ систематическимъ очеркомъ теоремъ о движеніи, онъ, однако, по мнѣнію Кабитца [2]), принадлежитъ болѣе позднему времени. Очень можетъ быть, что онъ принадлежитъ именно тому времени, когда было послано письмо къ Ольденбургу. Въ наброскѣ впервые выступаетъ на сцену понятіе усилія, которое служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ понятія импульса, обоснованнаго въ систематическомъ изложеніи теоремъ о движеніи.

„Если, говоритъ Лейбницъ, встрѣчаются два тѣла и совмѣстно пребываютъ долѣе момента, то они покоятся. Быстрѣйшее одного момента тѣло стремится сильнѣе [3]).

„Что нѣчто движется медленнѣе, происходитъ отъ множества промежуточныхъ моментовъ покоя, (ob quietulas), а что скорѣе—отъ болѣе рѣдкихъ. Моментъ покоя есть существованіе въ томъ же самомъ мѣстѣ въ продолженіе времени меньшаго, чѣмъ всякое данное.

„То, что сталкивается, остается въ томъ же самомъ мѣстѣ въ продолженіе времени меньшаго, чѣмъ всякое данное время, но всетаки болѣе момента. Поэтому то, что сталкивается, дѣйствуетъ на себя взаимно, находясь въ состояніи

---

[1]) G. Br., 39—40.

[2]) Kabitz. Op. cit. 68.

[3]) corpus celerius uno momento fortius conatur. Ib. 148.

столкновенія. Всякое дѣйствіе тѣла есть движеніе. Всякое движеніе—во времени. Движеніе же во времени, меньшемъ любого даннаго, внутри пространства, менѣе любого даннаго, есть усиліе (conatus).

„Два сталкивающихся тѣла стремятся къ себѣ взаимно. „Что въ величинѣ—точка, во времени—моментъ, то въ движеніи—усиліе. „Усиліе есть начало, конецъ и середина движенія“ [1]).

Въ этихъ замѣткахъ Лейбница слѣдуетъ отмѣтить два обстоятельства: во первыхъ, понятіе величины меньшей, чѣмъ всякая данная, а во вторыхъ, опредѣленіе усилія, какъ необходимаго элемента движенія. Это могло быть навѣяно чтеніемъ Гоббеса, по мнѣнію котораго усиліе есть „движеніе черезъ пространство и время, меньшее, чѣмъ какое дано, т. е. чѣмъ какое опредѣляется, либо назначается по положенію или числу, то есть черезъ точку“ [2]).

---

[1]) Ib. 148—149.

[2]) Hobbes. De corpore. Pars. III. Cap. 15, § 2. Ради ясности приводимъ дальнѣйшія соображенія Гоббеса. «Для опредѣленія точки, говоритъ Гоббесъ, слѣдуетъ помнить, что подъ точкой не мыслится то, что не имѣетъ никакого количества, или что не можетъ быть раздѣлено ни въ какомъ отношеніи (ибо ничего нѣтъ подобнаго въ природѣ), но мыслится то, количество чего не разсматривается, то есть чего ни качество, ни какая бы то ни было часть не числится въ доказательствѣ, такъ что точка не принимается за то, что не можетъ быть дѣлимо, но за недѣлимое; такъ, мигъ (instans) принимается за недѣлимое время, а не за такое, которое не можетъ быть дѣлимо. Подобнымъ образомъ усиліе нужно понимать такъ, что оно есть нѣкоторое движеніе, но такое, по отношенію къ которому въ доказательствѣ нѣтъ никакого сравненія ни для времени, въ которое оно бываетъ, ни для линіи, благодаря которой рождается количество, съ тѣмъ количествомъ времени или линіи, котораго оно есть часть, хотя какъ точку съ точкой, такъ усиліе съ усиліемъ можно сравнивать и находить одно большимъ или меньшимъ другого. Вѣдь если вертикальныя точки двухъ угловъ сравнивать между собой, то они будутъ сообразно отношенію самихъ угловъ равны или не равны; или если прямая линія разсѣчетъ много окружностей концентрическихъ круговъ, то точки сѣченій будутъ неравны въ отношеніи самихъ периметровъ. Такимъ же образомъ, если два движенія начинаются вмѣстѣ и вмѣстѣ оканчиваются, то усилія ихъ будутъ равны или

Письмо къ Гоббесу.

Интересъ Лейбница къ сочиненіямъ Гоббеса выражался очень интенсивно. Подтвержденіемъ этому служитъ письмо, которое, одновременно съ предыдущимъ письмомъ къ Ольденбургу и, по словамъ Герхардта [1]), черезъ того же самаго адресата было послано Лейбницемъ знаменитому англійскому философу. Услыхавъ, что Гоббесъ еще живъ, Лейбницъ попытался вступить съ нимъ въ сношенія такъ же, какъ съ Ольденбургомъ. Письмо Лейбница къ Гоббесу, на которое, повидимому, не послѣдовало отвѣта, частью содержитъ критику мнѣній Гоббеса о государствѣ, частью обсуждаетъ вопросъ о сцѣпленіи, частью опровергаетъ утвержденіе Гоббеса, что всякій двигатель есть тѣло.

Начало письма заключаетъ комплименты по адресу Гоббеса, при чемъ Лейбницъ говоритъ, что онъ читалъ большинство его сочиненій, принесшихъ ему огромную пользу [2]). Найдутся, конечно, люди, которые сочтутъ эти сочиненія вредными, но такое мнѣніе будетъ результатомъ дурного примѣненія хорошихъ идей. „Если бы кто нибудь примѣнилъ, пишетъ Лейбницъ Гоббесу, твои доказательства относительно общества и государства ко всякимъ сборищамъ..., твои аттрибуты высочайшей власти ко всѣмъ тѣмъ, кто присвоиваетъ себѣ имя царя, владыки, монарха, величества, твою величайшую свободу естественнаго состоянія ко всякимъ гражданамъ разныхъ государствъ, которые заняты то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, то онъ, нужно предположить, въ высшей степени обманулся бы въ твоемъ мнѣніи. Вѣдь ты знаешь, что не мало есть на земномъ шарѣ государствъ, которыя не составляютъ одного общества, но много конфедеративныхъ, что есть не мало лицъ съ титуломъ монарховъ, на которыхъ остальные никогда не переносили своей воли; и ты не запрешься, что если предположить Правителя міра, то невозможно ника-

---

неравны въ отношеніи скоростей; такъ, мы видимъ, что нужно большее усиліе для свинцоваго шара, чѣмъ для бумажнаго». Математическое толкованіе этихъ идей Гоббеса смотр. у Лассвица. K. Lasswitz. Geschichte der Atomistik. Hamburg und Leipzig. 1890. Band. II, 214—215.

[1]) G. I, 48.

[2]) «ex iis, quantum ex aliis nostro seculo non multis, profiteor profecisse» G. VII. 572.

кое чисто естественное состояніе людей, внѣ всякаго государства, такъ какъ Богъ есть общій монархъ всѣхъ: и поэтому нѣкоторые не вѣрно приписываютъ твоимъ гипотезамъ произволъ и нечестіе“ [1]).

Такъ почтительно и вмѣстѣ тонко критиковалъ и опровергалъ Лейбницъ Гоббеса. Въ гипотезахъ Гоббеса онъ почерпалъ свѣтъ для занятій раціональной юриспруденціей [2]). Однако эти заботы о правѣ, какъ сообщаетъ Лейбницъ въ письмѣ, иногда перемѣшивались съ другими, болѣе пріятными занятіями. „Какъ диллетантъ, velut peregrinus in orbem delatus, я имѣю обыкновеніе, писалъ Лейбницъ, размышлять иногда о природѣ вещей. Такъ, я иногда думалъ и объ абстрактныхъ основахъ движенія, въ которыхъ мнѣ особенно удивительнымъ представляется заложенный тобою фундаментъ. И, конечно, я совершенно согласенъ съ тобою, что тѣло не движется тѣломъ иначе, какъ черезъ прикосновеніе и движеніе, и что движеніе, которое началось, продолжается, если нѣтъ препятствій. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, признаюсь, я въ затрудненіи, и больше всего въ томъ, что причину состава или, что то же, сцѣпленія въ тѣлахъ я не считаю ясной [3]). Вѣдь если противодѣйствіе, какъ ты, кажется, гдѣ-то стараешься дать понять, есть единственная его причина, въ то время какъ противодѣйствіе есть движеніе того, что ударяетъ въ противоположное, а ударъ не влечетъ за собой противоположнаго, то будетъ противодѣйствіе безъ удара. Но противодѣйствіе есть движеніе частей тѣла отъ центра къ окружности. И вотъ движеніе либо не испытываетъ препятствія, и тогда части тѣла уйдутъ, покинувъ такимъ образомъ свое тѣло, что противорѣчитъ опыту, либо будетъ имѣть препятствіе и тогда прекратится движеніе противодѣйствія, если не будетъ возбуждено вновь благодаря внѣшней помощи, которой вообще нечего искать. Я уже умалчиваю, что едва ли можно объяснить, по какой причинѣ любое тѣло въ любомъ

---

[1]) Ib.

[2]) Ib.

[3]) Здѣсь Лейбницъ имѣетъ въ виду, повидимому, девятый параграфъ 26-ой главы IV части сочиненія Гоббеса De corpore.

ощущаемомъ пунктѣ будетъ пытаться идти изъ центра къ окружности и также, какимъ образомъ одно только противодѣйствіе сотрясеннаго тѣла сдѣлаетъ то, что толчекъ отпрыгиванія назадъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ былъ болѣе толчекъ напора, въ то время какъ было бы согласно съ разумомъ, чтобы большій напоръ уменьшалъ противодѣйствіе. Но эти мои сомнѣнія случайно происходятъ отъ недостаточнаго пониманія твоихъ разсужденій“ [1]).

Будучи недоволенъ теоріей сцѣпленія, которую предлагалъ Гоббесъ, Лейбницъ предположительно даетъ свои опредѣленія. „Я готовъ вѣрить, пишетъ онъ, что для наличности факта сцѣпленія тѣлъ достаточно взаимнаго усилія, т. е. движенія, которымъ одно тѣло давитъ другое. Ибо то, что сжимается, находится въ усиліи проникновенія. Усиліе есть начало, проникновеніе—соединеніе. Итакъ, они находятся въ началѣ соединенія. Начало же и границы того, что находится въ началѣ соединенія, составляютъ единое, а то, границы чего есть единое или τὰ ἔσχατα ἕν, уже по опредѣленію Аристотеля, не только чего либо касается, но и непрерывно, и есть истинно одно тѣло, движимое однимъ движеніемъ. Ты легко можешь видѣть, что эти соображенія, если въ нихъ есть истина, нѣчто обновляютъ въ теоріи движенія. Мнѣ остается показать, что то, что сжимается, находится въ усиліи проникновенія. А сжимать это значитъ пытаться встать на мѣсто другого, еще не существующаго. Усиліе есть начало движенія, значитъ, начало существованія въ томъ мѣстѣ, куда тѣло стремится. Существовать же въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нѣчто другое, значитъ проникать. Итакъ, давленіе есть усиліе къ проникновенію“ [2]).

Это объясненіе есть дополненіе къ теоріи Гоббеса или, скорѣе, ея поправка. Далѣе въ письмѣ Лейбницъ спрашиваетъ, что Гоббесъ думаетъ о теоремахъ Гюйгенса и Вренна и о происхожденіи наземныхъ ключей. Лейбницъ думаетъ собрать какъ можно болѣе колосьевъ съ богатой жатвы трудовъ Гоббеса: „О если бы, восклицаетъ Лейбницъ, обращаясь къ

---

[1]) G. VII. 573.

[2]) Ib.

нему, ты яснѣе высказался о природѣ ума! Вѣдь хотя ты вѣрно опредѣлилъ ощущеніе, какъ пребывающую реакцію, однако, какъ я немного выше сказалъ, въ природѣ чисто тѣлесныхъ вещей нѣтъ истинно пребывающей реакціи; есть реакція только по отношенію къ чувству, которая на дѣлѣ прерывна и всегда возбуждается извнѣ чѣмъ нибудь новымъ. Поэтому я боюсь, какъ бы, взвѣсивъ все, не пришлось сказать, что въ животныхъ нѣтъ истиннаго воспріятія, а только кажущееся, не больше, чѣмъ боль въ кипящей водѣ: вѣдь истинное воспріятіе, которое мы испытываемъ въ себѣ, нельзя объяснить только движеніемъ тѣлъ, въ особенности, когда теорема: всякій двигатель есть тѣло, которой ты часто пользуешься, никогда, сколько знаю, не была доказана" [1]).

Изъ всего сказаннаго видно, что критика идей Гоббеса была у Лейбница серьезно обдуманнымъ дѣломъ. Лейбницъ затронулъ какъ основное положеніе системы Гоббеса, такъ и важнѣйшія изъ ея сторонъ въ физикѣ—сцѣпленіе, и въ психологіи—ощущеніе. Общій тонъ критики Лейбница выразился при этомъ такъ, что понятіе непрерывности въ соединеніи съ понятіемъ усилія какъ будто объясняло сущность воспріятія, которое не могло быть понятно изъ одного движенія. Лейбницъ теперь нѣсколько иначе, чѣмъ Гоббесъ, опредѣляетъ понятіе усилія, которое, какъ мы знаемъ, у англійскаго философа было прежде всего движеніемъ, хотя и мыслимымъ лишь въ данной точкѣ и въ данный мигъ. Лейбницъ особенно подчеркиваетъ въ усиліи элементъ активности. Сравнительно съ тѣмъ, что было высказано Лейбницемъ не только о понятіи импульса въ теоремахъ о движеніи, но и о понятіи усилія въ предыдущей замѣткѣ, это понятіе усилія представляетъ дальнѣйшій фазисъ развитія данной мысли. Лассвицъ, разбирая изложенное письмо, замѣчаетъ, что при объясненіи сцѣпленія Лейбницъ упустилъ изъ виду количественный элементъ въ понятіи реакціи, которая бываетъ условіемъ сохраненія тѣла, когда воздѣйствующая сила меньше силы сопротивленія. Заимствовавъ понятіе усилія, въ которомъ онъ не переставалъ мыслить субстанціальность протяженія, Лейбницъ

[1]) Ib. 574.

больше имѣлъ въ виду логическое понятіе связи, а не физическое сцѣпленіе [1]).

Второе письмо къ Ольденбургу.

Въ то время какъ, интересуясь физикой, Лейбницъ обрабатывалъ научныя понятія и находился въ моментѣ расцвѣта философскаго творчества, обстоятельства готовы были отвлечь его отъ ученыхъ работъ. Въ іюлѣ 1670 года Майнцскій курфюрстъ Шёнборнъ уѣхалъ съ барономъ Бойнебургомъ на воды въ Швальбахъ [2]). Лейбницъ отправился съ ними. Цѣль этой поѣздки князей заключалась въ томъ, чтобы, повидавшись со своими союзниками, выработать твердыя мѣропріятія, въ виду смутности политическаго горизонта, который былъ омраченъ завоевательными поползновеніями Людовика XIV. Въ качествѣ патріота, подстрекаемый Бойнебургомъ, Лейбницъ откликается на современное положеніе дѣлъ и въ три дня—6, 7 и 8 августа [3])—составляетъ „Разсужденіе о томъ, какъ упрочить внутреннюю и внѣшнюю безопасность и сохранить status praesens въ государствѣ при данныхъ обстоятельствахъ“. Разсужденіе заключаетъ 100 параграфовъ нѣмецкаго текста, посвященныхъ чисто политическому содержанію [4]). И вотъ какъ бы ни была насущна политика, какъ бы ни смущала она интересами наступающей войны, Лейбницъ продолжаетъ обдумывать свои философскіе планы и разрабатывать начатое. 28 сентября 1670 г. онъ пишетъ Ольденбургу письмо, въ

---

[1]) Lasswitz. Op. cit. 469. Отступленія Лейбница отъ Гоббеса отмѣчаетъ также Hannequin: «hoc tamen ab Hobbio dissidet quod «ad cohaesionem efficiendam, ut ipse ait, sufficere crediderit partium conatum» non quidem a centro ad circumferentiam, «sed ad se invicem, seu motum quo una aliam premit»: quibus verbis, ni fallor, *motum* illum *conspirantem* hic jam significat, quo postea in cohaesionis ratione reddenda utetur, ita ut ei de cohaesionis causa sententia nunquam, ut Lasswitzius censere videtur, mutanda fuerit». Hannequin. Op. cit., 83. Смотр. также стр. 79—81, гдѣ Ганнекенъ указываетъ на трудности, возникшія для Лейбница при рѣшеніи вопроса о сцѣпленіи.

[2]) Guhr. Biogr. I, 82.

[3]) Klopp. I, 193.

[4]) Изъ этого большого трактата Лейбницъ тогда же сдѣлалъ извлеченіе. (Ib. 186). Сохранился также одинъ изъ латинскихъ набросковъ къ этому сочиненію: Occasio consilii praesentis. Ib. 185.

которомъ вновь возвращается къ вопросу о движеніи и о физической гипотезѣ, очень заинтересовавшей секретаря Британскаго Королевскаго общества [1]). Лейбницъ сообщаетъ Ольденбургу сущность разсужденій о первыхъ и абстрактныхъ основахъ движенія. „Истинныя правила движенія, говоритъ онъ, вовсе не то, чѣмъ кажутся. Вѣдь изъ того, что́, повидимому, покоится, многое движется нечувствительно, и многое, что кажется однимъ тѣломъ, есть только скопленіе многихъ тѣлъ; чувства наши никогда не лгутъ, но по большей части переиначиваютъ дѣло: по истинѣ, не можетъ быть никакого сопротивленія и реакціи у покоющагося тѣла; даже ни одна совершенно покоющаяся масса, какъ бы она ни была велика, не есть реально единое сущее и одно тѣло, но находясь, такъ сказать, въ состояніи первой матеріи, она весьма легко можетъ быть развѣяна любымъ легчайшимъ толчкомъ. Не сообразно съ первыми правилами движеній, чтобы углы совпаденія и отраженія были абсолютно равны; далеко не таковы причины этого обстоятельства [2])... Но приступлю, говоритъ Лейбницъ, къ дѣлу ближе. Когда приводятъ основы того, что вытекаетъ изъ отчетливѣйшихъ понятій тѣла, изъ величины, фигуры и подвижности, меня ничто не смущаетъ болѣе, чѣмъ связь частей въ цѣломъ или связь многихъ цѣлыхъ вещей между собой. Виды этой связи есть твердость, мягкость, цѣпкость, гибкость, ломкость, способность къ тренію и многія другія качества осязанія, которыя обычно зовутъ вторичными. Я легко признавалъ, что необходима нѣкоторая связь въ вещахъ для распорядка вещей, но откуда она берется, я самъ себѣ выдумать не могъ. Большинство философовъ даже не коснулось дѣла такой важности“. [3])

---

[1]) Отвѣчая на первое письмо Лейбница, Ольденбургъ между прочимъ замѣчалъ: virum sane Philosophum Te praestabis. si tanti momenti negotium confeceris, remque feceris Societati Regiae gratissimam, si Hypothesis illius summam et rationes exponere non graveris. G. Br., 41.

[2]) Multa, добавляетъ Лейбницъ, alia id genus Theoremata in Phaenomenorum potius numero habenda, quorum de principiis causisque ita apparendi inquirendum sit; tantum abest ut ipsa sint pro principiis agnoscenda. G. Br., 44.

[3]) G. Br., 44.

Итакъ, главная тема сообщенія Ольденбургу: понятіе связи и ея объясненіе. Лейбницъ сначала дѣлаетъ въ письмѣ историческія ссылки на предшественниковъ, а потомъ приступаетъ къ объясненію.

„Декартъ, пишетъ Лейбницъ, предположивъ свои корпускулы и созданныя изъ столкновенія ихъ стружки, не объяснилъ, почему эти корпускулы сходятся и не разрываются при любомъ толчкѣ. Короче, кто дѣлаетъ, что мои руки нельзя оторвать отъ тѣла при любомъ усиліи? Почему вѣтеръ не уноситъ нашихъ головъ на подобіе шляпъ? Почему камень, брошенный въ землю, не пронизываетъ ее всю до самаго центра, какъ воду? Обо всемъ этомъ смѣшно спрашивать, но на это трудно отвѣтить. Чернь сочла бы насъ безумными, если бы услыхала, какъ мы это спрашиваемъ, и что объ этомъ нужно спрашивать. Между тѣмъ плотности недостаточно для объясненія сопротивленія. Вѣдь когда плотность опредѣляется обычно: много матеріи въ маломъ пространствѣ, а дѣйствій покоющагося тѣла нѣтъ, (ибо всякое дѣйствіе тѣла есть движеніе), то что можетъ дать высшая плотность покоющейся массы для препятствія пронизыванія? Гассенди, кажется, видѣлъ эту трудность. И вотъ, чтобы спасти свои атомы, онъ придумалъ крючки и зазубрины, но когда нужно было объяснить самую плотность, составъ самыхъ крючковъ и самыхъ атомовъ, то ему необходимо было прибѣгнуть къ волѣ Создателя; значитъ, оказалось нужнымъ непрерывное чудо для поддержанія атомовъ. Декартъ, который не допускалъ ничего, что не могло бы быть разсѣчено, но установилъ нѣкоторыя степени твердости и цѣпкости въ вещахъ, не указалъ, какъ это я хорошо знаю, никакой причины. Самъ Гоббесъ принималъ какъ бы невыразимымъ (ἄῤῥητον) составъ или связь въ вещахъ, почему... и рѣшилъ, что жидкое и твердое одинаково однородны, а также и сама пустота. И онъ опредѣляетъ... твердое,—и, конечно, вѣрно—какъ тѣло, часть котораго не можетъ двигаться ощутительно иначе, какъ при движеніи цѣлаго, и прибавляетъ, что изъ мягкаго дѣлается твердое при такомъ тонкомъ движеніи частей, что эти части всѣ вмѣстѣ сопротивляются толчку, но каково это движеніе, до сихъ поръ не объяснили ни онъ самъ, ни кто нибудь

другой". [1]) Этимъ критическимъ замѣчаніемъ по адресу Гоббеса заканчиваетъ Лейбницъ историческую справку письма.

Сущность связности тѣлъ.

Результатъ самостоятельныхъ изслѣдованій Лейбницъ излагаетъ подробно, показывая метафизическіе корни вводимыхъ имъ понятій и въ основахъ до дна исчерпывая поставленный имъ вопросъ

„Ничего не нужно, пишетъ онъ, перечислять изъ того, что я выдумалъ ради объясненій... Подъ конецъ, мнѣ кажется, я напалъ на простое и всеобщее основаніе. Несомнѣнно, Аристотель самымъ вѣрнымъ образомъ опредѣлилъ смежное, предѣлы чего суть вмѣстѣ, и непрерывное, предѣлы чего суть одно. Значитъ, то, предѣлы чего суть одно, представляетъ совокупность и бываетъ связано другъ съ другомъ, пока твердо пребываетъ единство предѣловъ. Но какъ можетъ случиться, чтобы предѣлы двухъ тѣлъ были одно, и обратно, какъ изъ одного и того же недѣлимаго (вѣдь предѣлы вещей недѣлимы) могутъ сдѣлаться два, либо для соединенія, либо для разложенія вещей? Это зависитъ отъ самаго тонкаго разсмотрѣнія природы точки или недѣлимыхъ, отъ чего происходитъ большая часть чудесъ въ естественныхъ вещахъ. Итакъ, я принимаю: что бы ни двигалось такъ, что одно пытается встать на мѣсто другого, все это при продолженіи усилія бываетъ связано между собою. Вѣдь усиліе, по вѣрнѣйшему замѣчанію Гоббеса, есть начало движенія, т. е. оно въ движеніи то же, что точка въ линіи. Значитъ, если одно усиливается стать на мѣсто другого, изгнавъ оттуда это другое (пусть нѣтъ проникновенія измѣреній), то уже въ первый моментъ времени въ первой точкѣ мѣста, куда вступаетъ, оно оказывается вошедшимъ крайней своей точкой. Но въ тотъ же первый моментъ другое, которое должно быть изгнано, еще не ушло. Значитъ, двѣ точки, т. е. оконечности тѣлъ, изгоняемаго и выталкивающаго, проникаютъ другъ друга (вѣдь существуетъ проникновеніе точекъ, а не тѣлъ), и поэтому суть одно. Разумѣется, природа точекъ удивительна. Вѣдь хотя точка не есть нѣчто дѣлимое на части, взятыя внѣ частей, она однако дѣлима на части, ранѣе не взятыя внѣ частей, т. е. на части, предварительно проникающія другъ друга. Вѣдь уголъ есть ничто иное, какъ сѣченіе

[1]) Ib. 44—45.

точки, и ученіе объ углахъ есть ничто иное, какъ ученіе о количествахъ точки. Но возвращусь къ прежнему: если что нибудь цѣлое движется такъ, что одна часть сгоняетъ съ мѣста другую, становясь въ него, то тѣмъ самымъ эти части будутъ связаны, конечно, не абсолютно, но до тѣхъ поръ пока не наступитъ болѣе сильное движеніе. Представь, что колонна движется въ длину по прямой линіи; ея части будутъ связаны сами собой въ длину, но не въ ширину и не въ глубину. Откуда, если что нибудь наступаетъ или набѣгаетъ болѣе сильнымъ движеніемъ по длинѣ, то оно будетъ въ состояніи разсѣчь колонну по длинѣ на двѣ части, и унести съ собой ту, которой касается, остальной же позволитъ пройти мимо. Если же что нибудь будетъ наступать болѣе слабымъ движеніемъ, то оно будетъ унесено вмѣстѣ, но при уменьшенномъ движеніи цѣлаго; если—равнымъ, то заставитъ понемногу отходить связь колонны, и то и другое, по возвращеніи на арену безъ цемента, будетъ покоиться (вѣдь покоющіяся тѣла есть ничто иное, какъ чистыя точки безъ соединенія, безъ линій, безъ поверхностей, кромѣ пространства, въ которомъ находятся); если же—болѣе сильнымъ, то оно не оторветъ части колонны, чтобы унести ее у покоющагося тѣла, вслѣдствіе разности скоростей, но унесетъ все цѣлое; откуда остатокъ колонны не будетъ стремиться впередъ (какъ раньше, когда она раздѣлялась въ длину), но будетъ слѣдовать за ней. Это немножко темновато и можетъ быть поясненно только фигурами, но всетаки въ высшей степени вѣрно; если же внимательно обдумать дѣло, то это и необходимо. Невозможно другое прочное основаніе связи въ вещахъ, кромѣ какъ при посредствѣ безтѣлесныхъ существъ или съ присоединеніемъ посторонней помощи сверхъ обычнаго порядка. Изъ этихъ на первый взглядъ весьма ничтожныхъ основаній можно вывести много важнаго. Вѣдь прежде всего я могу доказать, что для тѣлъ имѣется свободное пространство, потому что для движеній имѣется свободное время, т. е. выражаясь яснѣе, невозможно, что бы все было заполнено; невозможно также, чтобы какое нибудь прямое движеніе всегда было обратно порождаемо другимъ движеніемъ во всю вѣчность; нельзя, чтобы міръ, какъ это теперь, не имѣлъ безтѣлесныхъ существъ, или чтобы онъ не имѣлъ ихъ ранѣе. Одно это предложеніе, если даже допустить возможность про-

цесса въ безконечность (а обыкновенно нападеніемъ на это лучше всего защищаютъ Бога), будучи ясно мною доказано, не уступитъ, я надѣюсь, въ вѣрности ни одному изъ предложеній Эвклида и, когда было открыто, надѣлило меня такой большой радостью, какъ будто я нашелъ квадратуру круга или вѣчное движеніе. Я попытаюсь когда нибудь изложить это ясно и судьею въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе человѣческаго рода, сдѣлаю Королевское общество“ [1]).

Сущность интересовъ Лейбница лежала, такимъ образомъ, не въ области физики, хотя онъ и занимался спеціально вопросомъ о сцѣпленіи. Лейбница интересовали преимущественно выводы изъ теоріи движенія. И это подтверждается имъ въ письмѣ. „Что касается самой теоріи объ абстрактныхъ основахъ движенія, говоритъ онъ, то я разрабатываю ее не ради ея самой, не ради построенной на ней гипотезы, но потому, что она съ удивительной ясностью привела меня не только къ убѣжденію, что существуютъ умы... но и къ убѣжденію, что есть болѣе внутренняя природа, отличная отъ тѣлесной“ [2]).

Физическая гипотеза. Комплексъ идей письма.

Свое письмо къ Ольденбургу Лейбницъ заканчиваетъ перечнемъ основныхъ темъ, затронутыхъ физической гипотезой.

„Гипотеза, говоритъ Лейбницъ, состоитъ въ движеніи эфира вмѣстѣ со свѣтомъ, т. е. солнцемъ вокругъ земли, и въ противоположномъ круговомъ движеніи земли, изъ котораго я вывожу тяжесть, упругость и притяженіе магнита, а изъ нихъ всѣ антипатіи и симпатіи вещей, разложеніе, стремительность, броженіе, реакціи, и это потому, что я вѣрю, что всѣ удивительныя и необычайныя дѣйствія природы должны быть обязаны своимъ происхожденіемъ этому движенію эфира. И болѣе уже не нужно цѣпенѣть отъ изумленія, что есть изгибъ мускуловъ, воспламеняемость пороха, сила яда, такъ какъ мы занимаемся годностью не частной вещи, которая, думаемъ мы, на насъ дѣйствуетъ, но опорой всей системы, производящей такія сильныя дѣйствія. Это об-

[1]) Ib. 45—46.
[2]) Ib. 46.

стоятельство подаетъ мнѣ надежду, что можно приготовить вещь, свободную отъ воздуха и налитую эфиромъ, а потому болѣе легкую, чѣмъ воздухъ равнаго объема, путемъ примѣненія чего люди могли бы подняться... въ самомъ воздухѣ. Обо всемъ этомъ и о другихъ чрезвычайно важныхъ слѣдствіяхъ моей гипотезы обширнѣе я сказалъ въ ней самой“ [1]).

Это коротенькое сообщеніе о гипотезѣ мало чѣмъ отличается отъ того, что было сказано о ней въ предыдущемъ письмѣ къ Ольденбургу, но нельзя не отмѣтить мысли Лейбница о воздухоплаваніи. Лейбницъ идейно предупредилъ Монгольфьеровъ [2]). Въ философскомъ смыслѣ интересно отношеніе Лейбница къ своимъ предварительнымъ работамъ. Передавая общее содержаніе наброска De rationibus motus, сдѣланнаго имъ послѣ чтенія правилъ Гюйгенса и сообщеній Вренна, Лейбницъ при передачѣ кое что измѣняетъ. Во всякомъ случаѣ, остаются только самыя главныя идеи наброска; взамѣнъ этого Лейбницъ говоритъ, какое значеніе для его изслѣдованій имѣлъ вопросъ о связности тѣлъ. Рѣшеніе этого вопроса давало объясненіе вторичныхъ качествъ. Лейбницу казалось, что вообще необходима нѣкоторая связь для распорядка вещей. А такая мысль могла быть зародышемъ идеи о предустановленной гармоніи. Стоило только впослѣдствіи перевести дѣло на новую почву и понять его чисто метафизически. Въ исторической справкѣ о предшественникахъ и критикѣ ихъ ученій, развивая эту критику больше, чѣмъ въ De rationibus motus, Лейбницъ также высказалъ одну изъ любимыхъ своихъ мыслей. Это—идея о томъ, что атомы для своего существованія требуютъ непрерывнаго чуда. Всего интереснѣе однако, помимо уже отмѣченной интенсивности въ занятіяхъ философіей Гоббеса, ученіе Лейбница о сцѣпленіи, обоснованное на новомъ понятіи точки. Точка, по Лейбницу, должна быть мыслима, какъ недѣлимое, хотя въ представленіи и бываетъ дѣлимой. Такъ мы можемъ мыслить совпаденіе угловъ въ точкѣ, которая при этомъ не раздѣляется. Это шагъ впередъ сравнительно съ Гоббсомъ. Любопытно также утверж-

---

[1]) Ib. 46—47.

[2]) Къ этой мысли Лейбницъ возвращался позднѣе: смотр. изданныя мной сочиненія Лейбница: Элементы сокровенной философіи о совокупности вещей. Казань. 1913 г., стр. 135.

деніе Лейбница о невозможности, чтобы все было заполнено и что чувства не лгутъ по природѣ. Въ этой мысли не трудно замѣтить отраженіе идей Декарта. Не забывается въ письмѣ и Аристотель.

Письма къ Як. Томазію и Конрингу.

Сообщеніе Ольденбургу, какъ мы видѣли, носило характеръ небольшого трактата. Послѣдующія письма Лейбница на время перестаютъ поражать обширностью, но за то дѣлаются чрезвычайно разнообразны. Въ погонѣ за жигейскимъ моментомъ Лейбницъ не забываетъ ни выхода новыхъ книгъ, ни старика Гоббеса, [1]) ни плановъ объ основаніи общества, ни размышленій о единствѣ наукъ и въ частности историческихъ знаній [2]), ни политики. 21 ноября онъ принимается за составленіе второй части Securitas publica [3]), но изъ его памяти не исчезаетъ ни мысль о реформѣ въ юриспруденціи, съ ея элементами естественнаго права и логикой въ искусствѣ интерпретаціи [4]), ни ученіе о методѣ. О методѣ 21 декабря онъ писалъ Шпицелю: „я зналъ всегда два рода методовъ: одинъ раздѣлительный, другой... демонстративный; одинъ принадлежитъ Рамусу, другой—Эвклиду; каждый полезенъ въ своемъ мѣстѣ. Демонстративнаго метода въ области морали не примѣнялъ до сихъ поръ никто, кромѣ Ѳомы Гоббеса, который во многихъ случаяхъ воспользовался своимъ геніемъ.... Раздѣлительный методъ связываетъ термины путемъ дѣленій; демонстративный связываетъ предложенія путемъ доказательствъ“ [5]). Среди такого разнообразія интересовъ

[1]) Въ письмѣ къ Як. Томазію, отъ 3 октября 1670 г., Лейбницъ, сообщивъ своему бывшему учителю объ изложеніи more geometrico Физики Аристотеля, которое сдѣлалъ англичанинъ Трью, говоритъ о лейпцигской программѣ Як. Томазія, гдѣ послѣдній критиковалъ религіозное ученіе Гоббеса, изложенное въ Левіаѳанѣ. Лейбницъ называетъ Левіаѳана чудовищной книгой и прибавляетъ какъ бы въ утѣшеніе, что болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтній Гоббесъ начинаетъ впадать въ дѣтство. G. I, 34—35.

[2]) Письмо къ Бозе, отъ 6 октября 1670 г. HKB. LBr. 93. Kritischer Katalog. № 483.

[3]) 62 параграфа на нѣмецкомъ языкѣ. O. Kl. I, 262—315.

[4]) Письмо къ Бёклеру, отъ 22 октября 1670 г. Archiv fur Gesch. der Philosophie. IX. 311.

[5]) D. V. 468.

сообщенія относительно работъ надъ физической гипотезой шли медленно и сосредоточились скоро около двухъ лицъ: Як. Томазія и Конринга. Якову Томазію Лейбницъ написалъ о своемъ трудѣ, 29 декабря 1670 г. [1]), при чемъ по поводу философскихъ діалоговъ своего учителя высказывалъ сначала нѣсколько обще-философскихъ положеній. „Я помню, пишетъ онъ Томазію, что читалъ у Платона, какъ Сократъ, открывъ, что какой то древній философъ, думаю, Анаксагоръ, установилъ два принципа: матерію и умъ, съ величайшей жадностью почти поглощалъ его сочиненія въ надеждѣ, что узнаетъ истинно раціональныя основанія вещей, т. е. цѣли, ихъ примѣненіе и порядокъ; между тѣмъ, раздразненный, онъ почувствовалъ, что философомъ все трактуется не иначе, какъ если бы одна лишь матерія была принципомъ вещей и по ея необходимости вынырнулъ бы міръ изъ слѣпого мрака согласно основанію Демокрита. Таково же и основаніе новыхъ физиковъ, которые, отыскивая матеріальныя причины вещей, пренебрегаютъ раціональными, въ то время какъ въ этомъ особенно отражается мудрость Творца, который такъ устроилъ машину міра (horologium), что потомъ все слѣдуетъ къ высшей гармоніи цѣлаго какъ бы по извѣстной необходимости. Итакъ, необходимо для философовъ естествознанія, чтобы они не только вносили геометрію въ физику (ибо геометрія лишена конечныхъ причинъ), но и почерпали бы въ естествознаніи своего рода гражданскую науку. Ибо самъ міръ есть своего рода великое государство, въ которомъ умы подобны либо сынамъ, либо врагамъ, а остальныя твари—рабамъ.

„Недавно я имѣлъ нѣкій физическій сонъ. Ты знаешь мое мнѣніе, что дѣйствующія причины всѣхъ вещей есть мышленіе и движеніе, я говорю мѣстное движеніе, ибо не вѣрю въ другое; мышленіе же есть свойство перваго ума, т. е. Бога (отъ котораго вторичные умы получаютъ свойство мыслить). А первый умъ по своей мудрости такъ въ началѣ устроилъ дѣло, что было бы трудно для сохраненія вещей нуждаться въ экстраординарной помощи; совершенно такъ, какъ никто бы не хвалилъ часовщика, который ежедневно былъ бы принужденъ что нибудь исправлять въ своей работѣ.

---

[1]) G. I, 32.

„Когда я понялъ это, мнѣ пришло въ голову, что на нашей землѣ существуетъ единственное всеобщее движеніе, изъ котораго можно объяснить основаніе всѣхъ явленій, воспринимаемыхъ нами въ разныхъ удивительныхъ и многочисленныхъ видахъ: теперь, конечно, объяснить въ общемъ, а тогда, когда сами явленія будутъ болѣе изслѣдованы,—въ частности. Ибо разъ я нисколько не сомнѣваюсь во вращеніи земли вокругъ своей оси, то изъ этого слѣдуетъ нѣкоторое непрерывное противоположное круговое движеніе эфира или какого то тончайшаго тѣла, въ чемъ состоитъ и свѣтъ.. [1]) Ибо между тѣмъ какъ земля движется съ запада на востокъ въ ежедневномъ движеніи, эфиръ со свѣтомъ солнца будетъ двигаться съ востока на западъ; и это круговое движеніе, хотя и нечувствительное, проникаетъ поры всѣхъ ощущаемыхъ тѣлъ и есть причина большинства явленій. И прежде всего, конечно, тяжести, ибо оно заставляетъ выскакивать тонкое, осѣдать плотное; затѣмъ—упругости, т. е. возстановленія тѣлъ, какое ощущается въ дугѣ,.. въ воздухѣ, который изъ пневматическаго сжатія возвращается въ обычное состояніе разрѣженности. А это бываетъ потому, что вещи либо слишкомъ сжаты, либо плотны, т. е. имѣютъ эфира или больше, или меньше, чѣмъ его приноситъ круговое движеніе, откуда открытые подъ его напоромъ входы снова затворяются. Уже изъ этихъ двухъ принциповъ, упругости и тяжести, въ то время какъ эфиръ либо разсѣиваетъ черезчуръ плотныя вещи, либо, когда не можетъ разсѣять изъ-за цѣпкости соединенія частей, сжимаетъ ихъ, смѣю сказать, опредѣляются въ тѣлахъ, съ которыми у насъ есть общеніе, всѣ движенія, сила огня и воды, жара и холода..., яда, кислоты.., всѣхъ разложеній, противодѣйствій химиковъ.. Въ цѣломъ это — гипотеза, какъ и многое въ естествознаніи, но я не знаю, имѣли ли мы до сихъ поръ гдѣ нибудь болѣе легкую и простую“ [2]).

Письмо къ Як. Томазію излагаетъ, такимъ образомъ, физическую гипотезу Лейбница болѣе подробно, чѣмъ это было сдѣлано въ письмахъ къ Ольденбургу, и при томъ съ новой

---

[1]) «quoique a sole commotum perspicuum illuminat, добавляетъ Лейбницъ, G. I, 33.

[2]) Ib. 32—34.

какъ бы абсолютно философской точки зрѣнія. Лейбницъ вводитъ понятіе о твореніи міра Божествомъ по однажды установленному плану, который и сказывается въ явленіяхъ, объясняемыхъ гипотезой. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнна замѣтка Лейбница о Платонѣ, діалогъ котораго Федонъ заключалъ въ себѣ отмѣченное Лейбницемъ ученіе о конечныхъ причинахъ. Въ письмѣ встрѣчается мысль, примыкающая къ уже извѣстному намъ утвержденію Лейбница, что атомистическая теорія для сохраненія атомовъ необходимо требуетъ безпрерывнаго чуда. Лейбницъ признаетъ единожды совершившееся чудо творенія. Это одна изъ общеизвѣстныхъ идей Лейбница, исторически явившаяся здѣсь продолженіемъ разработки вопроса о твореніи.

Письмо къ Як. Томазію было послѣднимъ письмомъ 1670 года. Въ началѣ февраля слѣдующаго года Лейбницъ дѣлаетъ новое сообщеніе о гипотезѣ Герману Конрингу, [1]) которое отличается также глубиной и широтой метафизическихъ концепцій. Говоря о естественной теологіи, Лейбницъ пишетъ: „Мнѣ кажется, я показалъ, что есть нѣкоторое послѣднее основаніе вещей (т. е. Богъ), всеобщая гармонія и мудрѣйшій и могущественнѣйшій умъ. Для него всего пріятнѣе то, что̀ всего лучше и гармоничнѣе, а поэтому справедливо, т. е. пріятно Богу, бываетъ то, что всего согласнѣе съ гармоніей вещей, всеобщимъ благомъ, такъ сказать, всеобщимъ государствомъ; почему ученіе о естественномъ правѣ и наилучшемъ всеобщемъ государствѣ — одно и тоже..... Остается отыскать, какую фигуру, какое движеніе нужно предположить, чтобы самымъ лучшимъ образомъ можно было объяснить на сценѣ міра все богатство тѣлесныхъ качествъ и измѣненій, которыя мы ощущаемъ. Я написалъ кое что объ этомъ секретарю Королевскаго Британскаго общества, Генриху Ольденбургу, который... вотъ уже въ двухъ письмахъ требуетъ, чтобы я прислалъ ему весь текстъ гипотезы. Въ общемъ я принимаю, что есть двѣ причины всѣхъ естественныхъ явленій нашего міра: тяжесть и сила упругости“... [2])

---

[1]) Kritischer Katalog. № 572; по Каталогу этотъ адресатъ долженъ считаться, однако, лишь вѣроятнымъ.

[2]) E. Bodemann. Der Briefwechsel des G. W. Leibniz in der Königlichen öffentlichen Bibliothek zu Hannover. 1889. S.S. 363—364.

Приведенный отрывокъ ясно показываетъ, что физическая гипотеза была органической частью философскаго міровоззрѣнія Лейбница. Работая главнымъ образомъ сначала въ области права, потомъ теологіи, Лейбницъ чувствовалъ, что въ правѣ и теологіи имъ сдѣлано многое, тогда какъ міръ явленій оставался у него необъясненнымъ. Такимъ образомъ тѣмъ же, чѣмъ для Декарта были, напр., послѣднихъ три книги Principia, для Лейбница была Физическая гипотеза; только у Лейбница, какъ увидимъ, сочиненіе отличалось сравнительной краткостью.

Письма къ герцогу Іоанну Фридриху и къ Ольденбургу.

Связь Новой физической гипотезы съ теологіей, только-что отмѣченная самимъ Лейбницемъ, заставляетъ предполагать, что если гипотеза стояла теперь сравнительно на первомъ планѣ, то это вовсе не означало отсутствія иныхъ теченій въ мышленіи геніальнаго ученаго. Лейбницъ не только не прекращалъ обдумыванія метафизическихъ вопросовъ, но кое гдѣ намѣченныя уже задачи приводилъ къ такой постановкѣ, что онѣ казались какъ будто новыми. Это показываетъ набросокъ его письма къ герцогу Іоанну Фридриху, [1]) отъ 13 февраля 1671 г. Изъ этого наброска видно, что Лейбницъ въ то время составилъ очеркъ на тему о свободѣ воли, провидѣніи, счастьи и несчастьи и т. п. Этотъ очеркъ былъ какъ-бы новой темой въ философскихъ работахъ Лейбница. Съ очерка была снята копія, которую баронъ Бойнебургъ переслалъ герцогу. Въ копіи было много ошибокъ, и, во избѣжаніе не-

---

[1]) Герцогъ Іоаннъ Фридрихъ, у котораго потомъ Лейбницъ нашелъ себѣ прочное мѣсто и положеніе въ Ганноверѣ, былъ незаурядной личностью. По отношенію къ управленію онъ проводилъ въ своей странѣ принципы Людовика XIV—хотѣлъ быть абсолютнымъ властителемъ. Онъ увеличилъ доходы казны и число регулярнаго войска. Какъ большинство князей того времени, герцогъ Іоаннъ много путешествовалъ, и эти путешествія не остались безъ результатовъ: онъ сдѣлался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Германіи. Онъ интересовался не только попытками отыскать философскій камень, но и химіей, и естественными науками, и библіотекой. Онъ, подобно Людовику XIV, давалъ пенсіи ученымъ, часто знакомился съ ними и приближалъ ихъ къ себѣ. Подтвержденіемъ этому служатъ его отношенія къ Лейбницу. См. мою брошюру «Лейбницъ и его корреспонденты.» Казань. 1907 г.

доразумѣній, Лейбницъ хотѣлъ дать объясненія. „Настоящую работу, писалъ онъ герцогу, я предпринялъ, чтобы въ этомъ образчикѣ доказать, какъ часто важныя вещи, благодаря удивительнымъ терминамъ, легко затемнялись; нужно только снять этотъ туманный покровъ, и все выразится такими словами, которыя каждый употребляетъ на своемъ языкѣ". [1]) Между тѣмъ, что всего больше обсуждается философами и богословами, какъ не предопредѣленіе и то, что къ нему относится? Обсужденія крайне разнообразны. Но съ теченіемъ времени, думаетъ Лейбницъ, люди придутъ въ согласіе. Эти краткія указанія на работу, посвященную вопросу о предестинаціи, а слѣдовательно, о свободѣ воли, служатъ несомнѣннымъ признакомъ того, что этическіе интересы стали снова проявляться у Лейбница. Даже въ письмѣ къ Ольденбургу, отъ 11 марта 1671 г., которое имѣетъ предметомъ изложенія преимущественно физическія свойства тѣлъ, есть въ концѣ нѣсколько словъ, не упускающихъ изъ виду этики и трактующихъ ее подъ именемъ естественнаго права. Письмо однако заключаетъ много важныхъ метафизическихъ соображеній. „Краткое начертаніе моей абстрактной теоріи о движеніи, пишетъ Лейбницъ, я прибавляю на послѣднихъ страницахъ посвященной Вамъ гипотезы. Отсюда, я думаю, будетъ ясно, что мои парадоксы о движеніи и непрерывномъ не такъ зависятъ отъ чужого основанія, какъ кажется съ перваго взгляда: точка не есть нѣчто самое малое, лишенное всякихъ частей, а есть непротяженное, т. е. нѣчто, лишенное отстоящихъ (distantium) частей. Точка даже бываетъ больше точки, какъ уголъ больше угла. Точка не есть то, у чего нѣтъ части, и не есть то, часть чего разсматривается, но то, что менѣе чего угодно протяженно даннаго, что служитъ основаніемъ метода Кавальери. Но нужно ли говорить яснѣе о томъ, о чемъ рѣчь впереди? Я думаю всетаки, что едва ли иначе можно выйти изъ лабиринта сложенія непрерывнаго. О Богѣ и умѣ я веду особенныя доказательства, въ которыхъ высказывается нѣчто удивительное, неизвѣстное до сихъ поръ, и однако вносящее, можетъ быть, необычайный свѣтъ. Между тѣмъ здѣсь я кратко дамъ понять, что всякое тѣло есть мгновенный умъ, а пото-

[1]) G., I, 55—56.

му умъ безъ сознанія, ощущенія и воспоминанія. Если бы въ одномъ тѣлѣ могли долѣе момента пребывать заразъ два противоположныхъ усилія, то всякое тѣло было бы истиннымъ умомъ. Гдѣ бы ни произошло дѣйствіе, вездѣ оказываются умы, а они естественно не разрушимы, такъ какъ, согласно тому, что я покажу въ своемъ мѣстѣ, два противоположныхъ усилія совмѣстимы въ одной и той же точкѣ тѣла заразъ долѣе момента, и въ вѣчности не могутъ быть разъединены никакимъ притокомъ другихъ тѣлъ, никакой силой. Едва можно вѣрить, насколько эти, на первый взглядъ, ничтожныя обстоятельства, отворяютъ дверь для размышленій, стоющихъ вниманія; у меня есть намѣреніе привести въ связь размышленія подобнаго рода о естественномъ правѣ,... большая часть котораго опирается на доказательства о Богѣ и умѣ". [1]) Послѣдняя мысль письма относится къ области этики, такъ какъ мы уже видѣли много разъ, что для Лейбница право, какъ поступокъ, можетъ осуществляться только въ наилучшемъ государствѣ, царемъ котораго является Богъ. Этика и метафизика сливались у Лейбница, и въ метафизикѣ Лейбницъ шелъ дальше своихъ образцовъ: въ понятіе точки имъ вносится элементъ, котораго не знало ученіе Гоббеса. Кромѣ того, взглядъ на тѣло, какъ на моментальный умъ, служитъ у Лейбница идеей, главная цѣль которой заключается какъ будто бы въ желаніи стереть различіе между живой и мертвой природой, путемъ уничтоженія послѣдней. Такія мысли двигали впередъ метафизику Лейбница, но онѣ же, при посредствѣ понятія Божества, направляли ее на вопросы объ отношеніи между свободной волей человѣка и провидѣніемъ. По крайней мѣрѣ такъ заставляетъ думать письмо Лейбница къ Веддеркопфу, профессору юриспруденціи въ Килѣ.

Предопредѣленіе и свобода воли.

Письмо къ Веддеркопфу было написано, вѣроятно, послѣ 16 апрѣля 1671 года,—значитъ, уже тогда, когда физическая гипотеза въ качествѣ сочиненія была, видимо, закончена. [2]) Рѣшивъ одинъ вопросъ,

---

[1]) G. Br. 52—53.

[2]) Въ только что цитированномъ письмѣ къ Ольденбургу есть фраза: «Hypotheseos meae non nisi unum tibi, ut vides, exemplum ob locorum distantiam mittere possum».

Лейбницъ принимался за другой. „Судьба, писалъ Лейбницъ, есть рѣшеніе Бога, т. е. необходимость происшествій: фатально то, что должно случиться по необходимости. Раздвоеніе затруднительно. Богъ либо рѣшаетъ не относительно всего, либо, если рѣшаетъ относительно всего, то Онъ есть абсолютный виновникъ всего. Вѣдь если Онъ рѣшаетъ относительно всего, а вещи различествуютъ съ рѣшеніемъ, то Онъ не будетъ всемогущъ. Если же Онъ рѣшаетъ не относительно всего, то, повидимому, слѣдуетъ, что Онъ не всевѣдущъ. Ибо кажется невозможнымъ, чтобы Его всевѣдующее сужденіе зависѣло отъ чего нибудь. То, что мы часто зависимъ въ своихъ сужденіяхъ, происходитъ отъ невѣжества. Отсюда слѣдуетъ, что Богъ никогда не можетъ быть только попустителемъ: вѣдь будетъ слѣдовать, что ни одно рѣшеніе Бога ва дѣлѣ не абсолютно. Мы въ нашихъ сужденіяхъ зависимъ отъ условій и альтернативъ, такъ какъ обстоятельства вещей мы менѣе всего знаемъ. Но это тяжело? Признаюсь. Значитъ какъ же? Вотъ! Осужденъ Пилатъ. Почему? Потому, что онъ не имѣетъ вѣры. Почему не имѣетъ? Потому, что онъ не имѣлъ воли вниманія. Почему ея? Потому, что онъ не понялъ необходимости вещи, пользы вниманія. Не понялъ потому, что не доставало причинъ пониманія. Вѣдь все необходимо разрѣшается на нѣкоторую разумную основу и не можетъ существовать, пока не дойдетъ до первоначалъ; въ противномъ случаѣ нужно допустить, что нѣчто можетъ существовать безъ помощи разумной основы существованія. А при этомъ допущеніи гибнетъ доказательство существованія Бога и многихъ философскихъ теоремъ“ [1]). Такъ вѣрилъ Лейбницъ въ могущество разумной основы. Эта разумная основа преобладаетъ въ Богѣ. „Каково же послѣднее основаніе Божьей воли? спрашиваетъ Лейбницъ. Божій разумъ. Вѣдь Богъ хочетъ самаго лучшаго, Богъ мыслитъ самое гармоничное и какъ бы выбираетъ его изъ безконечнаго числа всего возможнаго. Значитъ, что такое Божій разумъ? Гармонія вещей. Что такое гармонія вещей? Ничто; напр., отношеніе 2 къ 4 то же, что 4 къ 8; этому нельзя найти основанія иначе, какъ изъ Божьей воли. Зависитъ это отъ самой сущности, т. е. идеи вещей.

[1]) A. Trendelenburg. Historische Beiträge zur Philosophie. Berlin. 1855. Bd. II. S. 189—190.

Вѣдь сущности вещей—числа и составляютъ самую возможность существъ, которой Богъ не создаетъ. Богъ создаетъ существованіе: вѣдь тѣ самыя возможности или идеи вещей лучше совпадаютъ съ самимъ Богомъ. А такъ какъ Богъ есть совершеннѣйшій умъ, то невозможно, чтобы Онъ самъ не былъ приводимъ въ волненіе совершеннѣйшей гармоніей и, значитъ, въ силу самой идеальности вещей не былъ принуждаемъ къ самому лучшему, что нисколько не мѣшаетъ свободѣ. Вѣдь высочайшая свобода заключается въ томъ, чтобы по вѣрному основанію разума быть принужденнымъ къ наилучшему. Кто желаетъ другой свободы—глупъ. Отсюда слѣдуетъ: что сдѣлано, то или есть; или будетъ наилучшимъ и, значитъ, необходимымъ; но... при условіи, что въ силу необходимости ничто не будетъ отнято у свободы, потому что ничего не будетъ отнято ни у воли, ни у дѣятельности разума“ [1]). Лейбницъ поясняетъ понятіе свободы черезъ понятіе зла. „Ни у кого, говоритъ онъ, не во власти хотѣть, чего бы онъ ни пожелалъ и, хотя бы разъ быть въ состояніи сдѣлать, чего бы онъ ни пожелалъ; однако никто не желаетъ себѣ этой свободы хотѣть, чего бы онъ ни пожелалъ, но всякій лучше желаетъ свободы хотѣть самаго лучшаго. Такъ почему же приписывать Богу то, чего мы не желаемъ сами? Отсюда ясно, что абсолютная воля, не зависящая отъ благости вещей, чудовищна. Напротивъ, во Всевѣдущемъ нѣтъ никакой попустительной воли, развѣ поскольку она образуется Богомъ для себя ради идеальности и наилучшей выгоды вещей. Значитъ, нужно считать, что абсолютно нѣтъ зла: иначе Богъ либо не представляетъ высочайше высочайшаго существа для пониманія, либо не представляетъ высочайше могущественнаго существа для выбора. Я нисколько не сомнѣваюсь, что мысль Августина была такова: грѣхи есть зло; не абсолютно, не для міра, не для Бога, иначе бы онъ ихъ не допустилъ, но для грѣшащаго. Богъ ненавидитъ грѣхи, но не такъ, чтобы не могъ сносить ихъ вида, какъ мы—вида того, что отвергаемъ, иначе онъ бы ихъ исключилъ; но потому, что наказываетъ. Грѣхи есть благо, т. е. они гармоничны, будучи взяты вмѣстѣ съ наказаніемъ или искупленіемъ проступка. Вѣдь нѣтъ гармоніи, кромѣ какъ изъ противопо-

[1]) Ib. 190.

ложнаго“ [1]). Далѣе Лейбницъ дѣлаетъ замѣчаніе: „Это послѣ я исправилъ: одно, что грѣхи будутъ непреложно: другое,— что по необходимости“ [2]). Очевидно, Лейбница занимала мысль о точномъ опредѣленіи грѣха. Письмо къ Веддеркопфу было выраженіемъ самыхъ задушевныхъ мыслей философа. Воля и свобода не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ быть свободнымъ значитъ быть опредѣленнымъ черезъ посредство разума, а величайшій разумъ, т. е. Богъ—благъ. Такова главная идея письма, но помимо этой идеи въ письмѣ интересна еще характеристика свойствъ Божества. Она дополняетъ то, что было сказано въ „Grundriss eines Bedenken“. Лейбницъ дѣлаетъ здѣсь выводъ изъ понятій всевѣдѣнія и всемогущества и отсюда рѣшаетъ, что Богъ, во первыхъ, постановляетъ свои рѣшенія обо всѣхъ, а во вторыхъ, не можетъ быть попустителемъ. Затѣмъ почти такъ же, какъ раньше, Лейбницъ опредѣляетъ творческій актъ Бога. Богъ творитъ, выбирая лучшее, ибо разумъ Бога опредѣляетъ его волю въ силу самой идеальности вещей. Что-такое эта идеальность, т. е. гармонія, Лейбницъ отказывается объяснять. Элементъ созерцанія въ творческомъ актѣ Божества здѣсь по прежнему налицо. Нужно однако замѣтить, что, сравнительно съ „Grundriss eines Bedenken“, вопросъ о свободѣ воли, тамъ едва намѣченный, здѣсь поставленъ ребромъ. Кромѣ того, здѣсь почти совершенно новы разсужденія о злѣ и грѣхѣ. Зла нѣтъ, ибо оно—феноменъ. Грѣхъ—только оттѣнокъ гармоніи, ибо онъ относителенъ. Все это, конечно, можно допустить, но нельзя не замѣтить, что Лейбницъ придумалъ очень легкій способъ избавиться отъ одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ метафизики. И въ этомъ помогала Лейбницу уже отмѣченная нами наличность элемента созерцанія въ понятіи гармоніи. Зло не противорѣчитъ благу, существуя какъ его мыслимый коррелятъ въ моментъ интеллектуальнаго гармоническаго представленія. Но если ввести сюда чувство, то интеллектуальная оцѣнка должна будетъ уступить мѣсто волевой, и дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ. Протестъ чувствъ Лейбницъ скрылъ подъ эгидой отсутствія противорѣчія въ мысли, а въ возможности такой постановки вопроса главную роль сыграло интеллектуальное созерцаніе. Послѣдней мыслью, которую

[1]) Ib. 190—191.
[2]) Ib. 191.

нельзя пропустить въ письмѣ къ Веддеркопфу, является мысль о томъ, что фактъ существующій по наилучшему основанію есть вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый фактъ. Можно еще сдѣлать замѣчаніе, что всеобщую гармонію Лейбницъ отождествляетъ здѣсь съ Божествомъ [1]).

Теорія абстрактнаго движенія.

Среди этихъ размышленій о свободѣ и необходимости Лейбницъ заканчивалъ печатаніе своей „Новой физической гипотезы". Нѣсколько писемъ и замѣтокъ, которыя онъ послѣ письма Веддеркопфу написалъ до выхода ея въ свѣтъ, не представляютъ въ философскомъ смыслѣ ничего интереснаго. Только смерть знаменитаго Амоса Коменскаго вызвала составленіе эпитафіи, въ которой между прочимъ Лейбницъ отдалъ должное философскому значенію этого энциклопедиста и педагога:

Fortunate senex, veri novus incola mundi,
Quem pictum nobis jam tua cura dedit
. . . . . .
Sive apicem rerum et coeli secreta tuenti
Interdicta solo, nunc data Pansophie [2]).

Лейбницъ читалъ Коменскаго и можетъ быть пользовался примѣромъ его эрудиціи. Вѣдь безъ надлежащей эрудиціи невозможенъ былъ такой трудъ, который представляла „Новая физическая гипотеза". Она вышла въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1671 года въ Майнцѣ подъ такимъ заглавіемъ: „Новая физическая гипотеза, въ которой причины большей части явленій природы отыскиваются вновь, безъ пренебреженія теоріями Тихо де Браге и Коперника, изъ нѣкотораго единственнаго универсальнаго движенія, предполагаемаго на земномъ шарѣ". Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: теоріи конкретнаго и теоріи абстрактнаго движенія. Вторая часть, какъ мы знаемъ, логически предшествуетъ. Въ посвященіи, которое Лейбницъ ради французской Королевской Академіи Наукъ предпослалъ этой части, говорится о содержаніи и значеніи труда. „Прежде

[1]) Kabitz. Op. cit. 122.
[2]) Pertz. R. I. Bnd. IV, S. 270.

всего, пишетъ Лейбницъ, я распуталъ лабиринтъ непрерывнаго и движенія..., что особенно важно для установленія основаній наукъ и для опроверженія тріумфа скептиковъ, для геометріи недѣлимыхъ и ариѳметики безконечныхъ, предлагающихъ столько великолѣпныхъ теоремъ...., для выработки физической гипотезы, согласной со всѣми фактами, и, что главнѣе всего, для полученія до сихъ поръ не найденныхъ чисто геометрическихъ доказательствъ о внутренней природѣ мышленія, вѣчности ума и первой причины. Отсюда также возникаютъ источники блага и справедливости, права и законовъ—такіе ясные и свѣтлые, такіе вмѣстѣ небольшіе по своему ходу и глубокіе по закоулкамъ, что они могутъ служить какъ большіе томы и, при удивительной компактности, достаточны для употребленія при рѣшеніи во всякихъ случаяхъ... Я охотно признаю несовершенство первой попытки, но думаю, что кое-что установлено твердо: объясненіе природы недѣлимыхъ, впервые открытая основа сцѣпленія, изложеніе физико-геометрической конструкціи кривыхъ изъ чистыхъ прямыхъ, а всякаго рода кривыхъ тѣлъ изъ однихъ только прямолинейныхъ..." [1]) Установлена твердо также „предлагаемая гипотеза, откуда могутъ быть объяснены всѣ явленія природы механически. Даже показано, что такое та магнетическая матерія, движенію которой вокругъ земли должна быть приписана вихреватость.... Наконецъ, за отсутствіемъ всего другого, въ книгѣ по меньшей мѣрѣ разсѣяны сѣмена мыслей, о которыхъ не нужно будетъ жалѣть" [2]).

Такъ понималъ Лейбницъ значеніе своего труда. Трудъ этотъ онъ изложилъ more geometrico, и потому сочиненіе естественно распадается на три отдѣла: сначала излагаются опредѣленія и предварительныя основанія, затѣмъ теоремы и задачи, и въ заключеніе примѣненія теоремъ и задачъ. Приведемъ важнѣйшія опредѣленія, которыя прежде всего посвящены тѣлу.

„Движущееся тѣло, говоритъ Лейбницъ, либо касается другого, либо не касается. (1) Касается, если нѣтъ промежуточнаго пространства. Касающееся тѣло, если оно движется, либо проходитъ мимо, либо производитъ толчекъ. (2) Прохо-

[1]) G. IV, 225.
[2]) Ib. 225—226.

дитъ мимо, если въ безпрерывномъ своемъ движеніи ничего не сдвигаетъ съ мѣста; если же что нибудь движетъ, то (3) ударяетъ, а если другое также движется, то производитъ толчокъ. Впрочемъ употребленіе этихъ терминовъ почти смѣшанно. (4) Ударяетъ по цѣлому то тѣло, которое непрерывнымъ своимъ движеніемъ сдвигаетъ съ мѣста другое цѣликомъ; (5) тѣло ударяетъ по части, если дѣло обстоитъ иначе. Далѣе, тѣло разнообразно получаетъ удары или по основанію линіи движенія, или по основанію границы. (6) Линія движенія есть та, которую описываетъ центръ движимаго тѣла. Линія удара есть та, которую описываетъ центръ ударяющаго тѣла, т. е. его центръ относительно тѣла, которое оно движетъ и которое будетъ становиться на мѣсто слѣдующаго. Отсюда иногда линія удара цѣлымъ можетъ быть прямой, а линія удара частью—кривой..... (7) Измѣреніе линіи движенія есть либо сама линія движенія для себя самой, если она прямая, либо, если она наклонна, то вытянутая линія, когда обратно сдѣлаютъ изъ наклонной прямую". [1]) Далѣе Лейбницъ говоритъ объ измѣреніи линій и опредѣляетъ различные виды столкновенія тѣлъ. Въ концѣ главы объ опредѣленіяхъ онъ пишетъ: (21) „Одно тѣло составляютъ части, которыя пребываютъ нѣкоторое время смежными другъ другу. (22) Части связаны, когда при движеніи одной движутся другія. (23) Сгибаніе есть измѣненіе относительно прямизны и кривизны". [2]) „(28) Данное движеніе бываетъ предшествующимъ и послѣдующимъ, если имѣется произвольно данное продолженіе, или оно бываетъ движеніемъ въ себѣ, когда не имѣется въ виду никакого внѣшняго толчка". [3]) Эти опредѣленія почти вербальны. Центръ тяжести философскаго мышленія Лейбница въ теоріи абстрактнаго движенія лежитъ въ предварительныхъ основаніяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ существенное. Они посвящены сначала понятію непрерывнаго, а потомъ понятію усилія.

---

[1]) «extremo quod prorsum vertitur immoto», добавляетъ Лейбницъ. Ib. 227.

[2]) Ib. 228.

[3]) Ib.

О понятіи непрерывнаго и о понятіи усилія.

„(1) Въ непрерывномъ, по мнѣнію Лейбница, части даны актуально....[1]) и (2) онѣ безконечны актуально, ибо неопредѣленное.... существуетъ не въ вещи, а въ мыслящемъ. (3) Нѣтъ ничего самаго малаго въ пространствѣ или тѣлѣ, т. е. такого, у чего не было бы никакой величины или части. Вѣдь у такой вещи нѣтъ никакого положенія, ибо того, что гдѣ либо расположено, можно касаться заразъ многимъ вещамъ, не касающимся другъ друга... Да и нельзя положить самаго малаго, вѣдь тогда слѣдовало бы, что есть столько же самыхъ малыхъ частей въ цѣломъ, сколько въ части, а это противорѣчиво. (4) Существуетъ недѣлимое или непротяженное, иначе нельзя понять ни начала, ни конца движенія или тѣла. Доказательство таково: даны начало и конецъ пространства, тѣла, движенія, какого нибудь времени. Пусть то, начало чего отыскивается, будетъ выражено черезъ линію AB, средняя точка которой есть C, и средняя между A и C есть D; а между A и D есть E и т. д. Пусть ищутъ начало влѣво, со стороны A. Я утверждаю, что AC не есть начало, ибо у него можно отнять DC, сохранивъ начало; точно также и не AD, ибо можно отнять ED и т. д. Значитъ, ничто изъ того, у чего можно отнять что либо справа, не есть начало. А у чего нельзя отнять никакого протяженія, то—непротяженно. Значитъ, начало тѣла, пространства, движенія, времени (т. е., безъ сомнѣнія, точка, усиліе, мгновеніе) есть либо ничто, а это абсурдъ, либо непротяженное, что и требовалось доказать. (5) Точка не есть то, у чего нѣтъ никакой части, или часть чего не разсматривается, но то, у чего нѣтъ протяженія, т. е. части чего не имѣютъ между собой разстоянія, величина чего не совершаема, не означаема, менѣе той, какая можетъ быть предложена, если это не по основанію безконечному для другой ощущаемой, менѣе той, какая можетъ быть дана. И это есть основа метода Кавальери, чѣмъ очевидно доказывается его истинность, такъ какъ мыслятся нѣкоторыя, такъ сказать, первыя попытки, т. е. начала линій и фигуръ, меньшихъ любой данной“ [2]).

---

[1]) «Contra quam sentit acutissimus Thomas Anglus, добавляетъ Лейбницъ. Ib.

[2]) Ib. 228—229.

Такъ обосновываетъ Лейбницъ понятіе непрерывнаго. Это обоснованіе по идеямъ сходно съ обоснованіемъ, которое дано въ послѣднемъ письмѣ къ Ольденбургу, отъ 21 марта. Переходя къ движенію, Лейбницъ устанавливаетъ далѣе понятіе усилія. Въ какомъ отношеніи находится усиліе къ движенію? „(6) Покой къ движенію, говоритъ предварительно Лейбницъ, относится не такъ, какъ точка къ пространству, но какъ ничто—къ единицѣ. (7) Движеніе непрерывно, т. е. не имѣетъ никакихъ моментовъ перерыва (nullis quietulis interruptus)“. [1]) Движеніе подчинено закону инерціи. Что же такое усиліе?

„(10) Усиліе, объясняетъ Лейбницъ, относится къ движенію, какъ точка къ пространству или какъ единица къ безконечности, ибо оно есть начало и конецъ движенія. (11) Отсюда то, что движется, сколько бы ни было движеніе слабо, какъ бы ни было велико препятствіе, будетъ распространять усиліе черезъ всѣ препятствія во всемъ объемѣ до безконечности и поэтому запечатлѣетъ свое усиліе на всемъ другомъ: и даже нельзя отрицать, что пока не перестанетъ подвигаться впередъ, оно по меньшей мѣрѣ будетъ усиливаться, и поэтому будетъ усиливаться двигать или—что одно и то же—начинать двигать какія бы то ни было большія препятствія, хотя бы они и превосходили его. (12) Значитъ, въ одномъ и томъ же тѣлѣ заразъ можетъ быть много противоположныхъ усилій. Вѣдь если есть линія AB, и C стремится отъ A къ B, и, наоборотъ, D отъ B къ A, то онѣ встрѣчаются. Въ моментъ встрѣчи C будетъ стремиться на B, хотя мыслится, что движеніе прекращено: вѣдь конецъ движенія есть усиліе. Но оно будетъ стремиться и обратно, если мыслится, что преобладаетъ противоположное, ибо оно начинаетъ итти назадъ. И было бы то же самое, если бы даже не преобладало ни то, ни другое изъ двухъ, ибо всякое усиліе распространяется по препятствіямъ до безконечности, и такимъ образомъ усиліе каждаго изъ двухъ распространяется на каждое изъ двухъ: и если ничего не выходитъ съ равною скоростью, то ничего не будетъ выходить и съ удвоенной или большей, такъ какъ дважды ничто есть ничто“ [2]).

---

[1]) Ib. 229.

[2]) Ib.

Понятіе усилія какъ принципъ объясненій.

Такъ выражаются главныя положенія Лейбница объ усиліи. Далѣе идетъ рѣчь о примѣненіи понятія усилія къ объясненію разныхъ физическихъ явленій и къ объясненію различія между живой и мертвой природой. „(13) Одна точка движимаго тѣла, пишетъ Лейбницъ, во время усилія, т. е. во время, меньшее того, которое можно дать, бываетъ во многихъ мѣстахъ или точкахъ пространства, то есть будетъ наполнять часть пространства, большую, чѣмъ она сама, или большую, чѣмъ наполняетъ въ покоѣ, либо будучи движима медленнѣе, либо производя усиліе въ одну только сторону и, наконецъ, въ ту самую, которая не дана, т. е. въ ту, которая состоитъ въ точкѣ, хотя отношеніе точки...[1]) къ точкѣ пространства, которое наполняется движеніемъ, есть то же, что отношеніе соприкосновенія угла къ прямолинейному, т. е. точки къ линіи. (14) Но и вообще что движется, то не бываетъ никогда въ одномъ мѣстѣ, пока движется, и тѣмъ болѣе въ мигъ, т. е. въ наименьшее время, такъ какъ что движется во времени, то въ мигъ производитъ усиліе, то есть начинаетъ и кончаетъ движеніе, иначе говоря, перемѣняетъ мѣсто: и не важно сказать, что оно стремится въ любое время, меньшее всякаго даннаго, что оно находится въ наименьшемъ мѣстѣ: вѣдь нѣтъ наименьшей части времени, иначе будетъ и наименьшая часть пространства. Вѣдь что прошло во времени линію,—во времени, меньшемъ всякаго даннаго,—то пройдетъ линію, меньшую всякой данной, т. е. точку; а во время абсолютно меньшее—часть пространства абсолютно меньшую, которой, по основанію 3 не существуетъ. (15) Напротивъ, во время толчка, удара, встрѣчи, два конца тѣлъ, т. е. точки, проникаютъ другъ въ друга, т. е. находятся въ одной и той же точкѣ пространства: вѣдь когда одно изъ сбѣгающихся тѣлъ стремится на мѣсто другого, то оно начинаетъ быть въ немъ, то есть начинаетъ проникать или соединяться. Вѣдь усиліе есть начало, проникновеніе, соединеніе; значитъ, тѣла находятся въ началѣ соединенія, т. е. ихъ границы составляютъ одно; (16) слѣдовательно, тѣла, которыя давятъ другъ друга или толкаютъ, сцѣплены, ибо ихъ границы суть одно, и вотъ уже ἓν τὰ ἔσχατα ἓν есть непрерывно и связано даже по опредѣленію Аристотеля; такъ какъ два такихъ тѣла находятся въ одномъ

[1]) «Vel puncti spatii quod implet quiescens», добавляетъ Лейбницъ.

мѣстѣ, то одно не можетъ быть вытолкнуто безъ другого. (17) Ни одно усиліе безъ движенія не продолжается долѣе момента, кромѣ какъ въ умахъ. Ибо, что въ моментѣ есть усиліе, то во времени—движеніе тѣла: здѣсь открыта дверь для того, кто хочетъ дойти до истиннаго различенія тѣла и души, пока еще никѣмъ не объясненнаго. Вѣдь всякое тѣло есть моментальный умъ, т. е. лишенный воспоминанія, такъ какъ не удерживаетъ долѣе момента какъ своего, такъ вмѣстѣ и чужого, противоположнаго усилія. (Вѣдь для чувства, для удовольствія или печали необходимы двѣ вещи: дѣйствіе и противодѣйствіе, т. е. сравненіе, и поэтому гармонія; безъ нихъ нѣтъ никакого чувства). Значитъ, тѣло лишено памяти, лишено чувства своихъ дѣйствій и страданій, лишено мышленія“ [1]). Далѣе Лейбницъ высказываетъ положенія, необходимыя для рѣшенія вопроса о несоизмѣримости. „(18) Точка больше точки, усиліе больше усилія, а мгновеніе равно мгновенію, откуда время изображается равномѣрнымъ движеніемъ по той же линіи, хотя у мгновенія есть свои части, не имѣющія только разстояній (какъ углы въ точкѣ)... То же и въ ускоренномъ движеніи, которое, разъ оно возрастаетъ въ любой мигъ и тотчасъ же со своего начала, предполагается уже возрастающимъ прежде и послѣ; въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы въ данное мгновеніе одно означеніе было прежде другого... Неравенства усилій никто не будетъ легкомысленно отрицать, но оттуда слѣдуетъ неравенство точекъ. Ясно, что усиліе больше усилія, т. е. тѣло, которое движется скорѣе другого, уже сначала проходитъ больше пространства. Вѣдь если въ началѣ оно проходитъ столько же, то будетъ всегда проходить столько же, ибо движеніе, какъ началось, такъ и продолжается, если нѣтъ внѣшней измѣняющей его причины... Но если начала равны, то и окончанія равны; значитъ, въ моментѣ встрѣчи быстрое столько же дѣйствуетъ на медленное, сколько медленное на быстрое, что абсурдъ; значитъ, они неравны. Значитъ, въ данное мгновеніе болѣе сильное проходитъ больше пространства, чѣмъ болѣе медленное, но любое усиліе не можетъ пробѣжать въ одинъ мигъ болѣе чѣмъ точку, т. е. часть пространства меньшую, чѣмъ какую можно взять; иначе во времени оно пробѣжало бы безконечную ли-

[1]) Ib. 229—230.

нію: значитъ, точка больше точки. Отсюда воображаемая (inassignabilis) дуга большаго круга больше, чѣмъ меньшаго; и любая линія, проведенная отъ центра къ окружности, соизмѣрима съ кругомъ, т. е. въ силу кругового своего движенія будучи производительницей круга, есть наименьшій безпрерывно возрастающій секторъ, но внутри непротяженности. Отсюда разрѣшаются трудности... о несоизмѣримомъ, объ углѣ соприкосновенія и много другого“ [1]).

Отъ вопроса о несоизмѣримости Лейбницъ переходитъ къ разсужденіямъ, касающимся форономіи. „(19) Если два усилія, пишетъ Лейбницъ, могутъ сохраняться вмѣстѣ, то они складываются въ одно съ сохраненіемъ обоихъ движеній.... (20) Тѣло, которое движется, передаетъ другому безъ уменьшенія своего движенія то, что другое можетъ принять, сохранивъ прежнее движеніе... (21) Если что либо можетъ дѣйствовать не на все сразу и причина всего одинакова, а третьяго ничего нѣтъ, то ничто не дѣйствуетъ. Отсюда происходитъ причина покоя.... (22) Если два усилія, которыя не могутъ быть сложены, не равны и отнимаются другъ отъ друга, то сохра-

---

[1]) «Къ объясненію чего, пишетъ далѣе Лейбницъ, краснорѣчивѣйшій Белинъ призывалъ всѣхъ философовъ цѣлаго міра, и вслѣдствіе чего въ высшей степени торжествуютъ скептики. Уголъ есть количество точки встрѣчи, или часть круга, меньшаго, чѣмъ какой можетъ быть опредѣленъ, т. е. центра: все ученіе объ углахъ есть ученіе о количествѣ непротяженнаго. Дуга, меньшая всякой данной, во всякомъ случаѣ больше своей хорды, хотя послѣдняя также меньше, чѣмъ какую можно взять, т. е. состоитъ въ точкѣ. Но такимъ образомъ, скажешь ты, многоугольникъ съ безконечными углами не будетъ равенъ кругу; отвѣчаю, онъ не равенъ по величинѣ, хотя равенъ по протяженію; вѣдь разность тутъ меньше, чѣмъ можно выразить какимъ нибудь числомъ. Отсюда, по опредѣленію Эвклида, точка есть то, въ чемъ нѣтъ частей. Никакой ошибки не можетъ вкрасться въ доказательство о протяженіи.... только бы мыслилась часть протяженія, т. е. часть, отстоящая отъ другой части. Конечно, если воображаемыя дуга и хорда совпадаютъ, то усиліе будетъ тѣмъ же самымъ на прямой, какъ и на дугѣ, ибо усиліе существуетъ въ дугѣ, либо на воображаемой прямой. Теперь, если усиліе то же, то то же и движеніе въ прямой и дугѣ, то есть движеніе круговое и прямолинейное будетъ одинаково (потому что какое движеніе началось, то и продолжается, т. е. каково усиліе, таково движеніе). А это— абсурдъ». Ib. 231—232.

няется ударъ болѣе сильнаго... (23) Если два усилія, которыя не могутъ быть сложены, равны, то ударъ взаимно прекращается, т. е. выбирается третье промежуточное, если таковое можетъ имѣть мѣсто при сохраненіи скорости движенія... Здѣсь, замѣчаетъ Лейбницъ, какъ бы вершина разумности въ движеніи, такъ какъ не только въ силу молчаливаго удаленія равнаго, но и вслѣдствіе выбора третьяго ближайшаго получается нѣкоторая удивительная, но необходимая съ точки зрѣнія благоразумія вещь... Хотя все остальное зависитъ отъ извѣстнаго принципа, что цѣлое больше своей части..., это одно, по основанію 20, зависитъ отъ самаго важнаго и извѣстнаго принципа, что (24) ничего не бываетъ безъ основанія. Слѣдствія этого принципа таковы: какъ можно меньше должно быть перемѣнъ, между противоположностями надо выбирать среднее, одному слѣдуетъ придавать что либо такъ, чтобы не отнять чего либо у другого, и многое еще, что имѣетъ господствующее значеніе даже въ гражданской наукѣ“ [1]).

Теоремы, задачи и ихъ приложенія.

Этимъ принципомъ nihil est sine ratione заканчиваются тѣ основанія, которыя Лейбницъ считалъ необходимымъ разъяснить предварительно для своей теоріи абстрактнаго движенія, съ цѣлью дать потомъ рядъ теоремъ и задачъ частнаго характера. Нѣкоторыя изъ теоремъ должны быть отмѣчены, какъ наиболѣе характерныя. Онѣ выражаютъ большею частью разные случаи движенія. Въ 15, 16, и 17 теоремахъ Лейбницъ говоритъ о гибкости и сцѣпленіи. (15) „Изъ силъ тѣлесной природы не вытекаетъ, пишетъ онъ, точно геометрическаго сгибанія, т. е. сгибанія черезъ посредство самаго малаго; (16) не вытекаетъ также существованія самаго твердаго тѣла, ибо не вытекаетъ и самаго быстраго движенія. (17) Двѣ какихъ нибудь смежныхъ части тѣла находятся въ состояніи сцѣпленія другъ съ другомъ тогда, когда давятъ другъ на друга, т. е. если есть такое движеніе тѣла, чтобы одно толкало другое, т. е. хотѣло бы стать на мѣсто другого. Это до сихъ поръ еще не отмѣченный принципъ всякаго сцѣпленія въ

[1]) Ib. 232.

тѣлахъ“ [1]). Какъ бы въ дополненіе къ этому въ 20-ой теоремѣ Лейбницъ замѣчаетъ, что „у покоющагося тѣла нѣтъ никакого сцѣпленія“ [2]). Въ теоремахъ 22, 23 и 24-ой Лейбницъ говоритъ: (22) „если нѣтъ пустоты, то нѣтъ также прямолинейнаго движенія, т. е. будетъ иное въ себя не возвращающееся движеніе, напр., спиральное. Отсюда можетъ быть выведено много удивительныхъ слѣдствій движенія въ полномъ. (23) Ни чуть не важно, какъ велика длина въ смежномъ тѣлѣ, (т. е. протяженіе по линіи движенія). (24) Ни чуть не важно, какъ велика ширина (или протяженіе по перпендикуляру къ линіи движенія) въ тѣлѣ, находящемся въ состояніи сцѣпленія, т. е. непрерывномъ“ [3]). Эти теоремы вмѣстѣ съ другими ведутъ къ постановкѣ сначала общей проблемы, а потомъ частныхъ задачъ. Общая проблема такова: „Всевозможныя линіи, фигуры, тѣла и движенія, по отношенію ко всѣмъ линіямъ, физически построить въ чистыхъ, равныхъ между собой прямыхъ движеніяхъ, а также въ чистыхъ кривыхъ движеніяхъ любого рода, взявъ любыя тѣла. Построеніе, говоритъ Лейбницъ, бываетъ трояко: геометрическое, т. е. воображаемое, но точное; механическое, т. е. реальное, но не точное, и физическое, т. е. реальное и точное. Геометрическое заключаетъ способы, по которымъ тѣла могутъ быть конструированы, хотя бы часто однимъ только Богомъ, именно когда они мыслятся не включающими въ себя противорѣчій; напр., если бы кругъ получался отъ мельчайшаго сгибанія прямой. Механика заключаетъ наши способы, а физика тѣ, благодаря которымъ вещь можетъ дѣйствовать по природѣ, т. е. тѣ, которые производятся тѣлами изъ себя самихъ“ [4]). Спеціальныя проблемы посвящены Лейбницемъ вопросамъ о выводѣ въ данныхъ тѣлахъ: сцѣпленія, твердости, гибкости, движенія разныхъ видовъ, затѣмъ о выводѣ

---

[1]) Ib. 234.

[2]) Ib.

[3]) «Scilicet corpus unum quantumcunque longum a quantumcunque brevi, corpus continuum quantumcunque latum a quantumcunque arcto, perinde ac si quantumvis minus esset, quantulocunque motus excessu impelli potest», поясняетъ Лейбницъ. Ib.

[4]) Ib. 234—235.

соединенія и раздѣленія тѣлъ, о выводѣ изъ движенія различныхъ тѣлесныхъ формъ, цилиндра, конуса, шара; наконецъ, о выводѣ фигуръ изъ движеній, движеній изъ фигуръ, и объ ускореніи и замедленіи движеній въ данномъ отношеніи [1]). Лейбницъ старается даже дать понять, въ чемъ можетъ состоять примѣненіе проблемъ. Прежде всего нужно, по его мнѣнію, замѣтить, что хотя не всѣ эти проблемы могутъ быть абсолютно рѣшены теоретически, тѣмъ не менѣе при помощи неощутимаго эфира можно легко показать, почему ни одна ошибка чувства не нарушаетъ принятыхъ основаній, чего достаточно для явленій. „Вѣдь, конечно, говоритъ Лейбницъ, природа, поскольку она доступна чувствамъ,... и искусство совсѣмъ иначе рѣшаютъ эти задачи, чѣмъ геометръ, именно механически, не черезъ посредство сплошныхъ движеній, а черезъ посредство реально прерывныхъ, какъ геометры описываютъ квадратриксу посредствомъ точекъ, а Архимедъ превращаетъ кругъ въ квадратъ посредствомъ многоугольниковъ, презирая ошибку, которая не въ силахъ смутить явленій. Вѣдь чувство не можетъ различить, есть ли извѣстное тѣло нѣчто одно сплошное, или смежное, или же это куча многихъ зіяющихъ несмежностей; покоются ли вообще части, или возвращаются въ себя нечувствительнымъ движеніемъ“... [2]). Подобнымъ образомъ многаго не можетъ различать чувство. Но кому нужна эта строгая точность? Не стоитъ отвѣчать. Она нужна даже въ механикѣ, не говоря уже о геометріи. Она связана съ абстрактностью. „Я не буду, пишетъ Лейбницъ, говорить напередъ о величайшемъ удовольствіи, которымъ одаритъ умы вновь открытая гармонія вещей,... ибо только для опытныхъ можетъ быть убѣдительной.... пріятность столь тщетныхъ и сухихъ вещей. Но хотя бы я показалъ, что величайшіе споры о конечномъ и безконечномъ, о пустотѣ и полномъ, о сложеніи непрерывнаго, о движеніи или положеніи земли можно рѣшить только изъ хорошо изученныхъ абстрактныхъ основъ движенія, все это не будетъ, я думаю, дѣломъ большого значенія для этихъ цѣнителей. Какъ же быть? Чтобы испытать

---

[1]) «Hoc puto fieri posse, si in diversis *signis* ejusdem instantis (vid. fund. 18.) diversi conatus eidem corpori imprimantur», пишетъ Лейбницъ. Ib. 237.

[2]) Ib. 237—238.

послѣднее, покажемъ, что не иначе можно дойти нѣкогда до прочныхъ доказательствъ о Богѣ и умѣ и объ утвержденіи величайшихъ тайнъ вѣры“.. [1]). Лейбницъ хочетъ ко всему примѣнить выводы изъ абстрактной теоріи движенія: къ праву, политикѣ, медицинѣ. Сочиненіе заканчивается критическими замѣчаніями по вопросу о сцѣпленіи [2]), а затѣмъ нападками на ученіе о движеніи Аристотеля, [3]) Декарта, [4]) Гассенди [5]) и Гоббеса [6]). Хороши, напротивъ, по мнѣнію Лейбница, работы по экспериментальной форономіи Галилея и Онорѐ Фабри.

Теорія конкретнаго движенія.

Вторая часть „Новой физической гипотезы“, заключавшая въ себѣ теорію конкретнаго движенія, подробно развиваетъ идею только что вкратцѣ намѣченнаго примѣненія абстрактныхъ теоремъ. Развитіе это, правда, нѣсколько односторонне, т. е. обнимаетъ лишь матеріальныя явленія, но зато въ широкой области космической физики чего-чего не касается Лейбницъ! Шестьдесятъ параграфовъ, посвященныхъ Королевскому Британскому Обществу, излагаютъ гипотезу Лейбница шагъ за шагомъ. „Предполагается, говоритъ Лейбницъ, шаръ солнца, шаръ земли и промежуточное пространство, при покоющейся массѣ... Эту массу мы будемъ называть эфиромъ, въ достаточной степени полнымъ. (Полноты во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это показано въ другомъ мѣстѣ, положеніе міра, которое мы ощущаемъ, не даетъ). Итакъ, необходимо существуетъ прежде всего нѣкоторое движеніе какъ на солнечномъ, такъ и на земномъ шарѣ [7]). (§§ 1—2). Допустимъ, что на томъ и дру-

---

[1]) Ib. 238.

[2]) Cohaesionis... rationem reddidit nemo: quid prodest ramos, hamos, uncos, annulos, aliaque corporum implicamenta comminisci, cum opus futurum sit hamis hamorum in infinitum?» Ib. 239.

[3]) Differentiam celeritatis in motibus Aristoteles derivat a resistentia medii, prius a posteriore. Ib.

[4]) negat enim quiescens quantocunque motu impelli posse. Ib.

[5]) facit ut duo corpora semel contigua nulla unquam vi divelli possint. Ib. 240.

[6]) tollit mentes incorporeas, tollit indivisibilia vera.... Ib.

[7]) Ib. 181.

гомъ шарѣ движеніе происходитъ вокругъ ихъ собственныхъ центровъ; допустимъ также, что и другіе міры въ эфирѣ имѣютъ такое же движеніе. Но на солнцѣ есть еще другое движеніе, въ силу котораго оно дѣйствуетъ внѣ себя, ибо, говоритъ Лейбницъ, повторяя мысль Гоббеса, „движеніе вокругъ собственнаго центра не дѣйствуетъ внѣшне“, [1]) оно только все врашаетъ вмѣстѣ съ собою подобно тому, какъ вращеніе палки вокругъ своей оси въ сосудѣ движетъ всю воду. Но солнце не въ примѣръ палкѣ можетъ испускать лучи и дѣйствовать во всѣ стороны, изъ чего слѣдуетъ, что есть какое то движеніе въ частяхъ солнца, не похожее на движеніе вокругъ собственнаго центра. Это движеніе не можетъ быть прямолинейнымъ, иначе бы всѣ части разлетѣлись. Оно—разнообразное круговое движеніе, ибо волненіе эфира проходитъ по прямолинейно-летящей отъ солнца частицѣ, что не трудно объяснить изъ дѣлимости непрерывнаго на сколь угодно малыя части. (§§ 3—5) Лучи солнца дѣйствуютъ на земной шаръ, который былъ раньше однороденъ, хотя не такъ рѣдокъ, какъ воздухъ, и не такъ твердъ, какъ земля. Это состояніе земного шара измѣнилось отъ лучей солнца [2]). Въ естественномъ состояніи, говоря абстрактно, у вращающагося однороднаго шара нѣтъ сцѣпленія, кромѣ какъ по линіямъ, параллельнымъ экватору. И вотъ эти движенія частицъ были спутаны свѣтомъ. Большая часть матеріи, сбившись въ основаніе, образовала землю, воду и воздухъ. Вталкивающійся туда эфиръ [3]) все проникаетъ внутри и по разнымъ мѣстамъ собирается въ пузыряхъ [4]), появившихся какъ будто при литьѣ. (§§ 6—7) На такихъ основаніяхъ можно объяснить всю систему міра. Но Лейбницъ говоритъ объ этомъ только вскользь. Его интересуетъ земля. Земля, расщепившись отъ

---

[1]) «praeclari Viri Torricellius et Hobbius statuere, sola solis gyratione circa proprium Centrum totum aeterem cum planetis circa solem ferri, fermentare, lucem efficere, imo rem ita motam projicere sibi imposita per tangentem». Ib.

[2]) Cum enim per abstractam motus doctrinam th. 19. nulla sit corporis cohaesio eodem tempore in tota facile, *globus terrae pulsatus*, ubi non cohaeret, *dehiscet*, aeteremque admittet. Ib. 183

[3]) Is enim fortasse est ille *Spiritus Domini*, прибавляетъ Лейбницъ. Ib.

[4]) Ex conatu erumpentis irrumpentisque recto. Ib.

лучей солнца на разнородныя части, вращается вокругъ своей оси съ запада на востокъ, будучи проникнута эфиромъ, тогда какъ окружающій землю эфиръ движется въ обратномъ направленіи. Это образуетъ всеобщее движеніе въ нашемъ шарѣ, состоящемъ изъ земли, воды и воздуха, которымъ объясняются всѣ явленія. (§§ 8—10) „Прежде всего изъ жидкаго зноя и плавленія въ силу свѣта и жара произошли, говоритъ Лейбницъ, безчисленные пузыри, разнообразные по величинѣ и плотности“ [1]). Это—сѣмена вещей, основы видовъ, вмѣстилища эфира, базисъ тѣлъ, причина состава и фундаментъ той измѣнчивости, которой мы удивляемся въ вещахъ. Изъ нихъ сложено все. Что такое вода, какъ не сборище пузырей? Что такое воздухъ, какъ не тонкая вода? А земля? Она несомнѣнно вся состоитъ изъ пузырей, потому что основа земли—стекло, т. е сгущенные пузыри [2]). Они разнообразно волнуются и принимаютъ разныя фигуры, что очень легко себѣ представить, ибо имѣется сила тяжести, происшедшая изъ кругового движенія эфира вокругъ земли. (§§ 11—16). И вотъ такимъ образомъ далѣе Лейбницъ послѣдовательно объясняетъ, почему есть тяжесть, воздухъ, вода и земля въ эфирѣ (§§ 17—18), какъ выводятся механическія и физическія явленія, отраженіе и преломленіе, сила упругости, [3]) качаніе маятника, ускореніе, легкость, явленія въ сифонахъ и бароскопахъ, стремленіе воздуха въ пустой сосудъ, сжатіе воздуха, испареніе (§§ 19—29). Отъ этихъ феноменовъ Лейбницъ переходитъ къ объясненію другихъ: свѣта, [4]) цвѣтовъ, призмы, звука, жара, притяженія въ разныхъ видахъ, напр., магнита, желѣза, затѣмъ химическихъ явленій (§§ 30—41). Лейбницъ не пропускаетъ безъ вниманія также органическихъ тѣлъ. „Микрографы Кирхеръ и Гукъ, говоритъ онъ, замѣтили, что по отношенію къ боль-

---

[1]) Ib. 184.

[2]) Quid mirum... globo terrestri ab actione lucis transformato ac fluente, densa seu terrestria in vitrum, aquam aëremque in tenuiores bullas abiisse? говоритъ Лейбницъ. Ib. 185.

[3]) Omnia *Elastica* sunt, seu compressa ac mox sibi relicta, ab aeteris gyratione in statum priorem restituuntur. Ib. 188.

[4]) Lux est motus aeteris ad sensum rectilineus celerrimus in quodlibet punctum sensibile circum circa propagatus. Ib. 195.

шей части того, что мы ощущаемъ въ сравнительно бо́льшемъ, нужно соотвѣтственно брать человѣка, проницательнаго въ сравнительно меньшемъ. Если послѣднее будетъ идти въ безконечность, что, разумѣется, возможно, такъ какъ непрерывное дѣлимо до безконечности, то любой атомъ окажется какъ бы нѣкоторымъ міромъ безконечныхъ разновидностей. И будутъ налицо какъ бы міры въ мірахъ до безконечности. Если это кто нибудь разберетъ глубже, то не будетъ въ состояніи не увлечься своего рода экстазомъ удивленія къ Творцу вещей“ [1]). (§§ 42—43) Лейбницъ объясняетъ, что такое плѣсень, броженіе (§§ 44—45), что такое жидкое и твердое, пузыри и масса, что такое элементы массы и какой, вообще говоря, сообразно этому долженъ быть принятъ общій методъ леченія (§§ 46—53). Лейбницъ разбираетъ нѣкоторыя общепринятыя мнѣнія о внѣшнемъ мірѣ, напр., взгляды Дигби и Аристотеля на движеніе земли, мнѣніе Аристотеля о рѣдкомъ и твердомъ, мнѣніе Бойля объ упругости (§§ 56—57). „Послѣдователи дѣйствительно величайшихъ людей, Декарта и Гассенди, пишетъ Лейбницъ, и кто бы ни былъ вообще изъ утверждающихъ, что все разнообразіе въ тѣлахъ можно объяснить изъ величины, фигуры и движенія, имѣютъ мое сочувствіе на своей сторонѣ“ [2]). Однако настоящая гипотеза не нуждается въ атомахъ. Безъ постоянно возобновляемаго движенія эфира нельзя ничего объяснить. Между тѣмъ она объясняетъ и увеличеніе силы въ тѣлахъ, и сцѣпленіе, съ происходящими вторичными качествами, твердостью, мягкостью, тягучестью. Отъ понятія тягучести Лейбницъ обращается къ объясненію физіологическихъ явленій въ нашемъ тѣлѣ, къ движенію крови, къ нервамъ [3]), къ ощущенію, при чемъ показываетъ, какую роль играетъ въ нихъ усиліе [4]) и затѣмъ спеціально движеніе. Лейбницъ

---

[1]) Ib. 201.

[2]) Ib. 209.

[3]) Certe *nervos* nil aliud, quam chordas tensas esse credibile, quarum violenta adductione, *musculi* utrinque contracti se levant et membra secum. Ib. 215.

[4]) Hinc sensionis explicandae causa ad *liquorem* quendam *nerveum* refugere nihil necesse est, cum in re tensa pulsata conatus ad initium usque pertingat, quia et diductio ad quodlibet punctum sensibile pertinet. Ib. 216.

думаетъ, что по отношенію къ нимъ можетъ быть физико-математически доказано много разныхъ теоремъ, такъ что нужно удивляться дѣятельности Божества, геометризирующаго въ расположеніи вещей, гдѣ посредствомъ чувствъ мы открываемъ нѣкоторые слѣды точности (§§ 58—59). Послѣдній параграфъ сочиненія доказываетъ, что твердость и возстановленіе твердыхъ тѣлъ можно вывести изъ тяжести атмосферы и упругости эфира. Прибавленное въ концѣ заключеніе кратко повторяетъ содержаніе всей книги въ томъ родѣ, какъ это мы видѣли во второмъ письмѣ къ Ольденбургу, которое мѣстами Лейбницъ приводитъ дословно.

Разсылка Новой физической гипотезы. Идеи труда.

Сравнительно небольшое по объему, но разнообразное по содержанію сочиненіе Лейбница сдѣлало автора извѣстнымъ. Онъ сталъ многимъ сообщать о немъ и разсылать его, повидимому, тотчасъ же послѣ выхода книги изъ печати. 3 мая 1671 года онъ между прочимъ пишетъ Фогелю, врачу и профессору Гамбургской гимназіи, слѣдующее: „чтобы ты вѣрнѣе судилъ о моихъ гипотезахъ, посылаю тебѣ двѣ статейки; одна обнимаетъ основанія движеній, независимо отъ чувствъ и явленій, другая—гипотезу всѣхъ явленій въ природѣ“ [1]). Въ тотъ же день Лейбницъ сообщаетъ также о своемъ сочиненіи Гевелію: „Ты увидишь, говоритъ онъ, парадоксальную гипотезу, кратко и ясно объясняющую причину всѣхъ явленій..., чего, сколько знаю, не дѣлалъ еще никто“ [2]). Затѣмъ 4 и 5 мая были посланы подобныя же извѣщенія Тахену, Димерброку, Сильвію, Вельтуйзену, Фоссу, Гревію; наконецъ, 9 мая—Ольденбургу. Лейбницъ боялся, какъ бы не погибла отправленная послѣднему посылка. На этомъ основаніи Лейбницъ дѣлаетъ резюме работы, въ которомъ очень умѣло подчеркиваетъ ея основныя идеи и цѣль. „Все въ совокупности, говоритъ онъ, сводится вотъ къ чему: Теорія абстрактнаго движенія излагаетъ... трудности сложенія непрерывнаго, подкрѣпляетъ геометрію недѣлимыхъ и ариѳметику безконечныхъ, показываетъ, что безъ частей ничего нѣтъ въ природѣ вещей, что части

[1]) D. 5. 541.
[2]) D. 2. 2, 92.

чего бы то ни было сплошного существуютъ безконечными актуально, что ученіе объ углахъ есть ученіе о количествѣ непротяженнаго, что движеніе бываетъ сильнѣе движенія и, значитъ, усиліе сильнѣе усилія: вѣдь усиліе есть мгновенное движеніе черезъ точку; слѣдовательно, точка больше точки. Если тѣло производитъ давленіе на тѣло, то оно дѣлаетъ усиліе и потому начинаетъ быть въ томъ мѣстѣ, которое заполняетъ это тѣло; значитъ, начинаетъ соединяться, т. е. проникать; слѣдовательно, границы этихъ тѣлъ однѣ и тѣ же. Такимъ образомъ, тѣла, давящія другъ на друга, сцѣплены. Усилія различны, смѣшаны между собой по мельчайшимъ частямъ (per minima); они производятъ движенія новаго рода. Нѣтъ сцѣпленія ни у чего покоющагося. Всякая сила происходитъ отъ скорости. Всякое тѣло есть мгновенный умъ. Умъ сохраняетъ усиліе послѣ потери движенія, тѣло не сохраняетъ, но умъ не можетъ перестать дѣйствовать; умъ самъ продолжаетъ самого себя безъ новаго акта творенія. Много, говоритъ Лейбницъ, я докажу удивительныхъ теоремъ съ геометрической ясностью, не меньшей чѣмъ та, которая позволяетъ разсуждать о точкахъ и усиліяхъ: ибо что значитъ въ тѣлахъ пространство и движеніе, то въ умахъ значатъ точки и усилія. Впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ я объяснилъ происхожденіе всякаго рода фигуръ и движеній изъ чистыхъ прямыхъ: я объяснилъ даже .. часто парадоксальныя случайности сталкивающихся между собою тѣлъ въ ихъ абсолютности, такъ какъ это расходится съ явленіями: вѣдь кажущіяся величина, фигура и движенія тѣла—одно, а истинныя—другое. Значитъ, такъ какъ случайности кажущагося движенія разнорѣчатъ съ правилами истиннаго, но не доступнаго чувствамъ, то слѣдовало бы думать, что это бываетъ по основанію связи, т. е. отъ нѣкоторыхъ истинныхъ нечувствительныхъ движеній, которыя производятъ часто такія парадоксальныя ощущаемыя движенія. И вотъ, поскольку мы еще не проникли во всю глубину природы, можно объяснить это только посредствомъ гипотезы, которая чѣмъ яснѣе, проще, короче, согласованнѣе, удобнѣе для рѣшенія самыхъ трудныхъ и важныхъ вопросовъ, которые мы знаемъ, тѣмъ должна считаться ближе подходящей къ истинѣ“ [1]). Резюме физической гипотезы во

[1]) G. Br. 56.

второй ея части, которое вслѣдъ за этимъ даетъ Лейбницъ, не имѣетъ особеннаго философскаго интереса. Послѣдній исчерпывается въ письмѣ указаніемъ Лейбница на то, что онъ прочелъ чрезвычайно ему понравившуюся книгу Вилькинса о всеобщей характеристикѣ (Character universalis) [1]).

Итакъ, новая физическая гипотеза была отпечатана, разослана и даже резюмирована. Что же въ ней особенно цѣннаго сравнительно съ тѣмъ, что уже извѣстно намъ до сихъ поръ изъ предыдущихъ сочиненій Лейбница?

Прежде всего въ работѣ встрѣчаются выводы и мысли, которыхъ раньше не попадалось у Лейбница или которыя не были имъ высказаны въ данной формѣ. Таковы, напримѣръ, идеи микрокосма: міры въ мірахъ до безконечности—одна изъ любимыхъ идей Лейбница [2]); затѣмъ идея несоизмѣримости, обработанная посредствомъ различенія понятій количества и протяженности, такъ какъ можетъ существовать количество непротяженнаго; наконецъ, идея общей обработки физики метафизическимъ путемъ [3]) при посредствѣ движенія, какъ главнаго фактора. Лейбницъ оставилъ атомистическую теорію и понятіе матеріи должно было у него измѣниться [4]). Ганнекенъ дѣлаетъ даже то заключеніе, что существованіе самого пространства зависитъ, по Лейбницу, отъ движенія. Про-

---

[1]) О Вилькинсѣ Лейбницъ говоритъ также въ письмѣ къ Фогелю, отъ 24 января 1671 г. «Wilkinsii Angli character realis, cum linqua philosophica tibi dudum fortasse visus est, in hac apud Hamburgenses Anglicani commercii facilitate. Majoris faciunt nonnulli media, quam finem, id est, eruditissima multa in eum locum ab auctore congesta, quam ipsam cum suo charactere linquam». D. 5. 540.

[2]) Появленіе этой идеи въ эпоху Новой физической гипотезы подчеркивали еще Фейербахъ и Каспари; смотр. O. Caspari. Leibniz' Philosophie, beleuchtet vom Gesichtspunct der physikalischen Grundbergiffe von Kraft und Stoff. Leipzig. 1870. S. 75. Также Kabitz. Op. cit. 80.

[3]) Auerbach. Op. cit. 33.

[4]) «Qui in epistola ad Thomasium, atomismi disciplina etiam imbutus, magnitudinem tantummodo ac figuram corporis a motu petiverat, nunc motu explicari vult, praeter figuram, illam etiam firmitatem... vel impenetrabilitatem», Hannequin. Op. cit. 113—114. Объ отсутствіи силы сопротивленія въ матеріи по Лейбницу см. также: Selver. Op. cit. 41.

странство вообще идеально, но реальная величина даннаго пространства зависитъ отъ тѣлъ [1]). Это есть уже намекъ на феноменальность пространства [2]). Превалирующее значеніе понятія движенія въ Новой физической гипотезѣ сказывается даже въ планѣ изложенія ея fundamenta praedemonstrabilia: они посвящены прежде всего вопросу объ актуальности дѣленія непрерывнаго, а потомъ о началѣ движенія, понимаемомъ въ качествѣ точки, послѣ чего идетъ рѣчь объ усиліи и разновидностяхъ движенія, напр., о прониканіи, рѣшеніе проблемы о которомъ высоко ставилъ самъ Лейбницъ [3]).

Если теперь отъ этихъ, наиболѣе оригинальныхъ пунктовъ работы, перейти къ главному ея абстрактно-идейному содержанію, то, согласно только-что приведенному резюме Лейбница, центръ тяжести окажется на сторонѣ тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ слѣдуютъ. Все тѣлесное въ мірѣ, по Лейбницу, актуально раздѣлено, такъ что непрерывное только мыслимо [4]), при чемъ непрерывное и безконечное связаны.

---

[1]) «Neque profecto, говоритъ Ганнекенъ, reale est spatium, cum non amplius existat quam materia prima, neque in eo partes possunt esse reales, sed tantum *δυνάμει*... ut finitis rebus, ita spatii partibus unum est existentiae principium, quod est motus». Ib. 115. Въ другомъ мѣстѣ Ганнекенъ ставитъ въ связь съ понятіемъ движенія также элементы непрерывнаго, такъ называемыя «недѣлимыя» Лейбница. «Nulla vere sunt in spatio indivisibilia, quae quidem magnitudine inter se comparari possint, nisi loci tempore quolibet dabili minore variis motibus decursi, quae si cogitatione non possunt sine spatio percipi, rursum motu opus est, ut in spatio sint plus quam cogitata et possibilia, ut sint primum determinata». Ib. 116.

[2]) Ib. 117.

[3]) По мнѣнію Коха, это самый интересный вопросъ въ работѣ. H. Koch. Materie und Organismus bei Leibniz. Halle. 1908. S. 14. Кохъ вѣрно говоритъ, что вопросъ о сцѣпленіи интересовалъ Лейбница еще въ Confessio naturae.

[4]) Сельверъ по этому поводу отмѣчаетъ значеніе работы Лейбница для дальнѣйшаго развитія его философіи: Nur insofern die Auffassung der unendlichen Getheiltheit des Continuums und die Erklärung aller stetigen Grössen durch Einschaltung des Unendlichkleinen, das Leibniz hier ausdrücklich als inextensum von dem Physischen Punct unterscheidet, *zu den realen Grundvoraussetzungen der Monadenlehre gehören und die reale Basis für das von ihm aufgestellte Continuitätsgezetz*». Op. cit. 46.

Такимъ образомъ Лейбницъ думалъ распутать лабиринтъ понятія непрерывнаго. Wanke говоритъ, что первые слѣды этой теоріи непрерывности находятся еще въ Ars combinatoria [1]). Что касается понятія усилія, то особенной разницы отъ опредѣленій, приведенныхъ ранѣе въ письмахъ къ Гоббесу и Ольденбургу, Новая физическая гипотеза не заключаетъ. Можно впрочемъ обратить вниманіе на то, что въ это понятіе здѣсь какъ бы полнѣе входятъ математическія понятія числа и величины, а затѣмъ понятія стремленія [2]), силы [3]), и даже воли [4]). Въ понятіи усилія Лейбницъ совмѣстилъ много признаковъ, охвативъ такой громадный объемъ, что ему дѣйствительно можно было сравнительно легко рѣшить задачу объ уничтоженіи границъ между живой и мертвой природой. Душа отъ тѣла отличается только памятью. Въ остальномъ ихъ сближаетъ присущій тому и другому элементъ усилія. *Κατ' ἐξοχήν* психическое понятіе усилія сыграло у Лейбница роль спайки двухъ міровъ: міра идей и міра матеріи, между которыми была вырыта пропасть еще философіей Платона.

Лейбницъ, Декартъ и Гоббесъ.

Теорію двухъ міровъ, міра въ себѣ и міра явленій, изъ которыхъ каждому посвящена была самостоятельная часть Новой физической гипотезы, Лейбницъ могъ заимствовать изъ Аристотеля, изъ Гассенди, или изъ трудовъ Декарта и Гоббеса [5]). Бросимъ взглядъ назадъ и посмотримъ, что въ сочиненіи можетъ считаться повтореніемъ, развитіемъ стараго и заимствованіемъ. Это съ

---

[1]) G. Wanke. Das Stetigkeitsgesetz bei Leibniz. Kiel. 1892; S. 12.

[2]) Это хорошо выясняетъ Ганнекенъ: Conatus igitur potentiam sese per durationem integrandi vel in motum convertendi eatenus tantum habet quatenus recordatio est: tendentia est eatenus, quoad conscientia». Op. cit. 126. Слово «tendentia» впослѣдствіи употреблялъ самъ Лейбницъ.

[3]) R. Hahn. Op. cit. 16. Der Name conatus... wir haben eben in dieser Benennug den Ausdruck für die Verbindung der beiden Begriff, Kraft und Bewegung».

[4]) Kabitz. Op. cit. 73—74: «Das damit die ursprünglich physikalische Bedeutung der Tendenz in eine psychologisch—metaphysische umgewandelt wird, ist handbegreiflich. *Die Tendenz wird hier stillschweigend als eine Art Trieb oder Willensimpuls gedacht*».

[5]) Wernik думаетъ, что это заимствовано именно у Гоббеса. Op. cit. 16.

одной стороны, опредѣлитъ историческое положеніе Новой физической гипотезы среди другихъ трудовъ Лейбница, а съ другой стороны, рельефнѣе подчеркнетъ дѣйствительные успѣхи философа. Прежде всего отмѣтимъ старыя мысли въ новой формѣ. Такова мысль о существованіи распорядка въ природѣ, который теперь Лейбницъ называетъ oeconomia: въ этомъ распорядкѣ мы можемъ, по мнѣнію Лейбница, постигать первичное разнообразіе вещей и фигуръ, къ чему насъ не приводитъ даже геометрія [1]). Такова, затѣмъ, мысль изложить физическую гипотезу геометрически,—геометрическое изложеніе отъ общаго къ частному мы не разъ встрѣчали у Лейбница [2]). Съ математической обработкой вопроса о движеніи для Лейбница совпала необходимость соединить ради объясненія явленій два главныхъ логическихъ закона: законъ тожества и законъ достаточнаго основанія, который Лейбницъ выдвинулъ здѣсь съ большей, чѣмъ прежде, опредѣленностью, такъ какъ безъ этого закона не могла быть обоснована практическая форономія въ теоріи конкретнаго движенія [3]). Логика продолжала оставаться для Лейбница предметомъ особаго вниманія [4]). На основахъ этой логики въ Новой физической гипотезѣ больше, чѣмъ, напр., въ Ars combinatoria и Specimen demonstrationum politicarum, развиты зачатки дифференціальнаго исчисленія [5]). Самое опредѣленіе,

---

[1]) Это понятіе oeconomia обнимаетъ у Лейбница идею не только порядка, но и выбора. Hannequin. Op. cit. 113.

[2]) По мнѣнію Ганнекена, Лейбницъ не могъ не изложить геометрически своего ученія о движеніи потому, что понималъ движеніе какъ mutatio loci и, слѣдовательно, какъ нѣчто такое, что зависитъ отъ опредѣленій. Ib. 41—42.

[3]) Hannequin. Op. cit. 111—112.

[4]) Cassirer. Leibniz' System. 498.

[5]) Hahn отмѣчаетъ мнѣніе Лейбница объ основѣ метода Кавальери, который тотъ полагалъ въ понятіи безконечно малой величины: In doppelter Hinsicht wurde diese Auffassungsweise der Zusammensetzung des Endlichen aus einer Summe von unendlich kleinen Theilen bedeutungsvoll für Leibnizens wissenschaftlichen Entwickelungsgang. In der Mathematik führte ihn die weitere Ausbildung dieser Gedanken zur Erfindung der Differenzialrechnung». Op. cit. 15. Почти тоже говоритъ Кассиреръ: Die infinitesimalen Momente der Bewegung und des Raumes lassen sie nach einem Verhältniss des Grösser

которое даетъ Лейбницъ въ работѣ понятію безконечнаго, есть, по мнѣнію Лассвица, ничто иное, какъ понятіе дифференціала [1]). Подобнаго рода примѣровъ развитія уже высказанныхъ идей можно найти много въ Новой физической гипотезѣ. Она въ своемъ родѣ является не только суммой предыдущихъ результатовъ умственной работы Лейбница, но и проспектомъ въ будущее [2]). Поэтому косвенныя и прямыя вліянія, подъ которыми находился Лейбницъ во время ея созданія, особенно интересно отмѣтить.

Главныхъ вліяній было два: вліяніе Декарта и вліяніе Гоббеса. Аристотель какъ бы отошелъ на задній планъ. Указывая на то, что изъ рѣдкости и плотности происходятъ такъ называемыя первичныя качества тѣлъ, Лейбницъ ad hoc повторяетъ свою мысль о согласованіи Аристотеля съ новой философіей. Аристотель утверждалъ, что причина всего есть небо, а небо дѣйствуетъ черезъ движеніе; въ то же время свѣтъ стремится съ неба [3]). Мнѣніе Аристотеля совпадаетъ, такимъ образомъ, съ однимъ изъ главныхъ положеній гипотезы. Что же касается субстанціальныхъ формъ, то онѣ (кромѣ ума),

---

und Kleiner ordnen, während für die der Zeit principielle Gleichheit zu fordern ist: punctum puncto, conatus conatu major est, instans vero instanti aequale. Das Differential wird hier nach den beiden Richtungen, die seine *Massfunction* bedingen, vorbereitet.» Leibniz' System. 498. Кассиреръ ссылается также на 190 стр своей книги. Смотр. вдобавокъ соображенія Ганнекена: cum motus per se, omissa magnitudine corporis moti, ratione quae est spatii absoluti ad temporis intervallum seu $\frac{e}{t}$ exprimatur, elementum motus eadem ratione exprimitur, assignata quidem et spatio et tempori magnitudine minore, quam quae dari potest, id est, ut nunc apud nos exponi solet $\frac{de}{dt}$ nihil proinde aliud est quam motus rectilinei et uniformis velocitas, in parte temporis minore quam quae dari potest considerata». Op. cit. 60.

[1]) Lasswitz. Op. cit. Band. II, 464.

[2]) Hannequin. Op. cit. 45.

[3]) «*Lux* nihil aliud, quam rei agitatio intestina, tam fortis, ut conatus ejus extrorsum tendentes ad quodlibet et ex quolibet puncto sensibili directe et reflexe oculam feriant». G. IV, 208.

по Аристотелю, есть только нѣчто относительное [1]), такъ что ничему не мѣшаютъ. Изъ Аристотеля очевидно было оставлено то, что годилось для теоріи конкретнаго движенія. Декартъ, напротивъ, какъ бы руководилъ Лейбницемъ, такъ сказать, практически и теоретически. И это понятно: сочиненія Декарта больше ставили вопросовъ для рѣшенія въ современной формѣ. Зная систему Гассенди, изучивъ физику Аристотеля, Лейбницъ обратился къ изученію принциповъ естествознанія по Декарту и Гоббесу, но не все тамъ нашелъ, чего хотѣлъ. Декартъ, напр., удовлетворительно не объяснилъ, что такое сцѣпленіе. Онъ старался вывести твердость тѣлъ изъ относительнаго покоя. Понимая матерію какъ лишенный силы субстратъ движенія, Лейбницъ, какъ мы видѣли, заключилъ, что сцѣпленіе должно сводиться къ чистому движенію [2]). Лейбницъ перемѣнилъ причину объясненія. Гдѣ могъ и гдѣ умѣлъ, онъ шелъ впередъ сравнительно со своими учителями. Напротивъ—тамъ, гдѣ чувствовалъ себя слабѣе, какъ, напр., въ теоріи конкретнаго движенія, онъ часто только повторялъ ихъ. Теорія конкретнаго движенія по основной конструкціи согласна съ Декартомъ [3]). Подобно Декарту, изъ общихъ законовъ выводитъ Лейбницъ строеніе земной поверхности, для чего пользуется циркуляціей эфира [4]). Подобно Декарту, пользуется онъ также идеей развитія, объясняя возникновеніе тѣлъ движеніемъ матеріи отъ центра къ периферіи [5]). Wanke замѣчаетъ, что, говоря о происхожденіи тѣлъ изъ разнообразныхъ по величинѣ пузырей, Лейбницъ располагалъ тѣла по степени плотности: эфиръ, воздухъ, вода, земля,—при чемъ старался находить сродство, напр., между пламенемъ и пылающимъ дымомъ (fumus ignitus) [6]). Въ теоріи абстрактнаго движенія,

---

[1]) «non esse ens absolutum, sed tantum λόγον, rationem, proportionem, ἀριθμόν, structuram partium intimam». Ib.

[2]) Wernik. Op. cit. 12. Судя по автобіографическому наброску 1667 года вопросъ о сцѣпленіи заинтересовалъ Лейбница очень рано. Вообще на основаніи автобіографическаго наброска, сообщеннаго Фуше де Карейлемъ, нужно думать, что нѣкоторыя основы Физической гипотезы вчернѣ были готовы у Лейбница за 4 года до выхода ея въ свѣтъ.

[3]) Wernik. Op. cit. 17.

[4]) Descartes. Principia. IV, §§ 15 и 20.

[5]) Kabitz. Op. cit. 80.

[6]) Wanke. Op. cit. 16.

въ процессѣ образованія понятій для объясненія сокровенныхъ раціоналистическихъ основъ міра, вліяніе Декарта однако уступало вліянію Гоббеса. Wernik провелъ параллель между утвержденіями Гоббеса и положеніями Лейбница изъ Teoria motus abstracti [1]). Эта параллель показываетъ, что многія мысли Гоббеса Лейбницъ только перефразировалъ. Таковы идеи относительно постоянной текучести движенія, относительно сравнимости точки съ точкой, усилія съ усиліемъ отосительно распространенія усилія въ тѣлахъ in infinitum. Таково также опредѣленіе точки, на что уже было обращено вниманіе при оцѣнкѣ письма Лейбница къ Гоббесу. Наконецъ, что интереснѣе всего, у Гоббеса заимствована Лейбницемъ даже мысль, выражающая пониманіе тѣла, какъ мгновеннаго ума, лишеннаго воспоминаній. Вотъ что говоритъ Гоббесъ: „хотя бы отъ реакцій... тѣлъ (на тѣла) и рождался нѣкоторый образъ, однако по удаленіи объекта онъ бы тотчасъ же пропадалъ: ибо если бы тѣла для удержанія полученнаго движенія, даже и по удаленіи объекта, не имѣли подходящихъ органовъ, какъ это имѣютъ животныя, то они ощущали бы только такъ, что никогда не воспоминали бы о своемъ ощущеніи“ [2]). Многимъ былъ обязанъ Лейбницъ Гоббесу, котораго прилежно изучалъ и съ которымъ во многомъ не былъ согласенъ. Кассиреръ дѣлаетъ предположеніе, что черезъ Гоббеса на Лейбница вліяли идеи Галилея [3]).

Если теперь подвести итоги содержанію и значенію Новой физической гипотезы, то нужно будетъ сказать, что въ теоріи абстрактнаго движенія она представляла систему весьма продуманныхъ философскихъ идей, рѣшавшихъ вопросы о движеніи, а также о природѣ души и тѣла, а въ теоріи конкретнаго движенія давала сводъ современныхъ знаній о внѣшнемъ мірѣ, такъ умѣло обоснованный черезъ посредство движенія эфира, что эта послѣдняя мысль съ легкой

---

[1]) Wernik. Op. cit. 15—16.

[2]) Hobbes. De corpore. Pars. IV. C. 25. § 5.

[3]) Cassirer. Leibniz' System. 497.

руки Декарта и Лейбница удержалась, по словамъ Schmögler'a, чуть ли не до нашихъ дней [1]).

---

[1]) Эта идея одушевляла Канта и позднѣйшихъ ученыхъ. «Auch heutzutage werden von den Physikern Hypothesen aufgestellt, die vielfache Anklänge an die Wirbeltheorie aufweisen. So schreibt Helmholtz im Vorwort zu den Principien der Mechanik von Hertz: «Er (Hertz) scheint hauptsächlich auf die Zwischenschaltung zyclischer Systeme mit unsichtbaren Bewegungen Hoffnung gezetz zu haben; Hertz hat sich wie englische Physiker, so Lord Kelvin in seiner Theorie der Wirbelatome und Maxwell in seiner Annahme eines Systemes von Zellen mit rotierendem Inhalt, offenbar durch ähnliche Erklärungen besser befriedigt gefühlt als durch die bloss algemeinsten Darstellungen der Thatsachen und ihrer Gesetze, wie sie durch das System der Differentialgleihungen der Physik gegeben werden». Hertz nennt den Vorgang: «In sich zurücklaufende, zyklische Bewegung». Auch bei der Untersuchung der Schwerkraft wurden von Vielen, besonders von Secchi, ähnliche Aetherwellen- oder Aetherwirbel-theorien aufgestellt». T. Schmögler. «Leibniz in seiner Stellung zur tellurischen Physik». München, 1901. S.S. 4—5.

VII.

Развитіе и примѣненіе найденныхъ принциповъ.

Польза и необходимость доказательствъ безсмертія души.

Выработанные Лейбницемъ принципы, возможность примѣненія которыхъ къ нѣкоторымъ областямъ знанія была показана въ Новой физической гипотезѣ, требовали, для приложенія ихъ въ другой сферѣ, дальнѣйшаго развитія. Это развитіе коренилось отчасти въ потребностяхъ духа самого Лейбница, отчасти въ томъ вліяніи, которое оказывали внѣшнія обстоятельства. Отсюда естественно видѣть, что во время пребыванія въ Германіи, до отъѣзда въ Парижъ, Лейбницъ, находясь на службѣ у Шёнборна и завязывая новыя отношенія съ разными выдающимися людьми, бралъ то ту, то другую тему, съ цѣлью развить болѣе подробно иногда только мимоходомъ весьма сжато высказанную ранѣе мысль. Поводовъ для этого при желаніи находилось, конечно, много. Вскорѣ послѣ окончанія Новой физической гипотезы, можетъ быть, даже одновременно съ ней, Лейбницъ пишетъ для своихъ друзей два сочиненія: одно для Бойнебурга, другое, вѣроятно, для герцога Іоанна Фридриха. Это были „Разсужденіе о пользѣ и необходимости доказательствъ безсмертія души“ и набросокъ „О воскресеніи тѣлъ“. Сочиненія были присоединены въ качествѣ приложенія къ письму, написанному Лейбницемъ герцогу Іоанну Фридриху [1]). Отъ нихъ сохранились отрывки, частью

[1]) Вотъ что объ этомъ говоритъ Гуграуэръ: «Guerikes Name kommt auch in dem Briefe an den Herzog vor. Der in letzterem Briefe erwähnte Discours: De usu et necessitate demonstrationum immortalitatis animae ist

(изъ перваго) опубликованные Кабитцемъ, частью (изъ того и другого) обнародованные А. Сырцовымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Пятнадцать параграфовъ статьи о безсмертіи души представляютъ начало литературно обработаннаго произведенія. Лейбницъ пишетъ, что не только для благочестивыхъ, но и для благоразумныхъ людей, могутъ быть интересны изслѣдованія вопросовъ „о вѣчности, о существованіи послѣ смерти, о безсмертіи души, о правителѣ вещей—Богѣ, который путемъ нѣкотораго равновѣсія приводитъ къ гармоніи являющуюся на первый взглядъ несогласованность этой и будущей жизни“ [1]) (§ 1). Быть спокойнымъ по отношенію къ такимъ вопросамъ хорошо для счастья нашей жизни. Во всякомъ случаѣ это лучше, чѣмъ обладать сказочнымъ философскимъ камнемъ или благодаря счастливой судьбѣ возноситься къ величайшей власти. „Вѣдь ни рукоплесканія, ни лесть, говоритъ Лейбницъ, ни шутки, ни прочія выдумки, чтобы отвратить людей отъ мышленія о своемъ несчастьи, не могутъ разрушить въ духѣ того, что онъ пребываетъ въ себѣ самомъ, не могутъ исторгнуть образа смерти, который впослѣдствіи уравняетъ высшихъ съ низшими, не могутъ избавить отъ страха суда всѣхъ народовъ, который не превойденъ даже атеистами и подкрѣпляется постоянной традиціей“ [2]). Всѣ наши дѣла связаны съ заботой о смерти. Это отражается даже въ произведеніяхъ поэтовъ Эннія, Овидія... (§ 2). Отсюда ясно, что уже одна мысль о безсмертіи, безъ всякихъ ея доказательствъ, бываетъ причиной счастья: она наполняетъ человѣка образами безконечнаго. Въ силу чего, какъ не въ силу мнѣнія, мы печалимся и радуемся? Лейбницъ полагаетъ,

---

zwar nicht bekannt; dagegen steht der hier ausgeführte Beweis «von der Einheit und Unsterblichkeit der Seele» dem Principe nach auch in der Theoria motus abstracti, einem Principe, welches dem Verfasser den Verdacht zuzog, als wäre er Hobbesianer.—(Besonderes wegen der Stelle «Nullus conatus sine motu durat ultra momentum praeterquam in mentibus»). Den weiterhin gedachten Appendix de resurrectione corporum haben wir handschriftlich in dem Leibnitzischen Nachlasse (acht Paragrafen gross) vorgefunden». Guhrauer. Leibnitz's Deutsche Schriften. Berlin. 1838. Bd. I. S. 50.

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сентябрь 1913 г. стр. 27—28.

[2]) Ib. 28.

что „ἀνασθησία [1]) или невозмутимость Эпикура и простое спокойствіе души стоиковъ, или въ настоящее время Декарта, ничуть не имѣютъ особенной пріятности, если отнять у человѣка доброе мнѣніе о немъ самомъ, воспламененное, увеличенное и подогрѣтое мнѣніемъ другихъ или славой: не осталось бы вѣдь никакого благополучія, кромѣ благополучія животныхъ“ [2]) (§ 3). Отсюда ораторы, поэты и художники много могутъ доставить счастья тѣмъ, кто руководится мнѣніемъ; тѣ же, кого не трогаютъ метафоры, бываютъ счастливы или нѣтъ, смотря по тому, обрѣли они доказательства безсмертія души, или находятся подъ вліяніемъ атеизма. Несчастны они бываютъ тѣмъ болѣе, что „путемъ разныхъ забавъ, говоритъ Лейбницъ, имъ нельзя исторгнуть изъ себя этихъ столь печальныхъ размышленій, которыя, какъ они хорошо помнятъ, очень важны для жизни“ [3]) (§ 4). Изъ этого ясно, что особенную заслугу человѣчеству окажетъ какъ тотъ, кто воспоетъ счастье благочестивыхъ въ будущей жизни, такъ и тотъ, кто съ такой же ясностью, какъ Эвклидъ, докажетъ рядъ теоремъ о вѣчности души и правителѣ міра. Одинъ охватилъ чувства, другой—умъ. Одинъ, по мнѣнію Лейбница, даетъ сонъ...., другой—прочное обладаніе счастливой жизнью [4]) (§ 5). Этой мыслью Лейбницъ заканчиваетъ какъ бы введеніе. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу взглядовъ на безсмертіе души, высказанныхъ въ сочиненіяхъ Декарта, Паскаля и Дигби.

„При столь великой важности знанія этого рода вещей, продолжаетъ Лейбницъ, удивительно, что нѣтъ.... такихъ доказательствъ“ [5]). Но философія еще мало совершенна. По мнѣнію Лейбница, „самые элементы движенія, откуда цѣликомъ должно быть выведено разсужденіе объ этихъ вещахъ,

---

[1]) Не хотѣлъ ли Лейбницъ сказать: *ἀταραξία?*

[2]) Окончаніе этой фразы въ текстѣ, опубликованномъ А. Сирцовымъ, слѣдуетъ, повидимому, читать нѣсколько иначе, чѣмъ оно напечатано, именно «adimis: nulla superererit felicitas nisi bestiarum. «Жур. Мин. Нар. Просв. 1913 г., сентябрь; стр. 29.

[3]) Ib.

[4]) Ib.

[5]) Ib.

доказаны едва ли не въ самое послѣднее время. Точно также сложеніе непрерывнаго, съ давнихъ временъ будучи неизвѣстно и погружено въ туманъ,...[1]) теперь еле-еле приближается къ свѣту, а безъ этого сложенія почти не можетъ быть понимаема внутренняя природа ума. Впервые Декартъ показалъ намъ, что̀ мы такое, т. е. что мы есть умъ, или мыслящее существо, или нѣчто сознающее себя. Ибо хотя мы и желали бы назвать древнихъ платониковъ участниками славы въ этомъ отношеніи, но, сколько я знаю, никѣмъ до Декарта не было замѣчено, что нѣтъ чувства въ безсловесныхъ животныхъ, развѣ только кажущееся чувство —не больше, чѣмъ въ часахъ“ [2]) (§ 6). „Но тотъ же Декартъ, продолжаетъ Лейбницъ, не опредѣлилъ, что такое мышленіе, и поэтому, такъ какъ всякое доказательство отправляется отъ опредѣленія, не доказалъ безсмертія изъ мышленія. Ибо хотя онъ вѣрно говоритъ вмѣстѣ съ ученѣйшими послѣдователями Клаубергомъ и Вельтуйзеномъ, что мышленіе есть нѣкоторое сознаніе своихъ дѣйствій, но въ силу этого не слѣдуетъ считать, что онъ далъ опредѣленіе, ибо одинаково не ясно, что такое сознаніе, что такое знать, какъ и то, что такое мыслить. Вѣдь хотя каждому въ себѣ достаточно извѣстно это понятіе, однако смутныя идеи, когда не излагаются ясно, какъ при опредѣленіи, не могутъ быть принципомъ доказательства“ (§ 7) [3]). Кромѣ этого недостатка въ доказательствѣ безсмертія души, Лейбницъ отмѣчаетъ у Декарта два другихъ: Декартъ хотѣлъ вывести безсмертіе изъ находящейся въ мышленіи идеи совершеннаго существа, а затѣмъ изъ сознанія различія между нашимъ „я“ и тѣломъ: слабость этихъ доказательствъ, говоритъ Лейбницъ, уже показана учеными. Подобнымъ же образомъ не былъ правъ знаменитый Паскаль, отрицая наши заботы объ этомъ доказательствѣ [4]). Подобнымъ же образомъ не были правы соціниане и

---

[1]) Лейбницъ въ скобкахъ добавляетъ: de quo videri potest elegans Lib. Fromondi liber. quem inscripsit Labyrinthum. Ib.

[2]) Ib. 29—30.

[3]) Ib. 30.

[4]) «Ingeniosissimus Paschalius in Cogitationibus posthumis negavit de hac re laborandum esse habituros enim nos ratiocinationes quasdam abstractas meta-

многіе другіе (§ 8)[1]. Есть однако люди, которые несомнѣнно видятъ природу своей души и необходимость первой причины. Они только не могутъ доказать этого. „Даже механикъ, говоритъ Лейбницъ, самымъ яснымъ образомъ видитъ необходимость геометрическаго доказательства, но облечь свое знаніе доказательствомъ, сдѣлать его неразрушимымъ и въ то же время очевиднымъ для другихъ—есть дѣло только геометра“ [2] (§ 9). Дигби въ своемъ большомъ трудѣ прекрасно показалъ, что всѣ явленія природы, кромѣ мышленія, можно объяснить изъ фигуры и движенія тѣлъ. Но въ его доказательствахъ, пишетъ Лейбницъ, аргументація сводится къ слѣдующему: „изъ фигуры и движенія нельзя объяснить мышленія, значитъ душа не есть тѣло. Это вѣрно... Никто изъ философовъ до сихъ поръ не могъ объяснить мышленія черезъ фигуру и движеніе тѣлъ. Съ своей стороны я согласенъ, что безтѣлесность создаетъ большую догадку, но не доказательство. Значитъ, доказательство Дигби, если разобрать, въ общемъ морально, т. е. безсмертію приписывается не достовѣрность, а предположительность... Остальное въ доказательствахъ Дигби зависитъ отъ плохо понятой природы мышленія. Превосходному ученому кажется..., что умъ есть нѣчто, вмѣщающее всякія сущности, какъ полипъ цвѣта. Эта емкость ума работаетъ посредствомъ ощущенія. Умъ поэтому есть нѣчто, чего нѣтъ ни во времени, ни въ мѣстѣ“ [3].... Подобныя объясненія, думаетъ Лейбницъ, мало удовлетворительны (§ 10). Здѣсь останавливается критическая часть статьи Лейбница. Идущій далѣе рядъ философскихъ положеній можетъ быть дополненъ содержаніемъ отрывка о воскресеніи тѣлъ.

---

physicos in famum abituras, <in quibus> nihil solidi, nihil animos commoventis [habentes] agnovit scilicet tales esse, quos hactenus habemus, quod certe nimis verum est». Ib.

[1]) «quibus videtur animam [aut recreari aut..] aut extingui et [cum] corpore resuscitato recreari, aut certe per gratiam id est perpetuum miraculum corpore destructo conservari». Ib.

[2]) Ib. 30—31.

[3]) 31.

Программа сочиненія. Воскресеніе тѣлъ.

Названныя философскія положенія Лейбница о безсмертіи души не имѣютъ достоинства доказательствъ. Они представляютъ только программу. Лейбницъ сначала приводитъ основы, въ общемъ извѣстныя изъ Новой физической гипотезы, а затѣмъ ставитъ рядъ вопросовъ, которые предполагаетъ рѣшить. „Я, пишетъ Лейбницъ, ничего не намѣренъ сказать объ умѣ, чего нельзя было бы воспринять и совмѣстить. Что я скажу объ умѣ, въ раздѣльномъ доказательствѣ не будетъ труднѣе того, что говорятъ геометры о точкахъ и углахъ. Даже доктрина о точкахъ и углахъ, о мгновеніи, объ усиліи, т. е. о концѣ движенія, или о наименьшемъ движеніи, которое совершается мгновенно въ предѣлахъ (intra) точки, будетъ для меня ключемъ къ изложенію природы мышленія. Я докажу, что умъ состоитъ въ точкѣ, что мышленіе есть усиліе или наименьшее движеніе, что въ одной и той же вещи можетъ быть много усилій, хотя не движеній. Значитъ, умы могутъ мыслить, сравнивать различное, ощущать, волноваться удовольствіемъ или страданіемъ, а тѣла не могутъ. Откуда слѣдуетъ, что умъ не больше можетъ разрушиться, чѣмъ точка. Вѣдь точка недѣлима; значитъ, не можетъ разрушиться. Значитъ, пусть будетъ сожжено тѣло, пусть развѣется земля на всѣ стороны, умъ въ своей точкѣ останется здравъ и невредимъ. Кто же можетъ сжечь точку“? (§ 11) [1]) И вотъ сообразно съ этими принципами Лейбницъ думаетъ рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ: какимъ образомъ точка воспринимаетъ дѣйствіе тѣла или ощущаетъ, и, обратно, какъ она дѣйствуетъ на тѣло? А въ этомъ вѣдь и заключается свобода воли. Далѣе, что такое печаль и удовольствіе, пороки и добродѣтели? Что такое вѣчность человѣческаго блаженства, право и справедливое, любовь Бога ко всѣмъ? Въ чемъ выражается состояніе отдѣленной души, видѣніе Божіе, справедливость вѣчныхъ наказаній? Почему первоначальная причина не есть причина зла? Какъ два ума могутъ составить одну личность? Что такое Троичность? Какъ душа можетъ производить душу изъ своей сущности, не уменьшаясь? „Я не вижу, замѣчаетъ между прочимъ Лейбницъ въ скобкахъ, необходимо ли, вызывая Бога на постоянныя чудеса..., полагать твореніе новаго ума, каждый разъ какъ рождается человѣкъ,

[1]) Ib. 31—32.

Это не можетъ не быть подозрительнымъ для сообразительныхъ людей, которые начинаютъ бояться, какъ бы душа не оказалась смертной и тѣлесной, если ея безтѣлесность можетъ быть объяснена только непрерывнымъ чудомъ“ [1]). Всѣ эти вопросы по легкости рѣшенія доступны даже дѣтямъ (§ 12). Но Лейбницъ не считаетъ возможнымъ излагать ихъ популярно. Этого даже и не нужно дѣлать. Они должны привлекать вниманіе, проникать въ умы (§ 13). „У меня есть намѣреніе, говоритъ Лейбницъ, составить элементы объ умѣ, какъ это сдѣлалъ Эвклидъ о величинѣ и фигурѣ, а Гоббесъ о тѣлѣ или движеніи. Они будутъ малы по объему, но велики по силѣ, такъ какъ они будутъ содержать первоосновы аффектовъ, добродѣтелей, государства, счастья, юриспруденціи и естественной теологіи“ [2]). Эти элементы объ умѣ будутъ заключать также защиту данной Богооткровенной теологіи отъ противорѣчій; затѣмъ они предложатъ гипотезу для объясненія явленій и тайнъ. „Скажу больше, пишетъ Лейбницъ: не предположивъ ума, нельзя ни опредѣлить, что такое существованіе, ни объяснить, какъ кому оно соотвѣтствуетъ... Если бы мы только порылись въ существованіи, мы пришли бы раньше къ доказательству существованія Бога. Но что такое существованіе, что оно прибавляетъ къ сущности, этого до сихъ поръ никто не опредѣлилъ“ (§ 14) [3]). Статья заканчивается началомъ пятнадцатаго параграфа, гдѣ Лейбницъ заявляетъ, что у него съ логической стороны все уже готово для этого труда, и только недостатокъ времени мѣшаетъ приступить къ изложенію [4]).

Такимъ образомъ главной основой работы Лейбница о безсмертіи души должно было служить особое понятіе точки. Очень близко къ этой основѣ подходитъ отрывокъ о воскресеніи тѣлъ.

---

[1]) Ib. 32.

[2]) Ib. 32—33.

[3]) Ib. 33.

[4]) Omnia in animo praefigurata, connexa, suisque coloribus expressa habeo: sed ut exigit natura demonstrationum lente, severe, morose conscribere spatio otioque indiget quod mihi nondum praestare possum. Si, ut spero, obtinuero, efficiam fortasse aliquando, ut otia hae sint negotiis, si quis recte aestimet, utiliora. Ib.

Въ этомъ отрывкѣ Лейбницъ предварительно говоритъ о трудности объясненія воскресенія тѣлъ: повидимому, нельзя собрать тѣлъ, разсѣянныхъ по всѣмъ угламъ міра. Кромѣ того, послѣдователи Аристотеля, полагая, что сущность тѣла состоитъ въ матеріи и нѣкоторой субстанціальной формѣ, которая уничтожается при порчѣ вещи, считали за аксіому, что отъ лишенія къ свойствамъ нѣтъ перехода. Поэтому они не могли понять, какъ одно и то же тѣло можетъ вернуться (§ 1). Но еще философія Демокрита учила, что сущность заключается въ величинѣ, фигурѣ и движеніи, такъ что масса тѣла не погибаетъ. Что же мѣшаетъ тогда, чтобы въ массу данной величины снова была введена прежняя фигура? Такъ можно воспроизвести тожественное нумерически тѣло. Такъ воспроизводятся часы, когда вынутыя колеса кладутся на прежнее мѣсто (§ 2) [2]). Но является вотъ какой вопросъ: что если на одни и тѣ же атомы съ одинаковымъ правомъ предъявитъ претензію другой человѣкъ? Предположимъ, что одинъ человѣкъ съѣлъ другого, которому же изъ двухъ принадлежатъ атомы тѣла? Кому ихъ присудитъ Богъ? Первому? Но что же тогда будетъ представлять другой? (§ 3) Между тѣмъ, напр., тѣло плода связано съ тѣломъ матери. Она питаетъ младенцевъ. Какъ въ такомъ случаѣ, по отношенію къ тѣлу матери и ребенка, рѣшать вопросъ о воскресеніи тѣлъ? (§ 4). Впрочемъ, нечего отчаяваться въ рѣшеніи. „Во первыхъ, если мы скажемъ, пишетъ Лейбницъ, что вещь состоитъ изъ такого то мяса, изъ такихъ то костей, то, повидимому, мало будетъ толку. Умъ и память о томъ, что совершено въ прошломъ, дѣлаетъ насъ одними и тѣми же, а не тѣло, не кости“ [3]) (§ 5). Тексты Священнаго Писанія не доказываютъ тожества тѣлъ: того, которое мы имѣемъ те-

---

[1]) Ib.

[2]) Ib. 34.

[3]) Лейбницъ добавляетъ: «etsi de Athomus quidem (praeterquam punctum illud cui mens implantata est) mihi supersit nunc aut in Extremo judicio superfutura esset carnis, quam ex matre traxi, nihil diversi eveniet nec sentietur jactura, cum corpora continuo fluxu et reparatione insensibiliter varientur». Ib.

перь, и того, которое будемъ имѣть въ день воскресенія (§ 6). Однако попробуемъ защитить мнѣніе, что мясо и кости остаются. Какими же они остаются? Вѣсомыя и въ грязи? Отнюдь нѣтъ, если тѣло должно воскреснуть духовнымъ. „Должно знать, пишетъ Лейбницъ, что во всякой вещи есть нѣкоторый сѣмянной, способный расширяться центръ, заключающій окраску и сохраняющій специфическое движеніе вещи. Это извѣстно изъ возрожденія растеній..., изъ сѣмянъ, изъ образующей силы сѣмени во чревѣ... Значитъ, такимъ же образомъ въ костяхъ, въ нашемъ мясѣ.... скрывается сконцентрированная въ животныхъ духахъ болѣе тонкая часть, [1]) которая по отсѣченіи члена, либо послѣ его порчи возвращается къ источнику жизни, гдѣ заложена сама душа. Это извѣстно даже изъ того опыта, что у тѣхъ, у кого отсѣчены рука или нога, эти рука и нога часто ощущаются какъ живыя; и кажется, что въ нихъ бываетъ дерганье, щипаніе, боль". [2]) Это, по мнѣнію Лейбница, можно объяснить только дѣятельностью животныхъ духовъ [3]). (§ 7) Съ такой точки зрѣнія Лейбницу кажется, что если, напр., Ѳіестъ съѣстъ своего сына, то нѣкоторая сѣменная часть этого сына всетаки стянется къ собственному центру. Такъ, сожженыя растенія сохраняютъ жизнь... Такъ, когда міръ растопится отъ огня, все родственное, что сохраняетъ слѣды одинаковыхъ движеній, соберется воедино. (§ 8) Рѣшеніе вопроса о воскресеніи тѣлъ Лейбницъ, такимъ образомъ, свелъ даже какъ будто къ космической проблемѣ.

Старыя идеи въ новой формѣ. Плотинъ.

Оба произведенія „О пользѣ и необходимости доказательствъ безсмертія души" и Appendix „О воскресеніи тѣлъ" разрабатываютъ одинъ и тотъ же вопросъ. Взглянемъ на эту разработку и на отношеніе этой разработки къ прежнимъ попыткамъ того же рода. Тема о безсмертіи души, какъ мы знаемъ, не новость у Лейб-

---

[1]) Phlegma, caput mortuum, ut Chimici vocant». Ib. 35.

[2]) Ib.

[3]) «nulla alia ratione quam quod spiritus ille subtilis, quo membri velut substantia continebantur, superstes eosdem nunc quoque motus exerceat». Ib. Аналогичное мнѣніе Декарта смотр. въ четвертой части Principia Art. 196.

ница. Если обратиться къ плану только-что изложенныхъ сочиненій, то, соотвѣтственно ходу ихъ идей, можно сдѣлать прежде всего нѣсколько замѣчаній ad hoc. Въ первой статьѣ, въ ея введеніи, отражаются извѣстныя уже намъ интеллектуалистическія склонности Лейбница: онъ полагаетъ, что нами руководитъ мнѣніе (opinio) и получаемое отъ мнѣнія удовольствіе; [1]) поскольку мы люди, мы зависимъ отъ приговора другихъ и отъ своего представленія объ этомъ приговорѣ. Мысль опредѣляетъ нашу волю. Терминъ—opinio взятъ Лейбницемъ, вѣроятно, изъ Платона [2]), потому что дальше Лейбницъ отличаетъ отъ мнѣнія знаніе. Мнѣніе сродственно чувствамъ; знаніе—уму. Это подаетъ Лейбницу поводъ утверждать, что одно свойственно поэтамъ, а другое ученымъ изслѣдователямъ—мысль, въ другой формѣ уже встрѣчавшаяся въ Grundriss eines Bedenkens. Такимъ образомъ введеніе повторяетъ старое. Что касается критической части статьи, то здѣсь, не смотря на характерныя мелочи, въ общемъ тоже преобладаютъ повторенія. Лейбницъ говоритъ, что платоники раздѣляютъ съ Декартомъ заслуги относительно раскрытія нашей интеллектуальной природы. Можно думать, что Лейбницъ читалъ Плотина. По крайней мѣрѣ, у Плотина въ четвертой Эннеадѣ найдется не одна страница такого рода, которая ставитъ вопросы о сущности души и ума во многихъ отношеніяхъ подобно Декарту. Таковы, напр., разсужденія Плотина о различіи души отъ тѣла и о единствѣ послѣдней. [3]) Лейбницъ ставитъ также въ заслугу Декарту его утвержденіе объ отсутствіи души у животныхъ. Эта похвала

---

[1]) См. 65 стр. этой книги.

[2]) У Платона понятіе термина opinio выражается обыкновенно терминомъ δόξα. Различіе мнѣнія и знанія проводится, напр., въ Теэтетѣ, гдѣ по словамъ Campbell'я «We first ventured the hypothesis αἴσθησις ἐπιστήμη. This was rejected, but the difficulties we met with pointed to a further hypothesis, *ὅτι ἡ ἀληθὴς δόξα ἐπιστήμη ἐστίν*". The Theaetetus of Plato with a revised text and english notes by L. Campbell. Oxford. 1883. P. 196.

[3]) Плотинъ говоритъ о душѣ *οὐχ οὕτως, ὡς τὸ σῶμα ἕν. τῷ γὰρ συνεχεῖ τὸ σῶμα ἕν, ἕκαστον δὲ τῶν μερῶν ἄλλο, τὸ δ' ἄλλο καὶ ἀλλαχοῦ οὐδ' ὡς ποιότης μία. ἡ δ' ὁμοῦ μεριστή τε καὶ ἀμέριστος φύσις,*

извѣстна уже намъ изъ автобіографическаго наброска 1666—1667 года. Поднимая далѣе вопросъ объ опредѣленіи, Лейбницъ снова повторяется. Значеніе опредѣленія онъ подчеркивалъ много разъ. По его мнѣнію, необходимо опредѣлить самое мышленіе, и онъ упрекаетъ Декарта за то, что у него нѣтъ такого опредѣленія. Здѣсь между прочимъ сказывается коренная разница между этими философами. По Лейбницу, сознаніе—смутная идея; оно не есть опредѣленіе и изъ него нельзя сдѣлать хорошихъ выводовъ. Поэтому понятно, что доказательства бытія Божія изъ находящейся въ нашемъ сознаніи идеи Бога и изъ сознанія различія души и тѣла не удовлетворяли Лейбница. [1]) Лейбницъ замѣчаетъ, что безсмертіе души для своего доказательства требуетъ понятія необходимой первопричины. Здѣсь повторяется идея, отмѣченная въ Confessio Naturae и въ Demonstrationum Catholicarum Conspectus. По ходу идей статьи, хотя въ ней и приводится положеніе cogitationem esse conatum, [2]) душа должна имѣть свое опредѣленіе отъ первопричины. Это одна изъ сокровенныхъ идей Лейбница. Рядомъ съ ней, критикуя трактатъ Дигби, Лейбницъ упоминаетъ и о моральномъ доказательствѣ безсмертія души. Вообще, имѣя въ виду даже послѣднюю часть статьи, нужно сказать, что сравнительно съ планомъ „Конспекта правовѣрныхъ доказательствъ“ здѣсь Лейбницемъ приведено въ пользу безсмертія души мало основаній, хотя, конечно, можно предположить, что въ дальнѣйшемъ Лейбницъ хотѣлъ присоединить еще новыя доказательства изъ понятія души, какъ точки. Это понятіе само по себѣ есть однако возобновленіе стараго. Оно встрѣчалось еще въ наброскѣ о гипостатическомъ соединеніи и здѣсь только обосновано болѣе увѣренно. Подкрѣпленіемъ служатъ данныя Новой физической

ἦν δὲ ψυχὴν εἶναί φαμεν... Душа дѣлима только идейно. Поэтому она δεῖ ἄρα οὕτως ἓν τε καὶ πολλὰ καὶ μεμερισμένον καὶ ἀμέριστον ψυχὴν εἶναι. Plotini Enneades IV, II, 1 и 2. P.p. 362—363 и 364.

[1]) О сущности доказательствъ Декарта см. спеціально P. Elwenich. «Die Beweise für das Dasein Gottes nach Cartesius. Breslau. 1868. S.S. 15—16, гдѣ различается три рода доказательствъ: одно изъ идей и два ab effectu.

[2]) Журн. Мин. Народ. Просв. Сентябрь. Стр. 19 и 25.

гипотезы и понятіе усилія. Особенно интересно то́, что изъ этого понятія души-точки Лейбницъ хотѣлъ объяснить ощущеніе и воспріятіе, свободу воли, начала этики и богословія, т. е. построить цѣлую философскую систему... Среди второстепенныхъ идей, группирующихся около понятія души-точки, можно отмѣтить слѣдующія: 1, мысль, что чудо творенія должно быть совершено однажды навсегда, 2, утвержденіе, что предполагаемыя „Элементы объ умѣ“ будутъ невелики по объему, но важны по значенію—такъ Лейбницъ выражался о Teoria motus abstracti въ предисловіи къ этому сочиненію,— и 3, взглядъ, что понятіе существованія ведетъ къ понятію сущности. Послѣднее сближаетъ статью съ автобіографическимъ отрывкомъ. Только здѣсь, въ статьѣ, сказано вдобавокъ, что если анализировать понятіе существованія, то это прежде всего приведетъ къ понятію существованія Бога, т. е. къ онтологическому вопросу вообще, и только потомъ уже будетъ видно, что́ новаго прибавляетъ понятіе существованія къ понятію сущности. Таково въ исторической перспективѣ содержаніе перваго изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій. Дополняющій его Appendix высказываетъ нѣсколько отчасти новыхъ мыслей: о тожествѣ нашего „я“, которое создаютъ въ насъ память и умъ, о животныхъ духахъ и о душѣ, какъ сѣмянномъ центрѣ, способномъ къ расширенію. Любопытно, что черезъ посредство этого центра Лейбницъ хочетъ объяснить психическій фактъ наличности у насъ сознанія погибшихъ частей тѣла, какъ неотъемлемой принадлежности. Это ново у Лейбница. Что касается вліянія Декарта, то съ появленіемъ мысли о животныхъ духахъ оно также принимаетъ новый видъ. Обращаясь къ заключительной характеристикѣ работы, можно замѣтить, что оба сочиненія чрезвычайно разнообразны по содержанію, [1]) что изложеніе Лейбница отличается самоувѣренностью, [2]) и что легко провести аналогію между понятіемъ атома, понятіемъ сѣмяннаго центра и понятіемъ первоначальнаго пузыря—буллы. [3]) Такого рода

[1]) Журн. Мин. Народ. Просв. Тамъ же. 23.

[2]) Ib. 27.

[3]) Ib. 26: «физическая тѣлесная точка Лейбница представляетъ ничто иное, какъ видоизмѣненный матеріальный атомъ Гассенди или Демокрита

аналогія и переходъ отъ одного изъ этихъ понятій къ другому объясняются, какъ было уже сказано при разборѣ Новой физической гипотезы, элементомъ движенія, заключающимся въ понятіи conatus, и позволявшимъ Лейбницу легко перебираться изъ міра духовнаго въ міръ тѣлесный. Предлагаемое Лейбницемъ понятіе души-центра также имѣетъ параллель въ сочиненіяхъ Плотина, который, чуть ли не первымъ изъ философовъ, трактовалъ въ свое время о душѣ, какъ о центрѣ и точкѣ. [1])

Письмо къ герцогу Іоанну Фридриху.

Очерки о безсмертіи души и о воскресеніи тѣлъ по содержанію отвѣчали интересамъ многихъ. Неудивительно, поэтому, что, посылая ихъ герцогу Іоанну Фридриху, Лейбницъ въ сопровождающемъ письмѣ сдѣлалъ къ нимъ нѣсколько разъясненій, даже, какъ увидимъ, отчасти повторилъ ихъ. Письмо герцогу написано было 21 мая 1671 года и отличалось обиліемъ темъ: въ немъ затрогивалось и право, и вопросъ о ходѣ работъ Лейбница, и физика, и философія. Имѣя въ виду занятія правомъ, Лейбницъ повторяетъ мысль изъ письма къ Гоббесу и пишетъ, что онъ съ юныхъ лѣтъ старался придти въ этихъ вещахъ къ прочному основанію, ради желанія найти природу чувства, мысли и аффектовъ. „Я искалъ постоянно, пишетъ Лейбницъ, пытался найти это въ матеріи и не успо-

---

послѣдній превратился у Лейбница сначала въ буллу, т. е. атомъ движенія; понятіе буллы дало затѣмъ почву для развитія теоріи «сѣмяннаго центра», органическаго тѣла, обладающаго способностью расширятся при ростѣ и стягиваться при умираніи». Журнальная статья А. Сырцова даетъ иногда интересныя сближенія въ области философіи Лейбница, но къ сожалѣнію авторъ, повидимому, мало знакомъ съ литературой предмета.

[1]) *...τὰ αἰσθητὰ μεγέθη καὶ οἱ ὄγκοι, οὗν ἕκαστον ἴδιον τόπον ἔχει, καὶ οὐχ οἷόν τε ἅμα ταὐτὸν ἐν πλείοσι τόποις εἶναι. ἡ δέ ἐστιν ἀντιτεταμένη τινὶ οὐσία... ἀεὶ κατὰ τὰ αὐτὰ ἔχουσα οὐσία, κοινὸν ἁπάντων τῶν ἐφεξῆς οἷον κέντρον ἐν κύκλῳ, ἀφ' οὗ πᾶσαι αἱ πρὸς τὴν περιφέρειαν γραμμαὶ ἐξημμέναι οὐδὲν ἧττον ἐῶσιν αὐτὸ ἐφ' ἑαυτοῦ μένειν ἔχουσαι παρ' αὐτοῦ τὴν γένεσιν καὶ τὸ εἶναι, καὶ μετέχουσι μὲν τοῦ σημείου καὶ ἀρχὴ τὸ ἀμερὲς αὐταῖς...* Plotini Enneades. IV, II, 1. p. 362.

копился, пока не пришелъ къ послѣднимъ начальнымъ основаніямъ... [1]) Работа была не безполезна для самого себя, ибо.. я открывалъ то то, то другое, на что раньше не обращали вниманія. Я узналъ, что есть истинная причина въ вещахъ, почему одно легко раздѣлить, а другое состоитъ изъ твердо сплоченныхъ кусковъ..., я создалъ гипотезу и указалъ на единое.. и универсальное движеніе"... [2]) Сдѣлавъ очеркъ своей Новой физической гипотезы и упомянувъ, что имъ былъ написанъ трактатъ Nova Methodus, Лейбницъ сообщаетъ, что онъ думалъ также дать доказательства о природѣ Бога и ума, но что они очень трудны, какъ основанные на ученіи о точкѣ, мгновеніи, недѣлимыхъ и усиліи. „Равно какъ дѣйствія тѣлъ, пишетъ Лейбницъ, состоятъ въ движеніи, такъ дѣйствія умовъ—въ усиліи, или, такъ сказать, въ наименьшемъ движенія, то есть точкѣ, ибо самъ умъ состоитъ собственно только въ точкѣ пространства, а, напротивъ, тѣло занимаетъ мѣсто... Поэтому я доказываю ясно, что умъ долженъ быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ стекаются всѣ движенія, которыя получены нами отъ объектовъ чувствъ. Ибо я только тогда могу заключить, что данное тѣло есть золото, когда я восприму заразъ блескъ, звукъ и вѣсъ, и потому заключу, что это золото, а слѣдовательно, умъ долженъ быть отнесенъ къ одному мѣсту, гдѣ всѣ эти линіи—зрѣніе, слухъ, осязаніе—совпадаютъ, и, значитъ, въ одной точкѣ. Дадимъ уму болѣе значительное мѣсто, чѣмъ одна точка. Тогда это будетъ уже тѣло, которое будетъ имѣть части внѣ частей, поэтому оно внутренне не находится само въ себѣ и, значитъ, не можетъ рефлектировать на всѣ свои части и дѣйствія; а въ этомъ то и состоитъ какъ бы сущность ума. Утвержденный теперь умъ заключается въ нѣкоторой точкѣ; значитъ, недѣлимъ и неразрушимъ". [3])

---

[1]) «So in der von grösse, figur undt bewegung handelnden Kunst, das ist in der mathesi undt Physica sich befinden», добавляетъ Лейбницъ. G. I, 50.

[2]) О томъ, какъ онъ пришелъ къ этой идеѣ, Лейбницъ говоритъ, что сначала онъ ...«einer innerlichen subtilen bewegung und das corpus gleichsam wölbenden circulation umb ein centrum proprium zuschreibe, vermittelst deren jedess theil auff seinen Nachbar dringet». Ib.

[3]) Ib. 52—53.

„На этихъ и другихъ.. основаніяхъ, продолжаетъ Лейбницъ, я доказалъ много удивительныхъ вещей о свойствахъ человѣческаго ума и вообще разумныхъ душъ“ [1]). Лейбницъ повторяетъ въ письмѣ программу, которую мы видѣли въ Разсужденіи о безсмертіи души. Онъ хочетъ на новыхъ началахъ вступить въ борьбу съ атеизмомъ.

„Я твердо держусь того мнѣнія, пишетъ онъ, выясняя эти начала и переходя къ прилагаемому Appendix'у о воскресеніи тѣлъ, что всякое тѣло, какъ человѣка, такъ и животныхъ или растеній, или минераловъ имѣетъ зерно своей субстанціи... Это зерно такъ тонко, что оно остается даже въ пеплѣ сожженныхъ вещей и можетъ стягиваться какъ бы въ незамѣтный центръ. Такъ какъ нѣкоторымъ образомъ пепелъ растеній можетъ быть употребленъ для сѣмянъ, то и въ плодѣ или зародышѣ животныхъ punctum saliens заключаетъ уже въ себѣ зерно всего тѣла. Я думаю далѣе, что это зерно субстанціи въ человѣкѣ ни уменьшается, ни прибавляется, хотя его одежда и покрывало находятся въ постоянномъ потокѣ и то пропадаютъ, то снова увеличиваются отъ воздуха или пищи. Поэтому, когда человѣкъ съѣденъ другими, остается зерно каждаго, кто и какъ онъ былъ, и, слѣдовательно, никогда субстанція одного не питается на счетъ другого. Пусть теперь какому нибудь человѣку отрѣжутъ членъ тѣла, тогда зерно субстанціи обратно стягивается къ своему главному источнику (Brunnquell) и удерживаетъ у себя извѣстнымъ образомъ движеніе, какъ будто бы членъ тѣла былъ еще на своемъ мѣстѣ. Такъ люди, у которыхъ нѣтъ руки, говорятъ, что имъ часто кажется, будто она у нихъ есть, и чувствуютъ всѣ пальцы. Это должно проистекать изъ оставшихся въ тѣлѣ духовъ или зерна субстанціи. Можетъ случиться, что будетъ отрѣзанъ одинъ членъ тѣла, но можетъ также случиться, что они будутъ всѣ отдѣлены и разрушены постепенно.... Тогда всетаки зерно цѣлаго тѣла станется въ нѣчто такое тонкое, что ему ни огонь, ни вода, ни другая видимая сила не смогутъ повредить. Такъ какъ это зерно субстанціи, состоящее въ физической точкѣ (ближайшій инструментъ или какъ бы колесница души, заключенной въ математической

---

[1]) Ib. 53.

точкѣ) вѣчно пребываетъ, то тѣмъ менѣе можно положить, въ состояніи ли быть таковой для насъ грубая матерія“ [1])...

Эти и подобныя этимъ мысли, замѣчаетъ Лейбницъ въ концѣ письма, склоняютъ къ точному изученію юриспруденціи, которая должна быть основана на указанныхъ принципахъ. Письмо Лейбница началось интересами права и къ нимъ же возвратилось.

Право, однако, не было главной темой письма. Лейбницъ отчасти хотѣлъ познакомить герцога съ своей Новой физической гипотезой, отчасти хотѣлъ дать комментаріи къ посылаемымъ статьямъ о безсмертіи души и воскресеніи тѣлъ. Эти комментаріи съ одной стороны были болѣе популярнымъ перифразомъ черезчуръ строго изложенныхъ статей, съ другой стороны шли дальше, именно душа-точка стала мыслиться теперь какъ зерно субстанціи. Разсужденія Лейбница показываютъ, какъ онъ пришелъ къ этому убѣжденію отъ необходимости свести въ актѣ мышленія всѣ ощущенія къ одному началу; напр., при видѣ золота—въ актѣ мышленія объ этомъ золотѣ. Въ этомъ случаѣ опять приходитъ на память Плотинъ съ его доказательствами единства души.

„Вѣдь если бы душа, говоритъ Плотинъ, была, какъ тѣла, чѣмъ то другимъ и имѣла въ себѣ еще какую нибудь другую часть, то, когда испытывала бы воздѣйствіе одна изъ двухъ, въ томъ, кто испытываетъ воздѣйствіе, не приходила бы къ ощущенію другая, но душа, относящаяся, напримѣръ, къ пальцу, испытывала бы воздѣйствіе какъ чуждая, будучи въ себѣ, и было бы вообще много душъ, завѣдующихъ каждою частью насъ. И, конечно, данное цѣлое не было бы единой душой, но имѣлось бы безконечное ко-

---

[1]) Ib. 53—54. Вотъ дальнѣйшія поясненія Лейбница: Können wir sie nun in diesem Leben salva identitate corporis nostri verändern, viel weniger werden die verklärten leiber daran gebunden sein. Wir werden mit eben dieser unser haut, das ist, mit alle dem, so in ihrer substanz und kern ist, wieder umbgeben werden. Ein mehres begehren, ist sich selbst in unnöthige scrupel stecken und verständige Menschen mit einem so wunderlich ausgelegtem articel, das nehmlich millies transfundirte fuliginеs, steubgen und sordes aus allen vier enden der Welt zusammen gelesen werden müsten, ärgern». Ib. 54.

личество душъ, отдѣльныхъ другъ отъ друга; ибо непрерывность, если души не стекаются въ единое,—глупость“ [1]). У Лейбница зерно субстанціи было болѣе широкой обработкой понятія души-точки. Такая обработка вела даже къ распространенію понятія субстанціи на всѣ видимыя вещи въ мірѣ. Получалось такое представленіе, что, по Лейбницу, гдѣ есть извѣстный тѣлесный контуръ, тамъ существуетъ и зерно субстанціи. Наглядность представленій преобладала въ мышленіи Лейбница. Отсюда понятно, почему въ области біологіи понятіе зерна субстанціи прилагается Лейбницемъ къ объясненію жизни не только животныхъ, но и растеній. Кассиреръ говоритъ, что это біологическое пониманіе субстанціи есть дополненіе къ логическому и физическому ея пониманію [2]). Можно видѣть въ этомъ вліяніе микрографовъ, Мальпиги и Ловенгука [3]).

Разъясненія Новой физической гипотезы.

Рядомъ съ такимъ расширеніемъ поля философскихъ изслѣдованій, позволяющимъ на основаніи новыхъ принциповъ обнять весь міръ,

[1]) Эннеады. IV, II, 2. p. 363.

[2]) Cassirer. Leibniz' System. 512.

[3]) Hahn. Op. cit. 18—19. Caspari. Op. cit. 75. Anmerkung. Каспари указываетъ на ту роль, которую играетъ ученіе Лейбница о зернѣ субстанціи для его Монадологіи. Имѣя въ виду письмо герцогу, Каспари пишетъ: «wir sehen aus ihnen, das er die Idee, dass die Seele ein untheilbarer, mathematischer, substantieller Punct sein müsse, aus Beobachtungen erschlossen hatte, die er über das Verhältniss von Leib und Seele angestellt, zugleich um die Resurrectio corporum darzuthun»... Можно сказать: der Atomenbegriff war bei Leibniz bereits für den Begriff des Geistes und der Seele festgestellt. Что душа есть неразрушимая точка, Лейбницу было ясно въ совершенствѣ. «dass aber das Ganze Universum, so weit es reicht, aus solchen Puncten und Monaden zusamengesetzt sein musste, und somit alle Dinge und ihre Theilchen Analoga der Seele wurden, dieser eigentliche und specifische Grundgedanke des neuen leibniz'schen Princips, mit dem sich seine Ganze Weltanschauung im Zusammenhange erst begründet, musste ihm leicht, wie unsere Stelle beweist, durch die Reihe der neuen mikroskopischen Entdeckungen und mikrographischen Beobachtungen an die Hand gegeben werden...» Caspari Op. cit. S.S. 75—76. Почти тоже самое говоритъ Ганнекенъ: Leibnitius., ad illas nescius quidem substantiales athomos adducebatur seu unitates, quae etsi quantitatem omnem effugiunt, multas tamen in se, imo infinitas actiones admittunt.. И это nucleo illo substantiali inter corpus et mentem interposito. Hannequin. Op. cit. 137—138.

Лейбницъ продолжалъ хлопотать о распространеніи и правильномъ пониманіи идей, которыя были изложены въ Новой физической гипотезѣ Отсюда возникала необходимость разъясненій.

Первымъ изъ такихъ разъясненій былъ составленный, вѣроятно, въ маѣ 1671 г. отвѣтъ на одно изъ писемъ Конринга. Лейбницъ, какъ мы знаемъ, сообщалъ уже Конрингу о работахъ надъ Новой физической гипотезой. Теперь онъ посылаетъ ему свою книгу. „Я удивляюсь, говоритъ онъ между прочимъ, что кому нибудь можетъ казаться, а больше всѣхъ тебѣ, будто есть какое то движеніе въ природѣ, которое не было бы мѣстнымъ. Повѣрь мнѣ, что ничего нѣтъ менѣе аподиктическаго, чѣмъ это мнѣніе, т. е. что ничего нѣтъ такого, что можно было бы изложить и даже вообразить менѣе ясно и раздѣльно. Я желалъ бы знать какой нибудь опытъ въ природѣ, который нельзя было бы разложить на мѣстное движеніе. Я, конечно, не думаю, чтобы такой человѣкъ, какъ ты, сталъ вновь искать причинъ вещей въ формахъ, качествахъ и, уже не знаю еще въ какихъ, номинальностяхъ ... Нельзя чего либо мыслить въ тѣлѣ, кромѣ величины, фигуры и мѣстнаго движенія. Самъ Аристотель едва ли думалъ иначе. Я показалъ это въ предисловіи къ Низолію, книгу котораго объ истинныхъ принципахъ и истинномъ основаніи философіи нѣкогда издалъ,—а я чтеніемъ Аристотеля занимался часто и не кое какъ. Въ моей гипотезѣ, ты увидишь, я съ удивительной краткостью и стройностью далъ основаніе тяжести, эластической силы (натянутой пружины), и также магнетическаго колебанія (verticitatis), направленнаго къ полюсамъ.... А чего другого можно желать отъ гипотезы [1])..“ Лейбницъ увѣренъ въ продуктивности своего труда. Отвѣчая Конрингу на одну изъ его мыслей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ значеніе опыта въ дѣлѣ изученія природы. Много пріобрѣтеній, неизвѣстныхъ Аристотелю, установили современные эмпирики [2]). Аристотель все время

[1]) G, I. 173—174.

[2]) Вотъ высказанныя въ письмѣ соображенія Лейбница объ опытѣ и въ связи съ этимъ, о логикѣ опредѣленій и комбинацій. «Я нѣсколько разъ, пишетъ Лейбницъ, спрашивалъ ученыхъ врачей, отъ чего это зависитъ,

занималъ Лейбница, и онъ не могъ его не занимать: съ Аристотелемъ тогда считались всѣ: считался Конрингъ, считался Як. Томазій. Въ письмѣ къ послѣднему Лейбницъ, подчеркивая, что его Новая физическая гипотеза по краткости доступна только людямъ, привычнымъ къ формуламъ новѣйшей философіи, старается показать сходство своихъ мыслей съ мыслями Аристотеля. „У меня мой эфиръ, говоритъ онъ, повидимому, особенно не отличается ни отъ аристотелевскаго, ни отъ твоего; развѣ только мнѣ кажется, что онъ не легокъ, ни тяжелъ, но что въ его колебаніи заключается причина тяжести и вмѣстѣ эластической силы, магнетическихъ направленій и большинства другихъ явленій природы; круговое же движеніе ему придается свѣгомъ, и, я думаю, это согласно и съ разумомъ и съ Аристотелемъ“ [1]). Лейбницу кажется достоинствомъ въ его гипотезѣ, что она согласуется

что, когда найдено кровообращеніе и столько новыхъ сосудовъ, когда установленъ другой распорядокъ въ тѣлѣ, приняты совсѣмъ новыя причины болѣзней, методъ леченія всетаки остается старый? Они мнѣ признались что искусство врачеванія, практиковавшееся до сихъ поръ, поскольку оно имѣло пользу и плоды, было все сплошь эмпирическимъ, независящимъ отъ созерцанія причинъ, но зависящимъ отъ опыта, отчего теперь, съ измѣненіемъ взгляда на причины, удерживаются старыя средства.... Афоризмы Гиппократа не суть теоремы, выведенныя изъ причинъ. но наблюденія, сдѣланныя на основаніи опытовъ или черезъ индукцію. Отъ этого и не найдешь теперь человѣка, который не хвастался бы, что онъ указалъ ихъ причины. Я не сомнѣваюсь, что въ древней медицинѣ открыто много хорошихъ плодовъ, но кто ихъ разоблачилъ, кто привелъ къ формѣ знанія? Ученіе объ искусствѣ доказательствъ, конечно, не должно быть отнимаемо у англичанъ. Искусство доказательства все состоитъ въ искусствѣ опредѣленій и въ искусствѣ комбинацій. Вѣдь доказательство есть ничто иное, какъ цѣпь опредѣленій. Въ искусствѣ опредѣленія, я не знаю, можетъ ли быть кто нибудь сравненъ съ Томой Гоббесомъ на протяженіи многихъ вѣковъ, кромѣ Аристотеля, древнихъ юристовъ, Цезаря, Скалигера и Якова Куяція. Онъ, мнѣ кажется, доказалъ такъ много прекрасныхъ теоремъ, какъ самъ Аристотель, кромѣ математиковъ и древнихъ юристовъ изъ всѣхъ людей будучи самымъ доказательнымъ. Декартомъ также придумано много прекраснаго, чего не приходило въ голову никому изъ древнихъ«. Ib. 174.

[1]) G. I, 37.

также съ положеніями Коперника и съ Тихо де Браге. „Я особенно прошу тебя, пишетъ Лейбницъ, обратить серьезное вниманіе на то, думаешь ли ты, что, принявъ эту гипотезу, можно сохранить всѣ явленія тѣлъ при однѣхъ величинѣ, фигурѣ и движеніи, помимо другихъ качествъ“? [1]) Лейбницу хочется знать о гипотезѣ мнѣніе Як. Томазія и другихъ ученыхъ. Онъ проситъ сообщать о ней, кому случится, и въ то же время самъ отправляетъ, иногда даже прилагая гипотезу, цѣлый рядъ относящихся къ ней писемъ. 18 іюня 1671 года онъ отправляетъ Ольденбургу объясненіе одного опыта изъ области магнитизма [2]), а дня черезъ четыре посылаетъ библіотекарю въ Парижѣ, Каркави, резюме своего сочиненія. 17 августа онъ дѣлаетъ для Каркави его анализъ. Наконецъ, въ тотъ же день 17 августа 1671 года, Лейбницъ пишетъ длинное письмо Герике, извѣстному изобрѣтателю Магдебургскихъ полушарій. Въ этомъ письмѣ, отвѣчая на критику Герике, которой этотъ ученый подвергъ Новую физическую гипотезу съ точки зрѣнія своего собственнаго ученія о пустомъ пространствѣ, Лейбницъ указываетъ на шесть пунктовъ, которые Герике оставилъ въ своей критикѣ не совсѣмъ ясными, въ особенности же на понятіе пространства. „Если эта субстанція, говоритъ Лейбницъ, проникаетъ все, то она, конечно, неподвижна, ибо причиною движенія служитъ единственно та цѣль, чтобы не послѣдовало прониканія, и поэтому одно при столкновеніи съ другимъ должно ослабѣвать или оба должны оставаться въ покоѣ. Далѣе, если такая субстанція неподвижна, то она неспособна ни къ какой страдательности, ни къ какому воспріятію, и поэтому никакая міровая сила никоимъ образомъ не получитъ воздѣйствія отъ солнца. Точно также, гдѣ эта субстанція неподвижна, тамъ ничто не можетъ двигаться. Вѣдь ничто не движется, если уже не двинуто,

---

[1]) Ib.

[2]) G. Br. 59—62. Письмо носитъ характеръ спеціальной статьи по физикѣ. Изъ его случайныхъ философскихъ мыслей можно привести слѣдующую: Omnes omnium gentium temporumque philosophi de spiritu quodam Universali seu Anima mundi disseruere, unde vita rebus ratione carentibus et motus: ne Aristotelis quidem loca desunt; at qui Spiritus ejus motum, causamque motus et effecta mechanice exposuerit, notus est mihi nemo». Ib. 59.

кромѣ ума; значитъ, эта субстанція, которую вы называете пространствомъ, не можетъ получить никакого воздѣйствія отъ солнца, чтобы въ свою очередь воздѣйствовать на планеты. Извѣстно изъ опыта, что все, что можетъ испытать или оказать воздѣйствіе, имѣетъ сопротивленіе и должно быть непроницаемо [1])... Другого воздѣйствія нельзя представить, разъ обязанность философовъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать вещи ясными и понятными. Если же эта субстанція, которую вы называете пространствомъ, есть ничто иное, какъ измѣреніе въ три стороны или обычное пространство, то обычное пространство...[2]) должно быть наполнено. Если же оно наполнено, то оно—движущееся тѣло. Вѣдь въ томъ и заключается природа тѣла, что оно заполняетъ мѣсто, а поэтому мѣсто есть нѣчто однородное; оно опредѣляетъ то или другое для наполненія. Если же это пространство есть нѣчто другое, чѣмъ обычное пространство или мѣсто, то длина, ширина и глубина сами по себѣ ничего не значатъ, и оно не можетъ быть средой проходящихъ черезъ него силъ... Можно пренебречь всѣмъ, что говорятъ теперь о силахъ, качествахъ и подобнаго рода вещахъ, при желаніи объяснить это только изъ величины, фигуры и мѣстнаго движенія". Въ подтвержденіе этой критики Лейбницъ излагаетъ вкратцѣ начала своей Новой физической гипотезы [3]) и въ заключеніе отмѣчаетъ

---

[1]) «da denn aus dem conflictu selbst eine gleichsam eingedrückte marque olgt,» добавляетъ Лейбницъ. Ib. 98.

[2]) «welches das es in rerum natura sei, gleichwohl nicht geläugnet werden kann». Ib.

[3]) Ib. 98—99. Это изложеніе имѣетъ значеніе только по отношенію къ письму Герике; оно ad hoc оттѣняетъ нѣкоторые пункты ученія Лейбница, но въ общемъ мало отличается отъ предыдущихъ резюмирующихъ изложеній. Вотъ то, что касается системы міра и что Лейбницу удалось, кажется, изложить особенно ясно. «Я ставлю солнце, пишетъ Лейбницъ, въ серединѣ нашего планетнаго міра и допускаю, что всѣ планеты движутся вокругъ своего центра. Я вѣрю при этомъ, что все остальное пространство необходимо наполнено тонкимъ тѣломъ, всѣ части котораго покоятся въ самихъ себѣ и, слѣдовательно, не зависятъ другъ отъ друга, (ибо ни одна не имѣетъ усилій по отношенію къ своей сосѣдней). Такимъ образомъ, все заполнено... Теперь, такъ какъ солнце вертится вокругъ своего центра (и также, можетъ быть, испускаетъ лучи, благодаря внутреннему кипѣнію

различіе между нею и гипотезой Герике. „Различіе между моей и вашей гипотезой, пишетъ онъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что среда перехода движеній на равстояніи, по вашему, есть неподвижное пространство, а по моему эфиръ, безъ сомнѣнія, двигающійся, тонкій и проникающій поры всѣхъ вещей (но не самыя вещи). Благодаря его движенію можно найти причину всѣхъ міровыхъ тѣлъ“ [1]).

Такимъ образомъ, критика положеній Герике и сравненіе, сдѣланное Лейбницемъ по отношенію къ двумъ гипотезамъ, яснѣе, чѣмъ прежде, подчеркнули основы его физики. Въ соединеніи съ соображеніемъ о мѣстномъ движеніи, какъ исходномъ пунктѣ, и съ параллелью Аристотелю въ письмѣ къ Томазію, разъясненія переписки Лейбница по поводу Новой физической гипотезы можно считать существенными. Идея о мѣстномъ движеніи по своему будущему была, можетъ быть, особенно плодотворна.

Обзоръ работъ.

Интересъ разъясненія Новой физической гипотезы, какъ всегда у Лейбница, не былъ единичнымъ интересомъ. Въ августѣ 1671 года онъ пишетъ Портнеру и затѣмъ одному изъ друзей по вопросамъ права [2]). Около того же времени, вѣроятно, въ сентябрѣ, онъ набрасываетъ замѣтку по оптикѣ [3]), затѣмъ работаетъ надъ постройкой ариѳметической машины и надъ пневматическимъ прессомъ. 5 октября онъ посылаетъ Фогелю письмо, гдѣ, приводя благопріятный отзывъ Валлиса о своей гипотезѣ, касается

такъ что излучаетъ тончайшія тѣла), то оно движетъ и весь вокругъ лежащій эфиръ, на подобіе того, какъ шаръ въ водѣ вертитъ вокругъ своего центра всю воду.... при этомъ чѣмъ дальше вода отъ центра или двигающагося шара, тѣмъ медленнѣе движеніе... Значитъ, планеты должны вращаться съ вращающимся солнцемъ медленнѣе или быстрѣе, сообразно съ разстояніемъ, но одна ближе чѣмъ другая, сообразно величинѣ... Затѣмъ идутъ маленькія планеты ближе къ солнцу. Впрочемъ, причины пропорціональности можетъ быть еще пока не точно установлены». Ib. 99.

[1]) Ib. 101.

[2]) D. IV, 3, 230: Epistola ad amicum de naevis et emendatione jurisprudentiae romanae. Также Kritischer Catalog, № 795.

[3]) D. III. 14.

физики и математики [1]). Это разнообразіе интересовъ отразилось, наконецъ, въ большомъ письмѣ въ герцогу Іоанну Фридриху, вылившись тугъ какъ бы въ единый концептъ. Письмо это, по словамъ Фуше де Карейля, является „инвентаремъ“ знаній Лейбница [2]). Въ немъ имѣется обзоръ работъ молодого философа, а затѣмъ кое какія автобіографическія свѣдѣнія. „Я былъ принужденъ, пишетъ Лейбницъ герцогу, изучать философію и право почти по собственному усмотрѣнію и въ 17 лѣтъ былъ магистромъ, а въ 21 годъ докторомъ правъ... Я старался проникнуть до основаній въ этихъ и другихъ наукахъ, надѣясь найти въ теологіи, правѣ и серьозной философіи нѣкоторыя вещи, къ которымъ принадлежитъ также обработка вопросовъ по государству въ гражданскомъ и литературномъ отношеніи“ [3])...

„Въ философіи, продолжаетъ Лейбницъ, я нашелъ средство во всѣхъ знаніяхъ посредствомъ искусства комбинацій осуществить то, что, благодаря алгебрѣ и анализу, Декартъ и другіе сдѣлали въ ариѳметикѣ и геометріи. Этимъ искусствомъ занимались Луллій и Кирхнеръ, но они были далеки отъ того, чтобы видѣть его глубину. Посредствомъ этого искусства всѣ сложныя понятія цѣлаго міра сводятся къ немногимъ простымъ, которыя есть какъ бы ихъ алфавитъ. Изъ комбинацій по такому алфавиту со временемъ опять можно будетъ найти всѣ вещи вмѣстѣ съ ихъ теоремами и съ тѣмъ, что въ нихъ можно открыть обычнымъ методомъ. Это изобрѣтеніе, если оно, съ помощью Божіей, будетъ использовано, я сочту матерью всѣхъ открытій, однимъ изъ самыхъ важныхъ“ [4])...

„Въ естественной философіи я, можетъ быть, первый вполнѣ доказалъ, что земля движется, что пустое пространство дано путемъ геометрическихъ доказательствъ, а не черезъ опытъ, ибо такого опыта нѣтъ. Я доказалъ также нѣсколько

---

[1]) D. 5, 541

[2]) Mémoire sur la philosophie de Leibniz. Vol. I. p. 70.

[3]) G. I, 57.

[4]) Лейбницъ прибавляетъ: «ob sie gleich das ansehen noch zur zeit nicht haben mag. Ich habe dadurch alles was erzehlet werden soll, gefunden, und hoffe noch ein mehrers zu wege zu bringen». Ib. 58.

положеній о природѣ движенія, которыя никому не приходили въ голову.

„Я опубликовалъ гипотезу, которая такъ ясно и легко объясняетъ причины почти всѣхъ главныхъ явленій природы, что ее оцѣнили даже чужеземцы; одинъ почтенный человѣкъ изъ общества іезуитовъ, извѣстный ученый [2]), написалъ, напримѣръ, мнѣ изъ Италіи, что онъ никогда не видалъ болѣе содержательной гипотезы. Изъ Англіи я также имѣю благопріятные отзывы.

„Въ математикѣ и механикѣ посредствомъ artis combinatoriae я нашелъ нѣкоторыя вещи, стоющія въ практической жизни не малаго вниманія, и прежде всего ариѳметическую машину...., которая безъ труда позволяетъ складывать, вычитать, умножать, дѣлить и извлекать квадратные и кубичные корни изъ данныхъ чиселъ“ [3]). Лейбницъ пишетъ герцогу, что онъ изобрѣлъ также одинъ геометрическій инструментъ для пропорціональнаго дѣленія, годный для практическаго рѣшенія вопроса о квадратурѣ круга. Лейбницъ, по его собственнымъ словамъ, сдѣлалъ также открытія въ морскомъ дѣлѣ, гидростатикѣ и пневматикѣ [1]). Переходя къ области практической дѣятельности, Лейбницъ говоритъ, что онъ трудился также надъ составленіемъ „Элементовъ естественнаго права“, „Элементовъ римскаго права“ и „Зерна римскихъ законовъ“, при чемъ даже процессъ былъ затронутъ имъ на пути изслѣдованій.

„Въ естественной теологіи, пишетъ Лейбницъ, я могу доказать изъ природы движенія, обнаруженной мною въ физикѣ, что въ тѣлахъ, взятыхъ сами по себѣ, не можетъ быть движенія, если сюда не присоединяется умъ; что должно

---

[2]) По мнѣнію Герхардта, это былъ Онорé Фабри. Ib.

[3]) Ib.

[1]) Вотъ что, по его собственнымъ словамъ, сдѣлалъ Лейбницъ новаго въ области перечисленныхъ наукъ: 1 Онъ построилъ оптическія трубы трехъ родовъ, напр, катодіоптрическія, соединяющія въ себѣ зеркало и перспективу. 2. Онъ открылъ средство опредѣлять положеніе корабля на водѣ, не прибѣгая къ солнцу и звѣздамъ. Для увѣренности въ этомъ средствѣ ему недоставало только сдѣлать опытъ. 3. Онъ возобновилъ забытое открытіе Дребелія скрываться mit einem Schiff unters Wasser bey Sturm 4. Онъ нашелъ средство сжимать воздухъ въ пріемникѣ въ 1000 разъ больше, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ, откуда получалась сила, превосходящая силу пороха.

быть послѣднее основаніе вещей или всеобщая гармонія, т. е. Богъ; что эта гармонія не есть причина грѣха, но грѣхи сами должны влечь за собой наказанія и воздаянія сообразно всеобщей гармоніи, хотя подобно оттѣнкамъ и вновь добавленнымъ опредѣленіямъ, они создаютъ картину, а гармонія — болѣе пріятный тонъ. Я доказалъ, что умъ безтѣлесенъ, дѣйствуетъ въ самомъ себѣ, что нѣтъ никакого дѣйствія, которое было бы въ самомъ себѣ движеніемъ, что нѣтъ никакого дѣйствія тѣла, кромѣ движенія, почему умъ не есть тѣло; что умъ состоитъ въ точкѣ или центрѣ и поэтому недѣлимъ, неразрушимъ, безсмертенъ. Какъ въ центрѣ сбѣгаются всѣ лучи, такъ въ умѣ сходятся по нервамъ всѣ чувственныя впечатлѣнія; значитъ, умъ есть маленькій, заключенный въ одномъ пунктѣ міръ, такъ же состоящій изъ этихъ идей, какъ центръ изъ угловъ, ибо уголъ есть часть центра, хотя центръ недѣлимъ, въ силу чего вся природа ума можетъ быть объяснена геометрически“ [1]). Естественную теологію Лейбницъ отожествляетъ съ философіей. Въ теологіи откровенія Лейбницъ также обнаружилъ предпріимчивость. Онъ хотѣлъ показать возможность тайнъ Троичности, воплощенія и Евхаристіи [2]).

„Въ силу принциповъ здравой философіи, пишетъ Лейбницъ, во всякомъ тѣлѣ необходимо дань внутренній принципъ безтѣлесный и субстанціальный, отличный отъ его матеріи (a mole). Это есть то, что древніе и схоластики называли субстанціей, хотя не могли объяснить ясно, и еще менѣе доказать свое мнѣніе. Я хочу... показать, продолжаетъ Лейбницъ, что этотъ принципъ въ одно и то же время можетъ быть во многихъ мѣстахъ и подъ весьма различными видами, почему онъ объясняетъ не только реальную наличность, но и транссубстанціацію, о которой Арно боялся говорить“ [1]).

---

[1]) Ib. 61.

[2]) Лейбницъ ссылается на предшественниковъ: ists Cartesio, Magnano, Digbaeo und Thomae Anglo, Borello, Bonarti und etlichen andern gar übel gangen, die Eucharistiae mysteria cum philosophia emendata conciliiren wollen. Daherr Arnaldus, ob er wohl Philosophiae emendatae scientissimus, sich noch nicht daran wagen dürffen, wie offt ihm gleich Claude impossibilitatem und contradictionem objicirt. Ib. 62.

[1]) Ib.

Далѣе въ письмѣ Лейбницъ сообщаетъ о своихъ политическихъ проэктахъ, о желательности военнаго движенія на востокъ, о своихъ намѣреніяхъ вообще. „Суть моихъ стремленій, говоритъ онъ,—занять спокойное положеніе, въ которомъ я могъ бы приложить къ усовершенствованію наукъ немного таланта, который далъ мнѣ Богъ. Ни въ какомъ отношеніи для того, чтобы устроиться, я не нахожу лучшей страны, чѣмъ Франція“.. [1]).

Таково письмо Лейбница. Сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли, его содержаніе не особенно богато философскими мыслями, но изъ этихъ мыслей нѣкоторыя оригинальны. Такъ, напр., въ письмѣ выражается прославленная Кантомъ идея, что пространство не дано намъ въ опытѣ. Рядомъ съ этимъ Лейбницъ утверждаетъ, что душа есть микрокосмъ. Эта мысль еще не высказывалась Лейбницемъ такъ, какъ она высказана здѣсь, хотя связь ея съ тѣмъ, что писалъ Лейбницъ въ Grundriss eines Bedenkens, говоря, что мы—зеркало Божьей гармоніи, болѣе чѣмъ очевидна. Въ такой же связи съ одной изъ прежнихъ мыслей, выраженныхъ въ письмѣ къ Конрингу о предопредѣленіи, находится утвержденіе Лейбница объ отношеніи грѣховъ ко всеобщей гармоніи. Эта мысль, не смотря на видоизмѣненіе, является повтореніемъ прежней. Нельзя также не отмѣтить, что Лейбницъ, какъ и раньше, очень высоко ставилъ искусство комбинировать—Ars combinatoria.

Общее значеніе приведеннаго письма въ развитіи философіи Лейбница заключается въ томъ, что оно даже для самого автора намѣчало путь дальнѣйшихъ работъ, показывая, что уже было сдѣлано и чего еще не хватало въ общемъ строѣ системы.

Критика теоріи движенія Декарта.

Вскорѣ послѣ письма къ герцогу Лейбницъ отправилъ письмо къ Ольденбургу. Это было 21 октября 1671 года. Предметъ обмѣна мыслей сосредоточивался на вопросѣ о движеніи. Какъ было уже сказано, Валлисъ благопріятно отозвался о Новой физической гипотезѣ Лейбница, и это сужденіе, обрадовавъ автора, побудило его

---

[1]) Ib. 63—64.

къ новымъ соображеніямъ въ области теоріи движеній. „Я вижу, пишетъ Лейбницъ, что Валлисъ больше всего останавливался на предложеніи: нѣтъ сцѣпленія въ томъ, что покоится. Признаюсь, Декартъ думаетъ совсѣмъ иначе: ему кажется, что тѣламъ для сцѣпленія нѣтъ надобности ни въ какомъ другомъ клеѣ, кромѣ покоя. Я—противъ: этотъ клей есть движеніе“ [1]). Вслѣдствіе такого взгляда на вещи, Лейбницъ дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ сначала по отношенію къ ученію о движеніи Бойля, а потомъ Декарта. Ученіе Бойля о текучести и твердости, по мнѣнію Лейбница, согласуется съ его собственнымъ [2]). Лейбницъ говоритъ, что онъ можетъ доказать четыре слѣдующихъ, зависящихъ другъ отъ друга предложенія: (1) Есть пустота. (2) Что покоится, то—пустое пространство. (3) Что движется, то сцѣплено по линіи движенія. (4) Земля движется. На основаніи этихъ положеній Лейбницъ не могъ не разногласить съ Декартомъ [3]). „Прежде всего, пишетъ Лейбницъ, приступая къ критикѣ мнѣній Декарта, я не согласенъ съ нимъ, что сущность тѣла состоитъ въ протяженіи (а не въ движеніи) и что, поэтому, пространство и тѣло одно и то же, и, значитъ, невозможна пустота. Я полагаю, поэтому, что нѣтъ нужды въ той тонкой матеріи, которая до безконечности актуально себя скрѣпляетъ и выдумана ради одного только наполненія пространства. Я не допускаю также и того, что Декартъ говоритъ, будто движеніе состоитъ только въ измѣненіи сосѣднихъ частей и что не больше слѣдуетъ говорить: при неподвижности неба движется земля, чѣмъ: при неподвижности земли движется небо; вѣдь взаимно мѣняется положеніе обоихъ; значитъ, движется и то и другое. Отсюда слѣдовало бы, что движется также и пустое пространство, каждый разъ какъ его покидаетъ тѣло. И поэтому утвержденіе, что пространство есть тѣло, противо-

---

[1]) G. Br. 70.

[2]) Fateor ego, motu res fieri fluidas, quiete firmas; sed motu irregulari vario, crasso externo, perturbante proprium intestinum, quo cessante restituitur intestinus, id est *quies sensibilis*, seu potius *motus insensibilis conspirans*. Ib.

[3]) quamquam, замѣчаетъ Лейбницъ, de caetero maximi faciam illum virum, cui inter Heroes statuam dedicandam censeo. Ib. 71.

рѣчитъ предыдущему. Я вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаю, что столько же нужно дѣйствія для покоя, сколько для движенія: вѣдь всякое дѣйствіе есть измѣненіе, а у покоющагося нѣтъ измѣненія. Да и не доказано Декартомъ, что въ мірѣ Богъ сохраняетъ всегда одно и то же количество движенія: это отправленіе отъ неизмѣнности Бога очень слабо“ [1]).

Послѣ такой критики сущности и началъ движенія Лейбницъ переходитъ къ критикѣ принятыхъ Декартомъ законовъ природы. „Первый изъ нихъ, говоритъ Лейбницъ, вѣренъ, но не доказанъ Декартомъ“ [2]). Это былъ законъ, гласящій, что какова бы ни была вещь, поскольку она въ себѣ, она всегда пребываетъ въ томъ же положеніи, напр.: что движется, то будетъ двигаться вѣчно [3]). Этотъ законъ, по мнѣнію Лейбница, впервые доказалъ Гоббесъ. Второй законъ движенія вѣренъ, но, думаетъ Лейбницъ, не доказанъ имъ. Этотъ законъ гласитъ, что всякое движеніе само по себѣ прямолинейно и поэтому то, что движется по кругу, всегда стремится отойти отъ центра [4]). Этотъ законъ, говоритъ Лейбницъ, „будетъ доказанъ мною. Въ криволинейномъ движеніи имѣется усиліе итти прямо. Декартъ опять прибѣгаетъ къ неизмѣнности и регулярности Бога. Третій законъ ложенъ и подкрѣпленъ частью плохо понятными опытами, частью слабыми разсужденіями“ [5]). Третій законъ по Декарту гласитъ, что тѣло при встрѣчѣ съ другимъ болѣе сильнымъ, ничего не теряетъ въ своемъ движеніи; при встрѣчѣ же съ менѣе сильнымъ теряетъ столько, сколько въ него вноситъ движенія [6]). Лейбницъ не допускаетъ дальнѣйшихъ утвержденій [7]) Декарта, будто то, что покоится, соединено съ другимъ и заключаетъ въ себѣ силу для сопротивленія тому, что движется и разъединяетъ, а также, что движеніе противоположно не движенію, но покою. „Изъ семи правилъ, которыя имѣетъ 46-ой артикль, говоритъ Лейбницъ, и изъ слѣдующаго я не

---

[1]) Ib.
[2]) Ib.
[3]) Descartes. Principia philosophiae. Pars II. Art. 37.
[4]) Ib. Art. 39.
[5]) G. Br. 71.
[6]) Descartes. Principia. Pars II. Art. 40.
[7]) Ib Art. 42 и 43.

одобряю вообще ни одного. Я не думаю, что величина даннаго непрерывнаго тѣла относится къ вещи. Я отрицаю у покоя силу сопротивленія и не признаю покой чѣмъ-то склеивающимъ“ [1]). Лейбницъ затѣмъ говоритъ о возраженіяхъ, сдѣланныхъ Декарту барономъ Нюландомъ, о томъ, что самъ онъ мало по малу улучшаетъ свою гипотезу, о работахъ Герике, о положеніи оптики, о телескопахъ и микроскопахъ, о магнетизмѣ и рефракціи. Критика Декарта сводилась у Лейбница, такимъ образомъ, къ двумъ пунктамъ: къ отрицанію того, что пространство и тѣло одно и то же, и къ отрицанію декартова пониманія факта столкновенія тѣлъ. Лейбницъ, улучшая свою гипотезу, улучшалъ свои понятія о пространствѣ и тѣлѣ.

Природа тѣлъ. Ихъ отличіе отъ пространства.

Эти улучшенія, обязанныя главнымъ образомъ вдумчивому изученію чужихъ произведеній, выразились у Лейбница, вѣроятно, вскорѣ послѣ приведенной критики Декарта, а можетъ быть одновременно съ нею [2]), въ небольшомъ очеркѣ, который носитъ заглавіе: „Образчикъ доказательствъ о природѣ тѣлесныхъ вещей изъ феноменовъ“ и имѣетъ характеръ спеціальнаго отраженія очень занимавшей Лейбница, еще со времени „Исповѣданія природы противъ атеистовъ“, идеи о различіи тѣла отъ пространства. Лейбницъ начинаетъ разсужденіе по обыкновенію съ предварительныхъ опредѣленій.

„Именемъ вещи, говоритъ онъ, мы охватываемъ то, что является, и даже то, что отсюда можетъ быть мыслимо, такъ какъ, будучи обмануты и не видя ошибки, мы вѣрно говоримъ, что нѣкоторая вещь намъ являлась, и однако не существовала.

„Природа вещи въ самой вещи служитъ причиной ея явленій. Откуда природа вещи различается отъ ея феноменовъ, какъ явленія раздѣльныя отъ смутныхъ, явленія частей отъ явленія положеній или отношеній ко внѣ; такова, напр., плоскость города, перпендикулярно разсматриваемая съ высоты

---

[1]) G. Br. 71.

[2]) Кабитцъ относитъ очеркъ «gegen Ende des Jahres 1671». Kabitz. Op. cit. 141.

расположенной среди него башни [1]). Это сходство мнѣ всегда казалось очень примѣнимымъ къ тому, какъ нужно понимать различіе природы и акциденцій.

„То, что̀ люди называютъ тѣломъ, должно быть старательно изслѣдовано, ибо его ясная и раздѣльная идея образуетъ для насъ входъ въ доказательства. Прежде всего извѣстно, что люди ничего не называютъ тѣломъ, чего не считаютъ протяженнымъ. Допускаютъ это однако всѣ, думая такъ, что если гдѣ есть одно только пустое протяженіе, то тамъ нѣтъ никакого тѣла, но есть пустое пространство, и всѣ думаютъ, что по удаленіи тѣла пространство остается, когда другое тѣло вступаетъ на его мѣсто, даже если бы ощущали противоположное... Тѣло мыслятъ каждый разъ, когда, кромѣ пространства, т. е. одного только протяженія, мыслятъ существованіе чего-то другого, что является, ибо никогда не является одно только протяженіе. Оно представляется въ соединеніи съ нѣкоторымъ цвѣтомъ или усиліемъ, либо бываетъ облечено сопротивленіемъ или другимъ какимъ нибудь качествомъ. Съ перваго взгляда никому не приходитъ въ голову, что тѣло есть видъ протяженія. Почему это не должно быть принимаемо на вѣру, не больше, чѣмъ извѣстное положеніе, что всѣ измѣненія тѣлъ есть мѣстныя движенія. Но это должно быть доказано“ [2]).

„Пространствомъ люди называютъ нѣчто такое, что мыслятъ протяженнымъ, но они не мыслятъ ничего, кромѣ

---

[1]) «ab aspectibus horisontalibus prope infinitis, quibus viatorum ab alia atque alia plaga venientium oculos varie ludit», добавляетъ Лейбницъ. Kabitz. Ib. Примѣръ этотъ уже былъ приводимъ Лейбницемъ.

[2]) Ib. 141—142. Далѣе Лейбницъ говоритъ: «Итакъ, мы мыслимъ тѣло всякій разъ, какъ мыслимъ, что гдѣ нибудь есть протяженіе, и вмѣстѣ мы мыслимъ явленія. Мы можемъ, конечно, мыслить, что есть нѣкоторыя тѣла, которыхъ мы не ощущаемъ. Но мы думаемъ, что всѣ они неощущаемы, либо, при случаѣ, отъ положенія, либо отъ чрезмѣрной величины или малости, такъ какъ мы въ силу этихъ причинъ даже говоримъ, что тѣла, о которыхъ мы думаемъ, какъ объ ощущеніяхъ, ощутимы въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, хотя бы не было никакой перемѣны въ насъ самихъ, но только во внѣ... Подобнымъ образомъ мы думаемъ, что ощутили бы рыбъ на днѣ моря, еслибы могли туда спуститься, почему мы и думаемъ, что онѣ есть».

того, что оно неподвижно при измѣненіи всего остального, т. е. что оно ощущается при уничтоженіи и началѣ... Пространство есть нѣчто протяженное, что́ мы чувствуемъ такъ, что не можемъ думать, что оно мѣняется“ [1]). Таковы предварительныя опредѣленія, данныя Лейбницемъ для понятій вещи, тѣла и протяженія или пространства. Далѣе Лейбницъ трактуетъ о связи тѣла и пространства, чтобы подойти затѣмъ къ ихъ различію. „Тѣло, пишетъ Лейбницъ, есть нѣчто въ пространствѣ [2])... что́ мы ощущаемъ, какъ такое, чего безъ нѣкотораго пространства не можемъ мыслить; пространство же мы можемъ мыслить безъ него.

„Но можетъ ли быть мыслимо пространство безъ всякаго тѣла? Можетъ, но подобно тому, какъ могутъ быть мыслимы Богъ, умъ, безконечное. Ихъ знаютъ, и затѣмъ мыслятъ, но безъ воображенія. Мы мыслимъ пространство въ тѣлѣ, но такъ какъ мы мыслимъ то же самое пространство при измѣненіи тѣлъ, то мы чувствуемъ, что пространство и тѣло различны“ [3]).

Это различіе Лейбницъ обосновываетъ спеціально. „Мы чувствуемъ, говоритъ онъ, что мыслимъ одно и то же пространство при измѣненіи тѣлъ А то, что мы чувствуемъ, что мы мыслимъ или не мыслимъ—это мы чувствуемъ вѣрно. Вѣдь есть чувство мышленія, непосредственно свойственное самому мышленію въ томъ же субъектѣ, и такимъ образомъ нѣтъ никакой причины для ошибки. Значитъ, вѣрно, что мы мыслимъ одно и то же пространство при измѣненіи тѣлъ, и поэтому пространство можно мыслить безъ тѣла, которое въ немъ. Но то, одно изъ чего можетъ мыслиться безъ другого, различно. Значитъ, пространство и тѣло различны“ [4]). Доказательство тожественности пространства и его независимости отъ тѣлъ, основанное на непосредственной достовѣрности сознанія, подаетъ поводъ Лейбницу показать разницу въ мето-

[1]) Лейбницъ поясняетъ эту мысль: «hoc tamen neque desinere neque incipere sentiri, sed semper sentiri, modo scilicet attendant sentientes (id est sentire velint) et facultatem sentiendi retineant seu sentire possint. Imo putant aliter se sentire non posse vel etiamsi voluerint nunquam cogitasse quam aliquid quod si attenderent, mutari nunquam sentiretur». Ib. 142.

[2]) id est aliquid à spatio aliquo non distans. Ib.

[3]) Ib.

[4]) Ib. 143

дахъ, которымъ пользуется онъ и которымъ пользовался Декартъ при доказательствѣ бытія Божія. „Это доказательство, говоритъ Лейбницъ, не то, которое было у Декарта, когда онъ пытался изъ идеи своего ума доказать существованіе Бога... Разсужденіе Декарта сводится къ слѣдующему. Я мыслю (ясно и раздѣльно) совершенное существо. Что я мыслю (ясно и раздѣльно), то возможно. Значитъ, совершенное существо возможно. Далѣе, если возможно что либо такое, безъ чего оно не можетъ мыслиться, (т. е. то, безъ чего оно невозможно), то—необходимо. А совершенное существо не можетъ быть мыслимо безъ своего существованія. Значитъ, существованіе совершеннаго существа необходимо. Совершенное существо есть Богъ. Значитъ, существованіе Бога необходимо.

„Можно было даже короче изложить это такъ: есть возможное существующее существо, безъ котораго не можетъ быть возможнаго; оно необходимо; существующаго существа не можетъ быть безъ существованія. Значитъ, существованіе существующаго существа необходимо. Кто сталъ бы это отрицать? Но кто также вывелъ бы отсюда, что есть Богъ, т. е. то, что уже принято. Очевидно, что къ этому же сводится все разсужденіе Декарта. Вѣдь онъ потому только говоритъ: Богъ совершенъ, что полагаетъ въ этомъ предложеніи содержаніе слѣдующаго: Богъ есть. Въ то же время однако, когда этимъ содержаніемъ онъ еще не доказалъ существованія Бога—именно Богъ ужъ есть—онъ занимается вопросомъ, есть ли Богъ“ [1]). Лейбницъ такимъ образомъ обвиняетъ Декарта въ petitio principii. „Наше разсужденіе, говоритъ онъ, совсѣмъ другого рода, хотя къ истинѣ вещей оно и отправляется отъ идеи нашего ума. Оно опирается на два слѣдующихъ положенія: что воспринимается ясно и раздѣльно, то возможно, и что непосредственно чувствуется, то истинно, или что умъ чувствуетъ въ себѣ, то онъ чувствуетъ истинно; отсюда, если бы умъ видѣлъ во снѣ, что онъ мыслитъ, то онъ мыслилъ бы уже истинно; но не такъ, что если бы онъ видѣлъ во снѣ, что онъ видитъ, то онъ видѣлъ бы. Значитъ, когда я чувствую, что ясно и раздѣльно мыслю одно и то же пространство при измѣненіяхъ ума, то я чувствую истин-

[1]) Ib.

но. Что я чувствую ясно и раздѣльно, то возможно; значитъ, то же самое пространство возможно при измѣненіи тѣла. Итакъ, пространство и тѣло различны.

„Въ своемъ мѣстѣ будетъ дано другое доказательство, взятое изъ явленій, которое люди, привыкшіе къ фигурамъ, легче поймутъ. Изъ тѣхъ движеній, которыя мы ощущаемъ, будетъ показано, что есть пустота; если же есть пустота, то пространство всячески различно отъ тѣла“ [1]). Очеркъ заканчивается опредѣленіями протяженія, величины и непрерывнаго.

„Такъ какъ мы положили, пишетъ Лейбницъ, пространство въ опредѣленіи тѣла и протяженіе въ опредѣленіи пространства, то протяженіе должно быть объяснено, какъ и разстояніе“ [2]).

„Протяженіе есть величина непрерывнаго, такъ какъ оно простирается до тѣхъ поръ, до которыхъ относится къ какому нибудь времени.

„Величина есть множество частей.

„Непрерывное есть цѣлое, между любыми частями котораго существуютъ другія его части“ [3]).

Изложенный очеркъ, только отчасти соотвѣтствующій своему заглавію, прежде всего любопытенъ, какъ документъ, свидѣтельствующій о новыхъ успѣхахъ Лейбница въ дѣлѣ изученія и критики философіи Декарта. Критика физики Декарта въ основныхъ чертахъ была намѣчена. Слѣдовала критика теоріи познанія. Результаты этой критики и предложены въ „Образцѣ доказательствъ о природѣ тѣлесныхъ вещей изъ феноменовъ“. Лейбницъ принимаетъ выдвинутый Декартомъ критерій ясности и раздѣльности въ мышленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что природа вещей сама въ себѣ заключаетъ причину ея развитія. Эта мысль есть основа всей философской системы Лейбница, поскольку она выражена въ Монадологіи. Знаніе понятій отличается ясностью, знаніе явленій—смутностью. Поэтому вполнѣ понятно, что мы долж-

---

[1]) Ib. 143—144.

[2]) «quia, прибавляетъ Лейбницъ, indistantiae facta mentio est in definitione corporis». Ib. 144.

[3]) Слѣдующее за этимъ весьма любопытное опредѣленіе Лейбница осталось, повидимому, неокопченнымъ: *Interjectum* aliquid est inter duo si distantiae ejus à singulis simul sumtae constituunt distantiam duorum... Ib.

ны мыслить тѣло, какъ протяженіе плюсъ явленія. Критерій истины Декарта раздвоенъ Лейбницемъ и, такъ сказать, пополненъ и исправленъ въ своемъ раздвоеніи. Подобнымъ же образомъ углубилъ Лейбницъ и вопросъ о достовѣрности сознанія. То, что существуетъ въ сознаніи, по мнѣнію Лейбница, достовѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ расчленяетъ понятіе cogitatio. Съ одной стороны, въ мышленіи есть то, что воспринимается ясно и раздѣльно, съ другой стороны, оно заключаетъ въ себѣ непосредственность переживаній [1]). Воспріятія соединяются съ категоріей возможности, переживанія—съ категоріей истины. Отсюда для Лейбница даже состояніе сна отличается истинностью переживаній, а тѣмъ болѣе существованіе пространства, какъ содержаніе актовъ мышленія. На такихъ основаніяхъ Лейбницъ отвергаетъ доказательство бытія Божія изъ идеи совершеннѣйшаго существа, предупредивъ въ этомъ отношеніи Канта [2]). Молодой философъ, изучая Декарта, шелъ дальше. Что касается остальныхъ мыслей очерка, то слѣдуетъ отмѣтить требованіе доказать, что всѣ измѣненія выводятся изъ мѣстнаго движенія, о которомъ такъ часто говорилъ Лейбницъ, и затѣмъ утвержденіе, что вещи различны, если могутъ быть мыслимы одна безъ другой.

Параллель между Аристотелемъ и Декартомъ.

Очень возможно, что около того же времени, когда былъ написанъ только что изложенный очеркъ, Лейбницъ, продолжая критическое изученіе философіи Декарта и вмѣстѣ съ тѣмъ желая лучше отграничить свои собственныя пріобрѣтенія отъ чужихъ успѣховъ, набросалъ небольшую замѣтку, въ которой провелъ параллель между взглядами на матерію, высказанными Декартомъ и Аристотелемъ. Эта замѣтка имѣетъ значеніе не

---

[1]) Такъ въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ здѣсь понимать глаголъ sentire. По крайней мѣрѣ, иначе трудно во всемъ ея объемѣ понять фразу: quicquid mens sentit in se, vere sentit. На этомъ основаніи я между прочимъ не могу согласиться съ Кабитцемъ, что доказательства у Лейбница сводятся auf die Empfindung als Garanten der Wirklichkeit eines Gedachten und als solchen, bloss Möglichen... Kabitz. Op. cit. 47. См. ниже, стр. 210.

[2]) «Was Kant später gezeigt hat, das zeigt er schon hier: aus der Idee des Vollkommenen Wesens kann nicht auf seine Existenz geschlossen werden, weil das Merkmal der Existenz gar nicht in ihr mit enthalten ist.» Ib. 46.

только какъ параллель, но и какъ фактъ, свидѣтельствующій о неутомимой работѣ Лейбница въ дѣлѣ расширенія и углубленія найденныхъ имъ принциповъ.

„Первая матерія Аристотеля, говоритъ Лейбницъ, представляетъ одно и то же съ тонкой матеріей Декарта. Та и другая дѣлимы до безконечности; та и другая сама по себѣ лишена формы и движенія; та и другая получаетъ формы отъ движенія; та и другая имѣетъ движеніе отъ ума; та и другая образуетъ нѣкотораго рода круговыя движенія, и плотности въ вихряхъ Аристотеля не больше, чѣмъ въ вихряхъ Декарта; та и другая имѣютъ плотность отъ движенія, такъ какъ движенія ничто не смущаетъ, хотя самъ Декартъ не объяснилъ эту причину плотности. Всякое вращательное движеніе распространяетъ дѣйствіе путемъ выраженія движенія, благодаря сплошности матеріи, на другое вращательное движеніе. Вѣдь и Аристотель не менѣе, чѣмъ Декартъ или Гоббесъ, полагаетъ, что всѣ частныя явленія происходятъ отъ одного только движенія міровыхъ вращеній. Отсюда Аристотель приписываетъ пониманіе только главнымъ вращеніямъ, такъ какъ изъ столкновенія этихъ вращательныхъ движеній вытекаютъ дѣйствія прочихъ. Ошибка Аристотеля въ томъ, что онъ сдѣлалъ землю центромъ міра и всѣхъ вращательныхъ движеній. Но это слѣдуетъ ему извинить потому, что философія еще не была достаточно богата наблюденіями“ [1]).

Такъ сравниваетъ Лейбницъ Аристотеля съ Декартомъ. „Къ этому, продолжаетъ онъ, я теперь прибавлю, что первая матерія, когда покоится, есть ничто. И это есть то самое, что смутно утверждали нѣкоторые схоластики, именно, что первая матерія заимствуетъ существованіе отъ формы. Этому есть доказательство, ибо что не ощущается, то — ничто, а въ чемъ нѣтъ разнообразія, то не ощущается. Подобнымъ образомъ: если бы первая матерія двигалась однообразно, т. е. по параллельнымъ линіямъ, то она покоилась бы, и, значитъ, была бы ничѣмъ. Все полно, такъ какъ первая матерія и пространство одно и то же. Слѣдовательно, всякое движеніе кругообразно, либо сложено изъ кругообразныхъ,

[1]) G. VII, 259.

либо, по меньшей мѣрѣ, есть движеніе, возвращающееся въ себя. Большинство кругообращеній препятствуютъ сами себѣ взаимно, т. е. дѣйствуютъ на себя взаимно. Большинство кругообращеній усиливаются слиться въ одно, т. е. всѣ тѣла стремятся къ покою, иначе—къ уничтоженію. Если бы тѣла не обладали умомъ, то не было бы возможно вѣчное движеніе [1]). Изъ всеобщихъ сталкивающихся кругообращеній происходятъ частныя, т. е. тѣла. Матерія въ актѣ раздѣлена на безконечныя части. Въ любомъ данномъ тѣлѣ существуетъ безконечное число твореній. Всѣ тѣла связаны между собой. Все ото всего отторгнуто, но не безъ сопротивленія. Нѣтъ атомовъ, т. е. тѣлъ, части которыхъ никогда не расторгаются. Есть два принципа, по которымъ измѣняется движеніе: сложеніе усилій и сложеніе“..... На этомъ обрывается замѣтка. По словамъ Герхардта, отъ дефекта бумаги нельзя прочесть одного слова и двухъ строкъ [2]). Это однако не мѣшаетъ приведенному документу отличаться извѣстной законченностью. Мысли въ немъ выражены достаточно ясно, чтобы ихъ можно было сопоставить съ идеями, которыя были высказаны Лейбницемъ раньше. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно вспомнить то, что Лейбницъ писалъ объ Аристотелѣ въ Новой физической гипотезѣ (§ 56). Тамъ, говоря о сходствѣ идей Аристотеля съ идеями новаго времени, Лейбницъ приводилъ начатки параллели, которую выразилъ здѣсь вполнѣ по отношенію къ главнѣйшему представителю новой философіи, Декарту. Въ изложенной замѣткѣ параллель дана не ради примѣра, какъ въ Новой физической гипотезѣ, но съ цѣлью служить суммой положеній, отъ факта которыхъ можно отправляться дальше. Имѣя передъ глазами этотъ фактъ, Лейбницъ добавляетъ къ нему то, что ему кажется важнымъ. Впрочемъ, глаголъ adjungo, который употребляетъ Лейбницъ для означенія своихъ добавленій, нужно понимать относительно. Не все изъ того, что приводится Лейбницемъ, принадлежитъ ему самому. Вліяніе Декарта сказывается сильно. Это сдѣлается очевиднымъ, если сопоставить содержаніе конца разбираемой замѣтки съ тѣмъ, что даетъ Декартъ въ 46 параграфѣ III части своихъ Principia, гдѣ говорится

[1]) «potest diminui sine fine», добавляетъ Лейбницъ въ оригиналѣ.
[2]) Ib. 260.

о матеріи, какъ о чемъ то дѣлимомъ и раздѣленномъ [1]). Такъ какъ, по точному смыслу ученія Аристотеля, такимъ образомъ понимать первую матерію едва ли можно, то невольно напрашивается вопросъ, вѣрно ли и въ другихъ отношеніяхъ изложилъ Лейбницъ въ замѣткѣ космическую физику великаго Стагирита? Изъ сочиненія Аристотеля De coelo можно видѣть, что Аристотель признавалъ два рода движеній: круговое и прямолинейное [2]), и вмѣстѣ съ этимъ два рода тѣлъ, при чемъ каждому роду, т. е. эфиру и элементамъ—землѣ, водѣ, воздуху и огню—приписывалъ спеціальное движеніе: эфиру—круговое, а элементамъ—прямолинейное. Аристотель думалъ, что всѣ физическія тѣла и величины сами по себѣ движутся въ пространствѣ и природа движенія является въ нихъ началомъ [3]).

Затѣмъ, по Аристотелю, элементы въ общемъ составляютъ цѣлое [4]), міръ—единъ [5]), имѣетъ форму шара, а въ центрѣ послѣдняго находится земля. Движеніе въ мірѣ начинается съ области эфира; будучи тамъ круговымъ, на землѣ отъ прямолинейныхъ движеній элементовъ оно принимаетъ смѣшанный характеръ. Приведенные факты почти совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ объ Аристотелѣ Лейбницъ. На это слѣдуетъ обратить вниманіе хотя бы ради значительнаго сходства съ положеніями Новой физической гипотезы. Можно

---

[1]) «Ex antedictis jam constat, omnium mundi corporum unam et eandem esse materiam, in quaslibet partes divisibilem, ac jam reipsa in multas divisam, quae diversimodè moventur, motusque habent aliquo modo circulares»... Oeuvres de Descartes publiées par C. Adam и P. Tannery. VIII. Paris. 1905. p. 100.

[2]) *πᾶσα δὲ κίνησις ὅση κατὰ τόπον, ἣν καλοῦμεν φορὰν, ἢ εὐθεῖα ἢ κύκλῳ ἢ ἐκ τούτων μικτή.* De coelo. 1, 2. 268 b. 16—17.

[3]) Ib. 268 b. 16.

[4]) Это ясно хотя бы изъ того, что Аристотель говоритъ *φανερὸν ὅτι κύκλῳ τε ἔσται ἡ γένεσις τοῖς ἁπλοῖς σώμασι.* De generatione et corruptione. B. 4. 331 b, 2.

[5]) *τὸ γὰρ ὅλον καὶ τὸ πᾶν εἰώθαμεν λέγειν οὐρανόν.* De coelo. I, 9. 278b. 20—21. *ὥστ' οὔτε νῦν εἰσὶ πλείους οὐρανοὶ οὔτ' ἐγένοντο, οὔτ' ἐνδέχεται γενέσθαι πλείους.* Ib. 279a. 9—10. Также I, 8, 276 a. 16.

думать, что гипотеза была создана подъ вліяніемъ чтеній естественно научныхъ трудовъ Аристотеля. Что касается болѣе самостоятельныхъ мыслей Аристотеля, то изъ нихъ особенно важными въ замѣткѣ нужно, повидимому, считать утвержденіе, что покой есть ничто, потому что ощущеніе безъ движенія невозможно, и что круговыя движенія объясняются заполненностью мірового пространства.

Письмо къ Арно. Основные принципы.

Философія Декарта, которая снова начала поглощать вниманіе Лейбница, помимо физики и теоріи познанія, привлекла это вниманіе еще въ другомъ направленіи, именно на дѣла вѣры. Богословіе, которому много посвящали времени въ религіозномъ XVII вѣкѣ, всегда находилось въ полѣ зрѣнія молодого философа. Движимый религіозными побужденіями, въ ноябрѣ 1671 г. [1]), онъ пишетъ знаменитому картезіанцу Арно длинное письмо, гдѣ предлагаетъ объясненіе Евхаристіи. Подобно тому, какъ это было по отношенію къ Ольденбургу, онъ начинаетъ знакомство заочно и, поэтому, желая предстать въ глазахъ Арно съ лучшей стороны, сообщаетъ ему ad hoc о своихъ занятіяхъ философіей и другими науками; при этомъ онъ отчасти повторяетъ то, что писалъ герцогу Іоанну Фридриху, отчасти излагаетъ вновь содержаніе своихъ печатныхъ трудовъ. Если не по идеямъ, то по концепціи можно найти въ письмѣ нѣчто даже совершенно новое. Главный интересъ письма для Лейбница сосредоточивается на объясненіи Евхаристіи. Лейбницъ недоволенъ извѣстными ему объясненіями. Они противорѣчатъ основнымъ положеніямъ здравой философіи [2]). Правда, въ самой постановкѣ дѣла есть труд-

---

[1]) Kabitz. Op. cit. 77.

[2]) Лейбницу кажутся странными предложенныя объясненія, напр., потому, что ихъ авторы «clamant, putantes seu majus se ipso (idem enim corpus esse in multis locis) corpus datum esse sub quantitate alterius minoris, id est omnibus suis partibus servatis, minus se ipso, cum tamen recentioribus pene persuasum sit, in extensione seu quantitate corporis essentiam consistere. Retentis omnibus qualitatibus substantiam mutari, cum tamen acutioribus philosophis videatur formam substantialem a qualitatibus sola ad sensum relatione differre, ut figura urbis vera ex turri media despecta ab apparentibus infinitis variantibus, prout plaga est, unde extrinsecus aspicitur»,

ность, ибо приходится убѣждать людей разныхъ міропониманій, но всетаки противниковъ можно обезоружить. Лейбницъ даетъ ихъ характеристику. „Одни изъ нихъ, говоритъ онъ, особенно въ дѣлахъ, далекихъ отъ интересовъ обычной жизни, руководствуются авторитетомъ, оставивъ другимъ тонкое изслѣдованіе глубины вещей.. Другіе.., философствуя, ничего не признаютъ изъ того, чего не могутъ воспринять ясно и раздѣльно“ [1]). Послѣдніе ненавидятъ вокабулы; они убѣждены, что древніе играли въ риторику, чтобы сдѣлать тайны вѣры удивительнѣе для черни. Такъ фраза перешла нѣкогда въ догму, которую разрушили усилія позднѣйшихъ схоластиковъ, а затѣмъ Бэкона и Гоббеса. Удивительно, какъ людей можетъ поддерживать философія Декарта! „Вѣдь кто вѣритъ, говоритъ Лейбницъ, что сущность тѣла состоитъ въ протяженіи, тотъ развѣ не вѣритъ, что тѣло никогда не можетъ облечься чужимъ протяженіемъ, при сохраненіи своей субстанціи? Отсюда я думаю, продолжаетъ онъ, что всѣ выпады Декарта въ противоположную сторону притворны и противорѣчатъ факту: таково мнѣніе о Декартѣ ордена іезуитовъ и другихъ орденовъ. Философію Декарта они считаютъ заразой для своей религіи“ [2]). Съ другой стороны можно сказать, что такое мнѣніе ложно. Нужно презирать религію, которая ненавидитъ философію, полагающую за основной принципъ не допускать ничего, чему нѣтъ ясныхъ и отчетливыхъ воспріятій. Теперь нарождается новый вѣкъ философіи. Нужно бороться съ атеизмомъ и появляющимся натурализмомъ, который стремится искоренить и безъ того упавшую христіанскую вѣру. Лейбницъ пишетъ, что онъ много объ этомъ думалъ; между тѣмъ Бойнебургъ убѣдилъ его сообщить Арно о томъ, что уже нѣсколько лѣтъ назадъ было доказано имъ о таинствахъ вѣры [3]). Предварительно, конечно, для пониманія дальнѣйшаго изло-

G. 1, 69. Этотъ примѣръ для объясненія разницы между субстанціей и акциденціей мы только-что видѣли въ предыдущемъ наброскѣ. Характеризуя далѣе утвержденія толкователей, Лейбницъ говоритъ, что у нихъ: «rem mutari non tantum in novum speciem, sed in inaudita ante ratione in novum individuum... Hoc amplius idem fieri et multis diversis.. ex toto et ex parte, ac proinde totum parti aequale esse»... Ib.

[1]) Ib. 70.

[2]) Ib.

[3]) Ib. 71.

женія Лейбницъ считаетъ нужнымъ сообщить свои основные принципы. „Я, говоритъ онъ, увидалъ, что геометрія, т. е. философія о мѣстѣ, представляетъ ступень для философіи о движеніи, т. е. о тѣлѣ, а философія о движеніи—для знанія объ умѣ. Такимъ образомъ, о движеніи я доказалъ нѣсколько предложеній великой важности, изъ которыхъ упомяну здѣсь два: во первыхъ, что нѣтъ никакого сцѣпленія или консистенціи въ покоющемся, вопреки тому, что думалъ Декартъ, и поэтому то, что покоится, можетъ получить толчокъ и раздѣлиться отъ сколь бы то ни было малаго движенія. Это положеніе я потомъ провелъ далѣе и нашелъ, что покоющееся тѣло есть ничто и не отличается отъ пустого пространства. Отсюда ведетъ начало доказательство гипотезы Коперника и многое другое, новое въ естественныхъ наукахъ. Второе предложеніе заключается въ томъ, что всякое движеніе въ средѣ есть круговое, гомоцентрическое, и что если не допустить пустого пространства, то нельзя понять въ мірѣ движеній прямолинейныхъ, эллиптическихъ, спиральныхъ, овальныхъ [1])...

„О другихъ предложеніяхъ въ этомъ мѣстѣ нѣтъ надобности говорить. Эти же я потому упоминаю, что изъ нихъ слѣдуетъ нѣчто полезное для настоящаго дѣла: изъ одного, что сущность тѣла не состоитъ въ протяженіи, т. е. въ величинѣ и фигурѣ, ибо необходимо, чтобы пустое пространство различалось отъ тѣла, разъ оно протяженно; изъ другого, что суть тѣла скорѣе состоитъ въ движеніи, разъ понятіе пространства свободно отъ признаковъ величины и фигуры, т. е. протяженія“ [2]).

---

[1]) Лейбницъ добавляетъ: «imo nec circularis diversorum centrorum». Ib. 71—72.

[2]) «Въ геометріи, пишетъ Лейбницъ, я доказалъ нѣсколько основныхъ предложеній, на которыя опирается геометрія недѣлимыхъ, т. е. источниковъ открытій и доказательствъ, именно, что всякая точка есть пространство менѣе любого даннаго, что есть части точки, но безъ разстоянія (indistantes); поэтому Эвклидъ не обманывался, говоря о частяхъ протяженія: нѣтъ ничего недѣлимаго, но есть нѣчто не протяженное. Точка бываетъ больше точки, но въ отношеніи меньшемъ, чѣмъ можно выразить, или безконечномъ по отношенію къ чему бы ни было чувственному: уголъ есть количество точки. Изъ форономіи недѣлимыхъ я прибавилъ, что у покоя нѣтъ отношенія къ движенію, которое есть у точки къ пространству: оно таково, какъ у нуля къ единицѣ: усиліе относится къ движенію, какъ точка къ про-

Сообщивъ положенія Новой физической гипотезы о точкѣ, объ усиліи, и скорости, Лейбницъ обращаетъ вниманіе на выводы изъ приведеннаго по отношенію къ душѣ. „Изъ этихъ положеній, говоритъ Лейбницъ, вытекаетъ важный результатъ не только для доказательства законовъ движенія, но и для ученія объ умѣ. Ибо разъ мной доказано, что истинное вмѣстилище нашего ума есть нѣкая точка или центръ, то изъ этого выводятся нѣкоторыя удивительныя свѣдѣнія о неразрушимости ума, о невозможности отдыха для мышленія, о невозможности забвенія, объ истинности и внутренней разницѣ между движеніемъ и мышленіемъ. Мышленіе состоитъ въ усиліи, какъ тѣло—въ движеніи. Всякое тѣло можетъ быть понимаемо, какъ мгновенный, т. е. лишенный воспоминанія умъ; всякое усиліе въ тѣлахъ неразрушимо, поскольку оно есть опредѣленіе; въ умѣ же—поскольку оно есть степень скорости. Какъ тѣло пребываетъ въ процессѣ движенія, такъ умъ состоитъ въ гармоніи усилій. Данное движеніе тѣла происходитъ изъ сложенія предшествующихъ усилій, данное усиліе ума, т. е. воля, изъ сложенія предыдущихъ гармоній въ одну новую, т. е. изъ удовольствія. Если что другое смутитъ гармонію послѣдняго, при выраженіи усилія, то произойдетъ печаль“ [1]). „И многое другое я надѣюсь, говоритъ Лейбницъ, будетъ мною доказано въ сочи-

странству. Въ одномъ тѣлѣ можетъ быть заразъ много усилій, но не противоположныхъ движеній. Одна точка движущагося тѣла иногда по времени своего усилія... бываетъ во многихъ мѣстахъ или точкахъ пространства. То, что движется, никогда не бываетъ въ одномъ мѣстѣ, и даже въ моментѣ отъ безконечнаго времени. Если тѣло набѣгаетъ на тѣло, то оба находятся въ началѣ проникновенія или единенія, то есть концы ихъ составляютъ единое, подобно тому какъ опредѣляетъ Аристотель безпрерывное *οὗ τὰ ἔσχατα ἕν*. Отсюда только тѣ тѣла сцѣплены, которыя давятъ другъ на друга. Есть также нѣкоторыя мгновенныя части или знаки, и это можно понять изъ постепенно ускоряющагося движенія, которое возрастаетъ съ любого момента, а поэтому и съ начала; возрастаніе же предполагаетъ «прежде» и «послѣ», и по необходимости въ данномъ моментѣ одинъ знакъ бываетъ прежде другого, но безъ протяженія, т. е. это есть разстоянія знаковъ, отношеніе которыхъ къ сколь угодно малому чувственному времени было бы болѣе любаго даннаго, т. е. какъ точка къ линіи». Ib. 72.

[1]) Ib. 72—73.

ненiи, которое я пишу, объ элементахъ ума. Отсюда я осмѣливаюсь обѣщать нѣкоторый свѣтъ для защиты тайнъ Троичности, Воплощенiя, Предопредѣленiя и Евхаристiи, о которой хочу сказать напослѣдокъ. Самый родъ моей жизни также побуждаетъ меня, чтобы я попытался немного яснѣе и вѣрнѣд обыкновеннаго установить мораль и основанiя права и справедливостл“ [1]).

Право, этика и Евхаристiя.

Это указанiе на связь юридическихъ интересовъ съ біографическими данными сдѣлано Лейбницемъ не спроста. Упомянувъ объ извѣстныхъ уже намъ „Зернѣ римскихъ законовъ“ и „Элементахъ римскаго права“, Лейбницъ пишетъ: „Я думаю изложить въ коротенькой книжечкѣ „Элементы естественнаго права“, гдѣ все доказывалось бы только изъ однихъ опредѣленiй. Ибо человѣка добраго и справедливаго я опредѣляю какъ такого, который любитъ всѣхъ; любовь я опредѣляю, какъ удовольствiе отъ чужого счастiя; печаль—какъ нѣчто, происшедшее отъ чужого несчастiя; счастiе—какъ удовольствiе безъ печали; удовольствiе—какъ чувство гармонiи; печаль—какъ чувство безсвязности; чувство—какъ мышленiе съ удовольствiемъ или усилiемъ къ дѣятельности; гармонiю—какъ разнообразiе, уравновѣшенное тожествомъ. Ибо насъ всюду забавляетъ разнообразiе, но приведенное въ единство. Отсюда я вывожу всѣ теоремы о правѣ и справедливости. Ибо позволено то, что возможно для добраго человѣка. Должно то, что необходимо для добраго человѣка. Отсюда ясно, что справедливый, любящiй всѣхъ человѣкъ, даже когда не можетъ, такъ же по необходимости стремится помогать всѣмъ, какъ камень стремится падать, даже когда виситъ. Я показываю, что всякое обязательство разрѣшается высшимъ усилiемъ, что любить всѣхъ и любить Бога, вмѣстилище всеобщей гармонiи, одно и то же; даже, что одно и то же истинно любить, то есть быть мудрымъ, и любить Бога больше всего, т. е. любить всѣхъ, или быть справедливымъ. Если многое возстаетъ на пути помощи, то нужно предпочитать то, откуда въ сложности вытекаетъ болѣе блага. Отсюда при встрѣчахъ ceteris paribus должно предпочи-

[1]) Ib. 73.

тать лучшаго, т. е. по отношенію къ народу болѣе любимаго; ибо, что́ бы въ немъ ни сосредоточивалось, все это путемъ отраженія будетъ умножено во многихъ, и поэтому, помогая ему, будутъ помогать многимъ; даже вообще ceteris paribus должно предпочитать того, кто уже имѣетъ лучшее. Ибо будетъ показано, что помогать значитъ имѣть отношеніе не сложенія, а умноженія. Если два числа одно болѣе другого, будутъ множиться на одно и то же число, то умноженіе больше даетъ для большаго: (5×2=10)×2=20; (6×2=12)×2=24. Ясно, что прибавка къ 5 есть 15, къ 6 есть 18. Значитъ, мы выигрываемъ въ суммѣ, умножая бо́льшее число на тотъ же множитель; эта разница между сложеніемъ и умноженіемъ имѣетъ великую пользу въ ученіи о справедливости. Вѣдь помогать значитъ умножать, а вредить—дѣлить; и на это есть основаніе, такъ какъ тотъ, кому помогаютъ, есть умъ, а умъ, пользуясь, можетъ примѣнить все ко всему, что и значитъ: взаимно производить или умножать. Предположи, что кто нибудь мудръ на 3, могучъ на 4; въ цѣломъ почтеніе къ нему (ejus aestimatio) выразится числомъ 12, а не 7, ибо мудрость можетъ пользоваться какой угодно ступенью могущества. Въ подобныхъ случаяхъ даже тотъ, кто имѣетъ 100000 золотыхъ монетъ, богаче тѣхъ ста, изъ которыхъ каждый имѣетъ по 1000. Ибо объединеніе создаетъ практику; самъ владѣлецъ выигрываетъ въ покоѣ, а тѣ зависятъ отъ работы. Значитъ, болѣе мудрый всегда долженъ быть предпочитаемъ въ помощи, когда люди одинаково нужны; если же въ этомъ отношеніи онъ кажется не одинаковъ, то долженъ быть предпочитаемъ болѣе счастливый, которому какъ бы помогъ Богъ. Вѣдь даже родиться способнымъ къ мудрости есть даръ судьбы, т. е. Бога. Отсюда власть надъ вещами зависитъ или отъ счастія изобрѣтателей, или отъ прилежанія работниковъ. Владѣющій даже долженъ быть предпочитаемъ, какъ бы первый по счастію. Напротивъ, въ случаѣ встрѣчи двухъ лицъ въ одномъ и томъ же убыткѣ, то есть каждый разъ, какъ ставится вопросъ о потерѣ и вредѣ—тому, кто обманываетъ, долженъ быть предпочитаемъ тотъ, кто виноватъ; кто же находится въ паденіи или въ несчастіи, тѣ должны быть предпочитаемы тому и другому. Нѣтъ почти ничего, чего бы отсюда ни выводилось. Даже выводится вотъ что: главнымъ

героемъ является въ концѣ концовъ тотъ, кто ищетъ предметъ славы въ счастіи человѣческаго рода... На этихъ основахъ въ коротенькомъ очеркѣ я охватилъ ученіе о предопредѣленіи и озаботился, чтобы нѣкоторые изъ знаменитыхъ теологовъ всѣхъ партій въ Германіи его обсудили, одинъ при посредствѣ другого, не зная имени автора. Обѣщай и ты сообщить, что найдешь достойнымъ вниманія и съ чѣмъ согласишься“ [1]). Такъ заканчиваетъ Лейбницъ очеркъ основъ права и этики.

„Остается сказать, говоритъ онъ далѣе, объ Евхаристіи. Вотъ уже четыре года—и это извѣстно Бойнебургу—...какъ я поставилъ себѣ задачей доказать возможность тайнъ Евхаристіи или, что то же, такъ ихъ объяснить, чтобы, благодаря непрерывному и непреткновенному анализу, притти, наконецъ, къ первымъ допустимымъ постулатамъ могущества Божія. Подобнымъ образомъ геометръ тогда считается рѣшившимъ проблему, то есть объяснившимъ нѣкоторый возможный способъ и доказавшимъ его возможность, когда онъ свелъ вопросъ къ другимъ уже рѣшеннымъ проблемамъ или къ проблемамъ, не нуждающимся ни въ какомъ рѣшеніи, т. е. къ постулятамъ. А они относятся къ проблемамъ такъ же, какъ аксіомы къ теоремамъ... И это, кажется, я счастливо сдѣлалъ. Ибо какъ только я принялъ, что сущность тѣла состоитъ не въ протяженіи, какъ полагаетъ Декартъ..., а въ движеніи, и потому принялъ, что субстанція тѣла или природа, даже согласно опредѣленію Аристотеля, есть принципъ движенія [2]): такъ самымъ очевиднымъ образомъ стало ясно, что субстанція разнится отъ видовъ, и что найдено основаніе, по которому ясно и раздѣльно можетъ быть мыслимо дѣйствіе Бога, чтобы субстанція одного и того же тѣла находилась во многихъ разныхъ мѣстахъ или, что то же, подо многими видами. А отсюда такъ же ясно обнаруживается то, чего никому не приходило въ голову, именно, что транссубстанціація и реальное многоприсутствіе въ послѣднемъ счетѣ не различаются; и тѣло не иначе можетъ быть во многихъ различныхъ мѣстахъ, какъ такъ,

---

[1]) Ib., 73—74.

[2]) «вѣдь въ тѣлахъ, добавляетъ Лейбницъ, нѣтъ абсолютнаго покоя, а принципъ движенія, т. е. субстанція, не имѣетъ протяженія». Ib. 75.

чтобы его субстанція мыслилась подъ различными видами [1]). „А что такое субстанція тѣла и чѣмъ она отличается отъ видовъ, это я надѣюсь, говоритъ Лейбницъ, представить въ такомъ же ясномъ свѣтѣ, какъ мышленіе или движеніе“ [2]). Въ письмѣ затѣмъ приводятся имена ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о транссубстанціаціи. Самъ Лейбницъ изучалъ его долго и старательно, и ему кажется, какъ мы видѣли, что онъ пришелъ къ удовлетворительному рѣшенію. Отъ вопроса объ Евхаристіи Лейбницъ обращается къ другимъ своимъ занятіямъ и подробно излагаетъ Новую физическую гипотезу [3]). Онъ упоминаетъ о своихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, о которыхъ говорилось въ письмѣ къ герцогу Іоанну Фридриху. Въ заключеніе Лейбницъ еще разъ высказываетъ мысль, что главнымъ образомъ онъ желаетъ слышать мнѣніе Арно о своемъ объясненіи Евхаристіи [4]). Письмо Лейбница къ Арно служитъ особенно хорошимъ примѣромъ того, какъ Лейбницъ постепенно, на самомъ разнообразномъ матеріалѣ, развивалъ выработанныя имъ идеи. Съ внѣшней стороны оно по плану похоже на послѣднее письмо Лейбница къ герцогу Іоанну Фридриху. Тамъ и тутъ имѣется обзоръ работъ Лейбница [5]), тамъ и тутъ есть принципіально философскія части, но письмо къ Арно изложено подробнѣе и, кромѣ того, оно выше по разнообразію идей. Въ немъ почти нѣтъ прямыхъ біографическихъ данныхъ, но зато есть указанія, что отъ геометрическихъ представленій о данной части пространства Лейбницъ постепенно перешелъ къ движенію и тѣлу, а отъ движенія и тѣла къ изученію ума. Въ обще-философской части письма Лейбницъ прежде всего повторяетъ идеи, высказанныя имъ въ замѣткѣ, посвященной сравненію взглядовъ Аристотеля и Декарта на матерію. Лейбницъ говоритъ, что

---

[1]) Ib. 75. Sola enim substantia, поясняетъ далѣе Лейбницъ, ejus extensioni ac proinde, ut distincte ostendetur, ubi, quod hoc rei sit, substantia corporis explicabitur, loci condicionibus subjecta non est... Ib.

[2]) Ib. 76.

[3]) Страницы 77—81.

[4]) Unum opto, ut de Eucharistico saltem proposito discere liceat aliquot lineis sententiam tuam. Ib. 82.

[5]) Фуше де Карейль говоритъ, что оно est le résumé substantiel de toute cette periode». Mémoire sur la philosophie de Leibniz. I, 39.

покоющееся тѣло есть ничто, но вмѣстѣ съ тѣмъ добавляетъ, что оно равняется пустому пространству. Лейбницъ говоритъ, что всякое движеніе въ средѣ есть круговое, и вмѣстѣ съ тѣмъ добавляетъ, что безъ пустого пространства нельзя понять другого рода движеній. Особенно интересны выводы, которые дѣлаетъ Лейбницъ изъ понятія души-центра. Въ противоположность выводамъ относительно тѣла, сущность котораго, по Лейбницу, состоитъ въ движеніи, они даже какъ будто новы. Лейбницъ утверждаетъ, что душа всегда мыслитъ, что нѣтъ забвенія, что умъ состоитъ изъ усилій, а воля есть усиліе ума и слагается изъ удовольствій, или, что то же, удовольствіе руководитъ нами въ нашей дѣятельности. Понятіе удовольствія играетъ у Лейбница большую роль въ опредѣленіяхъ, посвященныхъ этикѣ и праву.

Съ понятіемъ удовольствія Лейбницъ связываетъ понятія чувства и гармоніи: въ нихъ проявляются эстетическія наклонности Лейбница. Въ зависимости отъ этихъ понятій Лейбницъ старается объяснить, что такое добрый и справедливый человѣкъ, и затѣмъ показать значеніе такого человѣка для общества. Методъ, посредствомъ котораго Лейбницъ это дѣлаетъ, замѣчателенъ. Онъ былъ уже примѣняемъ Лейбницемъ въ Specimen demonstrationum politicarum и въ Trutina rationis. Здѣсь этотъ методъ выраженъ проще и изящнѣе, въ соединеніи съ высказанной еще въ Grundriss eines Bedenkens идеей о томъ, что главнымъ героемъ долженъ въ концѣ концовъ считаться тотъ, кто ищетъ славы въ счастіи человѣчества. Что касается объясненія Евхаристіи, то оно сдѣлано Лейбницемъ ради желанія согласовать вѣру и разумъ. Арно въ этомъ вопросѣ ихъ раздѣлялъ [1]), Лейбница это не удовлетворяло. Онъ предложилъ рѣшить задачу, допустивъ, что субстанція не связана съ условіями пространства [2]). Такое рѣшеніе вытекало у Лейбница какъ изъ богословскихъ, такъ и изъ философскихъ побужденій [3]). Въ послѣдней части письма, относящейся къ „Новой физической гипотезѣ“,

---

[1]) S. Auerbach. Op. cit. 35.
[2]) A. Hannequin. Op. cit. 138—139.
[3]) D. Selver. Op. cit. 53.

Hahn отмѣчаетъ выраженія Лейбница: „neque enim vacuo hic utor“ и „tenue autem aut crassum, seu rarum et densum, non vacuo intersperso, sed motu partium differre“ [1]). Оставивъ атомизмъ, основу объясненія явленій природы Лейбницъ видѣлъ въ движеніи.

Опредѣленія изъ области этики. Понятіе добраго человѣка.

Съ тѣмъ матеріаломъ, который былъ обработанъ въ письмѣ къ Арно по вопросамъ права и этики, тѣсно связанъ набросокъ Лейбница, опубликованный Тренделенбургомъ подъ заглавіемъ Definitio justitiae universalis. Подобно письму къ Арно, его также можно отнести къ концу 1671 года [2]). Онъ представляетъ рядъ вытекающихъ одно изъ другого опредѣленій и замѣтокъ, которыя отличаются единствомъ плана. Исходнымъ пунктомъ этого плана служитъ понятіе справедливости. „Справедливость, говоритъ Лейбницъ, есть привычка (или устойчивое состояніе) добраго человѣка“ [3]). Кое что для опредѣленія понятія справедливости сдѣлали, по мнѣнію Лейбница, Аристотель и древніе юристы [4]), но ихъ работой можно воспользоваться только для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Что такое добрый человѣкъ? Это тотъ, который любитъ всѣхъ. Что такое „кто“, что такое „любитъ“, что такое „всѣхъ“? Лейбницъ послѣдовательно отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы. „Добрый человѣкъ, говоритъ онъ, поскольку онъ лицо, есть тотъ, кто любитъ себя и руководствуется удовольствіемъ или страданіемъ. У животныхъ нѣтъ ни удовольствія, ни страданія“ [5]). „Обсужденіе любви и справедливости, продолжаетъ Лейбницъ, совмѣстно. Ни Моисей, ни Христосъ,

---

[1]) R. Hahn. Op. cit. 21.

[2]) Kabitz. Op. cit. 12, 99 и 105. Trendelenburg. Op. cit. II. 280—281.

[3]) Лейбницъ поясняетъ: status confirmatus, т. е. status, inquam, non ut mutari non possit, sed non facile, ut possit. Trendelenburg. Op. cit. II, 265.

[4]) Объясняя слово indifferens, Лейбницъ пишетъ: Sapienter Icti Romani legibus indefinibilia remittunt toties ad arbitrium boni viri, quemadmodum Aristoteles in Ethicis omnia regulis non comprehendenda ad arbitrium prudentis, *ὡς ἂν ὁ φρόνιμος ὁρίσειε*. Ib.

[5]) Ib., 267.

ни Апостолы, ни древніе христіане ни въ чемъ не полагали правилъ справедливости, кромѣ любви. Кромѣ любви, ничего болѣе не прославляли, ничего болѣе не призывали, ни на чемъ болѣе не настаивали ни платоники, ни теологи-мистики ни благочестивые люди всѣхъ народовъ и партій. Испробовавъ множество понятій справедливости, и я такъ же, прибавляетъ отъ себя Лейбницъ, остановился, наконецъ, на этомъ, найдя, что оно первое, всеобщее и самое живое“ [1]). Но добрый человѣкъ любитъ всѣхъ. Это значитъ—людей. Любовь и справедливость—соціальныя чувства. „Вѣдь если мы положимъ, пишетъ Лейбницъ, что внѣ Бога (sublato Deo) кто нибудь только одинъ живетъ въ мірѣ и все ниспровергаетъ, обезформливаетъ, опустошаетъ, то онъ будетъ не несправедливъ, а глупъ. Между тѣмъ всѣ любили бы всѣхъ, если бы только созерцали, если бы устремляли очи на всемірную гармонію. Теперь, будучи ослѣплены любовью къ себѣ, либо пылая честолюбіемъ и жадностью, либо будучи внѣ себя отъ роскоши, мы видимъ другихъ безъ волненія въ душѣ, мы дѣйствуемъ въ мірѣ какъ бы одни среди величайшаго множества, подобно червю, порожденному въ живомъ человѣкѣ. Червь, не будучи любопытенъ, не знаетъ всей сложности удивительной структуры и основъ жизни. Порожденный только для себя, онъ безъ разбора пожираетъ лучшіе члены. Много ли найдется людей, которыхъ мы стараемся узнать, которыхъ не ненавидимъ, не презираемъ по первому взгляду, вслѣдствіе несчастной случайности предразсужденій? Кого мы такъ изучили или извѣдали, чтобы можно было презирать ихъ или ненавидѣть, т. е. чтобы издѣваться надъ ними и унижать ихъ до послѣдней степени, поскольку умѣемъ, даже истощая самихъ себя, каково бываетъ наше расположеніе по отношенію къ вьючнымъ животнымъ, но не поскольку любимъ. Такъ служа препятствіемъ одинъ другому, подобно слѣпымъ, мы сталкиваемся головами въ то время, какъ путь широко свободенъ, и только взаимно мы открываемъ другъ друга. Между тѣмъ въ силу взаимной любви, тѣмъ болѣе искренней, мы можемъ не только быть спокойны, но и счастливы, и поистинѣ пользоваться выгодами жизни. Теперь мы мучимся и

[1]) Ib.

мучимъ другъ друга и при взаимной винѣ винимъ злостность другихъ. Врочемъ, хотя бы всѣ были справедливы и добры, любя всѣхъ, всетаки есть степени любви. Въ преступномъ и вздорномъ человѣкѣ любятъ гуманность, въ простакѣ—честность, въ мошенникѣ—способности; въ самомъ худшемъ изъ всѣхъ—матерію блага. Есть склонность къ любви, величайшее усиліе добиваться блага того, кого мы любимъ. Значитъ, чье благо можетъ быть предметомъ исканія, тотъ можетъ быть любимъ; кто можетъ, тотъ долженъ. Значитъ, для любви даже у самаго худшаго человѣка достаточно емкости блага. Но въ случаѣ встрѣчи необходимо, чтобы уступалъ худшій.

Такъ анализируетъ Лейбницъ понятіе добраго человѣка. Какъ бы въ заключеніе онъ прибавляетъ: „Мы любимъ того, чье счастье насъ радуетъ. Стремленіе къ единенію не есть любовь. Мы любимъ, чтобы отъ любви можно было съѣсть [2]). Напримѣръ, обычно говорятъ, что мы любимъ пищу, ощущая которую, радуемся. Такъ даже про волка говорятъ, что онъ любитъ ягненка. Значитъ, чувственная любовь совершенно отлична отъ истинной. Изъ этого опредѣленія, заключаетъ Лейбницъ, можно доказать много прекрасныхъ теоремъ величайшаго значенія въ теологіи и морали“ [3]).

Понятіе личности, ея свойствъ и состояній.

Опредѣленіе понятія добраго человѣка, какъ оно было сдѣлано до сихъ поръ, выяснило только одну изъ его необходимыхъ функцій, функцію любви. Но что же такое самый субъектъ, который любитъ?

---

[1]) Ib., 267. Далѣе Лейбницъ приводитъ почти такой же примѣръ этическаго счета, какой былъ имъ сдѣланъ въ письмѣ къ Арно. «Такъ какъ улучшенія говоритъ онъ, имѣютъ природу болѣе умноженія, чѣмъ сложенія, то, значитъ, улучшеніе блага болѣе даетъ лучшему, чѣмъ худшему даже ceteris paribus. Ибо если два числа множатся на одно и то же, то умноженіе на большее болѣе придаетъ произведенію, чѣмъ умноженіе на меньшее. Дважды два 4, дважды три шесть. Значитъ, умноженіе на два придаетъ къ двумъ 2, а къ тремъ 3. Чѣмъ больше кто имѣетъ, тѣмъ больше тотъ выигрываетъ отъ умноженія. А что улучшенія имѣютъ природу умноженія, это будетъ указано въ другомъ мѣстѣ». Ib. 267—268.

[2]) «Lieben das man vor liebe fressen möchte». Ib. 269.

[3]) Ib., 269.

„Личность, говоритъ Лейбницъ, есть то, у чего имѣется нѣкоторая воля, или чему даны мышленіе, настроеніе, удовольствіе, страданіе. У животныхъ нѣтъ ни удовольствія, ни страданія, ни чувства, ни разума. Ибо какъ жизнь, т. е. разнообразное произвольное движеніе, существуетъ только для вида въ растеніяхъ и животныхъ,—вѣдь мы полагаемъ, что они движутся произвольно потому, что не видимъ ихъ двигателей,—такъ точно существуетъ въ нихъ и чувство, т. е. воздѣйствіе на ихъ страдательность. Въ животномъ чувство, т. е. представленіе или регулярное дѣйствіе, есть нѣчто внѣшнее. Вѣдь всякій чувствующій то представляетъ объектъ на подобіе зеркала, то регулярно и въ порядкѣ дѣйствуетъ, на подобіе часовъ. Когда бы кто нибудь увидалъ зеркало въ первый разъ безъ наставника, то, я думаю, онъ вообразилъ бы себѣ въ немъ нѣкоторое познаніе [1]),... а если бы увидѣлъ часы, то вообразилъ бы волю. Если у животныхъ есть удовольствіе и страданіе, то я вѣрнѣйшимъ образомъ докажу, что есть и разумъ, но такой, какой бываетъ у дѣтей, не приведенный въ движеніе опытомъ и имѣющій обнаружиться въ свое время. Ибо хотя бы всѣ люди были нѣмы и глухи, они заговорили бы вслѣдствіе тѣлодвиженій, открывъ и сообщивъ другъ другу употребленіе нѣкоторыхъ знаковъ. И потомъ мы мучимъ невинныхъ животныхъ самымъ жалкимъ образомъ; если въ нихъ есть чувство, то даже съ непростительной жестокостью. Существуютъ также и гражданскія личности, напр., коллегіи, ибо онѣ имѣютъ волю, именно ту, которую слагающіе ингредіенты, т. е. естественныя личности желали бы счесть, въ случаѣ спора, за общую личность (pro persona omnium), о предѣливъ ее по числу, что́ самое трудное, либо по значенію отношеній, либо по жребію или какимъ нибудь другимъ способомъ. Отсюда несовершенныя личности—это тѣ тѣла, въ которыхъ по силѣ самаго состава вещь никогда не можетъ имѣть конца, и потому тѣло по праву уничтожается“ [2]). Ука-

---

[1]) Въ скобкахъ Лейбницъ замѣчаетъ: quemadmodum Indi literas Hispanorum internuncias sapientes et arcani participes arbitrabantur. Ib. 269—270

[2]) Лейбницъ добавляетъ: Qualia sunt in quibus unanimia, quae vocant exiguntur, aut amicabiles illae compositiones pro sacra ancora habentur. Ib. 270.

завъ такимъ образомъ на существованіе разнаго рода личностей, Лейбницъ переходитъ къ ихъ свойствамъ. Что такое *воля*? Это „усиліе того, говоритъ онъ, отчасти повторяя письмо къ Арно, кто мыслитъ, а усиліе есть начало дѣйствія“ [1]). Что такое мышленіе? „Мышленіе есть дѣйствіе въ себѣ самомъ. Что дѣйствуетъ въ себѣ самомъ, у того есть извѣстная память, (вѣдь мы помнимъ, когда чувствуемъ, что ощущали), и поэтому существуетъ воспріятіе гармоніи и безпорядка, т. е. удовольствія или страданія при сравненіи стараго и новаго чувства. Мнѣніе точно также есть либо получившееся оттуда ожиданіе будущаго чувства и, такимъ образомъ, усиліе дѣйствія, либо воля“ [2]). При опредѣленіи мышленія Лейбницъ пользуется понятіемъ дѣйствія, поэтому далѣе приводитъ какъ опредѣленіе этого понятія, такъ и входящихъ въ него концептовъ: измѣненія, причины и природы. „Дѣйствіе, говоритъ Лейбницъ, есть то, измѣненіе чего служитъ причиной измѣненій. Измѣненіе есть начало одного и конецъ другого... Причина есть то, что по природѣ „полагаетъ ранѣе“ положеннаго. Бываетъ полагающее позднѣе положеннаго, ибо результатъ часто вводитъ причину. Когда я говорю: „если есть А, то есть и В“, то А будетъ полагающее, а В положенное. „Ранѣе по природѣ“ можетъ означать не только то, что нѣчто можно мыслить ясно до другого по времени, но и то, что другое—ранѣе самого себя... По природѣ ранѣе бываетъ сущность, по времени—существованіе. Мышленіе для насъ есть мѣра сущности, чувство—мѣра существованія. Такимъ образомъ, дѣйствующее бываетъ ранѣе результата по времени, но по природѣ ранѣе только страдательность“ [3]).

Отъ опредѣленія личности Лейбницъ переходитъ къ объясненію того, что такое счастье. Это одно изъ состояній личности. А между тѣмъ было сказано, что любить – значитъ радоваться счастью другого. „Счастье, говоритъ Лейбницъ, есть наилучшее состояніе личности. Такъ какъ существуетъ развитіе благъ до безконечности, то, слѣдовательно, наилучшее состояніе заключается въ отсутствіи препятствій къ постоян-

---

[1]) Ib.
[2]) Ib., 270—271.
[3]) Ib. 271.

ному развитію до предѣловъ блага. Покой въ стремленіи, т. е. состояніе, въ которомъ ничего не хочешь, есть не покой, но оцѣпенѣніе: кто не желаетъ по меньшей мѣрѣ продолженія своего блага, тотъ его даже не чувствуетъ. Впрочемъ въ своемъ мѣстѣ, продолжаетъ Лейбницъ, мы покажемъ, что счастье состоитъ въ самомъ тонкомъ пониманіи своихъ благъ, т. е. въ самомъ лучшемъ мнѣніи о себѣ самомъ". [1]) Изъ дальнѣйшихъ опредѣленій, къ которымъ ведетъ объясненіе слова „состояніе", интересны относящіяся къ вопросу о познаніи опредѣленія предиката, чувствованія и методическаго изученія. Всѣ эти понятія, входя въ понятія счастья и блага, характеризуютъ человѣческое „я". „Имя, пишетъ Лейбницъ, есть первый предикатъ вещи. Субъектъ существуетъ для другихъ предикатовъ. Субъектъ самого субъекта есть или опредѣленіе вещи, или мѣстоименіе *этотъ*, когда присоединяется реальное опредѣленіе. Сюда же относится то, что потомъ вещь познается даже безъ тягости длиннаго и труднаго опредѣленія" [2]). Чувствованіе отличается, по Лейбницу, практическимъ характеромъ. „Чувствовать или полагать, пишетъ Лейбницъ, значитъ мыслить и хотѣть, т. е. мыслить практически, такъ какъ за мышленіемъ слѣдуетъ воля или усиліе. Въ этомъ состоитъ различіе отъ простого воображенія или вымысла. Если я воображаю себя среди огня, то отсюда не слѣдуетъ никакого движенія; иначе обстоитъ дѣло, если я это чувствую, полагаю, убѣжденъ, думаю, хотя бы ложно; я вѣдь буду стараться уйти. Впрочемъ можетъ имѣть мѣсто произволъ воображенія, такъ что мы, наконецъ, сами повѣримъ себѣ, будучи захвачены вымысломъ; это обыкновенно случается, какъ съ врунами, такъ и съ фантазерами" [3]). Что касается вопроса о методическомъ познаніи, то „изучать, по мнѣнію Лейбница, значитъ узнавать, какъ вещь можетъ дѣйствовать и страдать, сама по себѣ и въ соединеніи съ

---

[1]) Ib.

[2]) Лейбницъ добавляетъ: «est ergo a noscendo». Ib. 272.

[3]) «qui, по словамъ Лейбница, aurei seculi et chimericae cujusdam felicitatis suae imaginatione primum scientes prudentesque delectati, reges se et heroes amadisiacos et orbis domitores somniandi suavitate fingentes, denique turbata ratione etiam se esse credunt». Ib. 273.

другими. Это истинно практическое познаніе, ибо теоремы существуютъ ради проблемъ, а умѣніе ради работы. Отсюда слѣдуетъ, что никто не можетъ методически изучать вещь, кромѣ самаго мудраго человѣка, т. е. универсальнаго изслѣдователя“ [1]).

Удовольствіе и гармонія. Цѣнность опредѣленій.

То, что было сказано до сихъ поръ о любви, недостаточно выразило ея сущность. Любить значитъ получать удовольствіе отъ счастья другого. Что же такое удовольствіе? „Пріятность или удовольствіе, говоритъ Лейбницъ, есть воспріятіе гармоніи. Пріятное есть объектъ воспринимающаго удовольствіе. Радость есть удовольствіе, воспринимаемое только умомъ. Прекрасное есть то, гармонія чего мыслится ясно и отчетливо, какова одна только гармонія, воспринимаемая въ фигурахъ, числахъ и движеніяхъ. Сладость пищи, т. е. гармоническое движеніе, не мыслится нами ясно и раздѣльно въ умѣ, но воспринимается только языкомъ. Значитъ, прекраснаго, хотя бы оно и было, мы не назовемъ сладкимъ. Мы называемъ прекраснымъ Бога, мышленіе, ораторскую рѣчь“ [2]). „Гармонія, продолжаетъ Лейбницъ, есть разнообразіе, уравновѣшенное тожествомъ, т. е. гармоничное есть однообразно безформенное. Разнообразіе доставляетъ удовольствіе, если оно сведено къ единству, ловко сопоставлено, связано. Стройность доставляетъ удовольствіе, но если она нова, удивительна, неожиданна, и потому она заключаетъ либо предвѣщаніе, либо много искусства, будучи очень пріятной въ разбросанномъ, гдѣ никто и не подозрѣваетъ связи. Откуда идентичныя предложенія не пріемлемы, такъ какъ они легки и черезчуръ стройны; даже въ риѳмованныхъ стихахъ... [3]) совершенно одинаковыя окончанія не нравятся... Извѣстно, что живопись различается въ концѣ концовъ по тѣнямъ, а пѣніе—по диссонансамъ.

---

[1]) Приводимъ дальнѣйшее опредѣленіе, заключающее въ себѣ анализъ латинскихъ словъ: «Quod pernoscere, id latinius dicetur intelligere id est intima legere, sed intelligendi vox nunc laxius sumitur pro omni notitia». Ib. 273.

[2]) Ib. 273—274.

[3]) «Quos vulgo leoninos vocant.» Ib. 274.

Это положеніе имѣетъ большую важность; изъ него выводится основа всякаго удовольствія и страданія, наконецъ, всѣхъ настроеній. Даже—что еще больше—это единственный путь противостать издѣвательствамъ атеистовъ. Ихъ навела на сомнѣніе мысль, заботится ли нѣчто высшее о землѣ, или нѣтъ правителя міра, и все смертное руководится случайностью, ибо гармонія міра говоритъ за Бога, а спутанность людскихъ дѣлъ—за случай. Но кто это продумаетъ глубже, тому эта спутанность въ продолженіи 6000 лѣтъ (хотя она и не лишена своей гармоніи) покажется въ сравненіи съ вѣчностью подобной одному нестройному удару, который, уравновѣсивъ другіе диссонансы и будучи приведенъ къ созвучію цѣлаго, увеличиваетъ удивленіе къ Правителю, объемлющему безконечное“ [1]). Послѣ объясненія понятія гармоніи Лейбницъ замѣчаетъ, что воспринимать значитъ чувствовать данную вещь; поэтому пользоваться значитъ воспринимать благо, ибо понятіе пользованія связано съ понятіемъ стремленія, а стремимся мы всегда къ благу [2]).

Въ изложенныхъ опредѣленіяхъ, которыя, судя по сходству съ письмомъ къ Арно, представляютъ, по всей вѣроятности, набросокъ „Элементовъ естественнаго права“ [3]), развиваются идеи, съ юныхъ лѣтъ занимавшія Лейбница. Послѣ трудовъ надъ выработкой міросозерцанія онѣ приняли теперь только нѣсколько иной видъ. Въ самомъ дѣлѣ, о понятіи справедливости Лейбницъ писалъ еще въ корсларіяхъ къ третьей диссертаціи. Та же самая идея занимала его въ Nova Methodus. Въ Specimen demonstrationum politicarum и въ Grundriss eines Bedenkens онъ обработывалъ сходное понятіе любви, въ первомъ письмѣ къ Конрингу и въ наброскѣ De justo et aequo—оба понятія любви и справедливости. Между тѣмъ одна и та же тема трактовалась различно. Въ третьей диссертаціи Лейбницъ находился подъ вліяніемъ Аристотеля,

---

[1]) Ib. 274–275.

[2]) Ib. 275 и 272.

[3]) По мнѣнію Кутюра; Definitio justitiae universalis «devait faire partie de ses Elementa juris naturalis». Couturat. Op. cit. 567.

въ Nova Methodus—подъ вліяніемъ Гоббеса [1]). Въ „Образчикѣ политическихъ доказательствъ“ понятія справедливости и любви точно также выводились изъ гоббезіанскаго понятія пользы. Въ „Основѣ размышленій о созданіи въ Германіи общества для поднятія искусствъ и наукъ“ эти понятія опредѣляютъ общій тонъ доминирующаго въ этой статьѣ религіознаго чувства. Въ первомъ письмѣ къ Конрингу и въ наброскѣ „О справедливомъ и безпристрастномъ“ ихъ освѣщаетъ съ совершенно особой стороны гносеологическій вопросъ о границахъ обоснованія чужого блага. Здѣсь, въ наброскѣ Definitio justitiae universalis, говоря о понятіи добраго человѣка, который любитъ [2]) всѣхъ, Лейбницъ оттѣняетъ не только элементъ эгоистическій и религіозный, но кромѣ того еще эстетическое пониманіе блага. Въ этомъ отношеніи изложенный набросокъ больше всего имѣетъ сходства съ Grundriss eines Bedenkens. Впрочемъ въ немъ есть и еще одна характерная черта: содержаніе наброска разработано больше какъ будто съ психологической стороны. Въ центрѣ этическихъ, эстетическихъ и метафизическихъ положеній у Лейбница стоитъ понятіе личности, которой онъ приписываетъ чувство, познаніе и волю. Все, что говорится Лейбницемъ о счастіи и удовольствіи, разсматривается имъ по отношенію къ личности, при чемъ авторъ по прежнему является интеллектуалистомъ: чувство, по его мнѣнію, познается черезъ сравненіе. Что касается вопроса о волѣ, то въ утвержденіи, что воля есть усиліе; не трудно замѣтить повтореніе идей, принадлежащихъ къ кругу занятій Новой физической гипотезой. Въ опредѣле-

---

[1]) «Comme le remarque Trendelenburg, elle s'oppose à la fois à la notion aristotélicienne de la justice, adoptée dans le *De complexionibus* de 1666: Iustitia... est virtus servans mediocritatem circa affectus hominis erga hominem... et à la conception hobbienne (utilitariste) exprimée dans la *Nova methodus* (1667): «justum atque injustum est quicquid publice utile vel damnosum est». Ib. 565.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи Лейбницъ различалъ нѣсколько родовъ любви: «uninteressirte» Liebe heisst... amour de bienveillance, qui est le sentiment, qu'on a pour celuy qui par son plaisir ou bonheur nous en donne. Die andere Art der Liebe ist die «amour de conquiscence» die Liebe, welche begehrt.. Die höchste Liebe ist die Liebe zu Gott»... P. Gesche. Die Ethik Leibnizens. Halle a. S. 1891. S. 43.

ніи мнѣнія какъ усилія дѣйствія можно видѣть развитіе этихъ идей. Изъ области другихъ знаній, не говоря уже объ этикѣ, Лейбницемъ въ наброскѣ выдвинуты также логика и эстетика. Спеціально занимавшійся логикой Лейбница Кутюра обращаетъ, вслѣдъ за Тренделенбургомъ, вниманіе на помѣщенную въ началѣ наброска параллель:

Справедливое, дозволенное Несправедливое, недозволенное Безпристрастное, должное Безразличное	есть то, что	возможно невозможно необходимо случайно	для добраго человѣка,

и затѣмъ на другую параллель:

Возможное Невозможное Необходимое Случайное	есть то, что	можетъ не можетъ не можетъ не можетъ не	быть.

Кутюра замѣчаетъ, что этимъ дѣленіемъ соотвѣтствуютъ сужденія классической логики a, i, e, o [1]). Къ области логики относятся также приложеніе ариѳметики къ морали, сближающее набросокъ не только съ письмомъ къ Арно, но и со Specimen demonstrationum politicarum, и затѣмъ замѣчанія о субъектѣ и предикатѣ, о понятіи причины и о методическомъ изученіи. При разборѣ этихъ вопросовъ логика переходитъ у Лейбница въ теорію познанія такъ же, какъ и по вопросу о различіи ощущеній отъ воображенія. Съ точки зрѣнія эстетики болѣе всего интересны въ изложенномъ наброскѣ разсужденія о гармоніи. Они связаны съ понятіемъ счастія. Счастье понимается какъ интеллектуальное удовольствіе, а это удовольствіе создается въ насъ воспріятіемъ гармоніи. Такимъ образомъ, счастье есть нѣчто гармоническое. Когда гармоническое мыслится ясно и отчетливо, то мы испытываемъ прекрасное. Интеллектуальный элементъ является необходимымъ спутникомъ эстетическаго чувства. Умъ вноситъ распорядокъ въ то, что разбросано и потому возникаетъ чувство прекраснаго.

---

[1]) Couturat. Op. cit. 566.

Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, либо все тожественно, либо все безпорядочно. Отсюда слѣдуетъ, что диссонансы необходимы. Отсюда, переходя къ области морали Лейбницъ выводитъ, что необходимы и грѣхи, которые въ концѣ концовъ увеличивають наше удивленіе къ Творцу вселенной. Даже для богословія Лейбницу казались нужными эстетическіе подмостки! Не даромъ такъ ярко выражалась эстетика въ Grundriss eines Bedenkens.

Относительно вліяній, которыя отразились въ изложенномъ наброскѣ, можно замѣтить слѣдующее: объ Аристотелѣ говоритъ самъ Лейбницъ [1]). Довольно ясно проступаютъ мысли Стагирита въ выраженіи „natura prius“... Это передѣлка Аристотелевскаго термина *πρότερον τῇ φύσει*, которому соотвѣтствуетъ *πρότερον πρὸς ἡμᾶς* [2]). О параллели съ Гоббесомъ говоритъ Тренделенбургъ, подчеркивая мысль наброска, что теоремы существуютъ для проблемъ, а умѣніе для работы [3]). Наконецъ, Кутюра говоритъ, что наиболѣе важныя въ наброскѣ понятія любви и справедливости внушены Лейбницу чтеніемъ книги іезуита Шпе [4]).

Наброскъ Теодицеи. Софизмъ о свободѣ воли.

Интересъ къ праву и главнымъ образомъ къ его этической основѣ, проявившійся у Лейбница въ письмѣ къ Арно и въ Definitio justitiae universalis дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что около того же времени, т. е. въ концѣ 1671 года, Лейбницъ вновь занялся вопросомъ, который однажды имъ обсуждался

---

[1]) «Omnes ergo modalium complicationes transpositiones oppositiones ab Aristotele et Interpretibus demonstratae ad haec nostra juris modalia non inutiliter transferri possunt». Trendelenburg. Op. cit. II, 266—267. См. также выше: 265.

[2]) Отзвукъ аристотелевскаго строя мышленія Тренделенбургъ видитъ также въ понятіи habitus, которое употребляетъ Лейбницъ для опредѣленія справедливости. «Habitus это status confirmatus, гдѣ erkennt man die ἕξις, unter welche Aristoteles jede Tugend fasst.» Ib. 277.

[3]) Ib. 273, примѣчаніе, гдѣ Тренделенбургъ приводитъ слова Гоббеса.

[4]) «Ses idées avaient été suggérées à Leibniz dans sa jeunesse par la lecture du livre du P. Frédéric Spee (1591—1635) sur les trois vertus théologales que l'électeur de Mayence lui avait recommandé». Couturat. Op. cit., 568.

уже въ письмѣ къ Вендеркопфу. Это былъ вопросъ о свободѣ и необходимости, который касался центра богословскихъ умозрѣній эпохи и который вмѣстѣ съ тѣмъ поднималъ одну изъ самыхъ запутанныхъ богословскихъ проблемъ. Лейбницъ приступилъ къ рѣшенію этой проблемы и создалъ отрывокъ въ 19 параграфовъ на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ, не успѣвъ дать самого рѣшенія, съумѣлъ показать, что нужно предварительно сдѣлать для систематической обработки предмета. „Среди всѣхъ вопросовъ, которые такъ волнуютъ человѣчество, пишетъ Лейбницъ, не было ни одного, который трактовался бы съ бо̀льшимъ жаромъ, чаще повторялся и проявлялся бы болѣе опасно и жестоко, чѣмъ предложеніе: какъ совмѣщается всемогущество и всевѣдѣніе правящаго міромъ Божества со свободной волей людей, съ наказаніемъ и наградой“ (§ 1) [1]). Съ этимъ вопросомъ связано недоумѣніе относительно тѣхъ бѣдствій, которыя часто испытываютъ благочестивые люди, (§ 2), но эти недоумѣнія исчезаютъ при болѣе глубокомъ и надлежащемъ пониманіи справедливости Божіей по отношенію къ блаженству и осужденію (§ 3). Взгляды на блаженство и осужденіе наиболѣе раздѣляютъ людей. Порождается много сектъ (§ 4). Возникаетъ много разныхъ богословскихъ споровъ (§ 5). Эти споры такъ запутаны, что при рѣшеніи ихъ люди не хотятъ знать другъ друга. Этому, повидимому, способствуетъ терминологія, почему въ изложеніи необходимо принять самый обычный языкъ. Нѣмецкій языкъ всего удобнѣе (§ 6).

„Есть, говоритъ Лейбницъ, два главныхъ софизма или обманчивыхъ умозаключенія въ этой области: одинъ за грѣшниковъ, другой противъ Бога, одинъ противъ покаянія и уклоненія отъ будущихъ грѣховъ, другой противъ наказанія за прошлое, одинъ о провидѣніи, другой объ ошибкѣ, одинъ о знаніи и всевѣдѣніи, другой о волѣ и всемогуществѣ Бога. Первый гласитъ такъ: Богъ предвидитъ все будущее заранѣе и, значитъ, видитъ, что я долженъ быть блаженъ или осужденъ. Одно изъ двухъ должно быть истинно и, слѣдовательно, Имъ предвидѣно. Должно случиться, значитъ, случится, и также: я всегда дѣлаю, что хочу (§ 7).

---

[1]) L. Stein. Leibniz und Spinoza. Berlin. 1890. S. 345.

„Все это терпимо до послѣдняго предложенія: я всегда дѣлаю, что хочу. Если твое осужденіе должно быть опредѣлено, то также должны быть опредѣлены твои предшествующіе грѣхи и нераскаянность. Но чтобы уклониться ото всякаго безпорядка, приведемъ вопросъ въ форму умозаключенія.

„Что Богъ предвидитъ, то должно случиться или не можетъ быть неисполненнымъ.

Богъ предвидитъ, что я долженъ сдѣлаться осужденъ (блаженъ).

Слѣдовательно, мое осужденіе (блаженство) случится или не можетъ не быть неисполненнымъ.

Далѣе:

„Что должно случиться, т. е. не можетъ быть не исполненнымъ, то неизбѣжно, т. е. будетъ имѣть мѣсто: дѣлай, что хочешь.

Мое осужденіе (блаженство) должно случиться, т. е. не можетъ быть неисполненнымъ.

Слѣдовательно, мое осужденіе (блаженство) неизбѣжимо, т. е. будетъ имѣть мѣсто, и я дѣлаю, что хочу". (§ 8) [1]).

Въ этомъ софизмѣ все основано на двусмысленности понятія долженствованія. „Что такое долженствовать? спрашиваетъ Лейбницъ. Разъясни мнѣ слова твоего умозаключенія, и я отвѣчу. Это значитъ: нѣтъ ничего возможнаго другого, т. е. не можетъ быть другого. Но что же называется возможностью или что значитъ быть въ состояніи? Сообразно тому, что мы, люди, понимаемъ подъ этими словами, слова имѣютъ значеніе. Этого я не могу сказать, отвѣтятъ мнѣ, такъ же, какъ того, что значитъ быть теплымъ или холоднымъ. Но извини, мой другъ, восклицаетъ Лейбницъ, тутъ есть разница! То, что огонь производитъ теплоту, ты чувствуешь, и ты имѣешь право и можешь не доказывать этого иначе, какъ приведя кого нибудь къ огню, чтобы онъ его также почувствовалъ. Если же ты хочешь доказать, что можетъ быть или не быть нѣчто, чего еще нѣтъ и не было, то ты не можешь пользоваться ни однимъ изъ чувствъ, а

[1]) Ib. 346—347.

можешь пользоваться только разнообразными основаніями разума. Теперь, если возможность или то, что можетъ быть, есть нѣчто доказуемое посредствомъ основаній разума, то оно доступно объясненію. Вѣдь всякое доказательство, получающееся не черезъ ощущенія и опытъ, но изъ того, что внѣ опыта, будучи внушено основаніями разума, состоитъ въ объясненіи либо того, что доказываютъ, либо того, что будутъ доказывать, либо въ объясненіи того и другого. И отсюда можно доказать возможность вещи, которая не нуждается ни въ какомъ объясненіи, какъ, напр., число три. Въ такомъ случаѣ, значитъ, нужно объяснить самую возможность, и она, значитъ, можетъ быть объяснена въ самой себѣ“ (§ 9).

Какимъ средствомъ пользуются люди, когда хотятъ доказать, что нѣчто возможно или невозможно? Они приводятъ на помощь различные примѣры [1]) и употребляютъ для этого отрицательное понятіе невозможности. Въ концѣ концовъ „возможно то, что безъ путаницы и противорѣчій ясно выражается въ себѣ самомъ“ (§ 10) [2]). Нѣчто подобное мы уже видѣли въ наброскѣ De justo et aequo.

„Теперь, продолжаетъ Лейбницъ, мы дадимъ объясненіе возможности для нашего силлогизма, первое предложеніе котораго звучитъ такъ“: что Богъ предвидитъ, то должно случиться, т. е. невозможно, „что бы оно не исполнилось“. Если теперь объясненіе возможности поставить вмѣсто возможности, то это будетъ звучать такъ: „что Богъ предвидитъ, неисполненіе того я не могу себѣ представить“, т. е. я не представляю, если даже и хочу. Но такимъ образомъ предложеніе дѣлается ложнымъ. Если я хочу, то я представляю; то есть не я, а другой, будь онъ изъ числа осужденныхъ или блаженныхъ. Я могу, если захочу, представить себѣ, что нѣтъ ни неба, ни ада, ибо это тоже возможно, такъ какъ Богъ, если захочетъ, можетъ ихъ уничтожить. Слѣдовательно, хотя истинно положеніе: „что Богъ предвидитъ, то случится“, но нельзя

---

[1]) «sie bringen exempel für, so eben so wenig oder noch weniger unmüglich scheinen und doch wahr und also auch müglich gewesen, brauchen sich also der unmüglichkeit zu beweisen die müglichkeit... sie bemühen sich, die sach, an deren müglichkeit gezweifelt wird, zu erklären». Ib. 348.

[2]) «Ist also *müglich* was sich deütlich ohne verwirrung und wiederspreehen gegen sich selbst erklären lässet». Ib.

допустить положенія: „что́ Богъ предвидитъ, то должно случиться“. Вѣдь сказать, что Богъ предвидитъ, есть то же, что сказать: „Богъ думаетъ, что это случится. „А такъ какъ Его мысли истинны, то это случится. Значитъ, положеніе: „что́ Богъ предвидитъ, то случится“ равносильно положенію: „что́ Богъ думаетъ, то случится“, или же, такъ какъ Богъ—сама истина: „что́ случится, то случится“, такъ же, какъ „что случилось, то случилось“. Значитъ, не нужно вмѣшивать Бога въ этотъ силлогизмъ, и мы можемъ такимъ образомъ увѣренно заключить: „что случится, то необходимо случится или должно случиться“, равнымъ образомъ: „что случилось, то по истинѣ должно было случиться“. Скажешь ли ты, что это не истинно? Нѣтъ, если не понимать подъ этимъ того, что́ люди ради краткости и во избѣжаніе повтореній стараются пропускать. Такимъ образомъ есть истинная причина, почему этотъ софизмъ, эта эквивокація имѣетъ значеніе на всѣхъ языкахъ; потому, что на всѣхъ языкахъ люди—противники повтореній. Вѣдь если я скажу: „что́ случилось, то должно по истинѣ случиться“, то это будетъ то же, какъ если бы я сказалъ: „что́ случится, то это потому, что должно случиться“ или „если это случится, то это должно случиться“, то есть если вмѣсто слова „должно“ поставить объясненіе, то весь силлогизмъ будетъ таковъ:

„Что случится (или что предвидится Богомъ), о томъ нельзя себѣ представить, что если оно случится (или предвидится Богомъ), то оно не случилось бы.

Мое осужденіе (блаженство) случится (предвидѣно Богомъ).

Слѣдовательно, о моемъ осужденіи (блаженствѣ) нельзя себѣ представить, что если оно случится (предвидится Богомъ), то оно не случилось бы.

Такимъ образомъ первое предложеніе стало истиннымъ, а весь силлогизмъ не ведетъ ни къ чему. Разъ это понятно, не смѣшно ли вамъ? Прибѣгаютъ къ рискованному софизму.., то есть хотятъ изгнать изъ міра либо провидѣніе, либо свободную волю“ (§ 11) [1]).

---

[1]) Лейбницъ добавляетъ: «auff nichts anders hinaus». Ib. 349.

Можно, говоритъ Лейбницъ, еще иначе объяснить понятіе возможности (§ 12) [1]).

Софизмъ о допущеніи грѣха.

Все, что было изложено до сихъ поръ о понятіи возможности и о толкованіи приведеннаго силлогизма, было только предпосылкой. Главная задача Лейбница заключается въ томъ, чтобы доказать нашу свободу грѣшить или не грѣшить. Къ этому онъ и приступаетъ, сказавъ нѣсколько словъ о довѣрчивости людей къ разнаго рода сомнительной логикѣ. „Если Богъ предвидитъ конечную цѣль, пишетъ Лейбницъ, то онъ предвидитъ и средство. Онъ знаетъ, что я буду блаженъ, онъ знаетъ также, что я живу богобоязненно. Если я буду осужденъ, то я предопредѣленъ къ грѣху. Но долженъ ли я грѣшить? Нѣтъ. Ты грѣшишь и будешь грѣшить, но ты не долженъ грѣшить. Въ твоей власти, чтобы ты не былъ предопредѣленъ ни къ какому грѣху. Какъ такъ? Я докажу. Навостри уши! говоритъ Лейбницъ. Въ твоей власти то, что лежитъ въ твоей волѣ. Значитъ, если ты не хочешь грѣшить, то ты не будешь также предопредѣленъ къ грѣху. Въ твоей власти объясненіе, предопредѣленъ ты къ грѣху или нѣтъ; значитъ, ты не можешь жаловаться ни на предопредѣленіе, ни на Бога, но на самого себя и на свою волю. (§ 13).

„Здѣсь, продолжаетъ Лейбницъ, поднимается послѣдній и самый жестокій упрекъ. Вѣдь ты скажешь: почему Богъ не сотворилъ меня лучше? Почему, однимъ словомъ, не далъ

---

[1]) «sofern sie mehr von den menschen als von den dingen verstanden wird, dass nemlich dasjenige seyn *müsse*, dessen unterbleibung nicht müglich ist, und müglich sey, oder dass man thun könne, dasjenige so da geschicht, wenn man will, wird der form-Schluss also:

Was geschehen (von Gott vorgesehen) wird, das (mus geschehen oder) unterbleibet nicht, wenn Gott gleich wolte, das es unterbleiben solte.

Nun meine Verdamnüss etc.

Derowegen etc.

Also ist der erste Saz augenscheinlich falsch, man wolte ihn denn auch verdupplen oder reduplicative verstehen, also: was geschehen wird, unterbleibet nicht, wenn Gott gleich wolte, dass, indem es geschehen wird, es nicht geschehen solte (wiewohl Gott solches als ungereimt nicht kan wollen.). So bleibt der erste saz wahr, aber der schluss ist wieder niemand». Ib. 349—350.

мнѣ ни умѣреннаго темперамента, ни другой воли, ни свѣтлаго разума, ни счастливаго воспитанія, ни выгодныхъ обстоятельствъ, ни способныхъ родителей, ни прилежнаго учителя, ни бо́льшей милости? Почему я долженъ быть грѣшникомъ, осужденнымъ, отчаяннымъ, поглощаемымъ и поглощеннымъ вѣчностью? Тутъ я тебѣ не повиненъ въ отвѣтѣ, говоритъ Лейбницъ. Достаточно того, что ты не захотѣлъ отказаться отъ грѣховъ и приложить стараніе къ своему блаженству. Для злой воли есть наказаніе; оно является тамъ, гдѣ его хотятъ; иначе не было бы наказано ни одно преступленіе; всегда имѣется причина воли внѣ хотящаго; именно, есть воля, которая дѣлаетъ насъ людьми и личностями, заставляетъ насъ грѣшить, быть блаженными и осужденными". (§ 13) [1]).

Тѣмъ не менѣе сама въ себѣ мудрость Бога, думаетъ Лейбницъ, всегда готова къ справедливости. А если это такъ, то пусть несчастный человѣкъ, разъ онъ хотѣлъ, заслужитъ наказаніе. Такъ изначала былъ поставленъ онъ у Бога, ибо по волѣ онъ никогда бы не впалъ въ грѣхъ и осужденіе [2]). Такимъ образомъ нельзя сказать, что Богъ только зритель. У Бога въ рукахъ, кромѣ этого, поводы къ грѣху. Но нужно сказать, что Богъ не только смотритъ на наше неистовство, но при случаѣ ставитъ на дорогѣ препятствія въ родѣ извѣстнаго обманчиваго яблока въ раю. „Онъ создалъ насъ, говоритъ Лейбницъ, и въ особенности Адама и Еву такъ, что цѣлая цѣпь обстоятельствъ впутана въ это съ момента творенія, именно, что Ева не была въ состояніи противиться змѣю, а Адамъ Евѣ" [3]), и врядъ ли было бы лучше чѣмъ теперь, если бы вмѣсто Адама и Евы вначалѣ были другіе люди. (§ 14) Этотъ узелъ не разрубленъ пока никакимъ Александромъ Македонскимъ, и тутъ возникаетъ другой

---

[1]) Ib. 350.

[2]) «der arme mench habe, weil er gewolt, die staffe verdienet, so hätte doch gleichwohl anfangs bey Gott gestanden, zu wege zu bringen, dass er niemahls auff den willen, zu sündigen gerathen und in sünde und verdammung gefallen were.» Ib. 351.

[3]) Ib. 351.

главный софизмъ въ такой формѣ:

„Кто сознательно допустивъ грѣхи, сознаетъ для этого всѣ обстоятельства „и дѣлаетъ такъ, что человѣкъ можетъ ихъ совершить“, тотъ при этомъ самъ разрушаетъ волю человѣка и дѣлаетъ такъ, „что тотъ хочетъ это дѣлать“: такъ какъ онъ однако можетъ стѣснять грѣхи, то онъ можетъ перестать создавать обстоятельства и нарушать волю, которая должна считаться зачинщикомъ грѣха.

Богъ, какъ мы доказали, дѣлаетъ это.

Слѣдовательно, Онъ долженъ считаться виновникомъ грѣха“ [2]).

Это, говоритъ Лейбницъ, камень преткновенія (§ 15).

„Кто посмѣетъ когда нибудь отрицать, что въ Богѣ пропала власть изъять всѣ грѣхи изъ міра? Онъ не дѣлаетъ этого; значитъ, Онъ хочетъ допустить ихъ. Да, Онъ хочетъ, чтобы они остались. Вѣдь Онъ считаетъ за лучшее либо чтобы они оставались, либо чтобы они исчезли; третьяго не можетъ быть. Если Онъ считаетъ за лучшее, чтобы они исчезли, то они должны исчезнуть, ибо Всевѣдующій хочетъ того, что Онъ считаетъ за лучшее; природа мудрости влечетъ за собою желаніе лучшаго. Кто это отрицаетъ, тотъ путаетъ употребленіе словъ. Ибо если хорошо, то хотять (именно, если понимаютъ природу этого), какъ сказалъ и Аристотель, чтобы было лучше, и хотять для другихъ, именно если это понимаютъ. А такъ какъ Всевѣдующій знаетъ, что̀ лучше, то слѣдуетъ, что Онъ лучшаго хочетъ. Такъ какъ далѣе Всевѣдующій хочетъ того, что Онъ считаетъ за лучшее и такъ какъ, будучи всемогущимъ, дѣлаетъ, что хочетъ, то слѣдуетъ, что грѣхи должны исчезнуть, если только Онъ считаетъ это за лучшее. Но такъ какъ они до сихъ поръ существуютъ въ нашемъ мірѣ, то это знакъ, что Богъ считаетъ ихъ за лучшее и, слѣдовательно значитъ, хочетъ, что бы они оставались и. значитъ, Онъ хочетъ имѣть грѣхи въ мірѣ“. (§ 16).

„И даже еще болѣе: такъ какъ Богъ есть послѣднее начало всѣхъ вещей и причина, почему онѣ лучше существуютъ, чѣмъ не существуютъ и лучше существуютъ такъ, чѣмъ иначе, то съ перваго взгляда слѣдуетъ, что самъ Богъ

---

[1]) Ib. 352.

сотворилъ и создалъ грѣхи. Съ какой стати я приму грѣхъ и нанесу кому нибудь смертельный ударъ? Потому, что я хочу и могу. Что́ я могу, то отъ Бога; чего я хочу, то отъ обстоятельствъ. Но вѣдь ихъ создалъ Богъ вмѣстѣ со всею цѣпью ихъ причинъ вплоть до начала міра? Я хочу потому, что другой (можетъ быть невѣдомо) меня оскорбляетъ, а я холерическаго темперамента.... Все это имѣетъ опять свои причины, такъ что, если бы человѣческій разумъ былъ способенъ, то онъ могъ бы дойти въ этомъ потокѣ безъ всякихъ помѣхъ до его источника, и, наконецъ, до самого Бога, первой творческой основы міра, изъ котораго все это вытекаетъ". (§ 17) [1]).

Но вотъ въ чемъ дѣло: еще отцы породили мысль, что если бы грѣхи были ничто, то не было бы соотвѣтствующаго совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если Богъ создалъ грѣхи, то во всемъ ли виноваты люди? „Вѣдь плохой музыкантъ бываетъ причиной только ударовъ и толчковъ, а не вытекающей отсюда дисгармоніи; то есть кто виноватъ, что они не хотятъ согласоваться? Долженъ ли за это отвѣчать музыкантъ? Я не вижу, пишетъ Лейбницъ, почему нужно считать самого грѣшника виновникомъ грѣха? Онъ совершаетъ поступокъ (подобнымъ образомъ Богъ совершаетъ все, изъ чего слѣдуетъ поступокъ); кто виноватъ, что поступокъ не согласуется съ любовью Бога. Такое несовершенство или дисгармонія не есть нѣчто сущее (non ens), но отрицательное, гдѣ нѣтъ никакой помощи или вліянія, какъ ихъ называютъ. И вотъ являются прекрасные адвокаты Божеской справедливости, которые надѣются сдѣлать всѣ грѣхи не наказуемыми; мнѣ удивительно, что глубокомысленный Декартъ тоже спотыкнулся на этомъ" (§ 18) [2]).

„Иные, продолжаетъ Лейбницъ, подъ предлогомъ свободы человѣческой воли стараются разорвать алмазную цѣпь слѣдующихъ другъ изъ друга причинъ и ради сохраненія Божьей справедливости лишить Бога Его собственной природы (именно, что Онъ первая и послѣдняя причина всѣхъ вещей") [3]). „Они говорятъ, что свободная воля есть такая

[1]) Ib. 352.
[2]) Ib. 353.
[3]) Ib.

сила разумнаго творенія, что безъ всякой причины можетъ хотѣть того или другого. Это они называютъ чистой индифферентностью, даютъ ей удивительное названіе, титулъ и отличія, и вносятъ сюда безчисленное количество непонятныхъ вещей и философскихъ чудесъ, какъ это легко видѣть. Но такъ какъ цѣпь причинъ отъ этого нарушена, то они не знаютъ, какъ нужно объяснить всевѣдѣніе Божіе, основанное на томъ, что Онъ есть первая причина (ens a se a quo omnia), какъ учатъ они сами“ [1]). Тутъ не поможетъ и scientia media, придуманная испанцами Фонсекой и Молиной [2]). Трудность, по мнѣнію Лейбница, заключается тутъ въ томъ, какъ вывести предвѣдѣніе изъ аттрибутовъ Бога и вмѣстѣ изъ нашего разума, предполагая главныя свойства Божества [3]). Ссылаясь на одинъ изъ примѣровъ предвѣдѣнія Божія, взятый изъ библіи, о Саулѣ и Давидѣ, Лейбницъ съ этой точки зрѣнія проводитъ параллель между Богомъ и учителемъ ариѳметики. „Учитель ариѳметики, пишетъ Лейбницъ, который умножилъ 4 на 8 и произведеніе раздѣлилъ на 2, получивъ 16, можетъ знать, что если онъ умножитъ 8 на 2 и раздѣлитъ произведеніе на 4, то получится 4. По сравненію съ Богомъ различіе тутъ то, что Богъ сразу охватываетъ безчисленное количество возможныхъ положеній и слѣдствій, а учитель ариѳметики долженъ дѣлать это каждый разъ особо“ [4]). Однако не смотря на то, что мы не будемъ знать всѣхъ тайнъ Божества, [5]) думаетъ Лейбницъ, всетаки наука о такихъ вещахъ можетъ кое что освѣтить въ вопросѣ о всевѣдѣніи Божіемъ и свободной волѣ человѣка. (§ 19) [6]).

---

[1]) Ib. 353—354.

[2]) «Hier ist nun der unvergleichliche Geist zweyer Spanier Fonsecae und Molinae der nothleidenden allwissenheit Gottes eben recht zu hülffe kommen und hat dem menschlichen geschlecht eröfnet, wie das Gott alle solche consequenzen der dinge, da der freye wille mit eingemischet, wisse, durch eine gewisse Wissenschaft, so, glaub ich, im Himmel scientia media genennet werde». Ib. 354.

[3]) Ib.

[4]) Ib. 354—355.

[5]) Лейбницъ прямо говоритъ: «dieses wird nicht gewiesen». Ib. 354.

[6]) «der wissenschaft solcher dinge, daran niemand zweifelt, nur ein neüer nahmen geben und auff die, so sich dagegen sezen, als ob sie die allwissenheit Gottes oder den freyen willen des menschen verläugnen wolten, fulminiret». Ib. 355.

Сущность вопроса о свободѣ и необходимости.

Сочиненіе Лейбница обрывается на этомъ замѣчаніи. Отъ слѣдующаго, двадцатаго параграфа сохранилось только три слова. По своему характеру, сочиненіе, согласно намѣренію Лейбница, должно было представлять популярную статью; по своему содержанію оно представляетъ изслѣдованіе вопроса о свободѣ и необходимости и считается наброскомъ Теодицеи [1]). Кабитцъ думаетъ [2]), что нѣмецкій текстъ сочиненія представляетъ переводъ, пока еще не найденнаго латинскаго трактата, о которомъ Лейбницъ писалъ въ февралѣ 1671 года герцогу Іоанну Фридриху и который былъ посвященъ той же темѣ о свободѣ воли. Сохранившуюся обработку этой темы мы видѣли въ письмѣ къ Веддеркопфу. Интересно сравнить это письмо съ наброскомъ Теодицеи. Въ письмѣ къ Веддеркопфу Лейбницъ выдвигаетъ главнымъ образомъ три мысли: 1. Богъ, по своему всевѣдѣнію и всемогуществу, постановляетъ свои рѣшенія обо всѣхъ и не дѣлаетъ абсолютныхъ попущеній. 2. Все разрѣшается на разумную основу, заключенную въ Божьемъ интеллектѣ, который гармониченъ, почему гармонія вещей, хотя она необходима, не мѣшаетъ свободѣ, если эта свобода понимается, какъ желаніе поступать по опредѣленію разума. 3. Богъ, согласно прирожденной Его уму гармоніи, всегда выбираетъ лучшее; отсюда, если зло и грѣхи существуютъ въ мірѣ, то они допущены Богомъ, какъ нѣчто такое, что необходимо для наилучшей гармоніи цѣлаго. Изъ всѣхъ этихъ мыслей въ наброскѣ Теодицеи трактуются преимущественно первая и третья. Вторая мысль о Богѣ, какъ основѣ вещей, принимаетъ въ наброскѣ нѣсколько отвлеченный, логическій характеръ. Богъ разсматривается какъ причина міра и какъ начало цѣпи извѣстныхъ явленій, но не только какъ гармоническій интеллектъ. Можетъ быть въ соотвѣтствіи съ этимъ центръ тяжести въ объясненіи противорѣчій между свободой и необходимостью изъ сферы согласованія гармонически настроенной воли и разума перемѣщается въ область анализа и логически-словесныхъ толкованій. Не поддаваясь ходячимъ мнѣніямъ, Лейбницъ желаетъ защитить имѣющуюся

---

[1]) Kabitz. Op. cit., 37 примѣчаніе. Также Cassirer. Op. cit., 509.

[2]) Kabitz. Op. cit., 123—124.

въ понятіи Бога истину религіи посредствомъ метода, который примѣнялся уже въ Defensio Trinitatis.

Въ самомъ дѣлѣ, многіе полагаютъ, что Божіе всевѣдѣніе уничтожаетъ свободную волю человѣка. Такъ, напримѣръ, если Богъ знаетъ все, то въ своемъ рѣшеніи относительно меня онъ предвидѣлъ мое блаженство или осужденіе. А когда такъ, то что́ я ни дѣлай,—все равно. Если я блаженъ, то блаженъ, если осужденъ, то осужденъ. Произволъ моей воли имѣетъ полное основаніе, ибо я ничего не могу подѣлать съ предопредѣленіемъ. Лейбницъ противъ такого пониманія Провидѣнія. Онъ излагаетъ разсужденіе въ формѣ силлогизма и потомъ спеціально разбираетъ каждую часть основной большей посылки: „Что Богъ предвидитъ, то должно случиться". По мнѣнію Лейбница, понятіе долженствованія сводится на понятіе возможности, а понятіе возможности зависитъ отъ того, что мы считаемъ возможнымъ. Какъ же опредѣлить возможное? Оно опредѣляется съ одной стороны ясностью представленія, а съ другой стороны отсутствіемъ противорѣчій [1]). Такъ какъ, кромѣ того, оно опредѣляется въ мышленіи, то большую посылку силлогизма, во второй ея части, Лейбницъ преобразуетъ слѣдующимъ образомъ: „должно случиться", значитъ „невозможно, что бы не исполнилось", значитъ „я не могу себѣ представить, что бы не исполнилось". Но вѣдь это ложь! Я всегда могу себѣ представить, что, напримѣръ, меня не осудилъ Богъ. Отсюда выводъ: смыслъ большей посылки можетъ быть только таковъ: „что Богъ предвидитъ, то случится". Теперь Лейбницъ обращается къ первой части большей посылки. Богъ предвидитъ—значитъ Богъ думаетъ, а такъ какъ Богъ—сама истина, то, что́ Онъ думаетъ, то вѣрно. Отсюда вмѣсто того, чтобы сказать: „что Богъ предвидитъ, то случится", мы можемъ просто сказать: „что случится, то случится". Такимъ

---

[1]) Этого взгляда на понятіе возможности Лейбницъ держался и впослѣдствіи. Смотр. C.-A. Vallier. De possibilibus apud Leibnitium. Burdigalae. 1882. p. 7, гдѣ Валлье говоритъ: «Apello possibile, scribit Leibnitius, quidquid perfecte concipi potest, et consequenter habet essentiam, seu ideam» et alias «possibiles dicit res quae non implicant contradictionem». Цитаты взяты изъ письма къ Бурге и Теодицеи.

образомъ, Бога не слѣдуетъ вмѣшивать въ силлогизмъ. Божіе всевѣдѣніе остается само по себѣ, а понятіе долженствованія становится относящимся къ нашему уму и волѣ. Лейбницъ отдѣлилъ въ Богѣ интеллектъ отъ воли. Богъ провидитъ умомъ. Поэтому въ актѣ всевѣдѣнія воля Бога насъ не принуждаетъ, а интелектъ Божій обусловливаетъ только идейно. Отъ истины какъ бы идетъ истина. На этомъ основаніи, пользуясь силлогизмомъ, мы въ окончательной формѣ должны заключить только такъ, что о своемъ осужденіи или блаженствѣ я не могу представить, что если оно случится,—то есть предвидится Богомъ,—то оно не случилось бы. Моя воля выходитъ изъ области умозаключенія [1]). Лейбницъ такимъ образомъ защищаетъ индетерминизмъ [2]). Этотъ индетерминизмъ подтверждается далѣе тѣмъ, что мы не должны грѣшить. Мы можемъ грѣшить, но не должны. Внѣ насъ несомнѣнно есть причина, которая насъ опредѣляетъ, но воля Бога справедлива. Поэтому мы не можемъ обвинять Бога за то, что Онъ допустилъ грѣхи. Онъ могъ ихъ допустить, но не Онъ виновникъ грѣха. Здѣсь Лейбницъ повторяетъ мысль изъ письма къ Вендеркопфу. Богъ всегда хочетъ только лучшаго. Онъ не можетъ его не хотѣть, ибо Онъ есть послѣдняя причина, почему вещи лучше существуютъ, чѣмъ не существуютъ. Съ точки зрѣнія наилучшей цѣлесообразности Богъ допустилъ и грѣхи. Лейбницъ разсматриваетъ нѣсколько вопросовъ, относящихся къ такому пониманію могущества Божія. Онъ говоритъ, что если Богъ виновникъ грѣха, то не во всемъ можно винить людей. Онъ опровергаетъ мнѣніе объ индифферентизмѣ воли. Эти опроверженія одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ въ наброскѣ. По Лейбницу, все какъ узломъ связано въ послѣдней

---

[1]) Кабитцъ такъ формулируетъ принципъ приведенныхъ разсужденій Лейбница: aus dem Gedanken als solchem folgt nicht die Wirklichkeit des Gedachten. Op cit., 124.

[2]) Здѣсь, кажется, впервые достаточно ясно выразилось убѣжденіе Лейбница, которое такъ основательно защищалъ А. Серебренниковъ, воспользовавшись для этого другими произведеніями философа, которыя относятся большею частью къ эпохѣ полной зрѣлости его мышленія. А. Серебренниковъ. Цит. соч. 271—305.

причинѣ міра, въ Богѣ, откуда идетъ непрерывная цѣпь слѣдствій. Если признать абсолютную свободу воли, то въ этой цѣпи окажутся пробѣлы, которые нечѣмъ будетъ заполнить. Значитъ воля какъ-то всетаки опредѣлена. Объясненій этому нѣтъ въ наброскѣ. Въ концѣ сочиненія имѣется только сравненіе всевѣдѣнія Божія съ умозаключеніями учителя ариѳметики. Богъ постигаетъ все сразу, учитель per partes. Это одна изъ любимыхъ мыслей Лейбница.

Отсутствіе конца въ сочиненіи подало поводъ Кабитцу сдѣлать догадку о послѣдующемъ текстѣ.[1]) Можно замѣтить, что встрѣчающаяся въ письмѣ къ Веддеркопфу приписка Haec postea correxi: aliud enim, *infallibiliter* eventura esse peccata; aliud *necessario*" какъ будто нашла себѣ въ наброскѣ нѣкоторое разъясненіе.

Письмо къ Гезенталеру. Энциклопедія знаній.

Вѣроятно въ то же время, когда были созданы письмо къ Арно, Definitio justitiae universalis и набросокъ Теодицеи, т. е. въ концѣ 1671 года, Лейбницъ написалъ письмо къ Тюбингенскому профессору Гезенталеру. Послѣдній весьма интересовался пансофическими стремленіями[2]) и Лейбницъ высказалъ ему свое сужденіе объ энциклопедіи Амоса Коменскаго. „Я вполнѣ согласенъ съ Коменскимъ, пишетъ Лейбницъ, что Дверь языковъ[3]) и энциклопедія должны

---

[1]) По словамъ Кабитца Лейбницъ «wird an den Gedanken angeknüpft haben, dass Gott unter den möglichen Welten, welche er denkend überschaut, die best mögliche ausgewählt und durch seinen Willen ins Dasein setzt. Er wird erklärt haben, dass diese Bestimmung des göttlichen Willens nach dem letzten Endzweck, der vollkommensten Harmonie, keine absolute Nötigung durch den Intellekt ist, da er sonst alles Mögliche ins Dasein setzen müsste; das mit der Wahl und dem ins-Dasein-setzen der bestmöglichen Welt nicht zugleich alles Geschehen mit absoluter Notwenidgkeit gesetzt, das dem menschlichen Willen und den Dingen ein gewisser freier Spielraum gegeben ist, womit den freilich neue schwierige Verwicklungen entstehen». Kabitz. Op. cit. 125.

[2]) B. Tillmann. Op. cit., 20.

[3]) Сочиненіе Коменскаго имѣло заглавіе Ianua Linguarum Reserata sive seminarium Linguarum et Scientiarum Omnium. Это была хрестоматія, гдѣ были резюмированы почти всѣ человѣческія знанія. Couturat. Op. cit. 571.

представлять одно и то же“ [1]). „Энциклопедія, продолжаетъ Лейбницъ, есть система по возможности всѣхъ истинныхъ, полезныхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ предложеній. А всѣ предложенія бываютъ либо частными, либо общими, хотя бы частныя были такими, которыя содержатъ нѣчто общее, какъ, напримѣръ, предложенія о постоянствѣ движенія небесныхъ тѣлъ, или, напротивъ общія были бы таковы, что приближались къ единичнымъ, то есть были бы образованы индукціей... Общія предложенія установлены или въ силу доказательства, или въ силу индукціи, т. е. или разумомъ или чувствами. Въ силу доказательства вѣрны предложенія, которыя зависятъ или отъ опредѣленія словъ или отъ ясныхъ и раздѣльныхъ идей о вещахъ. Таковы всѣ ариѳметическія, геометрическія, логическія, метафизическія предложенія и большая часть тѣхъ, которыя относятся къ морали, общественной наукѣ и естественной юриспруденціи... „Въ силу индукціи, вѣрны предложенія медиковъ, химиковъ, астрономовъ... Наконецъ, есть предложенія смѣшанныя, выведенныя изъ теоремъ и наблюденій, скомбинированныхъ между собой“ [2]).

Въ письмѣ къ Гезенталеру, такимъ образомъ, повторяется извѣстная еще изъ Ars Combinatoria и предисловія къ трактату Низолія теорія сужденій. Критерій ясности и раздѣльности вновь подчеркивается Лейбницемъ какъ особое условіе доказательности, что́ мы только-что видѣли въ наброскѣ Теодицеи. Что касается вопроса о содержаніи энциклопедіи, то онъ былъ затронутъ слегка; но сохранился фрагментъ, посвященный болѣе глубокой разработкѣ той-же темы и находящійся съ письмомъ къ Гезенталеру въ логической связи. Это—„Размышленія объ основахъ усовершенствованія и исправленія энциклопедіи Альштеда“ [3]). Лейбницъ, еще со времени занятій преобразованіемъ книжнаго дѣла въ Майнцѣ, обдумывалъ планъ систематизаціи наукъ [4]), и теперь, въ пе-

---

[1]) Ib. 181—182.

[2]) Ib. 181—182.

[3]) «Cogitata quaedam de ratione perficiendi et emendandi Encyclopaediam Alstedii». D., V. 183—185. Іоаннъ Генрихъ Альштедъ опубликовалъ свою энциклопедію въ 1821 году въ 4 томахъ in folio.

[4]) Couturat. Ob. cit., 125—126.

ріодъ намѣреній создать Elementa de mente, видимо, особенно заинтересовался этой идеей. „Стоило бы, пишетъ онъ, улучшить и издать энциклопедію Альштеда... Для энциклопедіи необходимы, во первыхъ, точно доказанные элементы истинной философіи. Сюда цѣликомъ долженъ быть отнесенъ Ѳома Гоббесъ съ его книгами о тѣлѣ и государствѣ, кое гдѣ, конечно, исправленными; затѣмъ элементы Эвклида и всѣ вновь найденныя открытія, доказанныя подобнымъ же образомъ. Въ качествѣ истинной теологіи должны быть прибавлены наши элементы философіи объ умѣ; въ качествѣ истинной юриспруденціи—наши доказательства естественнаго права; въ качествѣ истинной политики—наши доказательства какъ о полезномъ вообще, такъ и о возможно наилучшемъ государствѣ. Въ качествѣ философіи объ умѣ должны быть присоединены нѣкоторыя выдержки изъ Декарта, Дигби и Бонарте [1]), а также логика [2]) Юнга.. съ выдержками изъ логики Клауберга и Арно, и изъ моей Ars combinatoria. Въ качествѣ истинной Физики для пополненія Гоббеса должно быть прибавлено то, что принадлежитъ Галилею и Гюйгенсу о движеніи, и нѣкоторыя изъ моихъ соображеній, даже кое что изъ Аристотеля и Дигби, именно то, что состоитъ въ чистыхъ умозрѣніяхъ, а не въ опытахъ“ [3]). Первая часть энциклопедіи такимъ образомъ должна быть посвящена, по мнѣнію Лейбница, тому, что зиждется на опредѣленіяхъ.

„Теперь, говоритъ Лейбницъ, я перехожу къ исторіи вещей или наблюденіямъ. Наблюденія также существуютъ объ умѣ, тѣлѣ и человѣкѣ; наблюденія объ умѣ бываютъ либо о нашемъ собственномъ, либо о чужомъ. Къ нашему уму относится характеристическое ученіе (doctrina characteristica) о нравахъ, объ аффектахъ и о разныхъ ихъ причинахъ, степеняхъ, дѣйствіяхъ, измѣненіяхъ; затѣмъ ученіе объ относящихся къ уму наблюденіяхъ самыхъ актовъ мышленія, чему,

---

[1]) О Бонарте см. Couturat. Op. cit., 539 и слѣд. Книга Бонарте называлась Concordia scientiae cum fide.

[2]) «Вѣдь и она есть часть философіи объ умѣ», замѣчаетъ Лейбницъ. D. V. 183.

[3]) Ib.

мы думаемъ, помогаютъ память и сужденіе, и къ чему нужно присоединить способности и многое другое въ томъ же родѣ, что бываетъ въ насъ самихъ во время размышленій. Потомъ доктрина о снѣ, экстазѣ, поступкахъ лунатиковъ, пьяныхъ и т. п. Вообще нужно обратить особенное вниманіе на то, почему люди всегда мыслятъ, и почему душа никогда не перестаетъ быть дѣятельной ни въ обморокѣ, ни въ апоплексіи, ни въ самомъ сосѣдствѣ смерти, такъ какъ тотъ, къ кому смерть вдругъ приближается, приходитъ въ себя и сообщаетъ о предѣлахъ жизни (de extremis).

„Далѣе, наблюденія о чужомъ умѣ могутъ быть организованы въ томъ случаѣ, если подвергнется наблюденію все, что въ мірѣ происходитъ разумно, даже безъ содѣйствія людей. Сюда относятся управленіе міромъ и его форма, пользованіе частями какъ міра, такъ и человѣческаго тѣла. Но этотъ отдѣлъ долженъ быть поставленъ какъ бы вершиной всеобщей работы, такъ какъ онъ зависитъ отъ знанія исторіи всѣхъ прочихъ. Значитъ, только сюда должна быть отнесена исторія всѣхъ чудесъ, которыя случаются внѣ хода природы, а также выведенныя изъ нихъ наблюденія. Здѣсь не должны быть оставлены въ пренебреженіи сообщенія сагъ, если они существенны. Физическая исторія состоитъ въ спеціальной физикѣ, ядрѣ Альдрованда, Геснера, Бобини, и добавленіяхъ къ нимъ, затѣмъ въ смѣшанной математикѣ, такъ какъ безъ сомнѣнія должна быть исторія и видовъ, и качествъ. Сюда, значитъ, долженъ быть отнесенъ и весь курсъ математики Шотта, за исключеніемъ чистой ариѳметики и геометріи. Сюда должно быть отнесено новое основаніе почти всѣхъ механическихъ искусствъ.

„Исторія временъ всеобща. Она совершенно необходима для нашей цѣли. Къ ея области должны быть отнесены труды Кальвизія, Петавія, Альштеда, Лаббеуса; частная же должна быть заботливо изложена для нашего времени вмѣстѣ съ абсолютнымъ указателемъ для того, чтобы для всякаго случая тотчасъ можно было найти нѣчто подобное. Исторія мѣстъ есть географія какъ новая, такъ и древняя.

„И вотъ, наконецъ, слѣдуетъ завершеніе дѣла объ удивительномъ управленіи міра и неимовѣрной мудрости правителя Бога, т. е. о предѣлахъ вещей—это теорема о сущемъ,

объ умѣ, о пространствѣ, о движеніи, о благѣ; наблюденія относительно движенія, качествъ, удивительныхъ случаевъ, чудесъ; исторія всѣхъ временъ и особенно нашего, исторія всѣхъ мѣстъ и особенно нашего; краткое повтореніе объ управленіи міромъ, т. е. о Богѣ; исторія, основанная на догадкахъ; проблемы о дѣйствіи" [1]).

Такъ представлялъ себѣ Лейбницъ содержаніе энциклопедіи въ его цѣломъ. По существу это былъ планъ философской системы съ раздѣленіемъ изложенія на отдѣлы, сообразно дедуктивному и индуктивному методу, при чемъ первый былъ поставленъ во главѣ. Думать о философской системѣ Лейбницъ не прекращалъ уже давно.

Къ приведенному тексту Лейбницъ прибавилъ соображенія о частяхъ энциклопедіи, гдѣ между прочимъ повторилъ мысль, что есть смутные акты мышленія [2]). Планъ энци-

---

[1]) Интересъ къ исторіи, который теоретически могъ зародиться у Лейбница еще подъ вліяніемъ Бэкона, имѣлъ въ Майнцскій періодъ жизни нашего философа практическое выраженіе. Объ этомъ смотр. Louis Davillé: Leibniz Historien. Essai sur l'activité et la méthode historiques de Leibniz. Paris. 1909. P. 18.

[2]) Соображенія Лейбница о частяхъ энциклопедіи представляютъ нѣкоторый интересъ съ точки зрѣнія процесса работы автора. «Части энциклопедіи, пишетъ Лейбницъ, это—теоремы, исторія, наблюденія, гипотезы, проблемы. Теоремы—это общія предложенія, взятыя только изъ разума. Исторія это есть единичныя, случайныя предложенія, взятыя изъ сложнаго чувства или индукціи. Гипотезы—это теоретическія предложенія либо общія, либо частныя, взятыя изъ чувства и разума. Теперь вотъ какой вопросъ: лучше ли смѣшивать ихъ взаимно, или полагать отдѣльно. Если нужно прямо и строго держаться научнаго порядка, то, конечно, слѣдуетъ отдѣлять; а если по привычкѣ, то я соединяю. Но лучше всего предложить ихъ по нѣкоторой параллельной формѣ, которая вмѣстѣ раздѣляетъ и соединяетъ. Къ этому присоединяется... индексъ или словарь словъ, очень точно составленный, въ которомъ объясняются смежныя слова, чтобы то, чего не находишь въ данномъ словѣ, ты пожелалъ поискать въ родственномъ выраженіи. Меня удовлетворяетъ вотъ какое подраздѣленіе.

Теорема: если что однажды мыслило, то будетъ мыслить всегда.

Исторія: Тицій, лежа въ апоплексіи или обморокѣ, испыталъ, что у него всегда замѣчаются акты мышленія, хотя и смутныя.

Наблюденія: многія сны имѣютъ даръ предвѣщанія.

клопедіи былъ какъ бы послѣднимъ аккордомъ философской дѣятельности Лейбница передъ его отъѣздомъ въ Парижъ.

Египетскій проэктъ и отъѣздъ въ Парижъ.

Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что изложенный проэктъ улучшенія энциклопедіи возникъ у Лейбница по той причинѣ, что какъ разъ около того же самаго времени въ концѣ 1671 года онъ вновь началъ разработывать идею объ учрежденіи въ Германіи Общества или Академіи для усовершенствованія искусствъ и наукъ. Онъ составилъ тогда, вѣроятно для курфюрста Іоанна Филиппа, небольшое сочиненіе [1]), которое во многихъ отношеніяхъ было повтореніемъ „Grundriss eines Bedenkens“, хотя не отличалось широтой философскихъ концепцій послѣдняго. Напротивъ, сравнительно съ послѣднимъ сочиненіе было преисполнено практическаго духа и содержало главнымъ образомъ приведенныя ad hoc свѣдѣнія по исторіи искусствъ и знаній. Текущая жизнь все болѣе и болѣе поглощала Лейбница въ послѣдніе дни Майнцскаго періода. Правда, мы видимъ, что 31 января 1671 года Лейбницъ еще пишетъ Ферранду, что занимается обработкой права [2]), а Якову Тома-

---

Гипотеза, т. е. краткое повтореніе изъ опытовъ: нашъ умъ, когда освобождается отъ функціи тѣла, допускается къ существованію (patitur) нѣкотораго рода высшимъ умомъ.

Проблема, или практическое предложеніе: нашъ умъ имѣетъ высшій дружественный умъ». Далѣе Лейбницъ повторяетъ опредѣленія предложеній необходимыхъ, общихъ, единичныхъ, теоретическихъ. Послѣднее любопытно: «Theoretica est, quae non continent quid sit *bonum* cogitanti, sive absolutè seu quid *sit justum*, seu hypothetice quid sit *utile*». Въ концѣ наброска говорится о теоремахъ въ различныхъ областяхъ знанія и между прочимъ въ медицинѣ: «Medici theoremata petunt ex physicis et mathematicis». D. V. 185. Въ потокѣ мыслей, Лейбницъ набрасывалъ мысли на бумагу со всѣми оттѣнками, которые были присущи данному моменту ихъ развитія.

[1]) Bedenken von Aufrichtung einer Academie oder Societät in Teutschland, zu aufnehmen der Künste und Wissenschaften. Onno Klopp. I, 133—148. F. d. K. 7, 64—65. Kritischer Catalog. N. 964.

[2]) Лейбницъ обработывалъ четыре сочиненія: Elementa juris naturalis, Elementa juris civilis, Nucleus legum romanorum и Corpus juris reconcinnatum. Kritischer Katalog. № 1017.

зію [1]) и Герике [2]), что интересуется Спинозой и физическими приборами, т. е. что онъ еще занятъ наукой, но тѣмъ не менѣе съ начала 1672 года наука все болѣе и болѣе отходитъ у Лейбница на задній планъ. Его начинаетъ привлекать политика и главнымъ образомъ проэктъ, который долженствуетъ спасти Европу и Германію отъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV. Идея о безопасности Германіи уже занимала Лейбница въ Securitas publica, но теперь онъ развиваетъ ее въ иномъ направленіи, желая отвлечь Людовика XIV отъ войны въ Голландіи указаніями на выгоду войны съ Турціей. Гораздо полезнѣе, по мнѣнію Лейбница, завоевать принадлежащій Турціи Египетъ, чѣмъ раззорять мирныхъ голландскихъ гражданъ! Подъ вліяніемъ Бойнебурга, и, можетъ быть, отчасти въ сотрудничествѣ съ нимъ, Лейбницъ составляетъ на эту тему рядъ замѣтокъ [3]), даже пишетъ во Францію письма въ качествѣ дипломата [4]). Случай былъ подходящій. Въ декабрѣ 1671 года Майнцкому кабинету было сообщено, что Голландіи уже объявлена война, а въ началѣ 1672 года дипломатическія отношенія Франціи съ Турціей стали грозить разрывомъ. Какъ могло не показаться возможнымъ обратить разгнѣваннаго Людовика XIV на досаждающихъ турокъ, поправивъ положеніе вещей въ Европѣ проповѣдью священной войны [5])? И вотъ Лейбницъ создаетъ проэктъ завоеванія Египта сначала въ видѣ небольшого доклада „Consilium Aegyptiacum“ [6]), а потомъ въ видѣ цѣлой книги De expeditione Aegyptica regi Franciae proponenda

---

[1]) G. I, 39.

[2]) G. I, 106.

[3]) F. d. K. V, 309.

[4]) Ib. 302. Письмо статсъ-секретарю Людовика XIV Арно Де Помпонну было послано отъ Бойнебурга, но писалъ его Лейбницъ. Kritischer Katalog. № 998. При письмѣ была замѣтка въ 22 параграфа. Переводъ того и другого съ французскаго имѣется въ книгѣ: Leibniz' Aegyptischer Plan. K. Blumstengel. Leipzig. 1669. SS. 68—72.

[5]) Куно Фишеръ. Цитир. сочин. о Лейбницѣ. Стр. 94.

[6]) F. d. K. V. 315—341.

justa dissertatio [1]). О проэктѣ было сообщено Парижскому двору. Отъ Арно де Помпонна, министра иностранныхъ дѣлъ, послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Тогда 19 марта 1672 года, по обычаю того времени верхомъ, съ сотней талеровъ въ карманѣ и десяткомъ книгъ, Лейбницъ отправился полномочнымъ посломъ въ Парижъ, съ письмами, своимъ проэктомъ и бумагами Бойнебурга. Дипломатическая карьера Лейбница началась, но однимъ изъ главныхъ мотивовъ, которые руководили имъ въ этой поѣздкѣ, было желаніе побывать въ Парижѣ, въ центрѣ просвѣщенія, чтобы такимъ образомъ пополнить свои знанія.

Лейбницъ—политикъ остался Лейбницемъ философомъ.

---

[1]) Ib. 29 и слѣд. Идея проэкта была не нова. Merz., Op. cit.39—40: «In the beginning of the fourteenth century, when the idea of a crusade was still living in the minds of men, the Venetian Marino Sanuto, in his «secreta fidelium crucis», proposed to the Pope a similar expedition. Leibniz made use of this document. The plan was favourable to the policy of the empire, because it would draw the Turks away from their repeated attacks on Hungary and Austria; and it might well be, at the same time, favourably viewed by Louis, since it would put France in possession of the greater and more valuable trade connections of the Dutch, and punish them in a manner more affectual than a European war.» Содержаніе Египетскаго проэкта, по словамъ Куно Фишера, таково: «Первая часть (гл. 1—4) трактуетъ о важности предпріятія, вторая (гл. 5—52) о легкости его осуществленія, третья (гл. 53—55) о безопасности дѣла, четвертая (гл. 56—57) о благопріятномъ времени для этого и пятая (гл. 58) о правотѣ этого дѣла». Цитир. переводъ А. Н. Полилова. Стр. 100.

VIII.

Выводы и заключеніе.

Мнѣнія Ганнекена и Кабитца.

Картина развитія философскихъ идей Лейбница, которую мы видѣли до сихъ поръ, давала намъ возможность слѣдить за естественнымъ ходомъ умственной дѣятельности философа. Она показала намъ, какъ, находясь подъ разными вліяніями, сначала Як. Томазія и Вейгеля, а потомъ Гассенди, Аристотеля, Декарта и Гоббеса, Лейбницъ выработалъ принципы міровоззрѣнія, которое было имъ изложено въ „Новой физической гипотезѣ". Вслѣдъ за тѣмъ началась разработка этихъ принциповъ, и изъ послѣдней главы предыдущаго текста можно было усмотрѣть, что эта разработка отличалась случайнымъ характеромъ, почему и представляла во многихъ отношеніяхъ повтореніе уже высказанныхъ идей. Такъ говорили факты, и мы не скупились приводить въ подтвержденіе источники. Однако отъ частныхъ сравненій и обсужденій источниковъ, не говоря уже о комментаріяхъ къ нимъ, слѣдуетъ перейти къ общимъ выводамъ. Посмотримъ прежде всего, что сдѣлано въ этомъ отношеніи двумя знатоками философіи юнаго Лейбница, Ганнекеномъ и Кабитцемъ.

Ганнекенъ держится того взгляда, что въ сочиненіяхъ Лейбница, появившихся до 1672 года, какъ въ сѣмени, заключается будущая его доктрина [1]). Впослѣдствіи эта доктрина, сохранивъ прежній характеръ, только расширилась [2]).

---

[1]) «Haec in illa jam est quasi delineata et inchoata". A. Hannequin Op. cit. 162.

[2]) «prior Leibnitii doctrina ab altera nulla alia re differre, nisi quod in hac cum maior est copia atque ubertas, tum altius investigatio fit, imo

По мнѣнію Ганнекена, въ первоначальномъ ученіи Лейбница нужно отмѣтить два утвержденія: во первыхъ, что все въ природѣ совершается механически, т. е. путемъ движенія, а во вторыхъ, что это самое движеніе не происходитъ само черезъ себя. Механическое пониманіе природы было общей чертой міровоззрѣнія того времени. Галилей, Бэконъ, Гассенди, Гоббесъ, Декартъ были солидарны въ этомъ отношеніи. На новую физическую гипотезу Лейбница особенно много повліялъ Гоббесъ [1]), благодаря которому, можно сказать, родилось это сочиненіе, имѣющее громадное значеніе для развитія ученія Лейбница о движеніи [2]). Понятіе conatus, которымъ въ Новой физической гипотезѣ объяснялась сущность движенія, было родственно не только матеріальному, но и психическому міру. Какъ усиліе, такъ и умъ были оба непротяженны и недѣлимы. Отсюда легко было, вопреки Декарту, сначала сблизить, а потомъ различить тѣло и душу [3]). Вѣдь если умъ есть субстанція, а все остальное, т. е. движенія, есть ничто иное, какъ разлитый въ актахъ усилія по пространству умъ, то что такое самое пространство какъ не модусъ? Въ теоріи абстрактнаго движенія заложено такимъ образомъ предуготовленіе phaenomenon bene fundatum [4]). Точно также въ пониманіи сознанія какъ единой гармоніи усилій можно видѣть зародышъ ученія о перцепціи и апперцепціи [5]). Ганнекенъ замѣчаетъ, что до 1672 года у Лейбница встрѣчаются уже мысли о Богѣ, какъ монархѣ въ царствѣ духовъ [6]), но нѣтъ еще понятія предустановленной гармоніи, хотя нельзя отрицать, что механическое міровоззрѣніе трактовалось Лейбницемъ въ очень родственномъ для нея смыслѣ [7]). Изъ числа утвержденій, препятствовавшихъ дальнѣйшему развитію си-

---

quaecumque in posteriore maximi pretii futura essent, inter se eadem ratione apta colligataque, attigisse». Ib.

[1]) Ib 166.

[2]) Ib. 174—175.

[3]) 175.

[4]) Ib. 177.

[5]) 178—179.

[6]) Ib. 182.

[7]) Ib. 182—183.

стемы Лейбница, Ганнекенъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что въ Новой физической гипотезѣ не была устранена трудность объясненія, почему усиліе разрушается въ природѣ, но всегда пребываетъ [1]) въ умахъ, и что, заключивъ душу въ точку, Лейбницъ сдѣлалъ *μετάβασιν εἰς ἄλλο γένος* [2]). Ганнекенъ такимъ образомъ прежде всего интересуется отношеніемъ философіи юнаго Лейбница къ его послѣдующей системѣ.

Тоже самое нужно сказать и относительно Кабитца. Разница только та, что, разработывая тотъ же вопросъ четырнадцать лѣтъ спустя послѣ Ганнекена, Кабитцъ пользовался новыми источниками. Поэтому выводы его полнѣе и шире. Кабитцъ насчитываетъ пять основныхъ идей, изъ компликаціи и развитія которыхъ создалась впослѣдствіи система Лейбница.

Краеугольнымъ камнемъ міросозерцанія юнаго Лейбница служитъ убѣжденіе въ полной измѣримости бытія черезъ посредство разума, т. е. убѣжденіе въ логической законности міра. Это—панлогизмъ [3]). Изъ философской традиціи взятое правило nihil sine ratione охватываетъ у Лейбница всѣ стороны бытія и обращаетъ логическую необходимость въ связь вещей, при чемъ причинное познаніе въ цѣломъ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ обоснованіемъ предложеній черезъ разрѣшеніе ихъ понятій на простѣйшіе термины и аксіомы. Подобно тому, какъ понятіе содержитъ въ себѣ свои элементы, такъ явленія, поскольку они дѣйствительны, заключаютъ въ себѣ свою причину, и отношенія ихъ къ причинѣ аналогичны тожеству субъекта и предиката въ аналитическомъ сужденіи, почему возможна scientia generalis. Въ этомъ пунктѣ логика связана съ метафизикой. Но нельзя не замѣтить, что метафизика всетаки не зависитъ отъ логики [4]).

---

[1]) Ib. 179.

[2]) «Sint sane puncta, ut ait Leibnitius, quasi «les points de veue des âmes», utpote quae, non aliter quam animae, sint indivisibilia: sed tantum abest ut harum essentiam exprimant, ut ne intelligatur quidem ea esse harum locos. Qui error eo quidem pertinere debuit, ut, substantia in puncto mathematico arcte inclusa, Leibnitius ejus notionem non evolveret. Ib. 181.

[3]) Kabitz Op. cit. 128.

[4]) Ib. 129. Это утвержденіе Кабитца можно подчеркнуть. Оно оспариваетъ взгляды Русселя и Кутюра, слишкомъ исключительно понимающихъ

Вторая мысль, лежащая въ основѣ юношескихъ концепцій Лейбница, заключается въ признаніи самостоятельнаго значенія индивидуальности. Что существуетъ одно только индивидуальное, Лейбницъ сталъ думать очень рано, но вполнѣ эта идея была высказана имъ впервые лишь въ Confessio naturae при доказательствѣ существованія Божественнаго разума, который оказался необходимъ какъ послѣдняя причина пространственныхъ формъ, отличающихся скорѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ механическимъ характеромъ. Эта причина должна быть такимъ понятіемъ, въ которомъ индивидуальное, т. е. формы какъ идеи уже содержатся [1]). Таковъ разумъ Бога, въ которомъ совмѣщено общее и частное. Актомъ воли Онъ полагаетъ чувственно воспринимаемый міръ, но индивидуальное прежде всего существуетъ какъ цѣль творческой воли. Это, полагаетъ Кабитцъ, отличительная мысль Лейбница. Самостоятельная цѣнность индивидуумовъ вытекаетъ изъ понятія Бога, какъ совершеннаго существа, который о нихъ заботится и предусматриваетъ ихъ въ общемъ планѣ міра. Все это направлено къ возобновленію идеологіи Платона и Ѳомы Аквината [2]). Сюда же примыкаетъ позднѣйшая мысль, что индивидуумъ уже въ качествѣ идеи заключаетъ въ себѣ всѣ законы своего развитія. Съ понятіемъ индивида связано традиціонно схоластическое понятіе субстанціи съ одной стороны какъ субъекта въ сужденіи, который никогда не можетъ быть предикатомъ, съ другой стороны какъ существа, которое имѣетъ въ себѣ принципъ дѣйствія. Дѣйствительность индивидуальности доказывается логикой и теоріей познанія, которыя, какъ сказано,

---

панлогизмъ Лейбница какъ что-то ex quo omnia. Противъ излишняго панлогизма, ранѣе Кабитца, совершенно вѣрно высказался L. Lévy-Bruhl въ своемъ Avant-Propos къ переводу сочиненія Русселя на французскій языкъ: «On ne saurait considérer, пишетъ Lévy-Bruhl, comme définitivement établi que l'axe directeur de la philosophie de Leibniz passe par sa logique, et que le «praedicatum inest subjecto» soit la clef principale du système». La philosophie de Leibniz exposé critique par Bertrand Russel, traduit de l'anglais par Jean et Renée I. Rey. Paris. 1908. P. XIV.

[1]) Kabitz. Op. cit. 129.

[2]) Ib.

приводятъ къ простѣйшимъ терминамъ, то есть понятіямъ— единицамъ. Наряду съ этими вѣчными истинами ничто не мѣшаетъ признавать, что существуетъ второй классъ истинъ,— случайныхъ. Эти послѣднія нужно понимать такъ, что только для нашего ума онѣ не обратимы въ аналитическія истины; для Бога же при Его всевѣдѣніи сущность ихъ именно аналитична. Убѣжденіе въ необычайной важности всего индивидуальнаго и въ томъ, что только оно одно существуетъ, приводитъ Лейбница къ признанію чисто чувственнаго происхожденія и чисто чувственнаго критерія объективной цѣнности сужденій. Лейбницъ, по мнѣнію Кабитца, въ юности не видалъ, что этотъ раціоналистическій идеалъ познанія человѣческаго ума ведетъ къ иллюзіи [1]).

Въ связи съ самостоятельнымъ значеніемъ индивидуальности является у Лейбница третья основная мысль юношескаго періода его философіи, мысль о совершенной гармоніи всѣхъ вещей. Вещи въ разумѣ Бога не только первично индивидуальны, но первично находятся также въ гармоничномъ отношеніи другъ къ другу. Въ качествѣ разнообразія, уравновѣшеннаго тожествомъ, „гармонія, говоритъ Кабитцъ, возвышается до послѣдняго рѣшающаго основанія бытія вещей вообще, до абсолютнаго мірового масштаба Божеской воли въ ея выборѣ, по крайней мѣрѣ, между возможными мірами“ [2]). Этотъ выборъ подчиняетъ себѣ механическую законность. Поэтому и душу Лейбницъ объясняетъ какъ единство стремленій, выводя стремленія изъ гармоніи, какъ ихъ конечной причины. Отсюда проистекаютъ этическое понятіе блага и эстетическое понятіе красоты. Предустановленной гармоніи однако еще нѣтъ. Она, полагаетъ Кабитцъ, повторяя мысль Ганнекена, только еще подготовлялась въ положительной и отрицательной формѣ [3]).

---

[1]) Ib. 132.

[2]) Ib.

[3]) «So begegnete uns, говоритъ Кабитцъ, in einem bisher ungedruckten Fragmente bereits der Gedanke, dass die Körper ihre Bewegungen nicht dem Geiste eindrücken, dass dessen Tätigkeiten vielmehr die Bewegungen des Körpers *begleiten*, und dann etwas später, dass Empfindungen nicht aus Bewegungen erzeugt werden können, also nicht mechanisch, sondern aus der Activität

Четвертой основной мыслью системы Лейбница является мысль о качественной и количественной безконечности міра. Изъ этой мысли не сдѣлано всѣхъ выводовъ, но уже отмѣчено, что безконечно большое и безконечно малое не существуютъ реально, и что матерія актуально раздѣлена. Также установлены переходы отъ одной ступени къ другой въ области духовной. Тутъ находится зародышъ мысли о способности міра развиваться до безконечности.

Пятая основная идея системы Лейбница это механическая гипотеза. Она прежде всего утверждала, что тѣло по своей дѣлимости есть аггрегатъ. Понятіе conatus въ этой гипотезѣ являлось прототипомъ понятія силы въ дальнѣйшемъ развитіи системы. Въ приведенныхъ основныхъ мысляхъ Лейбница, по мнѣнію Кабитца, мало самостоятельности. Самостоятельность Лейбница проявилась главнымъ образомъ въ концептѣ этихъ мыслей, въ томъ планѣ, по которому мысли были связаны другъ съ другомъ. Кабитцъ думаетъ, что въ этомъ отношеніи взяли свое личность Лейбница, историческій моментъ и культура.

Критика выводовъ Ганнекена и Кабитца. Методъ возсозданія системы Лейбница.

Мнѣнія Ганнекена и Кабитца объ отличительныхъ чертахъ міровоззрѣнія Лейбница дополняютъ другъ друга. Въ свои заключенія Ганнекенъ вводитъ историческую точку зрѣнія и говоритъ о вліяніи, которое оказали на Лейбница тѣ или другія системы. Ганнекенъ заглядываетъ въ будущее философіи Лейбница, обращаетъ вниманіе на правильность хода ея развитія и отмѣчаетъ факторы, мѣшавшіе этой правильности. Кабитцъ приступаетъ къ своему дѣлу нѣсколько иначе. Отмѣтивъ у Лейбница тотъ или иной принципъ, онъ въ своихъ итогахъ преимущественно старается выводить изъ него слѣдствія. Поэтому заключенія Кабитца производятъ впечатлѣніе особенной цѣльности. Отъ различія въ пріемахъ обсужденія происходитъ между тѣмъ тотъ фактъ, что Ганнекенъ отмѣ-

---

des Bewusstseins erclärt werden müssen; von hier war dann nur noch ein kleiner Schritt bis zur Aufgabe der Wechselwirkungstheorie, von der doch in der Jugend noch ein Rest vorhanden ist». Ib. 133.

чаетъ въ философіи Лейбница стороны, опущенныя Кабитцемъ. Такъ, напр., Ганнекенъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ на то, что въ юношескихъ концепціяхъ Лейбница уже есть понятіе Бога, какъ монарха.

Выводы, сдѣланные Ганнекеномъ и Кабитцемъ, будучи интересны и цѣнны сами по себѣ, имѣютъ однако существенные недостатки. Ганнекенъ и Кабитцъ въ своихъ поискахъ зародышей системы Лейбница прилагаютъ къ первоначальнымъ его философскимъ концепціямъ эту систему какъ масштабъ, а между тѣмъ масштабъ страдаетъ неопредѣленностью. Въ самомъ дѣлѣ, что такое философская система Лейбница въ ея цѣломъ? Это въ своемъ родѣ—миражъ. Съ совершенною полнотой система Лейбница никогда не была выражена, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы она никогда не существовала въ мысляхъ автора. Отъ Лейбница остались только очерки и наброски системы, т. е. нѣчто постоянно становящееся, нѣчто санкціонированное совершенно не въ абсолютномъ смыслѣ. Между тѣмъ у Ганнекена и Кабитца система Лейбница подразумѣвается, какъ опредѣленно данная и извѣстная. Такимъ образомъ они не замѣчаютъ, что принятымъ ими масштабомъ рисковано нормировать выводы. Это первый недостатокъ. Другимъ недостаткомъ обоихъ авторовъ является, такъ сказать, самовнушеніе. Усвоивъ матеріалъ философіи Лейбница изъ его позднѣйшихъ сочиненій, Ганнекенъ и Кабитцъ смотрятъ на его первоначальныя концепціи съ точки зрѣнія основъ зрѣлой системы и невольно переоцѣниваютъ ихъ. Ганнекенъ и Кабитцъ видятъ въ первоначальныхъ концепціяхъ главнымъ образомъ то, что изъ нихъ можно получить, и совершенно забываютъ о томъ, что они такое есть. Такъ, напримѣръ, у Лейбница только сказано, что Богъ по присущей ему гармоніи всегда выбираетъ лучшее. Выводовъ изъ этого не сдѣлано. Между тѣмъ Кабитцъ отъ лица Лейбница [1]) дѣлаетъ выводы и говоритъ, что, по Лейбницу, нашъ міръ есть міръ наилучшій, т. е. единственный изъ всѣхъ возможныхъ. Кабитцъ самъ иногда указываетъ на позднѣйшія сочиненія Лейбница, какъ на источникъ

[1]) Kabitz. Op. cit. 132.

для своихъ объясненій [1]). Но въ такого рода объясненіяхъ нужно быть очень осторожнымъ. Часто достаточно одного слова, чтобы изъ намека на мысль получилась, по Лейбницу, ея полная дѣйствительность. Отъ соблазна ученыхъ объясненій за счетъ зрѣлой системы трудно отказаться; иногда такъ и хочется провести ту или другую параллель, и мы сами не вполнѣ удержались отъ этого, но въ окончательныхъ выводахъ о наличности философскихъ идей Лейбница за первый періодъ его дѣятельности необходимо совершенно устраниться отъ постороннихъ этимъ идеямъ соображеній. Другими словами, подводить итогъ этимъ идеямъ слѣдуетъ прежде всего внѣ всякихъ сравненій съ концептами зрѣлой системы, т. е. разсматривая матеріалъ становящейся системы самъ по себѣ.

Какъ же это сдѣлать? Данный матеріалъ послѣдовательно растетъ на протяженіи почти девяти лѣтъ (съ 1663 по 1672 г.). Ростъ его неравномѣренъ, происходитъ причудливо и своеобразно. Что выбрать изъ матеріала? На чемъ и гдѣ остановиться, чтобы получить дѣйствительную картину системы Лейбница? Строго говоря, абсолютно вѣрный путь для осу-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить даннаго Кабитцемъ объясненія взглядовъ Лейбница на отношеніе вѣчныхъ и случайныхъ истинъ. Вотъ, что говоритъ Кабитцъ: Indem sich nun später bei Leibniz mit der Ideenlehre der Gedanke entwickelte, das schon ursprünglich der vollkommene Begriff oder die Idee des Individuums im Göttlichen Intellect alle Schicksale desselben enthält und demgemäss das Individuum alle seine Zuständlichkeiten aus sich selbst entwickelt, wurde es ihm möglich, auch die zweite Klasse von Erkenntnissen, die Zufälligen, als analytische Urtheile aufzufassen, in denen das Prädicat im Subject wenigstens virtualiter enthalten ist, so dass unsere Vernunft es zwar durch Auflösung des Subjectbegriffs nicht als darin enthalten finden kann, wohl aber eine vollkommene Vernunft, wie die göttliche». Op. cit. 131. Это есть изложеніе того, что Лейбницъ высказалъ въ наброскѣ, напечатанномъ здѣсь въ качествѣ III-го приложенія (стр. 422—426). Признаніе экзистенціальныхъ сужденій аналитическими равносильно признанію невозможности случайныхъ истинъ. (Смотр. В. Каринскій. Цитир. соч., стр. 301). Если же полагать, что въ разумѣ Бога все аналитично, тогда какъ для нашего ума, по его ограниченности, нѣчто является случайнымъ, то можно видѣть въ этомъ видоизмѣненіе мысли Аристотеля о *πρώτερον τῇ φύσει* и *πρώτερον πρὸς ἡμᾶς*.

ществленія такой картины въ предѣлахъ даннаго промежутка времени могъ бы состоять только въ томъ, чтобы учесть и затѣмъ скомбинировать идеи, сплошь повторяющіяся въ предѣлахъ данной психической протяженности. Тогда мы имѣли бы ручательство, что эти идеи вполнѣ санкціонированы Лейбницемъ, и добытая нами характеристика системы въ данныхъ предѣлахъ времени равнялась бы исторической достовѣрности. Къ сожалѣнію источники, которые мы изучали и видѣли до сихъ поръ, не допускаютъ примѣненія такого метода. Они случайны и представляютъ однородные факты спорадически. Они измѣнчивы и часто даже противорѣчивы. Къ какой же эти источники приведутъ достовѣрности? Остается *одно: исключивъ* противорѣчивые и измѣнчивые факты, дать для системы Лейбница гипотетическую картину. На первое мѣсто при этомъ выдвинется постулятъ, утверждающій, что однажды возникшая въ сознаніи Лейбница идея, для которой затѣмъ не послѣдовало опроверженія, неизмѣнно сохранилась въ душѣ философа, продолжая имѣть для него прежнее значеніе. На основаніи такого постулята будетъ дано міросозерцаніе тѣмъ болѣе близкое къ исторической достовѣрности, чѣмъ больше вошло въ него идей, постоянно повторяющихся въ предѣлахъ данной психической протяженности, а также идей зависимыхъ отъ первыхъ, похожихъ на нихъ или сродныхъ съ ними. Въ виду того, что система Лейбница, какъ сказано, никогда не была выражена вполнѣ, такого рода методъ ея возсозданія нужно считать единственно возможнымъ. И этому методу, кажется, слѣдуютъ всѣ, кто ради какихъ либо цѣлей, пользуется сочиненіями Лейбница эклектически.

Само собой разумѣется, что нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ исторической достовѣрности возсозданія системы Лейбница въ данныхъ предѣлахъ времени нисколько не вліяетъ на цѣнность получающейся картины въ смыслѣ ея абсолютно философскаго значенія. Идеи, высказанныя Лейбницемъ, въ силу одной только чрезвычайности его генія, представляютъ высокій интересъ помимо всякаго отношенія къ процессу интеллектуальнаго развитія ихъ творца.

Эволюція составныхъ частей системы.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію итога изученныхъ нами философскихъ концепцій Лейбница сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ ихъ посте-

ненномъ наростаніи и объ ихъ характерѣ. Это дастъ возможность дополнить генетическую картину предыдущихъ главъ и покажетъ, какимъ матеріаломъ преимущественно придется воспользоваться для изображенія систематической картины основныхъ воззрѣній философа. Только въ исторической перспективѣ, какъ было замѣчено еще въ началѣ книги, можетъ вполнѣ выясниться то, что является слѣдствіемъ первоначальныхъ принциповъ; только историческая перспектива можетъ помочь выбору надлежащаго матеріала для успѣшнаго осуществленія задуманной картины.

Какому же плану нужно слѣдовать, чтобы лучше ориентироваться въ пестромъ многообразіи идей Лейбница? Онѣ коснулись почти всѣхъ областей человѣческаго знанія. Не далъ ли самъ Лейбницъ какихъ нибудь указаній?

Вопросъ о взаимоотношеніи наукъ и объ ихъ распорядкѣ затрогивался Лейбницемъ три раза. Въ 1667 году онъ полагалъ возможнымъ дѣлить науки на абстрактныя и конкретныя, и съ этой точки зрѣнія хотѣлъ систематизировать знаніе. Два года спустя, онъ мимоходомъ высказался въ пользу дѣленія наукъ по признаку субстанціальности ихъ объектовъ. Наконецъ, еще черезъ два года, имѣя въ виду задачи энциклопедіи, Лейбницъ положилъ въ основу классификаціи знаній принципъ метода, которымъ науки оперируютъ. Отъ этого система знаній предстала Лейбницу сначала съ точки зрѣнія дедукціи, потомъ индукціи, и наконецъ, съ точки зрѣнія телеологіи. Телеологія являлась заключительнымъ звеномъ дедукціи и индукціи. Приведенныя классификаціи въ совокупности не могутъ дать плана изложенія философіи Лейбница: ихъ нельзя согласовать другъ съ другомъ. Если предпочесть изъ нихъ какую нибудь одну, то выборъ долженъ будетъ остановиться на послѣдней, такъ какъ она представляетъ сравнительно высшій типъ развитія. Между тѣмъ эта классификація, подобно первой, имѣетъ въ виду соотношеніе не столько философскихъ дисциплинъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сколько человѣческихъ знаній вообще. Отсюда ея непригодность для установленія частей спеціально философской системы; отсюда—необходимость искать новаго плана для дальнѣйшаго изложенія. Повидимому, одинъ изъ наиболѣе простыхъ плановъ будетъ выполненъ, если послѣдовательно дать характеристику взглядовъ Лейбница сначала въ области пси-

хологіи и логики, затѣмъ въ области теоріи познанія, метафизики и физики и, наконецъ, въ области этики. Такой планъ годенъ какъ для исторической перспективы, такъ и для систематизаціи идей Лейбница въ единой картинѣ.

Душа и ея явленія обратили на себя вниманіе Лейбница въ 1665—1666 году. Въ диссертаціи De complexionibus онъ высказалъ одну изъ весьма важныхъ психологическихъ идей о существованіи смутнаго мышленія. Эта мысль въ нѣсколько измѣненномъ видѣ была потомъ повторена имъ въ трактатѣ De rationibus motus, въ „Новой физической гипотезѣ“ и въ „Размышленіи о пользѣ и необходимости доказательствъ безсмертія души“. [1]) Въ 1668 году у Лейбница зародились интеллектуалистическія наклонности. Максимумъ его психологической дѣятельности относится къ 1669—1671 годамъ. Въ этомъ послѣднемъ году Лейбницу между прочимъ представлялся планъ изложенія психологіи. По плану прежде всего должна была быть разработана интроспективная ея часть, а потомъ психофизіологія.

Сравнительно съ психологіей, логика заинтересовала Лейбница гораздо раньше. Въ 1659 году онъ уже занимался предикаментами, дѣленіемъ и подраздѣленіемъ понятій. Съ 1666 года его начинаютъ интересовать силлогизмъ, а также идеи о всеобщемъ письмѣ. Если смотрѣть на логику съ формальной точки зрѣнія, не затрогивая вопроса о сущности истины и о томъ, какъ она возможна, то время созданія трактатовъ „Объ искусствѣ изобрѣтеній“ и „Объ условіяхъ въ правѣ“ является расцвѣтомъ логическихъ трудовъ Лейбница. Отсюда, 1669 годъ является предѣломъ этого расцвѣта, а 1666 и даже 1665 годъ, моментомъ его зарожденія [2]). Съ дѣтскихъ лѣтъ привыкши къ логическимъ операціямъ, Лейб-

---

[1]) Здѣсь эта идея о смутномъ мышленіи относится даже какъ будто ко всему познанію въ цѣломъ: «Quanquam enim cuilibet satis apud se de hac notione (т. е. о сознаніи) constet, confusae tamen ideae nisi distinctae exponatur quod fit definiendo, non possunt esse principia demonstrandi». Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1913 г. Сентябрь. Стр. 30.

[2]) Приведенный въ примѣчаніи на стр. 132—136 набросокъ не входитъ здѣсь въ счетъ, и не будетъ входить далѣе, такъ какъ дата его высказана только предположительно.

ницъ всюду старался вводить логику: онъ пользуется ею и въ области права, и въ области этики, и въ области религіи, и въ области физики, не говоря уже о чистой математикѣ.

Интересъ къ логикѣ предполагалъ интересъ къ теоріи познанія. Въ 1666 году Лейбницъ намѣчаетъ зерно, изъ котораго потомъ выросло гносеологическое дерево. Ars combinatoria уже заключаетъ какъ понятіе о вѣчныхъ истинахъ, такъ и дѣленіе истинъ на необходимыя и случайныя. Къ 1670 году относится ἀκμή теоретико-познавательныхъ умозрѣній Лейбница: къ понятію истины прибавляется понятіе возможности, и съ гносеологической точки зрѣнія обсуждается отношеніе между индукціей и дедукціей, при чемъ Лейбницъ въ доказательствахъ пользуется субституціей.

Что касается метафизики, то начатки ея, какъ и логики, такъ же относятся къ очень раннему времени. Лейбницъ преуспѣлъ въ ней, когда еще былъ ученикомъ Як. Томазія и держалъ сторону атомистики, удовлетворявшей его наглядности. Отъ атомистики юноша-философъ вскорѣ перешелъ къ теоріи корпускулъ, а потомъ къ философіи точекъ. Въ такомъ движеніи метафизическихъ идей сказалось стремленіе Лейбница примирять противоположности. Ученія Аристотеля и Декарта онъ, напримѣръ, старался сблизить при посредствѣ заимствованнаго у Гассенди понятія conatus. Высшая ступень развитія метафизики Лейбница относится къ 1669 и 1670 годамъ, когда у него были уже достаточно выработаны понятія о Богѣ и душѣ.

Спеціальную часть метафизики Лейбница составляетъ физика, т. е. ученіе о внѣшнемъ мірѣ, поскольку къ этому послѣднему относятся понятія тѣла, движенія, пространства, сцѣпленія и все то, что составляетъ общія отличія матеріи, какъ чего-то являющагося. Послѣдовательность въ развитіи идей о внѣшнемъ мірѣ развернулась у Лейбница такъ, что сначала было выработано именно это понятіе матеріи въ связи съ объясненіемъ явленій движенія въ 1669 году, а потомъ было создано болѣе частное понятіе тѣла и примыкающее къ нему понятіе непрерывности, въ 1670 и 1671 годахъ. Такимъ образомъ расцвѣтъ раціональной физики Лейбница занимаетъ именно послѣдніе два года. Въ это время черезъ понятіе усилія физика особенно тѣсно была сплетена съ метафизикой.

Заключительнымъ звеномъ философіи Лейбница является этика. Ею Лейбницъ началъ интересоваться одновременно съ метафизикой въ 1663 году. Параллельно занятіямъ юриспруденціей у Лейбница увеличивался этическій матеріалъ, и въ 1669 и 1670 годахъ онъ далъ его обработку преимущественно въ сочиненіяхъ Specimen demonstrationum politicarum, Grundriss eines Bedenkens и De justo et aequo. Лучшая обработка однако должна быть отнесена къ 1671 году, когда она выразилась въ наброскахъ Definitio universalis.

Изложенный обзоръ развитія системы Лейбница по частямъ даетъ возможность заключить, что большинство философскихъ ея концепцій, а, значитъ, и основныя ея черты сложились въ 1669—1670 годахъ. Отсюда ясно, что къ этому времени, относится возникновеніе у Лейбница особенной широты философскаго взгляда, а потому систематическую картину итога философскихъ концепцій Лейбница всего естественнѣе обосновать на матеріалѣ, который прежде всего относится къ тремъ послѣднимъ годамъ первоначальнаго пребыванія Лейбница въ Германіи.

Матеріалъ становящейся системы. Психологія и логика.

Что такое, по Лейбницу, душа, ея функціи и логическая жизнь, поскольку все это выражается въ общей и, по возможности, цѣльной картинѣ?

Душа—это нѣчто свободное, нѣчто такое въ чемъ лежитъ принципъ дѣйствія. Здѣсь—пунктъ, который сближаетъ эмпирическую психологію съ раціональной. Душа какъ сознаніе не имѣетъ частей и дѣлима только идейно. Ея основа есть мышленіе, то есть особаго рода дѣйствіе въ себѣ, которое можно понимать какъ усиліе. Душа не знаетъ отдыха и забвенія. Благодаря присущей ей памяти, мы бываемъ одни и тѣ же. Душа никогда не дѣйствуетъ внѣ тѣла. Съ тѣломъ она такъ тѣсно связана, что ее нельзя вполнѣ изучить безъ тѣла: отъ тѣла зависитъ познаніе. Познаніе впрочемъ бываетъ двухъ видовъ: во первыхъ,—зависящее отъ ощущеній, а во вторыхъ,—присущее душѣ изначала. Ощущенія обусловливаютъ большинство такъ называемыхъ чувственныхъ качествъ, при чемъ осязанію обязаны тѣ изъ нихъ, которыя получаются отъ воспріятія движеній. Процессъ познанія совершается даже во снѣ. Во снѣ мы не лишаемся ни памяти, ни сужденій. Благодаря памяти во снѣ у насъ при-

чудливо проявляется ассоціація идей. Процессу познанія помогаютъ слова, служащія для запоминанія, и выражающія сужденія въ видѣ предложеній. Что касается воли, то она есть ничто иное, какъ сложеніе гармоній, т. е. то, что является слѣдствіемъ выбора, который обусловленъ удовольствіемъ. По существу воля есть усиліе ума. Къ волевой области относится привычка, которая можетъ быть создаваема въ данномъ субъектѣ посредствомъ обученія, т. е. интеллектуальнымъ путемъ. Мышленіе все опредѣляетъ въ душѣ, а потому желать значитъ мыслить. То же самое по отношенію къ чувствамъ. Что чувствуется, то мыслится. Это даетъ отвѣтъ на вопросъ, интеллектуалистически или нѣтъ нужно понимать чувство. Психологія какъ бы подготовительно выясняетъ интеллектуальный элементъ нашей души, который находитъ свою подробную разработку въ логикѣ.

Логика раздѣляется на словесную и реальную; словесная учитъ о точномъ употребленіи словъ, реальная объ управленіи мышленіемъ. Слово есть терминъ, а термины бываютъ простые и сложные. Простые термины—тѣ, которые уже не могутъ быть далѣе разложены по методу дѣленія понятій. Простые термины могутъ быть названы поэтому также неопредѣлимыми и суть ничто иное, какъ чувственныя качества и образы, даже вообще все то, что не поддается никакому анализу. Соотвѣтственно простымъ терминамъ могла бы быть составлена особая система знаковъ, какъ бы алфавитъ. Тогда было бы легко, комбинируя эти знаки, дѣлать открытія, ибо по данному субъекту въ предложеніи можно было бы найти его предикаты, и обратно по данному предикату—число его субъектовъ. Система знаковъ могла бы играть роль понятнаго для всѣхъ письма—пазиграфіи. Такова польза изученія терминовъ.

Изученіе терминовъ приводитъ къ изученію предложеній: предложенія есть комбинація терминовъ. Предложенія бываютъ общія и частныя, утвердительныя и отрицательныя, неопредѣленныя и единичныя. Единичныя предложенія равны общимъ, а неопредѣленныя—частнымъ. Кромѣ того, помимо производныхъ формъ, предложенія бываютъ также либо категорическими, либо условными. Въ послѣднихъ нужно различать двѣ части: условіе и обусловленное, причину и слѣдствіе. Категорическое предложеніе можетъ принимать форму услов-

наго, но условное отличается отъ него тѣмъ, что всегда бываетъ абстрактно. Послѣднее обстоятельство касается интерпретаціи предложеній, которая никогда не должна быть упускаема изъ виду. Слова часто затемняютъ смыслъ, и поэтому необходимо обращать вниманіе, напр., на смыслъ связки „есть“, которая часто пропускается и на смыслъ слова „всякій“, которое иногда не означаетъ множества. Къ ученію о предложеніяхъ можно отнести вопросъ объ образованіи понятій, которыя есть результатъ сравненія и имѣютъ раздѣлительный смыслъ, т. е. заключаютъ въ себѣ множество, мыслимое прежде всего по частямъ, а не въ качествѣ чего-то цѣлаго.

Такова словесная часть логики. Что касается управленія мышленіемъ, то это управленіе основано на законахъ тожества и исключеннаго третьяго, а также на принципѣ, что ничего не бываетъ безъ основанія. Послѣдній принципъ пріобрѣтаетъ иногда характеръ закона причинности. Такимъ основамъ подчинены и предложенія, и выводы. Выводовъ четыре вида: силлогизмъ, индукція, аналогія и условный выводъ. Пальма первенства должна быть отдана силлогизму. Онъ есть созерцаніе, онъ имѣетъ четыре фигуры, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ по шести полезныхъ модусовъ. Послѣднее очевидно, если ввести въ изученіе модусовъ принципъ субальтернаціи въ качествѣ подчиненія частнаго предложенія общему. Тогда, напримѣръ, четвертая фигура будетъ имѣть модусы Bramantip, Camenes, Camenos, Dimaris, Fesapo и Fresison. Посредствомъ силлогизма можно производить конверсію предложеній; стоитъ только воспользоваться тѣмъ же самымъ принципомъ субальтернаціи. Силлогизмъ есть выводъ отъ общаго къ частному. Другой типъ выводовъ—индукція направляется обратно: отъ частнаго къ общему. Что касается аналогіи, то она употребляется тамъ, гдѣ мы судимъ по внѣшнимъ знакамъ, не будучи въ состояніи употреблять опредѣленій, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о жизни животныхъ.

Какъ же протекаетъ процессъ познанія? По извѣстнымъ методамъ. Главныхъ методовъ два: раздѣлительный и демонстративный. Основа одного—дѣленіе понятій, основа другого —ихъ опредѣленіе. Дѣленіе понятій—это анализъ, который въ свою очередь предполагаетъ возможность синтеза ради

данной цѣли. Послѣдній не уступаетъ въ достовѣрности анализу, если примѣнять къ понятіямъ комбинаторику. Такимъ образомъ, комбинаторика есть вспомогательный методъ, который вноситъ математическую точность въ дополнительный актъ раздѣлительнаго процесса. Что касается демонстративнаго метода, то его нервъ, опредѣленіе, имѣетъ прежде всего ту отличительную черту, что оно не бываетъ ложно. Опредѣленіе есть точное объясненіе названія и потому всегда обратимо, т. е. подчинено закону тожества. Рядъ опредѣленій, включенныхъ другъ въ друга, составляетъ доказательство. Отсюда въ моментъ примѣненія демонстративнаго метода матеріалъ мышленія представляетъ ничто иное, какъ нанизанный на нитку закона тожества рядъ причудливо переплетенныхъ другъ съ другомъ словесныхъ или другихъ знаковъ, соотвѣтствующихъ простымъ терминамъ. Изъ остальныхъ методовъ заслуживаютъ вниманія діалектика и теорія вѣроятностей. Діалектика преслѣдуетъ цѣль опредѣленія путемъ исключающихъ вопросовъ. Все болѣе и болѣе съуживая ихъ область, она доходитъ до искомаго. Методъ вѣроятностей образуетъ примѣненіе логики. Онъ служитъ практическимъ потребностямъ тѣхъ или другихъ лицъ и имѣетъ мѣсто даже въ спорахъ, если самый процессъ спора обставленъ должнымъ образомъ. Истина по такому методу получается отъ вычисленій, которыя представляютъ приближенную величину; но тѣмъ не менѣе математически точны. Въ дополненіе къ методамъ можно дать также методологическія максимы. Можно считать, что то, что познается безъ другого, но безъ чего это другое не познается, бываетъ лучше другого. Слѣдуетъ также держаться правила: не принимать ни одного слова безъ объясненія и ни одного предложенія безъ изслѣдованія. Это—правила осторожности.

Теорія познанія.

Логика говоритъ о формѣ познавательной дѣятельности. Что же лежитъ въ ея основѣ? Два принципа: „противоположное необходимому, невозможно“ и „каковымъ что воспринимается, таково оно и есть“. Эти принципы не доказуемы, какъ не доказуемо единичное предложеніе. Они—нѣчто первичное и стоятъ внѣ процесса знанія. Они сродны законамъ логики, если эти законы взять со стороны ихъ внутренняго значенія для познанія. Въ названныхъ прин-

ципахъ, къ которымъ относятся также простые термины обнаруживается какъ бы сама истина. Когда же эта истина бываетъ возможна?

Прежде всего истина возможна для абстрактныхъ предложеній. Это общія предложенія, которыя могутъ быть названы также предложеніями per se; они зависятъ отъ разума, тогда какъ частныя предложенія порождаются чувствомъ. Соотвѣтственно такому дѣленію предложенія группируются также на детерминированныя и индетерминированныя. Детерминированныя истинныя предложенія называются необходимыми, а детерминированныя ложныя — невозможными. Индетерминированныя предложенія въ свою очередь подраздѣляются на индетерминированныя истинныя, то есть случайныя, и на индетерминированныя ложныя, то есть возможныя. Абстрактнымъ предложеніямъ истина свойственна даже тогда, когда факты, соотвѣтствующіе ихъ терминамъ, не существуютъ. Абстрактное предложеніе видитъ истину въ возможности. Мы толкуемъ о свойствахъ треугольника, вовсе не заботясь о его реальности, но мы необходимо допускаемъ при этомъ, что треугольники возможны. Съ другой стороны истина бываетъ возможна тогда, когда правильно расположены тотъ, кто воспринимаетъ, и то, что воспринимается; иначе сказать, для того, чтобы истина могла быть констатирована, необходимо условіе конгруентности воспріятія и идеи какъ по отношенію къ реальностямъ, такъ и по отношенію къ абстрактностямъ. Такой конгруентности иногда не получается вслѣдствіе вліянія среды, и отсюда происходятъ ошибки, которыхъ въ противномъ случаѣ не могло бы существовать, такъ какъ наши воспріятія и окружающіе насъ объекты истинны сами по себѣ.

Когда истина ясна, она называется достовѣрностью; ясность же можетъ быть понимаема двояко. Во первыхъ, ясно то, что ясно представляется; а ясное представленіе есть опредѣленіе, изъ котораго выводятся необходимыя связи вещей. Во вторыхъ, ясно то, что хорошо воспринимается. Въ томъ и другомъ случаѣ мѣрою ясности является интеллектъ. Такъ какъ возможность доказуема только изъ разума, то по отношенію къ возможности ясное и раздѣльное бываетъ даже аподиктично. Внѣ интеллекта ясность сама по себѣ не гарантируетъ истины. И этого особенно не нужно забывать, имѣя въ виду ощущенія. Истинны, собственно говоря, только

внутреннія воспріятія, которыя не объяснимы черезъ посредство тѣла. То же, что связано съ тѣломъ, т. е. ощущенія, есть только обманъ. Представляя отпечатокъ въ чувствующемъ аппаратѣ, ощущенія многаго не различаютъ во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому чувственному опыту нельзя вѣрить. Какъ, напримѣръ, на основаніи ощущеній опредѣлить тѣло, когда каждое тѣло постоянно находится въ движеніи? Слѣдовательно, достовѣрность есть дѣло разума.

Отсюда также ясно, что разумъ стоитъ во главѣ познанія. Онъ есть то, чему по природѣ свойственны вѣчныя истины, т. е., напримѣръ, такія идеи-опредѣленія, какъ независящія отъ опыта опредѣленія полезнаго, справедливаго, числа и т. п. Эти истины безусловны. Истины чиселъ имѣютъ мѣсто, хотя бы не было тѣхъ предметовъ, которые подвергаются счету или не было бы того, кто считаетъ. Поэтому, подобно протяженію и причинности, число можно назвать чувственнымъ качествомъ ума. Объективность такихъ качествъ внѣ сомнѣнія. По ихъ образцу можно мыслить объективность внѣшняго міра. Не останется ли міръ тѣмъ же, что былъ, если насъ исключить изъ міра? Главное дѣло въ сущности, а не въ существованіи, которое имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку поддается опредѣленію. Подобнымъ же образомъ мы отличаемъ дѣйствительность ото сна: въ дѣйствительности мы видимъ достаточное основаніе связи явленій во всей ихъ совокупности, а во снѣ—нѣтъ. Во снѣ причинная зависимость образовъ раздроблена: истинная же причина можетъ быть выведена только изъ конститутивныхъ свойствъ вещи; она существуетъ ранѣе слѣдствія, хотя съ нимъ и связана неразрывно. Причина это сама субстанція, тогда какъ причинность есть только отношеніе.

Если разумъ стоитъ во главѣ познанія, то въ оцѣнкѣ значенія дедуктивнаго и индуктивнаго процессовъ мышленія на сторонѣ перваго должно быть преимущество. По своей достовѣрности индукція ничтожна. Безъ помощи какихъ либо предварительно принятыхъ положеній она ничего не можетъ доказать. Теоремы въ родѣ предложенія „трижды—три девять“ отъ нея не зависятъ. Сочетаніе индукціи и дедукціи ведетъ къ большей полнотѣ и планомѣрности нашего знанія, и это тѣмъ болѣе, что процессъ изученія природы долженъ соотвѣтствовать ея порядку. Такъ какъ она сама является

независимой отъ нашего мышленія, а изучать значитъ испытывать, то, испытывая природу, мы сообразно фактамъ должны творить для нихъ идейную параллель опредѣленій.

Метафизика. Основы познавательнаго процесса и стоящій во главѣ ихъ разумъ не существуютъ безотносительно. Разумъ всегда принадлежитъ кому нибудь. Отсюда дѣлается необходимой наука о существахъ и ихъ состояніяхъ. Это—метафизика. Главное ея понятіе есть Божество, существованіе котораго внѣ сомнѣнія. Это доказывается прежде всего космологически: Богъ есть ultima ratio въ трехъ отношеніяхъ. Во первыхъ, изъ природы тѣлъ нельзя объяснить движенія: Богъ есть безтѣлесная причина движенія. Во вторыхъ, нельзя объяснить почему вещи лучше существуютъ, чѣмъ не существуютъ: Богъ есть разумъ, утверждающій ихъ бытіе. Въ третьихъ, изъ опыта человѣческихъ дѣйствій нельзя объяснить необходимости поступать справедливо: Богъ есть моральная основа міра. Кромѣ того, если порыться въ понятіи существованія, то легко прійти къ понятію сущности, а отъ нея къ необходимости существованія Бога. Богъ есть совершенная субстанція. Въ Богѣ, до операцій ума, имѣется своего рода реальное раздѣленіе, т. е. Богу реально присущи мощь, знаніе и хотѣніе, при чемъ всѣ эти качества неотдѣлимы отъ Его существа, такъ что множественность въ немъ не нарушаетъ единства. Воля и разумъ Бога есть Его главныя свойства, и разумъ преобладаетъ надъ волей. Онъ—основа воли. Онъ—гармонія по своей природѣ и опредѣляетъ дѣйствія Бога. Онъ заключаетъ въ себѣ причинность какъ особаго рода чувственное качество и затѣмъ также—сущности вещей, какъ бы числа. Сужденія Божьяго разума независимы и Божій разумъ непогрѣшимъ. Въ актѣ познанія Богъ иногда умозаключаетъ по противоположности. Объектомъ Божьяго разума служатъ души и тѣла Черезъ познаніе разумъ въ Богѣ связанъ съ волей. Какъ же дѣйствуетъ воля Бога? Согласно Его разуму. Рѣшенія Бога — это судьба, фатальность. Богъ рѣшаетъ обо всемъ, и это находится въ связи, такъ сказать, съ модусами Божества, которые касаются какъ Его разума, такъ и Его воли. Къ этимъ модусамъ принадлежатъ: вѣчность, вездѣприсутствіе, всевѣдѣніе и всемогущество. Въ безконечности могущества и мудрости заключается красота Бога. Въ совокупности съ чувственнымъ качествомъ

причинности Божіе могущество является послѣдней причиной міра, которая реализуется въ творческомъ актѣ. Чудо творенія было совершено только разъ, и всѣ Божіи дѣйствія протекаютъ въ порядкѣ, такъ что для каждой души опредѣлено спеціальное Божіе дѣйствіе по разумному основанію. Внѣ разумной основы творческаго акта нѣтъ ничего, потому что изъ идей и возможностей Богъ создаетъ существованіе только тогда, когда эти идеи и возможности лучше всего совпадаютъ съ Богомъ, т. е. гармоніей вещей. Богъ всегда хочетъ лучшаго, почему Его воля и не знаетъ колебаній. Бога волнуетъ созерцаніе гармоніи и къ лучшему Его принуждаетъ самая идеальность вещей. Отсюда при Его всевѣдѣніи Богу свойственно въ творческомъ актѣ visio beatifica, т. е. особаго рода интеллектуальная радость, которая сосредоточиваетъ и отражаетъ въ нашей душѣ безконечную красоту. По отношенію къ міру Богъ является поэтому геометризирующимъ субъектомъ, первымъ умомъ. Въ качествѣ такового Богъ есть первая форма. Твари только Его акциденціи. Каждая душа извѣстна Богу по движеніямъ тѣла, такъ какъ Онъ самъ дѣйствуетъ на тѣла путемъ выраженія движеніемъ. Что касается событій въ мірѣ, то они составляютъ цѣпь слѣдствій, возникшихъ по разумному основанію Божества.

Богъ, какъ сказано, есть совершенная субстанція. Но существуютъ субстанціи другого рода, которыя происходятъ отъ Бога. Субстанція—это нѣчто существующее per se и имѣющее принципъ дѣйствія, т. е. принципъ движенія. Къ свойствамъ субстанціи принадлежатъ: существованіе, обладаніе чувственными качествами и отношеніями. Природа субстанціи въ самой себѣ заключаетъ причину ея развитія. Субстанція человѣка опредѣляется, какъ соединеніе тѣла и ума, но сущность у всѣхъ людей тожественна. Существуетъ много субстанцій, которыя могутъ быть расположены въ рядъ, какъ лѣстница. Субстанція одного и того же тѣла можетъ быть мыслима въ разныхъ мѣстахъ подъ различными видами. Субстанціи входятъ между собой въ соединеніе, такъ что одна дѣйствуетъ на другую черезъ то, что съ ней непосредственно соединено.

Среди субстанцій царствуетъ гармонія въ мірѣ. Вещи или субстанціи лучше существуютъ, чѣмъ не существуютъ именно потому, что они гармоничны. Но что же такое гар-

монія? Ничто. Въ крайнемъ случаѣ это нѣчто въ родѣ равенства отношеній. Гармонія зависитъ отъ самой сущности вещей, или ихъ возможности въ Богѣ. Въ Немъ она—величайшая мудрость. Она есть Онъ Самъ. Идейно гармонія есть разнообразіе, уравновѣшенное тожествомъ. Интеллектуалистическій элементъ гармоніи проявляется въ бытіи. Поэтому, какъ сказано, бытіе есть нѣчто разумное и существовать значитъ быть необходимымъ. Цѣпь отношеній, которой связаны между собою субстанціи, представляетъ цѣпь слѣдствій, то есть событія въ мірѣ. Въ совокупности вещей существуютъ законы. Природа есть horologium Dei, въ которомъ совмѣстно появляются дѣйствующія причины вещей, мышленіе и движеніе, при чемъ не нужно забывать, что гдѣ есть дѣйствіе, тамъ есть умъ, ибо дѣйствіе принадлежитъ субстанціальнымъ недѣлимымъ, т. е. индивидуумамъ, которые лишены протяженія и могутъ быть названы точками, не имѣющими частей.

Такія индивидуумы-точки суть души или умы, т. е. мыслящія существа, обладающія сознаніемъ. Души проявляютъ единое во многомъ и соединены съ тѣмъ тѣломъ, въ которое вкраплены. Душа есть нѣчто per se. Богъ не творитъ ее, когда оказываетъ на нее свое дѣйствіе. Она произошла отъ частички Божественнаго дыханія, и продолженіе ея существованія идетъ отъ Бога путемъ традукціи. Такое обстоятельство можно бы даже объяснить изъ дѣлимости неспособной къ дѣленію точки. Покамѣстъ несомнѣнно, что душа для продолженія своего существованія не требуетъ новаго творческаго акта Божества. И это естественно потому, что она не можетъ перестать дѣйствовать, т. е. мыслить или имѣть усиліе. Она—нѣчто свободное. Она—маленькій заключенный въ одномъ пунктѣ міръ, зеркало Божіей гармоніи. Она—центръ, къ которому стекаются всѣ движенія, полученныя отъ объектовъ черезъ чувства, и всѣ животные духи. Душа рефлектируетъ на всѣ свои части и дѣйствія. Поэтому она можетъ быть понимаема, какъ сѣмянной центръ, способный къ расширенію и сжатію. Такъ, если у насъ отнять какой нибудь членъ тѣла, то очень часто мы воображаемъ, что испытываемъ въ немъ боль. Животные духи стянулись къ источнику жизни, а душа осталась невредимой. Такъ бываетъ въ растеніяхъ, которыя сожжены и изъ тѣла которыхъ вырастаютъ новыя растенія. Душа не разрушима, ибо находясь въ точкѣ, она не занимаетъ мѣста. Отсюда вполнѣ

понятно, что душа безсмертна: въ ней нѣтъ предикатовъ тѣлесности; самое мышленіе, которое никогда не прекращается, гарантируетъ ее отъ гибели. Кромѣ того, она, какъ сказано, есть то, что движетъ само себя.

Души бываютъ различныхъ порядковъ. Если у животныхъ есть разумъ, то онъ долженъ находиться въ зачаточномъ состояніи.

Физика или ученіе о внѣшнемъ мірѣ.

Изложенный взглядъ на природу субстанцій объясняетъ явленія внѣшняго міра. Существованіе, какъ сказано, предполагаетъ сущность. Отсюда всю совокупность существованія можно понимать какъ нѣчто, заключающееся въ томъ, что вещи ощущаются Богомъ, т. е. непогрѣшимымъ умомъ. Существованіе отъ сущности отличается какъ явленія смутныя отъ явленій ясныхъ. Существуетъ матерія сама по себѣ, т. е. первая матерія. Это есть масса безъ движенія и фигуры, хотя всетаки нѣчто такое, чему свойственны антитипія и непроницаемость. Масса есть возможность всякихъ фигуръ. Въ ней не дано дѣйствительныхъ подраздѣленій. Уничтоженіе ея сверхъестественно: она есть то же, что пустое пространство, которое можно мыслить отдѣльно отъ тѣлъ, какъ нѣчто протяженное, части чего вмѣстѣ. Что касается протяженія, то оно есть количество, взятое вмѣстѣ съ положеніемъ частей, т. е. количество, отнесенное къ ощущенію.

Вещь, сопряженная съ пространствомъ, есть тѣло. Какъ видъ протяженія, тѣло есть нѣчто случайно протяженное. Оно не существуетъ per se и вмѣстѣ со своей фигурой, т. е. положеніемъ частей, происходитъ отъ движенія. Очевидно, что тѣло и пространство не одно и тоже. Тѣла однородны, то есть различаются только величиной, фигурой и движеніемъ. Поэтому состояніе тѣла выражается въ величинѣ, фигурѣ, локальности и въ томъ, что въ нихъ содержится. Антитипія есть главное чувственное качество тѣлъ и предполагаетъ въ нихъ нѣкоторое начало дѣйствія. Такимъ образомъ во всякомъ тѣлѣ есть нѣкоторый субстанціальный и безтѣлесный принципъ. Это дѣлается яснымъ изъ того, что тѣло само по себѣ, какъ и вообще матерія сама по себѣ, не можетъ дѣйствовать, т. е. не можетъ имѣть движенія. Конечная причина движенія есть Богъ, такъ какъ нѣтъ самопроизвольнаго движенія, а всякое тѣло движется вслѣдствіе ума. Тѣло есть даже мгновенный умъ, умъ—безъ сознанія, памяти и ощуще-

ній. По тому, что всякое дѣйствіе и страданіе тѣла зависятъ отъ ума, движеніе вѣчно. Не нужно думать, что вѣчное движеніе имѣетъ причиной самую вѣчность, ибо тогда его творцомъ являлось бы время, а время есть только нѣчто протяженное. Движеніе есть сущность тѣла.

Движеніе можно трактовать по отношенію къ разуму и по отношенію къ чувству. Съ точки зрѣнія чувства оно есть перемѣна пространства, и всѣ его виды происходятъ изъ мѣстнаго движенія. Космически движеніе есть циркуляція и въ случаѣ, если идетъ отъ центра къ периферіи, то воспринимается, какъ противодѣйствіе. Не доказано, чтобы въ мірѣ сохранялось одно и то же количество движенія, но можно сказать, во первыхъ, что если что либо движется, то данъ двигатель, во вторыхъ, что все двигающее движется само и, въ третьихъ, что, если всѣ части тѣла движутся, то движется самое тѣло.

Понятія тѣла и его признаковъ—протяженія и движенія—были бы не полны безъ понятія усилія. Подобно тому, какъ элементъ протяженія есть точка, такъ элементъ движенія есть усиліе. Точка есть нѣчто непротяженное, нѣчто лишенное обладающихъ разстояніемъ частей, дѣлимое только идейно. Въ этомъ смыслѣ точка бываетъ больше точки, но всетаки точка менѣе всякой данной величины. Что касается усилія, то оно есть начало, середина и конецъ движенія. Усиліе безъ движенія есть только моментъ. Если бы въ тѣлѣ могло совмѣщаться заразъ два противоположныхъ усилія долѣе момента, то оно было бы умомъ, ибо тогда въ немъ возможно было бы сравненіе. Усиліе есть такимъ образомъ нѣчто аналогичное уму. Само собой разумѣется, нѣтъ противорѣчія въ томъ, чтобы въ тѣлѣ заразъ могло совмѣщаться много усилій. Усиліе можно опредѣлить какъ движеніе во времени и пространствѣ, меньшихъ любого даннаго времени и пространства. Усилія не равны; это ясно изъ понятія скорости движенія, когда одно тѣло уже съ самаго начала стремится больше, чѣмъ другое, проходя большее пространство. Изъ неравенства усилій слѣдуетъ между прочимъ указанное неравенство точекъ. Отношеніе усилія къ движенію равно отношенію точки къ пространству или единицы—къ безконечности. Движеніе на своемъ пути всюду распространяетъ усиліе. Въ качествѣ конца движенія усиліе есть происхожденіе

вещи, которое мгновенно. Что же теперь представляетъ изъ себя тѣло, когда оно покоится? Только чистыя точки въ пространствѣ. Покой больше порождается существованіемъ, чѣмъ движеніемъ, но если бы всѣ вещи двигались одинаково, напр., равномѣрно по параллельнымъ линіямъ, то имѣлъ бы мѣсто покой. Черезъ покой все разрѣшается въ чистую матерію. Моментъ покоя—это существованіе въ данномъ мѣстѣ, продолжающееся менѣе всякаго даннаго времени. Отношеніе покоя къ движенію есть отношеніе нуля къ единицѣ. Покой—ничто. Само собой понятно, что покоющееся тѣло не можетъ дѣйствовать, и что въ тѣлахъ, строго говоря, нѣтъ покоя; ибо, во первыхъ, то, что покоится, представляло бы пустое пространство, а во вторыхъ, въ дѣйствительности тѣло сотрясается отъ толчка всякаго другого тѣла, какъ бы это послѣднее ни было мало и хотя бы толчокъ не ощущался. Нужно замѣтить, что во время удара точки тѣлъ проникаютъ другъ въ друга, и имѣетъ мѣсто сцѣпленіе, какъ результатъ давленія. Проникать значитъ имѣть усиліе, а сцѣпленіе, и вообще составъ тѣлъ, необъяснимы изъ одной пространственной природы тѣлъ, т. е. помимо усилія. Такимъ образомъ, связь въ тѣлахъ можно объяснить только при условіи существованія безтѣлесныхъ существъ, которымъ усиліе свойственно *κατ' ἐξοχήν*. Точно то же нужно сказать относительно криволинейности и ускоренности движенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ помимо усилія, изъ понятія тѣла, въ качествѣ чего то пространственнаго и протяженнаго, объяснить, почему тѣло склонилось лучше въ эту, чѣмъ въ ту сторону или пріобрѣло движеніе быстрѣе другого движенія? Понятіе усилія объясняетъ много тѣлесныхъ свойствъ, между прочимъ—непрерывность и несоизмѣримость.

Что такое непрерывное? Это, во первыхъ, есть цѣлое, между любыми частями котораго существуютъ другія части. Отсюда слѣдуетъ, что непрерывное есть нѣчто безконечно дѣлимое. Съ другой стороны, по отношенію къ единичнымъ тѣламъ непрерывнымъ можно назвать то, что не разрѣшается отъ толчка, а также то, предѣлы чего суть одно. Спрашивается, какъ изъ одного тѣла происходитъ два и какъ изъ двухъ тѣлъ одно? Объясненіе даетъ природа точекъ и усилія. Дѣло въ томъ, что, какъ сказано, оконечности тѣлъ, т. е. точки, производя усиліе, проникаютъ другъ въ друга, хотя онѣ не дѣлимы реально. Ихъ непротяженность, при ихъ идей-

ной дѣлимости, распутываетъ лабиринтъ непрерывнаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ непрерывномъ части даны актуально. Эти части безконечны и существуютъ только въ мыслящемъ; но непротяженное объясняетъ протяженіе, эту величину непрерывнаго, тѣмъ, что становится краеугольнымъ камнемъ въ понятіи всякаго начала. Вѣдь нельзя признать началомъ то, у чего можно отнять что либо, сохранивъ начало, а между тѣмъ, если, напр., искать начало линіи АВ, то даже при безконечномъ ея дѣленіи, всегда будетъ имѣть мѣсто пространственная часть, отъ которой можно отнять нѣчто, сохранивъ начало этой части. Непрерывное не допускаетъ объясненій, если не понять, что оно идейно и представляетъ ученіе о количествѣ непротяженнаго. То же самое и относительно соизмѣримости. Нельзя принять, что реально существуетъ наименьшее. Тогда вышло бы, что наименьшихъ частей столько же въ цѣломъ, сколько въ части, а это абсурдъ. Нужно мыслить, что точка больше точки, откуда будетъ слѣдовать, что радіусъ соизмѣримъ съ кругомъ, ибо радіусъ въ концентрическихъ кругахъ можно разсматривать какъ безпрерывно возрастающую линію и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ наименьшій секторъ. Это однако справедливо только въ предѣлахъ непротяженности. Безконечно малая дуга во всякомъ случаѣ больше своей хорды, хотя бы послѣдняя была тоже безконечно мала, т. е. была бы точкой. Такимъ образомъ, многоугольникъ съ безконечнымъ числомъ сторонъ не будетъ равенъ кругу, т. е. не будетъ равенъ по величинѣ, но будетъ равенъ по протяженію. Количество и протяженіе нужно строго различать въ вопросѣ о несоизмѣримости.

Актуальная дѣлимость непрывнаго, или матеріи, приводитъ къ убѣжденію, что въ любомъ данномъ тѣлѣ существуетъ безконечное число твореній. Понятіе микрокосма находится въ связи съ безконечной заполненностью міра, но, хотя не существуетъ атомовъ, то есть тѣлъ, подвергающихся разрушенію, есть всетаки пустое пространство, существованіе котораго, несмотря на противорѣчіе опыта, можно доказать геометрически. Въ связи съ отсутствіемъ пустого пространства космически не существовало бы прямолинейнаго движенія. Космически также трудно было бы объяснить систему міра изъ круговращеній солнца, земли и другихъ міровыхъ шаровъ въ абсолютно заполненномъ пространствѣ. Промежу-

точная среда, эфиръ, имѣетъ пустóты, способствующія разнообразію и свободѣ создающихъ міръ движеній, которыя въ совокупности составляютъ horologium Dei, устроенный гармонично по однажды принятому, необходимому плану.

Этика. Богъ есть основа міра, гармонія и всемогущій умъ. Эти его качества отражаются въ мірѣ въ силу творческаго акта, и такимъ образомъ міръ въ его совокупности, т. е. всѣ его живыя существа составляютъ государство, въ которомъ царствуютъ справедливость и благо. Міръ —это государство Бога. Отсюда теологію можно считать чѣмъ то подобнымъ юриспруденціи. Въ силу своей мудрости и всевѣдѣнія Богъ утверждаетъ въ своемъ государствѣ чистое право и равенство, а по своему всемогуществу выполняетъ ихъ. Богъ есть послѣднее основаніе естественнаго права, ибо право есть возможность поступать справедливо. Оттого мы видимъ, что справедливымъ Богъ судилъ награду, а несправедливымъ наказаніе. Корни справедливости находятся въ Богѣ: она—вѣчная истина и не зависитъ отъ опыта. Поэтому наука о ней, то есть этика, есть плодъ чистаго знанія подобно доктринѣ права, которая также вытекаетъ изъ опредѣленій. Но, какъ и юстиція, справедливость заключаетъ эмпирическій элементъ пользы. Это прежде всего потому, что справедливость связана съ благоразумiемъ, которое не отдѣлимо отъ личнаго блага. Можно даже сказать, что справедливость безъ собственной пользы есть глупость. Даже по отношенію къ Богу не исчезаетъ этотъ элементъ пользы въ справедливости. Вѣдь справедливо то, что полезно болѣе могущественному, а кто же могущественнѣе Бога? При этомъ, по аналогіи съ юриспруденціей, можно сказать, что справедливымъ должно считаться то, что полезно или вредно публично, т. е. то, что полезно для Бога, міра, человѣчества и даннаго общества. Одна польза, конечно, бываетъ предпочтительнѣе другой, и польза Бога стоитъ впереди.

Идея справедливости должна осуществляться въ поступкахъ. Такъ какъ моральное качество справедливости намъ прирождено, то на насъ лежитъ нѣкоторая отвѣтственность. Богъ не бываетъ попустителемъ, какъ не бываетъ и причиной злого умысла. Если есть зло, то не Онъ служитъ его причиной. Зло—случайно. Оно только допущено Богомъ, какъ феноменъ, какъ оттѣнокъ для лучшаго выдѣленія гармоніи вещей. Богъ ненавидитъ грѣхи, но Онъ всетаки можетъ сно-

сить ихъ, иначе бы ихъ не было въ мірѣ. По своей благодати Богъ все дѣлаетъ для людей, что допускаетъ гармонія вещей безъ нарушенія свободной воли. А воля людей вполнѣ свободна, и поэтому грѣхъ существуетъ только для грѣшащаго. Вопросъ о свободѣ и предопредѣленіи разрѣшается путемъ раздѣленія Божьяго разума и воли. Разумъ Бога все предвидитъ, но Его воля не понуждаетъ насъ поступать именно такъ, а не иначе потому, что свободной волей Божества мы созданы свободными. Въ насъ не заложено никакой принудительности, какъ это наблюдается въ тѣлахъ, съ ихъ неизбѣжными законами движенія. Тѣла дѣйствуютъ механически, а мы—на основаніи конечныхъ причинъ. И внѣ этихъ причинъ абсолютная воля была бы чудовищной. Можно сказать, что нѣтъ индифферентной воли. Воля всегда направляется къ благу. Отсюда свобода опредѣляется личнымъ выборомъ блага какъ цѣли. Свобода получаетъ при этомъ свой истинный смыслъ и находитъ какъ бы опору, ибо быть свободнымъ значитъ именно поступать такъ, какъ хочетъ Богъ, т. е. поступать сообразуясь съ пониманіемъ Его высочайшей мудрости, благости и красоты, или по основанію разума быть принужденнымъ къ наилучшему.

Метафизическія основы этики и права находятъ себѣ примѣненіе въ понятіяхъ повседневной жизни. Знаніе справедливаго обычно относится къ нравственности, знаніе полезнаго—къ государству. Быть справедливымъ можно убѣдить благоразумнаго человѣка. Поэтому всякая обязанность, происходящая отъ желанія блага ближнему, дѣлается полезной. Но что же полезно по существу? Полезно по природѣ благо, которымъ никто не можетъ воспользоваться во зло. Это благо есть мудрость, т. е. знаніе, какъ лучше всего слѣдуетъ поступать. Такимъ образомъ отъ понятій справедливости и пользы существуетъ переходъ къ понятію блага. Благо есть цѣль общества и имѣетъ разныя степени. Высшее изъ благъ есть удовольствіе, ради котораго все дѣлается. Удовольствіе можетъ быть либо почетнымъ благомъ души, либо пріятнымъ благомъ тѣла, вообще же оно есть воспріятіе гармоніи. Присутствіе разнаго рода благъ безъ зла называется благополучіемъ. Такъ какъ никто самъ себѣ не желаетъ зла, то къ благополучію стремятся всѣ. Исходный пунктъ этого стрем-

ленія есть эгоизмъ, хотя иногда благо бываетъ желательно само по себѣ, какъ нѣчто такое, что доставляетъ радость. По отношенію къ другимъ людямъ мы желаемъ блага или ради насъ самихъ, или ради ихъ блага. Чужое благо бываетъ нашимъ, когда оно намъ пріятно. Процессъ исканія блага даетъ счастье тогда, когда мы въ состояніи исполнить то, чего хотимъ, и знаемъ, чего хотѣть.

Такъ какъ благо людей совпадаетъ съ Божественной волей, то ничѣмъ нельзя пользоваться во зло. Что же такое добрый человѣкъ? Это тотъ, кто любитъ всѣхъ. Но что значитъ любить? Это значитъ искать въ другомъ блага и радоваться благу другого. Отсюда самый плохой человѣкъ стоитъ любви, ибо въ какомъ нибудь отношеніи онъ всегда можетъ представить для насъ благо. Мы любимъ изъ за собственной радости. Даже Бога мы любимъ изъ за удовольствія пользоваться созерцаніемъ прекраснѣйшаго въ мірѣ существа. То, что любятъ всегда прекрасно, хотя не все прекрасное любимо. Любовь опредѣляетъ добраго человѣка, а вмѣстѣ съ нимъ и понятіе справедливости. Справедливость есть привычка любить другихъ, т. е. получать удовольствіе отъ желанія чужого блага. Изъ различныхъ видовъ любви необходимо отмѣтить дружбу. Истинная дружба есть любовь съ безпрерывнымъ напряженіемъ. Она—духовна. Благо истиннаго друга желательно для насъ само по себѣ внѣ всякой пользы. Мало того, оно должно быть предпочитаемо нашему благу. Чтобы поддержать дружбу нужно тщательное знакомство и даже нужно знаніе тѣла; ибо душа познается черезъ тѣло. Дружба внѣ дома называется пріязнью и, какъ и всякая дружба, допускаетъ услуги, которыя должны цѣниться по душевному расположенію того, кто ихъ оказываетъ.

Любовь и дружба заключаютъ въ себѣ элементъ прекраснаго. Въ чемъ же состоитъ сущность красоты? Въ гармоніи и пропорціи. Красота души состоитъ въ соотвѣтствіи между знаніемъ и мощью. Отсюда знаніе пріятнаго можетъ быть цѣлебно. Гармонія и красота заложены въ природѣ Бога. Поэтому любовь Бога къ міру имѣетъ ту цѣль, чтобы, схватывая эту гармонію, люди старались отражать ее на другихъ. Такимъ образомъ устанавливается почитаніе Бога: ораторами и жрецами черезъ посредство словъ и жертвоприношеній, философами черезъ открытіе гармоніи въ мірѣ и

политиками при помощи хорошихъ поступковъ. Красота и любовь должны сопровождать все. Ради нихъ болѣе мудрые должны стоять во главѣ другихъ, ибо въ силу власти, руководя болѣе слабыми, они преслѣдуютъ одну и ту же цѣль— отраженіе всеобщей гармоніи въ мірѣ. Въ процессѣ этого отраженія насъ можетъ утѣшать добрая совѣсть, т. е. радость души въ надеждѣ на вѣчное блаженство, тогда какъ надежда есть вѣра въ то, что Богъ любитъ насъ.

Основныя черты становящейся системы. Понятіе potius

Этикой заканчивается систематическая картина философскихъ концепцій Лейбница, полученная въ итогѣ его работъ за разсмотрѣнный періодъ дѣятельности. При первомъ же взглядѣ въ этой картинѣ нельзя не отмѣтить сравнительной полноты какъ матеріала, такъ и его обработки. Только психологіи посчастливилось менѣе, но и она обрисовываетъ существенныя черты нашей интеллектуальной природы. Что же касается логики, то въ ней представлена своего рода система. То же можно сказать и относительно гносеологіи, которая во многомъ раціоналистична и по своему характеру опредѣляется ученіемъ о вѣчныхъ истинахъ, къ которымъ сводится процессъ познанія. Что касается метафизики, то основное ея понятіе, понятіе Божества продумано до мельчайшихъ подробностей. Ясно выражено свойство Божества, въ силу котораго Его разумъ превалируетъ надъ волей, ясно отмѣчено значеніе гармоніи въ этомъ разумѣ, а въ связи съ нею и важность visio beatifica, которое сосредоточиваетъ гармонію въ нашихъ душахъ. Кромѣ того, обращено должное вниманіе на отношенія субстанцій, при чемъ, хотя и допускается ихъ взаимное вліяніе другъ на друга, однако вся ихъ совокупность понимается какъ цѣпь слѣдствій, зависящая отъ единаго разумнаго основанія. Самое понятіе субстанціи не особенно обработано, но субстанціальныя свойства души обрисованы достаточно, при чемъ отмѣчены присущее душѣ начало дѣятельности, а также безсмертіе души, вытекающее изъ отсутствія въ ней признаковъ тѣлесности. Эта тѣлесность отнесена къ области внѣшняго міра, и здѣсь, въ физикѣ, особенно хорошо обосновано понятіе движенія, которое выяснено и съ феноменальной, и съ внутренней стороны. Въ послѣднемъ случаѣ

оно представляется какъ усиліе, при помощи котораго дѣлается возможнымъ объясненіе непрерывности и несоизмѣримости изъ того обстоятельства, что они понимаются идейно, и что различіе количества и протяженности является рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ. Въ этикѣ подчеркнуто представленіе о мірѣ, какъ о государствѣ Бога, гдѣ царитъ справедливость въ качествѣ вѣчной истины, при чемъ указано, что зло происходитъ отъ свободной воли человѣка, и что благо есть удовольствіе, въ основѣ котораго заложено понятіе прекраснаго. Эстетическій характеръ этики Лейбница въ первый періодъ его философской дѣятельности не подлежитъ сомнѣнію.

Отмѣченныя черты содержанія становящейся системы Лейбница являются очевидными съ перваго взгляда, не смотря на всю схематичность изложенія ея матеріала и не смотря на то, что этотъ матеріалъ, поскольку удалась задуманная задача, былъ взятъ лишь изъ самыхъ основныхъ фактовъ. При выборѣ фактовъ встрѣчались, конечно, вопросы, которые дебатировались Лейбницемъ въ разное время съ разныхъ точекъ зрѣнія, какъ, напримѣръ, вопросы о матеріи и душѣ животныхъ, но все это, согласно принятому методу, какъ заключающее противорѣчіе, нами отбрасывалось. Матеріалъ былъ съуженъ и сокращенъ, и въ результатѣ, сколько намъ кажется, общая картина возсозданія изученныхъ философскихъ концепцій Лейбница пріобрѣла отъ этого внутреннее единство и цѣльность. Послѣднее не такъ очевидно съ перваго взгляда, но тѣмъ не менѣе должно считаться неоспоримымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, даетъ ли представленная картина систему философіи? Да. Есть ли между частями системы органическая связь? Да. Имѣетъ ли система какія нибудь оригинальныя черты въ отличіе отъ другихъ системъ? Да. Мы думаемъ, что если бы Лейбницъ умеръ на 24 году отъ рожденія, и отъ него остались бы только изученныя нами до сихъ поръ сочиненія, то онъ всетаки былъ бы замѣтной величиной въ исторіи философіи, и нельзя было бы указать ни на одного философа, у котораго—разумѣется, въ цѣломъ—система представляла ту же самую концепцію, которую предложилъ Лейбницъ. Отсюда слѣдуетъ, что должно быть нѣчто, составляющее основную мысль системы, нѣчто такое, что служитъ въ ней общимъ звеномъ, и въ силу самой центральности сво-

его положенія представляетъ такимъ образомъ существеннѣйшій ея отличительный признакъ. Такой отличительный признакъ имѣется, и это есть понятіе potius.

Всѣ христіанскія философскія системы, которыхъ было не мало до Лейбница, по существу вѣры всегда ставили въ центрѣ своихъ умозрѣній понятіе Божества. Всѣ такія системы говорили о твореніи Божествомъ міра и объ управленіи жизни на землѣ черезъ посредство Божественной воли. Но ни одна изъ этихъ системъ, кромѣ развѣ теологіи Петра Абеляра, не смотрѣла на первичный актъ творенія, какъ на происходящій съ точки зрѣнія выбора по наилучшему основанію [1]). Между тѣмъ, по Лейбницу, Богъ выбираетъ луч-

[1]) Къ сочиненіи П. Абеляра «Introductio ad Theologiam» встрѣчаются мысли, сходныя съ мыслями Лейбница. Можно даже сказать, что это тѣ-же самыя мысли, но только выраженныя и развитыя иначе. Разсуждая о благѣ человѣка, Абеляръ полагаетъ, что оно заключается въ вѣрѣ, любви и таинствахъ. (Patrologiae cursus completus. Series secunda. Accurante I. P. Migne. Tomus CLXXVIII. P. 981). Вѣра содержитъ въ себѣ надежду, какъ родъ содержитъ видъ, а что касается любви, то нужно признать, что ничего не слѣдуетъ любить и дѣлать иначе, какъ ради Бога, въ которомъ заложена общая цѣль всего. (Ib, 983). Богъ есть альфа и омега, и по его волѣ таинства служатъ видимымъ знакомъ Его невидимаго благоволенія. (Ib. 984). Послѣ этихъ предварительныхъ опредѣленій Абеляръ приступаетъ къ подробному изслѣдованію понятій вѣры, любви и таинствъ,—каждаго понятія въ отдѣльности, и прежде всего вѣры. Онъ приводитъ тексты изъ Священнаго Писанія и говоритъ, что есть католическая вѣра, id est universalis, которая «такъ необходима для всѣхъ, что безъ нея ни одинъ сознательный человѣкъ (nemo discretus) не можетъ спастись». (Ib. 986). Предметъ такой вѣры прежде всего составляетъ природа божества, а затѣмъ благодѣянія Божіи. Что касается природы Бога, то мы вѣримъ, что Богъ единъ, что Онъ—господь всего, творецъ, единое начало, свѣтъ и благо, единое неизмѣримое, всемогущее и вѣчное, неизмѣнная субстанція или неизмѣнная сущность, простая внутри, у которой нѣтъ никакихъ частей и въ которой не можетъ быть ничего что бы не было ею. Этой сущности однако свойственны три Лица. (Ib. 987). Абеляръ разсматриваетъ свойства Лицъ Божіихъ. Богу Отцу приписывается могущество, Богу Сыну—мудрость, Богу—Духу Святому—любовь. «At vero Spiritus sancti vocabulo, говоритъ Абеляръ, ipsa ejus charitas seu benignitas exprimitur, qua videlicet optime cuncta vult fieri seu disponi, et eo modo singula provenire quo melius possunt, in aliis quoque bene utens, et optime singula disponens, et ad optimum finem quoque perducens. Non est autem perfectus in omnibus, qui in aliquo impotens invenitur, nec perfecte beatus est

шее, въ силу гармоничности своей природы, и это понятіе potius, замѣшанное въ пониманіе творческаго акта Божества, какъ чего-то творчески-гармоническаго отличаетъ систему Лейбница отъ другихъ христіанскихъ системъ. Въ понятіи potius заключается какъ бы методологическій оптимизмъ [1]), который выработался у Лейбница подобно тому, какъ это было у Абеляра, въ связи съ идеями достаточнаго основанія и причинности. Чтобы лучше это видѣть, обратимся къ источникамъ.

Въ одной изъ теоремъ Disputatio juridica de conditionibus вѣроятно еще въ 1665 году, Лейбницъ, говоря объ ударѣ тѣлъ, утверждаетъ, что тѣла не пріобрѣтаютъ движенія по продолженію линій первоначальнаго направленія, ибо „хотя толчекъ тѣлъ сдѣлался общимъ, нѣтъ причины, почему бы тѣла двигались въ одну сторону лучше, чѣмъ въ другую:

---

qui in aliquo decipi potest, nec penitus benignus qui omnia optime fieri non velit ac disponi. Ubi vero haec tria conveniunt, ut tam videlicet potentia quam sapientia, quam bona voluntate sit perfectus, nil boni est quod ejus plenitudini desit. Tale est ergo Deum Patrem ac Filium et Spiritum sanctum nos profiteri, ac si ipsum.. summum bonum esse praedicemus, cui, inquam, bonorum omnium plenitudini nil desit, et cujus participatione bona esse caetera constet» (Ib. 989—99 [1]). Далѣе въ трактатѣ Абеляра приводятся относительно Троичности свидѣтельства пророковъ и философовъ, а затѣмъ во второй книгѣ, еще свидѣтельства разума. Третья, неоконченная книга «Введенія въ Теологію» болѣе подробно изслѣдуетъ и обсуждаетъ вопросы о Божіемъ могуществѣ, мудрости и благости. Очень возможно, что Лейбницъ, съ дѣтства читавшій схоластиковъ очень рано могъ познакомиться съ высказаннымъ у Абеляра взглядомъ на сущность природы Божества, хотя нельзя не замѣтить, что идею о выборѣ Богомъ наилучшаго, Лейбницъ могъ почерпнуть и изъ другихъ источниковъ. Въ пятой главѣ третьей книги Абеляръ въ подтвержденіе своей мысли приводитъ ссылки и на Платона, и на Августина, и на Іеронима, при чемъ отмѣчаетъ даже связь понятія наилучшаго съ понятіемъ разумнаго основанія. Такъ, онъ между прочимъ говоритъ о Богѣ: «Nihil quippe est quod aut faciat aut dimittat, nisi optima et rationabili causa, licet illa nobis occulta sit (Ib. 1094) Что касается Платона, то Абеляръ ссылается на слѣдующее мѣсто въ Тимеѣ: *Λέγωμεν δὴ δι' ἥν τινα αἰτίαν γένεσιν καὶ τὸ πᾶν τόδε ὁ ξυνιστὰς ξυνέστησεν. Ἀγαθὸς ἦν, ἀγαθῷ δὲ οὐδεὶς περὶ οὐδενὸς οὐδέποτε ἐγγίγνεται, φθόνος τούτου δ' ἐκτὸς ὢν πάντα ὅτι μάλιστα ἐβουλήθη γενέσθαι παραπλήσια αὑτῷ.* (Platoni Timaeus. 29. D—F)·

[1]) Сознаніе важности оптимистической оцѣнки въ системѣ Лейбница общеизвѣстный фактъ. M. Halbwachs, напримѣръ, выражается о Лейбницѣ

вѣдь ничего нѣтъ безъ причины“ [1]). Въ этомъ утвержденіи понятіе potius высказано ясно, при чемъ тѣсно связано съ lex rationis и примѣнено къ физикѣ. Такое примѣненіе можетъ навести на мысль о вліяніи Архимеда [2]), но важно то, что Лейбницъ уже усвоилъ это понятіе. Въ 1667 году онъ примѣняетъ его въ области метафизики. Разумъ, говоритъ Лейбницъ, потому „воспринимаетъ одно лучше, чѣмъ другое“, и вещи потому „существуютъ лучше такими, чѣмъ иными“, что они alia aliis ἁρμονικώτερα [3]). Черезъ два года приведенныя формулировки повторяются: первая въ—De rationibus motus, вторая въ—Grundriss eines Bedenkens. По поводу вывода криволинейнаго движенія изъ прямолинейнаго, которому помѣшали простираться впередъ, Лейбницъ говоритъ: „нельзя привести основанія, почему оно обращается лучше въ эту, чѣмъ въ ту сторону кривизны“ [4]). Доказывая существованіе Бога, Лейбницъ пишетъ: „Безъ Него прежде всего нельзя найти причину (а вѣдь ничего не бываетъ безъ причины), почему вещи, которыя могли бы быть безсвязными и безпорядочными, находятся въ такой прекрасной невыразимой гармоніи“ [5]). Здѣсь понятіе potius выражено косвенно, но смыслъ утвержденія совершенно тотъ же самый. Отсюда слѣдуетъ, что въ 1669 году логическое и метафизическое значеніе этого понятія вполнѣ выяснилось для Лейбница. Къ 1671 году относятся лишь новыя его выраженія въ письмѣ къ Веддеркопфу и въ наброскѣ Теодицеи. „Невозможно, говоритъ Лейбницъ въ письмѣ къ Веддеркопфу, чтобы Богъ, въ силу самой идеальности вещей не былъ принуждаемъ къ самому лучшему“ [6]). Набросокъ Теодицеи развиваетъ мысль, высказанную въ Grundriss eines Bedenkens. „Богъ, пишетъ Лейбницъ, есть послѣднее начало всѣхъ вещей и причина, почему онѣ лучше

даже такъ, что «sa philosophie tout entière l'y inclinait». M. Halbwachs. Leibniz. Paris. Librairie Paul Delaplane. P. 105. Само собой разумѣется, что, говоря объ оптимизмѣ Лейбница, обычно имѣютъ въ виду его этику.

[1]) Смотр. выше, стр. 24.

[2]) Смотр. мою книгу: Генетическій методъ въ логикѣ. Казань. 1909. стр. 66—67.

[3]) Смотр. выше, стр. 56.

[4]) Ib. 165.

[5]) Ib. 182.

[6]) Ib. 251.

существуютъ, чѣмъ не существуютъ, и лучше существуютъ такъ, чѣмъ иначе“ [1]). Приведенные факты показываютъ, что, усвоивъ понятіе potius, Лейбницъ вскорѣ обратилъ его въ принципъ, то есть сталъ понимать его иногда какъ lex melioris, пользуясь имъ при этомъ чаще всего въ соединеніи съ lex rationis.

Такой характерный признакъ системы, какъ понятіе potius, очевидно не слѣдовало оставлять неотмѣченнымъ. Почему же мы ничего не говорили о немъ до сихъ поръ? Прежде всего потому, что Лейбницъ не выдвигалъ этого понятія намѣренно и оно какъ бы скрадывалось въ общемъ потокѣ разнообразныхъ идей системы. Съ другой стороны нашъ методъ суммированія и такъ сказать очной ставки всей наличности философскихъ концепцій Лейбница позволялъ вдругъ и сразу увидать роль понятія potius въ общемъ строѣ системы. Этотъ методъ, который мы примѣнили, воспроизведя становящуюся систему, долженъ былъ быть оправданъ, и чтобы яснѣе и рѣзче подчеркнуть важность результатовъ, къ которымъ онъ привелъ, мы сдѣлали свои замѣчанія послѣ суммированія.

Если теперь вспомнить данную нами картину первоначальной концепціи системы Лейбница, то легко замѣтить, что въ этой концепціи понятіе potius имѣетъ дѣйствительно господствующее значеніе. Оно охватываетъ не только метафизику, но и логику съ этикой. И это потому, что въ понятіи potius заключается идея оцѣнки, а эта идея, пріобрѣтая то логическій, то метафизическій, то этическій смыслъ, служитъ связующимъ звеномъ главныхъ частей философіи Лейбница. Въ самомъ дѣлѣ, логически разумъ цѣнитъ одно больше другого съ точки зрѣнія истины. Это lex rationis. Метафизически Богъ при выборѣ цѣнитъ одно больше другого съ точки зрѣнія гармоніи. Это—lex melioris. Этически наше Я обязано цѣнить одно больше другого съ точки зрѣнія свободы, понимаемой какъ принужденіе разума къ наилучшему. Это—lex libertatis. Всѣ эти три закона выражаютъ модификаціи понятія оцѣнки, а общую окраску этому понятію придаетъ понятіе potius, связующее ихъ въ гармонически-творческомъ актѣ Божества. Нужно только замѣтить, что логическая точка зрѣнія проявляется при этомъ менѣе другихъ.

---

[1]) Ib. 341.

Въ литературѣ встрѣчаются намеки на то, что сейчасъ было высказано. Такъ еще Адамсонъ, имѣя въ виду систему Лейбница, приводилъ мысль о связи lex melioris и lex rationis, который служитъ переходомъ къ первому [1]). Точно также Фалькенбергъ говорилъ, что lex melioris есть частное выраженіе lex rationis [2]). Самъ Лейбницъ вполнѣ сознавалъ важность понятія potius для своей системы. Его колебанія при обсужденіи теоремы, что Богъ всегда выбираетъ лучшее, можно видѣть изъ спеціально прилагаемаго здѣсь неизданнаго его наброска [3]).

Итакъ, первоначальная концепція системы Лейбница по основному своему замыслу оригинальна, а по развитію этого замысла представляетъ цѣльность и единство. Каково же отношеніе этой первоначальной концепціи къ болѣе развитой формѣ системы Лейбница?

Мы уже сказали, что съ совершенной полнотой система Лейбница въ опредѣленномъ памятникѣ выражена никогда не была и что поэтому она не можетъ служить опредѣленной мѣркой сравненія. Все, что можно сдѣлать для удовлетворенія поставленнаго вопроса, здѣсь, въ выводахъ, гдѣ нужна особенная точность, это посмотрѣть, могутъ ли наши соображенія о понятіи potius оправдать ся на такомъ, напримѣръ, позднѣйшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ систематическомъ памятникѣ философіи Лейбница, какъ Монадологія. Если взглянуть на 31—32 параграфы

---

[1]) «where the difference between truth and fact is involved, a transition is made from the principle of sufficient reason to the principle of Choice of the Best. The principle of sufficient reason works perfectly well within the system of abstract truths; but as soon as the difference between truth and fact is admitted, the principle of sufficient reason yields to that of Choice of the Best, which is required in order to add to truth or validity the element of fact or existence». The development of modern philosophy with other lectures and essays by Robert Adamson. Vol. I Edinburg and London. 1903 P. p. 103—104.

[2]) Р. Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Русс. переводъ подъ редакціей Д. Викторова. Москва. 1910. Стр. 226.

[3]) Третье приложеніе. Набросокъ относится, вѣроятно, ко времени Парижскаго пребыванія Лейбница. Судя по тому, что онъ представляетъ работу еще неустановившейся мысли, напр. въ такомъ родѣ: «quaeri potest... utrum haec propositio necessaria sit: nihil existit sine majore existendi quam non existendi ratione» можно думать, что онъ написанъ до 11 февраля 1676 года. Въ самомъ дѣлѣ, въ набросѣ, принадлежащемъ этой датѣ, поставленный вопросъ является уже рѣшеннымъ: «Recte expensis rebus pro principio statuo

этого сочиненія [1]) и затѣмъ соединить ихъ съ параграфами 53—55 [2]) и 90, [3]) то не трудно будетъ видѣть, что принципъ оцѣнки

Harmoniam rerum, id est quantum plurimum essentiae potest existat. Sequitur plus rationis esse ad existendum, quam ad non existendum». См. изданныя мною «Сочиненія Лейбница. Элементы сокровенной философіи о совокупности вещей». Казань. 1913 г. Стр. 28.

[1]) Для удобства приводимъ названные параграфы въ лучшемъ русскомъ переводѣ. «(§ 31) Наши разсужденія, говоритъ Лейбницъ, основываются на двухъ великихъ началахъ: *началѣ противорѣчія*.... (§ 32) и *началѣ достаточнаго основанія*, въ силу котораго мы усматриваемъ, что ни одинъ фактъ не можетъ оказаться истиннымъ или дѣйствительнымъ, ни одно утвержденіе справедливымъ,—безъ достаточнаго основанія, почему именно дѣло обстоитъ такъ, а не иначе, хотя эти основанія въ большинствѣ случаевъ могутъ вовсе не быть намъ извѣстны». (Проф. Е. Бобровъ. Философія и литература. Казань. 1898. Стр. 153. Подлинникъ см. у G. VI, 612). Такъ выраженъ lex rationis. Emile Boutroux понимаетъ его слѣдующимъ образомъ: L'explication n'est complète que lorsqu'on a montré pourquoi c'est *tel* possible plutôt que les autres, qui a été réalisé, pourquoi s'est telle assertion qu'il faut adopter, de préférence aux autres assertions compatibles avec les prémisses. Leibnitz avait commencé par donner à son principe le nom de principe de raison *déterminante*. Il se servit aussi du nom de principe de *convenance* et d'*harmonie*, parce que la *raison* de l'existence et de la détermination doit être cherchée dans l'accord de la chose en question avec les autres choses. Le terme de principe de raison *suffisante*, auquel il s'est arrêté dans la fin de sa vie, paraît emprunté aux mathématiques, où l'on distingue constamment entre la condition nécessaire et la condition suffisante». (Leibnitz. La Monadologie publiée d'apres les manuscrits et accompagnée d'éclaircissements par Émile Boutroux. Septième édition. Paris. P. 159). Къ §§ 31 и 32 Монадологіи относятся также §§ 36 и 46, гдѣ говорится о примѣненіи lex rationis къ случайнымъ истинамъ.

[2]) «§ 53... Такъ какъ въ идеяхъ Бога безконечное множество міровъ, изъ которыхъ существовать можетъ лишь одинъ, то необходимо, значитъ, есть достаточное основаніе для выбора, которое опредѣляетъ Бога скорѣе къ одному, чѣмъ къ другому. § 54. Эта причина можетъ лежать только въ *цѣлесообразности*, или въ степеняхъ совершенства, какое содержатъ въ себѣ эти міры, ибо каждый возможный міръ имѣетъ право требовать для себя существованія по мѣрѣ совершенства, которое онъ заключаетъ въ себѣ. § 55. Въ этомъ и заключается причина *существованія наилучшаго*: мудрость въ Богѣ познаетъ его, благость избираетъ и могущество производитъ». (Проф. Бобровъ. Только-что цитированная книга. G. VI, 616). Такъ выраженъ lex melioris. «Ceci est l'indication de la célèbre théorie de l'*optimisme*», говоритъ Boutroux въ своихъ комментаріяхъ. Op. cit. P. 173.

[3]) Въ этомъ параграфѣ сначала говорится о градѣ Божіемъ и о правителѣ Богѣ. «Наконецъ, пишетъ Лейбницъ, подъ... совершеннымъ

въ понятіи potius проведенъ и здѣсь совершенно такъ же, какъ въ первоначальной концепціи. Lex melioris, lex rationis и lex libertatis находятся здѣсь налицо. Только выражены они нѣсколько иначе. Договорено то, на что раньше были только намеки. Больше отведено мѣста lex rationis. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что указанное нами понятіе potius и заключенная въ немъ идея оцѣнки представляютъ главный характеристическій признакъ системы Лейбница вообще. Что касается предустановленной гармоніи, которой нѣтъ въ первоначальной концепціи системы, то она, хотя и представляетъ изъ себя одно изъ оригинальнѣйшихъ созданій Лейбница, всетаки должна считаться только частнымъ случаемъ развитія его философскихъ взглядовъ по вопросу о связи души и тѣла. Она выросла въ соединеніи съ расширеніемъ и углубленіемъ понятія творческаго акта

правленіемъ не будетъ ни доброго дѣянія безъ награды, ни злого безъ возмездія, и все должно выходить ко благу добрыхъ, т. е. тѣхъ, кто въ этомъ великомъ государствѣ чуждъ недоволиства, кто довѣряется Провидѣнію, исполнивъ свой долгъ, и кто любитъ и, какъ подобаетъ, подражаетъ Творцу всякаго блага радуясь созерцанію Его совершенствъ, согласно природѣ истинной *чистой любви*, при которой находятъ удовольствіе въ блаженствѣ того существа, которое мы любимъ. И это понуждаетъ людей мудрыхъ и добродѣтельныхъ трудиться надо всѣмъ, что кажется согласнымъ съ божественной волей, предполагаемой или предшествующею, и всетаки довольствоваться тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ посылаетъ Богъ своею тайною, послѣдующею и рѣшающею волею,— въ признаніи, что если бы мы могли въ достаточной мѣрѣ понять порядокъ вселенной, то мы нашли бы, что онъ превосходитъ всѣ пожеланія наимудрѣйшихъ, и что нельзя сдѣлать его еще лучше, чѣмъ онъ есть, не только вообще и для всего, но и для насъ самихъ въ частности, если только мы надлежащимъ образомъ привязаны къ Создателю всего, не только какъ къ Зодчему и дѣйствующей причинѣ нашего бытія, но также какъ и къ нашему Владыкѣ и конечной причинѣ, который долженъ составлять всю цѣль нашей воли, и одинъ только можетъ составить наше счастье». (Проф. Е. Бобровъ, Цит. переводъ. 168—169. G. VI, 622—623;) Такъ выраженъ lex libertatis. Комментаріи Boutroux таковы.. «la volonté, même conséquente, de Dieu ne donne pas immédiatement aux choses toute la perfection qu'elles comportent. Dieu a en quelque sorte réservé à l'action même des créatures une part dans l'avénement de son régne. Et c'est pourquoi celles-ci ne doivent pas perdre de vue cette volonté antécédente de Dieu, qui allait exclusivement au bien sans faire encore aucune place au mal. S'il doit être à tout jamais impossible de réaliser entiérement une telle volonté, qui n'irait à rien moins qu'à recréer Dieu lui même, il est du moins possible de se rapprocher de plus en

Божества и понятія субстанціи [1]). Выясненіе этой стороны дѣла будетъ служить предметомъ другой части нашего труда.

---

plus de cet idéal; et Dieu tend, dans le devéloppement du monde, à mettre sa volonté conséquente dans une harmonie toujours plus étroite avec sa volonté antécédente. L'homme sage a donc confiance; et, en disant: *Fiat voluntas tua*, il ne cède pas à la force, il sait qu'il travaille à l'avènement du royaume de Dieu». Op. cit. 192.

[1]) Отсюда легко объясняется, почему мы не воспользовались до сихъ поръ литературой, которая выясняетъ сущность системы Лейбница, какъ напр., это сдѣлано въ прекрасныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ Я. Озе (Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibniz. Dorpat, 1888), Ралля (Der Leibnizische Substanzbegriff. Halle, 1899), а также въ книгахъ: Серебренникова, Русселя, Дильманна, Кассирера и другихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Хронологическія даты.

Для настоящей работы чрезвычайно важны хронологическія даты. Это позволяетъ выдѣлить ихъ обсужденіе и дополнительныя о нихъ свѣдѣнія въ особый отдѣлъ, чтобы здѣсь, въ концѣ книги, подробнѣе указать на то, что въ текстѣ сочиненія могло показаться излишнимъ, какъ затрудняющее вниманіе при усвоеніи главной темы. Въ основу такихъ дополнительныхъ свѣдѣній и обсужденій положенъ литографически изданный двумя французскими и одной нѣмецкой Академіями „Критическій Каталогъ“ сочиненій Лейбница: Kritischer Katalog der Leibniz-Handschriften. Zur Vorbereitung der interakademischen Leibniz-Ausgabe unternommen von der Académie Des Sciences zu Paris, der Académie Des Sciences Morales et Politiques zu Paris und der Königlichen Academie der Wissenschaften zu Berlin. Als Manuscript vervielfältigt. Erstes Heft. (1646—1672). Berlin. 1908. [1]) Кромѣ

---

[1]) «Критическій Каталогъ» представляетъ литографію in folio и заключаетъ въ себѣ предисловіе Академій (3+—5+) предувѣдомленіе редактора П. Риттера, (9+—10+), введеніе (11+—13+) и подробныя примѣчанія къ нему (13+—54+), а затѣмъ перечень рукописей Лейбница и относящихся къ нимъ документовъ №№ 1—1162 (стр. 1—290). Къ этому прило-

этого Каталога, обязаннаго своимъ появленіемъ трудамъ Вилли Кабитца, Альберта Риво, Жюля Сира и Пауля Риттера, приходилось считаться также съ позднѣйшимъ трудомъ перваго изъ этихъ ученыхъ, издавшаго книгу по философіи юнаго Лейбница годъ спустя послѣ выхода Каталога.

Замѣчанія къ хронологическимъ датамъ сдѣланы постранично, съ указаніемъ, помимо страницъ, (большія цифры) также строкъ сверху или снизу (маленькія цифры).

6_8. Критическій Каталогъ означаетъ дату первой диссертаціи Лейбница, какъ и всѣ свои даты, по новому стилю: 9 іюня 1663 года. Свидѣтельствомъ интереса Лейбница къ философскимъ вопросамъ служитъ за это время приведенная въ Каталогѣ замѣтка: G. G. Leibnitius emit 12 gr. Lipsiae anno 1663 mense Februario (Tractatus novus... De voluptate et dolore, de Risu et Fletu, somno et vigilia deque Fame et siti N. Fossii... cui acc. A. L. Politiani de Risu ejusque causis et effectis usu. Frankf. 1613).

15^{10}. Это первое письмо къ Якову Томазію по новому стилю имѣетъ дату: IX, 12.

19_5. „Образецъ философскихъ вопросовъ, выбранныхъ изъ права“ въ текстѣ книги отмѣченъ датой по старому стилю.

23_{5-4}. Въ цѣляхъ полученія ученаго реноме Лейбницъ писалъ сочиненія для защиты въ факультетѣ иногда очень сухо и кратко. Такъ были написаны сначала обѣ части Disputatio juridica de conditionibus. Затѣмъ Лейбницъ переработалъ ихъ въ Нюренбергѣ для изданія съ другими своими сочиненіями подъ общимъ названіемъ Specimina juris въ 1667 году. Гурауэръ дѣлаетъ предположеніе, что переработка велась зимой 1666/7 года [1]). Вѣроятно объ этомъ изданіи въ письмѣ къ

жены регистры: a) писемъ и записокъ (стр. 293—324), b) сочиненій, очерковъ, набросковъ и извлеченій (стр. 325—345), c) мѣстонахожденій поименованныхъ въ Каталогѣ сочиненій (стр. 346—365), d) изданій (стр. 366—387), e) цитатъ изъ литературы (стр. 388—401), f) именъ (стр. 402—471), g) содержанія (стр. 472—503), h) сокращеній (стр. 504—507) и, наконецъ, списокъ ошибокъ и добавленій (стр. 508—510).

[1]) Guhr. Biogr. I. Beilage. S. 7.

Placcius'y 25 іюня 1695 года Лейбницъ говоритъ: „Lipsiae binas disputationes juridicas *de conditionibus* publice sustinueram. Eas in meliorem formam redactas, et a nimia subtilitate ad popularius dicendi genus traductas, una cum meo *Specimine quaestionum philosophicarum*, alia *disputatione Lipsiensi*, et dissertatione inaugurali Altorfina *de casibus perplexis in jure*, bibliopolae cuidam Norimbergensi edendas commendaveram: qui cùm non multo post obiisset, omnia amissa putabam, praesertim cum nec in catalogis comparuissent, nec mihi vel aliis, me rogante inquirentibus, innotuissent, et heredes quidquam apud se reperiri negarent. Cùm ecce! ante aliquot annos quidam juris candidatus, a meditationibus non abhorrens, duo exempla typis edita casu nescio quo reperta attulit, unumque mihi concessit" [1]). Критическій Каталогъ называетъ еще три изданія этой книги. Два датированныхъ и одно безъ обозначенія времени выхода, отпечатанное въ Лейпцигѣ. Изъ тѣхъ, которыя имѣютъ даты, одно 1669 года, безъ означенія мѣста печатанія, другое 1672 года во Франкфуртѣ [2]). Первое должно считаться основнымъ по отношенію ко второму. Такимъ образомъ, время переработки и исправленія первоначальныхъ очерковъ De condicionibus въ Specimen certitudinis seu demonstrationum in jure, exhibitum in doctrina conditionum должно быть означено періодомъ по меньшей мѣрѣ въ пять лѣтъ. Первой части Disputatio juridica de conditionibus такъ же, какъ и изданій 1667 и 1669 г.г. нѣтъ въ Королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ, и я имѣлъ возможность пользоваться только изданіемъ Дютана.

24_{8-5}. Specimen Quaestionum для послѣдующихъ изданій подвергался передѣлкамъ, кажется, только стилистическаго характера, и такимъ образомъ примѣненіе математики къ праву составляетъ фактъ раннихъ занятій Лейбница. Соображенія на тему: Concursu fiunt partes могутъ, поэтому, въ существенныхъ чертахъ принадлежать первой редакціи De conditionibus.

25_2. Дата коньектуры указана по старому стилю.

---

[1]) D. VI. I, 55.

[2]) Kritischer Katalog. Статья № 102. S.s. 24—25.

27_{13}. Также дата по старому стилю. Dissertatio de arte combinatoria вышла вѣроятно въ 1666 году, послѣ 17 марта. Она имѣла потомъ еще три изданія 1668, 1690, 1694 годовъ [1].

45_{11}. Дата письма показана ошибочно; слѣдуетъ: 5 апрѣля 1666 года.

51_2. Дата по старому стилю.

53_{8-7}. Критическій Каталогъ не знаетъ этого наброска Лейбница. Нѣтъ въ Критическомъ Каталогѣ и упоминанія о сочиненіи Фуше де Карейля: Mémoire sur la philosophie de Leibniz. Остается предположить одно изъ двухъ: или открытый Фуше де Карейлемъ автобіографическій отрывокъ затерянъ, (его, повидимому, не зналъ и Бодеманнъ) [2] или онъ считается принадлежащимъ болѣе позднему времени, чѣмъ время отъѣзда Лейбница въ Парижъ. Между тѣмъ Фуше де Карейль, извѣстный знатокъ и издатель Лейбница, является авторомъ, которому трудно отказать въ довѣріи.

57_{6-3}. Дата, указанная Кабитцемъ, можетъ быть очень точна, но изъ Критическаго Каталога (стр. 285, набросокъ H), видно, что опубликованные Тренделенбургомъ отрывки находятся на разныхъ листахъ (Bl. 46—47; 48; 38). Такъ какъ набросковъ по опредѣленію разныхъ понятій права Лейбницемъ было сдѣлано очень много, а правомъ Лейбницъ занимался съ юныхъ лѣтъ, то можетъ быть позволительно предположить, что въ публикацію Тренделѣнбурга попали листы разныхъ хронологическихъ періодовъ. Въ такомъ случаѣ опредѣленіе гармоніи, данное въ наброскахъ, опубликованныхъ Тренделенбургомъ, по времени могло бы совпадать съ опредѣленіемъ автобіографическаго отрывка, и приведенная Тренделенбургомъ въ концѣ публикаціи фраза: percipere est sentire rem praesentem, которая повторяетъ одну изъ главныхъ мыслей публикаціи Фуше де Карейля, являлась бы

---

[1]) Ib. № 46.

[2]) По крайней мѣрѣ, такъ можно думать по отсутствію указаній на это въ книгѣ: Die Leibniz-Handschriften der Königlichen öffentlichen Bibliothek zu Hannover. Beschrieben von dr. E. Bodemann. Hannover und Leipzig. 1895 S.s. 337—339.

для такого совпаденія подтверждающимъ документомъ. По содержанію автобіографическій отрывокъ. сколько намъ кажется, можетъ быть отнесенъ къ указанной Фуше де Карейлемъ датѣ безъ противорѣчій съ фактами дальнѣйшаго хода философскаго развитія Лейбница. Если же отказать Фуше де Карейлю въ довѣріи, то отрывокъ съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести ко времени 1671 года.

61_{14-13}. Nova Methodus былъ издаваемъ въ 1667 и въ 1668 году [1]).

84_{11}. Статья называлась Demonstratio Existentiae Dei et Immortalitatis animae. Ея появленіе Критическій Каталогъ означаетъ такъ: вѣроятно 1668 г. до 9 апрѣля. Изданіе Шпицеля вышло въ 1669 году.

95^{5-10}. Ratio corporis juris reconciunandi по Критическому Каталогу создано въ 1668 году. вѣроятно въ іюнѣ.

96_{2}. Дата письма по старому стилю.

117_{7-4}. Критическій Каталогъ относитъ указанныя въ примѣчаніяхъ сочиненія къ болѣе позднему времени; оба ихъ онъ датируетъ такъ; vielleicht um 1669, XII. Такимъ образомъ, слова нашего текста требуютъ подтвержденія другими источниками. Такими источниками могутъ быть, напримѣръ, письма Лейбница: къ императору Леопольду [2]) съ приложеніемъ статьи De Scopo et Usu Nuclei Librarii Semestralis, [3]) къ Гудену, [4]) и къ Ламбеку [5]). Что касается трактата Specimen Demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum, то Критическій Каталогъ относитъ его съ вѣроятностью къ началу 1669 года [6]).

127_{4-3}. По Критическому Каталогу: вѣроятно 1669 г., вачало [7]). Въ примѣчаніи приведено заглавіе одного изъ списковъ, которыхъ вмѣстѣ съ подготовительными работами и

---

[1]) Kritischer Katalog. № 103.

[2]) Klopp. I, 27; Kritischer Katalog. № 166.

[3]) Krit. Katal. № 167. Первоначальная редакція этого сочиненія напечатана у Klopp'a. I, 86—91.

[4]) Klopp. I, 25. Krit. Kat. № 179.

[5]) Klopp. I, 34—39. Krit. Kat. № 178.

[6]) Krit. Kat. № 195.

[7]) Ib. № 198.

печатными изданіями насчитывается до двѣнадцати. Изданій было при жизни Лейбница два. Оба 1671 года: Sacrosancta Trinitas per nova argumenta logica defensa.

133_{22-16}. Критическій Каталогъ въ своемъ перечнѣ не заключаетъ этого сочиненія Лейбница, но тотъ же Каталогъ говоритъ въ предисловіи относительно тѣхъ, кто будетъ каталогомъ пользоваться: „...Sie sind sich bewusst, dass diese Arbeit, trotz aller auf sie verwandten Mühe und Zeit auf absolute Vollständigkeit und Richtigkeit keinen Anspruch erheben kann und dass diese Mängel auch bei der weiteren Vorbereitung der Ausgabe nicht überall beseitigt werden können [1]).

134[1]. Дата по новому стилю. Исключительно этотъ стиль принятъ далѣе въ основномъ текстѣ книги, при чемъ всѣ неоговоренныя даты приведены по сообщенію Критическаго Каталога.

153_{1-2}. По Критическому Каталогу опубликованная (въ извлеченіи) Кабитцемъ рукопись означена подъ 230, 231 и 232, ибо она обнимаетъ три различныхъ темы De Haeresia, De incarnatione Filii Dei и De reductione Hypothesium ad Demonstrationes et phenomenorum ad Theoremata. Послѣдняя занимаетъ одинъ столбецъ. Дата опредѣляется такъ: вѣроятно 1669 года, послѣ апрѣля мѣсяца. Общее протяженіе возможной даты по означенію Критическаго Каталога nach 68, vor 70.

161_{17-16}. По Критическому Каталогу сочиненіе De rationibus motus значится подъ № 660, находясь въ группѣ бумагъ, относящихся къ „Новой физической гипотезѣ“ подъ литерами A и B. Его дата: вѣроятно 1669, VIII, Швальбахъ.

167_{9-5}. Даты этихъ сочиненій въ Критическомъ Каталогѣ нѣсколько не тѣ, что у Кабитца, который даже почти ничего не говоритъ относительно даты статьи о транссубстанціаціи. Demonstrationum Catholicarum Conspectus въ Каталогѣ (№ 330) датированъ: вѣроятно 1669 г. Общее протяженіе возможной даты: nach 68 VI, vor 71 IV, w [т. е. wahrscheinlich] vor 70

[1]) Ib. Vorwort. 5+.

IV. Demonstratio possibilitatis Transsubstantionis (№ 331) датировано: около 1669 года. Оно писано, можетъ быть, для Бойнебурга. Общее протяженіе его возможной даты: nach 67 VII 14, vor 71 Ende. [1]) Commentatiuncula de judice Controversiarum seu Trutina Rationis et norma Textus (№ 333) датированы также: около 1669 года. Они, можетъ быть, писаны тоже для Бойнебурга. Предѣлы ихъ возможной даты: nach 67 VII 14, vor 72 III 19. Ради единства мысли разсматривая эти сочиненія одно за другимъ въ зависимости отъ общаго плана „Конспекта", мы едва ли много погрѣшили противъ исторической истины. Съ другой стороны, хотя религіозные интересы никогда не покидали Лейбница, но конецъ 1669 года отличался особенной ихъ интенсивностью.

180^{3-4}. Дата Grundriss eines Bedenkens, написаннаго, вѣроятно, для курфюрста Іоанна Филиппа, означена въ Критическомъ Каталогѣ: um 69; предѣлы возможной даты: nach 67 VII 14, vor 72 III 19. Мы разсматриваемъ сочиненіе, какъ завершеніе литературныхъ стремленій 1669 года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенное выраженіе религіозныхъ интересовъ. Отсутствіе узко опредѣленныхъ рѣшительныхъ датъ иногда побуждаетъ пользоваться соображеніями психологическаго характера.

191^{4-5}. Герхардту не была извѣстна дата этого письма, которое напечатано имъ по списку.

194_{13-11}. Marii Nizolii De Veris Principiis et Vera Ratione philosophandi contra Pseudophilosophos Libri IV... Inscripti Illustrissimo Baroni à Boineburg ab editore G. G. L. L. въ Критическомъ Каталогѣ означены подъ № 393, съ датой 70 w IV.

213^{3-4}. По Критическому Каталогу № 1145, литера E. Этотъ набросокъ принадлежитъ къ группѣ статей, соединенныхъ въ Каталогѣ подъ общимъ названіемъ Jurisprudentia rationalis съ общей датой: vor 72 III 19. Мы слѣдуемъ Кабитцу, относя отрывокъ ко времени послѣ весны 1670 года.

---

[1]) Гураэръ относитъ это сочиненіе къ 1671 году. Guhr. Biogr. I, Beilage S. 15. Нѣсколько извлеченій изъ рукописей Лейбница по вопросу о транссубстанціаціи заключаетъ въ себѣ книга I. Baruzi: «Leibniz». Avec de nombreux textes inédits. Paris. 1909. Смотр. p.p. 256—258.

218^{22-24}. Въ Критическомъ Каталогѣ отрывокъ значится подъ № 660 литеры C и D. Дата его установлена приблизительно w 70. nach 69 VIII. vor 71 IV.

224^{1-4}. По внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ Кабитцъ относитъ эти замѣтки о снѣ и дѣйствительности къ 1669/70 г.г. Критическій Каталогъ подъ заглавіемъ De vi persuadendi et de somnio et vigilia (№ 546) опредѣляетъ ихъ дату: um 70. Мы относимъ замѣтки къ серединѣ 1670 года, разсматривая, какъ результатъ расширенія хода теоретико-познавательныхъ идей Лейбница.

236^{15-18}. Даты для Bedenken welchergestalt Securitas publica нѣтъ въ Критическомъ Каталогѣ, гдѣ указано, что съ экземпляра подъ литерой B статья (№ 441) напечатана Гурауэромъ. Клопомъ и Фуше де Карейлемъ.

247^{20}. По Критическому Каталогу письмо къ герцогу Іоанну Фридриху имѣетъ дату: w 71 II 13.

249_{8-7}. Письмо это въ Критическомъ Каталогѣ означено такъ: № 638. 71 nach IV 16 B (L) an (Wedderkopf) Leibnitii responsio qua de fato disserit.

253_{14-12}. Hypothesis physica nova датирована по Критическому Каталогу подъ № 661 литера C такимъ образомъ: 71 w IV. Это было изданіе въ Майнцѣ. Другое вышло въ томъ же году въ Лондонѣ. Затѣмъ въ 1880 г. во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ былъ выпущенъ нѣмецкій переводъ.

278_{8-6}. Критическій Каталогъ означаетъ дату писаннаго, вѣроятно, для Бойнебурта Discursus de usu et necessitate demonstrationum immortalitatis animae (№ 689) такъ: vor 71 V 21. Это экземпляръ A-MF. Для экземпляра B свѣдѣнія таковы: Konz. (w 71 V vor 21); $6^1/_4$ Sp. 7^0 eigh. Auf: § 1 cum nemo prudens sit. Ende: si quis recte aestimet utiliora. Hann. KB 1, 3, 4. Bl. 4—5 (=690 A). Подъ литерой C означенъ списокъ для герцога Іоанна Фридриха Ганноверскаго. Далѣе № 690 въ Каталогѣ отмѣчаетъ назначенный для того же герцога: Appendix (discursus de usu et necessitate usu). De Resurrectione Corporum. Konz. $1^3/_4$ Sp. f^0 eigh. Auf. (1) Resurrectio difficilis multis visa est. Ende: invictam superesse. Hann. KB. LH. 1, 3, 4. Bl. 4—5 (=689 B).

Это экземпляръ A. Другой экземпляръ MF. дата для котораго указана въ скобкахъ: (71 V° 21). отмѣченъ какъ приложеніе къ № 691, который представляетъ письмо Лейбница къ герцогу Іоанну Фридриху, напечатанное Клоппомъ (3. 241) и Гергардтомъ (1. 49) — съ экземпляра C. a Boehmer'омъ (Magazin für das Kirchenrecht... I Band. Göttingen 1787. S. 123.) и Гурауэромъ (D. Schrif. 1. 265) съ экземпляра D. представляющаго списокъ съ C.

306^{19-20} Дата Specimen Demonstrationum De Natura Rerum Corporearum ex phaenomenis какъ и для всѣхъ Weitbildungen der Hypothesis physica Nova указана вообще nach 71 IV. Предѣлы даты въ частности: um 71 Ende, nach 71 IV, w vor 72 III. Имѣются два экземпляра концепта подъ литерами B и C. Кабитцъ даетъ публикацію B.

324^{10-12}. Для всѣхъ юридическихъ работъ Лейбница за этотъ періодъ отведены въ Критическомъ Каталогѣ №№ $^{1142}/_{1152}$ при одной датѣ vor 72 III 19. № 1145 заключаетъ Elementa juris naturalis—девять концептовъ A—F. Концепты G и H содержатъ Definitio justitiae universalis. Изъ нихъ H напечатанъ Тренделенбургомъ. (Reinschr. 55. f°. eigh) № 1146. V Молля напечатаны (107—140) E и F. (F=Verb. Reinschr).

348_4. Cogitata quaedam de Ratione perficiendi et emendandi Encyklopaediam Alstedii, датировано w. 71. № 971.

Въ заключеніе приводимъ хронологическое перечисленіе совсѣмъ не использованныхъ нами, но, повидимому, болѣе или менѣе важныхъ, судя по Каталогу, статей и писемъ Лейбница.

(1). Вѣроятно около 1663 года. Замѣтки Лейбница, сдѣланныя на поляхъ при чтеніи книгъ: а) „Практической философіи" Як. Томазія. № 12. в) „Правилъ этики или моральной философіи по Аристотелю" Штира. № 13. с) „Дикеологіи" Альтузія. № 14. д) „Диссертаціи" Бецольда № 15. е) „Элементовъ логики" Бистерфельда. № 18.

(2). Около 1664 г. Замѣтки на поляхъ на книгѣ Mattaei Collegia juris. № 26.

(3). Можетъ быть, около 1668 г. Критическія замѣчанія къ книгѣ: Zwickeri Tractatus Tractatuum de Conditione, qua

sola cognita collapsa Romana, Graeca, Lutterana et Calviniana instaurari, et ad pacem mutuam adduci possint. Предѣлы даты: w nach 66, w vor 72 III 19, vor 78. № 191.

(4). Вѣроятно около 1668 г. Замѣтки на сочиненіе Бодина De Abditis rerum Sublimium Arcanis. № 192.

(5). До 1669 года. De longitudinibus inveniendis, гдѣ между прочимъ говорилось, что ita semper manet insensibilis celeritatis excessus и что non potest generari circulus nec motus circularis. № 193.

(6). Вѣроятно 1669 года послѣ апрѣля мѣсяца. De reductione Hypothesium ad Demonstrationes et phaenomenorum ad Theoremata. № 232.

(7). Около 1669 года. Refutatio hypotheseos Thomae Angli. № 332.

(8). Письма Лейбница: a) 70, IV, 16 къ Гревію объ элементахъ естественнаго права; № 379; b) того же числа къ Вельтуйзену по юриспруденціи, гдѣ есть нѣчто объ initia primae philosophiae. № 380. c) w 70, vor VII къ Шапелену о необходимости elementa juris. № 424.

(9). Можетъ быть, около 1670 года. a) De Trinitate. № 544. в) De Definitione Gratiae. № 545. c) De somnio et vigilia. № 547. д) Phantasia non impedit somnium. № 548.

(10). Вѣроятно 1671 года, послѣ февраля. Doctrina praedestinationis (breve schediasma). № 600.

(11). Можетъ быть, около конца 1671 года, послѣ 71, и до 72 III: De compositione conatuum et Natura mentis. № 662. Литера G.

(12). До 27 октября 1671 года. Pensées Лейбница; вѣроятно, для Арно. № 900.

(13). Можетъ быть около 1671. Über die angebliche Einheit der Römisch-Kathol. Kirche. № 967.

(14). Вѣроятно, около 1671 года. a) Vitia disputationis confusaneae. № 969. в) Synthetische Definitionen-Tafel. № 970.

(15). До 19 марта 1672 года. № 1145. Литера F. Applicatio Artis combinatoriae; Tabula definitionum.

Изъ этого перечня видно, что совершенно новыхъ темъ, сравнительно съ изложенными въ основномъ текстѣ книги, нѣтъ въ неиспользованныхъ сочиненіяхъ Лейбница. Кромѣ того, большинство этихъ сочиненій представляютъ объемъ въ четверть листа и въ полулиста писчей бумаги. Главное исключеніе представляютъ только „Опроверженіе мнѣнія Ѳомы Англійскаго о безсмертіи души". (Списокъ рукою Распе. НКВ. LH 1, 2, 3 в Bl. 15—31) и „Систематическія таблицы опредѣленій" (НКВ. LH. 4, 7 с BL 35—44), но та и другая темы достаточно разработаны въ другихъ соотвѣтствующихъ этимъ вопросамъ сочиненіяхъ Лейбница, которыя использованы нами.

II.

Ученіе объ условіяхъ въ правѣ.

Своему сочиненію Specimen certitudinis seu demonstrationum in jure, exhibitum in doctrina conditionum Лейбницъ придавалъ большое значеніе. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ его достойнымъ вниманія. Объ этомъ есть нѣсколько свидѣтельствъ: во первыхъ, въ извѣстномъ письмѣ къ Плакціусу про него говорится: „послѣ столькихъ лѣтъ (т. е. черезъ 28 лѣтъ) я перечелъ полученное и замѣтилъ, что кое что не заслуживаетъ презрѣнія“ [1]); во вторыхъ, въ Nouveaux Essais (около 1704 года) Лейбницъ писалъ: „что касается положенія о несовмѣстимости правленія съ абсолютной свободой, то оно изъ числа корольпаріевъ, т. е. такъ сказать, изъ числа положеній, которое стоитъ отмѣтить. Въ юриспруденціи есть положенія, которыя гораздо сложнѣе, какъ, напр., относительно того, что называется jus accrescendi, относительно условій и относительно многихъ другихъ предметовъ. Я отмѣтилъ это, опубликовавъ въ юности тезисы объ условіяхъ, гдѣ доказалъ нѣсколько изъ такихъ положеній. Еслибъ я имѣлъ время, я исправилъ бы ихъ.“ [2]) Specimen certitudinis опредѣляетъ свой предметъ такъ: „ученіе объ условіяхъ въ правѣ есть нѣкоторая часть юридиче-

---

[1]) D. VI. I, 55.

[2]) Nouveaux Essais. L. IV. C. III, § 18.

ской логики, толкующая о гипотетическихъ предложеніяхъ въ правѣ“ [1]). Изъ этого очевидно, что въ высшей степени важно дать сначала понятіе о томъ, что такое условныя предложенія, какія у нихъ бываютъ части и каково соотношеніе между этими частями. Лейбницъ такъ и дѣлаетъ: во первыхъ, онъ говоритъ, что условность есть связь предложеній, а во вторыхъ, онъ пишетъ, что „условное предложеніе, напр., такое: „если придетъ корабль, то Тиціій получитъ 100“ состоитъ изъ двухъ частей: частичныхъ предложеній или матеріи, и связи ихъ, какъ бы формы. Эта связь или условность, по меньшей мѣрѣ, означаетъ слѣдующее: если первое частичное предложеніе или условіе истинно..., то истинно и послѣдующее...“ [2]) Такую связь мы считаемъ утвердительной (illatio). Отрицательная связь (suspensio) бываетъ тогда, когда говорятъ: если то не истинно, то въ такомъ случаѣ и это не истинно. Здѣсь мы напередъ укажемъ дѣленіе условныхъ предложеній на логическія и моральныя, т. е. по выраженію и по существу. Они хотя и зависятъ отъ дѣйствіи, но намъ, въ высшей степени озабоченнымъ дѣйствіемъ, они создаютъ постоянную измѣнчивость въ дѣлахъ, такъ что одни—годныя—какъ бы задерживаются, а другіе—непріемлемыя—какъ бы отбрасываются. „Значитъ, условныя предложенія разсматриваются либо въ себѣ, и, такимъ образомъ, на основаніи формы и матеріи, либо въ дѣйствіи,—что относится къ нашей юридической области,—и, такимъ образомъ, они или не заключаютъ дѣйствія, которое условно по праву, т. е. средняго между чистымъ дѣйствіемъ и ничѣмъ, и называются логическими, или заключаютъ и называются моральными. Я не отрицаю однако, что въ правѣ встрѣчается иногда употребленіе и логическихъ условій; такъ, напримѣръ, если кому нибудь будутъ угрожать подъ условіемъ, (то есть отрицать не благо, а зло), то это не будетъ моральнымъ условіемъ“.... [3]).

---

[1]) D. IV, III, 94.

[2]) Выводъ: если A есть B, то C есть D. A есть B, слѣдоват, C есть D.

[3]) Ib. 95.

Глава I. Выяснивъ, какъ нужно понимать условныя предложенія, Лейбницъ переходитъ къ доказательству теоремъ. (1) Условіе вноситъ обусловленное. (2) Обусловленное взвѣшиваетъ условіе: „напр., если тебѣ еще не заплатили 100, то это значитъ, что еще не пришелъ корабль изъ Азіи“ [1]). (3) Условіе условія есть условіе обусловленнаго. „Пусть, говоритъ Лейбницъ, первое условіе будетъ A, второе B, обусловленное C. Когда A дѣлаетъ условіемъ B, по предположенію, то оно вноситъ B по теор. I; по тому же самому основанію B вноситъ C, поэтому и A вноситъ C; т. е. если будетъ A, то будетъ C.“ [2]) (4) Условіе ничего не полагаетъ. Ибо, пишетъ Лейбницъ, условное предложеніе абстрактно и ни о чемъ больше не говоритъ, какъ о связи терминовъ, или частичныхъ предложеній..., абстрактныя же предложенія могутъ быть истинны; они даже будутъ истинны въ томъ случаѣ, если бы термины не существовали (напр., всякій человѣкъ есть животное, хотя бы не было ни одного человѣка и даже міра [3]) (5). Полическому основанію дѣйствія условное предложеніе подлежитъ общимъ правиламъ условій, моральное же имѣетъ и эти и нѣкоторыя свои собственныя, частныя. „Всѣ правила условій суть либо логическія, либо моральныя. Одни вытекаютъ изъ природы терминовъ, другія—изъ дѣйствія права, и когда дѣйствіе права нѣчто прибавляетъ кромѣ этого, то не отнимаетъ и не уничтожаетъ природы условій; логическія, которыя лишены дѣйствія права..., стоятъ внутри природы условій; моральныя, которыя имѣютъ это дѣйствіе, ищутъ еще правилъ права.“ [4]) (6) Моральное условіе взвѣшиваетъ обусловленное. „Напр., если корабль придетъ изъ Азіи,

---

[1]) Кутюра такъ комментируетъ это положеніе: Si la condition est posée, le conditionné s'ensuit; si le conditionné est supprimé, il supprime la condition». La logique de Leibniz, p. 552.

[2]) D. IV, 3, 96.

[3]) Ib. 97.

[4]) Ib. 98.

то Сэй будетъ наслѣдникомъ". До прихода корабля онъ—не наслѣдникъ. Вѣдь моральное условное предложеніе имѣетъ дѣйствіе условнаго права... Между тѣмъ право можетъ существовать въ другомъ только по волѣ того лица, по иниціативѣ котораго существуетъ право... Лицо же иначе не выразило своей воли, какъ такъ, что право не должно существовать въ другомъ, если нѣтъ условія, по предположенію; значитъ, нѣтъ обусловленнаго права, если нѣтъ условія, т. е моральное условіе взвѣшиваетъ обусловленное..., что и треб. доказать" [1]).

Глава II. Такъ разъясняетъ Лейбницъ свои общія теоремы. Далѣе идетъ спеціальный разборъ условныхъ предложеній. Онъ трактуетъ о природѣ и дѣйствіи. „Природа есть дѣло факта, чтобы мы знали, когда нѣчто дѣлается условіемъ; дѣйствіе есть дѣло права, чтобы, положивъ условіе, мы знали, что именно оно вноситъ въ право. Значитъ, природа условій исчерпывается частью необходимыми слѣдствіями, частью преднамѣренною волей того, чья воля должна быть правиломъ, т. е. толкованіемъ. Цѣль толкованія заключается въ томъ, чтобы съ вѣроятностью постичь чей нибудь умъ по знакамъ, знаки же—это слова или что нибудь другое" [2])... Лейбницъ говоритъ сначала о природѣ условій и замѣчаетъ, что она подраздѣляется на форму и матерію, т. е. частичныя предложенія. Форма въ свою очередь бываетъ внутренняя или внѣшняя; одна называется фигурой, другая—силой или властью. Внутренняя форма, или условность, предпочитается. Она бываетъ утвердительной или отрицательной. Послѣ этихъ объясненій Лейбницъ доказываетъ теорему: (7) если условіе вноситъ или взвѣшиваетъ обусловленное, то и обратно: обусловленное взвѣшиваетъ и вноситъ условіе [3]). Условность останавливаетъ на себѣ вни-

---

[1]) Ib. 99.

[2]) Ib.

[3]) Приводимъ опять толкованіе Кутюра: si l'hipothèse est condition necessaire et suffisante de la thèse, celle si est à son tour condition nécessaire et suffisante de l'hypothèse». Op. cit., p. 553.

маніе Лейбница. Ради дальнѣйшаго изложенія онъ анализируетъ это понятіе. Условность, по его мнѣнію, проистекаетъ либо изъ природы вещи: ее юристы называютъ наружной..., либо отъ воли лица, которое владѣетъ вещью, т. е. диспонента; въ этомъ случаѣ условное предложеніе называется диспозиціей. На этихъ главныхъ опредѣленіяхъ основываются слѣдующія теоремы: (8) Въ обыденной рѣчи только тогда можно сохранить въ душѣ какое нибудь условіе, когда можно его уловить. (9) Въ клятвѣ только тогда можно сохранить въ душѣ какое нибудь условіе, когда его необходимо уловить. (10) Въ интерпретаціи должно быть подразумѣваемо молчаливое условіе, если законы позволяютъ, чтобы оно подразумѣвалось. Одиннадцатая и двѣнадцатая теоремы говорятъ о частностяхъ такого рода юридическихъ подразумѣваній.

Глава III. Послѣ доказательствъ этихъ теоремъ Лейбницъ вновь обращается къ опредѣленіямъ. „Выраженное условіе, говоритъ онъ, имѣетъ формальныя слова, именно знаки и связку. Знаки есть союзы... и мѣстоименія...; связка—это или слово „слѣдуетъ" или слово „есть"[1])... Условіе, когда оно выражено, бываетъ выражено либо въ терминахъ, и тогда называется изложеннымъ (explicita), либо чрезъ необходимое слѣдствіе, и тогда называется включеннымъ (implicita). Включеннымъ условіе бываетъ (a) либо въ доказательствѣ...—его я опредѣляю какъ субъектъ категорическаго, необходимаго, общаго предложенія; напр., кто женится на моей дочери, тотъ будетъ имѣть fundum corneliauum. Это предложеніе общее и необходимо, но, конечно, не по природѣ вещи, а по волѣ завѣщателя. Поэтому, доказательство есть субъектъ того, кто женится на моей дочери, черезъ которую лицо опредѣляется какъ такое, которое будетъ имѣть то помѣстье, и можетъ быть нѣкогда удостовѣрено; (b) либо условіе можетъ быть включено въ извѣстномъ дѣ, въ нѣкоторомъ „когда", т. е. моментѣ времени, а время есть.... теченіе

[1]) Ib. 103.

продолжительности... Наконецъ, условіе бываетъ включено въ модусѣ... Модусъ есть нѣкоторая прибавка къ диспозиціи, когда диспонентъ боится, что, если она не осуществится, то право того... кто пріобрѣтаетъ это право, возвратится обратно къ диспоненту" [1]). На этихъ главныхъ опредѣленіяхъ Лейбницъ основываетъ доказательства слѣдующихъ теоремъ: (13) Всякое опредѣленіе дня посредствомъ существующей въ немъ вещи есть доказательство. (14) Всякое доказательство есть условіе. „Ибо доказательство, пишетъ Лейбницъ, есть субъектъ категорическаго, общаго, необходимаго предложенія.... а послѣднее можетъ разрѣшаться на гипотетическое, напр., если кто человѣкъ, тотъ животное, что прекрасно замѣтилъ Гоббесъ въ книгѣ „О тѣлѣ". Въ разрѣшеніи же такого рода субъектъ дѣлается первымъ частичнымъ предложеніемъ (antecedens), а оно есть условіе. Поэтому, всякое доказательство, благодаря разрѣшенію, есть условіе" [2]). Пятнадцатая теорема трактуетъ о моральномъ условіи, какъ модусѣ.

Глава IV. „Все это было говорено, пишетъ Лейбницъ объ условіи. Теперь перейдемъ къ частичнымъ предложеніямъ, т. е. къ самимъ условію и обусловленному, о которыхъ говорятъ либо абсолютно, либо сравнительно. Абсолютно и въ себѣ говорятъ либо вообще объ интерпретаціи, либо въ частности по основанію формы и матеріи. Мы разсмотримъ какъ объектъ, такъ, и дѣйствіе интерпретаціи. Объектъ суть либо термины частичныхъ предложеній, либо просто сами частичныя предложенія либо умноженіе. По основанію дѣйствія интерпретація бываетъ либо deminutiva extensiva, благодаря которой случается, что условіе и обусловленное исполняется многими способами, либо intensiva augmentativa, благодаря которой бываетъ, что многое ищется для самого исполненія" [3]). Отсюда возникаютъ теоремы: (16) Что положено въ условіи и обусловлен-

[1]) Ib. 103—104.
[2]) Ib. 105.
[3]) Ib. 107.

номъ и запрещено тѣмъ, чей вложенъ въ нихъ интересъ, то имѣется въ моральной диспозиціи до тѣхъ поръ, пока само не считается прибавкой. „Основаніе этого очевидно, такъ какъ кто можетъ отказаться отъ своего права, тотъ не достоинъ и благодѣянія, которымъ пренебрегъ“ [1]). (17) Что есть въ чемъ либо по самой природѣ и необходимости, то бываетъ въ моральномъ условномъ предложеніи не въ качествѣ прибавки. Теоремы 18, 19 и 20 посвящены подобнаго же рода вопросамъ.

Глава V. Разсмотрѣвъ условіе и обусловленное, Лейбницъ переходитъ къ умноженію терминовъ и интерпретаціи количества. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ опредѣлить термины: единое, многое. „Все, говоритъ Лейбницъ, можетъ сдѣлаться въ природѣ единымъ, ибо оно имѣетъ много частей, которыя однородны между собой и съ цѣлымъ... при чемъ цѣлое называется дѣлимымъ... Если же части разнородны между собой и съ цѣлымъ..., то цѣлое называется недѣлимымъ; недѣлимыя есть часть для остальныхъ частей и, слѣдовательно, часть соизмѣримая съ цѣлымъ, и отношеніе частей можетъ быть выражено нѣкоторымъ числомъ, точнымъ, напр., 2, и не точнымъ, напр., $\sqrt{2}$. Подобнымъ образомъ въ геометріи (принявъ понятіе соизмѣримости болѣе широкимъ, такъ, чтобы оно заключало также и неточныя отношенія) всякая линія бываетъ соизмѣрима со всякой линіей, поверхность съ поверхностью..., прямой уголъ съ прямымъ угломъ и, въ подражаніе имъ, время съ временемъ, движеніе съ движеніемъ. Разнородны же, напр., уголъ и точка, линія, поверхность... Еще менѣе сравнимы пространство съ движеніемъ или временемъ. Точно также въ физикѣ или въ правѣ количество или res fungibilis дѣлимы, а species не дѣлимы. Отсюда имѣется отношеніе сколь бы ни было малой части золота къ сколь бы ни было большой массѣ его, ибо всякая часть золота есть золото, какъ часть помѣстья есть по-

[1]) Ib.

мѣстье..., но часть человѣка—не человѣкъ" [1]). Далѣе слѣдуютъ опредѣленія, связанныя съ понятіемъ многаго, которое бываетъ либо раздѣльнымъ, напр., А или В, либо соединеннымъ, напр., А и В, либо сопряженнымъ, когда одно для другого бываетъ взаимно слѣдствіемъ или необходимымъ требованіемъ (requisitum). „Требованіе есть то, безъ чего требующій не можетъ существовать; такъ, если нѣтъ А, то не будетъ В. Слѣдствіе есть то, что, въ случаѣ полаганія дѣйствующимъ лицомъ, полагается такъ: если есть В, то пусть будетъ А" [2]). Далѣе, любая связь бываетъ либо словесной, либо реальной, когда многое находится въ одной и той же диспозиціи или одна и та же вещь приписывается многимъ. Это называется стеченіемъ (Concursus). Для пониманія дальнѣйшихъ теоремъ остальныя опредѣленія Лейбница не нужны. Теоремы таковы: (22) Многое раздѣльное есть одно неизвѣстное [3]). (23) Если многое представляетъ одно, то нужно мыслить, что существуетъ одно, и обратно: если одно представляетъ многое, то нужно мыслить, что есть многое. (24) Дискретно продолженное есть многое. „Такъ какъ оно дискретно, пишетъ Лейбницъ, то оно раздѣлено интервалами, а раздѣленное есть многое" [4]). (25) Сколько введено вещей въ диспозицію, столько диспозицій. (26) Если единое должно прилагать ко многому, то говорятъ: къ каждому по одиночкѣ, т. е. ко всѣмъ съ самаго начала. Въ концѣ объясненій къ этой теоремѣ Лейбницъ доказываетъ лемму: отъ столкновенія получаются части [5]), а затѣмъ идутъ опять теоремы: (27) Части отъ столкновенія бываютъ реальными, когда вещь дѣлима; ни-

---

[1]) Ib. 111—112.

[2]) Ib. 112—113.

[3]) Комментарій Кутюра: si l'on affirme une alternative (ou A, ou B, ou C...) on affirme *un* de cas, mais indéterminé (de même s'il s'agit d'une promesse). Op. cit. P. 553.

[4]) D. IV, p. III. 115.

[5]) Смотр. стр. 23—24 этой книги.

теллектуальными, когда вещь обща со своими недѣлимыми. (28) Диспозиція дѣлима, если дѣлимы условіе и обусловленное. Теоремы 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35 имѣютъ тотъ же характеръ. Къ нимъ присоединено много юридическихъ примѣровъ, но болѣе или менѣе заслуживаетъ вниманія только теорема: (32) Если два противоположныхъ условія приписываются раздѣльно одному и тому же обусловленному, то это — чистая диспозиція.

Глава VI. Отъ интерпретаціи Лейбницъ переходитъ къ формѣ и матеріи частичныхъ предложеній. Форма какъ въ любомъ предложеніи, такъ и въ предложеніи обусловленномъ „состоитъ въ количествѣ или связкѣ, либо въ томъ и другомъ. По качеству предложенія дѣлятся на общія и частичныя. Ибо неопредѣленное предложеніе (indefinita) существуетъ даже въ нашемъ понятіи не на дѣлѣ, а только на словахъ тогда, когда мы опускаемъ знакъ, подразумѣваемый нами въ душѣ. Единичное предложеніе не равносильно частному, но равносильно общему, что, вопреки общему мнѣнію логиковъ, мы доказали въ диссертаціи De Arte combinatoria [1]). По основанію связки или по качеству предложенія дѣлятся на утвердительныя и отрицательныя; видъ послѣднихъ составляютъ неопредѣленныя. Затѣмъ по качеству предложенія дѣлятся на истинныя и ложныя, детерминированныя и недетерминированныя (determinata et indeterminata), детерминированныя истинныя называются необходимыми, а ложныя — невозможными [2]). Лейбницъ приводитъ дальнѣйшія подраздѣленія предложеній на случайныя (vera indeterminata) и возможныя (falsa indeterminata), при чемъ замѣчаетъ, что „это дѣленіе на детерминированныя предложенія есть дѣленіе какъ бы на теоремы, т. е. предложенія изъ истинныхъ терминовъ, и на наблюденія, т. е. предложенія изъ чувства, или

[1]) D. IV, 3, 123.

[2]) «Impossibile est vel absolute, vel secundum quid, secundum quid ratione habita vel certi temporis, hinc oritur *impossibilis in praesentiarum*, quae certo tempore et statu possibilis non est, quo mutato possibilis est». Ib. 124.

предложенія истинныя по индукціи; первыя—дѣло разумнаго основанія, напр., цѣлое больше своей части, вторыя—дѣло факта, напр., есть міръ, какъ и всѣ историческія предложенія. Наблюденія бываютъ прошлыми, настоящими и будущими" [1]). Послѣ этого Лейбницъ даетъ опредѣленіе случая и противоположныхъ предложеній. Диспозиція случайныхъ предложеній, заключающихъ эти различія прошлаго, настоящаго и будущаго, по отношенію къ опредѣленной истинѣ или лжи называется случаемъ. Въ силу разумнаго основанія случая диспозиція или бываетъ истинной, и, слѣдовательно, необходимой, такъ что сдѣланное не можетъ быть не сдѣланнымъ, и это называютъ „существовать", или бываетъ невозможной, и это называется „отпадать" [2]). Что касается противоположныхъ предложеній, то Лейбницъ пишетъ: „Предложеніе противоположно предложенію, которое вмѣстѣ съ нимъ не можетъ быть ни истинно, ни ложно" [3]). Вслѣдъ за этимъ опредѣленіемъ идетъ рядъ теоремъ. (36) Отрицательное моральное условіе, неопредѣленное по времени, должно считаться за всеобщее, которое содержитъ время. (37) Противоположное необходимому—невозможно, ибо когда необходимое бываетъ опредѣлено вѣрно, напр., человѣкъ—животное, то противополож-

---

[1]) Ib. Любопытны также дальнѣйшія соображенія Лейбница: Suntque aliqui in ea sententia, non omnes adjectiones harum varietatum aeque capaces esse, sed *causam* esse in praeteritum, *poenam* in futurum... Demonstrationem quoque praeteriti esse solere, conditionem futuri... sed ut demonstratio in futurum esse potest... ita conditio in praeteritum. Et quanquam conditio moralis incerta esse debet .. Ex quo dissentientes inferunt eam non nisi in futurum collatum esse posse, tamen hoc non sequitur. Nam etiam quaedam praeterita et praesentia incerta sunt, v. g. sitae mundus conditus in autumno, an non, sic ut ignoremus utrum ex his contradictoriis verum sit; tametsi scimus alterutrum verum esse. Et similiter in futuris, scimus mundum aut elapso sexto millenario conflagraturum aut non, tametsi utrum ex his verius sit ignoremus. Et haec quidem de scientia nostra». Ib. 124—125.

[2]) Ib. 125.

[3]) Ib.

ное ему: человѣкъ не есть животное—будетъ опредѣлено ложно, т. е. оно невозможно. Тридцать восьмая теорема имѣетъ спеціально правовой характеръ [1]). Слѣдующія теоремы гласятъ: (39) Невозможно то, обстоятельства чего невозможны. (40) Невозможное въ настоящемъ—абсолютно возможно. „Ибо, напр., кто можетъ дѣлать: тотъ уже можетъ, чтобы мочь“ [2]). (41) Въ моментъ существованія условіе становится, но еще не существуетъ. (42) Отрицательное условіе существуетъ въ самый послѣдній моментъ противоположной утвердительной возможности. (43) Если условіе существовало раньше, то оно существовало абсолютно.

Глава VII. Въ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ Лейбницъ разсматриваетъ матерію частичныхъ предложеній. Она заключаетъ въ себѣ личности и вещи, то, что введено въ условіе и въ обусловленное, а затѣмъ обстоятельства времени и мѣста. Лейбницъ сначала даетъ подробное объясненіе разныхъ юридическихъ терминовъ для означенія лицъ principalis, conditionator, debiturus и пр. Теоремы съ (44) по (50) включительно также имѣютъ только юридическій интересъ.

Глава VIII. Отъ личностей Лейбницъ переходитъ къ вещамъ, вводимымъ въ условіе или въ обусловленное. Дается рядъ новыхъ опредѣленій, изъ которыхъ главное это опредѣленіе вещи, которая не можетъ быть обусловлена. Такая вещь либо не можетъ быть вводимой въ условія, либо не можетъ быть понимаема въ данномъ условіи. Изъ относящихся къ этимъ условіямъ теоремъ болѣе или менѣе любопытны двѣ: (51) Что относится къ факту, то не можетъ быть

---

[1]) **Jure impossibile si existentia sua alioqui meliorem facere, alicujus conditionem esset facturum, ne faciat, simpliciter impossibili aequipolleto.** Ib. 126.

[2]) **Дальше Лейбницъ пишетъ: «ita quod fieri potest, ut possit, jam fieri potest. Etsi possibilitas ejus sit inferioris gradus»** Ib. 131.

обусловлено и (53) Публичное право не можетъ быть обусловлено.

Глава IX. Давъ опредѣленіе личностей и вещей, Лейбницъ останавливается на томъ, что введено въ условіе и въ обусловленное. „Это есть то самое положеніе или движеніе, которое должно существовать или отсутствовать; напр., если Тицій восходитъ въ Капитолій, то восхожденіе есть нѣчто введенное въ условіе. На такомъ основаніи условіе дѣлится либо по отношенію къ факту, либо по отношенію къ праву“ [1]). Опредѣленія Лейбница поэтому объясняютъ далѣе, напр., такія выраженія: per aliquem stare, vel non stare и пр. Теоремъ, связанныхъ съ этими опредѣленіями, Лейбницъ приводитъ пять (58—62). Напримѣръ: (58): Условіе хотѣнія освобождаетъ принципала, въ которомъ условіе заложено, отъ тяжести условной диспозиціи“.

Глава X. „До сихъ поръ, пишетъ далѣе Лейбницъ, говорилось о формѣ и частяхъ условныхъ предложеній, наконецъ, опять о формѣ и частяхъ и даже о дѣйствіи каждой изъ нихъ и о силѣ права; остается само дѣйствіе всего распоряженія или условнаго предложенія, которое есть право. Право бываетъ либо ничѣмъ, либо условнымъ, либо чистымъ. Они различаются, какъ въ числахъ нуль, дробь и единица. Они измѣняются сообразно причинамъ, а это—условія: невозможное, случайное, необходимое. И получится схема:

Условіе невозможное.	Случайное.	Необходимое.
0	$^1/_2$	1
Нѣтъ права.	Условное право.	Чистое право.

Какъ дробь находится между нулемъ и единицей, такъ условное право между отсутствіемъ права и чистымъ правомъ, и какъ измѣняются дроби, при чемъ тѣ, которыя ниже $^1/_2$ приближаются къ нулю, а тѣ, которыя выше $^1/_2$, приближаются къ единицѣ, такъ условное право получаетъ различную цѣнность и разными ступенями подступаетъ то къ чистому

[1]) Ib. 143.

праву, то къ отсутствію права. Основы этого изъ философскихъ принциповъ не отмѣчены никѣмъ... Слѣдуетъ также замѣтить, что условное право есть какъ бы концептъ, а чистое какъ бы нѣчто прирожденное“ [1]). Изъ такихъ основаній Лейбницъ черезъ посредство подходящихъ опредѣленій выводитъ послѣднія теоремы своей книги. Онъ подраздѣляетъ право сначала на возвратное и пріобрѣтенное зачѣмъ условное право—на простое и содержащее срокъ. Послѣ этого, опредѣливъ юридическія понятія retrotrahi и actus eventualis, онъ предлагаетъ теоремы: (63) Невозможное условіе правильно и по чистому праву не образуетъ никакого условнаго права (64). Необходимое условіе образуетъ чистое право (65) Неопредѣленное условіе образуетъ условное право. (66) Условное право нѣчто полагаетъ въ бытіи. (67) Условное право получаетъ значимость изъ обусловленнаго въ силу вѣроятности существованія условія и, наконецъ, изъ самого себя. Въ доказательствѣ этой теоремы Лейбницъ высказываетъ интересныя соображенія по теоріи вѣроятностей. „О цѣнности условнаго права, пишетъ онъ, едва ли что кѣмъ было сказано, но намъ кажется, что то, что приведено здѣсь, не заслуживаетъ презрѣнія. Вѣдь хотя условное право... не компенсируется чистымъ правомъ, но все-таки условное компенсируется условнымъ, если то же самое условіе соизмѣримо съ тѣмъ и другимъ. Соизмѣримыми же условіями я называю тѣ, которыя оба имѣютъ мѣсто, тогда, когда даны res fungibiles, напр. если бы Тицій взялъ у Кая 100, то долженъ былъ бы 1000. Обратно, если бы Кай взялъ у Тиція 50, то долженъ былъ бы 500. По сравненію фактовъ ясно, что Тицій долженъ Каю 450... Очевидна польза оцѣнки условнаго права. Теперь изложимъ основы оцѣнки... Положимъ ихъ три: обусловленное, надежду условія и качество самаго условнаго права. А качество самаго условнаго права обнаруживается тогда, когда, напр., одно дѣлается пріобрѣтеннымъ, другое возвратнымъ... Вторая

[1]) Ib. 148. «Ergo qui liber fit, nasci intelligetur», поясняетъ, Лейбницъ.

основа оцѣнки условнаго права есть обусловленное; здѣсь по правилу ceteris paribus условное право больше, когда обусловленное больше; напр., пусть даны двѣ диспозиціи: я говорю, если корабль придетъ изъ Азіи, то я по завѣщанію дамъ Сейю 100, Каю 200; ясно, что завѣщать есть право большаго, хотя можетъ случиться, что разнообразіе условія сдѣлаетъ меньшимъ то, что обусловлено большей цѣною; напр., есть два завѣщанія: Тицію, если онъ придетъ въ Капитолій, даю по завѣщанію 100. Каю, если вернется изъ плѣна.... мой двоюродный братъ, даю по завѣщанію 200. Я говорю, что въ этомъ случаѣ завѣщано больше Тицію, чѣмъ Каю. Поэтому, отсюда мы переходимъ къ оцѣнкѣ условія самимъ Сэйемъ, что представляетъ третье, но самое главное основаніе. Эта оцѣнка вся цѣликомъ зависитъ отъ логической доктрины о степеняхъ вѣроятности, но никѣмъ, сколько знаю, изъ логиковъ она не была трактована, какъ слѣдуетъ, хотя употребленіе этого на практикѣ очень важно не только здѣсь, но и когда нужно сбрасывать предубѣжденія. Итакъ, да будетъ общее правило: чѣмъ больше вѣроятность существованія условія, тѣмъ условное право болѣе [1]). Послѣ этихъ разъясненій объ оцѣнкѣ условій, Лейбницъ приводитъ доказательства остальныхъ теоремъ: 68, 69 и 70-ой. Въ философскомъ смыслѣ онѣ ничего не прибавляютъ къ работѣ.

Изъ приведеннаго изложенія видно, что методъ изслѣдованія въ работѣ идетъ отъ общаго къ частному, отъ опредѣленій къ заключающимся въ нихъ понятіямъ, при чемъ въ подраздѣленіи этихъ понятій и особенно въ дихотоміи Лейбницъ проявляетъ себя великимъ мастеромъ. Что касается философской стороны содержанія Specimen certitudinis, то на первомъ планѣ, согласно утвержденію самого Лейбница, находится логика и, по существу дѣла, понятіе причинности, которую авторъ понимаетъ (теорема 2-ая) какъ неразрывность причины и слѣдствія, въ ту и другую сторону, отъ причины къ слѣдствію, и обратно. Вмѣстѣ съ этимъ понятіемъ причинности въ центрѣ работы стоитъ сплетеніе логики и морали. Это объяс-

[1]) Ib. 153—154.

няется тѣмъ, что условное предложеніе по формѣ выраженія, т. е. по своей обработкѣ, есть дѣло разума, а по своему внутреннему значенію—актъ воли. Понятно, почему отношеніе воли и разума трактуется на протяженіи всего сочиненія. Разуму отдается, конечно, предпочтеніе и воля, съ ея проявленіемъ въ правѣ, т. е. съ диспозиціей, изучается преимущественно въ послѣдней главѣ, да и то какъ бы подъ опекой теоріи вѣроятностей. Лейбницъ необычайно вѣрилъ въ силу разума. Отъ общаго плана и смысла работы можно перейти къ частностямъ; можно поставить вопросъ, что Лейбницъ далъ новаго и любопытнаго въ деталяхъ изслѣдованія? Прежде всего Лейбницъ далъ примѣры прекраснаго логическаго анализа, къ результатамъ котораго нужно отнести, напр., теорему: условіе ничего не полагаетъ. Затѣмъ. Лейбницъ ввелъ понятіе оцѣнки въ условное право, примѣнивъ къ ней математическій принципъ перехода отъ 0 къ 1. Наконецъ, помимо логическихъ пріобрѣтеній и замѣчаній, къ числу которыхъ принадлежитъ взятый у Гоббеса фактъ возможности перевода всякаго общаго категорическаго предложенія въ гипотетическое, Лейбницъ посвятилъ въ Specimen certitudinis не мало интересныхъ строкъ вопросу о соизмѣримости, понятію случая, а затѣмъ идеѣ существованія.

Остается сказать нѣсколько словъ объ историческомъ положеніи работы. Принимая хронологію ея въ предѣлахъ 5 лѣтъ, съ 1665 по 1669 годъ, можно протянуть связующія нити сочиненія какъ по нисходящей, такъ и по восходящей линіи. Въ немъ есть мѣста, по содержанію сходныя съ тѣмъ, что излагалось въ Specimen quaestionum philosophicarum: таковъ вопросъ о неопредѣленныхъ предложеніяхъ. Въ немъ есть мѣста, аналогичныя съ нѣкоторыми главами Artis Combinatoriae, на что ссылается самъ Лейбницъ; таковы вопросы объ эквиполлентности единичнаго предложенія общему и о понятіи единаго. Въ немъ есть замѣтка объ индукціи, сближающая его не только съ Ars Combinatoria, но и съ предисловіемъ къ трактату Низолія. Въ немъ есть, наконецъ, изложеніе теоріи вѣроятности,

которая вплотную подводитъ его къ Specimen demonstrationum politicarum и къ Commentatiuncula. Словомъ, въ работѣ много излюбленныхъ мыслей Лейбница и нѣтъ ничего удивительнаго, что, перечитывая ее черезъ 28 лѣтъ, Лейбницъ отнесся къ сочиненію сочувственно. Многія изъ тѣхъ мыслей, которыя въ немъ представляютъ только намеки, тогда уже развились, и въ неясныхъ задаткахъ Лейбницъ увидалъ своихъ старыхъ знакомыхъ.

Въ томъ видѣ, какъ онъ изданъ Дютаномъ, текстъ Specimen certitudinis, безъ противорѣчій общему ходу развитія Лейбница, можетъ быть отнесенъ къ серединѣ 1669 года, т. е. ко времени созданія большого письма къ Як. Томазію о согласованіи Аристотеля съ новѣйшей философіей.

III.

Неизданный набросокъ Лейбница [1]).

НКВ. LII. I. Vol. IV. I. Bl. 1—2.

1 recto. In Deo existentia non differt ab Essentia vel quod idem est Deo essentiale est existere. Unde Deus est Ens necessarium.

Creaturae <sunt> contingentes, hoc est existentia non sequitur ex ipsarum Essentia.

Veritates necessariae sunt, quae possunt demonstrari per Analysin terminorum, ita ut tandem evadant in identicas quemadmodum in Algebra substitutis valoribus aequatio tandem identica prodit, seu veritates necessariae pendent ex principio contradictionis.

Veritates contingentes non possunt reduci ad principium contradictionis, alioqui omnia forent necessaria, nec alia essent possibilia, quam quae actu ad existentiam perveniunt.

Nihilominus, quia tam Deum quam creaturas existere dicimus, et necessarias non minus quàm contingentes propositiones

---

[1]) Набросокъ въ подлинникѣ занимаетъ листъ писчей бумаги, съ водянымъ знакомъ въ родѣ какого-то цвѣтка. Листъ исписанъ (всѣ четыре страницы) крупнымъ почеркомъ рукой Лейбница въ два пріема сначала одними, потомъ другими чернилами. Тѣми и другими внесены поправки и вставки, заключенныя нами въ скобки < >. Круглыя скобки принадлежатъ самому Лейбницу. По каталогу Бодеманна набросокъ носитъ заглавіе **De existentia Dei, creaturis etc.**

dicimus esse veras, necesse est ut communis aliqua sit existentiae <contingentis> [1]) notio et veritatis <essentialis>.

Commune omni veritati <mea sententia est> [2]) ut semper propositionis <(non identica)> reddi possit ratio, in necessariis necessitans in contingentibus inclinans [3]).

Et existentibus tam necessariis quam contingentibus hoc commune esse videtur, ut plus habeant rationis [4]) quam alia, quae ipsorum loco ponerentur.

Omnis propositio vera Universalis affirmativa sive necessaria sive contingens hoc habet, ut praedicati et subjecti aliqua sit connexio; et quidem quae identicae sunt earum connexio per se patet; in caeteris debet apparere per analysin terminorum.

Et hoc arcanum detegitur discrimen inter Veritates et Necessarias et contingentes, quod non facile intelliget, nisi qui aliquam tincturam Matheseos habet. Nempe in propositionibus necessariis | analysi aliquousque continuata devenitur ad aequationem identicam; et hoc ipsum est in geometrico rigore demonstrare veritatem; in contingentibus verò progressus est analyseos in infinitum per rationes rationum ita ut nunquam quidem habeatur <plena> [5]) demonstratio, ratio tamen veritatis <semper> [6]) subsit ipsi à solo Deo perfectè intelligatur, qui unus seriem infinitam uno mentis ictu pervadit. 1 verso.

Exemplo opposito ex Geometria et numeris res illustrari potest; uti in propositionibus necessariis per continuam analysin praedicati et subjecti res eo tandem reduci potest, ut appareat notionem praedicati inesse subjecto, ita in numeris per continuam analysin (alternarum divisionum) tandem perveniri potest ad communem mensuram, sed quemadmodum in <ipsis> [7]) incommen-

---

[1]) Вставка новыми чернилами.

[2]) То-же.

[3]) Далѣе зачеркнута начатая фраза: **Existentia essentiae non addat novam formam, alioqui essentia....**

[4]) Далѣе окончаніе фразы приписано новыми чернилами вмѣсто зачеркнутаго: **seu ut ratio eorum reddi potest.**

[5]) Вставка новыми чернилами.

[6]) То-же.

[7]) То-же.

surabilibus <quod> datur proportio sive comparatio, etsi resolutio procedat in infinitum, nec unquam terminetur, uti ab Euclide est demonstratum; ita in contingentibus datur connexio terminorum sive veritas, etsi ea ad principium contradictionis sive necessitatis per analysin in identicas reduci nequeat.

Quaeri potest, an haec ipsa posito: *Deus eligit optimum* [1]) necessaria sit, an vero potius unum et primarium ex liberis eius decretis.

Idem quaeri potest similiter, utrum haec propositio necessaria sit: nihil existit sine majore existendi quam non existendi ratione. |

2 recto. Illud certum est in omni veritate esse connexionem praedicati et subjecti. Ideo cum dicitur: Adam peccans existit, necesse est, ut sit aliquid in hac notione possibile: Adamus peccans, propter quam existere dicatur.

Concedendum videtur Deum nunquam agere nisi sapienter, seu ita, ut is qui cognosceret ejus rationes, summam eius justitiam bonitatem et sapientiam esset agniturus et adoraturus. Itaque non videtur unquam in Deo dari casus puri, placidi <quod scilicet simul bene placitum non sit> quia non possumus cognoscere veram rationem formalem existentiae <in ullo casu speciali involvit enim progressum in infinitum; ideo sufficit nobis veritatem contingentium nosse à posteriori, nempe per experimenta; et tamen illud simul <tenere> [2]) in universum et generatim, quod est ratione et experientia ipsa (quantum nos in res penetrare datum est) firmatur insitum divinitus> [3]) menti nostrae principium nihil fieri sine ratione, et ex oppositis semper illud fieri a quod plus rationis habet.

Et quemadmodum deus ipse decrevit nunquam agere nisi secundum sapientiae rationes <veras> [4]), ita sic creavit creatu-

---

[1]) Эта и другія фразы, напечатанныя здѣсь **курсивомъ** подчеркнуты Лейбницемъ.

[2]) Вмѣсто этого слова было раньше **discere**.

[3]) Фразы со словъ **in ullo...** до слова **divinitus** включительно приписаны съ боку страницы на поляхъ.

[4]) Вставка новыми чернилами.

ras rationales, ut nunquam agant nisi secundum rationes praevalentes, seu inclinantes <veras vel apparentes vicarium rationis> [1]).

Nisi daretur tale principium, nullum daretur principium veritatis in rebus contingentibus, quia principium contradictionis utique in illis locum non habet.

Pro certo habendum est non omnia possibilia ad existentiam pervenire: alioqui nullus fingi posse Romaniscus, qui non alicubi aut aliquando existeret; imo non videtur fieri posse, ut omnia possibilia existant, quia se mutuò impediunt. Et dantur infinitae series possibilium, una autem series in alia utique esse non potest, cum unaquaeque sit <universalis> [2]). 2 verso.

Ex his duobus sequuntur reliqua: 1° DEUS semper agit cum charactere perfectionis seu sapientiae. 2° non omne possibile ad existentiam pervenit; quibus addi potest 3° in omni propositione universali affirmativa vera praedicatum inest subjecto seu datur connexio praedicati et subjecti.

Videndum est an posito necessariam hanc esse propositionem: *propositio existit cuius major existendi ratio est*, sequatur propositionem cuius major existendi ratio est esse necessariam <sed merito negatur haec> consequentia [3]). Nam si necessariae propositionis definitio est, posse veritatem eius geometrico rigore demonstrari; tunc fieri quidem potest, ut haec propositio possit demonstrari: *omnis <et sola> habet majorem rationem* vel hoc: *Deus semper agit sapientissimè*, sed ideo non poterit demonstrari hoc propositio: *propositio contingens A habet majorem rationem*; seu *propositio contingens A est conformis divinae sapientiae*. Et ideo etiam non sequitur propositionem contingentem A esse necessariam. Et ideò licet [4]) hoc: <concedetur> [5]) necessarium esse ut Deus eligat optimum; <seu optimum esse necessa-

---

[1]) То-же.

[2]) Вмѣсто этого слова раньше было **infinita.**

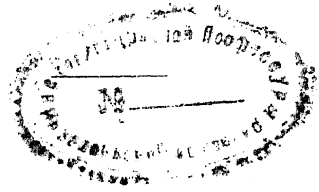
[3]) Далѣе была зачеркнута начатая фраза: **Nam posito necessariam esse propositionem, quae ex terminis necessitate...**

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: **Deus necessario eligeret optimum, non ideo tamen optimum foret necessarium verum esse.**

[5]) Вставка новыми чернилами.

rium> [1]), non tamen sequitur id quod eligitur esse necessarium, quia nulla datur demonstratio quod sit optimum. Et hic locum habet aliquo modo distinctio inter necessitatem consequentiae et consequentis, ita ut id demum necessarium sit necessitate consequentiae <non> [2]) consequentis, quod eo ipso quia optimum esse supponitur ex illa hypothesi admissa infallibili electione optimum necessarium est [3]).

Videtur tutius esse quam perfectissimum operandi modum Deo imbuere in creaturis non est <adeo certum> [4]) certum acturas secundum rationem maximè apparentem, quando [5]) ipsa propositio in ipsis demonstrari non potest.



[1]) То-же.

[2]) Вставка старыми чернилами.

[3]) Далѣе на поляхъ сначала зачеркнуто: **Etsi necessarium sit Deus eligat optimum verum, non tamen sequitur Deus...**, а потомъ слѣдуетъ приведенная въ текстѣ фраза.

[4]) Вставка новыми чернилами.

[5]) Далѣе было написано и зачеркнуто: **quam ratio agendi in ipsis.**

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абеляръ.—385. 386.
Августинъ.—251.
Адамсонъ.—387.
Альбертъ Великій.—177.
Альштедъ.—342. 348. 349. 350. 403
Аленгри. Ф.—2. 95. 277.
Анаксагоръ.—25. 140. 244
Аристотель —4. 6 10. 17. 22. 24. 32. 33. 34. 35. 38 43. 44. 45. 54. 55. 68 73. 77. 81. 82. 83. 89. 91. 97 98. 99. 100 101. 102. 103. 104 105 106. 107. 108. 114. 116. 117. 125 133. 136. 137. 138. 139. 141. 142. 143. 144. 145. 147. 148 149, 150. 151. 152. 153. 169. 188. 192. 195. 196. 199. 200. 201. 202. 209. 212. 234. 239. 243. 264. 267. 272. 274. 275. 285. 295. 296. 297. 299. 311. 312. 313. 314. 315, 318. 321. 322. 324. 331. 334. 341. 349. 355. 366. 403 421.
Арно.—153 170. 302. 315. 3 6. 322. 323. 324 328. 331. 333. 334. 347. 349. 404.
Архимедъ.—263 387.
Ауэрбахъ.—6. 13. 90. 152. 195. 212. 323.

Багеминъ.—136.
Batistella.—194.
Barnati.—302.
Baruzi.—401.
Бехеръ.—43.
Bertereau.—96.
Бецольдъ —9
Бирлингъ —61.
Бистерфельдъ.—43. 50. 51. 403.
Блюмстенгель.—353.
Бобини.—350.
Бобровъ.—85. 390. 391,
Бозіусъ.—15.
Бойль,—267. 304.
Бойнебургъ —117. 126. 127. 133. 167. 179. 195. 236. 247. 278. 316. 321. 354.
Боклеръ.—243.
Бруно.—40.
Бонарте – 349.
Burdett.—4. 118
Borello —302
Boutroux.—390. 391.
Бэконъ.—4. 40. 70. 90. 97. 135. 136. 185. 352.

Wanke.—272. 275.
Ванини.—53. 168.
Вагнеръ.- 3.
Валеріанъ Великій.—168.
Валлисъ.—304.
Валла —121.
Vallier.—345.
Веддеркопфъ—249. 252. 253. 335. 344 346. 347. 387.
Wernicke.—151. 272. 275. 276.
Вейгель —15. 16. 17. 18. 22. 23 24. 25. 50. 51. 141. 189.
Вельтуйзенъ.—268. 281.
Вилльманъ.—3.
Вилькинсъ.—270. 299.
Віоттъ.—206.
Вреннъ.—161. 219. 228. 229. 230. 234 242.
Halbwachs.—386. 387.

Галилей.—97. 136. 162. 264. 276. 356.
Hahn.—151. 152. 272. 273. 294. 324.
Ганнекенъ.—35. 46. 90. 97. 149. 152. 271. 272. 273. 274. 294. 323. 355. 356. 357. 359. 360. 361.
Гарсдорферъ.—44

Hartmann. Г.—75. 79. 213.
Гассенди.—4. 6. 22. 26. 40. 45. 54. 55. 68. 70. 71. 72. 86. 88. 90. 97. 121. 125. 136. 151. 159. 164. 264. 267. 272. 275. 355. 356. 366.
Гевелій.—268.
Гезенталеръ.—347. 348.
Гейлинксъ —161.
Гензій —200.
Герике.—297. 298. 299. 306. 353.
Герцогъ Іоаннъ Фридрихъ. 247. 278. 290. 300. 315. 322. 344. 402. 403.
Gesche.—332.
Геснеръ.—350.
Гиппократъ.—296.
Гоббесъ.—6. 15. 22. 24. 25. 36. 37. 40. 45. 51. 61. 63 72. 78. 80. 85. 97. 119. 125. 136. 159. 162. 163. 164. 166. 167. 168. 170. 192. 199. 201. 204. 206. 210. 212. 223. 224. 225. 227. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 238. 239. 242. 243. 249. 264. 265. 272. 274. 275. 276. 284 290. 296. 305. 316. 332. 334. 349. 355. 356. 420.
Госпиніанъ.—37. 38.
Гревій.—268. 404.
Grote.—60.
Гукъ.—266.
Гроцій.—32. 77. 192. 196. 200.
Гуденъ.—178. 179. 399.
Гураузръ.—1. 2. 6. 7. 8. 9. 13. 14. 15. 16. 18. 19. 51. 61. 95. 118. 278. 279. 401. 402. 403.
Гюйгенсъ.—161. 162. 163. 219. 228. 229. 230. 234. 242. 349.

Daville.—351.
Daum.—45.
Де Вольдеръ.—7.
Декартъ —4. 6. 13. 24. 54. 55. 58. 59. 70 85. 90. 91. 93. 97. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 123. 125. 136. 147. 149. 150. 162. 164. 166. 168. 200. 223. 238. 243. 247. 264. 267. 272. 274. 275. 276. 277. 280. 281. 287. 288. 289. 296. 300. 302. 304. 305. 306. 309. 310. 311. 312. 313. 315. 316. 317. 321. 322. 342. 349. 355. 356. 366.
Демокритъ.—4. 54. 90. 164. 200. 244. 289.
Дигби.—15. 55. 97. 141. 164. 169. 200. 267. 280. 282. 288. 302. 349.
Димерброкъ. 268.
Дребелій.—301.
Дунсъ Скотъ.—8. 11. 12.
Elvenich.—288.

Жане.—78.
Joly.—5.
Жокуръ.—60.

Кабитцъ —4. 7. 18. 22. 26. 46. 50. 51. 57. 71. 81. 84. 89. 91. 96. 97. 151. 152. 153. 160. 161. 162. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 172. 173. 186. 188. 209. 210. 212. 216. 217. 218. 219. 223. 224. 226 230. 253. 272. 272. 275. 279. 306. 307. 311. 315. 324. 344. 346. 347. 355 357. 358. 359. 360. 361. 362.
Кавальери.—248. 256. 273.
Campbell.—287.
Кантъ.—277. 303. 311.
Каркави.—297.
Карнеадъ.—192.
Каспари —270. 294.
Кассиреръ.—3. 13. 50. 209. 210. 273. 274. 276 294. 344.
Кампанелла.—185.
Каринскій.—210. 362
Кеплеръ.—196.
Кирхеръ.—43. 266. 300.
Кларке.—4.
Клаубергъ.—136. 161. 281. 349.
Клопикъ Онко.—178. 179. 186. 353. 399. 402. 403.
Коменскій.—189. 253. 347.
Контъ. - 74. 311.
Конрингъ.—190. 191. 193. 195. 196. 200. 211. 217. 243. 244. 246. 295. 296. 303. 331. 332.
Коппель —81. 82.
Кордемуа.—55.
Кёнигсекъ.—179.
Кохъ.—88. 151. 271.
Коперникъ.—253. 297. 317.
Кортхольдъ.—27.
Ксенофонтъ.—196.
Куно-Фишеръ.—19. 118.
Кутюра.—41. 42. 46. 60. 61. 118. 126. 132. 136. 178. 186. 331. 333. 334. 347. 348. 349. 357. 408. 409. 413.

Лаббеусъ.—350.
Ламбекъ — 178. 179. 399.
Лассвицъ.—232. 235. 236. 274.
Лассеръ.—95. 193.
Lévy-Bruhl.—358.
Левкиппъ.—90.
Легранъ.—62. 74.
Лавенгукъ —294.
Лофлеръ.—153.
Лукіанъ.—53.
Лукрецій.—35. 90. 200.
Луллій.—40. 300.
Лютеръ.—201.
Любимовъ.—111.

Магненусъ.—26. 90. 302.
Мальпиги.—294.
Мартинъ.—206.
Мерцъ.—7. 52. 354.
Моллй.—213. 217. 9:
Молина,—343.
Моръ.—185.

Низолій.—189. 194. 195. 197. 200. 201. 202. 203. 205. 206. 208. 209. 210. 211. 212. 295. 348. 401.
Нуррисонъ.—10. 14. 91. 195.
Нюландъ.—306.

Овидій,—279.
Ольденбургъ. - 228. 229. 230. 232. 236. 237. 238. 241. 242. 245. 246. 247. 248. 249. 257. 268. 272. 297. 303. 315.
Nauréau.—96.
Вильгельмъ Оккамъ.—201.

Паллавичини.—84.
Парменидъ —208.
Паскаль.—29. 280. 281.
Petty.—118.
Пертцъ —253.
Петавій.—350.
Pichler.—3. 39.
Плакціусъ.—61. 397. 406.
Платонъ.—10. 18. 22. 33. 78. 82. 91. 93. 94. 123. 125. 169. 189. 200. 208. 212. 214. 217. 244. 246. 272. 287. 358.
Плотинъ.—286. 287. 288. 290. 293.
Портнеръ.—299.
Пуффендорфъ.—16. 192.

Рамусъ.—243.
Расне.—405.
Рауэнъ.—128.
Ремондъ.—4.
Рей.—97. 141. 151. 152.
Rivaud.—396.
Рингелень.—2. 3. 7.
Richter.—396.
Росцеллинъ.—201.
Руссель.—357. 358

Сельверъ.—7. 46. 91. 96. 99. 115. 270. 271. 323.
Серебренниковъ.—16. 51. 346.
Сильвій.—268.
Сиръ.—396.
Скотъ Эригена.—96.
Сократъ.—244.
Сонеръ.—200.
Спекторскій.—17.
Спиноза.—13 24. 82. 354.
Сталь.—22
Сырцовъ.—279. 280. 290.

Тахенъ.—268.
Таннери.—314.
Тихо де Браге. 253. 297.
Тилльманъ.—189. 195. 211. 347.
Тимей — 08.
Томазій Яковъ.—4. 5. 6. 7. 15. 22. 25. 50. 53. 85. 96. 105. 107. 114. 134. 136. 137. 138. 147. 152. 153. 160. 169. 194. 200. 209. 243. 244. 245. 246. 270. 296. 297. 299. 352. 355. 366. 396. 413.
Тонніесъ.—51.
Тренделенбургъ.—2. 15. 57. 82. 250. 324. 332. 333. 334. 398. 403.
Трью —141. 200. 243.

Хвостовъ.—77.

Шахеръ.—19.
Швендендорферъ.—19.
Швентеръ.—44
Шеллингъ.—13.
Шёнборнъ.—180. 236. 278.
Шапеленъ —404.
Schmögler.—277.
Шоттъ.—43 351.
Шпицеліусъ.—85. 194. 243. 399.
Шпе.—334.
Шротеръ.—15.
Штейнъ. А. 81. 82. 335.
Штрекк·ръ.—148.
Stöckl.—96.
Штиръ.—403.

Фалькенбергъ.—387.
Фабри.—264. 301.
Фалькнеръ.—15.
Фельде —77. 192. 200.
Фейербахъ.—270.
Фернандъ.—352.
Фишеръ Куно.—353. 354.
Фогель.—268. 270.
Фонсека.—343.
Фоссъ.—268.
Фуше де Карейль.—53. 57. 58 59. 60. 64. 167. 186. 187. 190. 211. 275. 300. 322. 398. 399. 402.
Фуше.—4.

Эвклидъ.—74. 176 241. 243. 260. 280. 284. 317. 348. 349.
Эннiй.—279.
Эпикуръ.—35. 90. 121. 143. 144. 164. 280.

Цезарь.—296.

Юнгъ.—206. 349.
Якоби.—14. 33. 73. 81. 89. 145. 148. 149. 212.

Ѳома Аквинатъ —8. 72. 81. 82. 83. 84. 177.
Ѳома Англiйскiй.—141. 256. 302. 404. 405.

Опечатки и поправки.

Страницы и строки съ верху.	*Слѣдуетъ читать:*
VI[26]	Politiques
XI[16]	Проспектъ философской перспективѣ
1[11]	
2[16]	Фридриху (печатаю безъ готическихъ буквъ):
2[26]	dubitationes
2[30]	quam Milesias
3[32]	E, 420
3[40]	Leibniz'
4[5]	и какъ связи
4[32]	Clarke. G. VII,
5[34]	Joly
6[32]	log der
9[12]	отъ многихъ
9[23]	Сократѣ будетъ дана вмѣстѣ
9[31]	само также будетъ
10[15]	отрицательнымъ? Кромѣ того, отрицаніе
11[6—7]	къ чему я и клоню.
11[13—14]	и отношеніемъ къ
11[14—15]	оно касается вещи
11[23]	по отношеніямъ
12[5]	цѣлаго, то есть
12[23—24]	имѣетъ активное существованіе.
15[22]	значеніе (velificabitur) всякое право, бу-
17[34]	Прим. 2.
17[36]	509
17[37]	510.
18[32]	computandi
19[35]	Matthaeus
20[10]	кто будетъ копать
20[16]	бы ея
21[25]	не есть качество»
22[7—8]	въ ней замѣтны слѣды
23[21]	Эта.. теорема
23[22]	юристами... выводилась
23[23]	въ одно и то же время равномѣр-
23[24]	движеніемъ впередъ стремятся
23[28]	Вѣдь такъ какъ толчокъ
23[29]	продолженію линіи движущагося тѣла, то и линіи движущихся тѣлъ будутъ
23[33—34]	тѣла, конечно, не будетъ покоя, ибо есть движеніе и движеніе нѣсколькихъ тѣлъ въ ту же
24[1—3]	движенія и по продолженію какой нибудь изъ двухъ линій сталкивающихся тѣлъ. такъ какъ когда движеніе впередъ дѣлается равномѣрнымъ, то нѣтъ
24[5]	двигаться по той и
24[7]	мѣстахъ; движе-
24[8]	будетъ также идти
24[14]	AD произойдетъ
24[38]	2) D. IV Pars III.
24[40]	3) Ib. 118. Эта
25[23]	то нѣтъ и ощущенія
27[6]	ствами или
27[17]	есть единица
27[18]	отъ единицъ
28[9]	для соединеній
28[20]	или единицъ
29[2]	что «складываются

29[16]	словъ: „Est
30[33]	erunt
31[5—6]	слѣдовать либо по пятамъ нашего изслѣдованія, либо—въ толкованіи обнаруживающейся
31[8—9]	ко въ дѣлѣ опыта бываетъ такъ, что порядокъ познаванія и порядокъ природы совпадаютъ,
31[10—11]	отъ мышленія и нашего обнаруженія. Ибо цѣль и движетъ насъ среди обнаруженій,
31[15]	но цѣль логики есть простое
31[24—25]	вообще, а почти до сихъ поръ она заключается
31[37]	, замѣчаетъ
32[5—6]	или благосклонности и не нависти
32[27]	другому...
32[28]	Справедливое есть то, что полезно
32[16]	можно будетъ изложить
36[10]	основанію одного дѣленія
36[10—11]	по нѣсколькимъ данным дѣленіямъ
36[33]	согроге (безъ курсива):
37[1]	куда онъ относитъ
37[2]	онъ относитъ
37[22]	этими
37[24]	количества, а потомъ
38[10]	ученіе о соединеніяхъ
38[21]	ех IV
38[25]	модусы
40[16]	Глубочайшій изыска-
41[12—13]	буквами; удобнѣе всего будетъ считать.
41[16—17]	ли первоначальныхъ терминовъ
41[27]	первоначальные
42[4—5]	можно будетъ найти, если сохранены
42[7—8]	то. что высказутъ о его производномъ терминѣ, будетъ высказано и о
42[15]	Отсюда будетъ легко
42[24]	что все это
42[28]	ныя какъ бы
42[29]	императоръ, или даже
43[3]	посредствѣ теоремы
43[7]	слѣ говорится
43[7—8]	не доказываетъ,
43[8]	изложилъ общія мѣста
43[10]	одно общее мѣсто—
43[14]	матеріалъ, воспоминаніе о мѣстѣ
43[15]	начало мѣстъ
43[17]	Это
43[24]	изъ числа ученыхъ:
43[32]	прибавляетъ
44[3]	то это всеобщее
44[10]	; отъ этого происходитъ, что дѣло
44[11]	здѣсь противопо-
44[28]	понятій тутъ сводится
45[5]	будучи въ совокупности съ соединеніями иногда больше
45[10]	ихъ относительнаго
45[20]	Ponantur
45[29]	26 марта
45[31]	earundum (!)
46[7—8]	показываютъ, что Лейбницъ обладалъ большой способностью
46[32]	этого новаго анализа
47[5—6]	самъ обнаружилъ
47[6—8]	тогда объявлялъ, что великая аксіома—цѣлое больше части—доказывается путемъ силлогизма, большая посылка котораго была бы опредѣленіе, а меньшая
47[18—19]	что изъ этого A=A или A—A=0, во всякомъ слу-

чаѣ идентичнаго, которое
47²⁰ неважнымъ. происходитъ
47³¹ получатся
47³⁵ откуда очевидно будетъ
48⁵ юноша испытывалъ
48⁹ чиселъ. т. е. взятыхъ
48²⁷ суммы предыдущаго перваго ряда. суммы суммъ
49¹⁴ можно будетъ назвать
49¹⁶ можно будетъ назвать
52¹⁴ силу чистаго права
53²⁵ моими сомнѣньями
53²⁶ допустить такое преобразованіе
53³¹ Mémoire
53³⁵ nous
54³² отказывалъ
54³²—³³ или печали и привязанности, или въ
55⁷ степеней твердости
55³² Проспектъ философской
56¹ съ разсмотрѣнія существованія
56¹³ по предположенію, случайно былъ
56³¹ aliis sint
56³² нашелъ, что
57² отсюда тотчасъ сталъ
57⁶ ствіе, или отсутствіе гармоніи
57⁸ Отсюда слѣдовало, что Богъ не могъ
57¹⁰ въ тѣлѣ
57¹⁹ другого. Связность
57²⁰ почему связность
57³² чего мыслится
57³⁶ образомъ сопоставлено,
57⁴¹ Mémoire
58³ вида. твердости. связи
59⁸ впослѣдствіи
59¹⁹ выразиться
60¹⁰ 1668
60¹⁶ *Initia scientiae generalis*
60²¹ 2) L. Grote. Leibniz

61¹⁵ привычка, которую
61¹⁶ пріобрѣтенную, пребывающую готовность
61¹⁷ Она
61²⁸ Widmung
62¹—² къ переимчивости
62⁶ дѣйствія. которое оставляетъ
62⁸—¹⁰ въ смыслѣ величины. Множественно въ количествѣ то. что заключаетъ повторяемость дѣйствій; относится къ величинѣ количества, напротивъ то
63²⁹ приводимъ (безъ курсива) опредѣ-
63³⁶—³⁷ *de arte combinatoria*
64¹⁰ принадлежатъ
65²⁶ рять никакихъ тайнъ.
66² полагаютъ сущность; .... полагаетъ на-
66⁷ цѣлое, часть, порядокъ
66¹⁵ мыслить, хотя что
67¹⁴ можно объяснить всѣ остальныя
68³ коротко, но
68⁸ съ общей и священной
69¹² съ раціональными богословіемъ и психологіей и съ обоснованіемъ практической философіи
69³²—³³ обоснованіе практической философіи о
70²⁸ и другія свойства тѣлъ
70³¹ scientiarum
71²⁶ *virtus motrix*
72¹¹ *habitum*
73¹² относительно
73¹⁴ прекрасной .... чужихъ
74¹⁶ Элементы юриспруденціи имѣютъ
74³⁶—³⁷ *duplex principium. . . . rationem. scripturam*
75³⁶ относиться

75[40] Rechtsphilosoph.
76[9—10] т. е. то, что относится къ содержанію законовъ и расположенію титуловъ и субтитуловъ
76[31] Ib. 192.
76[35] филологіи...
77[8] разумъ
77[12] ства [2])
77[24] путемъ установленія текста, т. е.
78[3] воля высшаго
78[4] Тразимахъ...
78[5] или высшее по
78[11] совершенство дѣйствія.
78[17—18] котораго даетъ право на все. Отсюда извѣстное правило: живи честно.
78[20] что полезное публично
78[21] рода и міра, полезно и для
78[22] и что такимъ образомъ все
78[30] публику, до глубины разсѣетъ
78[35] Благо управленія состоитъ въ
79[24] практическую
79[36] librorum
79[38] Modus tractandi
79[39] Germanicus
80[29] заключается просто въ
81[20] κριτήριον
81[32] φροντίζουσιν
82[28] внѣ справед-
82[25] 1892. S. 9.
82[35] Drioux
83[5] Итакъ „право
87[26] разы даже когда
90[5] постояннаго сплошного сцѣпленія
95[16] Biog.
96[31] P. p. 50 etc.
97[8] Лейбница. «Рей
98[5] Не
98[6] «назвать
98[16] нѣчто, дѣйствительно разтакое будетъ какъ
98[17] надежда быть въ состояніи мало по малу проникнуть
98[28] фигура, а причина
98[35] которыхъ могло бы
99[1] стремился бы
99[2] расли бы
99[3] бѣгали бы
99[35] 10—11
100[32] αἰσθητὴ
101[30] αὐτὸ οὔτε τί οὔτε
105[33] движется».
106[35] εἶναι τοῦ τοῦ
107[8] была тѣлесной субстанціей
109[5—6] Всѣ же другія мы воспринимаемъ въ качествѣ такихъ, которыя могутъ существовать только
110[18] нами лучше, чѣмъ
110[21] матеріей
113[3—4] мы воспринимаемъ какъ то что можетъ слѣдовать изъ движенія
113[25] движенія
114[1] рыхъ
119[2] государства. по праву,
119[30] тексты (привожу ихъ безъ курсива:
119[32] obtinet
119[36] Iis
120[31] *Sors*
121[24] остальная наша
121[26—27] увеличили для насъ матеріалъ радости.
123[15] или также тѣлесная
123[37] *mens*
125[6] —то въ
126[27] интегральнаго
127[6] изъ той болѣе глубокой философіи,
127[8] то она и
127[9—10] вещей предоставила мнѣ до-

казательства,
12711 Нѣкоторыя
12718 устраненіе затрудненій
12834 не будетъ имѣть
12913—14 я допускаю большую посылку
12916 сами допускаете
12918 допуская меньшую посылку
13012 который также есть
13026 нѣчто, не имѣющее тринейности
13035 могутъ даже быть
1313 и тотъ, кто есть животное не есть
13118 реально, то есть до
13238 изъ себя
13421 мы такъ часто
13424 съ постепеннымъ прогрес-
13435 теоремы....
13436 изъ одного только языка
13439 всѣмъ...
13512 для многихъ, обработывающихъ
13526 Instauratio
13528 Трудъ
13531 счастливы
13532 будетъ истинная доктрина
13539 человѣчества будетъ устранена,
13617—18 Лейбницъ, нисколько не картезіанецъ; я принимаю
13628 комбинаторики
13786 utraque
13810 къ
13826 объ ея активномъ существованіи
13910 частей; тѣмъ самымъ,
13917 масса отъ вѣка сотворена
13918 формы твердо сродвиженія тѣлъ, слѣдуетъ
14331 14637 G. I, 26. У Эрдманна передъ началомъ приведенной латинской фразы есть вставка seu vident tantum. E. 54a.
14720—21 Лейбницъ просмотрѣлъ
14726 философіи иногда не совсѣмъ вѣрно.
14834 хотя въ другомъ мѣстѣ оно
15129 lung
15141 Briefes
15218 Kabitz
1538 въ
1539 Нравственная
15310 сочиненіе.
15311 „въ
1549 не пребываетъ по
15429 одного черезъ другое
15536 дѣлаютъ развѣ только
1565 и такимъ образомъ дѣйствовать
1568 по особой разумной основѣ акта непрерывно
15610 быть найдено различіе
15614 творитъ, дѣйствуетъ
15621—23 вещи, имѣющей въ себѣ принципъ дѣйствія, непосредственно на другую вещь.
15628—9 на третье, т. е. чтобы то, что соединено, было средствомъ пребывающей
15636 тѣло.
1585 соединено,
15811—12 о вещи, отрицательной въ себѣ)
15823 познаетъ
15831 нѣтъ размышленія 2)
1592 точекъ нѣтъ, иногда ни
1605 Его ума возможно также интуитивное познаніе
16032 ихъ, чтобы
16131 cit. 135
16133 Swalbacen-
16230 такъ какъ безконечное число разъ о есть о.
1635 „Начнемъ же, пишетъ онъ, излагать основанія

163$^{10-12}$ тѣло; именно согласно съ природой, ибо такъ мы хотимъ ограничить и слѣдующее, чтобы
164^{2} сопротивленіе, всякое
164$^{6-7}$ ними превосходнаго Гассенди
164$^{14-15}$ Это въ своемъ родѣ противъ и знаменитаго Дигби
164^{22} иного притяженія
164^{30} себя смежными
165^{24} линіи будетъ заключать противорѣчіе
165^{26} доказана
165^{33} противоположныхъ [1])
165^{38} другъ друга [2])
165^{40} Kabitz, Op. cit, 42.
166^{21} „сотрясаться неощутительно“
166^{24} „безконечное число разъ нуль
166$^{30-32}$ смыслъ: „покой не бываетъ чему нибудь причиной“, говоритъ Лейбницъ про тѣла въ состояніи инерціи, что особенно важно въ виду того, чтобы „чего нибудь не предрѣшалось о дѣйствіи душъ на тѣла“. Однимъ изъ
167^{5} что притяженіе есть
167^{23} текста“ [2]). Всѣ эти работы [3])
167^{31} 77—78 и, наконецъ, 30.
168^{16} (1)
169^{20} причиной злого
170^{23} вездѣ пребываютъ только виды ея или акциденціи
170$^{24-25}$ Христова присутствуетъ во всѣхъ мѣстахъ
170^{27} видовъ, или
171^{11} себѣ, или дѣйствуетъ
171^{30} акциденція, или
171^{33} акциденція, или видъ
171^{34} Все, что ни взято

173^{10} вопросовъ
173^{20} всѣ вопросы о здравой вѣрѣ
173^{32} мѣренъ безпрестаннымъ умноженіемъ причинъ на
173$^{33-34}$ такого безпрестаннаго умноженія
174^{1} значитъ это должно быть доказано изъ разума и исторіи, какъ и вообще
174^{12} знаніе выраженія тайнъ
174^{14} части даже не изъ тѣхъ, кто будетъ такъ думать,—
175^{1} не далъ и
175^{2} примѣнилъ“. [1]) Правила
175$^{3-4}$ „Каждый можетъ предполагать свои
175^{4} ничего въ нихъ не принимать,
175$^{8-9}$ точно можетъ подсчитываться и отсюда выводиться
175^{14} чего можетъ захлопнуться дверь и происходить
175^{16} противниковъ можетъ внимать другому
175^{32} слова вплоть до
175^{33} т. е. пусть государство объяснитъ, каково
175^{36} всегда нужно заботиться объ
176^{9} наиболѣе знаменитыхъ предложеній
176^{16} изъ историковъ все
176^{31} то пусть производится
177^{2} вводится противоположное основаніе
178^{10} Эта
178^{21} и ^{26} привилегіи
179^{38} 105)
179^{39} Гудену; послѣднему
181^{15} души отъ созер-
181$^{31-32}$ радости, а творчество (уже
181^{33} вымъ) происходитъ

18134—35 состоятъ безконечность всемогущества и всевѣденія.
18137 всемогущества
18210 „Дѣйствительность любви
18212—13 Любимъ, а что Богъ любимъ, это должно намъ дать, поскольку это въ нашей власти, Его познаніе
18216 Его
18219 Него
18230 къ Богу превыше всего
1838 создалъ разумныхъ тварей
18312 любовь къ Богу превыше всего, раскаяніе
18314 ютъ способности его ума, воспринималъ
18317 и другихъ тваряхъ
18317—18 кто, чтобы оттѣнить разнообразіе міра,
18332 Его
1845 есть послушаніемъ или
1846 вѣры, послушаніе
1847 лучше притворныхъ жертвъ
18524 изгнанію времени дорого—
18528 счастіе...
18735 только-что
1884 составляетъ здѣсь у
18830 но даже сравнительно съ Конспектомъ правовѣрныхъ доказательствъ лучшее свое выраженіе этотъ законъ, видимо,
1892 напримѣръ то, что взято изъ
1906 просовъ
1907 души
19015 была, кромѣ того, какъ
19111—12 что должно соотвѣтствовать теперь праву, а
19120 государства, каково
19121 это также бываетъ дѣломъ
1929 наукѣ, если путемъ
19210 падающихся въ немъ ошибокъ
19219 т. е. молвой, то
19285 est,
19238 possent ad hoc jure
1939 Лейбницъ
19316 обижать, или никому
19318 свое, или наставленіе
19429 (D.
19434 D. 5. 345
1965 serviens...
19613 способѣ выра-
1977 условіи примѣненія
19726 для моего воспріятія
19730 или промежуткѣ
19732 образомъ этотъ го-
19733 при этой рѣкѣ
19735 есть четъ-
1982 разрѣшающія цѣлое
1984 двѣ разрѣшающія или вновь образующія
1985 называется четнымъ (по опредѣленію четнаго,
1987 предложенное число
1988 оно—четъ
19826 не всегда тѣмъ
19920 вздумаетъ въ совершенствѣ написать элементы
20021 денныхъ имъ, какъ онъ полагалъ, заново
2012 основательнымъ
20111 которымъ въ разныхъ мѣстахъ пользуются
20131 чѣмъ теперь Ѳома
202 30—31 которыя здѣсь насутся, или общая
20318 не бываетъ
20321 нѣкоторое свѣтлое, дрожащее, тонкое
20325 опыту. Такъ; мы это допускаемъ и вѣримъ, въ силу мо-
20333 же, или во
2043 (3): Все, что ни
20412 такъ какъ по
204 20—21 Значитъ, на практикѣ нужно принимать, что огонь

таковъ,—каковъ бы онъ ни попадался, или что всякій данный огонь обожжетъ, а это и было

20428 себѣ ничуть не

20430 и мы по одной только индукціи въ

20521 существъ... Вообще

20721 (либо уже есть

20725 знаніе

20729 если бы онъ существовалъ.

20830–31 абстрактное разныхъ категорій можетъ быть для себя взаимно родомъ... Нѣтъ! Конкретное качествъ не

20832 субстанцій

2091 письмо, написанное имъ къ

2093 Низолія о Платонѣ

21134 Jugend

21135 verlreteten

21139 Realismus

21137–38 комментируя смыслъ этого выраженія, подчеркиваетъ дальнѣйшія слова Лейбницы:

2143 быть понимаемо ясно

21524 путемъ постановки ряда

21530 оно не таково, что одно благо другому

2169 что бы ни было желательно

21621 изъ мысли о чужомъ благѣ,

21735 свою тщетную философію

21829 есть...причины

2191 это предположить

2193 опирались на чувство"...[1] Этого нельзя узнать изъ

21955 несовершенно

21966–7 судить о соотвѣтствующемъ движеніи по факту или по даннымъ обстоятельствамъ. [2]

21920 положенія, или безъ

21927–28 бываютъ предшествующими и послѣдующими (или количество, взятое съ

21930 (или нѣчто

21934 бываютъ предшествующими и послѣдующими.)

22010 и положеніе частей вмѣстѣ

22022 то, что сопротяженно пространству

2214 упражненіе мощи

22216,8 и 12 всякая мощь тѣла

22118 было вывести изъ

22129 въ мощи. Упражненіе въ мощи

22130 отъ мощи къ

22131–32 Мощь всякаго тѣла содержится въ сущности тѣла.

22132 Мощь (или

22134 есть мощь существованія

22135 теперь). Мощь существованіе тѣла есть

22216 страданіе

22220–21 себя, либо если ранѣе не было движенія, либо если

22231 мощи къ существованію. Мощь принадлежитъ

2231 какъ мощь есть

2233 имѣть мощь существовать

2234 Упражненіе мощи существовать въ

2236 въ тѣхъ же самыхъ пространствахъ.

22313 2)...

22322 имѣть мощь и

22338 Kabitz утверждаетъ, что Лейбницъ опирается здѣсь на Аристотелевско-схоластическую теорему. Ор.

22339 68.

22427 жизнью, или съ

22527–28 у вещей, когда на нихъ при открытыхъ глазахъ смотритъ бодрствующій

22529–30 сужденіе или размышленіе и сознаніе о прошломъ

22532–33 дѣлаемъ изъ-за перемѣны,

когда паче встрѣтился образъ, но что во снѣ только тогда имѣетъ мѣсто сужденіе,

226[1—2] которое цѣликомъ, возвра-
226[4] безъ сужденія. [щается
226[5] мы теперь о нихъ
226[6] вмѣстѣ съ образами
226[18] образовать идею даже
226[19—20] читалъ уже какъ бы готовыми и
226[22] спитъ,
26[25] книги, сборища, дома
226[32] мы не помнимъ того, что
227[11] изъ перерыва пред-
227[13] стью, а иногда
229[9] истинномъ образованіи, я говорю, истинномъ, которое
229[11] бульваровъ цѣнителей въ
229[13] самыя главныя сочиненія
229[22] только опредѣленій терминовъ
229[23] элементахъ, мнѣ кажется, я обнаружилъ
229[25] не было изложено;
229[28] но вытекаютъ случайно
229[33] есть особенныя разсужденія
230[5—6] посредство какихъ-то ато-
, мовъ..., а по простому и почти
230[27] рѣйшее тѣло въ продолженіи одного момента стремится
231[19] Для этого опредѣленія, говоритъ
231[25 и 26] за нераздѣльное
232[30] ты не откажешься
233[10] занятіями. «Будучи перенесенъ какъ бы въ чуждый міръ, velut peregrinum in
233[20—21] считаю доказанной ясно.
233[23—24] движеніе, направленное противъ того, что ударяетъ, а ударъ не
233[29] либо испытываетъ препят—
233[32] рой здѣсь вообще
233[36] 3) Далѣе Лейбницъ
233[37] 28-ой
234[12] усилія частей, или дви-
234[13—14 и 23] то, что давитъ другъ друга. находится
234[16] же или границы
234[19] только смежно, но
234[24] А давитъ это
234[25] еще въ чемъ либо существующаго
237[10] можетъ
237[13] сущее или одно тѣло. но будучи поставлено, такъ сказать, въ состояніе
237[16] углы на-
238[5] предположивъ разныя корпускулы
238[7] корпускулы пребываютъ и
238[21] чтобы связать свои
238[23] объяснить составъ и твердость самыхъ
239[24] движенія, или
239[27] то слѣдуетъ, что уже въ
240[13] наступать въ ширину или глубину, то если будетъ наступать болѣе
240[16—17] многу распасться связь колонны, и то и другое, по превращеніи въ песокъ безъ
240[18] чистыя точки пространства, въ которомъ находятся,— точки безъ
240[19—20] безъ поверхностей); если же—
240[21] колонны, которую унесло бы у
240[30—31] присоединеніемъ постоянной помощи сверхъ порядка.

240$^{33-35}$ что имѣется свободное отъ тѣлъ пространство; потомъ, что имѣется свободное отъ движеній время, или выражаясь

240$^{36-37}$ нибудь данное прямое движеніе всегда было порождаемо другими движеніями сзади во

241^{2} будучи, я надѣюсь, ясно

241^{3} уступить въ вѣрности

241^{13} Что

241^{15} ее„ не

241^{25} земли, движеніи, противоположномъ круговому движенію земли

241^{28} это до того, что

241^{32} есть напряженіе мускуловъ

241^{33} такъ какъ мы не въ силу годности частной

241$^{34-35}$ но благодаря усилію всей системы производятся такія

242^{2} и переполненную эфиромъ.

242^{4} подняться въ

243^{18} писалъ Шпенеру

244^{28} «Недавно и я

245^{8} этого будетъ слѣдовать

245$^{22-23}$ открытые входы подъ его напоромъ затворяются

246$^{28-30}$ жить для того, которое, полагаемъ мы, самымъ лучшимъ образомъ должно объяснить на этой сценѣ міра богатство тѣлесныхъ качествъ и измѣненій. Я написалъ

249^{4} гдѣ бы это ни произошло, вездѣ

250^{13} быть чисто попустителемъ

251$^{24-25}$ поскольку Богъ сообразуетъ себя ради самой идеальности

252$^{11\text{ и }21}$ Bedenkens

253^{34} E. F. Bnd.

254^{17} открытая теперь основа

254^{24} наконецъ, кромѣ всего

255^{5} (4) Толкаетъ цѣлое то

255^{7} (5) толкаетъ часть.

255^{8} получаетъ толчки или

255$^{11-12}$ центръ толкающаго тѣла или линія удара отъ движимаго тѣла.

255^{13} мѣсто удаляющагося. Отсюда

255$^{17-18}$ то прямая, сдѣланная изъ наклонной, протяженной обратно» [1]).

255^{23} одной будутъ двигаться другія.

255$^{26-27}$ если продолженіе сдѣлано произвольно, или по себѣ хотя-бы не имѣлось въ виду

256^{10} чтобы не слѣдовало, что

256$^{30-31}$ предложена, развѣ по

256^{34} чтобы мыслились нѣкоторыя

256^{36} Anglus“.

257^{8} 11 марта

257^{9} не раздѣлено никакими моментами покоя

257^{19} что даже когда перестанетъ

257$^{20-21}$ будетъ стремиться и поэтому будетъ стремиться двигать

257^{26} А, и онѣ встрѣчаются, то въ

257^{28} прекращено потому, что конецъ

257^{31} И будетъ то же самое, хотя бы

258$^{11-14}$ усиліе на одинъ только ударъ, но въ ту самую часть пространства, которая не можетъ быть дана или состоитъ въ точкѣ, хотя отношеніе точки тѣла... къ точкѣ пространства, которое она наполняетъ движеніемъ, есть то же, что отношеніе

	угла касанія къ
25817	движется даже въ
25826 29 30 и 35	или
25839	какъ если два
2599	чувства, и безъ чего не бы-
	ваетъ чувства. для удо—
25911—12	гармонія). Значитъ
25921	съ начала предполагается
	возрастающимъ
25923—24	мгновеніе одна его неимѣ-
	ющая разстояній часть бы-
	ла прежде другой...
2601	Отсюда безконечно малая
2604	кругомъ или въ
2608	касанія и
26017	то оно не дѣйствуетъ.
26026 32 и 38	или
26033	если безконечно малая дуга
26035	на безконечно малой пря-
	мой
26036	движеніе на прямой
261 2—3	ударъ отъ взаимности пре-
	кращается, или выбирается
	третій, посредствующій, ес-
	ли таковой
2614	скорости усилія...
26111-12	одно съ основаніемъ 20, за-
	виситъ отъ того важнѣйшаго
	принципа
26116	либо у того или другого,
26134	или если
2625 9 и 12	или
26225-26	отъ сгибанія прямой по
	мельчайшимъ частямъ.
26514	движеніе; волненіе эфира
26515	прямолинейно - летящимъ
	отъ солнца частицамъ
26535	facie
26711-2	бо́льшемъ, человѣкъ про-
	ницательный соотвѣтствен-
	но увидитъ въ срав-
26715-16	Аристотеля, Декарта и Гас-
	сенди, мнѣ-
2687	новленіе растянутыхъ тѣлъ
26911	Различныя усилія, смѣшан-
	ныя между
26912	minima) производятъ
26929	чувства... то
26936-37	важныхъ явленій, которыя
27037	отсутствіи спеціальной си-
	лы
27131	Лейбница
27232	Benennung
27236	handgreiflich
27323	5)
27617	Если тѣла для
27618	не имѣютъ
27619	они могли бы ощущать
28218	общемъ—морально
28735	σῶς
29115	движенія или точкѣ
29232-33	разрушенъ... Тогда
29417	физи-
29440	interpositio.
29520	либо понять въ
29536	опытѣ и,
2963	по лѣднему, написанномъ,
	вѣроятно, тоже въ маѣ 1671
	года, Лейбницъ
2969	мнѣ дѣйствительно кажется
29617	вленъ совѣмъ другой
29625	который могъ бы похва-
	статься, что
29626	медицинѣ сокрыто много
29633	Цезаря Скалигера
29635	Аристотель, хотя кромѣ
29636	людей онъ самый доказа-
	тельный.
2981	вы... называете
2988	вы...
29815-16	есть ничто иное какъ обык-
	новенное пространство
29825	folgt», добавляетъ Лейб-
	ницъ. G. I. 98.
29833	серединѣ этого нашего
2997	міровыхъ силъ». 1)
3008	Фридриху (Kr. Kat. 71 w.
	X nach. 12)

300[11] указъ
300[11] и болѣе серьезной
300[25] открыть, установивъ методъ.
300[30] движется и что дано пустое пространство, доказалъ путемъ
301[4] причину. . .почти
301[18] труда. . .позволяетъ
302[29] весьма. . .различными
303[12] выражается намекъ на прославленную Кантомъ идею, что
304[1] Я
304[3] „нѣтъ
304[22] актуально раздробляется и
304[30—31] тѣло и что пространство есть тѣло, вопреки
305[21] законъ...
305[32] слѣдующихъ
306[2] къ дѣлу. Я
306[26] быть понятно, такъ
306[27] и допуская ошибку
307[12] вступаетъ
307[20] что это есть ничто иное какъ видъ
307[31] явленіе
307[35] объ ощутимыхъ,
308[2] при прекращеніи и
309[6] что бы я ни мыслилъ
309[30] что бы ни воспринималось
309[31] что бы непосредственно ни чувствовалось,
309[31—32] что бы умъ ни чувствовалъ въ
309[35] онъ увидѣлъ бы
310[12] объяснено; также и
311[27] замѣтку,—по Кр. Кат. дата замѣтки: w 71. Ende (nach 69 IV v 72)—
312[13] не указалъ эту
315[3] мыслей Лейбница
316[15] тѣло нѣкогда можетъ
317[3] мѣстѣ, построила ступень
318[10] отдыха отъ мышленія
318[25—26] иногда въ опредѣленное время своего усилія бываетъ
318[26—27] пространства, или части пространства большей, чѣмъ она.
318[28] отъ безконечности времени
319[6] вѣрнѣе
319[7] справедливости
319[20] съ волей или
319[31] Бога, основу всеобщей
319[34] Если бы многіе мѣшали себѣ въ помощи
319[36] при столкновеніи (ceteris
320[6] помогать имѣетъ значеніе не
320[18] цѣломъ цѣнность его
320[23—27] ибо соединеніе приноситъ пользу. Первый и въ покоѣ богатѣетъ, а послѣдній и въ трудахъ проигрываетъ. Значитъ, когда нужда въ двухъ одинакова, всегда долженъ быть предпочитаемъ болѣе мудрый, а если и это кажется для обоихъ одинаковымъ, то
321[6—8] автора. И со всѣхъ сторонъ, чему ты могъ бы подивиться. свято обѣщано согласіе». [1])
321[22] я, наконецъ, счастливо
321[29] быть понято дѣйствіе
322[23] conditionibus
324[24] себя или
324[25] ствіемъ и
325[34] мы обнаруживаемъ другъ
326[2] или добры
326[11] худшій» [1]).
326[26] 267—268.
326[35] 268—269.
327[12] дѣйствуетъ до конца на
327[29] ее, либо по числу, либо—что самое трудное, по
328[22—23] природѣ“ значитъ нельзя,

чтобы нѣчто можно было мыслить ясно до другого во времени, а не то,

32^{28} но дѣйствіе по

32^{828} страдательности

32^{916}—^{18} то, чтобы потомъ вещь познавалась даже безъ тягости длиннаго опредѣленія и труднаго доказательства". [2])

32^{935} Лейбница

33^{03}—^{4} что понять только одну вещь никто не можетъ, кромѣ

33^{09} „Забава или удо-

33^{013} чего понимается ясно

33^{022} Разнообразіе забавляетъ, но тогда, когда оно

33^{026}—^{31} различается по тѣнямъ; а пѣніе по диссонансамъ, подконецъ приведеннымъ къ гармоніи

33^{14} насмѣшкамъ атеистовъ

33^{124} года (Кр. Кат. w 71)

33^{536} предвидѣно. Онъ предвидитъ это заранѣе, значитъ это иначе невозможно, это должно случиться. Должно

33^{611} должно случиться

33^{612} можетъ быть неисполненнымъ.

33^{626} быть иначе

33^{85}—^{6} „о чемъ Богъ думаетъ, что оно случится, то

33^{89}—^{10} образомъ тотчасъ заключатъ

33^{818} что случится, то

33^{820} потому, что случится

33^{824}, ^{26} и ^{30}—^{31} предвидѣно Богомъ

33^{915} былъ наклоненъ ни

33^{917}—^{18} волѣ. Теперь, если ты не хочешь грѣшить, то ты не будешь грѣшить, ибо грѣхи состоятъ только въ волѣ; спящій, опъяненный, если въ нихъ нѣтъ воли не грѣшатъ; если же ты не грѣшишь, то ты

33^{919} же наклоненъ къ

33^{920} наклоненъ ты

33^{921} на ошибку, ни

33^{925} Почему не далъ

34^{04} ни однимъ словомъ большей

34^{05}—^{6} отчаяннымъ, во вѣки проклятымъ и проклинающимъ? Тутъ

34^{026}—^{27} обстоятельствъ съ момента творенія требовала, чтобы Ева

34^{033} straffe

34^{114}—^{15} въ Божьей власти

34^{117} оставались

34^{29} то можно было бы

34^{226} какъ это называютъ

34^{34} и выводятъ отсюда

34^{417} обо всемъ

34^{520} въ моемъ мышленіи

34^{634} и ^{36} В. Серебренниковъ

34^{636} большею

34^{77} учитель—рег

34^{718} года (Кр. Кат. w 71)

34^{781} Notwendigkeit

34^{816} юриспруденціи... Въ

34^{816} установлены предло-

34^{833} [1]) D. V, 181.

34^{97} исправленный

34^{98} съ того времени добавленныя открытія

35^{019} случаются въ мірѣ внѣ

35^{039} теоремы

35^{13} чудесъ, видовъ; исторія

35^{127} разума. Проблемы это предложенія либо общія, либо частныя, практически взятыя также изъ чувствъ и разума Теперь

35[21]	функцій тѣла, допускается въ существованіи	40[928]	сить и взвѣшиваетъ
		40[934]	celle ci
35[230]	потокѣ идей	41[09]	уловить [1])
35[234]	964. w 71.	41[018]	Выраженное
35[636]	Ib. 178—179.	41[021]	«есть»
35[838]	Ib. 130.	41[085]	Ib. 101. По объясненію Лейбница уловить (decipere) значитъ scienter aliud, quam cogitamus, significare
35[920]	гармонія		
35[921]	«возвышается		
36[79]	Definitio justitiae universalis		
36[728]	усиліе й которое иногда бываетъ смутнымъ.	41[111]	напр., всякій человѣкъ есть животное или если
36[921]	есть средство для предложеній	41[416]	черезъ разрѣшеніе
		41[420]	объ условности
37[929]	непрерывнаго	41[129]	могутъ быть исполнены
37[933]	тѣлъ, не подвергающихся	41[29]	19, 20 и 21
38[228]	дома вызывается людской пріязнью	41[215]	единымъ, многое же имѣетъ части
38[924]	какъ	41[225—26]	прямолинейный уголъ съ другимъ прямолинейнымъ угломъ
39[929]	начало		
40[020]	phaenomenorum		
40[28]	разсматривая ихъ	41[324]	то присчитывается къ
40[622]	E. IV.	41[413]	«состоитъ въ качествѣ или знакѣ и въ
40[77]	предложеніе...	41[529]	sitne
40[77]	такое:...	41[67]	чтобы мочь, тотъ уже можетъ
40[79]	предложеній какъ бы матеріи	41[68—9]	условіе еще взвѣшиваетъ, или еще не появлялось.
40[731]	обѣщать не	41[721]	чистымъ. Эти виды
40[818—19]	По основанію дѣйствія логическое условное	41[822]	кажется, что дѣло не
40[825]	прибавляютъ, то	41[835]	возвратимымъ...
40[828]	дѣйствіе...	41[919]	болѣе»
40[918]	или оправдывается толкованіемъ	42[95]	Ritter—395. 396.

